

INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE

**CASE CONCERNING
APPLICATION OF THE INTERNATIONAL CONVENTION FOR THE SUPPRESSION
OF THE FINANCING OF TERRORISM AND OF THE INTERNATIONAL
CONVENTION ON THE ELIMINATION OF ALL FORMS OF RACIAL
DISCRIMINATION**

(UKRAINE V. RUSSIAN FEDERATION)

**COUNTER-MEMORIAL ON THE CASE CONCERNING APPLICATION OF THE
INTERNATIONAL CONVENTION FOR THE SUPPRESSION OF THE FINANCING
OF TERRORISM**

SUBMITTED BY THE RUSSIAN FEDERATION

**VOLUME II
(ANNEXES 2 - 38)**

9 AUGUST 2021

The Annexes contained in this Volume are either true copies of the original documents referred to in the Counter-Memorial, or translations (marked accordingly) from their original language into English, an official language of the Court, pursuant to Article 51 of the Rules of Court.

Pursuant to Article 51(3) of the Rules of Court, some translations are confined to parts of the annexes, as indicated at the beginning of the respective annexes. In further compliance with this Rule, the Russian Federation has provided two certified copies of the full documents in their original language with its submission. The Russian Federation stands ready to provide more extensive partial translations or a complete translation of submitted documents should the Court so require.

TABLE OF CONTENTS

VOLUME II

- Annex 2 Expert Report of Major General V.A. Samolenkov, 8 August 2021
- Annex 3 OSCE SMM, “Spot report by the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), 5 September 2014: The Situation in Mariupol”, 5 September 2014
- Annex 4 OSCE SMM “Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 17 September 2014”, 18 September 2014
- Annex 5 OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM) based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 27 October 2014”, 28 October 2014
- Annex 6 OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM) based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 11 January 2015”, 12 January 2015
- Annex 7 OSCE SMM, “Spot report by the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), 22 January 2015: Shelling Incident on Kuprina Street in Donetsk City”, 22 January 2015
- Annex 8 OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM) based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 3 February 2014”, 4 February 2014
- Annex 9 OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 10 February 2015”, 11 February 2015
- Annex 10 OSCE SMM, “Spot Report by the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM): Shelling in Olenivka”, 28 April 2016
- Annex 11 OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 6 September 2016”, 7 September 2016
- Annex 12 OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine, based on information received as of 19:30, 9 October 2016”, 10 October 2016
- Annex 13 OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine, based on information received as of 19:30, 11 October 2016”, 12 October 2016
- Annex 14 OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 28 October 2016”, 29 October 2016

- Annex 15 OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM) based on information received as of 19:30 (Kyiv time), 6 November 2016”, 7 November 2016
- Annex 16 OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 29 January 2017”, 30 January 2017
- Annex 17 OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 30 January 2017”, 31 January 2017
- Annex 18 OSCE SMM, “Thematic report, Hardship for conflict-affected civilians in eastern Ukraine”, February 2017 (excerpts)
- Annex 19 OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 3 February 2017”, 4 February 2017
- Annex 20 OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 5 February 2017”, 6 February 2017
- Annex 21 OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 16 February 2017”, 17 February 2017
- Annex 22 OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 17 February 2017”, 18 February 2017
- Annex 23 OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 24 February 2017”, 25 February 2017
- Annex 24 OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 28 February 2017”, 1 March 2017
- Annex 25 OHCHR, “Report on the human rights situation in Ukraine 16 November 2016 to 15 February 2017”, 15 March 2017 (excerpts)
- Annex 26 OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 1 March 2017”, 2 March 2017
- Annex 27 OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 2 March 2017”, 3 March 2017
- Annex 28 OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 7 May 2017”, 8 May 2017
- Annex 29 OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 18 June 2017”, 19 June 2017
- Annex 30 OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 13 July 2017”, 14 July 2017

- Annex 31 OHCHR, “Report on the human rights situation in Ukraine 16 May to 15 August 2019”, 17 September 2019 (excerpts)
- Annex 32 AIP (Aeronautical Information Publication), Russian Federation, GEN 3.1 “Aeronautical information services of the Russian Federation”, 22 August 2013
- Annex 33 AIP, ENR 3.1.1 “International airways of the Russian Federation”, 26 June 2014
- Annex 34 Telegram from the Southern Interregional Territorial Department of FATA, 12 July 2014
- Annex 35 Submission of a NOTAM to the Federal State Unitary Enterprise “State Air Traffic Management Corporation of the Russian Federation” for Issuance, 16 July 2014
- Annex 36 NOTAM V6158/14, 16 July 2014
- Annex 37 Main ATM Centre: Information on Flights JAI119, SIA323, KZR904, SIA25, AUA659, UAE242, UDN703, flying on 17 July 2014, 17 July 2014
- Annex 38 Ruling on the provision of the results of operative search activities to the body of inquiry, investigator, or court, Criminal Case No. 201/837072-14, 26 March 2020 (excerpts)

Annex 2

Expert Report of Major General V.A. Samolenkov, 8 August 2021

Translation

INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE

**CASE CONCERNING
APPLICATION OF THE INTERNATIONAL CONVENTION FOR THE SUPPRESSION
OF THE FINANCING OF TERRORISM AND OF THE INTERNATIONAL
CONVENTION ON THE ELIMINATION OF ALL FORMS OF RACIAL
DISCRIMINATION
(UKRAINE v. RUSSIAN FEDERATION)**

Expert Report of Major General Valery Alexeevich Samolenkov

Table of Contents

I.	Introduction	4
A.	Qualification.....	4
B.	Assignment.....	4
C.	General remarks	5
II.	Shelling of the section of Road H-20 near the Buhas checkpoint of Volnovakha on 13 January 2015....	7
A.	Operational situation in the area, including the military significance of the checkpoint and adjacent territory 7	
1.	The operational situation in the area	7
2.	Analysis of intercept evidence	12
3.	Significance of the checkpoint and adjacent territory	18
B.	General Brown’s conclusions concerning the launch site of the attack	24
1.	Determination of range based on crater analysis	24
2.	Interim conclusions regarding the crater inspection data.....	27
3.	Analysis of the ellipse of dispersion	27
C.	Conclusions about the originating location of the shelling	31
D.	General Conclusions	31
III.	Shelling at the Vostochniy micro-district of Mariupol on 24 January 2015	33
A.	Operational situation in the area of the shelling.....	33
1.	Positions of the parties in and around Mariupol	33
2.	Conduct of hostilities in the area of Mariupol and the DPR’s announced intention to capture Mariupol.....	36
3.	Analysis of the intercepted conversations.....	40
B.	General Brown’s conclusions about the originating location of the attack	42
C.	General Brown’s conclusions about the purpose of the attack.....	46
1.	Possible targets	46
2.	The possibility of targeting errors.....	52
3.	Avoidance of civilian targets	53
4.	The weapon system used	55
D.	General conclusions	57
IV.	Shelling at the Residential Areas and the Airfield of Kramatorsk on 10 February 2015.....	58
A.	Potential targets in and near the city	58
1.	Military objects at the Kramatorsk airfield and in the city	58
2.	Military objectives in the residential areas of Kramatorsk	60
B.	Parameters of the weapon system used	62
C.	Targeting considerations	63
D.	Damage to residential areas of the city	63
1.	Number of rockets	64
2.	Direction of fire	64
3.	Range of fire	67
4.	Possibility of errors.....	67
5.	Alternatives not to jeopardise the city.....	69
E.	General conclusions	71
V.	Shellings that affected Avdiivka in late January–early March 2017	73

A.	Introduction.....	73
B.	Context of hostilities near Avdiivka.....	73
1.	Situation in Donbass in autumn-winter 2017.....	73
2.	Situation in Avdiivka in winter 2017.....	75
3.	Conclusion.....	80
C.	Conclusions made by General Brown in his Report	80
1.	General Brown’s conclusions on distances to possible targets	81
2.	General Brown’s conclusions as to the lack of military targets	84
3.	Findings concerning the inaccuracies of the data on particular shellings provided to me	95
4.	Conclusions.....	111
D.	The pattern of attacks at Avdiivka	111
E.	Shelling of Donetsk, Spartak, Yasynuvata, Kruta Balka and Makiivka.....	112
F.	Response to the General Brown’s conclusions	114
1.	The choice of weapon systems	114
2.	Proximity to military targets	114
3.	The adjustment of fire.....	115
4.	Proximity of Avdiivka to the contact line.....	115
	Addendum 1. Open sources regarding the activities of the Kyiv-2 battalion	117
	Addendum 2. Military targets in Avdiivka	121
A.	The movement of military equipment in Avdiivka	121
B.	Military position near Vorobyov Street.....	130
1.	The military use of Vorobyov Street by the UAF.....	130
2.	The presence of military equipment at Vorobyov Street in January-February 2017.	131
C.	The UAF positions at 13 and 15 Molodizhna streets	141
D.	The UAF positions at Zavodska Street.....	144
	Expert’s Declaration.....	148

I. INTRODUCTION

A. Qualification

1. My name is Valery Alexeevich Samolenkov. I am Major General in the reserve, and I hold the position of senior lecturer at the Department of Missile Forces and Artillery of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation. In 2000, I was awarded the academic degree of Candidate* of Military Sciences, and since 2001, I have held the academic title of Associate Professor. My relevant experience includes the following:
 - a) In 1975, I graduated from the Leningrad Artillery School majoring in “Command and Artillery” in the military rank of Lieutenant. Then I studied at the Mikhaylovsk Artillery Academy and graduated from it in 1986 majoring in “Command and Staff, Operations and Tactics”. In 1996, I also graduated from the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation majoring in “Command and Staff, Operations and Strategy”.
 - b) I served in the Armed Forces of the Russian Federation in various artillery formations. During my service in artillery detachments, I planned and conducted combat training. When I served at the command bodies of missile troops and artillery (MT&A), I planned operational and combat training and conducted exercises, training, and other operational preparation of MT&A formations. I have experience in directing the use of various artillery systems, including multiple launch rocket systems (“MLRS”), including BM-21 “Grad”, BM-27 “Uragan”, BM-30 “Smerch”.
 - c) I have around 20 years of experience teaching how to direct missile strikes, artillery fire, planning fire damage, and assessment of the efficiency of artillery attacks.

B. Assignment

2. I have been asked to give my expert opinion before the International Court of Justice in the pending case “*Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination before the International Court of Justice (Ukraine v. Russian Federation)*”. I have been asked to assess the circumstances of the following shelling episodes: (1) shelling on 13 January 2015 near the Buhas** checkpoint; (2) shelling on 24 January 2015 on the outskirts of Mariupol; (3) shelling on 10 February 2015 in Kramatorsk; (4) several shellings of the frontline town of Avdiivka between late January 2017 and early March 2017. I have been also asked to assess the conclusions on the objectives of these shellings that Lieutenant General Christopher Brown (“General Brown”) reached in his Expert Report of 5 June 2018 (“Brown Report”).
3. More specifically, I have been tasked to:
 - a) assess, to the extent possible based on the limited information provided, the military circumstances relevant to each shelling;

* Translator’s note: equivalent to a first level doctorate degree in countries with a two-tier system of doctoral degrees.

** Translator’s note: to avoid confusion and for the Court’s convenience, names of Ukrainian residential settlements and full names of Ukrainian nationals are spelled as if they were translated from Ukrainian into English, even though this Report was originally prepared by General Samolenkov in Russian.

- b) express my opinion on the weapon likely used and possible launch sites;
- c) assess the completeness of evidence presented by Ukraine and determine whether the evidence supports the relevant conclusions Ukraine makes;
- d) comment on the conclusions on the shellings reached by General Brown.

C. General remarks

4. My analysis is based on the materials submitted by Ukraine to the International Court of Justice, open source materials (including news articles, intercepted conversation published online, posts on social media, NGOs' reports, official documents or their translations into Russian) provided to me by the Saint Petersburg Law Firm "Ivanyan & Partners". I presume that these materials are accurate unless otherwise expressly stated in this Report. I have also studied the Expert Report of A.A. Bobkov ("Bobkov Report")¹ and presume that the conclusions made therein are accurate.
5. I confirm that all matters, in respect of which I have opined, are within my competence and professional military knowledge. The majority of the views expressed in this Report are limited to the area of my expertise, which is the use of artillery weapons. However, my general military experience also allows me to comment on issues not directly related to the use of artillery (e.g. the planning of military operations, combat actions, the use of tanks).
6. Although I do not have forensic expertise, I would be in a much better position if I were provided with the fragments collected from impact sites, full photographic and video materials of the impact sites and all other relevant materials of the Ukrainian criminal investigation. As I explain in greater detail below, the lack of these materials impedes proper assessment of certain allegations made by Ukraine.
7. I have not been provided with Ukraine's military records in relations to the units and military materiel in the areas of the shellings. In particular, I would expect to see such documents as decisions of commanders, combat orders and instructions (that would disclose their intentions, tasks of military operations of the troops of the Armed Forces of Ukraine)². I would also expect to see combat reports, books of received and issued instructions, record books of military operations, and other records that would disclose the results of the use of forces. Besides, plans of military operations, operational maps of military officials, instructions on military supplies would be beneficial for the analysis of the military situation. As I explain below, such records would facilitate my analysis of the military situation, including possible targets and reasons for the shellings. Without seeing these records, I have used various open sources shown to me as well as the Bobkov Report in order to establish the context of the relevant events.
8. I have studied the materials from Ukraine's investigations and other materials that have been provided to me and that I understand to be put in evidence by Ukraine. I note that the data is often fragmentary and sometimes inconsistent as between various sources. However, I have

¹ Commenting on the satellite images, I express no personal view and rely on the conclusions contained in the Bobkov Report, as I am not an expert in analysing satellite imagery. Mr Bobkov has also prepared the illustrations included in this Report as Figures 1–3, 13, 14, 20, 21.

² By the armed forces of Ukraine (UAF), I mean not only the army, but also other armed units participating in the hostilities. As I understand it, they are also called "ATO forces" ("ATO" stands for "anti-terrorist operation").

generally assumed that the materials provide a faithful representation of the relevant circumstances, unless I expressly point to inconsistencies and lacunas in these materials.

II. SHELLING OF THE SECTION OF ROAD H-20* NEAR THE BUHAS CHECKPOINT OF VOLNOVAKHA ON 13 JANUARY 2015

A. Operational situation in the area, including the military significance of the checkpoint and adjacent territory

1. *The operational situation in the area*

9. I note that General Brown does not consider the operational situation in the area near the Buhas checkpoint on 13 January 2015. In my view, an assessment of the potential reasons for the shelling and the purpose of the attackers cannot be made without consideration of the wider context.
10. I have not been provided with any primary documents concerning the composition, deployment of Ukrainian troops and their tasks in the area around Volnovakha and Dokuchayevsk. These documents could assist in understanding the operational situation in the area of the shelling. In particular, it would be helpful to see the orders and instructions received by the Ukrainian units in the vicinity of Dokuchayevsk, because this would likely enable me to assess their exact location and movement in the territory around the checkpoint as well as to the west and north of Dokuchayevsk. It would also be important to see the situation and activity reports of those units to understand the nature and geography of the military operations on and around 13 January 2015. Without this information it is very difficult to hypothesise as to the possible causes of the shelling.
11. This being said, after examining material and open source information, there appears to be no doubt that active hostilities were going on across the contact line in the vicinity of Dokuchayevsk in January 2015. It appears that the line of contact went to the north and northeast of Novotroitske at a distance of 14–15 km from the Buhas checkpoint.³ I believe that the town of Dokuchayevsk (around 19 km from the checkpoint) was the nearest residential settlement controlled by the militia at the time, while it was possible to enter the DPR⁴ territory via Olenivka (further along highway H-20 about 25 km from the Buhas checkpoint). As I will describe below, both residential settlements appear to have suffered shellings coming from the opposite side of the conflict.⁵
12. The situation in the area of Dokuchayevsk was tense at that time. It appears from various open sources referred to below that the UAF repeatedly attacked the militia's units in that area, with Dokuchayevsk regularly shelled as well.

* Translator's note: Road N-20 («дорога Н-20» in Russian and Ukrainian), where "N" («H» in Russian and Ukrainian) stands for "national". Since the road is referred to as "H-20" in a number of documents submitted to the Court, including Ukraine's Memorial, this term is used in this translation as well for the sake of clarity.

³ Bobkov Report, Figure 23; Information and Analysis Center of the National Security and Defence Council of Ukraine, "The Situation in the Eastern Regions of Ukraine – 13.01.15", 13 January 2015, <http://mediarbo.org/2015/01/13/the-situation-in-the-eastern-regions-of-ukraine-13-01-15/?lang=en> (Annex 55).

⁴ As I understand, in the instances under my consideration Ukraine's army is confronted by the armed forces of the so-called Donetsk People's Republic ("DPR").

⁵ I understand that Mr Bobkov's analysis evidences the existence of positions of both parties in the relevant areas marked on the IAC NSDC map as controlled by the respective forces. Although the IAC NSDC map does not provide sufficient details, I found that other sources referred to in my Expert Report do not contradict this general picture and in some instances confirm the deployment of the forces near the settlements where the positions are marked by Mr Bobkov in his Report (See the Bobkov Report, Figure 23). Thus, the Berezove checkpoint was controlled by the UAF (see para. 21 below), DPR's positions were around Dokuchayevsk (see para. 13 (g,h,k,l) below); the intercepted conversations demonstrate the engagement of the units deployed near Slavne and Berezove in the hostilities (see below paras. 21, 24).

13. Particularly, open sources suggest that the DPR's territory near Dokuchayevsk was shelled, at least between late November 2014 and January 2015, including in the days leading up to the shelling near the Buhas checkpoint. I am unable to express a view on the reliability of open source information but I have been provided with and asked to comment on numerous reports and photographs of shellings shared over that period on social media. According to these sources:
- a) On **29 November 2014**, civilian facilities came under fire in Dokuchayevsk: residential buildings, a car, and what appears to be a gas line were damaged.⁶
 - b) On **30 November 2014** at 07:00, according to the locals, the town came under heavy artillery fire from the UAF, with one projectile hitting a building and destroying some part of the wall and the roof.⁷
 - c) From the evening of **4 December 2014** until the early morning of **5 December 2014**, the area of Dokuchayevsk came under Grad MLRS fire, with the Eastern Quarry hit. Besides, the flour mill and bakery plant in Olenivka was also shelled. The shelling came from the direction of Novotroitske and Volnovakha.⁸
 - d) On **5 December 2014**, about 3 p.m. a projectile fell in the town near the bus terminal as commentaries to the photographs suggest.⁹
 - e) On **7 January 2015**, there was an exchange of fire: the UAF were shelling DPR positions in Petrivske, while the militia "returned fire at Buhas" (suggesting that that is where the UAF fire had come from).¹⁰
 - f) The locals again report large-scale shellings on the night from **8 January 2015** to **9 January 2015** from the direction of Novotroitske and Buhas.¹¹ Two detached houses were destroyed, and at least one person died.¹²
 - g) In the evening of **8 January 2015**, at around 18:00–18:20 positions near Dokuchayevsk were attacked by artillery. On this date, the DPR positions in the area of Dokuchayevsk were shelled from various directions. At 22:15, positions near Petrivske¹³ came under

⁶ VKontakte page "It's Dokuch, baby!" [Typical Dokuchayevsk], post at: https://vk.com/wall-13926253?day=13012015&offset=340&w=wall-13926253_76345%2Fall, 30 November 2014 (Annex 155) (a damaged green pipe running above the ground can be observed in the photos and, where it is damaged, flames are visible).

⁷ VKontakte page "It's Dokuch, baby!" [Typical Dokuchayevsk], post at: https://vk.com/wall-13926253?day=13012015&offset=340&w=wall-13926253_76154%2Fall, 30 November 2014 (Annex 156).

⁸ VKontakte page Reports from the Novorossiia's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=05122014&w=wall-57424472_32801%2Fall, 5 December 2014 (Annex 158).

⁹ Photographs published presumably by a local resident display an impact on the ground looking similar to one of a shelling. A number of persons have commented this post pointing out the location of the explosion site. One comment expressly states that the enemy is "approaching the centre of the city". While two other mentions two additional landmarks: "Zebra" (which may stand for café and bar Zebra, See Google maps, café and bar Zebra, available at <https://goo.gl/maps/XnSCFagNDPhsXpsE6> (Annex 263) and "bus terminal", See Yandex maps, bus terminal Dokuchayevsk, available at <https://yandex.com/maps/-/CCUiA-vRSC> (Annex 264). (VKontakte page "It's Dokuch, baby!" [Typical Dokuchayevsk], post at: [https://vk.com/wall-13926253_81450%2Fall](https://vk.com/wall-13926253?day=13012015&offset=340&w=wall-13926253_81450%2Fall), 5 December 2014 (Annex 157).

¹⁰ VKontakte page Reports from the Novorossiia's militia, available at: https://vk.com/wall-57424472?day=07012015&w=wall-57424472_38207, 7 January 2015 (Annex 225).

¹¹ VKontakte page Reports from the Novorossiia's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38414, 9 January 2015 (Annex 159).

¹² VKontakte page Reports from the Novorossiia's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=09012015&w=wall-57424472_38522, 9 January 2015 (Annex 160).

¹³ 23 kilometres from the Buhas checkpoint.

mortar fire from the direction of Mykolaivka. At 23:00, positions near Dokuchayevsk were shelled from the direction of Novotroitske. Another artillery attack was reported to happen at the same time: the DPR positions near Yasne came under fire.¹⁴

- h) On **10 January 2015**, the fighting intensified. The militia's positions in the area of Dokuchayevsk were shelled at 9:15, 13:00, and 13:45 involving mortars and at 10:30 involving tube artillery.¹⁵ The town was shelled twice in the evening: at 17:50¹⁶ and 18:26.¹⁷ The shelling continued at night and involved heavy artillery and Grad MLRS. The suburbs were impacted, with the Novy integrated plant and a pump station sustaining damage.¹⁸ The Ukrainian forces attempted to breach the defences near the town but failed.¹⁹
- i) Neighbouring areas were also heavily shelled: Olenivka was shelled (from 11:30 to 12:40) from the directions of Novotroitske, Taramchuk, and Slavne.²⁰ At 13:10, UAF tanks shelled the DPR positions in the area of Yasne from the direction of Stepne.²¹ Battles had been ongoing in the area of Novotroitske since the morning.²²
- j) On **11 January 2015**, positional warfare across the entire frontline had already begun by 06:00 in the area of Dokuchayevsk.²³ After fighting in the streets for the eastern outskirts of Novotroitske, the militia occupied several streets;²⁴ and DPR forces attacked a UAF checkpoint in the area of Berezove (in the administrative district of Volnovakha).²⁵
- k) On **12 January 2015**, according to a local military observer, at around 09:00, there were salvos from the direction of Volnovakha in the direction of Dokuchayevsk and, apparently, Starobesheve.²⁶ In the evening, he reported Grad MLRS fire in the direction of Dokuchayevsk and Olenivka, with a bridge leading to Dokuchayevsk damaged. The locals claimed that projectiles failed to hit any military facility, whereas one projectile landed in the garage of a house.²⁷

¹⁴ VKontakte page Reports from the Novorossiia's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=09012015&w=wall-57424472_38467%2Fall, 9 January 2015 (Annex 161).

¹⁵ VKontakte page Reports from the Novorossiia's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38757, 11 January 2015 (Annex 164).

¹⁶ VKontakte page Reports from the Novorossiia's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38748, 11 January 2015 (Annex 165).

¹⁷ VKontakte page Reports from the Novorossiia's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38666, 10 January 2015 (Annex 162).

¹⁸ VKontakte page Reports from the Novorossiia's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38754, 11 January 2015 (Annex 166).

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ VKontakte page Reports from the Novorossiia's militia, 11 January 2015 (Annex 164).

²¹ *Ibid.*

²² VKontakte page Reports from the Novorossiia's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38605, 10 January 2015 (Annex 163).

²³ VKontakte page Reports from the Novorossiia's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38727, 11 January 2015 (Annex 167).

²⁴ VKontakte page Reports from the Novorossiia's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38897, 12 January 2015 (Annex 170).

²⁵ VKontakte page Reports from the Novorossiia's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=12012015&w=wall-57424472_38862%2Fall, 12 January 2015 (Annex 171).

²⁶ VKontakte page Reports from the Novorossiia's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_39071, 13 January 2015 (Annex 173).

²⁷ VKontakte page Reports from the Novorossiia's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=13012015&w=wall-57424472_39018, 13 January 2015 (Annex 174).

- l) On **13 January 2015** at 18:30,²⁸ afternoon shelling damaged residential buildings (around 10 hits)²⁹ in Dokuchayevsk. One private house was destroyed.³⁰ There were further impacts at a bus depot and opposite a cinema (which had previously been hit), shattering windows.³¹ The Sokol residential area was affected.³² The building of a secondary school³³ and a power substation were damaged.³⁴ The shelling came from the vicinity of Volnovakha and UAF positions west of Olenivka.³⁵ Another shelling around 11 p.m. directed at the DPR positions near the town was reported on the next day.³⁶
- m) On **14 January 2015**, the outskirts of Dokuchayevsk came under Grad MLRS fire.³⁷
- n) On **15 January 2015**, a projectile hit a bus carrying 32 workers to a flux and dolomite plant in Dokuchayevsk. A woman was killed, and seven people were taken to hospital in a serious condition.³⁸
14. On the basis of the open source publications I have reviewed, Dokuchayevsk was shelled from the UAF positions to the west of Olenivka,³⁹ to the north and east of Volnovakha,⁴⁰ and to the west and southwest of Novotroitske.⁴¹ I note that the OSCE mission asserts* that Olenivka was government-controlled as at 10–11 January;⁴² however, I understand that the residential

²⁸ VKontakte page Reports from the Novorossiya's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_39259, 14 January 2015 (Annex 181).

²⁹ Twitter page Dokuchayevsk-ua, local community social media, post at: <https://twitter.com/whicard5/status/554998022309150721>, 13 January 2015 (Annex 175).

³⁰ Twitter page Dokuchayevsk-ua, local community social media, post at: <https://twitter.com/whicard5/status/555005657985060864>, 13 January 2015 (Annex 176).

³¹ Twitter page Dokuchayevsk-ua, local community social media, post at: <https://twitter.com/whicard5/status/554995457542615040>, 13 January 2015 (Annex 177).

³² VKontakte page "It's Dokuch, baby!" [Typical Dokuchayevsk], post at: https://vk.com/wall-13926253?day=13012015&w=wall-13926253_100369%2Fall, 13 January 2015 (Annex 172); see also VKontakte page "It's Dokuch, baby!" [Typical Dokuchayevsk], post at: https://vk.com/wall-13926253?day=14012015&w=wall-13926253_99438%2Fall, 13 January 2015 (Annex 178).

³³ VKontakte page "It's Dokuch, baby!" [Typical Dokuchayevsk], post at: https://vk.com/wall-13926253?day=15012015&w=wall-13926253_102013%2Fall, 15 January 2015 (Annex 182).

³⁴ VKontakte page Reports from the Novorossiya's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_39259, 14 January 2015 (Annex 181).

³⁵ VKontakte page Reports from the Novorossiya's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_39241, 14 January 2015 (Annex 179).

³⁶ VKontakte page Reports from the Novorossiya's militia, 14 January 2015 (Annex 181)

³⁷ VKontakte page Reports from the Novorossiya's militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_39323, 14 January 2015 (Annex 180).

³⁸ *Donetsk News Agency*, "One Person Killed, Seven Wounded after a Ukrainian Projectile Hit a Bus in Dokuchayevsk", 16 January 2015, <https://dan-news.info/defence/odin-chelovek-pogib-7-raneny-pri-popadanii-ukrainskogo-snaryada-v-avtobus-v-dokuchaevske.html> (Annex 100).

³⁹ 24–25 km from the Buhas checkpoint, presumable near positions 2–6 identified in the Bobkov Report (Figure 23).

⁴⁰ Perhaps the artillery positions identified by Mr Bobkov as Nos. 14–19 in Figure 23 of his Report or other positions visible in the same area.

⁴¹ It may be around 10–11 km to the north from the checkpoint, but difficult to identify.

* Translator's note: where General Samolenkov refers to the reports prepared by the OSCE, OHCHR, NGOs and other organisations, he provides links to the relevant documents in Russian, whereas the translation of the Report into English contains, where applicable, links to the same documents in English.

⁴² OSCE SMM, "Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM) based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 11 January 2015", 12 January 2015, <https://www.osce.org/ukraine-smm/134001> (Annex 6).

settlement was DPR-controlled for some time.⁴³ This appears to be an example showing that sometimes the OSCE reports may not reflect the situation correctly.

15. I have been provided with excerpts from Ukrainian court decisions relating to individuals who were held criminally responsible for allegedly providing information to the DPR. These materials, which I assume are accurate, also suggest that there were ongoing hostilities in the vicinity of the Buhas checkpoint. For instance, the court decisions state that on 5 December 2014, a howitzer self-propelled artillery battery came under BM-21 Grad MLRS fire near Blyzhne (about 2 km from the Buhas checkpoint),⁴⁴ on 26 December 2014, military equipment was spotted moving in the territory of Volnovakha and Buhas (about 3 km from the Buhas checkpoint),⁴⁵ and on 22 January 2015, the location of UAF military equipment was detected in Blyzhne and Rybyske (about 6 km from the Buhas checkpoint).⁴⁶
16. I understand that evidence of warfare in the wider area around Dokuchayevsk may be observed in the satellite imagery presented in the Bobkov Report.⁴⁷ This material appears to show that the area between Buhas and Dokuchayevsk as well as to the northwest of Dokuchayevsk was a contact zone of the parties' positions, and that there were frequent exchanges of fire (consistent with the open source materials mentioned above).
17. I note that the maps produced by the Information and Analytical Center of the National Security and Defence Council of Ukraine ("IAC NSDC") at the time (on 13 and 14 January) that I have been provided with suggest that the DPR forces were carrying out offensive operations around Dokuchayevsk.⁴⁸ Meanwhile, the quality of these maps does not allow me to identify precisely the captured territory.
18. Therefore, the shelling near the Buhas checkpoint should be considered in the context of active hostilities, the circumstances of which I do not know in detail. It is hard for me to say what role certain military positions in the area which are identified in the Bobkov Report could have played, where military equipment and other units were moving, wherefrom and at which targets artillery or MLRS fire was opened. However, it appears that the Buhas checkpoint and the area surrounding it could have had military value, although I do not know enough about the situation on the ground at the time of the reported attack. The alleged intercepted conversations – which I understand have been submitted by Ukraine and which I have been shown – do not clarify the position as they appear to relate to a different military engagement.

⁴³ See above 13 (c,i,k). The IAC NSDC map of 11 January shows Olenivka as controlled by the DPR (Information and Analysis Center of the National Security and Defence Council of Ukraine, "The situation in the eastern regions of Ukraine – 11.01.15", 11 January 2015, <http://mediarnbo.org/2015/01/11/the-situation-in-the-eastern-regions-of-ukraine-11-01-15/?lang=en> (Annex 54).

⁴⁴ Ukraine, Oktyabrsky District Court of Mariupol, Case No. 263/574/15-k, Ruling, 15 January 2015, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/45424002> (Annex 57).

⁴⁵ Ukraine, Volnovakha District Court of the Donetsk Region, Case No. 221/1370/15-k, Judgment, 20 May 2015, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/44277498> (Annex 60).

⁴⁶ Ukraine, Volnovakha District Court of the Donetsk Region, Case No. 221/1556/15-k, Judgment, 23 September 2015, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/51123690> (Annex 62).

⁴⁷ Bobkov Report, Figure 24.

⁴⁸ Information and Analysis Center of the National Security and Defence Council of Ukraine, "The Situation in the Eastern Regions of Ukraine – 14.01.15", 14 January 2015, <http://mediarnbo.org/2015/01/14/the-situation-in-the-eastern-regions-of-ukraine-14-01-15/?lang=en> (Annex 56); Information and Analysis Center of the National Security and Defence Council of Ukraine, "The Situation in the Eastern Regions of Ukraine – 13.01.15", 13 January 2015, <http://mediarnbo.org/2015/01/13/the-situation-in-the-eastern-regions-of-ukraine-13-01-15/?lang=en> (Annex 55).

2. *Analysis of intercept evidence**

19. I have been provided with transcripts of alleged intercepted conversations of DPR combatants⁴⁹ which Ukraine has submitted. For the purposes of this report, I am instructed to assume that these intercepts are genuine and accurate. Most of these materials do not appear to relate to the shelling near the Buhas checkpoint but to different military engagements occurring at around the same time. Having studied the transcripts, I believe that they relate to hostilities in the west and northwest of Dokuchayevsk on 13–14 January 2015.
20. It is impossible to state accurately how exactly hostilities were unfolding. Nevertheless, I can draw certain tentative conclusions based on these texts.
21. For instance, in conversation No. 2, two targets are discussed: the first one is a “checkpoint” “down from Berezove” (which I understand to mean “to the south” of Berezove) near the first turn-off to Dokuchayevsk.⁵⁰ This appears to be a reference to what is identified in the Bobkov Report as a UAF position at an intersection between Berezove and Dokuchayevsk (referred to in the Bobkov Report as “strong point” No. 9)⁵¹ (Figure 1). I refer to this object as the “Berezove checkpoint”.

* Translator’s note: here and elsewhere, General Samolenkov refers to copies of original documents containing the transcripts of intercepted conversations submitted by Ukraine in the original language (Russian and Ukrainian), whereas the Report in English contains references to the translations of the above documents into English prepared by the Russian Federation rather than to those submitted by Ukraine.

⁴⁹ Intercepted Conversations of Yuriy Shpakov (16 September 2016) (Annex 430 to the Memorial of Ukraine), no audio recordings were submitted.

⁵⁰ Translation of the transcripts of the Intercepted Conversations of Yuriy Shpakov (16 September 2016) contained in Annex 430 to the Memorial of Ukraine (Annex 257), conversation No. 2, at 11:07:43 on 13.01.2015.

⁵¹ Bobkov Report, Figures 15–17.

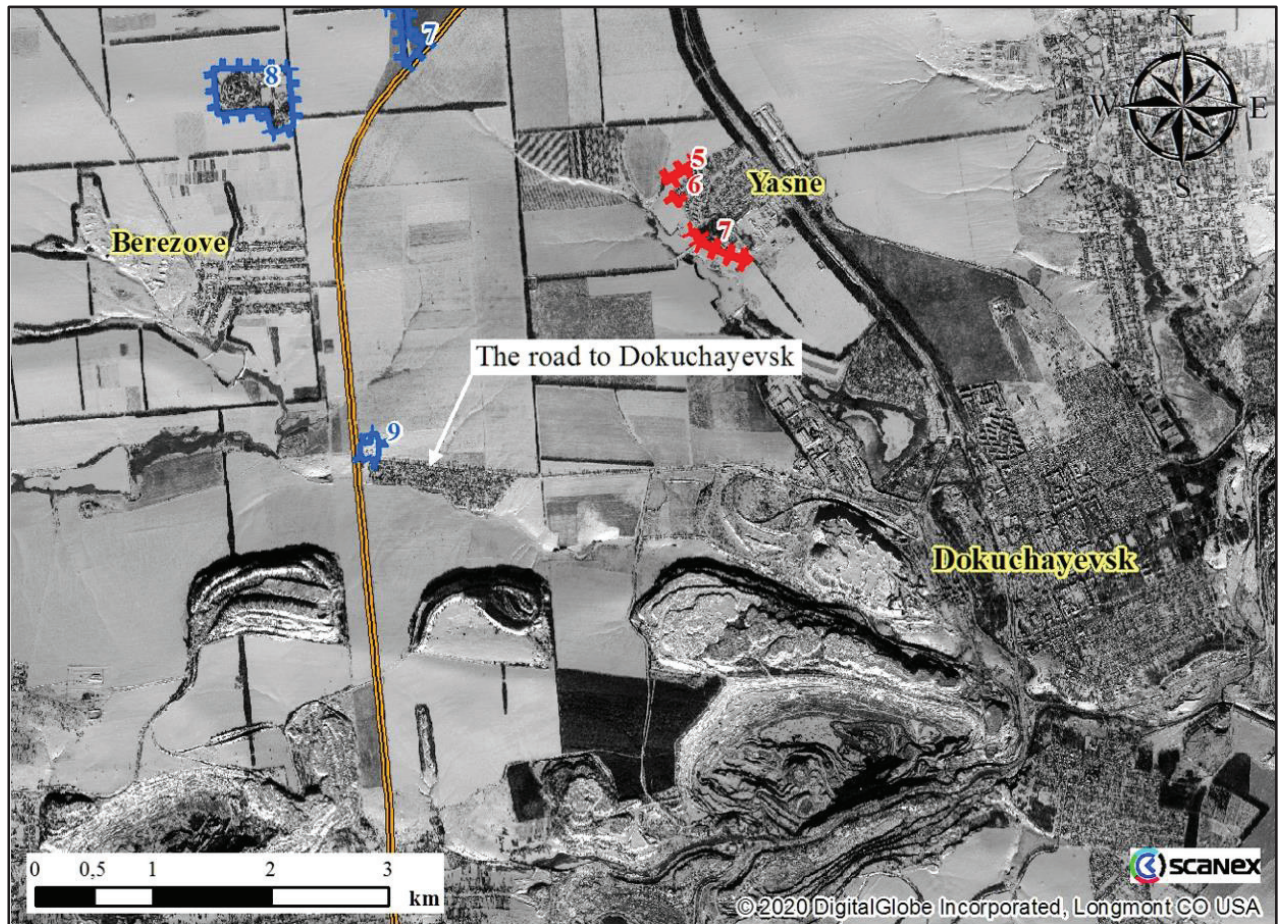

Figure 1. Location of the UAF position at the intersection between Berezove and Dokuchayevsk*

22. The Berezove checkpoint was located at a position that could control a section of the T0509 highway⁵² in the direction of Dokuchayevsk (Figure 1 and Figure 2).

* Translator's note: as names, inscriptions, and descriptions in some figures used in this Report are originally in Russian or Ukrainian, they were translated into English and overlaid on the original figures in the translation of the Report.

⁵² Google Maps, T0509, Donetsk Region, Ukraine, available at <https://goo.gl/maps/c5SHPYpSZHezZKpN7>.

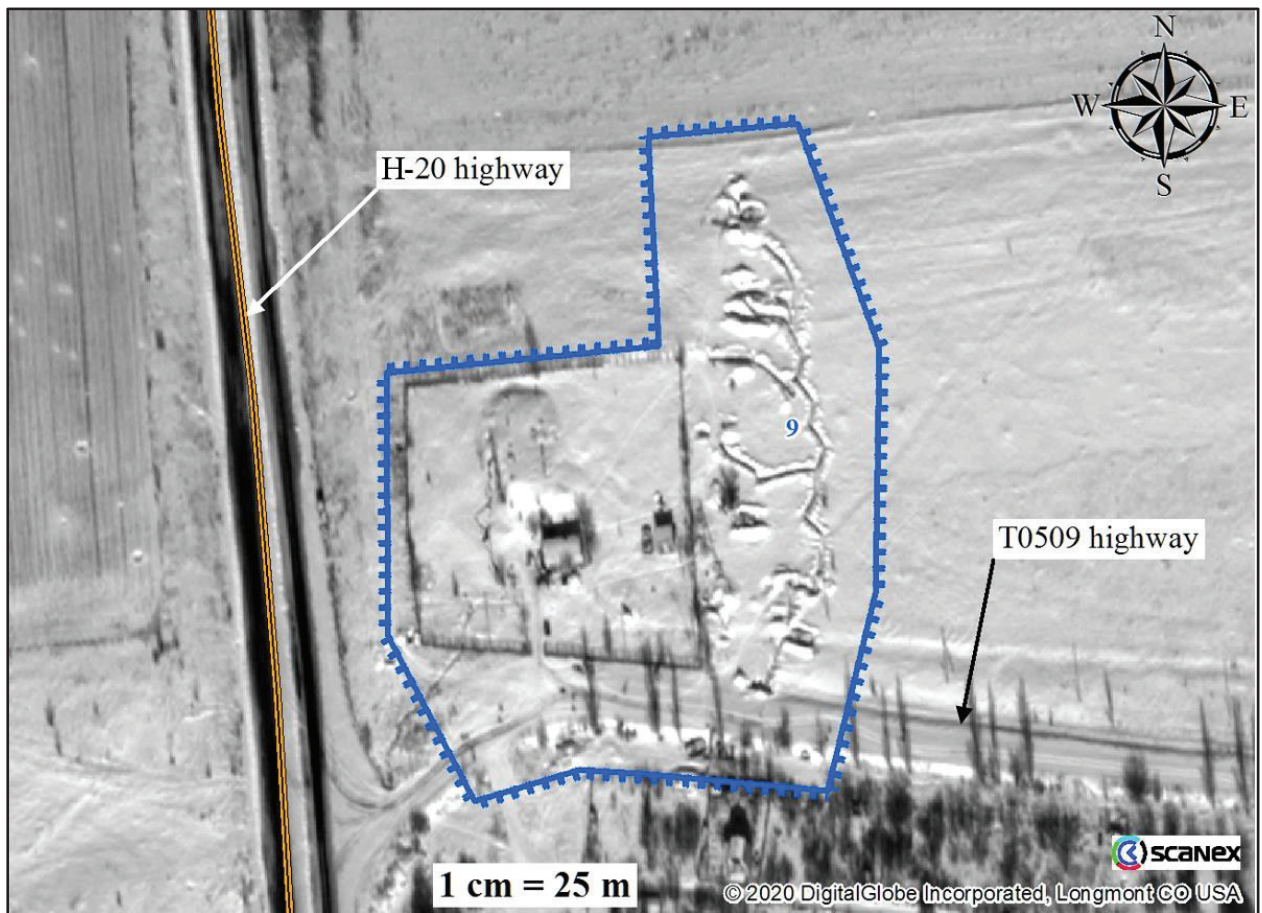

Figure 2. The UAF position (checkpoint) at the intersection between Berezove and Dokuchayevsk

23. It should also be noted that this checkpoint is indeed at an intersection of two roads. By contrast, I understand from the Bobkov Report that the Buhas checkpoint is located near a fork in a road.⁵³ This appears to be significant because in conversation No. 33 dated 14 January 2015, the day after the shelling at the Buhas checkpoint, the speakers are discussing a checkpoint that they “worked on yesterday” (which means the checkpoint shelled yesterday) at an “intersection”. Based on the reference to an “intersection”, as well as the specific reference to a checkpoint near Berezove in conversation No. 2, it appears likely to me that they are talking only about the checkpoint between Berezove and Dokuchayevsk, not the Buhas checkpoint.
24. The second target, as per conversation No. 2, is “the beginning of Slavne”. I understand from the analysis of the satellite imagery provided in the Bobkov Report that the UAF had positions in Slavne (see strong points Nos. 2 and 3⁵⁴ in Figure 3).
25. As follows from conversation No. 2, the operators sought confirmation of the coordinates of two targets they had been given, which pointed to a location in a residential settlement (Dokuchayevsk), and the coordinates were corrected.⁵⁵ Given the location of these targets described in general terms in the conversation, I think that the targets could have been one or more of the UAF positions marked as Nos. 2-4 and 9 (Figure 1 and Figure 3).

⁵³ Bobkov Report, Figure 16.

⁵⁴ Bobkov Report, Figure 23.

⁵⁵ Translation of the transcripts of the Intercepted Conversations of Yuriy Shpakov (16 September 2016) contained in Annex 430 to the Memorial of Ukraine (Annex 257), conversation No. 2, at 11:07:43 on 13.01.2015.

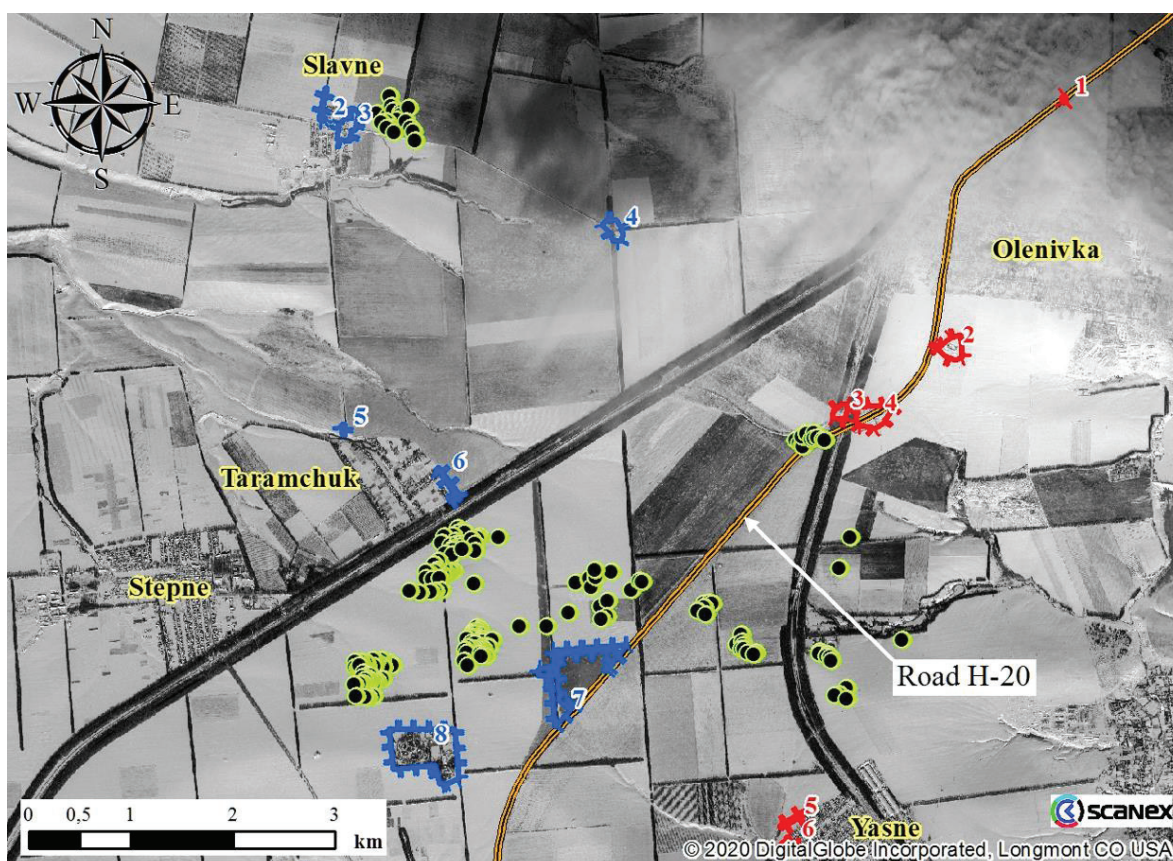

Figure 3. Location of the UAF positions (strong points Nos. 2 and 3 in Slavne)

26. Other intercepted conversations concern the militia’s activities in the direction to the west and northwest of Dokuchayevsk.
27. Conversation No. 3 and the next conversations contain terms which I understand to refer to the militia’s mortar guns (Nos. 3, 13 (“Load them up”), 21), tanks (Nos. 5, 9), and other artillery guns (Nos. 15, 19, 20 (“Gun!”, “volley”, “unload”), No. 30 (“How many cannons does he have?”, “he was using three guns”). It appears that these weapons were used in hostilities, which were coordinated in these conversations. However, I could find no terms in these intercepts which are consistent with the use of BM-21 Grad MLRS (the weapon that was allegedly used in the shelling near the Buhas checkpoint) or, indeed, any other MLRS.
28. The transcripts also appears to indicate that tanks and automatic grenade launchers (conversation No. 21) and possibly some other weapons (No. 19 “...and now they’re [firing] at us”) were being used by the UAF.
29. “Opasny” (who appears to be the battery’s commander judging by the conversations) – whom I understand Ukraine alleges was involved in the shelling of the Buhas checkpoint⁵⁶ – appears from the intercepts to be in charge of mortar (rather than MLRS) units as evidenced by conversation No. 33 and confirmed by conversation No. 21. I believe so because “Yust” discussed with “Opasny” the usage of mortar shells, and in the other conversation “Yust” directs “Opasny” to increase the range of mortar fire.⁵⁷

⁵⁶ Memorial of Ukraine, para. 88.

⁵⁷ See Translation of the transcripts of the Intercepted Conversations of Yuriy Shpakov (16 September 2016) contained in Annex 430 to the Memorial of Ukraine (Annex 257), conversation No. 21, at 14:12:53 on 13.01.2015: “Yust”: (speaking to “Opasny” on the radio): “Opasny”, increase the distance by 1 kilometre.

30. I understand that in conversation No. 15 orders are being given on how to arrange for the artillery support. It appears from the transcript that the fire involves ranging and is repeatedly adjusted. MLRS is not adjusted in the process of fire by such directions and the use of certain terms (including “volley”) also indicates that what is being discussed is conventional artillery guns, not MLRS. Based on the transcript, it also appears that the firing continues throughout the entire conversation that lasted for 7 minutes and 27 seconds (which is longer than an MLRS round of fire which lasts for around 20 seconds).
31. The transcript indicates that the same unit moves to another position to attack the next target: at 13:55, “Yust” orders to begin ranging and adjusts the fire. In conversation No. 19, the interlocutors spotted that the militia’s positions were under fire. “Yust”, who was seemingly in command of the DPR’s military operations appears to have also acted as a “spotter” in this case. He identifies his location as “at Mukhomolny” [“на Му[к]ОМОЛЬНОМ” in Russian] which appears to stand for “flour mill plant”.⁵⁸ I have been shown public materials suggesting that there was at that time in Olenivka a flour mill and bakery plant whose high-rise facilities could provide a good view of the area towards Slavne.⁵⁹ Conceivably, “Yust” could have been referring to this building but it is impossible to know and I cannot draw any definite conclusion in this respect. However, I note that this place is 27 km away from the Buhas checkpoint, and a spotter located there could not run a battle unfolding on the outskirts of Volnovakha.
32. According to the transcript, “Yust” again calls the artillery battery’s commander, call sign “Batyushka”, at 14:02 (conversation No. 20), at the same time radioing a “pair of eyes” forward (which I understand to mean a spotter who was located closer to the target). It appears that the fire is going on and adjusted in accordance with information radioed by the spotter. This conversation lasts for 4 minutes and 34 seconds. Given the time of this conversation, if it is recorded correctly, the conversation cannot relate to the shelling of the Buhas checkpoint which was shelled at around 14.25. I also note that the interlocutors are discussing weapons that are not described using terms referring to as MLRS but rather to some type of tube artillery, the weapon that “Batyushka” was in charge of. For instance, it is said in conversation No. 30 that “Batyushka” had “cannons” [“пушки” in Russian] and “guns” [“орудия” in Russian] and such terms are not used in relation to MLRS.
33. It also clear to me from conversation No. 20 that there was no intention to fire at residential areas (“Yust” says, “Now wait, it went close to the town, you need to put them further away [i.e. to fire further], Batyushka...”). I understand this to mean that “Batyushka” was ordered to avoid the immediate areas of civilian residential neighbourhoods when firing.
34. At 14:12:52, “Yust” answers a call (conversation No. 21) from a militiaman who reports that tanks and automatic grenade launchers (apparently belonging to the UAF) are firing at them, but mortar shells “fell short” of them. “Yust” radioed “Opasny”, who is in charge of the mortars,

⁵⁸ That “Yust” could have referred to the flour mill and bakery plant as his location also appears to follow indirectly from the very next conversation (No. 20) between them. In particular, “Yust” complains about bad telephone communication which prompts “Batyushka” to suggest that “Yust” should “go higher, get up on the roof... there’s iron everywhere there, it creates noise in the background” so they could contact each other by radio.

⁵⁹ Official website of the Agrarian Donbass State Enterprise, “Olenivka Bread-Making Plant increases production volumes”, 5 April 2021, <http://www.agrodon.su/elenovskij-khp-narashhivaet-objomy-proizvodstva/> (Annex 259). DNR Live Business Website, Republican Enterprise “Olenivka bread-making plant”, <http://dnr-live.ru/companies/pishhevaya-promyshlennost/rp-elenovskiy-kombinat-hleboproduktov/> (Annex 262) identifies a bakery plant in Olenivka.

and orders him to increase the distance by one kilometre. There is no reference to the Buhas checkpoint.

35. Conversation No. 29 suggests that the same militiaman who appears to have been under the fire of tanks and automatic grenade launchers was part of the platoon commanded by “*Surgeon*” that was “advancing to Slavne”. Based on this, it is reasonable to infer that the battle discussed in conversation No. 21 was fought near Slavne, to the northwest of Dokuchayevsk, around 25 km from the Buhas checkpoint.
36. As concerns the alleged shelling of the Buhas checkpoint, I understand that Ukraine has not submitted any transcripts of conversations between 14:13 and 14:31. I do not know whether such transcripts exist but if they do it is possible that they could shed light on the circumstances of that shelling, e.g. who and with what purpose ordered that attack.
37. Additionally, I note that, at 12:13, “*Yust*” is discussing the halting of traffic. It appears from conversation No. 11 that a road section in the area of Berezove was under surveillance, and the impending attack seems to relate to the same road section. I understand from Subsection 3 of Section D of the Bobkov Report that the Berezove checkpoint, which I have explained was likely one of the targets identified in the intercepts, is located at this road section. Although I do not have the complete information, it seems reasonable to assume that the halting of traffic was aimed at mitigating the risk of accidental civilian casualties, as well as providing an opportunity to redeploy men and materiel in the direction of the attacked UAF positions (e.g. in Slavne). The order to halt traffic was issued at 12:32 (conversation No. 16), with traffic ordered to be resumed at 14:51 (conversation No. 26).
38. Generally speaking, it is impossible to infer from the intercept evidence how the targeting of guns (or other weapons) was done, how each shelling was performed, the coordinates of the targets, what DPR or UAF units were engaged in that combat mission. These conversations do not clarify whether and how any target reconnaissance was done either.
39. Given the above, nothing in the intercepts indicates that they relate to the specific shelling of the Buhas checkpoint.
40. I would like to highlight once again that the term “checkpoint” (save for one conversation mentioned above) is most likely used in these conversations in respect of the UAF strong point located at the intersection of Road H-20 and the road to Dokuchayevsk. It appears that the militia was firing at that facility, and it is likely that “*Yust*” later referred to this attack when he spoke about the destruction of this checkpoint in a personal conversation (conversation No. 28) and when he mentioned the same checkpoint the day after when giving target orders to “*Opasny*” (conversation No. 33).
41. However, I understand that the Buhas checkpoint near Volnovakha was not significantly damaged at all and it therefore appears unlikely to me that “*Yust*” would have described the Buhas checkpoint as having been blown “to hell” (the language used in conversation No. 28).
42. In assessing the situation in an active combat zone, it is necessary to analyse all positions of the parties in terms of their system of battle formations and with due regard to their functional unity and cooperation in pursuance of combat tasks. From his Expert Report, it appears that no such data was provided to General Brown. Based on the analysis of the limited available satellite imagery, the Bobkov Report shows positions of the parties to military actions on 13 January 2015. Based on this information, it appears that the Buhas checkpoint forms part of the

Ukrainian system of combat positions. It is necessary to explain the role – quite clear to the serviceman – of this checkpoint in greater detail.

3. *Significance of the checkpoint and adjacent territory*

43. I understand that, during the military conflict in Eastern Ukraine, warfare extended to various checkpoints situated on critical roads.⁶⁰ This is normal since vehicular checkpoints were likely part of the system of combat positions, meaning that they were equipped and used for military purposes. Road positions guard critical movement routes that the enemy may use for potential attacks. Unprotected roads would allow the attacker to gain control over the fastest channel for transporting personnel and materiel with minimal effort. On the other hand, if the road is taken under control, this can also disrupt the supply of the enemy's positions. In view of this, checkpoint positions on roads are typically fortified to some extent, although their particular features may vary.
44. General Brown classifies the Buhas checkpoint as a "civilian-vehicle checkpoint"⁶¹ and states that he "cannot identify any military justification for attacking the checkpoint".⁶² More specifically, the Brown Report states:
- "It is difficult to argue that the checkpoint was taking an active part in hostilities, or that its destruction gave the DPR any military advantage. The function of the Volnovakha checkpoint appears to have been a continuation of its long-standing civilian role of checking vehicles, albeit reinforced by armed personnel in order both to provide a greater degree of protection to the police forces manning the checkpoint and also to extend the role of the checkpoint to include checks for the movement of weapons and separatist personnel."⁶³
45. For General Brown,
- "there is no evidence to suggest that the checkpoint played any offensive role; indeed, its size and number of personnel manning it suggest it could not even have conducted any effective defensive role against anything more than attacks by individuals with small arms. While the checkpoint could undoubtedly warn Ukrainian Armed Forces of any impending attack along the road to Volnovakha, any advantage of a conventional military attack on the checkpoint, either by direct assault or by indirect fire, would in my opinion be outweighed by its waste of resources and a loss of surprise if it were a precursor to a larger attack".⁶⁴
46. I believe that this assessment is premised on an incomplete examination of the circumstances of the case.
47. First, I note that the submitted materials of Ukrainian authorities define the checkpoint as forming part of the UAF positions rather than as a civilian checkpoint that was reinforced by armed personnel for better protection and more professional checks. For example, the Incident Site Inspection Report describes the site as "a checkpoint situated at a State Traffic Inspectorate

⁶⁰ See above para. 12.

⁶¹ Brown Report, para. 20.

⁶² Brown Report, para. 27.

⁶³ *Ibid.*

⁶⁴ Brown Report, para. 27.

post on the Donetsk-Mariupol road”⁶⁵, whereas the Record of Review of 16 January 2015 describes the site as a “checkpoint of the Armed Forces of Ukraine, located on the territory of fixed post No. 5 of the Department of the State Automobile Inspection of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine”.⁶⁶ Accordingly, it appears that the State Traffic Inspectorate post, at which civilian motor vehicles are checked and allowed to pass, was used to create a checkpoint of the armed forces there. As a position of the UAF, the checkpoint may have performed broader functions, as I explain below.

48. I note that the section of Road H-20 where the Buhas checkpoint was located is a public motor road that can be used by any motor vehicles, including military ones. It is reasonable to assume that the road was used to redeploy military equipment and men and to bring ammunition and material supplies to various UAF positions, including those closer to Dokuchayevsk. In military science, such a road is described as a belt road since it passes behind the line of advanced positions, thereby supporting those positions.
49. The Bobkov Report contains the results of satellite imagery analysis that identifies – in the territory of the checkpoint – the presence of observation posts, dug-out positions for armoured materiel and trenches across the road section in the area of the checkpoint⁶⁷, and confirms the shooting location of a photograph featuring a small arms position.
50. With the road direction protected to such an extent, this strongly indicates that the road had military value. With the checkpoint fortified to such an extent, this also raises the question whether military equipment and other military units could have been present near the Buhas checkpoint at the time of the shelling. Since it appears that the militia planned at the time to regain control over Mariupol,⁶⁸ the road could have become even more important since it connects Mariupol and Donetsk (Figure 4). It is not possible to say whether DPR had any plans to regain control over Volnovakha, but that would have made sense tactically and strategically.

⁶⁵ Record of Site Inspection, drafted by A. G. Albot, Investigations Department of the Volnovakha District Department of the Donetsk Regional Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine (13 January 2015) (Annex 85 to the Memorial of Ukraine).

⁶⁶ Record of Review, drafted by Captain of Justice V. Romanenko, Senior Investigator at the Internal Affairs Agency of the Investigations Department of the Directorate of the Security Service of Ukraine in the Donetsk Region (16 January 2015), (Annex 87 to the Memorial of Ukraine).

⁶⁷ Bobkov Report, paras. 36-38, Figure 7.

⁶⁸ See paragraphs 117, 121, 123 below. Apparently, these plans were announced already in October 2014. See *Interfax*, “Head of the DPR Promised to Capture Kramatorsk, Slovyansk, and Mariupol”, 23 October 2014, <https://www.interfax.ru/world/403434> (Annex 98).

Figure 4. Map of the IAC NSDC “The Situation in the Eastern Regions of Ukraine as at 20 May”⁶⁹

51. It appears that the Buhas checkpoint did check and allow civilian motor vehicles to pass. However, I understand from open source materials I have reviewed that the checkpoint housed formations with armed personnel and lightly armoured materiel (armoured fighting vehicles BRDM-2⁷⁰) and that positions were also fortified for heavy weaponry of the UAF.⁷¹ Analysis of open source materials provided to me indicates that the Buhas checkpoint was equipped with firing positions for small arms and hand-held anti-tank grenade launchers (“RPG”).⁷²

⁶⁹ Slovo I Dilo, “The Situation in the Eastern Regions of Ukraine as of 20 May”, 20 May 2014, https://media.slovoidilo.ua/uploads/news/snbo_ato_20_05_big.jpg (Annex 96).

⁷⁰ The expert on satellite images interpretation, Mr Bobkov, verified the location of a BRDM-2 at the checkpoint on 25 January 2015 (See the Bobkov Report, 44(1), 46(1), Figures 10, 14). I was shown other sources demonstrating a vehicle of that type and reportedly taken at the Buhas checkpoint. In a video report by *Mariupol TV* filmed at “the checkpoint in Volnovakha” and published on 1 November 2014, a fighter of the Kyiv-2 battalion said that it had been decided that “the main combat-fit part of [their] battalion” would stay there to protect Volnovakha and the passageway to Mariupol. Armed personnel and a BRDM-2 armoured vehicle at the checkpoint are also visible in the video (YouTube channel Mariupol TV, “2014-10-30 How do our soldiers live under constant shellings? (MTV story)”, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=C706hvRXm3c&t=27s>, 1 November 2014 (Annex 222)).

⁷¹ Bobkov Report, para. 38, Figure 7.

⁷² I refer to the several photographs reportedly taken at the checkpoint and showing firing positions for a machine gun (Blog of Andrey Skaternoy, “Volnovakha-Donetsk checkpoint “Buhas”. The one”, post at: <http://asket.in.ua/?p=977>, 20 January 2015 (Annex 186)) and an RPG-7 on the roof of a shelter (Bobkov Report, para.44, Figure 10). It is possible that this position is filmed on the video with Andery Tsaplienکو, Ukrainian journalist, who was reporting on the checkpoint manned by the Kyiv-2 battalion, See Youtube channel of TSN, “The situation around checkpoint 32 is a covert separatist offensive”, available at: <https://youtu.be/47m7onU73tw>, 2 November 2014 (Annex 223)).

52. The checkpoint fortifications suggest to me that the role of this position was not limited exclusively to the tasks identified by General Brown, principally checking civilian vehicles. It may have also been used as a defensive position in case of a ground attack by the DPR, in particular, to fend off any advances towards Volnovakha or to gain control over the road section.
53. I also note that, apart from inspectors of the military commandant's office of the Lvov Border Detachment of the State Border Guard Service of Ukraine⁷³, the Buhas checkpoint⁷⁴ also housed units of the Kyiv-2 special purpose battalion.⁷⁵ I understand that, while the Kyiv-2 Battalion was part of the Ministry of Internal Affairs (“MIA”) of Ukraine, this unit was equipped with weapons and military equipment⁷⁶ and involved in hostilities.⁷⁷
54. Further, open sources state that:
- a) the Kyiv-2 Battalion performed the tasks of army troops in the area of Debaltseve in 2014 and was redeployed “to a checkpoint near the city of Volnovakha on the Donetsk–Mariupol highway” in October 2014 as part of unit rotation;⁷⁸
 - b) the Kyiv-2 Battalion regularly staged drills and used anti-tank grenade launchers (RPG and SPG-9), i.e. weaponry disproportionate (in terms of its destructive force) to law enforcement objectives;
 - c) the Kyiv-2 battalion’s fighters made public claims between autumn 2014 and winter 2015 that they were engaged in reconnaissance and could even attack certain positions.⁷⁹ I have no information as to whether such activities were carried out from the Buhas checkpoint.
55. It is also impossible for me to know exactly the number of personnel, which unit of the Kyiv-2 battalion, and with what military equipment was located at the Buhas checkpoint at the time of or before the shelling. More generally, however, I note that open sources suggest that military equipment was brought to and stationed at the checkpoint.⁸⁰ Dug-out positions for armoured vehicles are visible in the satellite imagery analysed in the Bobkov Report.⁸¹

⁷³ Signed Declaration of Anton Ovcharenko, Witness Interrogation Protocol (18 January 2015), pp. 3–4 (Annex 206 to the Memorial of Ukraine).

⁷⁴ Order of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine No. 177 “On the organisation of activity of stationary posts of the Road Patrol Service of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs”, 4 May 2011, <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0626-11/ed20121112?lang=ru#Text> (Annex 47).

⁷⁵ Signed Declaration of Anton Fadeev, Witness Interrogation Protocol (16 December 2015) (Annex 244 to the Memorial of Ukraine).

⁷⁶ See Bobkov Report, Figures 9-14.

⁷⁷ Addendum 1. Open sources regarding the activities of the Kyiv-2 battalion; as I understand the role of the K-2 battalion as a unit taking part in the hostilities has been recognised officially, see Ukraine, Svyatoshinsky District Court of Kyiv, Case No. 759/13012/18, Decision, 26 December 2018, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/79393757> (Annex 75). Indeed this decision records that the Kyiv-2 Battalion was on duty at “a checkpoint in Volnovakha” between 3 and 22 January 2015, and therefore presumably including on 13 January 2015, the day of the shelling in question.

⁷⁸ Facebook page of the Kyiv-2 Special Purpose Battalion, post at: <https://www.facebook.com/BN.Kyiv2/photos/a.1526752284204551/1562316627314783/?type=3>, 10 October 2014 (Annex 152)

⁷⁹ Addendum 1. Open sources regarding the activities of the Kyiv-2 battalion.

⁸⁰ For instance a BRDM-2 (see supra note 70). At least one artillery weapon was present at the checkpoint. A 100mm MT-12 “Rapira” anti-tank gun was photographed at the checkpoint (Blog of Andrey Skaternoy, “Volnovakha-Donetsk checkpoint “Buhas”. The one”, post at: <http://asket.in.ua/?p=977>, 20 January 2015 (Annex 186)). Mr Bobkov confirmed that the photograph had been taken at the checkpoint. See the Bobkov Report, paras. 43-46, Figure 12.

⁸¹ Bobkov Report, Figure 13.

56. Looking at the system of positions of the UAF in the direction of Volnovakha–Dokuchayevsk, it is reasonable to assume that the Buhas checkpoint was an element of that system. The Bobkov Report shows the location of units of the UAF and the MIA in the area of the Buhas checkpoint as at 13 January 2015.⁸² The checkpoint appears to have held an important place in the system of other positions, among other things, because it seems necessary to control the road that is critical for military purposes.
57. Therefore, I disagree with General Brown’s firm view that the Buhas checkpoint should be considered to have been a purely civilian object. Civilian motor vehicles practically had to pass through the system of combat positions of Ukraine. Given that I have no full information concerning the context of hostilities or concerning Ukrainian government forces in the area of the checkpoint, I cannot assess the reasons behind the shelling near the checkpoint and the checkpoint itself (if it was actually targeted). Likewise, I find it surprising that General Brown feels able to state with any confidence that such an attack cannot have been necessary or reasonable.⁸³
58. Nevertheless, I agree with General Brown that provided the DPR had a choice of artillery and was targeting the checkpoint, BM-21 Grad MLRS would not have been the most efficient weapon to use against such target. General Brown accurately describes the general characteristics of this weapon at paragraph 29 of his report. However, I do not know whether the militia had a choice either in terms of the weapons available to them at the relevant time or timing of the attack.
59. Moreover, based on the materials I have reviewed it is not clear to me that the reported shelling was actually directed at the checkpoint or civilian vehicles gathered there. Judging by the dispersion of shells, the target was chosen several hundred metres away from the checkpoint. If indeed the bus was hit by a “Grad” shell, that shell fell at the very edge of the impact zone.⁸⁴
60. I have also noted that the timing of the shelling does not support that impact on civilians was desired. The satellite image analysed in the Bobkov Report shows that when the image was taken in the earlier hours there were lines of civilian vehicles in each direction from the checkpoint;⁸⁵ however, it appears from the video footage that by the time of the attack there was much less traffic.⁸⁶ If the person responsible for the shelling had intended to harm civilians, it seems unlikely that this choice of time and target would have been selected, especially given the value of MLRS munitions.⁸⁷ The checkpoint itself and the road which was impacted,

⁸² Bobkov Report, para. 55, Figure 23.

⁸³ According to open source materials, there are also many other instances when checkpoints of the UAF and of the DPR came under attack, although I do not have the information that would be necessary to compare whether these checkpoints were similar in nature to the Buhas checkpoint or to make any assessment of whether mobile military materiel was present at these locations at or around the time of the shelling. The most notable examples of shellings of DPR checkpoints include the use of BM-21 seemingly against the DPR checkpoint in Starolaspa (OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 18 June 2017”, 19 June 2017, <https://www.osce.org/special-monitoring-mission-to-ukraine/324026> (Annex 29)) and two instances of shellings which were reported to be directed at the DPR checkpoints on 6 November 2016 in Olenivka and Kominternove (OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM) based on information received as of 19:30 (Kyiv time), 6 November 2016”, 7 November 2016, <https://www.osce.org/ukraine-smm/279796> (Annex 15)).

⁸⁴ Map showing shell craters around the Buhas roadblock, which were marked by investigators after inspecting the crime scene (dated 20 January 2015) (Annex 89 to the Memorial of Ukraine).

⁸⁵ Bobkov Report, para. 36(2), Figure 8.

⁸⁶ Dashboard Camera Footage of Shelling on 13 January 2015 (video) (Annex 696 to the Memorial of Ukraine).

⁸⁷ I think that it would have been unreasonable to waste rocket artillery shells intended for area targets on an inefficient attack against a small unprotected target provided that the persons in charge of the shelling had a choice.

however, are not immediately adjacent to the residential areas. By contrast, the Buhas settlement has residential areas just several kilometres away and closer to the DPR positions. There was equally no shortage of civilian targets in the settlements of Novotroitske and Olhynka to the south-east of Dokuchayevsk. If the person responsible for the shelling had intended to harm civilians, it is likely that these areas would have been targeted, rather than the Buhas checkpoint or the road nearby.

61. I also note that there appear to have been important military targets in the vicinity of the Buhas checkpoint. Figure 23 in the Bobkov Report identifies at least three serious artillery positions. First, according to the Bobkov Report, guns (presumably 2A36 “Giatsint-B”) were positioned 6 km to the east from the Buhas checkpoint. I understand that Mr Bobkov has identified blast marks indicating that these guns fired some time before the satellite image was taken, although it is unclear when. If indeed Giatsint-B or similar guns were deployed at these positions, they could have easily reached DPR’s positions in Dokuchayevsk and beyond.⁸⁸
62. Mr Bobkov identifies another artillery position (presumably 2S19 “Msta-S” self-propelled artillery guns) located 4.4 km to the north-west from the Buhas checkpoint. I understand that some of these guns were stationed at position No 18,⁸⁹ but two other howitzers were positioned further to the northeast (position No 11 in the Bobkov Report). These self-propelled howitzers can fire within the range of about 24–29 km,⁹⁰ which is enough to reach the DPR positions in Dokuchayevsk.
63. It may be that not all artillery positions were identified in the satellite imagery (which is even more likely given that artillery units are mobile). In particular, I note that in open source materials provided to me there are references to the shelling from the road traffic police checkpoint outside Volnovakha on 12 January 2015,⁹¹ which may refer to the Buhas checkpoint given that the checkpoint actually used to belong to the State Traffic Inspectorate.⁹²
64. It is possible, therefore, that on 13 January 2015 the DPR positions were shelled from the south-western direction (from one of the artillery positions identified above), and a targeting error was made when return fire was opened.⁹³ Such problems may well arise when the targeted positions are located away from the contact line and are not directly visible. It is conceivable that the DPR commanders could have been given wrong coordinates for the active artillery positions. I have been shown some social media reports which, as it appears from their content, describe the shelling from the direction of the checkpoint,⁹⁴ but I cannot verify these accounts without more information about the situation on the ground.

⁸⁸ The maximum range is 28.5 km (See the Official website of the Ministry of Defence of the Russian Federation, “152mm field gun 2A36 ‘Giatsint-B’”, <https://structure.mil.ru/structure/forces/ground/weapons/rvia/more.htm?id=10369983@morfMilitaryModel> (Annex 267)).

⁸⁹ Bobkov Report, paras. 52, Figure 20.

⁹⁰ Official website of the Ministry of Defence of Ukraine, “Field artillery”, <https://www.mil.gov.ua/ministry/ozbroennya-ta-texnika/suxoputnix-vijsk/nazemna-artileriya.html> (Annex 80).

⁹¹ VKontakte page Reports from the Novorossiia’s militia, post at: <https://archive.md/0SASD>, 12 January 2015 (Annex 168). Twitter page Ridna_Vilna 33%, post at: https://twitter.com/ua_ridna_vilna/status/554520877283692544, 12 January 2015 (Annex 169)

⁹² See supra note 74. See also Signed Declaration of Oleksandr Chekorsky, Witness Interrogation Protocol (5 April 2016) (Annex 248 to the Memorial of Ukraine), p. 3.

⁹³ For instance, wrong coordinates could have been provided. Thus, Mr Kirsanov apparently stated that he had misdirected the DPR fire away from the UAF positions around Mariupol.

⁹⁴ Supra notes 91-87.

65. As I have explained, I cannot conduct a more comprehensive analysis of the situation without full details on the military situation in the area. As I indicated in paragraph 10 above, I would expect Ukraine's military records to contain this data, but those have not been provided to me.

B. General Brown's conclusions concerning the launch site of the attack

66. The range and direction of fire can be inferred from the impact site inspection by either (1) crater analysis, or (2) analysis of the ellipse of dispersion. General Brown refers to both methods.⁹⁵ He then uses the crater analysis data from the Ukrainian investigation and does not address the dispersion data, even though he provides some relevant calculations.
67. General Brown concludes that the bearing and the shells' angles of descent determined by a Ukrainian artillery specialist at the impact site are consistent with the launch site in Dokuchayevsk, approximately 19.4 – 19.8 km from the affected checkpoint.
68. I will explain below that in this instance the dispersion data provided by General Brown (as well as my own assessment) leads to a very different result than the calculations based on crater analysis adopted by General Brown for the purposes of his Report. For the reasons explained in detail below, I do not agree with General Brown's conclusions on the distance and direction of fire. Even visual assessment of the dispersion of craters in the vicinity of the Buhas checkpoint shows that the firing range was less than 14 kilometres.

1. Determination of range based on crater analysis

69. General Brown correctly states that there is a stable correlation between the angle of descent of the M-21OF shell and the range of firing of the BM-21 "Grad" system that fired the shell. This correlation is reflected in the tables provided by the producer of the weapon (and appended to General Brown's Report). It is equally correct that, according to the table, the angle of descent between 52 and 55 degrees suggests a range of 19.4 to 19.8 kilometres without any spoiler rings (a device used to reduce the shell's flying range) and between 11.4 and 11.6 kilometres with a large spoiler ring.
70. I do not think, however, that the angles of descent – adopted by General Brown from the Ukrainian site inspection report – were defined in this case with sufficient accuracy for such inferences to be made as to the range of firing. Such analysis almost inevitably entails mistakes. Even an error of 5 degrees in determining the angle of descent will cause an error of 1 kilometre in determining the range of firing. Besides, the method used to determine the angles of descent is prone to significant mistakes.
71. Ukrainian investigators have involved an artillery specialist, Mr Dmitriev, to assist them with the assessment of the angles of descent on the ground. Mr Dmitriev is introduced as Deputy Chief of Staff of the rocket launcher artillery battalion of military unit A2167. I have no special training in crater analysis, but as an artilleryman I understand the method used by Mr Dmitriev, and would like to point out some inherent limitations that affect the accuracy of the measurements.
72. First, I understand that Mr Dmitriev measured the angles of descent by imitating a shell trajectory with a stick put into the crater. He does not explain how he chose the exact position of the stick, and I can only assume that he did that by visual assessment of the crater trying to

⁹⁵ Brown Report, para. 13 (as to the second method) and para. 26 (as to the first method).

imitate the approximate position of the shell at the moment of explosion. However, I would expect a clearer explanation of the method used (including how exactly the stick was placed in the crater⁹⁶) illustrated with photographic evidence. Without this, there is no reason to believe that the measured angle is consistent with the shell's angle of impact with the ground. For that reason, I hesitate to accept Mr Dmitriev's results for my analysis, especially with the precision suggested in the inspection report.

73. Furthermore, I note that the measurement of the angles of descent was performed with a combat mission plotter's protractor (Figure 5). This protractor is too small (the ruler's total length is only 20 cm, and it is intended to be used for maps) to be used to measure the angle of the wooden stick in relation to the ground. The report also does not explain whether the ground around the craters was levelled for the purposes of these measurements, and if it was, with what equipment. These apparent deficiencies could also seriously affect the resulting angles.

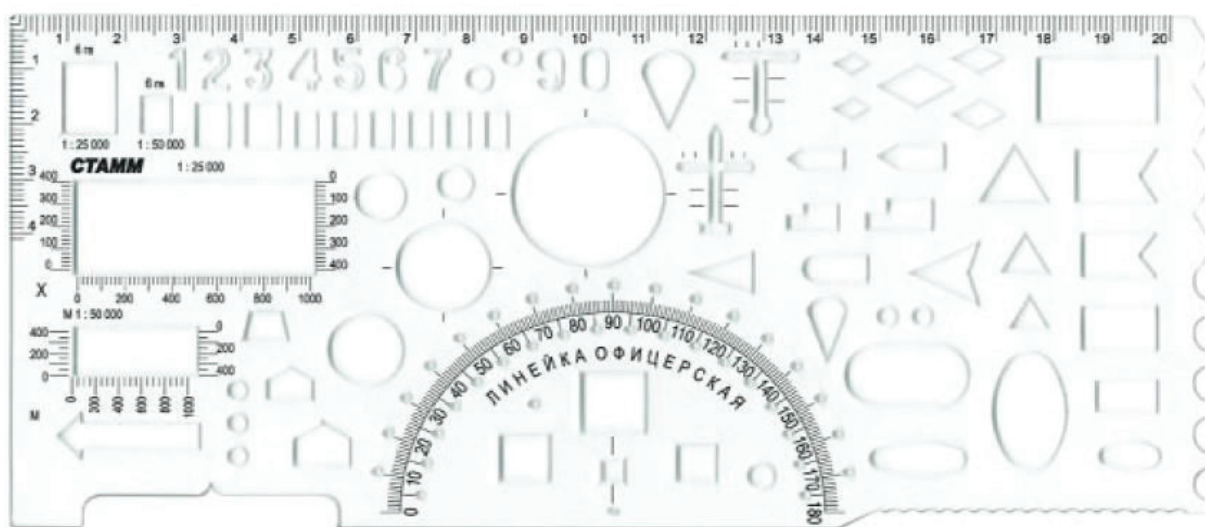

Figure 5. Combat mission plotter (the ruler on top is in centimetres and shows its real dimensions)⁹⁷

74. Consequently, the measured angles of descent may be seriously inaccurate.
75. As to the assessment of the horizontal (directional) angles of orientation toward the launch area, Mr Dmitriev states in the report that he used an aiming circle and a measuring tape to define the bearing of the shelling. He provides exact bearings and identifies a place in Dokuchayevsk that he believes was a firing position. Mr Dmitriev does not record how the tools were oriented to infer the bearing from the shell craters. I understand that the inclination of the craters and the shell debris furrows may be used to provide a general orientation for direction, but I cannot understand how accuracy can be narrowed down to mils.⁹⁸

⁹⁶ And whether each case actually concerns a crater caused by the exploded warhead rather than a cavity left by the rocket engine digging itself into the ground.

⁹⁷ Stamm website, "Combat mission plotter, flexible, with printed scale", https://stamm.ru/catalog/chertyezhnye_prinadlezhnosti/trafarety/trafarety_lineyki_ofiterskie/1182/ (Annex 268).

⁹⁸ One mil is 1/6,000 of a circle.

76. It is also worth mentioning that the magnetic field can be distorted where there are metal fragments of shells in the area where measurements are made. That may lead to an incorrect orientation of the aiming circle and an incorrect measurement of the directional angle.
77. I have been shown a video apparently made by journalists that visited the impact site between 13-14 January 2015. It appears from that video that at least in one case the “crater” was caused by a fragment of the rocket that must have been stuck in the soil after the explosion.

Figure 6. Shell fragment in a cavity⁹⁹

78. It appears likely that this fragment was removed before the resulting cavity was measured or that the measurement was carried out by placing a stick directly into the tube of the shell fragment¹⁰⁰ It is possible that this was also done in the case of other craters, and I have seen photographs of such angle measurement method in the inspection reports for the Mariupol shelling discussed below. To the extent that the cavity left by the tailpiece (rocket engine) was taken to represent the actual explosion crater (and the position of the rocket engine was taken to represent the trajectory of the shell),¹⁰¹ the analysis was erroneous. The tailpiece shell fragment (engine with stabilisers) may sometimes dig itself into the ground immediately after the explosion of the MLRS missile. However, the position of such fragment in the soil does not reflect the shell trajectory at the moment of explosion. When the missile head explodes, it inevitably affects the trajectory of the engine that is further altered when the engine buries itself in the soil. The alteration of the trajectory is rather unpredictable, and I am not aware of a

⁹⁹ YouTube channel VideOnline, “Volnovakha video from the site of the bus shelling”, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=17bXhbPzJ4k&t=210s>, 14 January 2015 (Annex 226).

¹⁰⁰ Record of Review, drafted by V. Romanenko, Senior Investigator for the Security Service of Ukraine (Annex 87 to the Memorial of Ukraine).

¹⁰¹ These cavities do not result from the explosion of the missile head, but rather from the impact of the tailpieces when they dig themselves into the soil.

method that would allow one to infer the original angle of the shell from the angle of the fragment stuck in the ground. Needless to say, when the fragment is extracted, the resulting cavity may also change its shape.

79. I also note that, on 17 January 2015, the SMM made a statement (after analysing five craters) that the fire came from a north-north-eastern direction. This direction is inconsistent with (to the north of) the position identified by the Ukrainian investigation upon which General Brown relies.¹⁰² However, it is now impossible to state which measurements were more reliable. I am not aware of the SMM's methods of operation, and they are not disclosed in their report.
80. To accurately determine the shelling conditions, it is important not only to examine the craters in detail, but also to collect projectile fragments. This makes it possible to reliably identify the type of ammunition used (including its specific modification and the type of fuze, the use of spoiler rings). I have not, however, been shown any investigation documents recording the collection of fragments from most of the craters (or the areas around them), the only information that I have seen concerns craters Nos. 1, 2 and 3,¹⁰³ and even in those cases there is no clarity as to where exactly the fragments were collected and no photographs of the fragments on the site.

2. Interim conclusions regarding the crater inspection data

81. For the reasons provided above I do not believe that the angles of descent defined by Mr Dmitriev and adopted by General Brown can be relied upon.
82. Since I cannot verify the data, I will proceed from the assumption that the bearing was somewhere between north-north-east (OSCE analysis) and north-east (Ukraine's analysis). I will allow a margin of mistake for the directional angles identified by Mr Dmitriev since I do not know what his method was for inferring the bearing from the craters.
83. Given that the crater analysis data above does not enable one to define the range and bearing with precision, I shall consider the other method suggested by General Brown (but not applied by him) to see whether more reliable conclusions could be reached.

3. Analysis of the ellipse of dispersion

84. I will now consider whether it is possible to determine the direction and range of fire based on the dispersion of impacts. General Brown provides a description of the relevant methodology at paragraph 13, with which I agree. The analysis is performed on the basis of so-called probable errors and the ellipse of dispersion, i.e. an ellipse drawn in such a manner so as to cover all impact points created by shells, except for the obvious shells that considerably deviated.¹⁰⁴ Probable errors are 1/8th of the major and minor axes of the ellipse of dispersion. Data on probable errors can be correlated with the range of fire by reference to the standard Firing

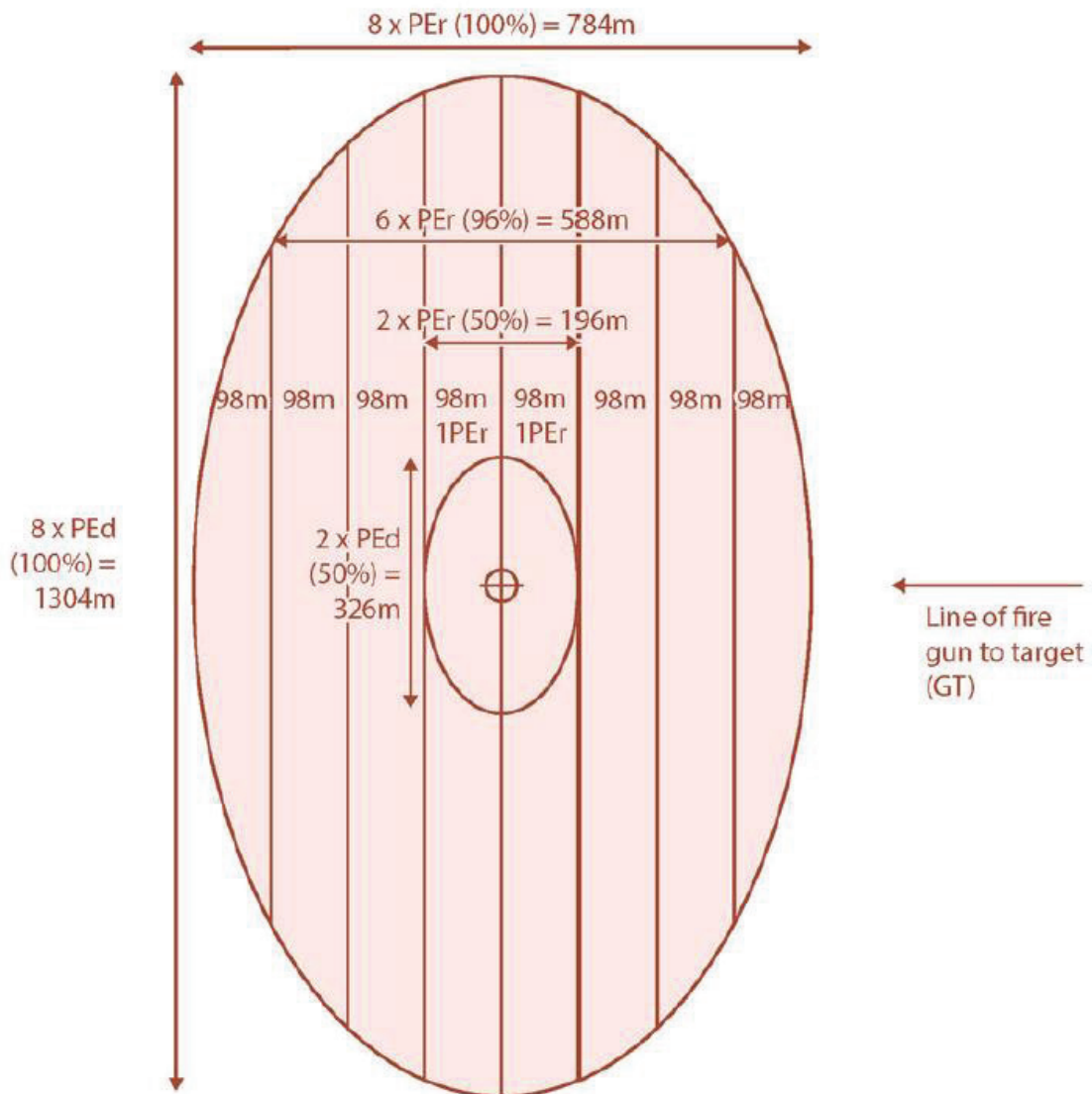
¹⁰² Brown Report, para. 25. Record of Review, drafted by V. Romanenko, Senior Investigator for the Security Service of Ukraine (Annex 87 to the Memorial of Ukraine).

¹⁰³ Expert Opinion No. 64/1-30/6, drafted by Ukrainian Scientific Research Institute for Special Equipment and Forensic Expert Examinations, Security Service of Ukraine (26 March 2015) (Annex 113 to the Memorial of Ukraine).

¹⁰⁴ Those are defined relative to probable errors (PEs) that are standard deviations from the mean point of impact. A normal dispersion ellipse has its axes defined as 8 PEs in range (along the line of fire) and 8 PEs in direction (perpendicular to the line of fire). Anything beyond this ellipse is to be considered an outlier.

Tables provided below (see, for instance, Figure 8 and Figure 9). The orientation of the ellipse is indicative of the bearing of fire.

85. An approximate range can be deduced even from the overall shape of the ellipse relative to the direction of fire. The point is that the correlation of probable errors for range and for direction changes depending on range: at short ranges, errors for range are larger than errors for direction (the ellipse of dispersion is elongated along the direction of fire) and at long ranges errors for direction are larger than errors for range (the ellipse of dispersion is elongated perpendicularly to the direction of fire).
86. Figure 1 at paragraph 30 of the Brown Report features a diagram correctly showing the expected ellipse of dispersion created by 122mm rockets at a range of 19.6 km, using data on the length of the ellipse's axes from the Firing Table: 1,304 m for direction and 784 m for range. This is an oval elongated perpendicularly to the deduced direction of fire and typical of the maximum firing range. I agree that this is the expected ellipse for that range (Figure 7).¹⁰⁵

¹⁰⁵ Brown Report, para. 13.

Figure 7. Diagram showing fall of shot pattern created by 122mm Rockets at 19.6 km range, using Firing Table data¹⁰⁶

87. However, General Brown provides very different parameters of the actual ellipse of dispersion for this shelling at paragraph 23 of his Expert Report, where he refers to “an image taken by an OSCE UAV and [...] an analysis conducted by the Ukrainian Security Service investigators at the time of the incident” and states that “they exhibit a spread of shot approximately 640 metres along the deduced direction of fire and 580 metres perpendicular to the deduced direction of fire.”
88. The spread of shot (640 m for range and 580 m for direction) referred to by General Brown at paragraph 23 is inconsistent with the ellipse described at paras. 29-30.¹⁰⁷ On the contrary, the spread of shot elongated along a certain direction of fire indicates a potential range of fire of up to 13-14 km even without spoiler rings (Figure 8). If spoiler rings are used, the range would be even smaller: 9–10 km (Figure 9). Therefore, the range of fire assessed by General Brown at paragraph 26 (19.4–19.8 km without spoiler ring and 11.4–11.6 km with a large spoiler ring) cannot, in my view, be consistent with his own calculations of the spread of shot.

¹⁰⁶ Brown Report, para. 30.

¹⁰⁷ Besides, that the values of errors for range exceed those for direction is confirmed by a scheme presented in Annex 599 to the Memorial of Ukraine shown to me. It is obvious that the dispersion for range (approximately from north-east to south-west) is larger than for direction (approximately from south-east to north-west).

Distance	Aim	Change in distance per one-mil change in aim	Narrow bracket ($4 B_d$)	Average Deflection	
				distance	lateral
D	P	ΔX_{ml}	B	B_d	B_b
m	mils	m	mils	m	m
13000	318	27	20	133	94
200	325	26	20	131	96
400	332	25	20	130	97
600	340	25	20	128	99
800	348	24	20	127	100
14000	356	24	21	125	102
200	364	23	21	123	104
400	372	23	21	122	106
600	381	22	22	121	107
800	389	22	22	120	109
15000	398	21	23	119	111
200	407	21	23	118	113
400	417	20	23	117	115
600	426	20	24	116	116
800	436	20	24	115	118

Figure 8. Excerpt from the firing tables for high explosive fragmentation projectiles M-21OF (without spoiler ring) demonstrating the distance at which PER and PEd have equal values.¹⁰⁸ At long ranges errors for distance (range to target) are smaller than lateral errors (for direction)

¹⁰⁸ Ministry of Defence of the USSR, Firing Tables for High Explosive Fragmentation Projectiles M-21OF (1985) (Annex 599 to the Memorial of Ukraine).

Distance	Aim	Change in distance per one-mil change in aim	Narrow bracket ($4 B_d$)	Average Deflection	
				distance	lateral
D	P	ΔX_{mil}	B	B_d	B_b
m	mils	m	mils	m	m
9000	334	15	25	92	74
200	348	14	25	89	76
400	362	13	26	86	78
600	377	13	26	83	79
800	393	12	26	80	81
10000	411	12	27	77	83
200	429	11	27	74	85

Figure 9. Excerpt of the firing tables for high explosive fragmentation projectiles M-21OF (with a large spoiler ring) demonstrating the distance at which PER and PED have approximately equal values¹⁰⁹ This excerpt also shows that at a range of above 9,800 metres errors for distance (range to target) are smaller than lateral errors (for direction)

89. An error of several kilometres when assessing the probable launch site would be significant in this case. I understand that the positions of the DPR and the UAF between Dokuchayevsk and Buhas were very close to each other.¹¹⁰ With that in mind, the limited (and inconsistent) information available does not allow me to reach a clear conclusion that either party was responsible for the shelling.

C. Conclusions about the originating location of the shelling

90. The above analysis indicates that General Brown has provided inconsistent data concerning the originating location of the attack.
91. I cannot rule out that the DPR militia opened fire at UAF units (and made a pointing error) or that it was friendly fire from Ukraine (e.g. a targeting error). Whatever the case, I do not have sufficient information about the circumstances of the military operations for me to assess, from a military perspective, the appropriateness of that shelling and the probability of error, if any.

D. General Conclusions

92. Given the deficiencies and inconsistencies in the investigation files which I have addressed above, combined with the fact that I am not in possession of all necessary information for detailed analysis, I find it impossible to reconstruct the actual situation on 13 January 2015. There is a reasonable basis to believe that the shelling of the area immediately adjacent to the

¹⁰⁹ *Ibid.*

¹¹⁰ The distance between the positions appears to have been around 4-6 km, see Bobkov Report, Figure 23.

Buhas checkpoint should be understood in the context of armed clashes unfolding in that general area, but it is impossible to state with certainty why this location was shelled.

93. The Buhas checkpoint was manned by armed formations and was part of Ukraine's combat positions. In particular, I understand from the open source information provided to me that the unit which served on that checkpoint in the relevant time period equipped at least two firing positions for small arms and had at least one armoured vehicle that were spotted at various times at the checkpoint. There were at least two dug-out positions for military vehicles at the checkpoint (visible in the satellite image). The Buhas checkpoint guarded an important road that was likely essential for the supply of Ukrainian positions nearby Dokuchayevsk.
94. Furthermore, since Ukrainian government military units were present in the general area around the checkpoint, they could have been moving through the adjacent territory in order to provide support to units fighting the armed forces of the DPR. I do not know what information was available to the DPR military personnel (in particular, to commanders) and I do not exclude the possibility that they could have been misinformed.
95. Therefore, General Brown's conclusions that there could be no military justification for the shelling fail to account for the checkpoint's apparent role in the operational system of the UAF's positions in that area or the context of hostilities in the wider area of the checkpoint. I believe that this shelling could have been part of the military activities.
96. Besides, based on the available data, I do not think that it may be concluded that the checkpoint, the road or civilian transport vehicles at / near the checkpoint were targeted in the shelling.
97. General Brown's specific conclusions on the origin of fire seem to me unsubstantiated. His account of the impact pattern contradicts his conclusions as to the range of fire. At the same time the Brown Report relies uncritically on the crater analysis borrowed from the Ukrainian investigation. As I noted above, this data is unreliable. My own assessment shows that no reliable conclusion can be reached from the data available to me.

III. SHELLING AT THE VOSTOCHNIY MICRO-DISTRICT OF MARIUPOL ON 24 JANUARY 2015

A. Operational situation in the area of the shelling

1. *Positions of the parties in and around Mariupol*

98. As I have already explained, when assessing a combat operation and its consequences, it is essential to consider its context, first of all, the parties' positions, the territory they control and hostilities in other nearest directions. Otherwise, it is impossible to arrive at an informed interpretation of the potential purposes of the attack. I perform this analysis on the basis of public sources and Ukrainian investigation files that I have been provided with. I note, however, that those files do not include necessary records, such as orders, instructions to the troops, situation and activity reports, logbooks. As I have explained in paragraph 7 above, such sources would substantially assist my analysis of the military situation, and they would likely assist in understanding the targets of the shelling on 24 January 2015.
99. I note that Map 4 in the Memorial of Ukraine¹¹¹ differs from the map published on 24 January 2015 by the IAC NSDC.¹¹² According to this map, Shyrokyne is controlled by the DPR and Sakhanka, judging by an almost flat boundary line, is too.¹¹³ Hnutove is also shown as controlled by the DPR in both maps.¹¹⁴ Having studied several sources mentioned immediately below, it appears likely that neither of these maps accurately reflect the actual situation in the area of hostilities on the day of the shelling. While Sakhanka and Shyrokyne indeed appear from other sources (see below) to have been under the DPR control, Hnutove apparently was not.
100. In attempting to recreate the military circumstances, I find that information from various sources does not always match. According to public reports on 21 January 2015 ATO forces were in Hnutove,¹¹⁵ Pavlopil¹¹⁶ and in Talakivka.^{117,118} A Ukrainian court judgment against the alleged DPR informant, Mr Kirsanov, indicates that the positions in Talakivka existed even earlier: he was found to have conveyed information about the deployment of UAF military equipment there on 14 January 2015.¹¹⁹ I understand that these were ATO forward positions.¹²⁰

¹¹¹ Memorial of Ukraine, Map 4, p. 54.

¹¹² Information and Analysis Center of the National Security and Defence Council of Ukraine, "The situation in the Eastern regions of Ukraine 24.01.2015", 24 January 2015, <http://mediarnbo.org/2015/01/24/the-situation-in-the-eastern-regions-of-ukraine-24-01-15/?lang=en> (Annex 58).

¹¹³ Ibid.

¹¹⁴ See supra notes 111 and 112.

¹¹⁵ About 11 km from the Vostochoy microdistrict.

¹¹⁶ About 17 km from the Vostochoy microdistrict.

¹¹⁷ About 8 km from the Vostochoy microdistrict.

¹¹⁸ *Radio Svoboda*, "Hostilities continue in the area of the Donetsk Airport - ATO headquarters", 21 January 2015, <https://web.archive.org/web/20201127053625/https://www.radiosvoboda.org/a/26806294.html> (Annex 102).

¹¹⁹ Ukraine, Primorsky District Court of Mariupol, Case No. 265/4773/15-k, Judgment, 18 June 2019, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/82431956> (Annex 77).

¹²⁰ Dmitry Tymchuk: "Intense fighting continued in the Mariupol area. The advanced groups of Russian and terrorist troops could not advance either northeast or north of this settlement. Particularly intense battles and shelling were recorded in the Pavlopil-Sartana area. Enemy artillery fires massively at the forward positions of the Ukrainian troops, trying to create conditions for the further advance of groups of militants." Facebook page of Dmitry Tymchuk, former member of parliament of Ukraine, Ukrainian military expert and blogger, post at: <https://www.facebook.com/dmitry.tymchuk/posts/625257450936247>, 22 January 2015 (Annex 189).

101. This is also consistent with the contents of an intercepted conversation that Ukraine provides (it claims between Mr Kirsanov and a DPR fighter), on 24 January 2015. According to this intercept, the DPR attempted to launch an offensive on the positions near Hnutove and the UAF were sending a convoy of military equipment “to meet” them in that location.¹²¹ This appears to refer to a manoeuvre by the UAF to reinforce their positions in Hnutove.
102. I am not aware of any reports or statements suggesting that Hnutove and Talakivka were captured by the DPR by 24 January 2015. Thus, for the purposes of my analysis, I think it is appropriate to assume that the separation line ran between the settlements of Pavlopil and Oktyabr (DPR-controlled, according to the SMM OSCE)¹²² to the north and north-east of Mariupol and continued in the southern direction along the UAF positions in Hnutove and Talakivka.
103. This assumption is generally confirmed by the Bobkov Report, which identifies a number of Ukrainian positions around Hnutove and Talakivka as well as in front of Mariupol,¹²³ with defences oriented to the east.
104. With regards to the southern part of the area near Mariupol, it appears that the DPR forces controlled Shyrokyne and could have advanced even closer to Vynohradne in the south of Mariupol and possibly to Lebedynske (around 4 km to the east of Mariupol).
105. The OSCE SMM reports that, as at 11 January 2015, Shyrokyne and Sakhanka were controlled by the DPR.¹²⁴ In theory, Shyrokyne and Sakhanka could have been recaptured by the UAF at some point prior to 24 January 2015 but am not aware of any reports to that effect, and it appears (including from the IAC NSDC map I referred to above) that these residential settlements were controlled by the DPR as at 24 January 2015.
106. Some reports suggest (with reference to the militia’s sources) that Lebedynske was captured by the DPR on 19 January 2015.¹²⁵ That the settlement of Lebedynske was not controlled by the government forces is also supported by a statement of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine dated 25 January 2015 provided by Ukraine in Annex 91.¹²⁶
107. The open-source material provided to me also includes a report on 21 January 2015 that reads:

“The intensity of the fighting for this seaport town and its isolation are increasing every day. The epicentre of the fighting is currently located near the eastern and north-eastern outskirts of Mariupol ... the Ukrainian command is in fact unable to hold Mariupol for long”.¹²⁷

¹²¹ Intercepted Conversation between Kirsanov and Ponomarenko (11:04:12, 24 January 2015) (Annex 415 to the Memorial of Ukraine).

¹²² OSCE, Spot Report by the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine, Shelling Incident on Olimpiiska Street in Mariupol (24 January 2015) (Annex 328 to the Memorial of Ukraine).

¹²³ Bobkov Report, Figure 26.

¹²⁴ OSCE SMM. Daily report as of 11 January 2015 (Annex 6).

¹²⁵ VKontakte page Reports from the Novorossiia’s militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=20012015&w=wall-57424472_40464%2Fall, 20 January 2015 (Annex 185). VKontakte page Reports from the Novorossiia’s militia, post at: https://vk.com/wall-57424472?day=21012015&w=wall-57424472_40651%2Fall, 21 January 2015 (Annex 188).

¹²⁶ Donetsk Region Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine, All Necessary Measures Being Taken to Deal with the Consequences of Militants’ Shelling of Mariupol (25 January 2015) (Annex 91 to the Memorial of Ukraine).

¹²⁷ VKontakte page Reports from the Novorossiia’s militia, 21 January 2015 (Annex 188).

108. Another source suggests that by 21:25 on 24 January 2015, the DPR forces had managed to reach an area close to an intersection with Vynohradne to the south of Mariupol.¹²⁸
109. I have been provided with a map published on social media in August 2019 by Vyacheslav Abroskin (Figure 10)¹²⁹, who was Deputy Head of the National Police of Ukraine at the time of publication.¹³⁰ In my opinion, based on the information referred to above, this map more likely accurately reflects the situation on 24 January 2015. This map also appears to show that two UAF checkpoints near Vynohradne were shelled at 09:15 and 09:20 on 24 January 2015.

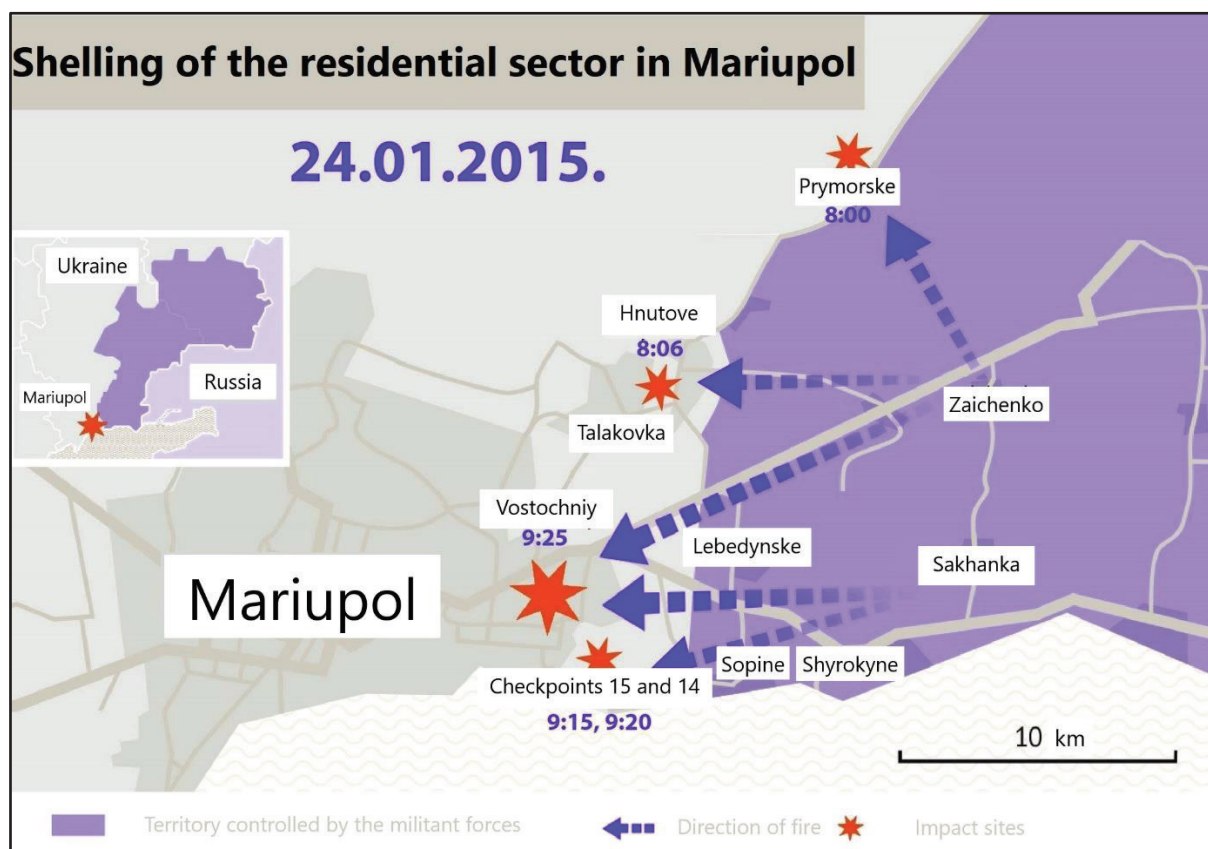

Figure 10. A map published on Vyacheslav’s Abroskin’s Facebook page¹³¹ (I have added the names of some residential settlements for clarity)

110. The Bobkov Report uses satellite imagery to identify Ukrainian positions from Hnutove in the north to Vynohradne in the south, and all those positions appear to form a line of defence protecting Mariupol that is consistent with my understanding of the line of contact.

¹²⁸ *Slovo I Dilo*, “Shelling of a Residential Area in Mariupol (Infographic)”, 24 January 2015, <https://www.slovoidilo.ua/articles/7102/2015-01-24/obstrel-zhilogo-sektora-v-mariupole.html> (Annex 108).

¹²⁹ Facebook page of Vyacheslav Abroskin, post at: <https://www.facebook.com/Vyacheslav.Abroskin/posts/2156580624634600>, 15 August 2019 (Annex 215).

¹³⁰ *Liga.Dossier*, “Vyacheslav Abroskin, Rector of the Odessa University of Internal Affairs, former First Deputy Head of the National Police of Ukraine”, 19 April 2021, <https://file.liga.net/persons/abroskin-vyacheslav> (Annex 145).

¹³¹ I note that Police General Abroskin uses the term “terrorists” to refer to the DPR forces. My reference to the source, or any other source using this term, should not be read as endorsement of this characterisation.

2. Conduct of hostilities in the area of Mariupol and the DPR's announced intention to capture Mariupol

111. It is difficult for me to assess the concrete objectives and intentions of the parties on 23-24 January 2015. However, it is important to analyse the shelling on 24 January in the context of an offensive operation by the DPR forces described in a number of open sources below.
112. Analysis of material and open source information with which I have been provided suggests that the situation in the area of Mariupol and adjacent territory was tense.
113. During late January active hostilities were reported (involving artillery fire) near the separation line to the east and north of Mariupol.
114. According to the open source material provided to me I understand the situation to have been as follows:
- a) On 19 January, the “Defence of Mariupol” Facebook page¹³² reported 10 shellings of UAF positions near Orlovske,¹³³ Hnutove, Chermalyk¹³⁴ and Pavlopil.¹³⁵ According to this source, the shelling was conducted from mortars, artillery, grenade launchers and anti-tank missile systems.
 - b) On 20 January BBC News Russian reported on a general increase in hostilities in the east of Ukraine. In particular, the article mentioned 11 shellings around Mariupol with mortars, grenade launchers and an anti-tank missile system.¹³⁶ The BBC reported that the most heavily shelled UAF positions were around Hnutove and Chermalyk and stated that information about a wholesale attack on Mariupol was not confirmed.¹³⁷
 - c) On 21 January active hostilities were reported near Mariupol, with UAF positions in the regions of nearby Sartana, Talakivka and Pavlopil (further to the north-north-east) subjected to intense shelling. A Ukrainian military analyst, Mr Tymchuk, suggested that the intense shelling was intended to cover reinforcement of the DPR positions in the direction of Mariupol.¹³⁸
 - d) On 22 January Mr Tymchuk again reported heavy battles around the same positions. He suggested that the DPR artillery

¹³² Facebook page Defence of Mariupol, post at: https://www.facebook.com/mariupol.oborona/posts/565411070262497?__tn__=-R, 19 January 2015 (Annex 184).

¹³³ More than 15 km to the north-north-east of Mariupol.

¹³⁴ More than 20 km to the north-north-east of Mariupol.

¹³⁵ More than 16 km to the north-north-east of Mariupol.

¹³⁶ *BBC News Russia*, “Fighting breaks out again in Eastern Ukraine”, 20 January 2015, https://www.bbc.com/russian/international/2015/01/150120_ukraine_donetsk_airport_fighting (Annex 101).

¹³⁷ *Ibid.*

¹³⁸ Facebook page of Dmitry Tymchuk, post at: <https://www.facebook.com/dmitry.tymchuk/posts/624786844316641>, 21 January 2015 (Annex 187).

“The enemy launched several heavy fire attacks on the Ukrainian advanced positions in the area of Mariupol (area of Talakivka, Pavlopil, Sartana). The attacks were to cover the redeployment of Russian and terrorist troops in the area of Mariupol. The enemy’s advanced groups are considerably reinforced with manpower and military equipment. It is noted that the enemy has at least 10 tanks operating immediately at the advanced positions. The enemy’s armoured vehicles are still advancing to the first line.”

“conduct[ed] intense shelling against the UAF’s frontline positions in an attempt to prepare for further advances of the rebel forces”.¹³⁹

- e) On 23 January 2015, the DPR leader (Mr Alexander Zakharchenko) declared: “We will fight until we reach the Donetsk region border”). This was reported by press as

“indicating the rebels plan to seize the region’s western and southern territories which include the Ukrainian-held port city of Mariupol”.¹⁴⁰

- f) On the same day, a Ukrainian MP and the commander of the Kyiv-1 battalion, Yevgeny Deidei, posted on Facebook that

“[a]fter Zakharchenko’s statement about his intention to capture Mariupol, the terrorists began a tank advance in the regions adjacent to the city”, adding then that he did not rule out the possibility that “active attacks of the separatists in the other sectors of the ATO were a diversionary tactic.”¹⁴¹

- g) The official spokesperson of the “Anti-Terrorist Operation”, Mr Lysenko, was reported as saying on the same day (23 January) that while the DPR are not advancing their tank forces in the direction of Mariupol, they

“are intensively shelling the positions of the [Ukrainian] forces in the outskirts of Mariupol; in particular, they are firing from artillery and tanks”.¹⁴²

The official spokesperson was reported to say that these shellings could not be considered as the beginning of the advance towards Mariupol since he did not think the DPR forces were capable of such advance. By contrast, on 24 January Mr Zakharchenko confirmed that the DPR had started an advance at Mariupol.¹⁴³

115. Since I cannot assess the accuracy of all the sources quoted above, I will assume that they were relatively accurate. On this basis, in the period of 19-23 January 2015, there was a build-up of military activities in the areas close to Mariupol that involved, in particular, artillery shelling of both the UAF positions close to the city (and further to the north-north-east). I do not know what the ultimate purpose of those shellings may have been, but I note that Mr Zakharchenko’s declared objective of the offensive was to occupy Mariupol.¹⁴⁴ This intention was expressed on 23 January, and then reconfirmed on 24 January, when Mr Zakharchenko said that “today we have

¹³⁹ Facebook page of Dmitriy Tymchuk, former member of parliament of Ukraine, Ukrainian military expert and blogger, post at: <https://www.facebook.com/dmitry.tymchuk/posts/625257450936247>, 22 January 2015 (Annex 189).

“Intense fighting continued in the Mariupol area. The advanced groups of Russian and terrorist troops could not advance either northeast or north of this settlement. Particularly intense battles and shelling were recorded in the Pavlopil-Sartana area. Enemy artillery fires massively at the forward positions of the Ukrainian troops, trying to create conditions for the further advance of groups of militants.”

¹⁴⁰ *Newsweek*, “Civilians Caught in Crossfire as Ukraine Separatists Make Gains”, 23 January 2015, <https://www.newsweek.com/pro-russian-rebels-mount-new-offensive-ukraine-held-territory-301514> (Annex 104).

¹⁴¹ Facebook page of Evgeniy Deidei, coordinator of the Kyiv-1 battalion, post at: <https://www.facebook.com/evgeniy.deidei/posts/742959402462277>, 23 January 2015 (Annex 190).

¹⁴² *UNIAN*, “ATO Headquarters: the militants are not attacking Mariupol, but they are intensively shelling its outskirts”, 23 January 2015, <https://www.unian.net/war/1035588-shtab-ato-boeviki-ne-nastupayut-na-mariupol-no-intensivno-obstrelivayut-ego-okrestnosti.html> (Annex 103).

¹⁴³ YouTube channel Russian Dialogue.ru, “Zakharchenko on the beginning of the offence on Mariupol”, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=ShOHb-aHJHw>, 24 January 2015 (Annex 229): “I’d like to say that today we have started our advance at Mariupol...”

¹⁴⁴ See *supra* notes 68, 140.

started our advance at Mariupol”.¹⁴⁵ In view of these statements, it appears likely that the shellings conducted at least since 19 January were aimed at suppressing the UAF positions around the city.

116. It appears that Mr Zakharchenko changed his position in the evening of 24 January (already after the city was impacted). Even though earlier in the day he announced an “advance at Mariupol”, in a brief statement the same evening, Mr Zakharchenko said the following:

“Until today we took no active steps near Mariupol. We are saving strength. However, now that Kyiv has decided to blame on us their mistaken GRAD fire from Berdyanskoye at the residential quarter, I have ordered to suppress the positions of Ukrainian forces located to the east of Mariupol.

No one is going to storm the city. [...] there are our people there, the same Donetsk people”.¹⁴⁶

117. I find it difficult to reconcile this statement with the other reporting referred to above, including Mr Zakharchenko’s own statements on 23 and 24 January. It may be that after the events of 24 January Mr Zakharchenko decided to cancel the planned ground assault to capture the city and did not acknowledge the involvement of the militia in any shellings in the area at the time when the residential area was hit. Mr Zakharchenko did, however, say in the evening statement that there had been a significant increase in Ukrainian forces around Mariupol. Looking at all the quoted sources together, I believe that the positions around Mariupol most likely were shelled by the DPR on and before 24 January, and that at least until Mr Zakharchenko’s evening statement on 24 January those activities were consistent with the stated objective to advance at Mariupol.
118. I am not aware of the strategy employed by the DPR in this conflict, and I do not speculate as to the actual reasons behind the advance at Mariupol. At the same time, it is rather obvious that the city has valuable facilities. Mariupol has a large port of great importance for the local industry. It can apparently handle more than 17 million tonnes of cargo annually, including grain, oil, ore, metal, coal etc.¹⁴⁷ I understand that supplies of coal were of vital importance for Ukraine since its own resources in the Donbass basin were in the conflict zone.¹⁴⁸ Mariupol also appears to have had considerable strategic and military importance. According to a statement published by Mr Gerashchenko on 24 February 2015, Mariupol’s metal and heavy machinery industry was key to Ukraine’s capacity to produce armour for military vehicles.¹⁴⁹ In Mr Gerashchenko’s opinion, the DPR was aware of these circumstances, which accounted for their

¹⁴⁵ YouTube channel Russian Dialogue.ru, “Zakharchenko on the beginning of the offence on Mariupol”, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=ShOHb-aHJHw>, 24 January 2015 (Annex 229).

¹⁴⁶ *Ria News*, “Zakharchenko: the militia are not going to assault Mariupol”, 24 January 2015, <https://ria.ru/20150124/1044114975.html> (Annex 106); the word used by Mr Zakharchenko was “дончане”, a term used to refer to people from (very broadly) the Donetsk region.

¹⁴⁷ *Port News*, “Cargo turnover at Mariupol (Ukraine) in the first 5 months of 2015 decreased by 35.5% and reached 3.812 mln tonnes”, 9 June 2015, at <https://portnews.ru/news/201076/> (Annex 114).

¹⁴⁸ *Capital*, “Will Ukrainian coking coal really become Ukrainian?”, 27 February 2020, <https://www.capital.ua/ru/publication/138560-stanet-li-ukrainskiy-koksuyuschisya-ugol-deystvitelno-ukrainskim#ixzz6wHNkNZMe> (Annex 141).

¹⁴⁹ Facebook page of Anton Gerashchenko, post at: https://www.facebook.com/anton.gerashchenko.7/posts/816004235153092?_rdc=2&_rdr, 24 February 2015 (Annex 194). From March 2014 to November 2014 Mr Gerashchenko was an external adviser to the Minister of Internal Affairs of Ukraine Arsen Avakov: see *Liga.Dossier*, “Gerashchenko Anton, Deputy Minister of Internal Affairs of Ukraine”, 9 February 2021, <https://file.liga.net/persons/gerashchenko-anton> (Annex 142).

intention to capture Mariupol. I also understand that Mariupol was previously under the control of the DPR.¹⁵⁰

119. While I do not see sufficient evidence of the actual attempt to capture Mariupol, I have no basis to assume that no such advance on the city was planned by the DPR.
120. Moreover, I note that after the shelling, on the same day, the Mariupol authorities reportedly stated that they had strengthened security measures in the city and that “all units were fully battle-ready”.¹⁵¹ That suggests to me that the Ukrainian authorities recognised the possibility of a ground attack and prepared to it.
121. In this situation, shelling all Ukrainian positions defending the city would be a logical preparatory phase of the offensive, and it seems that it was seen as such by Mr Deidei I quoted above (see paragraph 114 (f) above). The planned “ground assault” on the city may not have happened for a variety of reasons (including tactical considerations and priorities in other areas of active fighting).
122. I note that General Brown does not analyse the operational situation that I have described above; he merely observes that “[n]o ground assault was forthcoming” against “the northern checkpoint” – the position that he has identified as the main suspect military target for the attack.¹⁵² Given the above facts, I disagree with General Brown that no ground assault was planned by the DPR forces. The transcripts provided to me suggest that the DPR forces did indeed intend to advance into the territory controlled by the UAF in the direction of Mariupol,¹⁵³ which is consistent with public reports about the advance at the city.
123. In view of the overall military situation described above, I believe that the shelling that impacted Mariupol on 24 January 2015 is most likely to be seen in the context of an overall assault against the UAF positions in the area and the planned advance at the city. Such analysis of the situation is also supported by the events of 24 January 2015, including the relevant intercept evidence, which I examine in greater detail below.¹⁵⁴ As in the case of other intercepts, I cannot form a view as to reliability of that evidence. However, to the extent that it reflects real conversations, it strongly suggests that on 24 January 2015 the militia were shelling a number of Ukrainian positions at the same time. Although the location of those UAF positions is not disclosed in most transcripts, it appears from the named locations of the UAF forces¹⁵⁵ and the named

¹⁵⁰ See Figure 4 above.

¹⁵¹ *Associated Press*, “Police: 10 Killed in Mariupol Shelling in Ukraine”, 24 January 2015, <http://web.archive.org/web/20150124110035/http://abcnews.go.com/International/wireStory/10-reported-killed-rocket-fire-mariupol-ukraine-28447614> (Annex 107).

¹⁵² Brown Report, para. 49, referring to Ministry of [Internal Affairs] of Ukraine, Main Department of the National Guard of Ukraine Letter No. 27/6/2-3553 to the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine (31 May 2018) (Annex 183 to the Memorial of Ukraine). General Brown refers to the letter by the National Guard of Ukraine, and I do not see there any statement to that effect.

¹⁵³ See paras 127–133.

¹⁵⁴ Intercepted Conversation between Evdotiy (“Pepel”) and Kirsanov (10:36:40, 24 January 2015) (Annex 413 to the Memorial of Ukraine); Translation of the transcripts of the Intercepted Conversation between Kirsanov and Ponomarenko (10:38:14, 24 January 2015) contained in Annex 414 to the Memorial of Ukraine (Annex 255); Translation of the transcripts of the Intercepted Conversation between Kirsanov and Ponomarenko (11:04:12, 24 January 2015) contained in Annex 415 to the Memorial of Ukraine (Annex 254); Translation of the transcripts of the Intercepted Conversations of Maxim Vlasov (23–24 January 2015) contained in Annex 408 to the Memorial of Ukraine (Annex 253).

¹⁵⁵ Tanks positions near Lyapine. See Translation of the Conversations of M. Vlasov (Annex 253), conversation No. 162, at 11:27:05 on 24.01.2015.

“**Diky**”: Lyapino, for f***’s sake, you hit below the hillock, and there are a f***** lot of tanks above.

sources of return fire¹⁵⁶ that the fire was likely directed against various military positions around Mariupol. This is consistent with the fact that Mr Kirsanov (who I understand is alleged by Ukraine to have provided information to the DPR regarding the location of military targets around Mariupol) was found by a Ukrainian court to have provided to the DPR coordinates of the UAF positions near Talakivka, Sartana, Vynohradne,¹⁵⁷ which were then shelled.¹⁵⁸

124. The Abroskin map (Figure 10 above) also indicates shellings of positions near Talakivka, Primorskoye and a road position to the east of the city. The tragic events in Mariupol may have understandably distracted attention from other shellings and generally from covering the overall military picture, but it is important to keep this context in mind when analysing the possible military rationale behind the shelling that affected the city.

3. *Analysis of the intercepted conversations*

125. I understand that Ukraine has provided transcripts (but not audio recordings) of conversations which are alleged to be intercepted calls between DPR members purportedly preparing and coordinating artillery attacks on 24 January 2015. These conversations suggest that there were artillery attacks by the DPR, which could have been intended to support a planned ground offensive. General Brown refers to certain of these conversations only, though the wider context appears to me important.¹⁵⁹ First, I will address the intercepts that appear to indicate that the artillery fire was directed in support of a planned DPR ground offensive.
126. For example, conversation No. 68¹⁶⁰ suggests that at least several artillery squads fired “as soon as ready” that could have provided a constant fire effect in order to support an advance of the DPR units.

¹⁵⁶ Translation of the Conversations of M. Vlasov (Annex 253), conversation No. 185, at 13:23:44 on 24.01.2015: the reference in the transcript is made to the ‘Pichiksu’ station ‘behind Kalchik’. The only location that broadly matches the description is the Kichiksu station shown on a map: Kichiksu station on Yandex.Maps, available at: <https://yandex.ru/maps/-/CCUiy-W3LA> (Annex 266):

“**Dikyy**”: Hello? So, there’s another piece of information about the location. The Pichiksu station behind Kalchik...

Max “Yugra”: Uh-huh.

“**Dikyy**”: Look it up on the map. Grads are f***** shelling Mariupol from there...

Max “Yugra”: Uh-huh.

“**Dikyy**”: And there’s a f***** 8-axle Smerch standing there. How the f*** it...

Max “Yugra”: Yes, I got it. Understood. Tell me again, friend.

“**Dikyy**”: There’s a station called Pichiksu, behind Kalchik.

¹⁵⁷ Ukraine, Primorsky District Court of Mariupol, Case No. 265/4773/15-k, Judgment, 18 June 2019, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/82431956> (Annex 77).

¹⁵⁸ See the Map at para. 109 above.

¹⁵⁹ See the Brown Report, paras. 48(c) and 54, referring to Intercepted Conversation between Kirsanov and Ponomarenko (10:38:14, 24 January 2015) (Annex 414 to the Memorial of Ukraine).

¹⁶⁰ Translation of the Conversations of M. Vlasov (Annex 253), conversation No. 68, at 23:38:47 on 23.01.2015:

Max “Yugra”: Listen here and tell Ruben that the first job [i.e. shelling] is at 7:30, you got it? Yes, only the first one at 7:30 and then when ready, yes. At 5:55, I’ll need to report to you and Ruben that everything’s okay, that you’re ready, you got it?

Ibid, conversation No. 177, at 12:51:35 on 24.01.2015:

“**Gorets**”: He doesn’t need to wait. Let him fire and go reload again. Complete the assignment and go load. Come on, faster, come on. So, look, record the time...

Ibid, conversation No. 107, at 07:55:55 on 24.01.2015:

Max “Yugra”: Fire, then leave, recharge, and be always in touch with Ryzhy. When Ryzhy is ready, report to me, you got it? So long.

127. Furthermore, in the intercepted conversation cited by I.E. Yanovskyi,¹⁶¹ Ponomarenko (one of the DPR fighters) calls for a checkpoint to be shelled so he could go there and “clean it up”.¹⁶² This suggests that ground offensives involving artillery support were contemplated.
128. In another conversation No. 117,¹⁶³ “Yugra” (another DPR fighter), on finding out that the artillery hit the target, asks the interlocutor to order the latter’s commander to launch an attack. Since it appears that the target had already been subjected to a successful artillery barrage, I understand this to refer to a ground assault.
129. Moreover, in conversation No. 68, “Yugra” underscores the importance of the offensive and mentions the time it starts. It appears that shellings were planned to begin at 7:30, with fire then opened when ready, but, judging by the text of the conversations, artillery apparently started firing since 8:00 and ended after 16:00 (in any case, this is the time of the last recorded conversation about the shellings provided to me).¹⁶⁴
130. In another intercept, at 8:04, “Ruben” (who appears to have been one of the artillery unit commanders for the DPR) was ordered to fire. Several minutes before the attack that hit the residential area of Mariupol, “Terek” was ordered to fire at 9:13.¹⁶⁵ I understand that no metadata about the place at which “Terek’s” number was intercepted was provided, which may have supported or refuted Ukraine’s location of the launch site.
131. Quite intense hostilities generally appear to have been going on in the area of Mariupol: in conversation No. 7, “Yugra” says that he was “intensely attacked”¹⁶⁶, and two casualties are mentioned in conversation No. 28¹⁶⁷ which, as another conversation suggests, were caused by BM-21 Grad MLRS fire.¹⁶⁸

¹⁶¹ Witness Statement of Igor Evhenovych Yanovskyi (Annex 5 to the Memorial of Ukraine), para. 16, referring to the Intercepted Conversation between Evdotiy (“Pepel”) and Ponomarenko (18:00:22, 23 January 2015) (Annex 418 to the Memorial of Ukraine).

¹⁶² Translation of the Conversation between Evdotiy (“Pepel”) and Ponomarenko (Annex 252):

Pepel [another DPR fighter]: I will, I’ll do Vostochniy tonight as well, don’t worry.

Ponomarenko: So that I can f***** come in there and f***** clean it up.

¹⁶³ Translation of the Conversations of M. Vlasov (Annex 253), conversation No. 117, at 08:33:38 on 24.01.2015:

Max “Yugra”: Wait. Did you adjust Malysh’s fire? Malysh’s fire?

Unidentified person: Yes.

Max “Yugra”: And what? Did you hit it?

Unidentified person: Yes.

Max “Yugra”: All right, tell your commander to launch a f***** offensive forward now that you hit it.

¹⁶⁴ *Ibid*, conversation No. 221, at 16:13:04 on 24.01.2015, which is the last one related to shellings in this Annex.

¹⁶⁵ *Ibid*, conversation No. 130, at 09:13:32 on 24.01.2015:

“Yugra”: Yes, yes!

“Terek”: Two are ready.

“Yugra”: Ok, shell the s*** out of them!

¹⁶⁶ Translation of the Conversations of M. Vlasov (Annex 253), conversation No. 7, at 08:32:59 on 23.01.2015:

Max “Yugra”: Yeah, I’m here. Well, you know, f***. It’s fine. It’s been f***** hell over the last four days.

You know, I’ve been told to lure them out to my position. You see, I sort of. F***** thrashed. I’ve just been involved in some intensive stuff, been intensely attacked. Well, that’s about it. How are you doing out there, brother?

¹⁶⁷ *Ibid*, conversation No. 28, at 16:23:58 on 23.01.2015:

Max “Yugra”: Well, that one, 2 two hundredths [deceased servicemen]

Unidentified person: Where?

Max “Yugra”: at Parus.

¹⁶⁸ *Ibid*, conversation, conversation No. 31, at 17:59:51 on 23.01.2015:

“Gorets”: Max, you have information. Did you get shelled by Grad [rocket launchers] today?

Max “Yugra”: Yes, we did.

132. On the day of the shelling and the day before, the combatants discussed at least 11 targets (which are referred to by number: Nos. 102,¹⁶⁹ 103 and 112,¹⁷⁰ 101, 104, 105 and 106,¹⁷¹ 107, 108, 109, 156¹⁷²). These targets could have been shelled from various positions and by various detachments (with different artillery systems). Some of these targets could have been repeatedly attacked simultaneously from several firing positions throughout the day. Since these targets are referred to by number only, it is impossible to know which targets and points of attack were referred to.
133. It appears from the conversations that certain artillery attacks and ground offensives were successful in a number of areas. For instance, Mr Kirsanov (the DPR informant mentioned in paragraphs 100, 123 above) reports that the UAF was removing unharmed and damaged materiel (tanks, guns) from Orlivske and Talakivka.¹⁷³
134. In light of the above, it appears likely that Ukrainian artillery was also present in the area around Mariupol (as certain intercepts mention exchanges of fire).¹⁷⁴ I cannot identify the locations of Ukrainian artillery positions based on the materials I have been provided with, and military records in this respect are not available to me.
135. I believe that the intercept evidence is generally consistent with the assumption that there were active hostilities in the direction of Mariupol and that the DPR announced an impending advance at the city. I will now turn to General Brown’s conclusions as to the firing positions and the possible targets of the attack.

B. General Brown’s conclusions about the originating location of the attack

136. At paragraph 46 of his Expert Report, General Brown relies on an inspection report drafted by Mikhail Onishchenko, a senior special investigator at the Investigations Department of the Donetsk Regional Directorate of the Security Service of Ukraine, that reads
- “bearings [of fire] from craters to firing position between 1,300 mils and 1,433 mils (between east and east-north-east).”¹⁷⁵
137. It appears that this is a mistake and that General Brown instead intended to refer to the inspection report of 25 January 2015 drafted by V.V. Romanenko, an SBU investigator,¹⁷⁶

¹⁶⁹ *Ibid*, conversation No. 111, at 08:04:06 on 24.01.2015.

¹⁷⁰ *Ibid*, conversation No. 29, at 16:39:44 on 23.01.2015.

¹⁷¹ *Ibid*, conversation No. 91, at 06:55:47 on 24.01.2015.

¹⁷² *Ibid*, conversation No. 144, at 10:18:48 on 24.01.2015.

¹⁷³ Translation of the Conversation between Kirsanov and Ponomarenko (10:38:14) (Annex 255):

Kirsanov: Hey, listen, they’re leaving, these ukrops are leaving, they’re leaving...tell me ...from-from-from Talakivka. From there Orlovske, Talakivka. So, they were f****** removing all the night on open trucks.

Translation of the Conversation between Kirsanov and Ponomarenko (11:04:12) (Annex 254):

Kirsanov: “Hello. Well, he says, he says, they’re shooting. But it’s that guy who works in the store, the one who sells. He says some fighters stopped to get some oil, and, well, he started chatting with them, and they say, basically, that, well, one way or another, they removed [military] equipment from here to Mariupol. I mean, Mariupol, damn it.”

¹⁷⁴ Translation of the Conversations of M. Vlasov (Annex 253), conversation No. 28, at 16:23:58 on 23.01.2015:

Max “Yugra”: Well, that one, 2 two hundredths [deceased servicemen]

Unidentified person: Where?

Max “Yugra”: at Parus.

¹⁷⁵ Inspection Report, drafted by Mykhaylo Onyshchenko, Senior Special Investigator at the Investigations Department, Donetsk Regional Directorate of the Security Service of Ukraine (25 January 2015) (Annex 92 to the Memorial of Ukraine).

¹⁷⁶ Record of area inspection conducted by V.V. Romanenko, Captain of Justice and Senior Investigator with the Investigative Office of the Donetsk Oblast Directorate of the SSU (25 January 2015) (Annex 94 to the Memorial of Ukraine).

involving Sergey Dmitriev, Deputy Chief of Staff of the Rocket Artillery Battalion of Military Unit A2167 (the same expert that was involved in the analysis of the Buhas checkpoint shelling where his conclusions appear to be different from the OSCE). This inspection report features the measured direction of the shelling for nine craters measured by a PAB-2M periscopic aiming circle.

138. As noted in the Brown Report, the Ukrainian analysis of craters differs from the OSCE SMM analysis by up to 41 degrees, which, General Brown says is “more than [he] would usually expect from crater analysis.”¹⁷⁷ I agree with this view. Applying a mathematical analysis of the impact of this difference (41 degrees or 6-83 mils, because 6 degrees correspond to one mil) at a range of 19 km (according to General Brown), then the deviation will be approximately 13 km (using a mil formula – $M=R*L/1,000$, where M – the deviation in metres, L – the deviation in mils, and R – the firing range).¹⁷⁸
139. General Brown states that, in light of the “consistent” findings of the analysis of the Ukrainian investigators regarding the range of fire (16.4–17.8 km) and the OSCE (15–19 km), “the difference between the Ukrainian and OSCE reporting [with respect to the direction of fire] is in any case academic, as... all the crater analysis place the firing positions in territory held by the DPR.”¹⁷⁹
140. I disagree with this statement. Such an error can indicate either that the analysis of the craters by the Ukrainian investigators is unreliable (such that mistakes were made for more than 40 degrees in bearing), and/or that the shelling could have come from various directions. Given that the OSCE has not provided details of their analysis,¹⁸⁰ I cannot discern the source of this discrepancy. I will now turn to the results of my examination of the investigation materials – that I understand were provided by Ukraine.
141. In total, five impact site inspection reports were provided to me.¹⁸¹ I understand that the impact area was divided into four sectors for the purposes of a general survey of the area and assessment of overall damage (three of these inspection reports were provided to me).¹⁸² Of the

¹⁷⁷ Brown Report, para. 46.

¹⁷⁸ Ministry of Defence of the USSR, *Textbook on Field Artillery Gunnery (For Artillery Schools), Book One*, Voenizdat Publishing House, Moscow, 1961 (Annex 91), p. 68.

¹⁷⁹ Brown Report, para. 47.

¹⁸⁰ As General Brown correctly noted (Brown Report, para. 46).

¹⁸¹ Record of crime scene inspection conducted by T.A. Belobokova, Lieutenant of the Police and Senior Criminal Investigator with the Ordzhonikidze District Office of the Mariupol City Department of the Central Directorate of the Ministry of Internal Affairs (Annex 90 to the Memorial of Ukraine); Inspection Report, drafted by Mykhaylo Onyshchenko, Senior Special Investigator at the Investigations Department, Donetsk Regional Directorate of the Security Service of Ukraine (25 January 2015) (Annex 92 to the Memorial of Ukraine); Record of area inspection conducted by V.V. Romanenko, Captain of Justice and Senior Investigator with the Investigative Office of the Donetsk Oblast Directorate of the SSU (25 January 2015) (Annex 94 to the Memorial of Ukraine); Record of crime scene inspection conducted by O.V. Martyniuk, Lieutenant Colonel of Justice and Senior Investigator with the Investigative Office of the Donetsk Oblast Directorate of the SSU (25 January 2015) (Annex 96 to the Memorial of Ukraine); Record of crime scene inspection conducted by O.V. Starostenko, Senior Lieutenant of Justice and Senior Criminal Investigator with the Investigative Office of the Donetsk Oblast Directorate of the SSU (25 January 2015) (Annex 97 to the Memorial of Ukraine).

¹⁸² Witness Statement of I. E. Yanovskyi (Annex 5 to the Memorial of Ukraine), para. 14. See also Record of crime scene inspection conducted by O.V. Starostenko (Annex 97 to the Memorial of Ukraine); Record of crime scene inspection conducted by M.M. Onyshchenko (Annex 92 to the Memorial of Ukraine); Record of crime scene inspection conducted by O.V. Martyniuk (Annex 96 to the Memorial of Ukraine).

other two reports, one for some reason deals separately with damage to several houses.¹⁸³ The fifth report provides a more detailed examination of selected craters from all four sectors.¹⁸⁴

142. I understand that no inspection report was submitted by Ukraine for the first sector notwithstanding the suggestion of Mr Yanovskyi that “each sector was assigned an investigation team”.¹⁸⁵ I find this surprising. Absent this report, it is impossible to make any conclusions from the materials provided by Ukraine about the total number of the impact sites, although it is suggested by the Ukrainian Security Service that 154 impact sites were identified.¹⁸⁶ It is also impossible to make any overall assessment of the direction or range of fire with respect to the shelling in the first sector (given that Mr Dmitriev’s assessment deals only with 2 out of 51¹⁸⁷ craters from that sector). I note that the materials provided to me contain data on the shelling of Mariupol from territory that I understand to have been controlled by the Ukrainian government forces. For instance, an intercepted conversation at 13:23 refers to the shelling of Mariupol from the direction of the Kichiksu station (around 28 km to the north from Vostochniy)¹⁸⁸, which I understand was under Government control at the time of the shelling.¹⁸⁹
143. Viewed as a whole, the materials provided to me identify 95 impact sites, including 73 craters (mostly without photographs or any other pictures) (Figure 11). While I understand that the expert engaged by the Ukrainian investigation was provided with the inspection reports showing impact sites from 124 rockets, I have not seen all of them. In any event that is less than 154 impact sites suggested by Mr Yanovskyi.¹⁹⁰

¹⁸³ Record of crime scene inspection conducted by T.A. Belobokova (Annex 90 to the Memorial of Ukraine)

¹⁸⁴ Record of area inspection conducted by V.V. Romanenko (Annex 94 to the Memorial of Ukraine)

¹⁸⁵ Witness Statement of I. E. Yanovskyi (Annex 5 to the Memorial of Ukraine), para. 14.

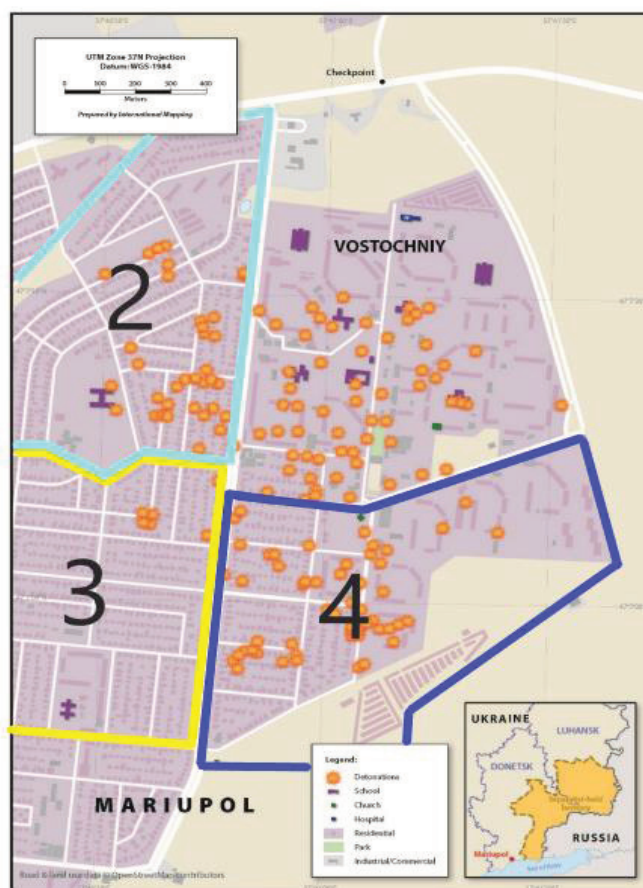
¹⁸⁶ *Ibid*, para. 14.

¹⁸⁷ I have counted all craters mentioned in the records of site inspections available to me (*supra* note 181). As I understand from the translation of the original Expert Opinion No. 143 into Russian, the experts have studied the records of inspection of all four (not three) sectors. On the basis of the results of the inspections of the four sectors the experts concluded that not less than 124 shells fell within these four sectors (See para. 5 of the section “Conclusions” of Expert Opinion No. 143) (Annex 117). However, no bearing or angles of descent were suggested.

¹⁸⁸ Translation of the Conversations of M. Vlasov (Annex 253), conversation No. 185, at 13:23:44 on 24.01.2015. The reference in the transcript is made to the ‘Pichiksu’ station ‘behind Kalchik’. I am informed that the only location that broadly matches the description is the Kichiksu station shown on a map in Annex 266.

¹⁸⁹ The Government control follows from the map of the Information and Analysis Center of the National Security and Defence Council of Ukraine, “The situation in the Eastern regions of Ukraine 24.01.2015”, 24 January 2015, <http://mediarnbo.org/2015/01/24/the-situation-in-the-eastern-regions-of-ukraine-24-01-15/?lang=en> (Annex 58). The transcript which has been provided as Conversation between Evdotiy (“Pepel”) and Kirsanov (10:36:40, 24 January 2015, Annex 413 to the Memorial of Ukraine) also mentions firing from the direction of Vynohradne but I consider that this is less likely to be accurate, since it would mean that firing would have been conducted from too short a distance.

¹⁹⁰ Witness Statement of I. E. Yanovskyi (Annex 5 to the Memorial of Ukraine), para. 14.

Map 3: Shelling Impacts in the Vostochniy Neighborhood of Mariupol¹⁵⁴**Figure 11. Sectors of the crater inspection drawn on the Ukrainian map of impact sites**

144. Several inspection reports record the bearing and angles of descent for some craters. I have already noted above that I am not aware of any reliable methodology to deduce the precise directional angles from the shape of the crater. Only broad brush directions can be identified on this basis (and even the broad brush directions differ between the OSCE and the Ukrainian investigation) rather than down to mils, as Mr Dmitriev suggested in Annex 94 to the Memorial of Ukraine. Mr Dmitriev and the investigators relied on the angle of a stick placed in the crater. However, it is unclear how they decided exactly where in the crater to place this stick and how they measured the angle.¹⁹¹
145. The conclusions expressed in the Ukrainian inspection reports on the angles of descent are even less reliable.¹⁹² While Mr Dmitriev appears to have slightly altered his method of angle calculation, the key issue remains the same: the stick positioned in a crater (or even in a remnant of a rocket or the cavity left by it) cannot accurately imitate the trajectory of the shell.¹⁹³
146. It appears from the photographs taken by the investigators that they placed sticks in the rocket fragments (engines) or the holes left after removal of such fragments. As explained in paragraph

¹⁹¹ For example, Record of crime scene inspection conducted by M.M. Onyshchenko (Annex 92 to the Memorial of Ukraine) and Record of crime scene inspection conducted by O.V. Martyniuk (Annex 96 to the Memorial of Ukraine) say that a stick was placed in the centre of the crater. There is no explanation as to how the centre was determined. The Record of crime scene inspection conducted by M.M. Onyshchenko (Annex 92 to the Memorial of Ukraine) also says that the stick was placed “in the direction of the probable axis of shell penetration”.

¹⁹² See my explanations on the same subject in relation to the checkpoint in Volnovakha (see para. 72-74 above).

¹⁹³ See, for instance, Record of crime scene inspection conducted by O.V. Martyniuk (Annex 96 to the Memorial of Ukraine), pp. 8, 10, 11.

78 above, it is not correct to assume that the fragments penetrated the soil at the same trajectory that the rocket had before the explosion. This causes further errors in the determination of the angles of descent of the rockets and bearing from which the shelling was conducted.

147. I note that the Ukrainian investigators identified a bearing for only some of the craters, and in all cases indicated that the source of fire was in the east. Since according to the inspection records the investigators (unlike Mr Dmitriev) did not use any equipment to identify the direction, it may be that the eastern direction also included north-east (i.e. the bearing was identified by the OSCE and General Brown). It follows that some craters may have showed bearing to the east, and others to north-east, but it is impossible to tell which direction would be more accurate.
148. With that said, I cannot analyse the impact pattern since (1) not all craters can be clearly located on the map¹⁹⁴ and (2) it is impossible to distinguish between shells fired potentially from different positions (data provided by the OSCE and the Ukrainian investigation implies that the shelling may have come from different positions).
149. On the basis of the documents I have been provided with, I cannot verify the bearing and range to the firing positions from which the shelling was conducted. I will, therefore, proceed with my analysis as if the following factual background was established. Residential areas in the east of Mariupol were affected by at least 95 shells (the amount of the impact craters identified in the Ukrainian inspection reports provided to me), and the shells came from the eastern or north eastern direction, although one cannot be more precise about the direction and the distance to the firing positions is also unclear.¹⁹⁵
150. In relation to the reported shelling from the north-east, it is not clear to me how the bearing was identified and whether it definitely points to the firing positions in the DPR-controlled territory (or whether the OSCE simply presumed this to be most likely). I understand that certain territories in the north-north-east were controlled by Ukrainian government forces. I will, however, proceed from the attribution of fire indicated by the OSCE as I have no way to verify how accurately they measured the bearing from which the shelling was conducted.
151. Given the overall situation on the ground, it appears that shells coming from the eastern or north-eastern direction likely came from DPR-controlled positions. It appears that these positions were engaged in an artillery attack that was discussed in the intercepts. As I have noted earlier, this shelling may have been conducted in preparation for, and in support of a ground offensive.

C. General Brown's conclusions about the purpose of the attack

1. Possible targets

152. General Brown concludes (on the basis of National Guard Letter No 27/6/2-3553¹⁹⁶) that there were three positions of the government forces on the eastern outskirts of Mariupol, and that all

¹⁹⁴ I understand from Mr Bobkov that the reported MLRS shelling impacts in residential areas in the city cannot be verified using satellite imagery, because impact sites are not visible in the urban area.

¹⁹⁵ I can derive no further clarity from General Brown's description of his personal inspection at para. 46. Again, it is not clear how many impact sites were studied, where and how.

¹⁹⁶ Brown Report, para. 48.

of these were implausible targets for the attack.¹⁹⁷ He focuses, at paragraph 49 in particular, on what he calls the “northern checkpoint” (Checkpoint no. 4014) at the junction of the two main routes running into Mariupol from the east, which he suggests was the military target closest to the area shelled, and states that it was still not legitimately close¹⁹⁸ and that it was of “minimal” military significance such that an artillery attack would not be justified unless it were “followed up immediately by a ground assault”.¹⁹⁹ For these reasons, General Brown concludes that the Vostochniy micro-district was the actual target of the attack.

153. General Brown states that the “[northern] checkpoint’s mission was defensive in nature, rather than hostile.”²⁰⁰ It is important to put this into context. The three National Guard positions near the eastern outskirts of Mariupol mentioned by General Brown in his Report at paragraph 48 (as well as some other positions identified in the Bobkov Report)²⁰¹ appear to have formed part of a system of defensive positions of the city which had been fortified to repel a potential attack.
154. I understand from the Bobkov Report that the city appears to have been protected by a system of military positions. There are three roads that could have been used to attack from the east: highways M-14 and T0519, and a section of road C051236 from the direction of Vynohradne. Each of these roads appears to have been protected by defensive positions, such as company (platoon) strong points and checkpoints.²⁰² In between the positions, the area was also apparently reinforced. Had the above positions been cleared of the UAF forces, this could have enabled the DPR to approach Mariupol from these directions without impediment.
155. I believe that the UAF positions in front of Mariupol could have been the target of this attack precisely because they happened to be advanced positions in this direction. I cannot pass judgment on whether they were performing any offensive tasks at the time of the shelling, but it is essential in this context to pay attention to reports about the deployment of a rocket artillery position 500 m from the “northern checkpoint” on 5 September 2014.²⁰³ In any event, even the defensive role – amid the announced advance at Mariupol – sufficiently accounts for the shelling of these positions. Given the location of the impact sites in the city, it appears that the closest potential targets could have been positions 20–25 identified in the Bobkov Report (Figure 14).
156. General Brown, in footnote 60 of his Report, explains that he also believes that Ukraine’s intercept evidence confirms that the residential district (Vostochniy) was the actual target of the attack. He relies on a conversation between Mr Kirsanov and Ponomarenko suggesting that the shells overflowed by 1 km over the whole Vostochniy residential district (Figure 12), and to the conversation between “*Pepel*” (another DPR fighter) and Ponomarenko where the latter insists that “*Pepel*” should attack “Vostochniy”, which General Brown interprets as the Vostochniy residential district. I disagree with General Brown’s interpretation of these documents.

¹⁹⁷ These positions are reflected on the map in the Bobkov Report (Figure 32). The headquarters also mentioned by General Brown was in the city (about 3.4 km from the closest impact sites), and I agree with General Brown that that was probably not the target for the shelling in question. Notably, General Brown does not consider Company Position No. 4013 (Ministry of [Internal Affairs] of Ukraine Letter No. 27/6/2-3553 (Annex 183 to the Memorial of Ukraine)). I will express my opinion on the targeting of this object below.

¹⁹⁸ Brown Report, para. 48 (d).

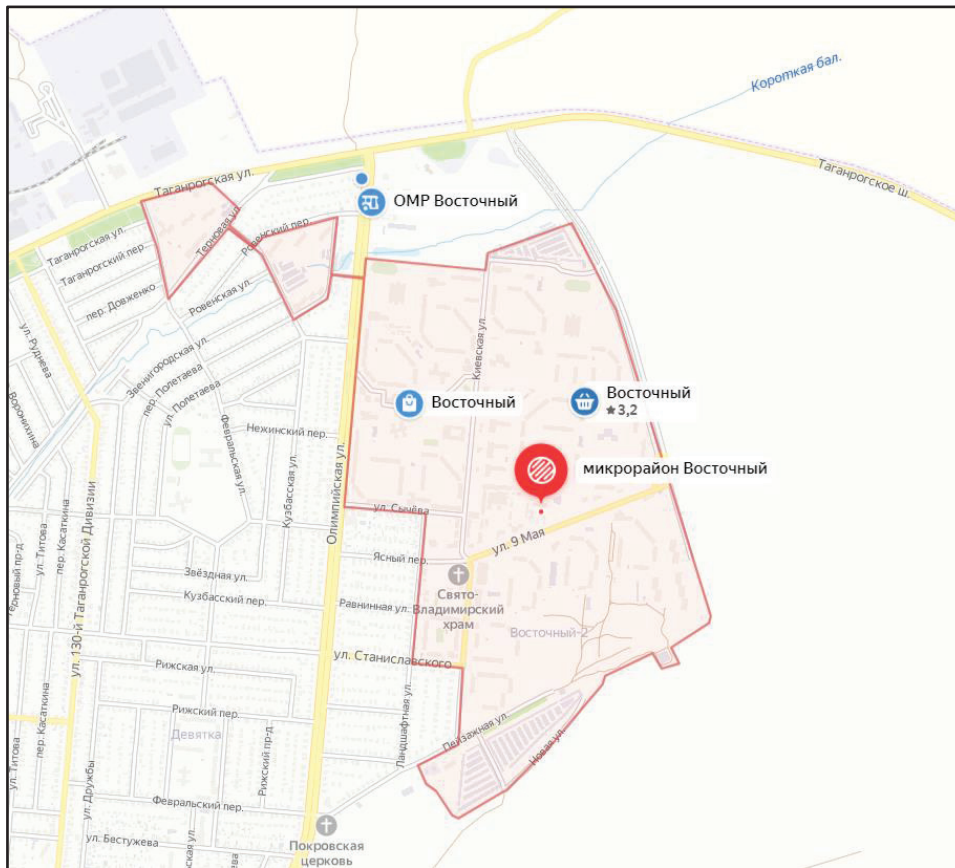
¹⁹⁹ *Ibid.*, para. 49.

²⁰⁰ *Ibid.*

²⁰¹ Bobkov Report, Figure 31.

²⁰² See detailed information about them below.

²⁰³ See para. 164 below.

Map Data: © Yandex.

Figure 12. Yandex.Maps demonstrating area of Vostochniy microdistrict (in red)²⁰⁴

157. I am instructed that Ukraine has not filed a transcript of another intercept about the attack on “Vostochniy”.²⁰⁵ This additional intercept is not referred to in the Brown Report either. I have reviewed this additional intercept. It suggests that when “*Pepel*” and Ponomarenko were discussing attacking “Vostochniy”, they were not referring to the residential area of the city. In the first conversation, Ponomarenko asks “*Pepel*” to “pound” “Vostochniy”, but “*Pepel*” resists given that he believed “nine-storey buildings” to be too close to the target under discussion. Ponomarenko insists by saying that they are “really f***** far” and asks him to shell “the highway ... the checkpoint itself”, adding that it is “some [...] 1.5 km” “away” from high-rise residential buildings.
158. It appears likely from this conversation that what is referred to as “Vostochniy” is in fact a target approximately 1.5 km away from the residential buildings. It appears to be neither the residential district itself, nor Checkpoint no. 4014 (the “northern checkpoint” as defined by General Brown; position 20 in Figure 13),²⁰⁶ which is just 500 m from the residential area. On the basis of the information available, I believe that it is instead likely to be Company Position

²⁰⁴ Yandex.Maps, Vostochniy microdistrict, Mariupol, Donetsk region, Ukraine, available at: <https://yandex.ru/maps/-/CCUe7DrecB>.

²⁰⁵ YouTube channel of the Security Service of Ukraine, “SBU intercepted conversation of terrorists which is proof of their involvement in attacks of Mariupol”, available at: https://www.youtube.com/watch?v=H1a_KkguBlg, 24 January 2015 (Annex 228). When read in context, it appears that Ponomarenko and “*Pepel*” are discussing in this conversation the same “Vostochniy” as in the transcript from Annex 418 to the Memorial of Ukraine.

²⁰⁶ Bobkov Report, para. 72, Figure 27.

4013 referred to in National Guard Letter No 27/6/2-3553²⁰⁷ (position 17 in Figure 13)²⁰⁸, which is about 1.7 km to the nearest residential buildings.

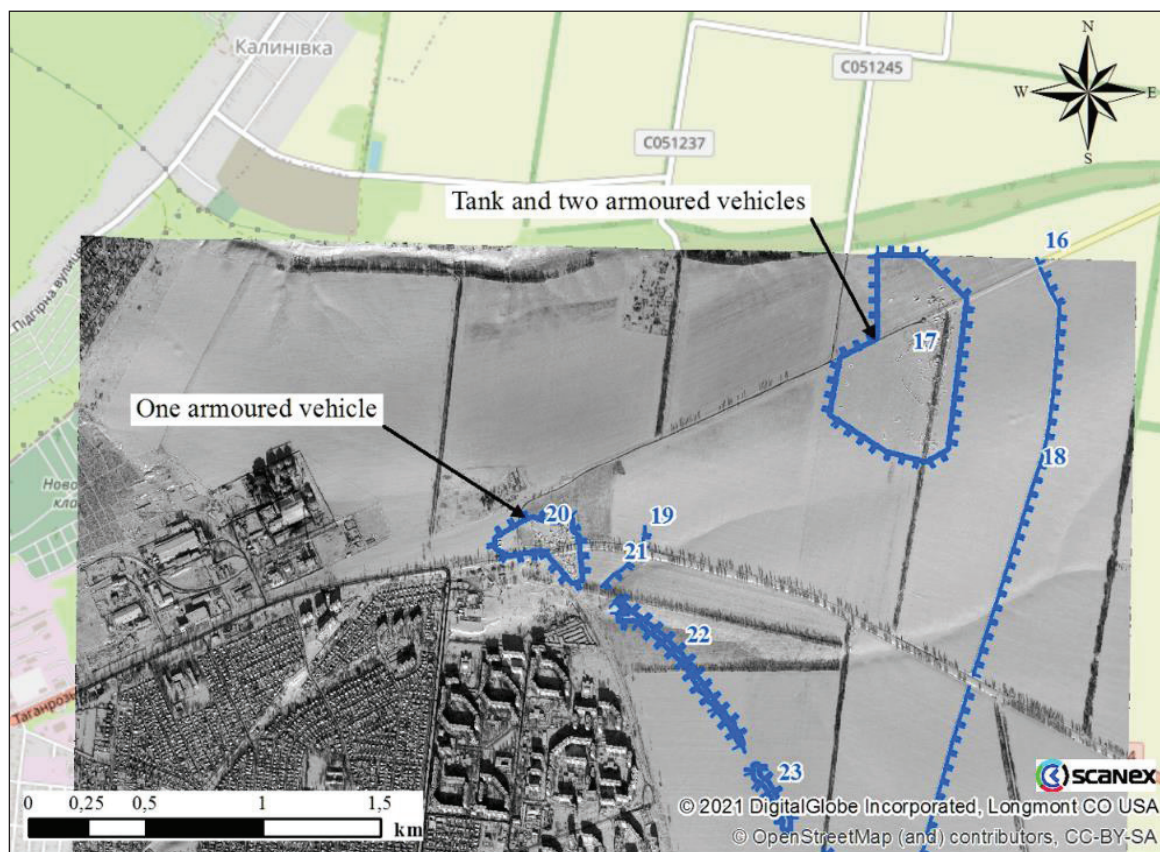

Figure 13. Positions Nos. 17 and 20 from the Bobkov Report²⁰⁹

159. I have been provided with several videos published on 5 September 2014 which, judging by their names, recorded the shelling of the “vostochniy checkpoint”: “Mariupol, vostochniy checkpoint 04.09.2014”,²¹⁰ “Mariupol, vostochniy Checkpoint under Grad Fire”.²¹¹ The Bobkov Report finds that these videos actually feature the shelling of Company Position 4013 (position 17 in Figure 123).²¹² This position is also called a checkpoint in another video.²¹³ It appears that the same target may have also been referred to as the “Vostochniy” checkpoint in the intercepted conversations between “*Pepel*” and Ponomarenko which I have referred to above. Based on the absence of any mention of civilian casualties at this location in the relevant OSCE reports²¹⁴, it appears that no civilians came to harm in the attacks recorded on those videos.

²⁰⁷ Ministry of Interior of Ukraine, Main Department of the National Guard of Ukraine Letter No. 27/6/2-3553 to the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine (31 May 2018) (Annex 183 to the Memorial of Ukraine).

²⁰⁸ Bobkov Report, para. 74, Figure 27.

²⁰⁹ Bobkov Report, para. 63, Figure 27.

²¹⁰ YouTube channel of Evgenii Shulishov, “Mariupol, vostochniy checkpoint 04.09.2014”, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=040GewYVIjw>, 4 September 2014 (Annex 218), another video features the Vostochniy checkpoint in its name: YouTube channel EraNews, “Mariupol, vostochniy checkpoint under Grad Fire | Video”, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=ZxT4mP7ySvg>, 5 September 2014 (Annex 221).

²¹¹ YouTube channel EraNews, “Mariupol, vostochniy checkpoint under Grad Fire”, available at: https://www.youtube.com/watch?v=M1wbZ-_wUWs, 5 September 2014 (Annex 219).

²¹² Bobkov Report, para. 75-84, Figure 44.

²¹³ YouTube channel EraNews, “Mariupol Checkpoint Came under Grad Fire - private video”, available at: https://www.youtube.com/watch?v=TJO6ALFLC_I, 5 September 2014 (Annex 220).

²¹⁴ OSCE SMM. Spot report as of 5 September 2014: The Situation in Mariupol (Annex 3).

160. What the OSCE appears to have referred to as the “Vostochniy” checkpoint is only around 500 m away from high-rise residential buildings;²¹⁵ whereas it is about 1.7 km (Fig. 3) from position 17 (Company Position No. 4013)²¹⁶ to the nearest high-rise residential buildings, and the strong point appears to fit the description of a checkpoint “on the highway” as it is positioned on the motorway at a certain distance from the city.
161. Assuming that defensive position 17 (Company Position No. 4013) was shelled from the DPR positions in the north-eastern direction – for instance, from around Zaichenko²¹⁷ and Oktyabr, as suggested by the OSCE – it is possible that such shelling could have overflowed into the residential area of the city.
162. I understand that strong point No. 20 in the Bobkov Report (Checkpoint No. 4014, referred to by General Brown as the “northern checkpoint”) was also called “Vostochniy” in a Spot Report of the OSCE SMM.²¹⁸ As discussed above, this does not appear to be the target discussed in the intercepted evidence, but I do not exclude that it could have been targeted during other shellings.
163. Long before the shelling on 24 January 2015, in September 2014, the OSCE SMM raised serious concerns that Checkpoint No. 4014 was located only 500 metres from high-rise residential buildings and only 300 metres from a large gas distribution hub.²¹⁹ The SMM also reported at that time that residents raised concerns over the presence of snipers from the Ukrainian army on the roofs of their buildings in the Vostochniy microdistrict.²²⁰
164. It appears that concerns at that time were also raised over at least one incident of fire from the area close to Checkpoint No. 4014. The SMM reported local residents as saying that “ten Ukrainian pieces of artillery located 500 metres north of the checkpoint opened fire towards the village of Shyrokyne before leaving the area”, resulting in retaliatory fire against the “Vostochny” checkpoint and “another checkpoint located to the north on the old road to Novoazovsk”.²²¹ This attack was apparently successful: a column of Ukrainian military equipment was destroyed in the shelling, the Ukrainian Army was retreating from the northern checkpoint (apparently position No. 17), and ambulance cars were evacuating wounded soldiers.²²²
165. Checkpoint No. 4014 (i.e., object no. 20 in the Bobkov Report) is known to have been shelled on 24 January 2015.²²³

²¹⁵ *Ibid.*

²¹⁶ Company Position 4013 from Annex 183 to the Memorial of Ukraine (Ministry of [Internal Affairs] of Ukraine, Main Department of the National Guard of Ukraine Letter No. 27/6/2-3553 to the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine (31 May 2018).

²¹⁷ I note that OSCE have indicated that BM-27 Uragan was used from the direction of Zaichenko, but I do not see any confirmation of this in the materials provided by Ukraine.

²¹⁸ OSCE SMM. Spot report as of 5 September 2014: The Situation in Mariupol (Annex 3):

²¹⁹ *Ibid.*

²²⁰ *Ibid.*

²²¹ *Ibid.*

²²² *Ibid.*

²²³ OSCE, Spot Report: Shelling Incident on Olimpiiska Street in Mariupol (Annex 328 to the Memorial of Ukraine). See also Facebook page Defence of Mariupol, post at: <https://www.facebook.com/mariupol.oborona/photos/a.492952414175030/567460703390867>, 24 January 2015 (Annex 191).

166. While Checkpoint No. 4014, which was located in dangerous vicinity from the residential area, could indeed have been one of the targets of the DPR attack on 24 January 2015, it is not the only plausible target for the attack in front of the city. General Brown also refers to the “forward outpost” (Platoon Position 4014A)²²⁴ and the “company position” (Company Position 4015)²²⁵ located to the south-east from the Vostochniy microdistrict. I agree that it is unlikely that attacks on these positions from the east (let alone from the north-east) would have impacted the affected residential areas of the city. I note, however, that another military position is mentioned in the Kirsanov judgement.²²⁶ I refer to position 25 in the Bobkov Report,²²⁷ which is located about 600 m from the city right in front of the Vostochniy residential area. It follows from the judgment that this position was listed by the headquarters of the Anti-terrorist operation as one of the positions of the National Guard of Ukraine in the area.²²⁸ I do not know what equipment or personnel was stationed there on 24 January 2015 or whether Mr Kirsanov identified this target to the DPR, but it is quite plausible given that this position is part of the system of defensive positions of Mariupol.
167. I also note that the “northern checkpoint” (Checkpoint No. 4014) and position 25 (referred to in the Kirsanov judgment as “strong point No. 4014”) are in close proximity to each other and appear to form part of the same line of positions in front of the city (positions Nos. 20 to 25 in the Bobkov Report). I do not know whether the UAF forces or equipment were located at these positions and, if they were, in what numbers. I cannot exclude that there were other important military targets along the apparent line of defensive positions Nos. 20 to 25. I understand that no further information has been provided by Ukraine.
168. If the shelling occurred from the north-eastern or eastern direction against positions 20-25, and the shells overflowed the target (as suggested in the Kirsanov intercept), it is possible that the residential area behind was hit in that attack. The main well-documented impact area around the Kievskiy market is about 1.2 km from position 25, which is broadly consistent with the statement in the intercept evidence which Ukraine attributes to Mr Kirsanov.
169. It appears that the line of reinforcements from position 20 to position 25 (as well as position 24, and the other positions visible in front of the city in the satellite images²²⁹ was important for the city defence, especially if Lebedynske had already been captured by the militia.²³⁰

²²⁴ Brown Report, para. 48 (b).

²²⁵ *Ibid*, para. 48 (c).

²²⁶ Kirsanov Judgment (Annex 77), p. 16: “Point No.6 (B=47 °07 '09,34", L=37 °42 '08,30"), 23.01.15, company strongpoint No. 4014 of the 18th Operational Regiment of the National Guard of Ukraine, a BM-21 shelling was recorded on 23.01.15, no casualties”.

²²⁷ Bobkov Report, para. 69, Figure 33.

²²⁸ I note that the same number is used for (1) what is referred to as Checkpoint No. 4014 in the NGU letter (Ministry of [Internal Affairs] of Ukraine Letter No. 27/6/2-3553 (Annex 183 to the Memorial of Ukraine)) cited in para 48(d) of the Brown Report and (2) Point No 6 in the Kirsanov judgement (“strong point No. 4014”). However, these positions seem to be different. The description in the NGU letter and the Brown Report indicate the location of Checkpoint No. 4014 100 m east from the fork of Olimpiyskaya Street and highway M14 (without any coordinates, unlike for other positions in the same letter). The Kirsanov judgement provides coordinates for Point No. 6 that correspond to position 25 in Figure 32 in the Bobkov Report (see also Figure 14 in the main text below). It may be that the same number was used because position 25 is actually an extension of the same strong point with a checkpoint (position 20), various trenches (positions 19-23) and an outpost mentioned in the Kirsanov judgement (position 25). It is that latter position that I understand to be Point No. 6.

²²⁹ Bobkov Report, para. 64(2), Figure 31.

²³⁰ See para. 106 above.

Therefore, artillery shelling of these positions would have been a reasonable step in preparation of the planned ground offensive.

2. The possibility of targeting errors

170. It is possible that the shelling from DPR artillery positions to the east of the city (for instance in Sakhanka and Leninske, as suggested by Mr Dmitriev) could have overflowed into the city due to a miscalculated target or equipment malfunction.
171. I do not agree with General Brown that such mistakes or equipment malfunction are implausible.
- a) As already mentioned, General Brown’s reference to the Vostochniy residential area as the target specifically referred to by the DPR fighters in the intercept evidence appears to be mistaken. There were also other targets in front of the residential area of the city.
 - b) It appears from the transcripts that Kirsanov, “*Pepel*” and Ponomarenko were surprised and upset when they learnt that the residential area had been shelled, and it seems reasonable to infer from this that the residential area was not the intended target of the shelling. If indeed the shelling had no military target, but was intended to primarily cause civilian harm, as General Brown seems to suggest in section C on page 26 of his Report, then the purpose would have been achieved.
 - c) I note again that position 25 was approximately 1-2 kilometres from some major impact sites (Figure 14).

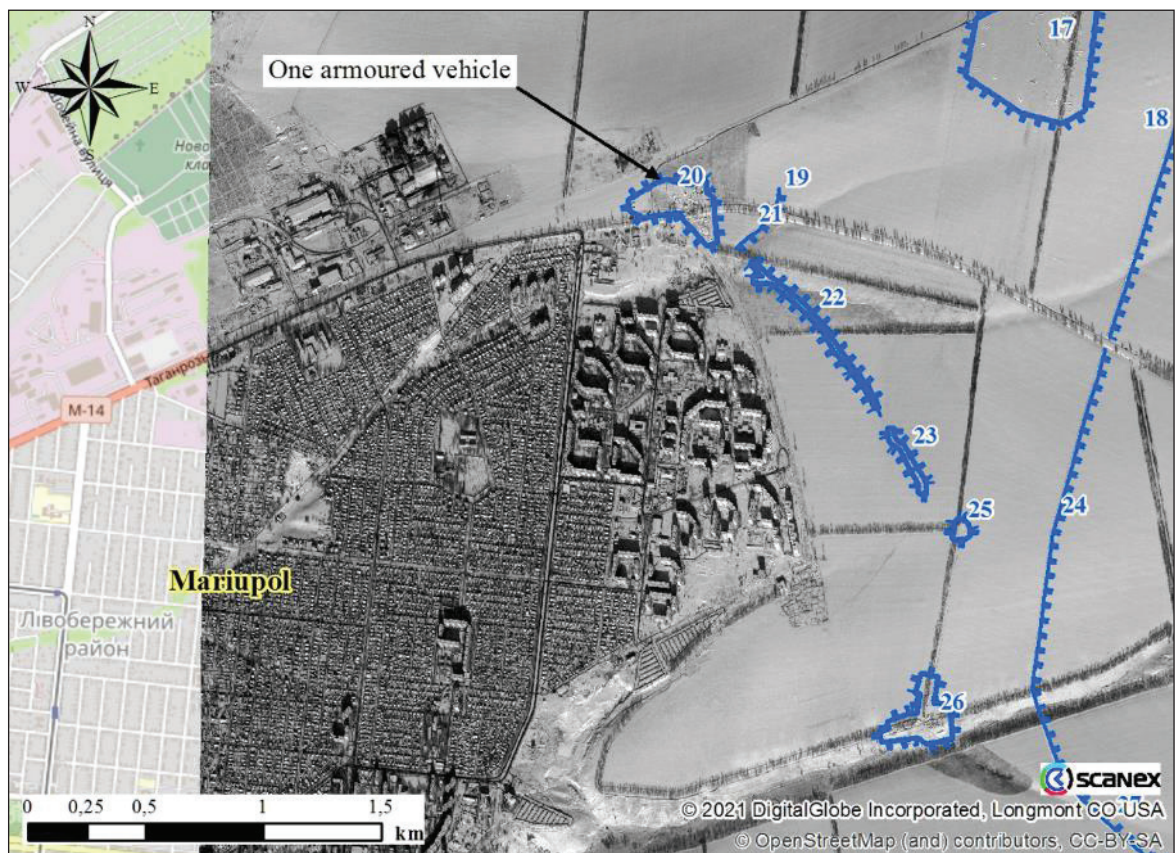

Figure 14. The image from the Bobkov Report demonstrating strong point 25

- d) I do not understand why General Brown felt able to dismiss incompetence of the personnel of the artillery crews responsible for the shelling.²³¹ He suggests that a difference of 3 degrees in bearing or in elevation – due to which the missiles overflew by more than 1.5 km – is too great a mistake to be plausible. However, the BM-21 systems need to be calibrated properly to ensure the accuracy of fire. It is not only that the operator may have made a mistake, but also machines may have been out of order. In this connection, I note that it appears from the intercept evidence that “Yugra” informed the unit commander that one vehicle was overshooting and ordered that all machines be checked,²³² and the suggestion in another intercept that there was an overshoot.²³³ In my view, equipment malfunction cannot be excluded.
- e) In particular, certain maintenance operations need to be performed before every shelling. Lack of proper maintenance could cause considerable errors, especially in range. The operator must also conduct technical preparation activities (in particular, inspect the aiming equipment). I would not be surprised if an accumulation of such omissions in maintenance caused a particular system to overshoot by 1.5-2 km or even more.
- f) In addition, it is well-known that a certain margin of error is to be expected depending on time and means available for the preparation for firing.

172. Thus, I think it possible that shells may have struck the residential area of Mariupol as a result of one or more errors, especially considering possible equipment malfunction in combination with the error of fire preparation.

3. *Avoidance of civilian targets*

173. As noted above, I do not agree with General Brown’s assumption that no military offensive was forthcoming at the time of the shelling in question. It appears that attempts to launch an offensive were indeed made both before and on 24 January 2015 and that the artillery attack was likely conducted in support of that offensive (See section A(2) above).
174. In case of artillery fire in support of a ground offensive, it is important to drive the enemy out of their defensive positions and facilitate a future advance of one’s own forces through the territory. The intercepts that I have been provided with, and that I understand Ukraine has submitted to the Court, in my view, show that this tactic was used by the militia in relation to the offensive in the area of Mariupol. As I noted above, the conversations suggest an intense artillery shelling lasted for most of the day (24 January 2015). At least 11 targets are identified in the conversations, and, as explained in detail below, nothing in the intercepts suggests that the residential areas were targeted. On the contrary, it appears from this evidence that a general attempt was made to avoid residential areas. I will now provide a summary of my main findings from these materials for the purposes of further analysis.

²³¹ Brown Report, para. 48(d).

²³² See Translation of the Conversations of M. Vlasov (Annex 253), conversation No. 160, at 11:21:44 on 24.01.2015: Yugra urging “Buddy, check every “vehicle” [handwritten: correctness of combat vehicles’ targeting], okay? Every vehicle. Can you do that? Hello? Can you inspect every ‘junk heap’?”

²³³ *Ibid*, conversation No. 138, at 09:55:58 on 24.01.2015:

“Terek”: “Did we overshoot?”

Max “Yugra”: Yes.

“Terek”: I got it.

Max “Yugra”: You overshoot it a lot, “Terek”.

175. Several conversations indicate that the actual target of the attack was not the residential area.
176. I.E. Yanovskyi, Head of the Fifth Unit of the First Department of Pre-Trial Investigations of the Main Investigations Department of the Security Service of Ukraine – to whose account of the events General Brown refers – relies on a conversation between “*Pepel*” and Ponomarenko,²³⁴ in particular the phrase “I’ll do Vostochniy tonight as well”²³⁵, as evidence of the planned shelling of the Vostochniy micro-district.
177. As noted above, however, this version of events fails to account for the context in which that phrase was uttered. It appears clear from this conversation that Ponomarenko does not refer to the Vostochniy micro-district: he is urging “*Pepel*” to pound “Vostochniy”, saying that “there is a f***** long distance” between “Vostochniy”, i.e. the target of the shelling, and “the houses”²³⁶. Based on this context I described above, it appears that “Vostochniy” here is used to refer to a target at a distance from the residential area.²³⁷ That the Vostochniy micro-district was likely not the target of the attack is also supported by the intercepted conversations that took place after the shelling.
178. After the events, Valery Kirsanov, a DPR informer, called “*Pepel*”. Mr Kirsanov was apparently ordered by Ponomarenko to go and assess the results of the shelling.²³⁸
179. Kirsanov told “*Pepel*” that the latter “too far, too far, too far – overdid it”,²³⁹ which I understand as meaning that the projectiles had overflowed the target. The conversation that followed only confirms that the projectiles had missed the target by far: “everything [all shells] flew over, and it went on houses...”²⁴⁰.
180. “*Pepel*” appears to have been very surprised by this²⁴¹ and he asked Mr Kirsanov about the direction of fire. It appears highly unlikely that a person who ordered the attack or knew that residential areas were targeted would have enquired about the direction of fire. Interestingly, Kirsanov stated that the direction of fire “...as if Vinogradnoye [Vynohradne], from there, that side”.²⁴² The nearby residential settlement of Vynohradne is located to the south and south-east of Mariupol and was controlled by the UAF at the time, although the DPR controlled territory to the east.
181. A minute later, Kirsanov called another DPR fighter, Ponomarenko, and told him that civilian facilities had come under fire: a market, high-rise residential buildings, and private houses, He

²³⁴ Witness Statement of I. E. Yanovskyi (Annex 5 to the Memorial of Ukraine), para. 16.

²³⁵ Translation of the Conversation between Evdotiy (“*Pepel*”) and Ponomarenko (Annex 252).

²³⁶ Translation of the Conversation between Evdotiy (“*Pepel*”) and Ponomarenko (Annex 252).

²³⁷ Strong point No. 17 in the Bobkov Report, see paras. 158-160 above. I also understand that the SMM uses the word “Vostochny” to refer to a Ukrainian checkpoint on the outskirts of the town (see para. 164 above). However, I think that this refers to a target located even further away.

²³⁸ Signed Declaration of Valerii Kirsanov, Witness Interrogation Protocol, 25 January 2015 (Annex 213 to the Memorial of Ukraine).

²³⁹ Conversation between Evdotiy (“*Pepel*”) and Kirsanov (Annex 413 to the Memorial of Ukraine).

²⁴⁰ *Ibid.*

²⁴¹ *Ibid.* It appears that “*Pepel*” was trying to comprehend the situation, but was failing to do so: “I don’t f***** understand... Oy-oy-oy-oy-oy...”.

See also Translation of the Conversation between Kirsanov and Ponomarenko (10:38:14) (Annex 255). In this conversation Mr Kirsanov does not appear to have displayed his emotions, but his attitude towards the shelling of the residential area appears to be revealed in the conversation with Ponomarenko: “Look what Aleksander [*Pepel*’s name] has done ... It’s a totally f***** disaster here.” Ponomarenko appears to have expressed surprise and concern: “Are you serious? ... Oh, f***** s***.”

²⁴² *Ibid.*

described the situation as “a totally f***** disaster here”. The news that the residential area had been shelled appears to have surprised and concerned Ponomarenko. He stated: “Are you serious? [...] Oh, f***** s****” and also enquired whether the checkpoint had been hit. Kirsanov answers that it is “untouched”.²⁴³ This suggests that the checkpoint referred to, rather than the residential area, was the actual target of the attack.

182. It is possible that Mr Kirsanov was not the first person to report that the DPR forces had made an error. At 9:55, “Yugra” told “Terek” about a significant overshoot and ordered him to “abandon targets “one hundred and eight” and “one hundred and eleven!”²⁴⁴ in order to keep him away from “buildings ... [and] large houses”.²⁴⁵ Considering that “Terek” received a fire order about 12 minutes before the shelling at the micro-district,²⁴⁶ it is possible that the reported overshoot related to that shelling but I have no way of knowing whether this is the case.
183. In other intercepted conversations (at around 11:20), “Yugra”, demanded that “Terek” and a fighter next to him double-check all launchers because there was an overshoot. Moreover, he said that someone else had overshoot: “but those morons over there just f***** shelled the city. The ones that are our ‘friends’.” Judging by the text, he appears to have reacted very negatively to the fact that the city came under fire and seems to have been taking steps to avoid any further overshooting²⁴⁷. I do not know what “friends” “Yugra” refers to that are said to be responsible for the shelling.²⁴⁸
184. Other intercepted conversations also indicate that the combatants tried to avoid civilian casualties. For example, in conversation No. 144, “Yugra” is talking to “Terek” about changes in the latter’s targets in order to “move [him] further away from large houses”.²⁴⁹ Additionally, according to the intercepted conversations of “Yugra” and “Gorets”, it appears that the DPR endeavoured to create ranging points to increase the accuracy of fire.²⁵⁰

4. *The weapon system used*

185. General Brown’s view of the appropriateness of the weapon system used is based on an assumption that alternative means could and should have been used to attack the UAF positions

²⁴³ *Ibid.*

²⁴⁴ Translation of the Conversations of M. Vlasov (Annex 253), conversation No. 138, at 09:55:58 on 24.01.2015: **Max “Yugra”:** “Terek”, listen to me closely – instead of “one hundred and eight” and “one hundred and eleven”...Hello?

“Terek”: Hello, I can’t hear you. Repeat.

Max “Yugra”: I say – abandon targets “one hundred and eight” and “one hundred and eleven”!

See also conversation No. 141 (10:01:30) on 24.01.2015.

²⁴⁵ *Ibid.*, conversation No. 144, at 10:18:48 on 24.01.2015:

Max “Yugra”: No, no, no. On the contrary, I cancelled your target.

Terek: To keep away from buildings.

²⁴⁶ *Ibid.*, conversation No. 130 at 09:13:32 on 24.01.2015:

Max “Yugra”: Yes, yes!

“Terek”: Two are ready.

Max “Yugra”: Ok, shell the s*** out of them!

²⁴⁷ *Ibid.*, conversation No. 160 at 11:21:44 on 24.01.2015:

Max “Yugra”: Because, umm, it seems to be f***** awesome, but those morons over there just f***** shelled the city. The ones that our “friends”.

²⁴⁸ *Ibid.*

²⁴⁹ *Ibid.*, conversation No. 144 at 10:18:48 on 24.01.2015:

Max “Yugra”: And then we’ll see. We just need to move you further away from large houses.

²⁵⁰ *Ibid.*, conversation No. 31 at 17:59:51 on 23.01.2015.

Max “Yugra”: Well, I always create ranging points, but I don’t just fire. All the time with (inaudible word).

at “the northern checkpoint or the forward outpost”.²⁵¹ It is, of course, correct that the most accurate weapon should, where possible, be used to attack any given target close to civilian houses or infrastructure. However, I disagree with General Brown’s conclusions for the following reasons.

- a) There is no basis to assume that the DPR, assuming it had tanks (or other similar weapons) near Mariupol, could deploy such units safely close enough to ensure a highly accurate attack on these positions in front of Mariupol. (para 53 of the Brown Report). I agree that from a distance of 1.5-2 km tanks and infantry vehicles could discriminate between civilian and military targets, but I have not been provided with any information about such a position being available to the DPR. I also think that at such a distance these firing positions would likely have been very vulnerable to return fire from various UAF positions.
- b) It also does not follow from any materials that I have reviewed that artillery guns (such as D-30 guns to which General Brown refers) were available to the DPR forces in that region (para 54 of the Brown Report). I should also mention that artillery guns are slower to fire²⁵² and to manoeuvre than MRLS, and in a situation of intense battle they may be destroyed rather promptly by return fire. I do not think it is possible to say that here with any degree of certainty that it would be practicable to use artillery guns, given (as it appears from the above context of hostilities) strong defensive UAF positions around Mariupol and much slower speed of fire of the standard artillery guns.
- c) I note that at paragraph 54 of his Report General Brown suggests that “the distance to the line of contact from the checkpoints and forward outpost was well within the range of the standard artillery gun available to the DPR”. I do not know where exactly General Brown considers the line of contact that he refers to have been. Practically speaking artillery is rarely deployed at a range beyond two thirds of the maximum range as this negatively impacts accuracy. Therefore, hypothetically, D-30 guns would have to be deployed around 10-12 km from the target to ensure accurate fire. Assuming that the line of contact was accurately reported in the Abroskin Map, this would have meant placing the guns rather close to the front line and attracting a high risk of being hit by return fire.
- d) It is, of course, beneficial to rely on a trained observer or UAV, and indeed (as General Brown notes at paragraph 54 of his Report) the evidence suggests that observers were used by the DPR. I disagree with General Brown’s suggestion that “there is no evidence that such measures [i.e. observation and fire adjustment] were implemented”.²⁵³ Conversation No. 153 (Annex 408) refers to two spotters being used by the DPR.²⁵⁴ Nevertheless, I note that Kirsanov’s interrogation evidence suggests that he deliberately provided incorrect coordinates for the Ukrainian military positions but it does not state the coordinates of the positions provided by him, and I cannot assess how exactly he misrepresented the data.²⁵⁵ With that in mind, it is difficult to say whether the spotters assisted in good faith. It also

²⁵¹ Brown Report, para. 52.

²⁵² It would take up to 20 minutes to prepare D-30 guns for fire (and 10 minutes to leave the positions), while MLRS can be ready to fire in 5-7 minutes upon arrival and can leave immediately.

²⁵³ Brown Report, para. 55.

²⁵⁴ See Translation of the Conversations of M. Vlasov (Annex 253), conversation No. 153, at 11:05:54 on 24.01.2015.

²⁵⁵ Signed Declaration of Valerii Kirsanov, Witness Interrogation Protocol (Annex 213 to the Memorial of Ukraine).

may be that adjusting rounds were fired, but another BM-21 system joining the main fire from the same position or a different position could have overshoot. It may be assumed that the UAF would have resisted the use of UAVs (even if these were available to the DPR), as well as the activities of observers. I believe that it would be incorrect to proceed on the basis that the DPR was able, but not willing to adjust the fire by the above means.

D. General conclusions

186. I agree with General Brown that in this case it is reasonable to conclude that the fire was conducted by BM-21 systems (Brown Report, paragraph 56).
187. It is not possible to identify the firing positions that shelled the residential areas of Mariupol on 24 January 2015. It follows from the materials provided to me that at least some of the shelling came from the DPR positions to the east or north east of Mariupol.
188. Based on the information provided to me, it appears likely that the residential areas of the Vostochniy micro-district of Mariupol were not the target of the attack(s). Rather it is likely that the artillery attacks were conducted in support of the announced and intended offensive operation aimed at capturing Mariupol.
189. It also appears likely that the civilian damage occurred by mistake, as is strongly suggested by the intercept evidence. I do not agree with General Brown's conclusion that the attackers intended or anticipated the damage to civilian areas. It is unclear whether more accurate weapons or targeting methods were available to the DPR in this situation. It is plausible that civilian facilities of the Vostochniy micro-district could have been hit because of errors in the information about coordinates of intended military targets²⁵⁶ and/or errors in the aiming of the launchers and/or incorrect technical preparation of the launchers or even technical defects of the same. This could also be due to "human error": incorrect interpretation of received orders (commands), meteorological data or coordinates.

²⁵⁶ See *supra* note 93, para. 185(d) above.

IV. SHELLING AT THE RESIDENTIAL AREAS AND THE AIRFIELD OF KRAMATORSK ON 10 FEBRUARY 2015

A. Potential targets in and near the city

190. Kramatorsk is situated approximately 48 km northwest of Horlivka (Figure 15), which was at the time on the edge of the DPR-controlled territory,²⁵⁷ and was not an area of active hostilities in February 2015.

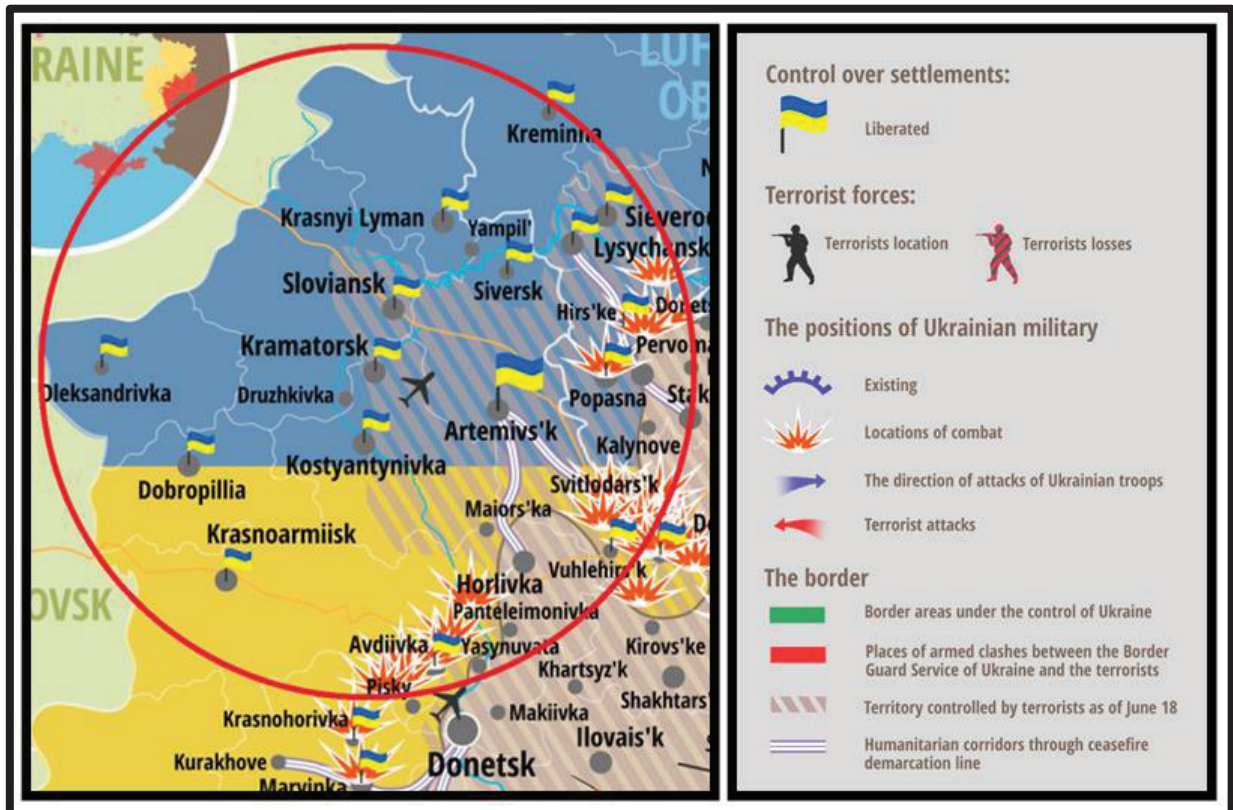

Figure 15. Approximate radius of 70 km drawn on the IAC NSDC map of 10.02.2015

191. After the UAF captured Kramatorsk from the DPR in July 2014, the city became the provisional capital of the Donetsk Region.²⁵⁸ I understand it to be common ground between General Brown and me that there was a significant military presence at the nearby Kramatorsk airfield after that.
192. I disagree with General Brown that it is inconceivable to suggest that the civilian area of Kramatorsk was hit by mistake on 10 February 2015. I will provide a more detailed analysis of a possible mistake scenario from the evidence available to me.

1. Military objects at the Kramatorsk airfield and in the city

193. From the information I have been provided with, it appears that the most important military objects were situated within the zone of the airfield, including the ATO headquarters, a

²⁵⁷ Information and Analysis Center of the National Security and Defence Council of Ukraine, “The situation in the Eastern Regions of Ukraine – 10.02.15”, 10 February 2015, <http://mediarnbo.org/2015/02/10/the-situation-in-the-eastern-regions-of-ukraine-10-02-15/?lang=en> (Annex 59).

²⁵⁸ Donetsk Regional State Administration, Order No. 590 “On the organisation of work of the Donetsk Regional State Administration and its structural divisions in the context of the Anti-Terrorist Operation”, 29 July 2014, <https://ips.ligazakon.net/document/DO140077> (Annex 48).

helicopter base,²⁵⁹ a petroleum, lubricants and oil depot,²⁶⁰ at least one air defence missile system “Buk”,²⁶¹ a radar station,²⁶² and the Sarmat field camp.²⁶³ I understand that the Bobkov Report analyses a satellite image of 8 January 2015 (and other materials) and identifies 9 helicopters, 4 combat vehicles of the tactical surface-to-air missile system Osa and more than 700 large motor transport vehicles at the airfield.²⁶⁴ The airfield is roughly 800 metres east-southeast of small houses in the suburbs of Kramatorsk and about 2 kilometres east-southeast of apartment buildings in the city itself.

194. In addition to that, tactically important weapons were situated at the airfield. I have been shown a translation of an NGO’s report stating that “Ukrainian troops conduct regular launches of tactical missiles (“Tochka-U”) and multiple missile launch systems (“Smerch”) from the [Kramatorsk] airbase in the direction of the pro-Russian rebel occupied territories of Donetsk and Horlivka”.²⁶⁵ I have seen another source implying that Tochka-U systems were at the airfield in February 2015.²⁶⁶ I understand that Tochka-U systems were used several times by the UAF forces during February 2015,²⁶⁷ but materials available to me do not make it possible to determine even an approximate originating location of fire, let alone specific launch sites. The maximum range of the Tochka-U system is 120 km²⁶⁸ which makes it a valuable military asset that would be capable of firing from Kramatorsk on almost any DPR or LPR²⁶⁹ position, from Luhansk to Dokuchayevsk.
195. In total, General Brown accepts that at least 26 military units may have been situated on the airfield’s territory.²⁷⁰

²⁵⁹ Signed Declaration of Vitaliy Hrynychuk, Witness Interrogation Protocol (19 August 2015) (Annex 237 to the Memorial of Ukraine) (which establishes that at least one helicopter was on the airfield at the time); YouTube channel Mazut Sdeshnyy, “MLRS SMERCH - Kramatorsk airfield”, available at: <https://youtu.be/0DKsJ9hbHas>, 10 February 2019 (Annex 238), which shows at least two damaged helicopters and dense smoke from a fire.

²⁶⁰ Bobkov Report, Figure 46.

²⁶¹ Signed Declaration of Denys Hoyko, Victim Interrogation Protocol (20 August 2015) (Annex 239 to the Memorial of Ukraine).

²⁶² Signed Declaration of Oleksandr Bondaruk, Victim Interrogation Protocol (20 August 2015) (Annex 240 to the Memorial of Ukraine).

²⁶³ Signed Declaration of V. Hrynychuk (19 August 2015) (Annex 237 to the Memorial of Ukraine).

²⁶⁴ Bobkov Report, para. 88, Figure 47.

²⁶⁵ IPHR, “Rockets hit residential area in Kramatorsk, Ukraine”, February 2015, https://iphronline.org/wp-content/uploads/2015/05/rockets_hit_residential_area_in_kramatorsk_ukraine.pdf (Annex 81).

²⁶⁶ This source is a court decision with regards to a DPR informant who noticed a Tochka-U which he thought to be moving to the Kramatorsk airfield on 2 February 2015, He reported as well on two launches (the type of weapon was not specified) on 31.01.2015 and 02.02.2015 (Ukraine, Novozavodsky District Court of Chernihiv, Case No. 729/743/15-k, Judgment, 28 July 2015, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/47518118> (Annex 61)).

²⁶⁷ Vkontakte page MIL.IN.UA, post at : https://vk.com/wall-5063972?day=05032016&w=wall-5063972_875523%2Fall, 05 March 2016 (Annex 197). This was a post by an account run by volunteers to report on security issues, informing about Tochka-U launches by the UAF on the basis of information derived from DPR-aligned media. The table includes four shellings with Tochka-U in February 2015, two of which precede the shelling that impacted Kramatorsk. I am aware of at least one attempt by the SMM OSCE to verify the information about the shellings with Tochka-U. The mission visited Alchevsk, where LPR representatives showed parts of what the SMM itself assessed to be a Tochka-U missile. The observers were unable to ascertain that the parts were from a rocket downed on the night of 1 February. (See OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM) based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 3 February 2014”, 4 February 2014, <https://www.osce.org/ukraine-smm/139061> (Annex 8)).

²⁶⁸ Official website of the Ministry of Defence of Ukraine, “RK TR 9K79 “Tochka” (9K79-1 “Tochka-U”)”, 18 September 2013, <https://www.mil.gov.ua/ministry/ozbroennya-ta-texnika/suxoputnix-vijsk/raketni-kompleksi.html> (Annex 52).

²⁶⁹ The “LPR” refers to the “Luhansk People’s Republic”, the armed forces of which are taking part in hostilities against the army of the official government of Ukraine.

²⁷⁰ Brown Report, para. 66.

196. These military objects were located around 1.4 kilometres from the closest area of impact in the city.
197. I understand from the Memorial of Ukraine that it is not disputed that military objects in the airfield were attacked²⁷¹. Eight servicemen from six different military units were reported by the ATO headquarters to have died in the attack on the airfield,²⁷² and 33 servicemen were reported to have been injured, including *high ranking officers* of the Armed Forces of Ukraine: colonels of the Main Command Centre, the Main Personnel Directorate of the General Staff, the Central Automobile Armament Command, Central Rocket Artillery Armament Command.²⁷³
198. As the result of the attack, a radar station, vehicles, a diesel generator, and administrative property of military unit A2099 were damaged.²⁷⁴ Open sources suggest that a helicopter base was hit as well.²⁷⁵

2. *Military objectives in the residential areas of Kramatorsk*

199. In addition, it appears from the decisions of the Ukrainian courts which I have been provided with that in February 2015 there was a Ukrainian military presence, including personnel and military equipment, in the civilian area of Kramatorsk (Figure 16).²⁷⁶

²⁷¹ Memorial of Ukraine, para. 104. As I explain below, however, I would disagree with the conclusion that “the residential neighbourhood” of Kramatorsk “was separately attacked” (*Ibid.*).

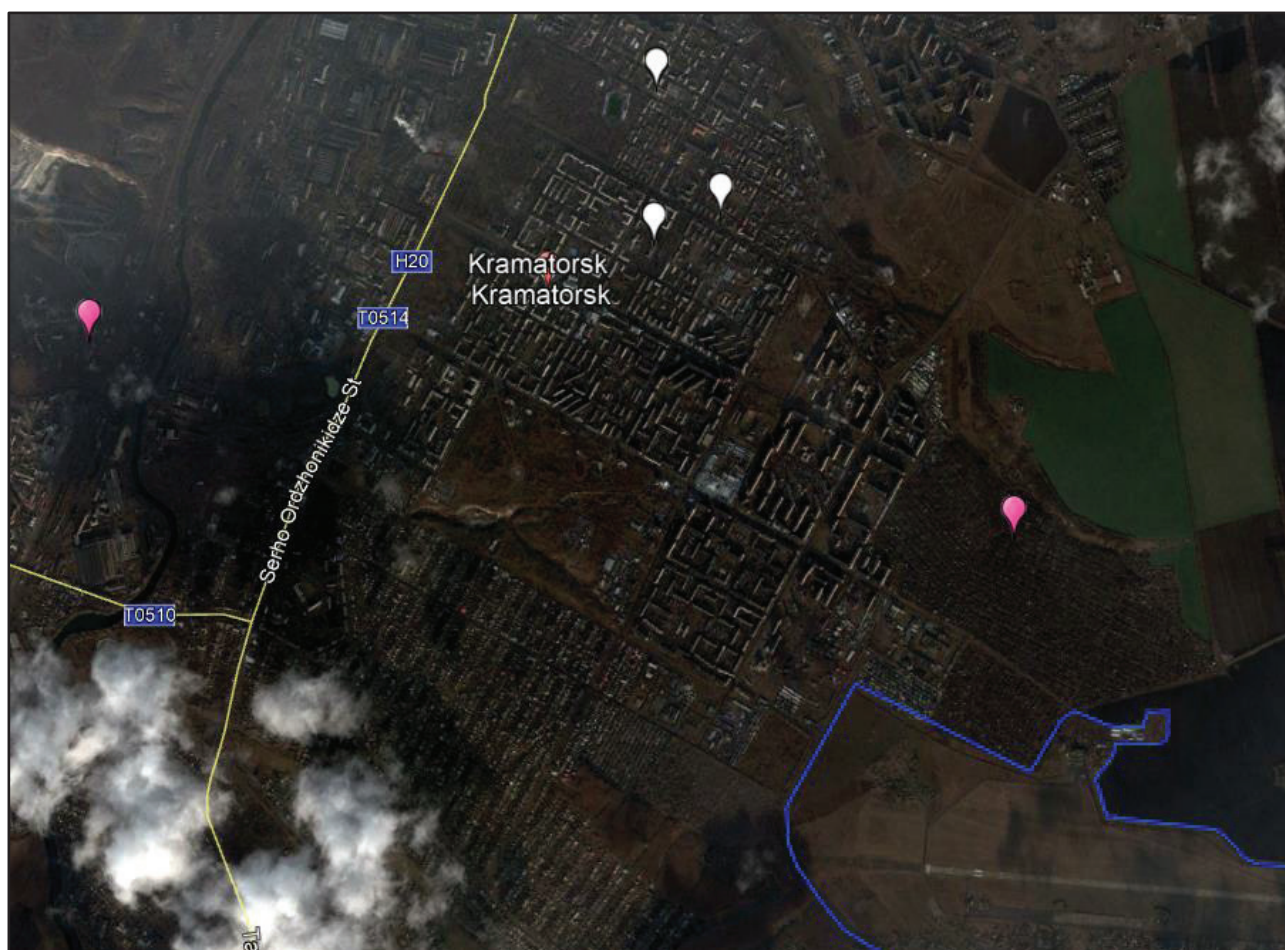
²⁷² Headquarters of the Antiterrorist Operation Letter No. 1696 og (12 February 2015) (Annex 102 to the Memorial of Ukraine).

²⁷³ Headquarters of the Antiterrorist Operation Letter No. 778 og (16 February 2015) (Annex 107 to the Memorial of Ukraine).

²⁷⁴ Signed Declaration of O. Bondaruk, Victim Interrogation Protocol (20 August 2015) (Annex 240 to the Memorial of Ukraine).

²⁷⁵ YouTube channel Mazut Sdeshnyy, “MLRS SMERCH - Kramatorsk airfield”, available at: <https://youtu.be/0DKsJ9hbHas>, 10 February 2019 (Annex 238); See Bobkov Report, paras. 97-99, Figure 50 for the only two impact craters on the airfield I was able to identify based on the materials provided to me. *Militaryaviation.in.ua*, “Damaged Mi-24P helicopters as a result of the shelling of Kramatorsk on 10 February 2015”, 11 February 2019, <http://militaryaviation.in.ua/uk/2019/02/11/poshkodzheni-gelikopteri-mi-24p-vnaslidok-obstrilu-kramatorska-10-02-2015-r/> (Annex 140). See also Signed Declaration of V. Hrynychuk (Annex 237 to the Memorial of Ukraine), in which Mr Hrynychuk describes refueling a helicopter before the attack.

²⁷⁶ In particular, I have been shown decisions of the Ukrainian courts regarding DPR informants who communicated information on the deployment of the UAF **at the end of Parkovaya Street in the area of the Michurin Gardeners' partnership** (See Ukraine, Court of Appeal of the Donetsk Region, Case No. 234/16050/15-k, Decision, 26 July 2017, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/68030620> (Annex 71)) and on the territory of **a former psychiatric hospital** of Kramatorsk at 5 Morisa Toreza Street **in February 2015** (Ukraine, Novozavodsky District Court of Chernihiv, Case No. 729/743/15-k, Judgment, 28 July 2015, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/47518118> (Annex 61)) In early February 2015 an informant was found to have told the DPR that “a military convoy of the Armed Forces of Ukraine composed of three Ural military trucks [was] moving at Ordzhonikidze Street in Kramatorsk in the direction of Slavyansk of the Donetsk Region [...and that] throughout February 2015, [he had] regularly spotted military equipment of the Armed forces of Ukraine (at least 40 Ural trucks) at Ordzhonikidze Street in Kramatorsk moving in the direction of Slavyansk of the Donetsk Region” (Ukraine, Kramatorsk City Court, Case No. 234/11709/15-k, Judgment, 12 October 2015, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/52281395> (Annex 63)). From two court decisions it also appears that the **Donetsk Zonal Department of the Military Police** might have been at the address 10 Mayakovskoho Street at least since May 2015 to 2020. (See Ukraine, Kramatorsk City Court, Case No. 234/16920/15-k, Ruling, 12 October 2015, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/52310146> (Annex 64), referring to an order of the Head of the Kharkov Zonal Department which described military service’s being done at the **Donetsk Zonal Department of the Military Police** at that address, and Ukraine, Ordzhonikidzevsky District Court of Mariupol, Case No. 265/2434/20, Judgment, 13 May 2020, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/89220278> (Annex 79), according to which the accused was sentenced to serving his term in a military detention facility located at this address). It appears reasonable to assume that this military police station is the same as the ‘police department’ referred to in paragraph 8 of the Witness Statement of Kyrlyo Ihorevych Dvorskyi (4 June 2018) (Annex 3 to the Memorial of Ukraine), also said to be on Mayakovskoho Street.

Map Data: Google, © 2021 Maxar Technologies.

Figure 16. Civilian and military objects used by the UAF

- Civilian objects shown to be in use by the UAF in February 2015
- Objects in the city specified by General Brown
- Territory of the airfield

200. General Brown draws attention to several governmental (in fact, military and police) buildings in the area of the city that was affected by the shelling.²⁷⁷ These include:²⁷⁸

- a) The (military) police station on Myakovsokovo Street, near the Blooming Stadium in Pushkin Park, where several missile fragments were found,²⁷⁹

²⁷⁷ Brown Report, para. 67. The city was also the site of a military prosecutor's office at 21, Mayakovskovo Street and sleeping quarters of the Donetsk Zonal Department of the Military Police at 10, Mayakovskovo Street (Ukraine, Kramatorsk City Court, Case No. 234/16920/15-k, Ruling, 12 October 2015, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/52310146> (Annex 64)), as I explain above.

²⁷⁸ Brown Report, para 67.

²⁷⁹ See Record of Site Inspection Conducted by A.A. Kholin, Major of Justice and Senior Investigator with the Operative Unit of the Investigative Department of the Security Service of Ukraine in Donetsk Oblast (12 February 2015) (Annex 105 to the Memorial of Ukraine), para. 26; Scene Inspection Report, drafted by E. Abushov, Police Lieutenant, Kramatorsk City Department (10 February 2015) (Annex 101 to the Memorial of Ukraine), explaining that two further fragments were found in Pushkin Park, around 170m from each other and a comparable distance from the military police station.

- b) The Armed Forces recruiting office on Drujby (formerly Lenin) Boulevard which was characterised by the SMM OSCE as a military compound,²⁸⁰ and
- c) The Border Guard Service administrative office on Boulevard Heroi Ukraini, which appears to have been directly hit by sub-munitions.²⁸¹

201. General Brown suggests that seemingly none of these offices have been taking an active part in the hostilities.²⁸² I am not sufficiently aware with the situation on the ground to agree or disagree with this statement. However, I agree with General Brown's conclusion that "there is no evidence of any military targets in the residential area of Kramatorsk that would justify targeting it with a BM-30 salvo" (as I explain below, I agree with General Brown that this is the weapon most likely to have been used in the attack).²⁸³ It is not clear whether he considers that these objects were the target of the attack but he characterises them as "minor installations"²⁸⁴ and says that using BM-30 to attack them would "make no military sense".²⁸⁵
202. It is obvious to me that these objects were not comparable in terms of the military advantage gained to the targets in the airfield. The targets in the airfield would clearly take precedence over any of these police, defence or border guard offices. If the ATO command post situated at the airfield had been hit, this could have considerably undermined the handling of troops.

B. Parameters of the weapon system used

203. It appears that the Kramatorsk airfield was shelled on 10 February 2015 at around the same time as the impact from Smerch rockets was registered in the residential areas.²⁸⁶ I understand that Ukraine states that the shelling was "approximately five minutes later" than the shelling at the airfield, at around 12.30 pm.²⁸⁷ Given the importance of the military objects at the airfield, and provided that the rebels indeed had such rocket system (on which I cannot opine), such attack would serve a clear military purpose.

²⁸⁰ OSCE, Spot Report by the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM): Shelling in Kramatorsk (10 February 2015) (Annex 331 to the Memorial of Ukraine), though I have not seen evidence that this building was affected by the shelling at the relevant time.

²⁸¹ Record of Site Inspection Conducted by A.A. Kholin (Annex 105 to the Memorial of Ukraine), para. 2.

²⁸² Brown Report, para. 67.

²⁸³ *Ibid.*

²⁸⁴ *Ibid.*

²⁸⁵ *Ibid.*

²⁸⁶ I cannot be certain about the exact time of the shelling, however, several sources are consistent in this regard. The SMM heard explosions in the city at 12:33 (OSCE, Spot Report: Shelling in Kramatorsk (Annex 331 to the Memorial of Ukraine)). I was shown the video with a time-stamp (the accuracy of which I cannot verify) recording a first blast at 12:30:58 (YouTube channel of Denis Artemiev, "Kramatorsk. 10 February, 2015. The shelling of the city from the MLRS Video from the surveillance camera", available at: <https://youtu.be/luFqr2porQk>, 01 April 2016 (Annex 232)). BBC citing the ATO press center states that the airfield was shelled at 12:32 (*BBC News Ukraine*, "Shelling of Kramatorsk: at least seven people killed", 10 February 2015, https://www.bbc.com/ukrainian/politics/2015/02/150210_kramatorsk_shelling_victims_dk (Annex 109)). The times mentioned in the witness statements are very approximate and indicate the period from somewhat later than 12:00 (Signed Declaration of O. Bondaruk, Victim Interrogation Protocol (Annex 240 to the Memorial of Ukraine)) to 12:40 (Signed Declaration of Oleksandr Chorniy, Witness Interrogation Protocol (12 February 2015) (Annex 219 to the Memorial of Ukraine)); there is no way to deduce the exact moment of the shelling from this information.

²⁸⁷ Memorial of Ukraine, para. 102. See also Witness Statement of K.I. Dvorskyi (Annex 3 to the Memorial of Ukraine): "Based on the results of the investigative activities, my team determined that on 10 February 2015, at 12:30 p.m. and 12:35 p.m., members of the DPR carried out the artillery shellings of the residential neighborhood of the city of Kramatorsk² and the military airport located two kilometers from the city."

204. The information provided to me suggests that the weapon system used in this shelling was a BM-30 Smerch,²⁸⁸ and that assessment appears likely to be correct. I do not know whether the BM-30 Smerch was available to the DPR, but I agree with General Brown that that weapon was capable of reaching this target from territory controlled by the DPR, and that it would be effective for the neutralisation of this target.²⁸⁹

C. Targeting considerations

205. The airfield is a complex target composed of separate (elementary) targets. Military manuals suggest two ways of engaging such a target: (a) using one aiming point; or (b) using separate aiming points for each elementary target which are assigned to different launchers.

206. The most efficient option of engaging an MLRS such as the Smerch in this case was to launch an attack on several separate targets in the airfield, given that there were at least 26 military units. If several targets were damaged, this would have the greatest effect and impact the command post with a higher degree of probability.

207. I assume, therefore, that the missile strike was aimed at a number of important military objects of the ATO headquarters in the airfield. I will now address General Brown's conclusion that such attack could not plausibly have caused the damage to the residential area of the city, and that the residential areas must have been precisely the actual target of the shelling.

208. I have not been provided with any detailed account of the impact at the Kramatorsk airfield. I would expect this impact site to have been thoroughly inspected by the competent Ukrainian authorities, and all damage to have been registered. Information about that impact as well as the exact timing of the attack(s) could allow me to better understand the approach that was adopted to targeting (including the assessment of the likelihood of various errors).

D. Damage to residential areas of the city

209. I have been provided with Ukraine's inspection reports of impact sites of the carrier elements of the missiles (nose cones, tails, tubes and cassettes²⁹⁰) and of sub-munitions.²⁹¹ The limited photographic evidence of the remnants and impact sites suggests that the shelling was performed with 9M55K rockets. However, there are certain irregularities that I explain below.

210. The sub-munitions' impact sites are described in the inspection report. I have been able to identify 8 areas (since some of the areas are very close to each other it may be more accurate to count 6 or less) impacted by sub-munitions.²⁹² These areas are located at certain distances from

²⁸⁸ E.g. Expert Opinion No. 193/1, Ukrainian Scientific Research Institute of Special Equipment and Forensic Expert Examination of the Security Service of Ukraine (29 April 2015) (Annex 121 to the Memorial of Ukraine).

²⁸⁹ Brown Report, paras. 61, 68.

²⁹⁰ Or "frames", as they are called in Russia and Ukraine.

²⁹¹ Scene Inspection Report, drafted by A. Sorokina, Police Captain, Kramatorsk City Department (10 February 2015) (Annex 100 to the Memorial of Ukraine); Scene Inspection Report of E. Abushov (Annex 101 to the Memorial of Ukraine); Incident Site Inspection Report of O.V. Kupriyanov, Police Lieutenant and Investigator with the Investigations Department of the Kramatorsk Police Department (12 February 2015) (Annex 103 to the Memorial of Ukraine), Record of Site Inspection Conducted by A.A. Kholin (Annex 105 to the Memorial of Ukraine).

²⁹² See areas described at paras. 2 and 3, 7, 14 and 23, 18, 19, 20 of the Record of Site Inspection Conducted by A.A. Kholin (Annex 105 to the Memorial of Ukraine). As the person who drafted this record does not always distinguish between sub-munitions' impact craters and carrier elements' impact craters (which is a serious flaw of this document insofar as the analysis of the circumstances of the shelling is concerned), the sub-munitions' impact craters are established on the basis of the description – and photographs in certain cases – of the impact craters and with due regard to the diagrams enclosed to the record.

each other.²⁹³ Each area has a maximum of 8 bomblet craters identified next to each other. I understand that in its Memorial Ukraine indicated in total 58 impacts from sub-munitions and carrier elements (both in the residential areas in the airfield).²⁹⁴ However, each 9M55K missile has 72 sub-munitions in it, which is more than the total number of sub-munition impact sites identified in the residential areas of Kramatorsk. Neither of the impact sites in the residential areas identified by Ukraine's inspection reports represents a full impact field for even a single rocket. Moreover, some of these impact sites are located too far apart for all of them to represent one impact field from a single rocket. I am surprised by the lack of impact data on the remaining bomblets or any alternative explanation of the inspection results in the materials I have been provided with.²⁹⁵ I do not understand why it is so. The remaining 9M55K sub-munitions must have exploded and left some traces or remained unexploded but apparently without all being found by the Ukrainian investigators in the residential area.²⁹⁶ Whatever may be the reason for this, the data I have is of limited value for the purposes of (1) assessing the quantity of the 9M55K rockets which hit the city on 10 February, and (2) considering the actual impact pattern.

1. Number of rockets

211. General Brown concludes that 2-4 missiles impacted in the residential area.²⁹⁷ General Brown's assessment is broadly consistent with the number of tailpieces found in the city, but not with the impact site inspections conducted by the Ukrainian investigation. I note again that for some reason relatively few sub-munitions' impact sites were identified. That raises a question as to whether the number of rockets that affected the city was adequately assessed. Four rockets would have impacted the area with a total of 288 sub-munitions. Even if some of them malfunctioned and did not explode, they would be likely to be found by the investigators, local residents, or demining experts.

2. Direction of fire

212. General Brown suggests that "the impact pattern of the tail fins in relation to the bomblets suggests a bearing from the firing position to Kramatorsk of between 325° and 330°". I am not sure what methodology he has used to correlate the pattern of the tailpieces (that is rocket engines with stabilisers) and the sub-munitions' impact sites. I do not think that the available materials make it possible to define an angle of bearing within a range of 5 degrees (see paras.

²⁹³ Record of Site Inspection Conducted by A.A. Kholin (Annex 105 to the Memorial of Ukraine), para. 2.

²⁹⁴ Memorial of Ukraine, para. 102.

²⁹⁵ See Record of Site Inspection Conducted by A.A. Kholin (Annex 105 to the Memorial of Ukraine).

²⁹⁶ Note that unexploded ordinance (UXO) was found by the OSCE, but UXOs are mentioned as having been found only in three locations (OSCE, Spot Report: Shelling in Kramatorsk (Annex 331 to the Memorial of Ukraine)). Two of these locations correspond to the ones where tail pieces of rockets were found by the Ukrainian investigation (See Record of Site Inspection Conducted by A.A. Kholin (Annex 105 to the Memorial of Ukraine), para. 1 and photograph No.4, para 4). See also the video published online where the rocket section found at Dvortsova 36 is extracted from the ground: YouTube channel Dmitry, "Kramatorsk. Shelling 10-02-15. Dvortsovaya 34", available at: <https://youtu.be/VJXWoAvq-n0>, 10 February 2015 (Annex 230). It is surprising that unexploded ordinance was found in the same place as the tailpieces as the latter fly much further than the bomblets. Moreover, the Russian version of the OSCE report suggests that the "rocket" (similarly, "снаряд" in the Russian version) did not explode. That would have meant that the whole rocket did not open, and did not even detonate after falling on the ground. That does not correspond to the account in the Ukrainian investigation and contradicts the video report mentioned in this footnote where only the tailpiece, not the full rocket is lying on the ground. That reinforces my view that the impact has been insufficiently investigated.

²⁹⁷ Brown Report, footnote 68 at para. 60.

214–215).²⁹⁸ Overall, I agree that the impact pattern suggests a general bearing from the south-east, despite some difficulties in terms of accurately establishing the direction.

213. In particular, I understand that in Expert Opinion No. 193/1 of the Ukrainian Scientific Research Institute of Special Equipment and Forensic Expert Examination of the Security Service of Ukraine (Figure 17),²⁹⁹ a correlation is made between the impact site of the tailpieces and the explosion sites for sub-munitions. I do not understand, however, how the expert could suggest that impact sites for 6–15 bomblets can be treated as centres of the impact area of sub-munitions for one 9M55K rocket. It is necessary to establish the trajectory of an individual rocket by correlating the impact site for the tailpiece with the centre of the impact area of all its sub-munitions. However, the centres for the sub-munition impact areas cannot be inferred from such a small number of craters as they do not represent the full pattern of impact of sub-munitions. Besides, it is not clear to me how the expert identified that a certain sub-munition impact area relates to the same rocket to which a certain tailpiece belongs. In other words, how the expert found the correspondence between red zones in his map and the yellow zones (Figure 17).

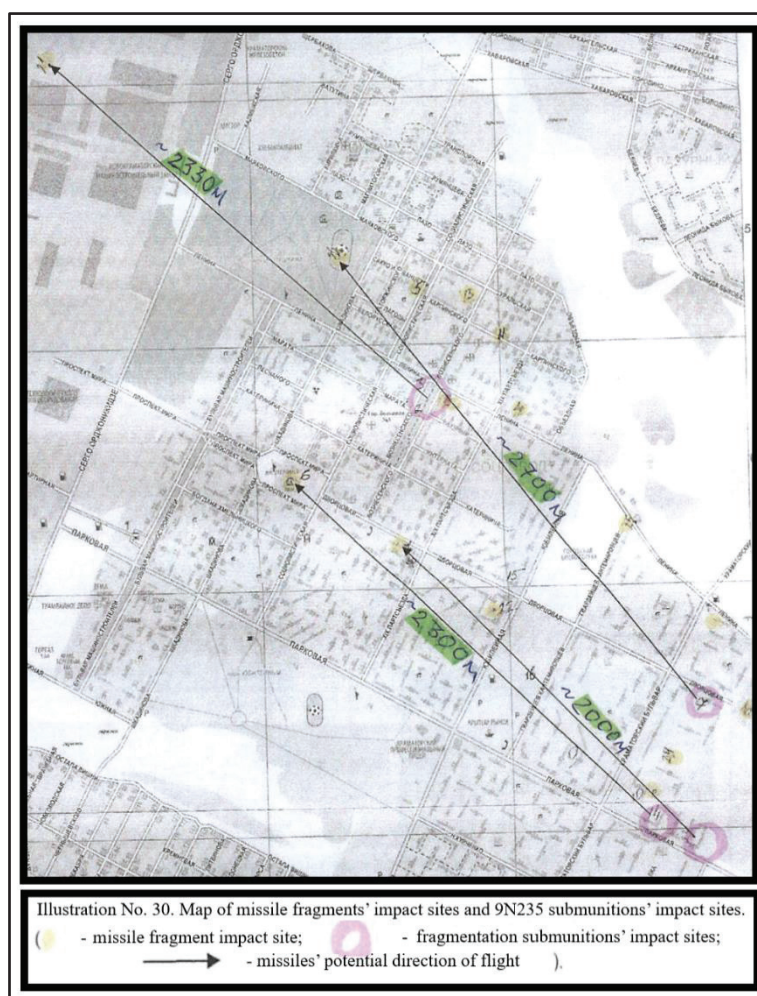

Figure 17. Markings on the Map made by expert O. Bordunos³⁰⁰

²⁹⁸ I note that the OSCE analysis on which he relies was no more precise than to say 'south-south-east', i.e. a range of 22.5°, and that was based on 'live observation', which is inherently imprecise (OSCE, Spot Report: Shelling in Kramatorsk (Annex 331 to the Memorial of Ukraine)).

²⁹⁹ Expert Opinion No. 193/1 of the Security Service of Ukraine (Annex 121 to the Memorial of Ukraine).

³⁰⁰ See Illustration No. 30 in Expert Opinion No. 193/1 of the Security Service of Ukraine (Annex 121 to the Memorial of Ukraine). I have doubts that Point No.6 should be considered as a rocket section impact site. The inspection

214. Another attempt to determine the direction of the shelling is reflected in the Record of site inspection conducted by A.A. Kholin, major of justice and senior major case investigator of the SBU.³⁰¹ It appears that the expert taking part in the inspection, rocket artillery battery commander captain H.O. Panchenko, has formed an ellipse around rocket remains and another one around impact traces of the sub-munitions. The line through the centres of these ellipses has been assumed to be the direction of fire. The difficulty with this methodology is that the dispersion of the debris from different rockets (and even from one rocket) is subject to many factors that define their different aerodynamics and does not follow any known law.³⁰² Another difficulty is that clearly not all sub-munitions craters and not all rocket elements were found³⁰³ and located on the map. I am not sure whether the expert had full information and accounted for all impact sites in the airfield³⁰⁴ and outside Kramatorsk. The impact areas should look like a collection of overlapping ellipses, if I am right that several aiming points were set in the airfield.³⁰⁵ It is not clear that centres could be found for the full sub-munitions impact area and for the full debris dispersion area of carrier elements with any degree of precision. I do not understand why the full sub-munitions impact area and the full rockets impact area (even if these were determined) were presented as ellipses and why the centres of these ellipses can be used as if they are mean points of impact. In addition, even small mistakes levered to the distance of 50-70 km would result in significant errors in defining the origination positions.
215. I also note that the experts did not take into account the wind drift of sub-munitions after opening of the rocket's warhead. Falling sub-munitions are subject to a greater impact of the wind than the rocket (tail) section. Thus, failure to account for the wind drift could as such lead to inaccurate identification of bearing to the firing position. Without data on the force and direction of the wind in the area of opening of the warhead I cannot assess the significance of this mistake in this case.
216. I do agree, however, that even the limited data provided to me shows that the sub-munitions landed to the south-east of the tailpieces. That very broadly defines the direction of the attack. I agree, therefore, that the direction of the shelling was broadly from south-east (but I consider the precision suggested in paragraph 65 of the Brown Report to be unsubstantiated). The rockets that fell in the city must have overflowed the airfield, but, at the same time, their direction broadly corresponds to the direction of the shelling that affected the airfield. I will now consider whether that could be due to an error (or a combination of errors).

report of 12.10.2015 studied by O. Bordunos was presumably the Record of site inspection that is submitted to me as the Record of Site Inspection Conducted by A.A. Kholin (Annex 105 to the Memorial of Ukraine). Paragraph 6 of this report does not provide any information on what fragment was found in that location. However, open sources suggest that that was a frame of the carrier element of the rocket (*6264.com.ua (Kramatorsk city website)*, "Consequences of the shelling in Kramatorsk (PHOTOS)", 10 February 2016, <https://www.6264.com.ua/news/1117566/posledstvia-obstrela-kramatorska-foto> (Annex 116)). As noted briefly on page 28 [Translator's note: page 18 in the translation] of Record of Site Inspection Conducted by A.A. Kholin (Annex 105 to the Memorial of Ukraine), such fragments as the frame have complex aerodynamics, and cannot be used for such analysis.

³⁰¹ Record of Site Inspection Conducted by A.A. Kholin (Annex 105 to the Memorial of Ukraine).

³⁰² It should also be taken into account that the rocket engines fall further along the rocket trajectory than the other fragments of the munition (such as frames, tubes and nose cones). The latter fall much closer to the area impacted by sub-munitions.

³⁰³ See paras.210-211 above.

³⁰⁴ As I will explain below, I do not believe that the rockets that hit the city can be seen as a separate shelling, but in any event a number of tailpieces found in the city belonged to the rockets that opened above the airfield.

³⁰⁵ See paras. 206-207 above.

217. With more information about the impact in the airfield, it may have been possible to identify likely bearing and assess the error by direction (if any) and by range. As noted above, this information has not been provided to me.

3. Range of fire

218. I do not think that range can be defined by any impact analysis and I understand that this is consistent with what General Brown says at paragraph 64 of his Report. However, having identified the angle from which the attack likely originated, at paragraph 68 of his Report, General Brown appears to rely on operational and tactical factors (the maximum distance to the territory controlled by the opposite side of the conflict (see paragraph 61) and the firing range of BM-30) to determine the distance from the launch site. Such premises a priori exclude the possibility of friendly fire (due to a mistake or sabotage).

219. I am not aware of any positions of the DPR closer to Kramatorsk than Horlivka. On the assumption that the attack could only be organised by the DPR, I agree that the range must have been more than 50 km.

4. Possibility of errors

220. Paragraph 72 of the Brown Report states that the dispersion of sub-munitions in the shelling at Kramatorsk, including the airfield and the residential neighbourhoods, covers an area 5 km long x 0.6 km wide. Additionally, he concludes that “[t]his latitudinal distribution conforms to the expected coverage of the system ... which suggests that the launcher(s) did not change their azimuth during the fire mission. However, the longitudinal distribution exceeds the expected coverage threefold.”

221. General Brown broadly relied on correct data, although the impact zone that he provides actually relates to the dispersion of the rocket warheads’ opening sites rather than the impact sites of the sub-munitions. I refer to data from the Firing Tables for 9M55K rockets of the “Smerch” MLRS (Figure 18). Impact zones of rockets and sub-munitions may not coincide completely, since the rockets opening at the margin of the ellipse of rockets’ distribution may distribute their sub-munitions beyond those margins. Even with that adjustment, of course, the sub-munitions from one salvo of BM-30 cannot fall 5 km from each other.

R, km	Probable errors for dispersion of projectiles ³⁰⁶	
	PE_r , m	PE_d , m
50	220	159
60	227	186
70	230	215

Figure 18. Data from the Firing Table for 9M55K rockets of the “Smerch” MLRS³⁰⁷

³⁰⁶ “Projectiles” here refer to rockets.

³⁰⁷ R – range; PE_r – probable error for range of the projectile; PE_d - probable error for direction of the projectile. See Extract of Smerch Firing Table, Ministry of Defense of Ukraine (March 2018) (Annex 656 to the Memorial of Ukraine).

222. General Brown states that such deviation for range cannot have resulted from a combination of errors of any sort and, consequently, not only facilities in the airfield's territory were targeted, but also those in the residential neighbourhood of Kramatorsk was a separate target. I disagree.
223. According to General Brown, the operators of the weapon systems could not normally have made that many errors while preparing and aiming the launcher to account for the increase in range by 5 km. I agree with that remark. Moreover, the totality of various errors made in the process of firing (using of incorrect information about the coordinates of a target and/or errors in the aiming of launchers, incomplete technical preparation, incorrect interpretation of received orders (commands), meteorological data or coordinates, and others), even if they happen at the same time, is very unlikely to lead to a cumulative increase in the distribution for range to so large an extent. Each such error could with equal likelihood increase and decrease range, affect bearing etc.
224. The error of such magnitude may, however, be caused by one of two significant factors. This error in range could be due to a so-called "human error" (a grave error made while firing data is transmitted or entered) or a failure of the missile's range correction system. The human error in this case is less likely as just 2-4 rockets opened above the residential areas. One BM-30 can launch 12 rockets without recharging. It seems unlikely that these rockets were fired separately at the city and opened about 1.7 km from each other.
225. It appears more likely that these rockets may have malfunctioned and overflowed the target (they may have also somewhat deviated by direction). As General Brown correctly points out, BM-30 rockets can adjust the pitch and yaw for the active part of the trajectory.³⁰⁸ Such complex electronics and internal organisation of the rocket make it more vulnerable to malfunctioning.
226. I understand that the rockets were old.³⁰⁹ I do not know whether maintenance was performed timely to enable them to function correctly. The shelf life of the 9M55K rocket is 12.5 years while storing in open storage facilities and 25 years maximum in closed warehouses with proper maintenance.
227. If such munition is stored without due protection and/or maintenance, it is at the greater risk of various malfunctions. In any event, even proper storage conditions for the MLRS rockets of this type do not exclude malfunctions, in particular, malfunctioning or failure of the on-board range adjustment equipment, making it possible that some rockets may have significantly overflowed.
228. Malfunctioning or failure of the on-board range adjustment equipment could be caused, inter alia, by failure to activate this equipment during the pre-launch procedure. To activate the equipment it is necessary, in particular, that the electric circuits of the launcher be in contact with the electric circuits of the rocket. If the contact is interrupted for whatever reason, the flight range adjustment system will not function.
229. General Brown suggests at paragraph 73 of his Report that

³⁰⁸ Brown Report, para. 62.

³⁰⁹ The expert O. Bordunos has examined marking on the missile fragments and identified numbers "91" as the year of production (See Expert Opinion No. 193/1 of the Security Service of Ukraine (Annex 121 to the Memorial of Ukraine), page 8.

“the coincidence of the missiles erroneously landing in a civilian area, as opposed to the fields around the airfield target, further indicates that any suggestion that this was an error would have to be viewed with extreme scepticism.”

230. I do not quite understand this scepticism. The direction of fire suggested by General Brown himself was such that the rockets, if they overflowed the target, would have landed in the city (Figure 19). Several missiles at once could have exhibited the same malfunctioning pattern, for instance, due to similar storage issues.

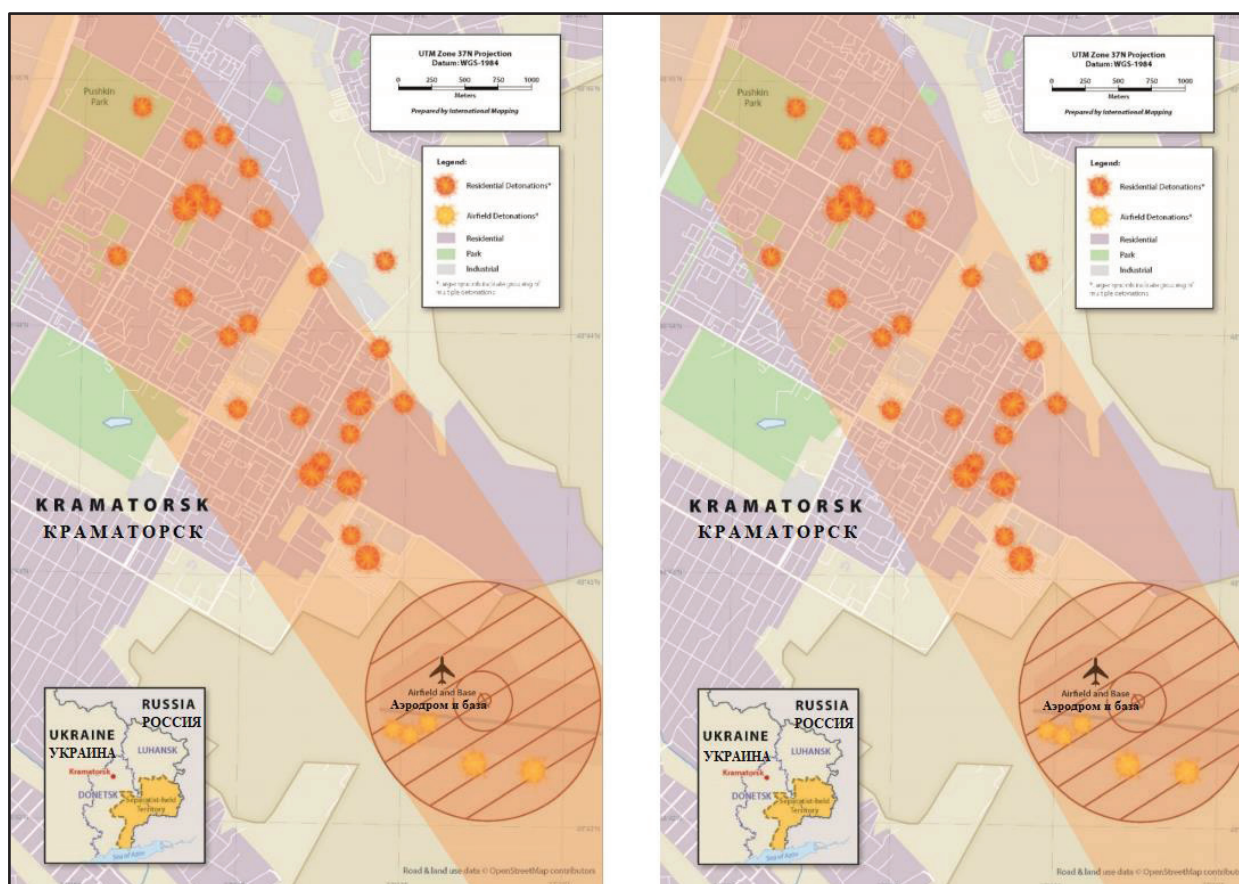

Figure 19. Bearings of 325 degrees (left) and 330 degrees (right)³¹⁰

5. Alternatives not to jeopardise the city

231. At paragraph 74 of his Report, General Brown suggests that

“[e]ven if only the airfield had been targeted and that had been done accurately, the choice of weapon system and the launch position in the Horlivka area made it inevitable that carrier elements would fall on civilian residential areas of Kramatorsk”.

I do not know which objects were targeted, but the risk of rocket sections falling within the city is actually considerable given the direction of fire and the proximity of the airfield to the city.³¹¹

I will now consider whether there was any obvious way to mitigate that risk, as suggested by General Brown at paragraphs 74 and 78 of his Report.

³¹⁰ I have chosen the aiming points here arbitrarily merely to illustrate that the shelling of the airfield from the indicated angles could have affected the impacted residential areas in case the rockets overflowed due to malfunctions.

³¹¹ See Brown Report, Figure 3 at para. 69.

232. General Brown suggests that an alternative launch site could have been available for the DPR forces in the direction of Yasynuvata. However, according to the IAC NSDC map (Figure 15 above), only a relatively small portion of the territory in that direction was controlled by the DPR. Moreover, I understand that active hostilities were taking place to the northeast and to the southwest of this area.³¹² Taking into account the proximity of the fighting to the line of contact, if launchers had been placed there they could have attracted return fire from the UAF positions near the frontline.
233. I have no reason to assume that the launch site near Yasynuvata was available, but even if that were the case, the suggested bearing would not have made it possible to avoid collateral damage from rocket parts, unless the targets were exclusively located in the eastern part of the airfield. I note that even fire on a bearing of around 345 degrees would have still jeopardised the private houses (Figure 20), if the targets were close to the western part of the airfield.

³¹² See Figure 15 above.

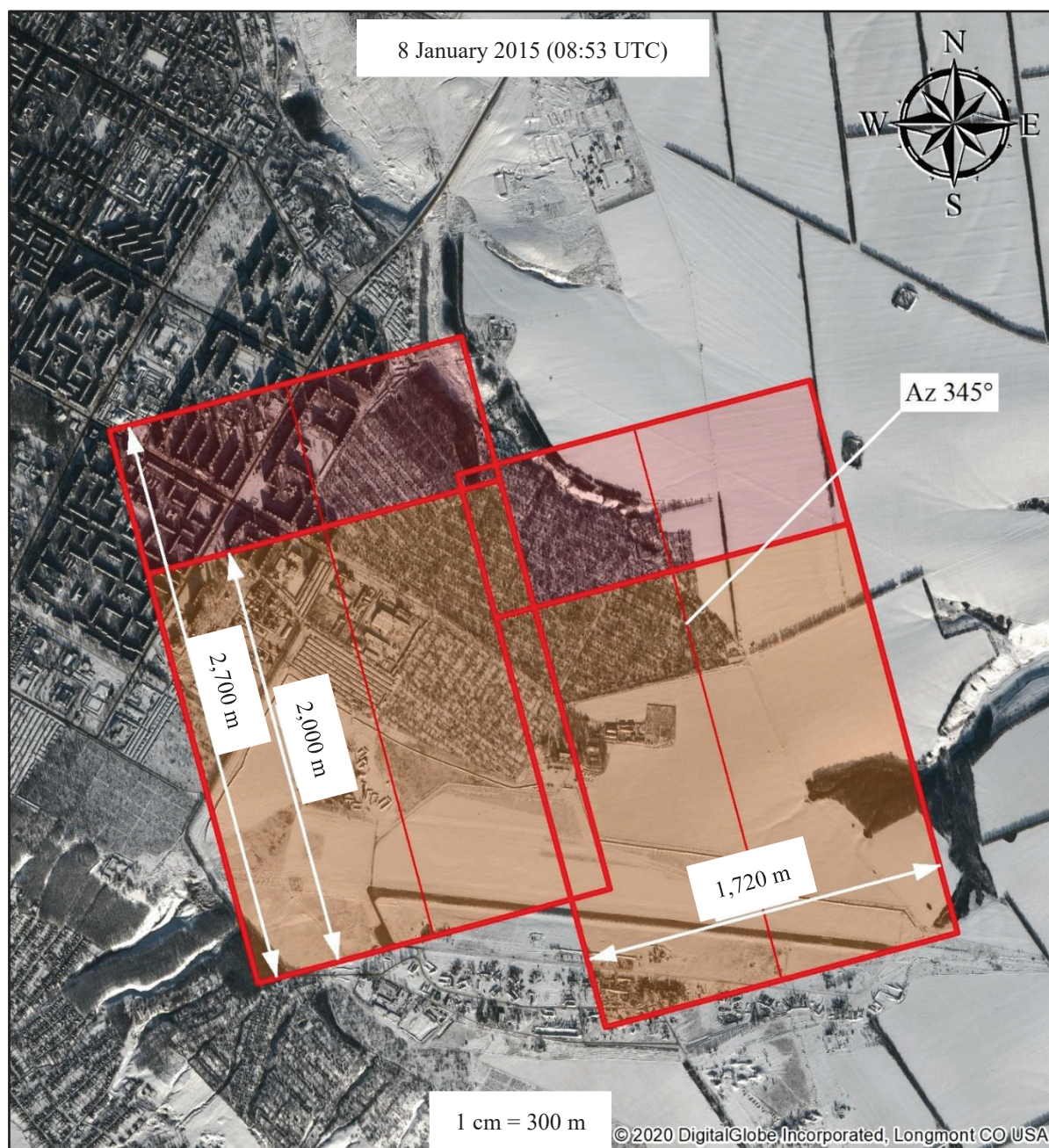

Figure 20. Bearing of 345 degrees with the aiming point on the western side (left) and the eastern side (right) of the airfield

E. General conclusions

234. I believe that the BM-30 “Smerch” rocket shelling was directed against various objects located in the territory of the Kramatorsk airfield (such as the centre of command (headquarters) for the anti-terrorist operation, rocket air-defence units, radar stations, helicopters, munition storages, Sarmat field camp).
235. The centre of command for the anti-terrorist operation was a priority and most significant target from the military point of view.
236. Based on the evidence I have seen, there were no targets in the city of Kramatorsk suitable for an attack by BM-30 “Smerch”. Such objects as the police department (Mayakovskogo Street),

conscription centre building (Druzhby Street) or the Border Service building (Heroev Ukrainy Street) do not appear to have been suitable targets for such attack.

237. It appears that the damage to civilian areas of Kramatorsk most likely resulted from mistakes in targeting and/or (more likely) malfunction or failure of the on-board range adjustment equipment.

V. SHELLINGS THAT AFFECTED AVDIIVKA IN LATE JANUARY–EARLY MARCH 2017

A. Introduction

238. After analysing the materials provided to me, I cannot agree with the conclusions reached by General Brown concerning the impact on civilian houses and infrastructure in Avdiivka in January-March 2017 for the following reasons:
- a) General Brown considers the shelling of civilian objects without taking full account of the general context of hostilities in the area. In assessing the presence of military targets in Avdiivka General Brown does not consider the need of supplying the frontline positions near Avdiivka (including transporting military equipment through residential areas) and the deployment of military equipment in the residential areas of Avdiivka.
 - b) General Brown relies on evidence suggesting the use of BM-21 MLRS against civilian objects in Avdiivka, but close study of that evidence does not confirm that those weapons were indeed used in the shellings.
 - c) Comparison of the shelling incidents in Avdiivka with analogous incidents in which civilian objects were shelled in Donetsk, Spartak, Yasynuvata, Kruta Balka, Makiivka (residential areas to the east and south-east of Avdiivka controlled by the DPR damaged in a similar manner) demonstrates that the impact on civilian objects is almost inevitable when the contact line lies in such proximity to densely populated residential areas. The residential areas on both sides of the line of contact appear to have been similarly affected.

B. Context of hostilities near Avdiivka

1. *Situation in Donbass in autumn-winter 2017*

239. The shellings alleged by Ukraine need to be considered in the context of an escalation of military confrontation in south-eastern Ukraine in autumn 2016 – spring 2017.
240. From publicly available information it appears that, starting from autumn 2016, Ukraine was carrying out “creeping offensives”, systematically seizing fractions of the territory in various sections of the so-called “grey zone” along the contact line.³¹³ The seized areas allowed the Ukrainian troops to improve their defensive positions and to occupy favourable jumping-off locations for their possible offensive action.³¹⁴ For instance, in December 2016 - January 2017 Ukrainian troops advanced near the Svitlodarsk Bulge by seizing LPR strong points near

³¹³ Eurasia Daily Monitor, “Crawling Advance’: A New Tactic of Ukrainian Troops in Donbas”, Vladimir Socor, Volume 14, Issue: 16, 9 February 2017, <https://jamestown.org/program/crawling-advance-new-tactic-ukrainian-troops-donbas/> (Annex 137); see also *Radio Free Europe/Radio Liberty*, “Anxious Ukraine Risks Escalation In ‘Creeping Offensive’”, 30 January 2017, <https://www.rferl.org/a/ukraine-russia-creeping-offensive-escalation-fighting/28268104.html> (Annex 120).

³¹⁴ Vladimir Socor, “Crawling Advance” (Annex 137).

Kalynivka and Lohvynove villages,³¹⁵ took the settlement of Novoluhanske under control and captured the strategic heights in Kirovsk after advancing 500 m towards Stakhanov.³¹⁶

241. On 31 January 2017, the Ukrainian military expert Oleg Zhdanov, retired Colonel of the UAF, was reported as stating that “just like the Svitlodarsk Bulge, this [escalation of the conflict in Avdiivka] is some kind of a response to our actions. We occupied the dominating height there and had a tough response for three days with all types of arms available.”³¹⁷ He added that the position currently held by the Ukrainian soldiers allowed the UAF to take an additional part of the Donetsk-Horlivka motorway near the so-called Yasynuvata junction under control. The ATO forces had controlled (that is, placed in the line of fire) a part of that motorway since the year before. By 31 January 2017 this area had expanded. “It is because of this road that the fighting persists. We are raking with fire the entire Yasynuvata junction using assault rifles. That is why they do not use it for transporting military gear, equipment, personnel or munitions. All other roads from Donetsk to Horlivka are either country roads or in worse condition,” Oleg Zhdanov explained.³¹⁸
242. It appears to have been recognised that this “creeping offensive” tactic by Ukraine resulted in the exacerbation of the situation in the region. Thus, on 30 January 2017, First Deputy Head of the OSCE SMM in Ukraine Alexander Hug was reported as stating that “The direct result of forward moves is escalation in tension, which often turns to violence.”³¹⁹
243. On 5 February 2017, the OSCE SMM to Ukraine published the following information confirming fierce fighting in the said area:

“Aerial imagery revealed the presence of thousands of new (since at least 28 January) craters in the area around Avdiivka and Yasynuvata. The highest concentration of impacts was focused in an area stretching about 2-3 km from around Butovka mine towards the industrial zone, west of motorway M-04. Aerial imagery of the area around the industrial zone on 28 January revealed a snow covered landscape. Footage from 1 February of the same area shows large portions of the landscape completely blackened by impacts. High concentrations of impacts were also recorded: in the industrial zone and along the eastern, south-eastern, southern and south-western edge of Avdiivka; from Butovka mine towards “DPR”-controlled Spartak (9km north of Donetsk), Yakovlivka (10km north of Donetsk) and Mineralne (10km north-east of Donetsk); from the industrial zone towards the Donetsk water filtration station; and around Kruta Balka. One concentration of new impact sites was present in a residential area within Avdiivka and another just west of Avdiivka.”³²⁰

³¹⁵ *BBC News Ukraine*, “What happened at the Svitlodarsk Bulge?”, 24 December 2016, <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-38426404> (Annex 119); Official website of the National Security and Defence Council of Ukraine, “O. Turchynov on the Svitlodarsk Bulge: The Ukrainian Armed Forces will adequately respond to all provocations of the Russian hybrid troops”, 21 December 2016, <https://web.archive.org/web/20161222145819/https://www.rnbo.gov.ua/news/2670.html> (Annex 66): “our military counterattacked, advanced, and took up new positions, which gave them an additional advantage over the enemy in this defence sector.”

³¹⁶ *Novaya Gazeta*, “Fighting draw”, 31 January 2017, <https://novayagazeta.ru/articles/2017/01/31/71352-boevaya-nichya> (Annex 122). This press report also states that the Avdiivka Coke Plant was directly hit but this appears to be an error (see below).

³¹⁷ *BBC News Ukraine*, “Avdiivka: why is there an ongoing fighting for frozen trenches?”, 31 January 2017, <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-38810871> (Annex 123).

³¹⁸ *Ibid.*

³¹⁹ *Radio Free Europe/Radio Liberty*, “Anxious Ukraine Risks Escalation In ‘Creeping Offensive’”, 30 January 2017, <https://www.rferl.org/a/ukraine-russia-creeping-offensive-escalation-fighting/28268104.html> (Annex 120).

³²⁰ OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 5 February 2017”, 6 February 2017, <https://www.osce.org/ukraine-smm/297821> (Annex 20).

2. Situation in Avdiivka in winter 2017

244. Avdiivka was described as heavily damaged in 2015³²¹ and one of the hotspots of military activities in 2016.³²² It appears that Ukraine's implementation of the "creeping offensive" strategy in Avdiivka by Ukraine brought about a new round of escalation of conflict. I can see from the open sources described below that in the winter of 2017, Ukraine conducted successful offensives in three main directions: the Almaz-2 strong point, Promzona (the "Industrial Area") and Avdiivka forest near the Donetsk Filtration Station (DFS) (Figure 21).

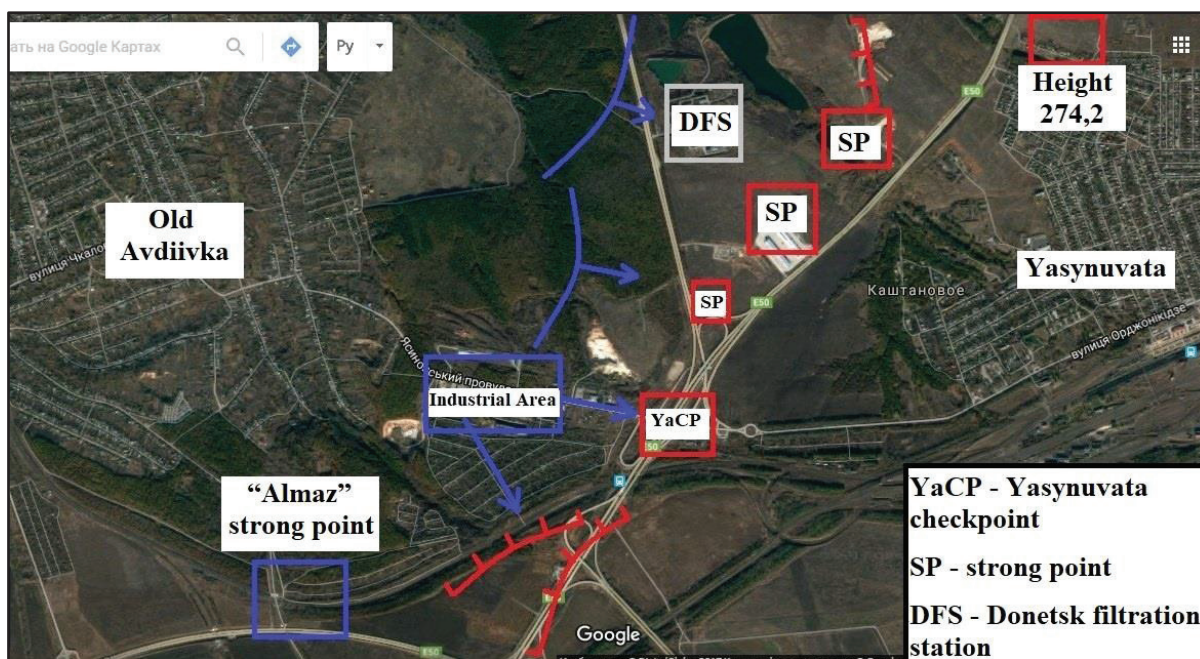

Figure 21. Ukraine's advancement in the area³²³

a. Almaz-2 strong point

245. A significant number of open sources state that Ukraine captured the Almaz-2 strong point:

- a) In January 2020, the Defence Ministry of Ukraine published a documentary "Storming Almaz" on its Facebook page.³²⁴ The video was published with the following description:

"Storming Almaz" documentary tells a story of the Ukrainian soldiers capturing the strong point called 'Almaz-2'. It is located on the outskirts of Avdiivka, a town in the Donetsk Region, near the industrial area. Fierce fighting of the 72nd brigade was ongoing there. This important position has been under control of the units of the UAF for three years already and used to be controlled by the militants before that. Fierce

³²¹ *Ukrainskaya Pravda*, "Avdiivka. From disco to disco", 23 June 2015, <https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2015/06/23/7072177/> (Annex 115).

³²² Statement of Alexander Hug, Deputy Chief Monitor of the OSCE SMM (19 August 2016), 07:30 (video) (Annex 341 to the Memorial of Ukraine): "[it] is undoubtedly, the worst affected area of the entire Donbass at the moment"; *BBC News Russia*, "Why Avdiivka became the hottest spot in Donbass", 15 April 2016, https://www.bbc.com/russian/international/2016/04/160415_Avdiivka_fighting_east_ukraine (Annex 118).

³²³ VKontakte page National Information Portal "Tisk", post at: https://vk.com/wall-78786186?day=31012017&w=wall-78786186_450765%2Fall, 31 January 2017 (Annex 204). This page appears to be a Ukrainian social media outlet.

³²⁴ Facebook page of the Ministry of Defence of Ukraine, post at: <https://www.facebook.com/watch/?v=120155595981733>, 29 January 2020 (Annex 216).

fighting between the Ukrainian soldiers and the terrorist groups lasted several days – from 29 January until 6 February 2017.”³²⁵

- b) The same battle appears to be discussed in the timeline published on 3 February 2017 by the General Staff of Ukraine on its Facebook page.³²⁶ This states that, on 29 January 2017 the UAF repelled the attack of DPR forces, “chased the enemy, reached the enemy’s positions and captured the observation post”.³²⁷ Following this, the DPR sought to “regain the lost positions” and were conducting various offensives, including “intense shelling”.³²⁸
- c) On 29 January 2017, Ukraine’s defence minister Stepan Poltorak reportedly stated, “Today there is a serious exacerbation in the area of Avdiivka: in the morning [the DPR] began shelling, and then, two enemy groups of 25-30 men each, began storming our positions. At one of the positions, this advance was stopped by military personnel of the Armed Forces, and at the other, our troops went on the offensive and took up a crucial post of strategic importance.”³²⁹ Mr Poltorak appears to have been talking about the same offensive and capture of the Almaz-2 position on 29 January 2017.

246. Based on the sources mentioned in paragraph 245, it appears to me that the seizure of the Almaz-2 strong point by Ukraine triggered fierce fighting. The quoted representatives of the Ukrainian authorities acknowledged that this position was of great strategic importance. Looking at the Google Earth satellite image of the area which I have been provided with,³³⁰ I can confirm that capturing and holding this position must have allowed expanding the area of control over the strategic motorway between Donetsk and Horlivka (two large cities in the DPR).

b. Positions in Avdiivka forest near the DFS

247. A large number of open sources also state that Ukraine conducted an offensive on Road H-20 approaching very closely the DFS controlled by the militia.

- a) On 22 January 2017, First Deputy Head of OSCE SMM Alexander Hug said: “We have seen there also while at the water filtration station in Donetsk that on the side controlled by the Ukrainian Armed Forces there are new positions being built. That leads to more fighting. And not in an open field where there is nothing to damage. The Kruta Balka or the water filtration station is in the middle of these positions. We can count one and one together and we’ll know what the result will be if that is not being stopped.”³³¹
- b) On 30 January 2017, the Ukrainian Dsnews published an article stating that the Ukrainian troops had repelled the attack of the DPR forces conducted to move the Ukrainian military away from the DFS. This states:

³²⁵ *Ibid.*

³²⁶ Facebook page of the General Staff of the Armed Forces of Ukraine, post at: <https://www.facebook.com/GeneralStaff.ua/posts/732453826923877>, 3 February 2017 (Annex 209).

³²⁷ *Ibid.*

³²⁸ *Ibid.*

³²⁹ Official website of the Ministry of Defence of Ukraine, “‘Now the situation in the ATO is difficult, but controlled’ - Minister of Defence of Ukraine”, 29 January 2017, <https://www.mil.gov.ua/news/2017/01/29/narazi-situacziya-v-ato-skladna-ale-kontrolovana-ministr-oboroni-ukraini/> (Annex 68).

³³⁰ Satellite Image of Avdiivka on Google Earth with marked E50 Highway (Annex 265).

³³¹ YouTube channel of the Ministry of Information of the DPR, “Alexander Hug confirmed the presence of new dugouts of the UAF near the DFS (press-conference 22.01.2017)”, available at: <https://youtu.be/8tRDtK7ueho?t=806>, 22 January 2017 (Annex 233), (13:26 – 14:31).

“Now the UAF have come close to meeting the main tactical goal in the Avdiivka’s Industrial area – taking control of the DFS which provides Donetsk with water, and complete cutting off of the E50 Donetsk-Horlivka motorway, which stretches along the demarcation line and was previously effectively used as a belt road by the militants. From the moment the UAF gained a foothold directly in the industrial area, the road has come under their fire control; in order to completely block the motorway, it is necessary now to take control over the spoil heap behind the First pond.”³³²

- c) I refer to the map below published by Dsnews (Figure 22), where the DFS is marked. It appears that the UAF forces crossed Road H-20 to try to establish control over E50 motorway further to the east.

Figure 22. The Map published by Dsnews³³³

- d) On 14 February 2017, TSN channel published a video report showing that the 39th separate motorized infantry battalion of Ukraine took positions in Avdiivka forest in complete secrecy, closely approaching the strategic Road H-20.³³⁴ It is possible that the UAF crossed Road H-20 to the north of the DFS, but could not advance further south.

248. Thus, it appears from the sources referred to above that advancing towards Road H-20 (and perhaps even crossing it in some areas) allowed Ukraine to substantially expand the area of control over the strategic road between Donetsk and Horlivka as well as to establish control over the DFS. It is clear to me from the satellite images that control over that position would have allowed Ukraine to cut off the road between Donetsk and Horlivka quickly in the event of offensive moves.

³³² Dsnews, “Spontaneous counter-attack. The UAF take control over Avdiivka road junction (MAP)”, 30 January 2017, <https://www.dsnews.ua/politics/spontannaya-kontrataka--30012017123000> (Annex 121).

³³³ *Ibid.*

³³⁴ TSN, “In complete secrecy, the Ukrainian military took up new positions near a strategic highway in Donbas”, 12 February 2017, <https://tsn.ua/ru/ato/ukrainskie-voennye-v-polnoy-sekretnosti-zanyali-novye-pozicii-voze-strategicheskoy-trassy-na-donbasse-803353.html> (Annex 235).

c. Industrial Area

249. I have been provided with a large number of open-source materials recording that fierce fighting took place in the Industrial Area:
- a) According to an article published on the website of the Ministry of Defence of Ukraine, at the end of March 2016, the UAF managed to gain a foothold in the Avdiivka Industrial Area.³³⁵ The taking of the Industrial Area made it possible to lay fire on the DPR checkpoint at the Yasynuvata junction, as well as to control the shortest path for the DPR to Horlivka. After taking the Industrial Area, the UAF had to significantly strengthen its units in the area.³³⁶
 - b) On 29 January 2017, the official Facebook page of the Press Center for the headquarters of the Anti-Terrorist Operation reported that the DPR forces attacked in the vicinity of the Avdiivka Industrial Area with an intense small arms and mortar barrage and then launched a ground assault with the aim of taking Ukraine's positions.³³⁷
 - c) On the same day, the chief editor of the Ukrainian news website "Censor.net", Yuriy Butusov, reported a DPR offensive near the Yasynuvata junction and the Industrial Area, referring to the use of artillery and tanks.³³⁸
 - d) On 31 January 2017, BBC News Ukraine highlighted that "the main fighting is [...] for the Industrial Area, which opens out upon the road leading from Donetsk to Horlivka."³³⁹
 - e) On 5 February 2017, the OSCE SMM noted that aerial observation data showed a large number of impact sites near the Industrial Area.³⁴⁰ In addition, according to the OSCE SMM data, ten of the twelve DPR howitzers located to the east and southeast of Avdiivka were in the firing position and were pointed at the Industrial Area.³⁴¹

d. Information from the media as to the reasons behind the escalation of hostilities in the area

250. I have been shown an interview of 17 February 2017 given by Dmitry Tymchuk, a people's deputy of Ukraine, a member of the National Security and Defence Committee of the Verkhovna Rada of Ukraine, in which he said, "The militants have stuck to the same strategy lately – to push Ukrainian troops as far as possible. Today, Ukrainian military can control a significant part of the DPR with its artillery. Clearly, the militants are not fond of this."³⁴²

³³⁵ Official website of the Ministry of Defence of Ukraine, "Operation 'Industrial Area'", 22 April 2016, <https://www.mil.gov.ua/news/2016/04/22/operacziya-promzona-/> (Annex 65).

³³⁶ *Ibid.*

³³⁷ Facebook page of the Press Centre for the ATO headquarters (archived page), post at: <https://web.archive.org/web/20170504221814/https://www.facebook.com/ato.news/posts/1440712675939534>, 29 January 2017 (Annex 200).

³³⁸ Facebook page of Yuriy Butusov, post at: <https://facebook.com/butusov.yuriy/posts/1532030086837282>, 29 January 2017 (Annex 201).

³³⁹ *BBC News Ukraine*, "Avdiivka: why is there an ongoing fighting for frozen trenches?" (Annex 123).

³⁴⁰ OSCE SMM. Daily Report as of 5 February 2017 (Annex 20).

³⁴¹ *Ibid.*

³⁴² *Glavcom*, "Dmytro Tymchuk: Transfer of regular Russian troops is observed in several directions at once", 17 February 2017, <https://glavcom.ua/interviews/dmitro-timchuk-perekidannya-regulyarnih-rosiyskih-viysk-sposterigajetsya-odrazu-na-kilkoh-napryamkah-398955.html> (Annex 139); See also *Ukrainskaya Pravda*, "It became known how the aggravation began in Avdiivka", 3 February 2017, <https://www.pravda.com.ua/news/2017/02/3/7134334/> (Annex 134): "According to UP's source, now the militants are trying to regain the strategic position captured by the

251. I have also been provided with media reports alleging that the Ukrainian troops deliberately caused the exacerbation of the military situation near Avdiivka. On 14 February 2017, an unnamed Ukrainian serviceman from a unit deployed near the Industrial Area made the following comment to “The Guardian” newspaper: “The Ukrainians had provoked the rebel side into an aggressive response by seizing a small stretch of road. We knew exactly what to do, and it worked perfectly. It’s all our territory, after all.”³⁴³

e. The need to take into account the general context of hostilities in the area

252. I believe that General Brown considers the damage to residential areas of Avdiivka without taking full account of the general context of hostilities in and around Avdiivka. On 30 January, the OSCE SMM recorded 2,881 (1,224 + 1,635 + 22) explosions³⁴⁴ around Avdiivka,³⁴⁵ 2,450 (2,250+200) explosions - on 31 January³⁴⁶ 160 (97+63) explosions - on 1 February;³⁴⁷ more than 800 explosions in 6.5 hours - on 2 February;³⁴⁸ 441 explosions - on 3 February;³⁴⁹ 78 explosions were recorded within 30 minutes on 16 February;³⁵⁰ there is no information in relation to 17 February due to the “fragile security situation”;³⁵¹ 420 (290+130) explosions were recorded on 24 February;³⁵² 110 explosions in four hours were recorded on 2 March.³⁵³

253. I do not know which part of the registered explosions resulted from the shellings by the DPR. In any event, the number of explosions clearly demonstrates that massive exchanges of fire took place in this area in the relevant period, and only a relatively small number of explosions affected civilian areas. It seems reasonable to assume, therefore, that the overwhelming majority of the shellings were aimed at military targets. If instead the DPR armed forces really had pursued the purpose of attacking civilians, they would have presumably directed much more shellings to the civilian areas and I would have expected a much greater proportion of the shelling to have affected civilian areas. In general terms, it is not surprising to me that collateral

ATO forces (the militants called the position “Almaz-2”- Ed.), since the Donetsk-Luhansk and Donetsk-Horlivka roads are fully controlled from it.”

³⁴³ *The Guardian*, “Violence flares in war-weary Ukraine as US dithers and Russia pounces”, 14 February 2017, <https://www.theguardian.com/world/2017/feb/14/Avdiivka-frontline-ukraine-war-russia-backed-separatists> (Annex 138).

³⁴⁴ OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 30 January 2017”, 31 January 2017, <https://www.osce.org/ukraine-smm/296721> (Annex 17).

³⁴⁵ It is not clear to me where the observers stationed when they registered the explosions. Therefore, I cannot estimate the distance between the explosions and the observers. If the observers stationed in the “Khimik” district, it appears that explosions in 2-3 km from east and south-east would still be within Avdiivka and produce collateral damage to the residential area from attacks on military positions.

³⁴⁶ OSCE, Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), Based on Information Received as of 19:30 (31 January 2017) (Annex 343 to the Memorial of Ukraine).

³⁴⁷ OSCE, Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), Based on Information Received as of 19:30 (1 February 2017) (Annex 344 to the Memorial of Ukraine).

³⁴⁸ Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), Based on Information Received as of 19:30 (2 February 2017) (Annex 1111 to the Memorial of Ukraine).

³⁴⁹ OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 3 February 2017”, 4 February 2017, <https://www.osce.org/ukraine-smm/297646> (Annex 19).

³⁵⁰ OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 16 February 2017”, 17 February 2017, <https://www.osce.org/ukraine-smm/300761> (Annex 21).

³⁵¹ OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 17 February 2017”, 18 February 2017, <https://www.osce.org/ukraine-smm/300816> (Annex 22).

³⁵² OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 24 February 2017”, 25 February 2017, <https://www.osce.org/ukraine-smm/301841> (Annex 23).

³⁵³ OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 2 March 2017”, <https://www.osce.org/ukraine-smm/302791> (Annex 27).

damage to civilian objects took place given the total number of explosions registered by the OSCE SMM.

254. I have not, however, been provided with much information about military targets in and around Avdiivka, including Ukraine's military records in relation to the units and military equipment in the areas of the shellings. As demonstrated above, the UAF made advances in the area of Avdiivka, and the materials I have been provided with (see Addendum 2 to this Report) confirm that the UAF had military positions in the residential area of Avdiivka and deployed military equipment there. But the contemporaneous military archives which I would expect to be likely held by Ukraine should contain much greater detail.

3. Conclusion

255. Having analysed the information provided to me, I conclude that the area nearby Avdiivka was highly and increasingly contested, in particular, in January and February 2017. I understand that it was important for the UAF to seize and retain control over the Almaz-2 strong point, the Industrial Area and the territory of Avdiivka forest near the DFS. Looking at the satellite image I understand that these positions provide considerable tactical and operational advantages (control over tactically important roads and heights, as well as the DFS). Ukraine's offensive towards these frontline positions apparently triggered a new round of the escalation of the military conflict. The number of explosions registered by the OSCE SMM clearly indicates a massive shelling operation in the area. In this context, possibility of collateral damage to residential areas cannot be excluded.

C. Conclusions made by General Brown in his Report

256. Having analysed the provided materials thoroughly, I cannot agree with a number of conclusions made by General Brown. As I will explain in greater detail below, I disagree with General Brown principally in the following aspects of the position:

- a) When assessing the distance from impact sites to possible targets, General Brown considers only errors of fire dispersion, but does not consider errors of fire preparation.
- b) It appears to me that General Brown did not take into account that the shellings could have been carried out to disrupt supply and to prevent the strengthening of the Ukrainian troops engaged in active military operations at the frontline positions described below – Almaz-2, Industrial Area and Avdiivka forest near the DFS. Moreover, it appears that General Brown was not provided with the information suggesting the deployment of military equipment in Avdiivka's residential areas,³⁵⁴ which could have been targeted in the shellings.
- c) In identifying the weapon systems used in the shelling, General Brown has relied on the International Partnership for Human Rights report³⁵⁵ ("IPHR report"), the OSCE SMM reports and expert reports by the SBU³⁵⁶ that, as I will demonstrate below, do not always contain complete information, have a large number of contradictions. As a result, it is not always possible to reach a conclusion on the weapon systems used.

³⁵⁴ See paras. 277-290 of the present Report.

³⁵⁵ International Partnership for Human Rights, *Attacks on Civilian Infrastructure in Eastern Ukraine (2017)*, (Annex 454 to the Memorial of Ukraine).

³⁵⁶ Brown Report, para. 79.

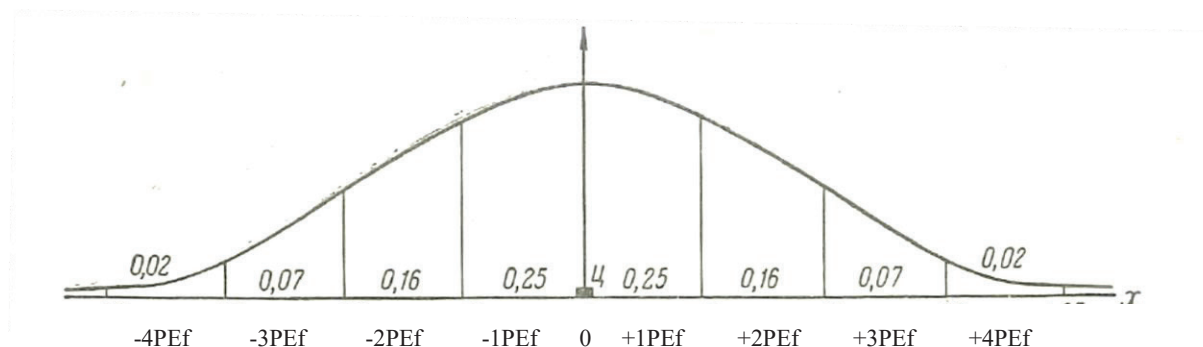
257. Therefore, in assessing the conclusions of General Brown, I will focus on (1) his conclusions on distances from impact sites to potential military targets; (2) his conclusions regarding the absence of military targets for the shellings in question; (3) various inaccuracies and contradictions in the materials on particular shellings provided to me; and (4) the general issue of collateral damage when residential areas are located near the contact line (considering analogous shellings of the DPR controlled Donetsk, Spartak, Yasynuvata, Kruta Balka, Makiivka).

1. General Brown's conclusions on distances to possible targets

258. In assessing whether shellings were targeted at the UAF positions, General Brown suggests maximum possible distances between possible targets and the shell impacts.³⁵⁷ I understand that the distances identified by General Brown are based on probable errors of dispersion that reflect the typical consistency of a given weapon system. The probabilities of normal shell dispersion predict how shells disperse when multiple shots are made at one aiming point from one gun. Those regular dispersion patterns result from mechanical imperfections of the weapons and the projectiles as well as slight changes in weather conditions at the time of firing.

259. However, to realistically assess likely errors, it is important to take into account not only the errors of dispersion, but also errors in the preparation of fire. The accepted formula that enables one to calculate the total probable error of dispersion and fire preparation (probable error of firing) is as follows: $PE_f = \sqrt{PE_p^2 + PE_d^2}$, where PE_f is a probable error of firing, PE_p – probable error of fire preparation, PE_d – probable error of dispersion.³⁵⁸

260. To assess accurately the area of probable dispersion of shells using this formula, it is necessary to understand the meaning of the concept of “probable error”. It is accepted that the consistency of artillery shells conforms to the laws of normal distribution. According to the law of normal distribution, the shell’s maximum impact deviation from the aiming point (“maximum probable error”) can take different values within the limit of ± 4 of probable error of firing ($\pm 4PE_f$). See the graphical representation below:

³⁵⁷ Brown Report, para. 91: “[T]he reports of conventional [122mm] artillery shells impacting residential areas more than 200m from the nearest UAF positions make it implausible that such firings were targeted at UAF positions at all”; Brown Report, para. 93: “[T]he reports of 120mm mortar bombs impacting residential areas more than 300m from the nearest UAF positions cast extreme doubt on whether such firings were targeted at UAF positions at all.”

³⁵⁸ Ministry of Defence of the Russian Federation, Directorate of Rocket Forces and Artillery of the Ground Forces, *Manual for the Study of the Rules of Shooting and Artillery Fire Control (PSiUO-2011)*, Moscow, 2014 (Annex 93) pp. 105-106.

Figure 23. Graphical representation of the law of normal distribution.³⁵⁹ The horizontal axis represents the value of a distance to the target. The vertical axis – the likelihood of shells impacting at the given distance from the target. $\pm 1PEf$ represent probable error of firing. $\pm 4PEf$ represent the full range of possible deviations from the target

261. Probable error of fire preparation (PEp) depends on the type of preparation of initial firing data. See the table below for values of probable error at most frequently implemented types of preparation of initial firing data for 122mm artillery guns.

Type of preparation	Value of probable error	
	For direction (mils) ³⁶⁰	For distance (% of distance) ³⁶¹
Complete preparation	3-5	0.7-0.9
Reduced preparation if there are no more than two deviations from complete preparation conditions	4.5-7.5	1.1-1.4
Reduced preparation if firing conditions are accounted for approximately	10	4

Figure 24. Values of probable errors at different types of preparation of initial firing data

262. Complete preparation requires, among other things, that meteorological conditions - which are accounted for in the course of firing – be measured using comprehensive air probing as well as the target's and the firing positions' locations be precisely identified. Complete preparation takes around one and a half to two hours (sometimes more).
263. I am not sure that the military situation in the area could have allowed the DPR forces to meet all requirements of complete preparation. If some conditions of complete preparation are not fulfilled or improperly fulfilled, relevant errors of firing may exceed the values provided for complete preparation. Therefore, when calculating potential errors of firing, it is necessary at the very least to account for errors of complete preparation, considering that, in a real military engagement, errors may be larger as the conditions of fire preparation are not completely fulfilled. For illustrative purposes, below is my calculation of errors of firing for complete preparation. I will also provide a similar calculation for reduced preparation since this data makes it possible to assess how failure to fulfil the conditions of complete preparation affects the values of errors.

³⁵⁹ Ministry of Defence of the USSR, *Textbook on Field Artillery Gunnery (For Artillery Schools), Book Three*, Voenizdat Publishing House, Moscow, 1962 (Annex 92), pp. 97-98.

³⁶⁰ Ministry of Defence of the Russian Federation, Directorate of Rocket Forces and Artillery of the Ground Forces, *Manual for the Study of the Rules of Shooting and Artillery Fire Control (PSiUO-2011)*, Moscow, 2014 (Annex 93), p. 97.

³⁶¹ *Ibid.* p. 121.

264. The calculation of possible error of firing for 122mm artillery gun at a distance of 10 km when complete preparation is made is as follows.³⁶²
- The fire preparation probable error (PEp) for distance when complete preparation is made is approximately 0.9% of 10 km (i.e., 90 metres). The probable error of dispersion (PEd) for distance of 122mm artillery gun for the range of 10 km, as General Brown rightly points out, is 23 metres.³⁶³ Thus, probable error of firing (PEf) for distance is approximately $92.89 (\sqrt{90^2 + 23^2})$ metres.
 - However, a maximum probable error (for distance), according to the law of normal distribution indicated above,³⁶⁴ can constitute $\pm 4PEf$ and can amount to ± 371.56 metres (4×92.89).
 - The probable error of fire preparation (PEp) for direction is 4 mils (14.4 minutes) when complete preparation is made. At a distance of 10 km, a mistake of 14.4 minutes can give a probable error of fire preparation of 41.89 metres. The probable error of dispersion (PEd) (for direction) of 122mm artillery gun at a distance of 10 km, as General Brown rightly points out, is 6 metres.³⁶⁵ Thus, probable error of firing (PEf) for direction is approximately $42.31 (\sqrt{41.89^2 + 6^2})$ metres. Again, a maximum probable error for direction is around 169.27 metres (4×42.31).
 - That means that, even when there is no a single deviation from the complete preparation conditions, 4 % of shells may well fall within a range of ± 278.67 - 371.56 metres by distance and ± 126.93 - 169.27 metres³⁶⁶ by direction from the intended target, and only 50% of shells are likely to fall within the range of ± 92.89 metres by distance and ± 42.31 metres by direction from the target.
265. The calculation of possible error of firing for 122mm artillery gun at a distance of 10 km when reduced preparation (with no more than two deviations from complete preparation conditions) is made is as follows.
- The fire preparation probable error (PEp) for distance when reduced preparation is made is approximately 1.4% of 10 km (i.e., 140 metres). The probable error of dispersion (PEd) (for distance) of 122mm artillery gun for the range of 10 km, as General Brown rightly points out, is 23 metres.³⁶⁷ Thus, probable error of firing (PEf) for distance is approximately $141.88 (\sqrt{140^2 + 23^2})$ metres.
 - However, a maximum probable error (for distance), according to the law of normal distribution indicated above,³⁶⁸ can constitute $\pm 4PEf$ and can amount to ± 567.51 metres (4×141.88).

³⁶² I produce these calculations for the types of weapons mentioned by General Brown in paragraph 90 of his Report. I do not know actual distances to the DPR firing positions in each case. I assume 10 km by way of example and because that would be a comfortable distance since the artillery positions are normally several kilometres away from the frontline.

³⁶³ Brown Report, para. 90.

³⁶⁴ See para. 260 above.

³⁶⁵ Brown Report, para. 90.

³⁶⁶ In other words, within the range of $\pm 3PEf$ - $\pm 4PEf$.

³⁶⁷ Brown Report, para. 90.

³⁶⁸ See para. 260 above.

- c) The probable error of fire preparation (PEp) for direction is 4.5-7.5 mils (16.2-27 minutes) when reduced preparation is made. At a distance of 10 km, a mistake in 16.2-27 minutes can give a probable error of fire preparation of 47.12-78.54 metres. The probable error of dispersion (PEd) (for direction) of 122mm artillery gun at a distance of 10 km, as General Brown rightly points out, is 6 metres.³⁶⁹ Thus, probable error of firing (PEf) for direction is approximately 78.76 metres ($\sqrt{78.54^2 + 6^2}$). Again, a maximum probable error for direction is around 315.07 metres (4 x 78.76).
- d) That means that, when there are no more than two deviations from complete preparation conditions, 4 % of shells may well fall within a range of ± 425.64 - 567.52 metres by distance and ± 236.28 - 315.04 metres³⁷⁰ by direction from the intended target, and only 50% of shells are likely to fall within the range of ± 141.88 metres by distance and ± 78.76 metres by direction from the target.
- e) I also note that these values provide for no more than two deviations from the requirements of complete preparation. If deviations are larger, the values of errors may also increase.

266. Targeting preparation errors could, of course, be reduced in case the fire is observed and adjusted. That, however, still implies that some shells will be fired before the errors are corrected. Furthermore, I do not know whether DPR had observers in all cases and whether those observers were properly equipped to adequately adjust fire as well as what measures may have been taken against them by Ukraine.
267. The figures I have provided above are for illustration purposes only. In order to calculate probable errors in each case one needs to know the weapon, the exact location of the DPR firing positions as well as to have accurate data on military targets. At any rate, these probable errors would be considerably larger than the distances suggested by General Brown.

2. General Brown's conclusions as to the lack of military targets

268. I have already described above some UAF positions (particularly, the Almaz-2 strong point, Industrial area and the territory of Avdiivka forest near the DFS ("frontline positions")).³⁷¹ I understand from the sources I have referred to that those positions were on the line of contact of the parties and involved in intense exchanges of fire. The shellings that I am invited to comment upon, however, are further away from these frontline positions. In order to assess possible reasons for these impacts, I first briefly describe the supply routes for the UAF positions (subsection (a) below). I will then turn to possible military targets in (or close to) the residential areas with multi-storey buildings that may explain other shell impacts (subsection (b) below).
269. I note again that no military records were provided to me to clearly identify the UAF positions and movements in the area. I refer to the paragraph 7 above where I have outlined the documents that I would expect to be available to the Ukrainian side that, if disclosed, would allow identifying possible military targets and the context of the impacts complained of.

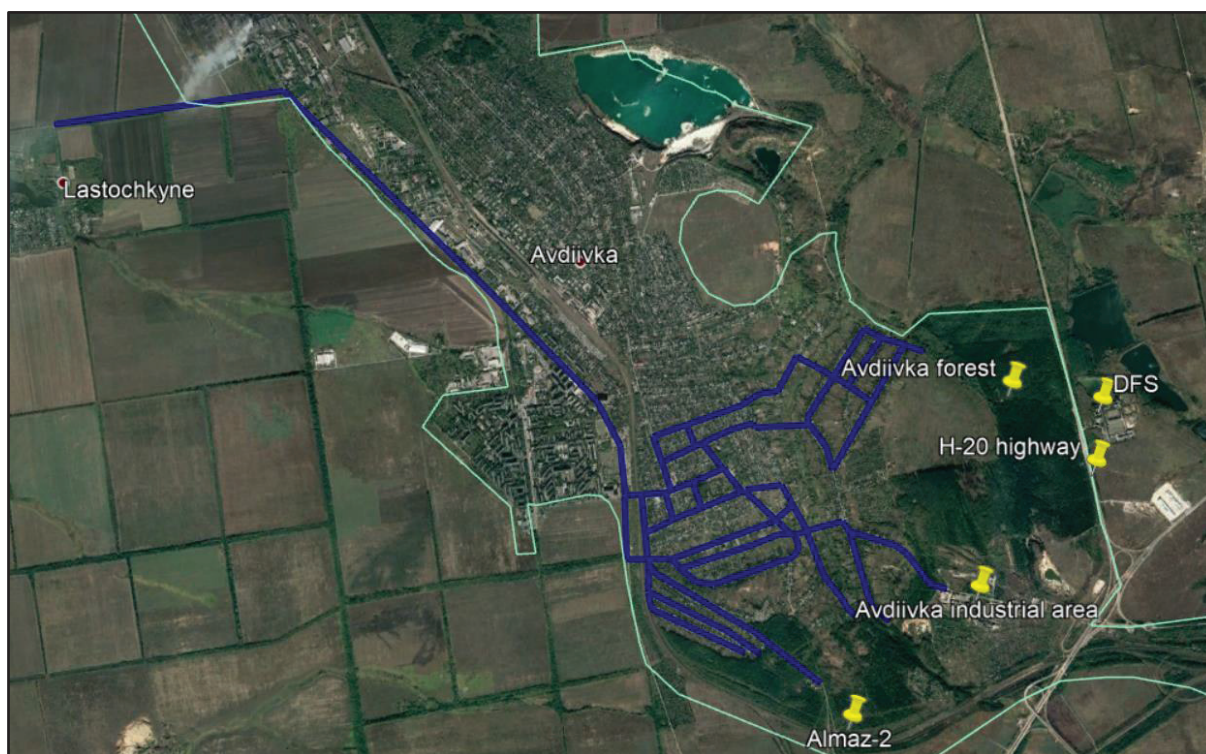
³⁶⁹ Brown Report, para. 90.

³⁷⁰ In other words, within the range of $\pm 3PEf$ - $\pm 4PEf$.

³⁷¹ See paras. 245-249 of the present Report.

a. Tactically important routes to the UAF frontline positions

270. I understand from the map that the UAF frontline positions could be accessed by road through Avdiivka, and I understand that the only road to Avdiivka from the territory controlled by Ukraine was the road located in the north-west of Avdiivka passing by Lastochkyne.³⁷² It therefore appears that to supply the frontline positions, as well as to move reserves with the purpose of strengthening positions at the frontline, the UAF would have had to move along the routes passing through the residential area of Avdiivka. There are many possible routes of movement to the frontline positions, some of which are displayed on the following map (Figure 25):

Map Data: Google, © 2021 Maxar Technologies.

Figure 25. Possible routes leading to the frontline positions

271. If one draws these routes on the map of shelling impacts in Avdiivka (Figure 26), it can be seen that most of the damage in old Avdiivka (private houses district) that I am invited to comment upon left impacts along these roads:

³⁷² Country roads lead to Avdiivka from the same direction.

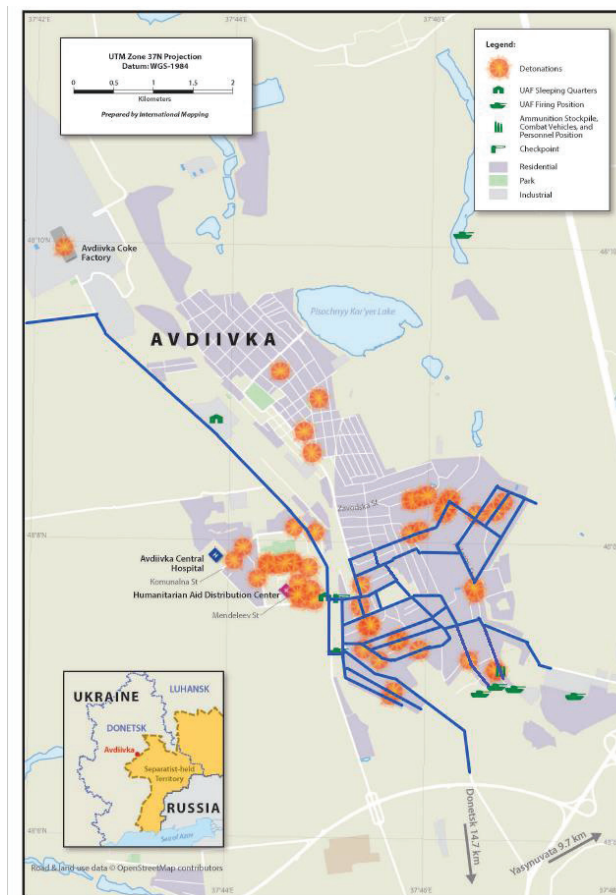

Figure 26. The routes marked on a map presented by Ukraine

272. I am not aware of any details of the military operations in the area of old Avdiivka. However, based on my own expertise and experience I can say that, in a situation of prolonged exchanges of fire between frontline positions, it is often important to prevent supplies and strengthening of the enemy's positions to, among other things, seize the initiative in certain areas. It is also possible to assume with a high degree of probability that – apart from military equipment necessary for direct support of combat operations – military equipment of the second line (reserve) could have moved across the residential areas with the purpose of strengthening and rotation of troops at the frontline. It would, therefore, have been militarily important to prevent supply of troops and munitions to the frontline positions, and it is likely that the DPR would have targeted the reserve troops and supply vehicles en route to the positions.
273. It appears likely that the DPR armed forces had the opportunity to detect military equipment supplying the UAF frontline positions on the way to these positions. DPR armed forces could have received information about the movement of military equipment from local residents,³⁷³ from the activities of reconnaissance groups operating near the contact line or as a result of the use of UAVs.³⁷⁴ The DPR troops likely faced a choice on many occasions: either to allow an

³⁷³ For instance, I have been provided with a Ukrainian court ruling, according to which a person was taken into custody for disclosing information about military equipment in Avdiivka in February 2017. Ukraine, Shevchenkivsky District Court of Chernivtsi, Case No. 727/3421/17, Ruling, 8 April 2017 <https://reyestr.court.gov.ua/Review/65851811> (Annex 70).

³⁷⁴ By way of example, a Bellingcat report shown to me (*Bellingcat*, “Ukrainian Tanks in Avdiivka Residential Area”, 3 February 2017, <https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2017/02/03/ukrainian-tanks-avdiivka-residential-area/> (Annex 258)) provides a UAV image of a building apparently in Avdiivka published by the DPR Centre of Unmanned Aviation.

unimpeded supply of the UAF frontline positions or attack military equipment when it was moving towards these positions.

274. A large number of photographs of military equipment were shown to me, which, according to the accompanying statements from the relevant sources, were moving along the roads of Avdiivka in the period between the end of January and February 2017,³⁷⁵ although I understand that it is often not possible to establish the exact location of where particular photographs were taken. In Addendum 2 to the present Report, I analyse these photographs in more detail.
275. The targeting of military equipment moving along these roads may explain collateral damage to the civilian objects located nearby. I refer, in particular, to the impact on 45 Zelena Street, 214 Kolosov Street, 84 Turgenyev Street, 64A, 101, 105, 107 Metallurgov Street, 86 Kolosova Street on 1 February 2017; the impact on Sadova Street on 2 February 2017; the impact on 68 and 59 Chernyshevsky Street, Sportivnaya Street on 24 February 2017.
276. It is natural to assume that the exacerbation of the military conflict in the south, south-east and east of Avdiivka led to increased military equipment moving along the roads of Avdiivka. It is also likely that at least some equipment and personnel were regularly moving to and from the frontline positions to supply, strengthen or rotate troops in the area of active hostilities.

b. The presence of the UAF troops in Avdiivka residential areas.

277. Open sources often mention that UAF servicemen stationed in residential areas of Avdiivka and used civilian buildings in Avdiivka:
- a) The Shevchenkivsky district court of Chernivtsi took a person into custody for informing the DPR about the location of military equipment of the UAF in Avdiivka on 1, 5 and 10 February 2017. The ruling states that, on 10 February 2017, the defendant informed the DPR about “the deployment of a large number of equipment and military personnel in the area of ‘Khimik’”.³⁷⁶ The ruling appears to refer to telephone intercepts but I understand that these have not been produced by Ukraine.
 - b) In its Report on the human rights situation in Ukraine 16 November 2016 to 15 February 2017, the OHCHR “observed the continued use of civilian property by Ukrainian Armed Forces with military positions in many residential areas along the contact line, endangering civilians in these populated areas”, including in Avdiivka.³⁷⁷ OHCHR also “collected consistent testimonies from residents that Ukrainian Armed Forces had fired from positions inside villages and towns, often attracting return fire.”³⁷⁸
 - c) In a joint report of the IHR and Truth Hounds “Scorching winter 2016-2017 An analysis of the shelling of settlements in eastern Ukraine” (“Scorching Winter IHR Report”) the following conclusion was made: “Most of the shelling of Avdiivka, due to the numerous military objects of the Ukrainian Armed Forces located in the city, cannot be qualified uniquely as war crimes under Articles 8 (2)(b)(ii) and 8 (2)(b)(iv). [...] It should be noted that numerous incidents of shelling of civilian objects were possible amongst other things

³⁷⁵ Addendum 2 to the present Report “Military targets in Avdiivka”.

³⁷⁶ Ukraine, Shevchenkivsky District Court of Chernivtsi, Case No. 727/3421/17, Ruling, 8 April 2017 <https://reyestr.court.gov.ua/Review/65851811> (Annex 70).

³⁷⁷ OHCHR, “Report on the human rights situation in Ukraine 16 November 2016 to 15 February 2017”, https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/UAReport17th_EN.pdf (Annex 25), para. 19

³⁷⁸ *Ibid*, para. 20.

because of the military objects located near to civilian populations and residential areas.”³⁷⁹
The targets identified in the Scorching Winter IPHR Report are listed in another report by the IPHR, to which I refer in paragraph 289 (d) below.

d) In 2019, Ukrainian human rights activists prepared a report “Armed conflict in the East of Ukraine: the damage caused to the housing of the civilian population”. This report refers to the survey which was carried out by the NGO “Donbass SOS” among civilians whose property was damaged or destroyed in Avdiivka. Civilians named the following reasons for the destruction of property:

- shelling of the city during the liberation of Avdiivka in July 2014;
- the proximity of residential houses to checkpoints, military equipment, premises where the military was based. There were cases when checkpoints were placed at a distance of 50–100 m from houses. Some of them were later removed;
- launching of attacks from the territory of the city;
- the proximity of houses to military positions in the industrial zone, where fighting took place;
- part of respondents reported that there was nothing that could cause or provoke attacks in that part of the city.³⁸⁰

278. While this last remark – if accurate – might indicate the non-discriminatory character of certain shellings, it is not clear to me which instances it relates to and how reliable such self-reported assessment of the military situation can be.³⁸¹

279. The impact pattern caused by the shellings submitted for my analysis indicates that the harm to civilians and civilian infrastructure was likely collateral damage in frequent and intense exchanges of artillery fire described, in particular, in the OSCE SMM reports quoted above³⁸² or collateral damage to the targeting of roads used to supply the frontline positions.³⁸³

280. It is, of course, very difficult to identify the positions that may have been the target of shellings at particular addresses at particular times. I do not have access to a detailed reporting on the movements of the UAF military units in the area. Some units (such as mortar groups) may be very mobile, and do not require much space to create a firing position.

³⁷⁹ International Partnership for Human Rights, Civic Solidarity Platform, Truth Hounds, “Scorching Winter 2016-2017. Analysis of the shellings of residential areas in Eastern Ukraine”, 2017, <https://truth-hounds.org/wp-content/uploads/2017/09/last-UA-eng-20.09-web.compressed.pdf> (Annex 88), p. 27.

³⁸⁰ Kharkiv Human Rights Publisher, “Armed conflict in the East of Ukraine: the damage caused to the housing of the civilian population”, 2019, https://www.humanitarianresponse.info/sites/www.humanitarianresponse.info/files/documents/files/report_on_damage_to_housing_of_the_civilian_population_in_the_eastern_ukraine_eng.pdf (Annex 90), pp. 21-22.

³⁸¹ Given that civilians do not always have accurate data on the location of the armed forces in the city and may not feel at liberty to discuss with journalists or private observers military positions they are aware of.

³⁸² See para. 252 above.

³⁸³ See para. 270 above.

281. Nevertheless, open sources data provided to me confirms the regular movement of military equipment across Avdiivka as well as the stationing of the military equipment in Avdiivka.³⁸⁴ And I have also been provided with some open source material suggesting that military targets were present in the vicinity of civilian buildings damaged in the shellings I have analysed in the present Report.
282. I understand that the UAF were permanently stationed in the Khimik district near 15 Vorobyov, 20 Molodizhna and 38 Hrushevskoho Streets. The IPHR referred to “[t]he military checkpoint on Vorobyov street [...] with personnel stationed in residential building nearby” as an example of the UAF military presence in Avdiivka.³⁸⁵ Moreover, the OHCHR referred to the military use of homes in Avdiivka by the UAF in one of its reports: “Since February 2015, residents at 15 Vorobiova Street in Avdiivka, in Government-controlled Donetsk region, were forced to leave their apartments due to safety and security concerns stemming from the presence of Ukrainian Armed Forces and other law-enforcement personnel. Tenants of the apartments reported that since 2014, the Ukrainian military and law-enforcement forces have taken over empty apartments and asked the remaining tenants to vacate their apartments.”³⁸⁶
283. I have also been provided with a large number of consistent materials that confirm the stationing of tanks and other military equipment in the yard of a house at 15 Vorobyov Street at the beginning of February 2017, i.e., in the period when a lot of shelling impacts were recorded near this area.³⁸⁷
284. On 3 February 2017, Bellingcat published an article “Ukrainian Tanks in Avdiivka Residential Area”.³⁸⁸ In this article Bellingcat determined that the following photographs of tanks and other military equipment were taken near 15 Vorobyov Street (Figure 27 and Figure 28).

³⁸⁴ For instance, OSCE, Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), Based on Information Received as of 19:30 (19 February 2017) (Annex 349 to the Memorial of Ukraine): “The OSCE reported that on 17 February it saw one BTR-4 together with two stationary R-330U communication vehicles near a Ukrainian Armed Forces checkpoint in Avdiivka.”

³⁸⁵ IPHR report, para. 88.

³⁸⁶ OHCHR, “Report on the human rights situation in Ukraine 16 May to 15 August 2019”, https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/ReportUkraine16May-15Aug2019_EN.pdf (Annex 31), p. 10.

³⁸⁷ IPHR report, p. 49.

³⁸⁸ Bellingcat, “Ukrainian Tanks in Avdiivka Residential Area” (Annex 258).

Figure 27. A photograph of two T-64BV tanks from the Bellingcat article

Ukrainian soldiers and tanks in Avdiivka, Ukraine, in Feb. 2, 2017. (Brendan Hoffman / Getty Images)

Figure 28. T-64BV tanks, two armoured personnel carriers “Saxon”, Gaz-66 military truck from the Bellingcat article

285. Moreover, Bellingcat published two drone images, one of which, according to Bellingcat,³⁸⁹ was posted by the DPR “Centre of Drone Aviation” on 29 January 2017, and the other – by the DPR “Vostok” battalion commander Alexander Khodakovsky on 2 February 2017 (Figure 29 and Figure 30).

Figure 29. 29 January drone image from the Bellingcat article

Figure 30. 2 February drone image from the Bellingcat article

³⁸⁹ *Ibid*: “The self-proclaimed Donetsk People’s Republic and its commanders provided two images from UAVs that they claim were shot on January 29, 2017 and February 2, 2017. The first image appeared on Strelkov-info.ru, originally from the DNR “Center of Drone Aviation [...]” “On February 2nd, Vostok Battalion commander Aleksandr Khodakovsky shared a drone image of the three tanks parked in the residential area.”

286. Moreover, a number of photographs were published on the Associated Press and Reuters websites. It follows from the captions to the photographs that they were taken in Avdiivka on 2 February 2017. In particular, the photographs of military personnel loading tank shells in a tank (Figure 31 and Figure 32) and the photographs of tanks and other military equipment in the yard of a residential building (Figure 33 and Figure 34) were published.

Figure 31. Military truck with 125mm high-explosive fragmentation tank shells³⁹⁰

Figure 32. A tank in the process of being loaded with 125mm high-explosive fragmentation tank shells³⁹¹

³⁹⁰ AP Images, “Ukrainian servicemen loading ammunition into a tank in Avdiivka”, 2 February 2017, 09:54:46, <http://www.apimages.com/metadata/Index/Ukraine/b3692532e7854461a3f50f75af9c1e84/104/0> (Annex 129).

³⁹¹ AP Images, “Ukrainian servicemen load ammunition into a tank in Avdiivka”, 2 February 2017, 09:56:20, <http://www.apimages.com/metadata/Index/Ukraine/547e656520ca4fb898129c0b8d9fbc26/103/0> (Annex 133).

Figure 33. Military equipment in the yard of 15 Vorobyov Street in Avdiivka³⁹²

Figure 34. Military equipment in the yard of 15 Vorobyov Street in Avdiivka³⁹³

287. These photographs are consistent with the OSCE SMM report that indicates 4 tanks parked behind a building in Avdiivka and recorded by observers on 1 February 2017.³⁹⁴

288. In Addendum 2 to the present Report, I analyse the photographs above and – drawing on the Bobkov Report – conclude that these photographs were apparently taken in the yard of 15

³⁹² Reuters, “Tanks are seen in the government-held industrial town of Avdiivka”, 2 February 2017, <https://pictures.reuters.com/archive/UKRAINE-CRISIS-RUSSIA-PUTIN-RC1B8DE2B4C0.html> (Annex 130).

³⁹³ Reuters, “Tanks are seen in the government-held industrial town of Avdiivka”, 2 February 2017, <https://pictures.reuters.com/archive/UKRAINE-CRISIS-RUSSIA-PUTIN-RC14AF7A6EB0.html> (Annex 131).

³⁹⁴ OSCE, Daily Report as of 1 February 2017 (Annex 344 to the Memorial of Ukraine): “[T]he SMM observed: ... four tanks (T-64) parked behind a building in Avdiivka.”

Vorobyov Street. Moreover, in Addendum 2, I conclude that the positioning of tanks loaded with 125mm high-explosive shells near the residential buildings puts civilians at grave risk.

289. Apart from the position at 15 Vorobyov Street, the following potential military targets should be mentioned:

- a) It appears that the UAF had headquarters at the building of a former orphanage (15 Molodizhna Street) and stationed their military equipment near the former library (13 Molodizhna Street). This is supported by the materials provided to me, namely, the IPHR report,³⁹⁵ the OSCE SMM report,³⁹⁶ Human Rights Watch report³⁹⁷ and Ukrainian judicial decisions³⁹⁸ provided to me.³⁹⁹
- b) As it follows from the Ukrainian judicial decisions shown to me, the UAF had a position near the abandoned brick (ceramic) factory at the end of Zavodska Street in 2015 and 2016.⁴⁰⁰ It is unclear whether the UAF was still stationed in this area in 2017.
- c) A Ukrainian judicial decision provided to me indicates that the UAF stationed their military equipment at 12 Turgeneva Street in February 2017.⁴⁰¹
- d) The IPHR also mentioned a number of the UAF positions in Avdiivka.⁴⁰²
 - UAF quarters located to the north of the city next to the train station (this corresponds to the UAF sleeping quarters marked on a map of shelling impacts presented by Ukraine;⁴⁰³
 - UAF military checkpoint on Vorobyov Street separating the old and new parts of the town with personnel stationed in residential building nearby (this corresponds to the positions at 15 Vorobyov described above,⁴⁰⁴ as well as to the checkpoint and the UAF sleeping quarter marked on a map of shelling impacts presented by Ukraine;⁴⁰⁵

³⁹⁵ IPHR report, para. 87: “UAF quarters based in an old orphanage building in the ‘Khimik’ area - sleeping quarters and medical units.”

³⁹⁶ OSCE SMM, “Thematic report, Hardship for conflict-affected civilians in eastern Ukraine”, February 2017, <https://www.osce.org/files/f/documents/4/0/300276.pdf> (Annex 18), p. 17: “In government-controlled Avdiivka, Donetsk region, the SMM observed camouflage nets and sandbags as well as military vehicles and personnel around a library and an orphanage.”

³⁹⁷ Human Rights Watch, “Studying Under Fire, Attacks on Schools, Military Use of Schools During the Armed Conflict in Eastern Ukraine”, 11 February 2016, https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/ukraine0216_web.pdf (Annex 83), pp. 38, 49: “on November 8, 2015, stacked sandbag protections were visible at main gate and entrance to the orphanage, and camouflaged netting was draped between trees and over a section of the wall.”

³⁹⁸ Ukraine, Selydovsky City Court, Case No. 242/3786/18, Ruling, 6 August 2018, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/75716048> (Annex 73); Ukraine, Ordzhonikidzevsky District Court of Mariupol, Case No. 265/6438/19, Ruling, 6 November 2019, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/85528051> (Annex 78). The Ukrainian court named the building at 15 Molodizhna street as “the location of the volunteer battalion ‘Right Sector’”.

³⁹⁹ See Addendum 2 to this Report “Military targets in Avdiivka”.

⁴⁰⁰ See more detailed information in Section D of Addendum 2 to this Report “Military targets in Avdiivka”.

⁴⁰¹ Shevchenkivsky District Court of Chernivtsi Ruling of 8 April 2017 (Annex 70):

“On 1 February 2017, at 2:54 p.m., while in Mirnograd (Dimitrov), PERSON_2 [...], using her own cell phone number NUMBER_1, reported to PERSON_4 [...] the location of military equipment of the Ukrainian Armed Forces at the address: 12 Turgenev Street in Avdiivka [...]

On 5 February 2017, at 7:15 a.m., continuing her criminal activity, PERSON_2, while in Mirnograd (Dimitrov), using her own cell phone number NUMBER_1, reported to PERSON_4, a member of the terrorist organisation “Donetsk People’s Republic” (on the phone number NUMBER_2 used by the latter) the location of military equipment of the Ukrainian Armed Forces at the address: 12 Turgenev Street in Avdiivka, [...].”

⁴⁰² IPHR report, para. 88.

⁴⁰³ Shelling Impacts in Avdiivka (Annex 28 to the Memorial of Ukraine).

⁴⁰⁴ See, paras. 282-288 of this Report.

⁴⁰⁵ Shelling Impacts in Avdiivka (Annex 28 to the Memorial of Ukraine).

- UAF quarters based in an old orphanage building in the ‘Khimik’ area - sleeping quarters and medical units (this corresponds to the military positions indicated in paragraph 289(a) of this report);
 - UAF firing position on the south-southeast edge of the city: in the industrial zone; at the end of Lermontov and Kolosov streets; the wooded area to the south-southeast and adjacent to the railway line on the southwest edge;
 - UAF ammunition stockpile, combat vehicles and personnel positioned in the south-southeastern end of Kolosov Street;
 - UAF artillery firing position outside the city near the lake.
290. In some instances, the Scorching Winter IPHR Report expressly states that the shellings alleged by Ukraine could have targeted military objects: “Judging by the area where the projectiles landed [on 2 February 2017] one can presume that the targets were the checkpoint, and the barracks housing 30-50 soldiers, (who had lived there for over two years).”⁴⁰⁶ The 2 February 2017 shelling affected the residential area near Vorobyov and Molodizhna Streets. I infer that the Scorching Winter IPHR Report appears to refer to the military targets at 15 Vorobyov Street (the military checkpoint at Vorobyov Street with personnel stationed in residential building nearby,⁴⁰⁷ although IPHR does not refer to the presence of tanks in this area) or to the UAF quarters based in an old orphanage building at Molodizhna Street.⁴⁰⁸
291. It appears that targeting of the military positions described above⁴⁰⁹ would explain the following collateral damage to the civilian objects located nearby: the impact on civilian commerce buildings on and around Sadova Street, Humanitarian aid distribution point on Mendeliev Street, Civilian residence on 8 Mendeliev Street, 13/17/19 Molodizhna Street, 9 Vorobyov Street on 2 February; the impact on 12 Gagarin Street on 16 February, impact on Ostrovskoho Street on 24 February; impact on 3 and 5 Mendeliev Street, 10 Gagarin Street on 2 March 2017. Moreover, the movement of military equipment to the position apparently located near the abandoned brick factory on Zavodska Street could explain impacts at this street.
292. Thus, possible reasons for these impacts include collateral damage from shelling directed at military positions in the city. It is possible that these positions were shelled from tanks, especially if no other weapons were immediately available to the DPR.
293. It is not possible to be more precise about the reasons for each particular shelling without more detailed information about the damage and about the nature and course of hostilities on that particular day. I have not been provided with sufficient data for such analysis.

3. Findings concerning the inaccuracies of the data on particular shellings provided to me

294. In identifying the weapon systems used in the shelling, General Brown has relied on the information contained in the IPHR report, the OSCE SMM and some Ukrainian investigative documents.⁴¹⁰

⁴⁰⁶ Scorching Winter IPHR Report (Annex 88), p. 27.

⁴⁰⁷ See, paras. 282-288 above.

⁴⁰⁸ See, para. 289(a) above.

⁴⁰⁹ See, paras. 282-290 of this Report.

⁴¹⁰ Brown Report, para. 80.

295. The IPHR report is one of the main sources of information on the weapons allegedly used. However, this report contains no explanatory materials as to the conclusions regarding the type of the weapons used. The IPHR states that it relied on videos, sound recordings and witness statements that were not provided to me.
296. On several occasions information from the Ukrainian investigative documents correlates with IPHR's conclusions on the weapons systems used. However, only in one instance⁴¹¹ (not marked on the map in Annex 28) the expert report is provided with some photographs of the shell fragments. Additional collection of fragments or, at least, photographic evidence would have been of assistance in assessing the weapon used. I am surprised that the materials provided to me do not contain this evidence.
297. The OSCE SMM does not definitively identify the impact on civilian infrastructure as caused by BM-21 rockets,⁴¹² and in most cases does not identify expressly and specifically other weapon systems used in the shellings.⁴¹³ Where the OSCE refers to "artillery" that may also refer to traditional artillery guns, not necessarily MLRS.
298. I also note that information from open sources provided to me sometimes contradicts the findings of the IPHR. Below I identify the instances of possible misidentification relevant to specific alleged incidents.
299. Furthermore, I draw attention to inconsistencies in the materials provided to me. For instance, the IPHR states that the 2 February shelling had occurred at 3:30 a.m. and had been carried out from 120mm mortars. The OSCE, describing the same shelling, indicates that it had occurred at around 20:30 and had been carried out using 122mm artillery.⁴¹⁴ The description of impact sites is not entirely consistent either.⁴¹⁵ It is extremely difficult to assess the situation on the basis of such contradictory secondary materials and without primary evidence.
300. In his Expert Report, General Brown does not examine each episode of the alleged use of tank projectiles and BM-21 in detail relying on general conclusions. However, there are noteworthy episodes where the alleged use of BM-21 and tank projectiles is not confirmed by any evidence provided to me, except for the IPHR report (episodes (b) – (d), (f), (g) below). Moreover, there are episodes where I have not been provided with clear evidence to confirm the fact of the shelling or the attribution of the shelling to the DPR (episodes (a), (e) below).

⁴¹¹ Expert Conclusion No. 77, drafted by M. Ustylenko and A. Pavlenko, Ukrainian Scientific Research Institute for Special Equipment and Forensic Expert Examinations, Security Service of Ukraine (3 March 2017) (Annex 167 to the Memorial of Ukraine).

⁴¹² Although the OSCE – being in Avdiivka – heard explosions from a distance that were assessed as bursts of BM-21 shells, the mission does not make a connection between these reports and damage to the civilian objects. See, for instance, OSCE, Daily Report as of 31 January 2017 (Annex 343 to the Memorial of Ukraine): "On 31 January, positioned in government-controlled Avdiivka (17km north of Donetsk) the SMM heard almost 2,250 undetermined explosions 1-5km east and east-south-east and almost 200 explosions assessed as impacts of MLRS rounds 3.4-4km east-south-east".

⁴¹³ See, for instance, OSCE, Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), Based on Information Received as of 19:30 (5 March 2017) (Annex 351 to the Memorial of Ukraine): "a hole [is] caused by an artillery (122mm) or tank (125mm) round"; OSCE, Daily Report as of 19 February 2017 (Annex 349 to the Memorial of Ukraine): "shrapnel onsite to be from a 122 or 125mm calibre round".

⁴¹⁴ OSCE, Spot Report by the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine: Casualties, Damage to Civilian Infrastructure Registered in Donetsk Region Following Fighting (3 February 2017) (Annex 345 to the Memorial of Ukraine).

⁴¹⁵ See, para. 334 of the present Report (3 February 2017 shelling).

a. Shelling of Zavodska Street reported on 27 January 2017

301. According to the materials provided to me, Ukraine alleges that “27 January: Three civilian residences struck by BM-21 Grad rockets on Zavodska Street, in the heart of a residential area far from any arguable military target.”⁴¹⁶
302. I note that neither the IPHR report nor the Scorching Winter IPHR Report mention shelling at Zavodska Street on 27 January 2017.
303. In support of that statement, Ukraine relies on a number of inspection reports and expert conclusions made by the SBU experts (Annexes 167-171 to the Memorial of Ukraine). These expert conclusions are based on the materials collected during the inspection of the incident site. According to these expert conclusions, the inspections were carried out on 21 February 2017, almost a month after the reported shelling.
304. Expert conclusions refer to the shelling on 27 January 2017 in the following way: “It is impossible to identify the angle of impact of the projectile [unmanaged high-explosive fragmentation projectile M-21 OF], because of significant deformation of the site of projectile impact due to the fact that a considerable period of time has passed after the shelling (the shelling took place on January 27, 2017, and the site inspection took place on February 21, 2017).” The inspection and expert reports contain no information as to how and based on which materials the date of the shelling (27 January 2017) was established more than three weeks after the event.
305. I cannot see how the evidence provided by Ukraine can be used to determine the date of the shelling of Zavodska Street. The shelling may have happened on a different date.
306. The SBU expert conclusions also describe the shellings, in particular, of 83 Zavodska Street⁴¹⁷ (Annex 169 to the Memorial of Ukraine) and 96 Zavodska Street⁴¹⁸ (Annex 170 to the Memorial of Ukraine).⁴¹⁹ Based on the IPHR report, shelling of the said buildings in Zavodska Street took place on 1 February 2017.⁴²⁰ The IPHR report does not contain any information on the shelling of Zavodska Street on 27 January 2017.
307. Therefore, on the basis of the available materials, one can assume that Ukraine mistakenly relies on incorrect information regarding the shelling of Zavodska Street on 27 January 2017 provided in the SBU expert conclusions. It is more likely that the reported shelling happened on 1 February 2017, as recorded by the IPHR, because they seem to have collected witness statements in support of that date. Pending further clarifications on the shelling date established by the SBU conclusions, I will proceed from the premise that these reports relate to the shelling of Zavodska Street on 1 February 2017.

⁴¹⁶ Memorial of Ukraine, para. 111.

⁴¹⁷ Expert Conclusion No. 79, drafted by M. Ustymenko and A. Pavlenko, Ukrainian Scientific Research Institute for Special Equipment and Forensic Expert Examinations, Security Service of Ukraine (3 March 2017) (Annex 169 to the Memorial of Ukraine).

⁴¹⁸ Expert Conclusion No. 80, drafted by M. Ustymenko and A. Pavlenko, Ukrainian Scientific Research Institute for Special Equipment and Forensic Expert Examinations, Security Service of Ukraine (3 March 2017) (Annex 170 to the Memorial of Ukraine).

⁴¹⁹ I understand that the other shellings described in the SBU materials are not mentioned in the Memorial of Ukraine, and I am not instructed to analyse them.

⁴²⁰ IPHR report, p. 49.

b. Shelling of the Avdiivka Coke Plant

308. Ukraine alleges that “30 January: Avdiivka Coke Factory (“Koksokhim”), far from any military target, hit by artillery shells, causing power loss throughout the city amid freezing temperatures.”⁴²¹
309. Paragraph 84 of the Brown Report states, citing only the IPHR report: “The Avdiivka Coke factory to the north-west of the town (more than 4km from any reported UAF positions) was also targeted, resulting in power outages to the city.”⁴²² Also, in paragraph 89 of his expert report General Brown concludes, without citing any document: “Moreover, the reports of BM-21 MLRS rockets targeting the coke factory (more than 4km from the nearest UAF position) [...] make it implausible that such firings were targeted at UAF positions at all.”⁴²³ Therefore, General Brown emphasises the fact of deliberate (as it seems to him) targeting of the Coke Plant.
310. Apparently, the information about the reasons for power outage in Avdiivka was taken from the IPHR report on page 48, which features a table grouping together various shelling impacts across Avdiivka – reportedly occurring on 30 January 2017 at 4.30 pm,⁴²⁴ including that “impact on Koksokhim factory led to power outage for whole town.” Also, paragraph 96 of the IPHR report states: “A further example is the 30 January 2017 attack on the Koksokhim factory – 2.5 km from closest UAF quarters and 6 km from the closest UAF firing position – which left the town without electricity or heating in temperatures of 20 below freezing leading to a humanitarian catastrophe.”⁴²⁵
311. I do not have access to all of the sources that the IPHR report states were used to reach the above conclusion. The final column of the table on page 48 of the IPHR report refers to witness statements, photo evidence and video of the impact site as well as reports of the OSCE SMM, OHCHR and Human Rights Watch. It is unclear whether the witness statements, photo evidence and video relate to the hit of the Coke Plant or to the other shellings. As to the other mentioned sources, none of these state that the Coke Plant was shelled.
- a) The OSCE SMM report for 31 January 2017 states: “A Ukrainian Armed Forces officer of the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC) told the SMM at the Avdiivka Coke Factory that it had lost power when shells had cut the remaining power lines. The SMM confirmed that the factory was not operational and had no water supply. According to the officer, this resulted in heating being cut to civilians in Avdiivka. He said they had been unable to locate the area where the power line was cut and that repair workers would in any case not be able to reach the area, due to the security situation.”⁴²⁶ This suggests to me that

⁴²¹ Memorial of Ukraine, para. 111.

⁴²² Brown Report, para. 84.

⁴²³ Brown Report, para. 89.

⁴²⁴ The table states: “Civilian residences: 35 Turgenev St. (Ln 69); 42 Zelena St (Ln 70) – within 1km from the closest UAF firing positions. Koksokhim power station (Ln 500) – 2.5km from UAF base and 6km from nearest firing position.”

⁴²⁵ The same conclusion is made in another report of the IPHR and Truth Hounds: “The shelling on that day also hit the “Koksokhim” factory, and the whole city suffered a power outage and the heating supply to apartment buildings was cut off.” (Scorching Winter IPHR Report (Annex 88), p. 9.

⁴²⁶ OSCE, Daily Report as of 31 January 2017 (Annex 343 to the Memorial of Ukraine). I also note that this OSCE SMM report is the sole document relied on in the Truth Hounds report for the statement that the shelling on 30 January 2017 “also hit the ‘Koksokhim’ factory” (Scorching Winter IPHR Report (Annex 88), p. 9.

the outage happened in the area of hostilities not accessible to the repairs unit due to further shellings.

- b) The OHCHR report states, in general terms, that: “[i]n Donetsk region, shelling in January and February 2017 cut off the power supply to four water filtration stations and damaged water pipes”. It makes no express reference to the Coke Plant.⁴²⁷
- c) Likewise, the Human Rights Watch report does not mention the Coke Plant.⁴²⁸

312. I have also analysed the information from open sources provided to me and I understand that the reported reason for the loss of electric power supply in Avdiivka in the said period was the breakage of the power line in the area of active hostilities, not at the Coke Plant. The following was posted on Facebook on 30 January 2017 by the director of the Avdiivka Coke Plant, Mr Musa Magomedov:

“As of 6 p.m., the situation with the restoration of power supply in Avdiivka is as follows: only a part of the power line has been examined, we understand that the breakage occurred somewhere between the Krasnenky [pond] and the Horlivka motorway, but it is not possible to clarify this due to active hostilities.”⁴²⁹

313. I suppose that Mr Magomedov’s statement can be relied upon as he was directly involved in these events. The power lines between the Krasnenky pond and the Horlivka motorway are marked with yellow lines on the map published on 18 February 2017 by Shelter Cluster Ukraine NGO (Figure 35).⁴³⁰

⁴²⁷ OHCHR, “Report on the human rights situation in Ukraine 16 November 2016 to 15 February 2017”, https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/UAReport17th_EN.pdf (Annex 25), para. 25.

⁴²⁸ Human Rights Watch, “Ukraine: Dangers, Unnecessary Delays at Crossing Points”, 17 February 2017, <https://www.hrw.org/news/2017/02/17/ukraine-dangers-unnecessary-delays-crossing-points> (Annex 84).

⁴²⁹ Facebook page of Musa Magomedov, Director General of the Avdiivka Coke Plant, post at: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1413352195341857&set=a.109001049110318&type=3>, 30 January 2017 (Annex 202).

⁴³⁰ Shelter Cluster Ukraine, Ukraine-Donbass Region, Shelter repairs in Avdiivka as reported to the Cluster as of December 2016, 18 February 2017, https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/reach_ukr_map_eastern_ukraine_shelterrepairsinavdiivka_16feb2017_a0.pdf (Annex 85).

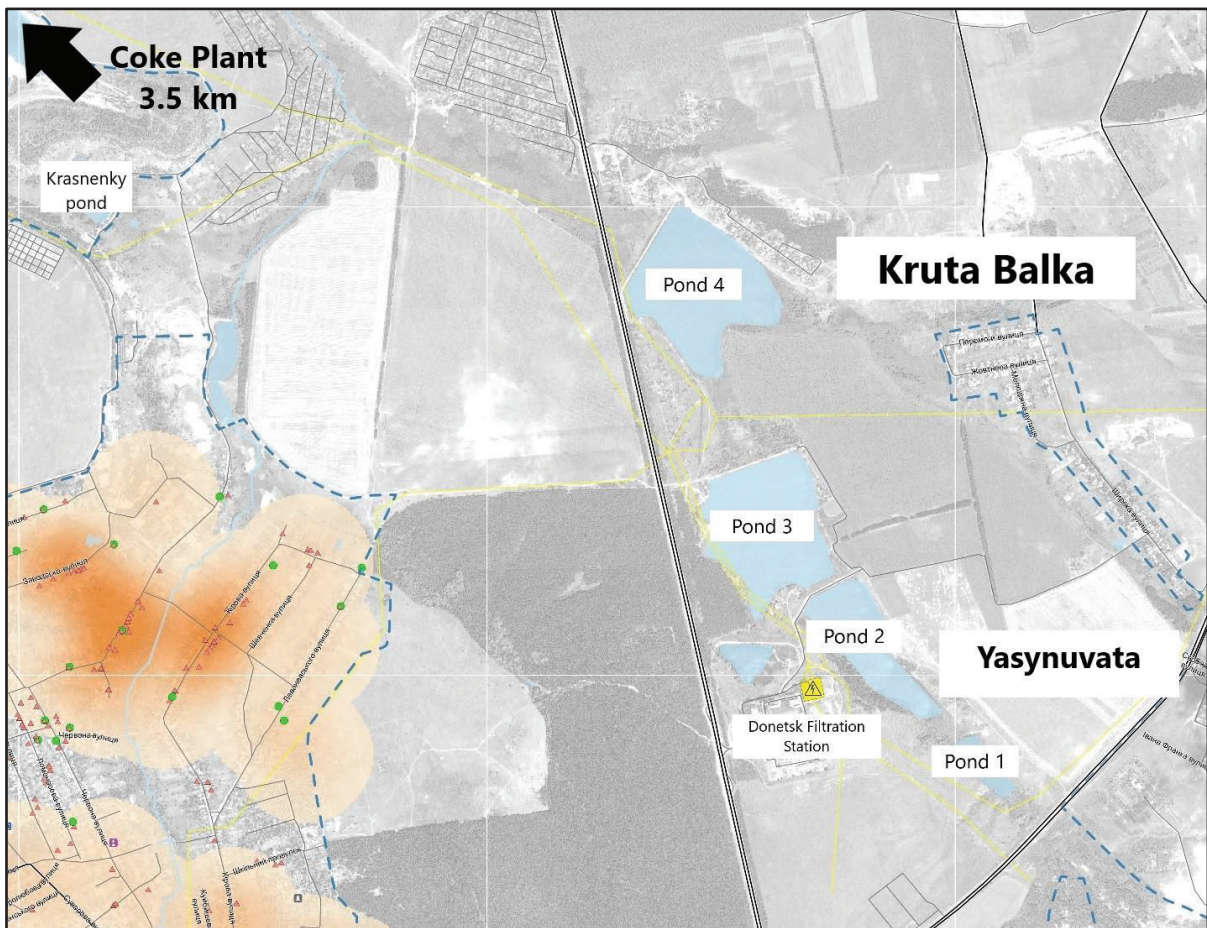

Figure 35. A map depicting the power lines near Avdiivka

314. This is consistent with the OSCE report for 31 January 2017 I have referred to above, which states that the power lines could not be repaired due to the security situation.⁴³¹ The OSCE also reported that, on 1 February 2017, a ceasefire in the area around the DFS had to be brokered to ensure safe access for the repair teams.⁴³²
315. Based on the information presented above, I conclude that the power lines were damaged somewhere in the area of hostilities. There are no grounds to believe that these power lines were damaged in the area of the Coke Plant.
316. It appears unlikely that the shelling of the electric power lines by any party would have been deliberate since the power cuts negatively affected DPR-controlled territory. As a result of the power loss, on 31 January 2017, 203 miners were trapped underground in the Zasyadko mine⁴³³ on the territory controlled by the DPR 5.5 km from the southern border of Avdiivka. On 31

⁴³¹ OSCE, Daily Report as of 31 January 2017 (Annex 343 to the Memorial of Ukraine): “repair workers would in any case not be able to reach the area, due to the security situation”.

⁴³² OSCE, Daily Report as of 1 February 2017 (Annex 344 to the Memorial of Ukraine): “In order to restore electricity [...] the SMM worked together with Ukrainian and Russian Federation Armed Forces Representatives of the JCCC to facilitate the reestablishment of the ceasefire in the area around the Donetsk water filtration station. [...] [R]epair crews had been given the green light to advance toward affected sections of the power lines.”

⁴³³ *Interfax*, “Due to the shelling, 203 miners were trapped in the Donetsk mine”, 31 January 2017, <https://www.interfax.ru/world/547735> (Annex 124).

January 2017, the power loss also left the Northern water supply facility in Donetsk without power, thereby depriving residents of the Kievskiy District in Donetsk of heating.⁴³⁴

317. As regards the weapon which may have caused damage to the Coke Plant, I have also been shown a photograph published by Mr Magomedov on Facebook on 30 January (Figure 36), accompanying the statement I refer to above.⁴³⁵

Figure 36. Photograph published by Mr Magomedov

318. I do not think that a BM-21 rocket could inflict this damage (particularly, I believe that the kinetic energy of BM-21 fragments is not sufficient to destroy the rails and high-explosive impact could not have affected both rails in this manner). I also note that, on 1 February 2017, Mr Magomedov stated that only two strikes had affected the plant premises: (1) a projectile landing on a railway workshop, damaging railway tracks and overhead wiring, which were restored in the half-day; and (2) an impact near the fire-fighting station that did not cause any damage.⁴³⁶ I do not think such limited damage would have resulted from the deliberate targeting of the Plant's territory using BM-21.
319. Finally, I note that the materials submitted by Ukraine do not contain any information regarding the shelling of the Avdiivka Coke Plant on 30 January 2017 by BM-21. I have not been provided with such statements made either by Ukraine, the OSCE, or the IPHR.

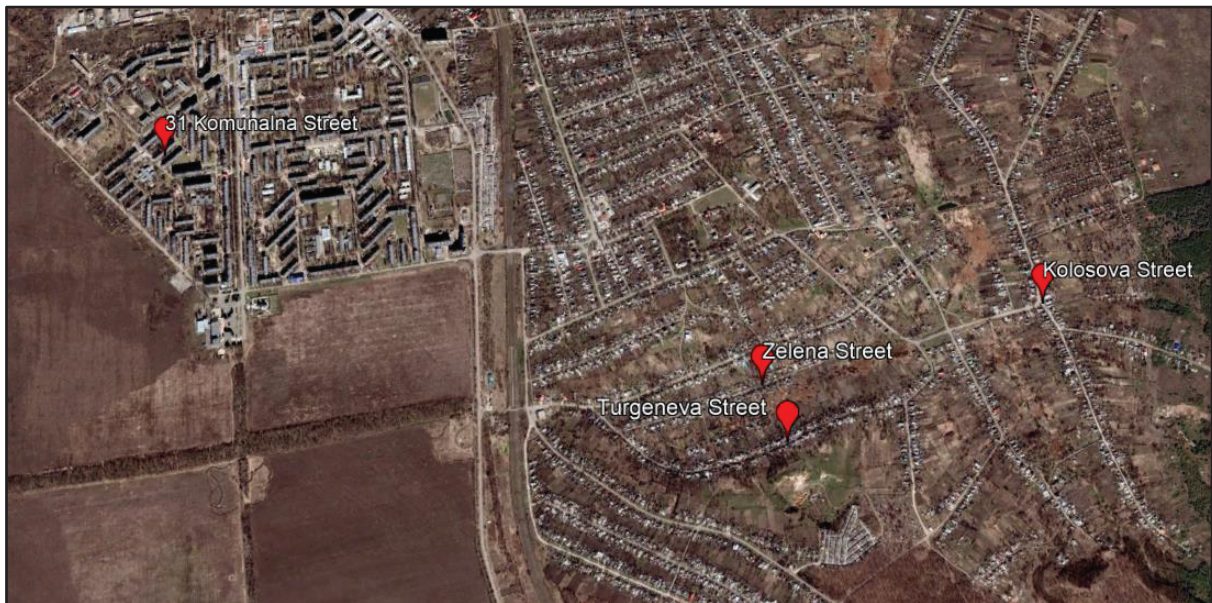
⁴³⁴ *62.ua (Donetsk city website)*, "In Donetsk, the Northern Water Supply Facility was de-energized - part of the Kyivskiy District was left without electricity and heating", 31 January 2017, <https://www.62.ua/news/1529458/v-donecke-obestocen-severnyj-vodouzel-cast-kievskogo-raiona-ostalas-bez-sveta-i-otoplenia> (Annex 125).

⁴³⁵ Mr Magomedov's Facebook post (Annex 202).

⁴³⁶ Youtube channel of Metinvest, "Press briefing 'Humanitarian situation in Avdiivka'", available at: https://youtu.be/ejiz9dsIQ_k?t=1952, 1 February 2017 (Annex 234).

c. *Shelling of a house on Komunalna Street on 31 January 2017*

320. Ukraine relies on a report by the IPHR and makes the following statement “31 January: Civilian apartment building on Komunalna Street, near a hospital, struck by Grad rockets, nearly 2 km from any arguable military target .”⁴³⁷
321. The IPHR report again groups together the shellings reported on a single day at different locations in Avdiivka, stating: “Civilian residences 31 Komunalna Street – 1.7 km from nearest UAF quarters; Civilian residences on Turgenev Zelena and Kosolov Street – close proximity to UAF firing positions”. The IPHR report also states that BM-21 Grad was used without specific reference to any of these sites.⁴³⁸ It is unclear whether this includes the shelling at 31 Komunalna Street specifically. This is significant because Turgeneva, Zelena and Kolosova Streets and 31 Komunalna are located in different parts of Avdiivka (Figure 37).

Map Data: Google, © 2021 Maxar Technologies.

Figure 37. 31 January shelling impacts marked on a Google Earth satellite image of Avdiivka

322. Likewise, the Scorching Winter IPHR Report states the “district of ‘Khimik’ came under fire from Grad MLRS rockets” and “[o]ne shell hit [...] 31 Komunalna Street”, referring to video evidence which is not available to me.⁴³⁹ Both the IPHR report and the Scorching Winter IPHR Report also refer to the report by the Ukrainian police but the link to the web site of the police is not functioning and I have not been provided with a relevant document. The Scorching Winter IPHR Report states that this police report concerned damage to the houses on Zelena and Kolosov Streets and a mortar attack.⁴⁴⁰
323. I therefore have no way of assessing whether BM-21 was in fact used. However, I believe that it is unlikely that a BM-21 missile hit the building at 31 Komunalna Street. There are a large

⁴³⁷ Memorial of Ukraine, para. 111.

⁴³⁸ IPHR report, page 49. It also mentions some other buildings hit by BM-21 in a different area apparently close to a military target. In relation to the sources relied on, the IPHR report refers (without referring specifically to the shelling at 31 Komunalna Street) to witness statements, photographic evidence and video evidence which have not been provided to me.

⁴³⁹ Scorching Winter IPHR Report (Annex 88), p. 9.

⁴⁴⁰ *Ibid*, p. 9, referring to the same non-functioning website link.

number of other apartment blocks around 31 Komunalna Street. I note that no other nearby buildings were referred to in the IPHR report as being damaged in the shelling (see Figure 38 showing the building and the surrounding residential area).

Map Data: Google, © 2021 Maxar Technologies.

Figure 38. 31 Komunalna Street on a Google Earth satellite image of Avdiivka

324. In my view, if it were suggested that a single BM-21 rocket hit one building and there is no evidence about the impact of other BM-21 rockets in the neighbourhood, this would strongly suggest that the BM-21 rocket malfunctioned or fell at the margin of the impact area when a military object outside the town was targeted (that is, this civilian building was not the target of this attack).
325. In the materials provided to me I have found only one other impact site that appears to be in the same residential area. Annex 164 to the Memorial of Ukraine is an extract from criminal proceedings opened on 30 January 2017 and states that a building was damaged at 2/31 Budivelnkyiv Kvartal, just under 400 metres from the house affected on Komunalna Street (marked on the satellite map in Figure 39). The document does not make it clear on which date that building was hit. Nor does it state that this is a civilian residence or that this damage was inflicted by a BM-21 rocket. Even assuming that the Komunalna Street building and the building at 2/31 Budivelnkyiv Kvartal were hit in the same alleged BM-21 shelling, such limited impact (only two buildings) in the area strongly indicates that these buildings were not the targets of that attack. MLRS is an area weapon that usually involves a significant number of rockets. The system is not designed for engaging any target by a single missile because the chances of that are too low. Thus, in an area targeted by an MLRS strike, I would expect to see a large number of impact sites over a small area and, accordingly, a large number of hits.

Map Data: Google, © 2021 Maxar Technologies.

Figure 39. 31 Komunalna and 2 Budennikiv Streets on a Google Earth satellite image of Avdiivka

326. As noted above, I have not seen any primary evidence of the impact on Komunalna Street. I have been shown several publications on this shelling; however, one cannot infer from them that a BM-21 rocket hit the building. On 31 January 2017, the Ukrainian non-governmental organisation Donbass SOS published the following post on its Facebook account: “31 Komunalna Street – a shell hit the roof over the 75th apartment, on the 5th floor. The windows in the building were damaged.”⁴⁴¹ Later, the Chairman of the Donetsk Regional Military Civil Administration Pavel Zhebrivsky published the following on its Facebook account: “We have inspected a five-storey building damaged by a shell in the morning. Repairmen are starting to repair the damage.”⁴⁴²
327. It appears from Annex 164 to the Memorial of Ukraine that a criminal investigation into this episode was initiated, but I have not been provided with any materials from that investigation suggesting that the damage was caused by a BM-21 rocket or that any rocket parts were found at the site.
328. Therefore, the materials provided to me cast doubts that a BM-21 MLRS rocket hit the building at 31 Komunalna Street. Even if a BM-21 rocket caused the damage, the evidence I have seen

⁴⁴¹ Facebook page of the Donbass SOS Non-Governmental Organisation, post at: <https://www.facebook.com/DonbassSOS/posts/1864705000441266/>, 1 February 2017 (Annex 205).

⁴⁴² Facebook page of Pavlo Zhebrivskiyi, Chairman of the Donetsk Regional Civilian-Military Administration, post at: <https://www.facebook.com/zhebrivskiyi/posts/680461565469699>, 31 January 2017 (Annex 203).

suggest that it is unlikely that this building (and the residential area around it) was deliberately targeted.

329. The context of the ongoing hostilities is also important. I would like to note that an intense exchange of fire happened on 31 January 2017 around Avdiivka. The OSCE SMM noted that “[o]n 31 January, positioned in government-controlled Avdiivka (17km north of Donetsk) the SMM heard almost 2,250 undetermined explosions 1-5km east and east-south-east and almost 200 explosions assessed as impacts of MLRS rounds 3.4-4km east-south-east. On 31 January, the SMM camera in Avdiivka recorded 53 undetermined explosions all 2-4km south-east”.⁴⁴³ It is difficult to assess from which point exactly the provided distances must be measured, but this context of hostilities increases the chance of the building in Avdiivka being hit by a deviated shell.

d. Shelling of Zavodska street on 1 February 2017

330. Ukraine also alleges that “1 February: One civilian killed, three injured, and 52 civilian residences totally or partially destroyed by Grad rockets, with many of the targets “located over 2km from nearest UAF positions, including (again) Zavodska St.”⁴⁴⁴
331. In support of this statement Ukraine relies on various documents. I note that none of these materials contain photographs of fragments of BM-21 missiles, craters or any other evidence of a BM-21 impact.
- a) The IPHR report states that the following objects were hit: “Civilian residences: 45 Zelena St., 83 Zavodka St; 96 Zavodska St.; 100 Zavodska St.; 214 Kolosov St.; 84 Turgenev St.. Targets on Kolosov and Zavodska St. located over 2km from nearest UAF positions”.⁴⁴⁵ The report also states “MLRS BM 21 Grad rockets [were] fired from the east-south-east (Yakovlivka), [which is] confirmed by witnesses and crater analysis”.⁴⁴⁶ A statement by the Chief of Police in the Donetsk Region posted on Facebook next day (to which the IPHR refers) does not contain any specific information about the shellings claimed by Ukraine.⁴⁴⁷
 - b) The OSCE SMM report states only that: “A Ukrainian Armed Forces commander told the SMM that [the south-eastern part of Avdiivka] had come under rocket fire.”⁴⁴⁸ The OSCE SMM report does not clarify what type of weapon was used and it appears that the OSCE has not independently verified the UAF representative’s statement. Moreover, it is not entirely clear whether this information is relevant to Zavodska, Metallurgov and 214 Kolosov Streets located in the eastern, not south-eastern part of Avdiivka.
 - c) The extract from Criminal Proceedings No. 12017050140000085⁴⁴⁹ merely refers to damaged buildings without any explanatory materials.

⁴⁴³ OSCE, Daily Report as of 31 January 2017 (Annex 343 to the Memorial of Ukraine).

⁴⁴⁴ Memorial of Ukraine, para. 111.

⁴⁴⁵ IPHR report, page 49.

⁴⁴⁶ The witness statements and crater analysis (as well as video of the impact site referred to) are not available to me and I am therefore unable to comment on this.

⁴⁴⁷ Facebook page of Vyacheslav Abroskin, post at: <https://www.facebook.com/Vyacheslav.Abroskin/posts/1680505355575465>, 2 February 2017 (Annex 208). The only relevant part of this statement reads that “in the last 24 hours alone, 52 buildings were partially or completely destroyed”, but this information is not supported by any materials.

⁴⁴⁸ Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), Based on Information Received as of 19:30 (2 February 2017) (Annex 1111 to the Memorial of Ukraine), p. 2.

⁴⁴⁹ Extract from Criminal Proceedings No. 12017050140000085 (Annex 160 to the Memorial of Ukraine).

- d) The site inspection reports which Ukraine has filed⁴⁵⁰ are extremely brief. They record the fact of damage to the properties and nothing more. Only one witness statement⁴⁵¹ has a brief reference to BM-21, but it is not clear to me how the witness (apparently, a civilian) identified the type of weapon.
- e) The Scorching Winter IPHR Report does not contain any new information and evidence not referred to in the IPHR report provided by Ukraine.

332. Thus, apart from the IPHR's statements, the UAF commander's statement recorded by the OSCE (that might be unrelated to the shellings alleged by Ukraine) and one witness statement (that I do not find reliable without more detail on the method of identification of the weapon system used), I have not been provided with any evidence that would allow me to conclude that BM-21 was used.

e. Shelling on 3 February 2017

333. Ukraine alleges that "3 February: Civilian residence struck by shell, 2.5 km from nearest UAF firing position". In support of this allegation, Ukraine relies on the IPHR report and the OSCE report for 5 February 2017.⁴⁵²
334. I note that the IPHR and the OSCE SMM reports are inconsistent in that they state that the shelling hit at the same building from two different directions. According to the IPHR report, a shell hit the *eastern* facade of the building at 73 Soborna Street, making a 150x150 cm hole in masonry.⁴⁵³ The Russian-language version of the Scorching Winter IPHR Report states that a shell hit the *north-eastern* facade of house number 73 on Soborna Street,⁴⁵⁴ but I have been informed that the English-language version of this report for some reason refers to the *eastern* facade of this building.⁴⁵⁵ According to the OSCE SMM report, a 120mm mortar round was launched from the *south-westerly* direction at a seven-storey building at Soborna street, causing a hole nearly 2 m in diameter. The OSCE SMM report, which is based on information received as of 19.30 on 5 January 2017 (i.e., two days after the episode), contains no mention of a second impact at the same address.
335. The direction from which the mortar round was launched is significant. It appears that the mortar round could have been launched from the south-westerly direction only by the UAF troops, since I understand that the Ukrainian troops controlled the Pisky village to the south-west of Avdiivka and all territory to the west of the Pisky village (Figure 40).⁴⁵⁶

⁴⁵⁰ Record of Site Inspection, drafted by N. Protsyk, Senior Investigator (1 February 2017) (Annex 162 to the Memorial of Ukraine); Record of Site Inspection, drafted by Y. Ponomarenko, Senior Investigator (1 February 2017) (Annex 163 to the Memorial of Ukraine); Record of Site Inspection, drafted by A. Zaychik (1 February 2017) (Annex 161 to the Memorial of Ukraine).

⁴⁵¹ Record of Site Inspection of Y. Ponomarenko (Annex 163 to the Memorial of Ukraine), p. 4.

⁴⁵² IPHR report, p. 49; OSCE SMM. Daily Report as of 5 February 2017 (Annex 20).

⁴⁵³ The video of the impact site which is referred to in the IPHR report is not available to me.

⁴⁵⁴ International Partnership for Human Rights, Civic Solidarity Platform, Truth Hounds, "Scorching Winter 2016-2017. Analysis of the shellings of residential areas in Eastern Ukraine" (Russian language version), 2017, <https://truth-hounds.org/wp-content/uploads/2017/08/%D0%A1%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B0-%D0%B7%D0%B8%D0%BC%D0%B0-2016-2017.pdf> (Annex 89), p. 14.

⁴⁵⁵ Scorching Winter IPHR Report (Annex 88), p. 12.

⁴⁵⁶ Information and Analysis Center of the National Security and Defence Council of Ukraine, "The situation in the Eastern Regions of Ukraine – 03.02.2017", 3 February 2017, <http://mediarnbo.org/2017/02/03/map-ato-03-02-2017/?lang=en> (Annex 69).

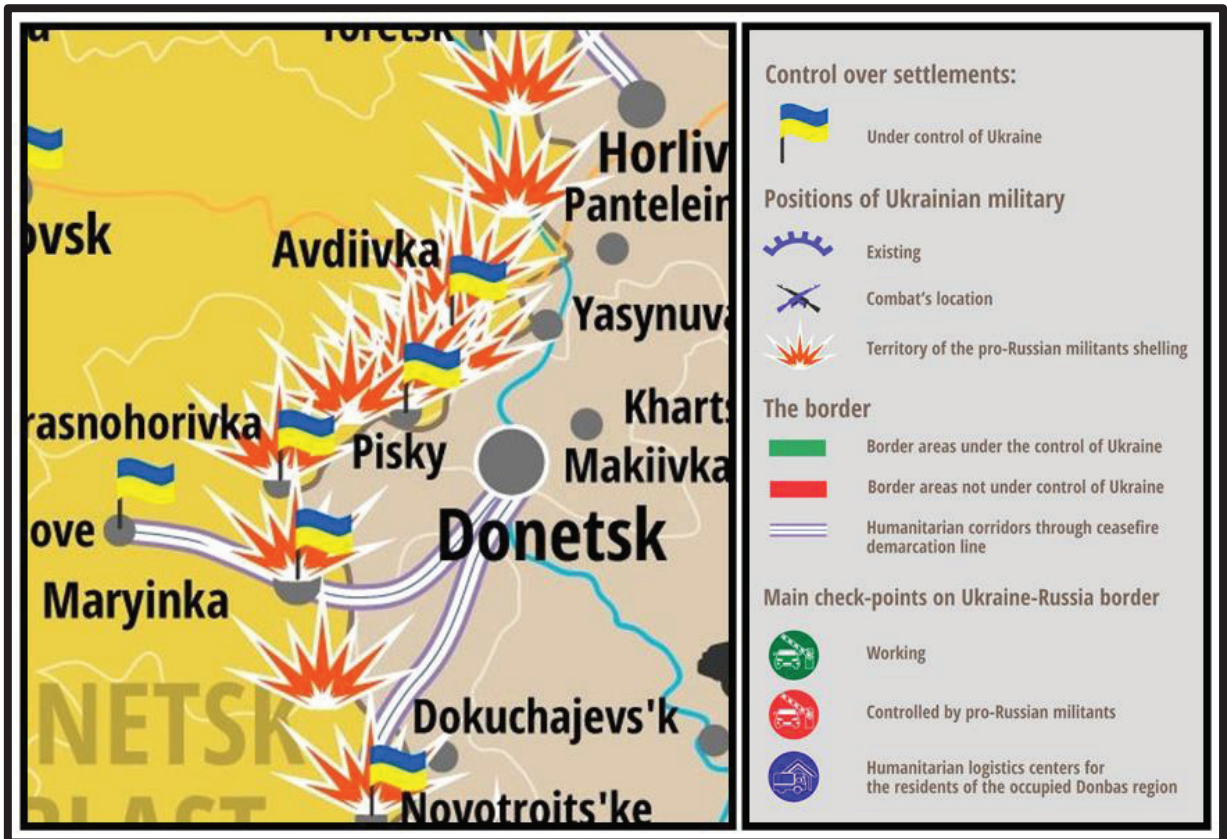
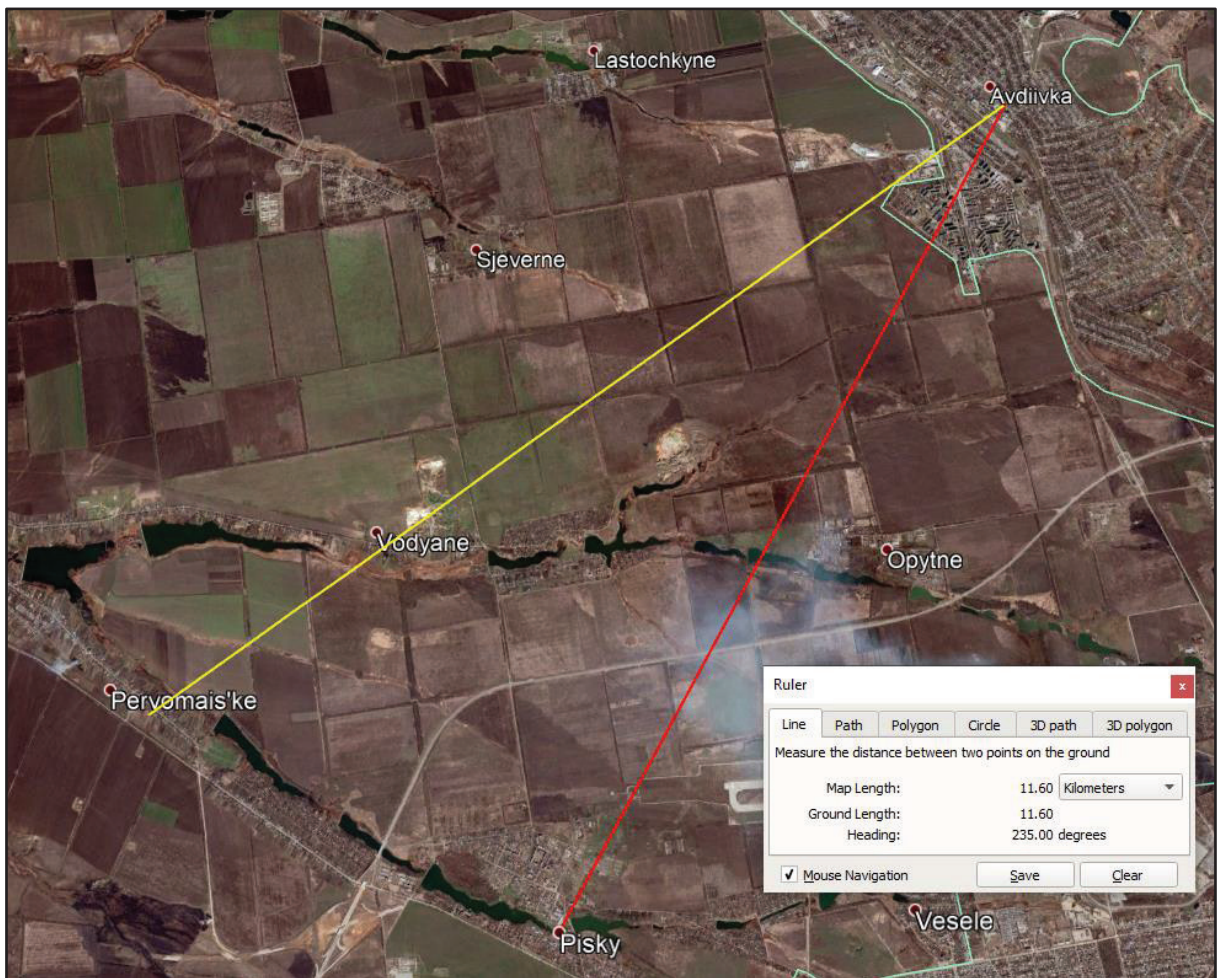

Figure 40. The IAC NDSC map of control as of 3 February 2017

336. The south-westerly direction from 73 Soborna Street is marked by a yellow line on the map below (Figure 41). The direction from 73 Soborna Street to the Pisky village is marked by a red line on the same map.

Map Data: Google, © 2021 Landsat / Copernicus, Maxar Technologies.

Figure 41. South-westerly direction and the direction to the Pisky village marked on Google Earth

337. As for the easterly direction, the mortar round could have been fired both from the territory controlled by Ukraine or from the territory controlled by DPR.⁴⁵⁷ As noted above, the territory in that direction was heavily contested.
338. In his report, General Brown describes this shelling impact as two different incidents:

“A consolidation of the various reports suggests that:

[...]

c. the damage to civilian residential homes on 3 February 2017 was caused when a “[s]hell hit eastern facade of building 94, i.e. the shell was fired from DPR-held territory;

d. the damage to a seven-storey apartment building on Soborna Street on 3 February 2017 was “assessed as caused by a 120mm mortar round fired from a south-westerly direction” and the damage to an ambulance at a school in Molodizhna Street where, according to Ukrainian sources, a man had died from shrapnel wounds was assessed “as caused by a 120mm mortar round fired from a south-westerly direction.”⁴⁵⁸

⁴⁵⁷ See the map in para. 335 above, which demonstrates that Ukraine controlled a portion of territory to the east of Avdiivka.

⁴⁵⁸ Brown Report, para. 81.

339. I find it surprising that General Brown feels able to conclude that the same building was hit from two different directions on the same day when each of the IPHR and OSCE SMM reports refer to a single impact only.
340. General Brown also concludes in respect of both impacts that “the rounds concerned were fired from DPR-held territory”.⁴⁵⁹ This conclusion cannot be stated with any confidence since the OSCE SMM report records the shell as coming from the territory apparently under the control of Ukraine, which indicates the responsibility of the UAF.

f. Shelling on 16 February 2017

341. Ukraine also alleges that “16 February: One civilian killed and two injured in Grad rocket attack on multiple civilian residences and a commercial building, 1 km from nearest UAF firing position.”⁴⁶⁰
342. The IPHR report states that civilian buildings at 12 and 1 Gagarin Street and 1 9-Kvartal Street were damaged and that these impact sites were 1 km from the nearest UAF firing position and 0.5km from the nearest UAF quarters. According to the IPHR the “full BM-21 system [was] used (based on sound recorded by documenters)”.⁴⁶¹
343. No primary evidence, including sound recording, was provided for my review and I am therefore unable to assess the IPHR’s statement that BM-21 was used.
344. Moreover, I was provided with the Scorching Winter IPHR Report.⁴⁶² This report also contains more detailed information concerning the shelling on 16 February 2017. According to this report, the “Khimik”⁴⁶³ neighbourhood came under “tank fire”, there were three consecutive explosions over a period of 50 seconds, and the buildings at 1 Gagarin Street, 12 Gagarin Street, 1 9-Kvartal Street (all situated in the “Khimik” neighbourhood) were damaged.⁴⁶⁴ The Russian and English version are not consistent in describing the munition used. The Russian uses the generic term “shell”,⁴⁶⁵ while I am informed by the lawyers instructing me that the English version uses terms “shell”, “projectile” and “rocket”.
345. The Scorching Winter IPHR Report also contains allegations that MLRS was engaged in an unspecified area in old Avdiivka: “At 6:47 pm the documenters recorded frequent explosions in the old part of Avdiivka. Judging by the sound, a full BM-21 system was used to shell the area.”⁴⁶⁶ I have not been provided any information on this other shelling, but it seems to me that the IPHR report mistakenly referred to the shelling in the Khimik neighbourhood by BM-21, as in the more detailed report it is attributed to tank fire and the MLRS shelling concerns a different area (Old Avdiivka).

⁴⁵⁹ *Ibid*, para. 82.

⁴⁶⁰ Memorial of Ukraine, para. 111.

⁴⁶¹ IPHR Report, p. 50.

⁴⁶² Scorching Winter IPHR Report (Annex 88).

⁴⁶³ The “Khimik” district is a new district of Avdiivka with multi-storey buildings and is located in the western part of Avdiivka.

⁴⁶⁴ Scorching Winter IPHR Report (Annex 88), p. 13.

⁴⁶⁵ International Partnership for Human Rights, Civic Solidarity Platform, Truth Hounds, “Scorching Winter 2016-2017. Analysis of the shellings of residential areas in Eastern Ukraine” (Russian language version), 2017, <https://truth-hounds.org/wp-content/uploads/2017/08/09%D0%A1%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B0-%D0%B7%D0%B8%D0%BC%D0%B0-2016-2017.pdf> (Annex 89), p. 15.

⁴⁶⁶ Scorching Winter IPHR Report (Annex 88), p. 13.

346. Furthermore, other publications in open sources do not indicate the shelling from BM-21 MLRS in new Avdiivka on 16 February 2017. Neither the chairman of the Donetsk Regional Military Civil Administration Mr Zhebrivsky, nor the Donetsk Regional Prosecutor's Office have mentioned the use of BM-21 in this episode.⁴⁶⁷
347. The OSCE SMM assessed that the impact on 1 Gagarin Street was likely caused by a 120mm or larger-calibre weapon; impact on 12 Gagarin Street was caused by a 122 or 125mm calibre round.⁴⁶⁸ The OSCE SMM did not comment on the type of weapon that hit the building at 9-Kvartal Street.⁴⁶⁹ Thus, unlike the IPHR and the Truth Hounds, the OSCE SMM was unable to make an unequivocal conclusion as to the type of weapons used.
348. In addition, the materials provided to me contain conflicting information about the direction of the hits on these buildings. The Scorching Winter IPHR Report states: "One shell hit the building at number 12 Gagarin Street [...] hit[ting] a window on the south side and [striking] the brick wall opposite. [...] Another rocket hit the southern facade of the building at number 1 Gagarin Street [...]. The third and last rocket hit the apartment number 10 of building number 1 of 9th Kvartal Street which was *east* facing."⁴⁷⁰ At the same time, the OSCE SMM report indicates other directions of hits: 1 Gagarina – *south-south-east*, 12 Gagarina – *south-south-east*, 9 Kvartal Street – *south-south-east*.⁴⁷¹

g. March 2017 shelling

349. On the basis of the reports of the IPHR and the OSCE SMM of 5 March 2017, Ukraine alleges that on "2 March: Several civilian residences, school, and kindergarten struck by 125mm tank projectiles, more than 1 km from any arguable military target."⁴⁷²
350. The IPHR suggests that, on 2 March 2017, buildings at 3 and 5 Mendeleev Street, a school, Gagarin Street and a kindergarten were hit. The IPHR believes that 125mm tank guns were engaged in the shelling of these buildings.⁴⁷³
351. The OSCE SMM report on the shelling of 2 March 2017 suggests that:⁴⁷⁴
- a) a hole at 5 Mendeleev Street, was caused by an artillery (122mm) or tank (125mm) round. The fifth floor and the roof of the building had also sustained damage, while several windows had been shattered;

⁴⁶⁷ Facebook page of Pavlo Zhebrivskyi, Chairman of the Donetsk Regional Civilian-Military Administration, post at: <https://www.facebook.com/zhebrivskyi/posts/688914104624445>, 16 February 2017 (Annex 213), referring to shells; Facebook page of the Donetsk Regional Prosecutor's Office, post at: <https://www.facebook.com/don.gp.gov.ua/posts/2223122507913887/>, 16 February 2017 (Annex 214).

⁴⁶⁸ That suggests uncertainty as between tanks (125 mm) and tube artillery or MLRS (both can have caliber of 122 mm).

⁴⁶⁹ OSCE, Daily Report as of 19 February 2017 (Annex 349 to the Memorial of Ukraine).

⁴⁷⁰ IPHR Report, p. 49; See also Scorching Winter IPHR Report (Annex 88), p. 13.

⁴⁷¹ OSCE, Daily Report as of 19 February 2017 (Annex 349 to the Memorial of Ukraine).

⁴⁷² Memorial of Ukraine, para. 111.

⁴⁷³ IPHR report, p. 49; Scorching Winter IPHR Report (Annex 88), p.14. I am informed, however, that the English version of the report while referring to the "tanks shelling" on 2 March employs the term "rockets" in the next sentence. The Russian version uses the word "shells" ("снаряд"), which, consistently with the previous sentence, I interpret as tank shells. I also note that the final sentence in the same paragraph identifies one of the "rockets" as a "125-mm tank high-explosive projectile", which obviously means a tank shell rather than an MLRS rocket. I think, therefore, that the reference to "rockets" is a misprint in the English version of the report.

The witness statements and video evidence relied upon in the IPHR report have not been available to me and I am unable to comment on these.

⁴⁷⁴ OSCE, Daily Report as of 5 March 2017 (Annex 351 to the Memorial of Ukraine).

- b) the impacts sites at 10 Gagarin Street were caused by artillery (122mm) or tank (125mm) rounds;
 - c) the damage at 1 Gagarin Street was caused by 122mm artillery rounds;
 - d) the damage at 3 Mendeleev Street was caused by artillery (122mm) or tank (125mm) rounds.
352. The nature of the damage caused to 8A Gagarin Street, 10 Komunalna Street, 17 Molodizhna Street is not clear. I note that while the IPHR attributes all damage to tanks, the same does not follow from the OSCE SMM reporting.

4. Conclusions

353. I have examined the limited evidence concerning the shellings in Avdiivka, and I conclude that the impact of other weapons may in a number of cases have been mistaken in the reporting for BM-21. In any event, the brief descriptions do not allow me to verify whether the impact was identified correctly.
354. I would be in a better position to comment on these incidents, if I were provided with the primary materials, including photographic evidence. Otherwise, it is difficult to assess whether reporting on the weapons used is accurate, locate the impact sites and speculate as to the possible origins of fire, especially given the number of inconsistencies between various materials as to the places and time of shellings as well as the types of weapons used.
355. Based on my findings above, including the limited number of impact sites, it appears very unlikely that any of the impacts in the new Avdiivka (including the Coke plant) submitted for my analysis resulted from deliberate BM-21 shellings of those locations. If any damage in residential areas was indeed inflicted by BM-21 rockets, it was most likely collateral to different targets that I do not possess information about.

D. The pattern of attacks at Avdiivka

356. When the contact line lies in close proximity to residential areas, unfortunately civilian casualties and damage to residential buildings are almost inevitable.
357. Nevertheless, General Brown states that “Accepting that the OSCE and the IPHR may not have documented all of the shellings at Avdiivka over this period, I would therefore have expected from a normal military operation to see a pattern of attacks concentrated on the obvious military targets in the south-eastern suburbs of the town and on the artillery position by the lake to the north of the town. Instead, there were many documented shelling impacts on the residential areas of the town itself.”⁴⁷⁵
358. The pattern of attacks that General Brown says he would expect does not exclude collateral damage. I believe that in the densely populated area close to the frontline positions with military equipment moving through the town streets (all the more so when military equipment is situated in residential areas), sporadic damage in civilian areas is to be expected. Besides, the sources I have referred to above suggest that serious damage was inflicted to civilian infrastructure on the DPR side without any references to military positions in the vicinity from the impact sites.

⁴⁷⁵ Brown Report, para. 84.

359. The contact line in this area lies in close proximity to Avdiivka, and the same is true for some residential areas controlled by the DPR in Donetsk, Spartak, Yasynuvata, Kruta Balka and Makiivka. I understand that in January-March 2017, civilians in these cities also suffered from constant shellings by the UAF. In this regard, a comparison of reports on damage to civilian objects in Avdiivka with analogous hits in Donetsk, Spartak, Yasynuvata, Kruta Balka, Makiivka allows me to conclude that the civilian damage from the shelling in such a situation is different from what General Brown would expect to see.

E. Shelling of Donetsk, Spartak, Yasynuvata, Kruta Balka and Makiivka

360. I have reviewed the following sources suggesting significant damage to civilians and civilian infrastructure in the residential areas of Donetsk, Spartak, Yasynuvata, Kruta Balka and Makiivka:

- a) The OHCHR Report on the human rights situation in Ukraine 16 November 2016 to 15 February 2017. In this report, the OHCHR states: “During the escalation of hostilities between 29 January and 3 February, critical civilian infrastructure and facilities sustained heavy damage due to indiscriminate shelling of populated areas with explosive weapons with wide-area effects. OHCHR confirmed that two hospitals, a polyclinic, a dental clinic, and a kindergarten were damaged by shelling in Makiivka and Donetsk city. OHCHR staff in Donetsk heard explosions over five days, from 29 January through the night of 2 February, and on 2 February saw a clearly marked ambulance in Donetsk that had been damaged by shrapnel.”⁴⁷⁶
- b) The reports of the Ukrainian NGO “Kharkiv Human Rights Protection Group” that collected information on the shellings of civilian objects in Donetsk, Spartak, Yasynuvata, Kruta Balka and Makiivka in January-March 2017. From February to early March 2017, the Kharkiv Human Rights Protection Group recorded more than a hundred hits on civilian objects in Donetsk, Spartak, Yasynuvata, Kruta Balka, Makiivka in total. As a result of the shellings, a significant number of civilians died, and dozens of civilians were injured. In particular, the Kharkiv Human Rights Protection Group recorded the shelling of a hospital (in Makiivka on 1 February 2017), the shellings of ambulances (in Makiivka on 1 February 2017; in Donetsk on 1 February 2017), and the shellings of a residential area using the BM-21 MLRS (in Donetsk on 2 February 2017; in Spartak on 2 February 2017); the shellings of schools (in Donetsk on 2 and 3 February 2017) and the shelling of a kindergarten (in Donetsk on 3 February 2017).⁴⁷⁷
- c) The OSCE SMM registered massive damage to residential areas of the DPR-controlled cities near Avdiivka:
 - On 29 January 2017: the shelling of an automobile workshop located on Kuibyshevskiy district in Donetsk. A man was injured with a piece of shrapnel from a

⁴⁷⁶ OHCHR, “Report on the human rights situation in Ukraine 16 November 2016 to 15 February 2017”, https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/UAReport17th_EN.pdf (Annex 25), para. 24.

⁴⁷⁷Kharkiv Human Rights Protection Group, Overview of events in February 2017 at certain areas of Donetsk and Luhansk regions, 1 March 2017, <http://khpg.org/1488318011> (Annex 86); Kharkiv Human Rights Protection Group, Overview of events in March 2017 at certain areas of Donetsk and Luhansk regions, 1 April 2017, <http://khpg.org/1491246078> (Annex 87).

- 122mm round (according to a doctor at a hospital on Leninskyi Prospekt and photographs showed by the doctor).⁴⁷⁸
- On 30 January 2017: three explosions near a hospital in Makiivka. Three male electricity workers had been injured, one female employee died (according to a doctor at Hospital no. 5 in Makiivka).⁴⁷⁹
 - On 1 February 2017: an ambulance carrying a patient had been struck with shrapnel, injuring three staff and the patient (according to the medical staff at the Donetsk traumatology centre).⁴⁸⁰
 - On 2 February 2017: massive shelling of Donetsk. According to the OSCE SMM, the Kalinivskyi district of Donetsk was shelled with a MLRS (likely Smerch or Uragan); two persons injured, two person died.⁴⁸¹ Moreover, numerous impacts of BM-21 MLRS were registered: two impacts near a residential apartment building at Artema Street in Donetsk, one impact in the garden of a house at Sobinova Street and one impact 10m from a school at Sobinova Street.⁴⁸² The OSCE SMM also registered two impacts on Kievskyi Avenue: one on the first floor of a residential building (assessed as caused by an MLRS (BM-21) rocket) and another on the fourth floor of another residential building (assessed as caused by an artillery round at least 122mm).⁴⁸³ Furthermore, the collective centre on Elevatorna Street in Donetsk had been damaged in the blast on the evening of 2 February (according to interviewed internally displaced persons).⁴⁸⁴
 - On 27 February 2017: a damage to private houses of Yasynuvata caused by 12.7mm ammunition.⁴⁸⁵
 - On 1 March 2017: a crater with a 120mm mortar fin next to it, about 25m from a five-storey apartment building on Novorosiiska Street. The OSCE SMM failed to establish exact date of the shelling.⁴⁸⁶

361. I conclude that the active hostilities caused damage to civilian objects by both parties to the conflict. I also note the correlation in time between the intensity of the hostilities near the contact line, the hits of the civilian objects in Avdiivka and the shelling of civilian objects in Donetsk, Spartak, Yasynuvata, Kruta Balka, Makiivka. Thus, for instance, the largest amount of shelling incidents in Avdiivka, Donetsk and Makiivka occurred in late January–early

⁴⁷⁸ OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 30 January 2017”, 31 January 2017, <https://www.osce.org/ukraine-smm/296721> (Annex 17).

⁴⁷⁹ *Ibid.*

⁴⁸⁰ OSCE SMM. Daily Report as of 3 February 2017 (Annex 19).

⁴⁸¹ OSCE, Spot Report: Casualties, Damage to Civilian Infrastructure in Donetsk Region (Annex 345 to the Memorial of Ukraine):

“Its blast wave had shattered windows and damaged doors and gates in a radius of 170m. A shop about 10m south-east of the roundabout and very close to the impact site had been destroyed. About 70m from the impact site a car had also been destroyed and a metal gate of a house had been ripped open by overpressure, indicating an explosion.

An SMM mini unmanned aerial vehicle (UAV) spotted a five-storey dormitory building, about 30m south of the impact, whose roof had been completely ripped off and all windows shattered. About 170m north-west of the impact, the gates of a car wash had been blown in, while a gas station behind the car wash had sustained slight damages. The UAV spotted a “DPR” compound some 260m south-east of the impact site with two multi-purpose armoured tracked vehicles (MTLB) inside.”

⁴⁸² *Ibid.*

⁴⁸³ *Ibid.*

⁴⁸⁴ OSCE SMM. Daily Report as of 5 February 2017 (Annex 20).

⁴⁸⁵ OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 28 February 2017”, 1 March 2017, <https://www.osce.org/ukraine-smm/302366> (Annex 24).

⁴⁸⁶ OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 1 March 2017”, 2 March 2017, <https://www.osce.org/ukraine-smm/302556> (Annex 26).

February, which corresponds to the intensification of fighting at the frontline positions. The spike in hostilities in the middle of February increased the number of hits on civilian objects not only in Avdiivka, but also in Donetsk and Yasynuvata.

F. Response to the General Brown's conclusions

362. In light of the foregoing, I specifically respond to some conclusions reached by General Brown.

1. The choice of weapon systems

363. In his Expert Report, General Brown states that “[t]he weapons system used in the attack guaranteed that the civilian areas would be hit.”⁴⁸⁷ As I explained above (see paragraphs 318-319, 323-325, 332, 344-345 of this Report), there is no clear indication that BM-21 was used against the Khimik district and the Coke plant or that rocket weapons were used to engage targets in residential areas.

364. Moreover, to the extent that General Brown suggests that tanks cannot be used discriminately when the crews cannot see the target, I disagree with him. Even if the tank crew cannot see the target, tanks can be a precise weapon at large distances. If the tank crew knows the exact distance and bearing to the target, it can precisely hit this target even at a distance of 5-6 km using the weapon's specialised fire control system. Of course, if the target is misidentified or if there are mistakes in targeting, this can affect accuracy, but that is similarly true for artillery. Therefore, when artillery is not immediately available, it is not unlikely that tanks could perform the combat mission consisting in engaging distant targets.

365. In addition, isolated incidents of tank shells damaging civilian property could be explained by stray shells (including tank ricochets) resulting from exchanges of fire at the frontline positions. Ricochets not infrequently take place when the fuze of a tank shell is set to the mode of delayed detonation. I do not see a reason to assume that these isolated incidents resulted from the deliberate targeting of civilian objects.

366. Thus, I disagree with General Brown's conclusion on the choice of weapon systems. I have no reason to assume that the above mentioned hits at civilian objects resulted from the deliberate shelling of the civilian objects or the use of inherently indiscriminate weapons. Although I should note again that each case should be analysed with more data.

2. Proximity to military targets

367. In his Expert Report, General Brown makes the following conclusion: “Many shelling attacks against residential areas were too far away from any UAF site to be plausibly considered to have been directed at military targets”.⁴⁸⁸ He also states:

- a) “Assuming an attacker could justify engaging the checkpoints and quarters in the centre of Avdiivka (even though, as explained above, I do not think they could), direct fire weapons would almost certainly not be an option as tank crews and machine gunners would not be able to see the target. Of the wide choice of indirect weapon systems available to the

⁴⁸⁷ Brown Report, para. 96.

⁴⁸⁸ *Ibid*, para. 95.

attackers given the range to the targets, there is no sound military reason for a commander to use BM-21.”⁴⁸⁹

- b) “[A]ny BM-21 engagement of the UAF checkpoints⁴⁹⁰ in the residential areas would have invited certain damage to civilian property and/or life. Moreover, the reports of BM-21 MLRS rockets targeting the coke factory (more than 4km from the nearest UAF position) and residential areas more than 1km from the nearest UAF positions make it implausible that such firings were targeted at UAF positions at all.”⁴⁹¹

368. As I explained above (see paragraphs 282-290 of this Report), the UAF had military positions and stationed their military equipment in the Khimik district and old Avdiivka. Some of the shellings⁴⁹² took place in close proximity to these places. There is also no clear indication that BM-21 was used against the Khimik district and the Coke Plant. As I have explained, tanks can be a precise weapon at large distances.⁴⁹³ However, it is not clear to me why General Brown assumes that the DPR had a wide choice of weapons. It appears that alternatives (which are safer for the civilian population) should be considered in each case based on (1) positions of the parties, (2) objectives of the shelling, and (3) weapons actually available to the parties.

3. *The adjustment of fire*

369. In his Expert Report, General Brown makes the following conclusion: “There is no suggestion in the reporting that any of the fire on Avdiivka was observed and/or adjusted onto intended targets to ensure its accuracy”.⁴⁹⁴

370. General Brown apparently expects to see evidence of fire adjustment in the reports. However, the NGOs’ reports seem to report the damage to civilian property as such, without any explanation of how the DPR conducted hostilities. It may be that certain isolated hits resulted precisely from ranging before fire adjustment, inaccuracy of spotters or deliberate misrepresentation of data for the purposes of sabotage. Moreover, as follows from the Ukrainian judicial acts shown to me, one can be criminally prosecuted in Ukraine for contributing to “terrorist activity” if he/she adjusts the shelling of Ukrainian positions.⁴⁹⁵ Therefore, I am not surprised that such information is not available and I do not view this as conclusive. There are indications of the use of observers and adjustment of fire in the intercepts concerning hostilities near Mariupol. However, I was informed that Ukraine has not presented any information on the intercepts connected to the shellings of Avdiivka.

4. *Proximity of Avdiivka to the contact line*

371. General Brown concludes that “[t]he proximity of Avdiivka to the line of contact offered a much wider choice of weapon systems to the DPR than even the attacks at Volnovakha or Mariupol.”⁴⁹⁶

⁴⁸⁹ *Ibid*, para. 86.

⁴⁹⁰ I understand that General Brown only refers to the UAF positions identified by the IPHR (paras. 83-84 of the Brown Report).

⁴⁹¹ Brown Report, para. 89.

⁴⁹² See para. 291 above.

⁴⁹³ See para. 364 above.

⁴⁹⁴ Brown Report, para. 84.

⁴⁹⁵ See, Shevchenkivsky District Court of Chernivtsi Ruling of 8 April 2017 (Annex 70), referred to in para. 277(a) above.

⁴⁹⁶ Brown Report, para. 85.

372. I reiterate that to conduct substantive analysis as to the choice of weapons in each particular case, it is necessary to clarify data on the types of weapons that were actually used and the circumstances of the shellings as well as information concerning alternative types of weapons available. I do not believe that any reliable conclusions can be reached on the basis of the very limited data available to me.

ADDENDUM 1. OPEN SOURCES REGARDING THE ACTIVITIES OF THE KYIV-2 BATTALION

1. I have been shown a number of photographs and videos apparently featuring fighters of the Kyiv-2 Battalion. I have been asked to assess what contribution this battalion is likely to have made to the Ukrainian Armed Forces.
2. The news report “Battle in the vicinity of Volnovakha, Separatists Lost Firing Positions” (Figure 1)⁴⁹⁷ shows some fragments of a battle but I cannot say whether the battle was real or mock:

Figure 1. Caption of the news report “Battle in the vicinity of Volnovakha, Separatists Lost Firing Positions” published by Radio Liberty Ukraine on Youtube on 9 November 2014

3. Judging by the above caption to the video and the comments of the fighters interviewed in the report, it appears that the battalion’s tasks included attacks on the enemy’s positions. Further, I would like to cite fragments of a conversation between fighters speaking both Russian and Ukrainian (I speak Russian but understand the meaning of the Ukrainian words below):

Grenadier of the Kyiv-2 Battalion: “[inaudible] with our group attacked the enemy’s checkpoint. We were covered by the 28th Brigade firing from machine guns, automatic grenade launchers, well, and small arms.”

Grenadier of the Kyiv-2 Battalion (2): “The group’s task was to attack the armed checkpoint [inaudible]. In principle, we have fulfilled the task.

Reporter: with grenade launchers?

Grenadier of the Kyiv-2 Battalion (2): with grenade launchers, yes. We have fulfilled the task. Thank goodness.”
4. The footage also shows the battalion’s weapons, including mounted anti-tank grenade launchers (“SPG-9”) and hand-held anti-tank grenade launchers (“RPG”) (Figures 2, 3).

⁴⁹⁷ Youtube channel of Radio Liberty Ukraine, “Battle in the vicinity of Volnovakha, Separatists Lost Firing Positions”, available at: https://www.youtube.com/watch?v=rKAO9JGw_TA, 9 November 2014 (Annex 224).

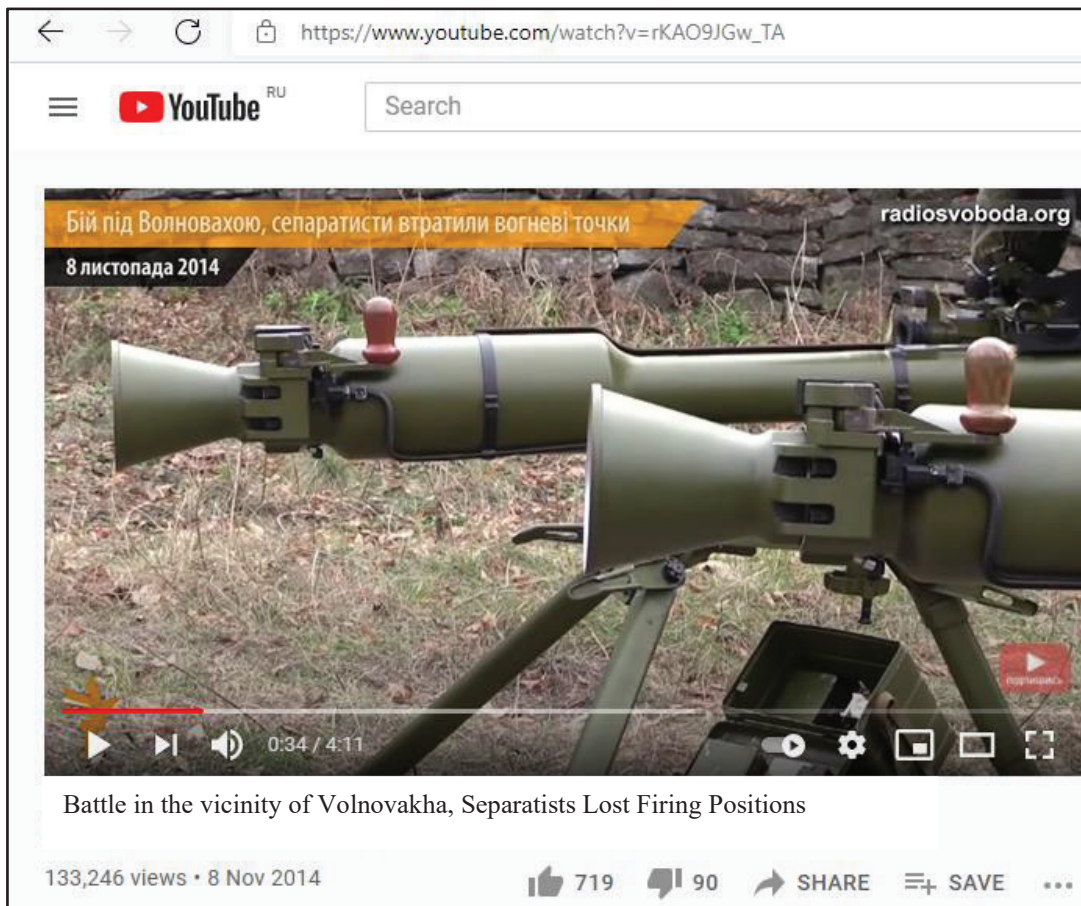

Figure 2. Screenshot showing SPG-9

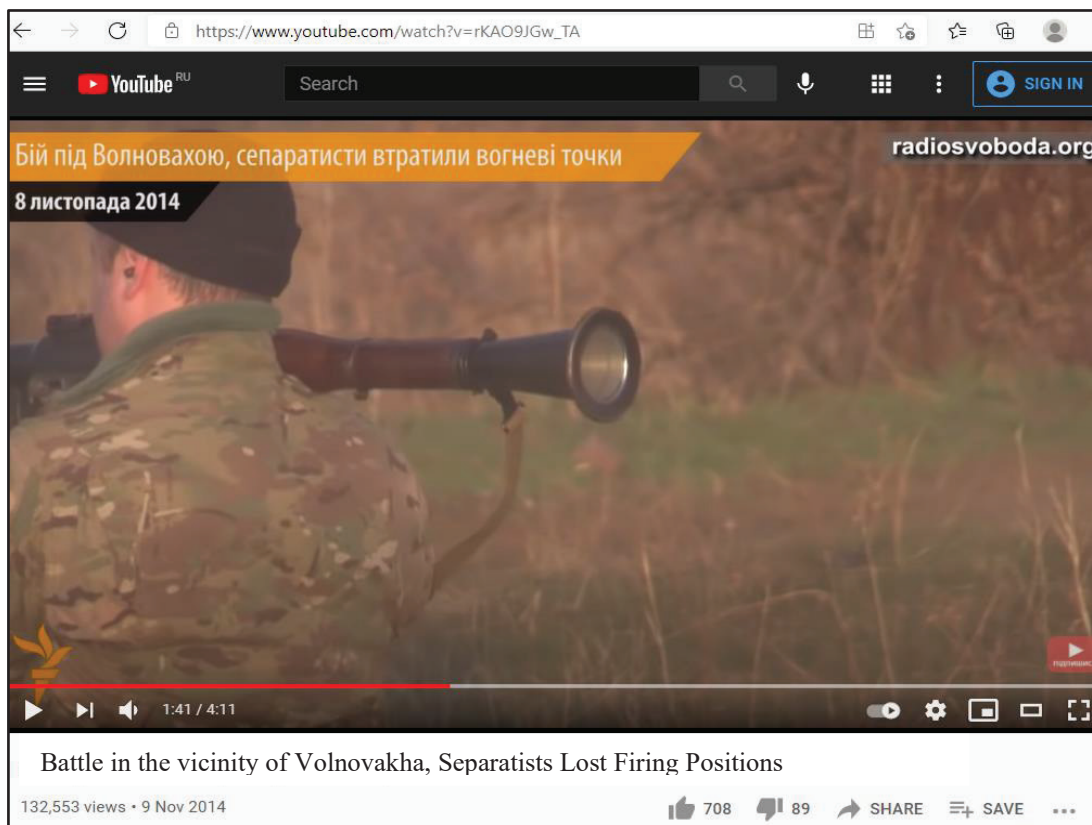

Figure 3. Screenshot showing RPG

5. When assessing the statements made by the battalion's fighters, I would say that, given the above weapons, they might have certainly attacked the enemy's positions.
6. One of the videos published, as I understand,⁴⁹⁸ by the battalion's commander in 2019 shows how such an attack may have been conducted⁴⁹⁹ (Figure 4).

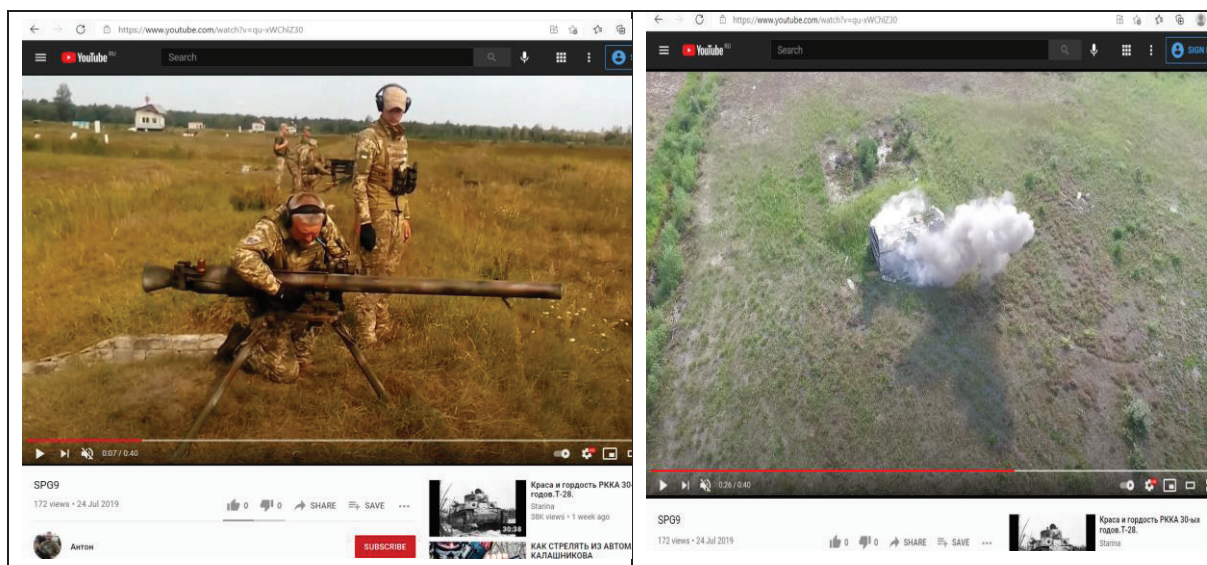

Figure 4. Frames of the video SPG9

7. I infer on the basis of the above and below open-source material shown to me that the battalion may have actually carried out combat tasks by attacking firing positions, armoured vehicles, artillery positions intended for direct fire, and others. For instance, a Facebook page apparently operated by the Kyiv-2 Battalion states (Figure 5):⁵⁰⁰

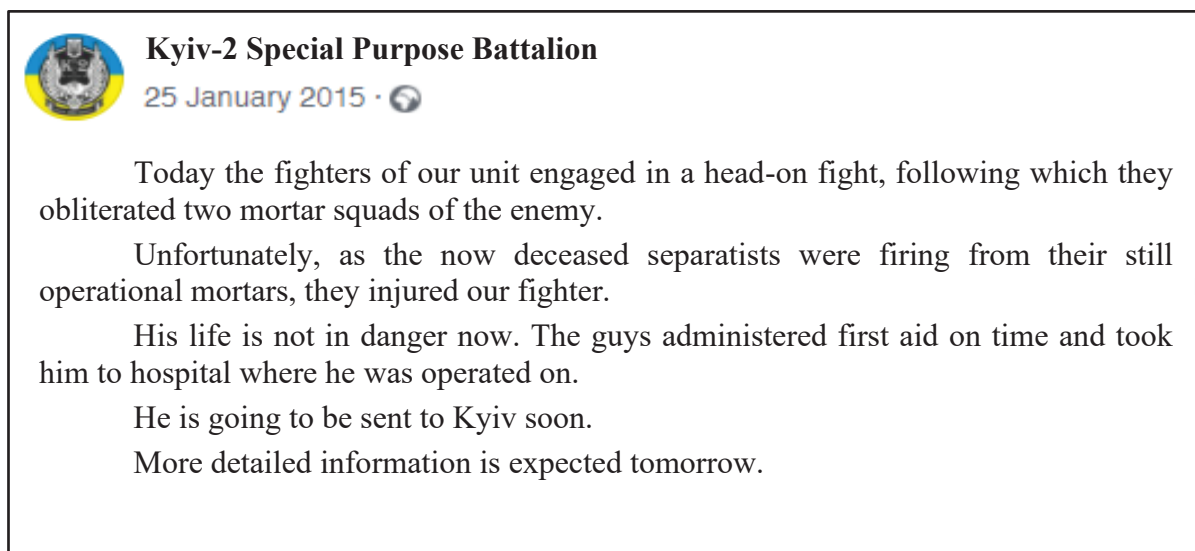

Figure 5. Publication of the Kyiv-2 Battalion in Facebook social network

⁴⁹⁸ Youtube channel Hromadske TV Zaporizhyya, screenshot of the video "Shooting at the checkpoint in Volnovakha. eyewitness account", at: https://youtu.be/7QxMvU4A_p8?t=20, 16 January 2015 (Annex 183).

⁴⁹⁹ Youtube channel of Anton, "SPG9", available at: <https://youtu.be/qu-xWChlZ30>, 24 July 2019 (Annex 239).

⁵⁰⁰ Facebook page of the Kyiv-2 Special Purpose Battalion, post at: <https://www.facebook.com/BN.Kyiv2/posts/1603216863224759>, 25 January 2015 (Annex 192).

8. I also infer from this source that the tasks carried out by the battalion’s personnel included reconnaissance (Figure 6):⁵⁰¹

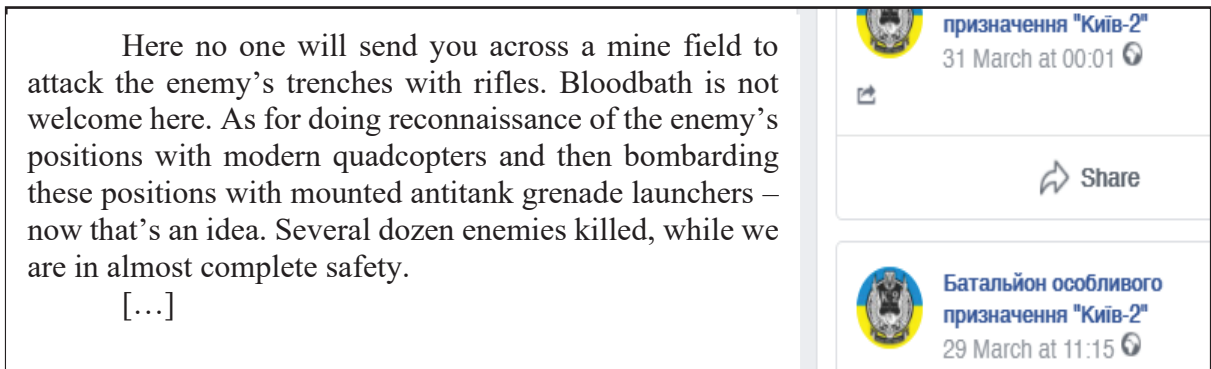

Figure 6. Publication of the Kyiv-2 Battalion in Facebook social network

9. Given open source information, it appears the battalion could have carried out reconnaissance near residential settlements (see Figure 7), where active hostilities were going on, including those where the Bobkov Report has identified numerous artillery impacts (craters).⁵⁰²

Figure 7 Publication of the Kyiv-2 Battalion in Facebook social network⁵⁰³

⁵⁰¹ Facebook page of the Kyiv-2 Special Purpose Battalion, post at: <https://www.facebook.com/BN.Kyiv2/posts/1575861585960287>, 18 November 2014 (Annex 154).

⁵⁰² Bobkov Report, para. 55, Figure 24.

⁵⁰³ Facebook page ‘Kyiv’, post at: <https://www.facebook.com/044.Kyiv/posts/736355026412539>, 17 November 2014 (Annex 153).

ADDENDUM 2. MILITARY TARGETS IN AVDIIVKA

A. The movement of military equipment in Avdiivka

1. I have been provided with a number of publicly available photographs and videos that illustrate the movement of military equipment along the roads of Avdiivka. These images appears to show a significant military presence in Avdiivka in January-March 2017.
2. On 31 January 2017, BBC published a video report on the aggravation of the military conflict near Avdiivka.⁵⁰⁴ A reporter captured the movement of a T-64BV tank along a road located near a multi-storey building (Figure 1). According to the Bobkov Report,⁵⁰⁵ the tank was captured at the intersection of Hrushevskoho and Komunalna Streets.

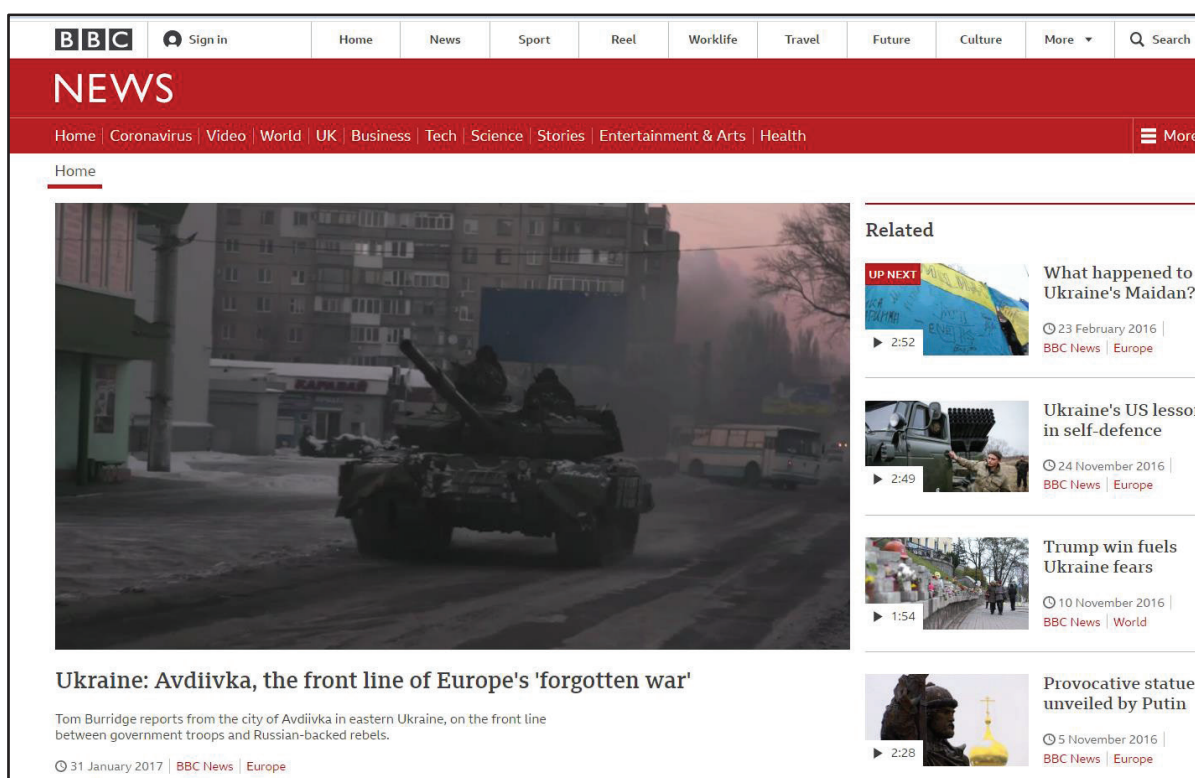

Figure 1. Screenshot of the BBC report

3. On 31 January 2017, Krym.Realii newspaper published a photograph of BRDM-2 (armoured reconnaissance vehicle) moving along the road near one-storey private house (Figure 2). The description of the photograph reads: “Police in Avdiivka, 31 January 2017”.⁵⁰⁶

⁵⁰⁴ BBC, Ukraine: Avdiivka, the front line of Europe’s ‘forgotten war’, 31 January 2017, <https://www.bbc.com/news/av/world-europe-38818543> (Annex 37 to the Preliminary Objections of the Russian Federation).

⁵⁰⁵ Bobkov Report, para. 121.

⁵⁰⁶ Krym.Realii, “From Avdiivka: ‘The main thing is that the “Grads” stop “hammering” from Donetsk’”, 31 January 2017, <https://ru.krymr.com/a/28270453.html> (Annex 126).

Figure 2. Police in Avdiivka, 31 January 2017

4. Photographer Mr Miller published a number of photographs that he suggested had been made in Avdiivka in February 2017. The captions to the photographs also suggest that it was immediately present in the area.
 - a) On 1 February 2017 he published a photograph (Figure 3) of a Kozak armoured vehicle with an NSVT 12.7 calibre machine gun installed on its roof moving along a road in a private houses district.⁵⁰⁷ This photograph was apparently made in Avdiivka as the accompanying text reads: “Death & despair in #Avdiivka, eastern #Ukraine. Battle happening now like nothing I’ve seen since Feb 2015. But not Debaltseve-level. (Yet?)”

⁵⁰⁷ Twitter page of Christopher Miller, photographer, post at: <https://twitter.com/ChristopherJM/status/826815510130069504>, 1 February 2017 (Annex 206).

Figure 3. A Kozak armoured vehicle on the roads of Avdiivka

- b) On 2 February 2017, Mr Miller posted on his Twitter account two photographs (Figures 4 and 5) of infantry fighting vehicles. The photographs were accompanied by the following text “On the road in #Avdiivka today. Traffic here in eastern #Ukraine looking more like it did a couple of years ago.”⁵⁰⁸

⁵⁰⁸ Twitter page of Christopher Miller, photographer, post at: <https://twitter.com/ChristopherJM/status/826905101398896640>, 2 February 2017 (Annex 207).

Figure 4. Infantry fighting vehicles on the roads in Avdiivka

Figure 5. Infantry fighting vehicles on the roads in Avdiivka

- c) On 3 February 2017, Mr Miller posted on his Twitter account a photograph of a T-64BV tank (Figure 6) The accompanying text reads: “Six Ukrainian tanks on the move this morning in #Avdiivka, east #Ukraine. Armies fought fierce artillery battles through the night.”⁵⁰⁹

⁵⁰⁹ Twitter page of Christopher Miller, photographer, post at: <https://twitter.com/ChristopherJM/status/827398463088242690>, 3 February 2017 (Annex 210).

Figure 6. The screenshot of Mr Miller’s twitter post

- d) On 3 February 2017 Mr Miller published a photograph of military equipment - two T-64BV tanks moving along a road located near a private house. The following caption accompanied the tweet (Figure 7):⁵¹⁰ “Ukrainian tanks very active today in #Avdiivka. All artillery was active. On both sides. More death & destruction. War chewing up lives.” According to

⁵¹⁰ Twitter page of Christopher Miller, photographer, post at: <https://twitter.com/ChristopherJM/status/827543299703599104>, 3 February 2017 (Annex 212).

Christopher Miller's assessment that he shared in comments to this post, the Ukrainian tanks were both actively moving around behind the lines and actively firing.⁵¹¹

Figure 7. The screenshot of Christopher Miller's twitter post

⁵¹¹ Twitter page of Christopher Miller, photographer, commentary to the post at: <https://twitter.com/ChristopherJM/status/827543299703599104>, 3 February 2017 (Annex 211).

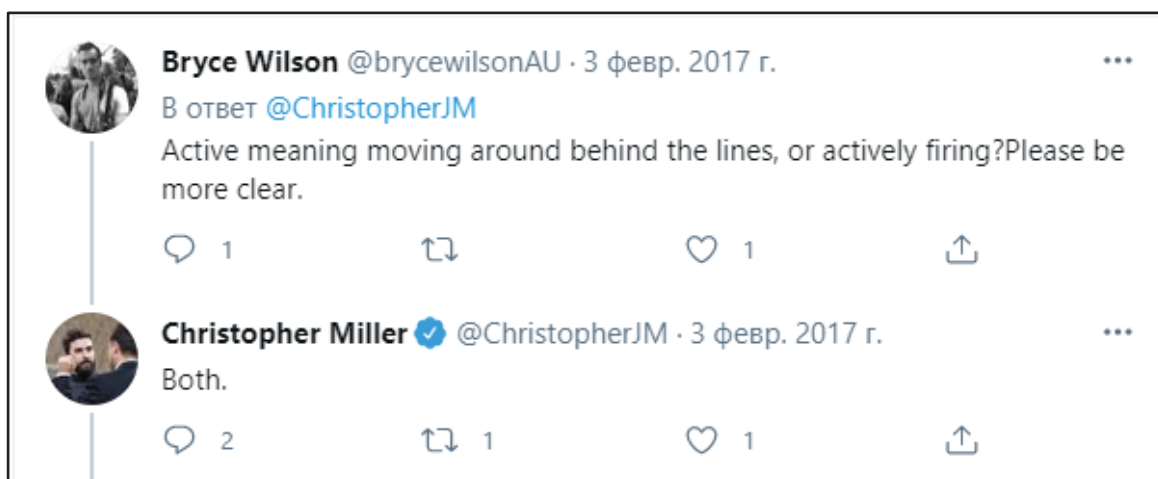

Figure 8. The screenshot of Christopher Miller’s commentary to his post

5. On 6 February 2017, the European Press Agency published a photograph of an armoured recovery and repair vehicle moving along a road near a 14-storey building (Figure 9). The caption to the photograph reads: “Ukrainian servicemen ride an Armed Personal Carrier (APC) on a street in Avdiivka, Donetsk area, Ukraine, 06 February 2017.”⁵¹² According to the Bobkov Report,⁵¹³ this photograph was taken near 81 Hrushevskoho Street that was hit on 17 February 2017.⁵¹⁴

Figure 9. Armoured recovery and repair vehicle moving along a road near 81 Hrushevskoho Street

⁵¹² *European Pressphoto Agency*, “Crisis in Ukraine”, 6 February 2017, <https://webgate.epa.eu/?16634349628007773501&MEDIANUMBER=53307517> (Annex 135).

⁵¹³ Bobkov Report, para. 127.

⁵¹⁴ IPHR Report, p. 50.

6. On 8 February 2017, Al Jazeera newspaper published another photograph of a T-64BV tank moving along a road near private houses (Figure 10).⁵¹⁵ The caption to the photograph reads: “A Ukrainian tank drives through the streets of the embattled town of Avdiivka, on the frontline of the war in Ukraine [John Wendle/Al Jazeera]”.

Figure 10. Al Jazeera photograph of a Ukrainian tank in Avdiivka

7. A Vice news video report from Avdiivka (published on 14 February 2017 for the first time), captured the movement of military trucks along roads near private houses and multi-storey buildings (Figures 11-13).⁵¹⁶ According to the Bobkov Report, the military trucks in Figures 11-12 were captured when they moved near 73, 75, 78, 79 Hrushevskoho Street.⁵¹⁷

⁵¹⁵ *Al Jazeera*, “Avdiivka, evacuating again as fighting escalates”, 8 February 2017, <https://www.aljazeera.com/features/2017/2/8/avdiivka-evacuating-again-as-fighting-escalates> (Annex 136).

⁵¹⁶ *Vice*, “Civilians flee East Ukraine town of Avdiivka as fighting with Russian-backed separatists escalates”, 23 February 2017, <https://www.vice.com/en/article/595vnd/civilians-flee-east-ukraine-town-of-Avdiivka-as-fighting-with-russian-backed-separatists-escalates> (Annex 237).

⁵¹⁷ Bobkov Report, para. 124.

Figure 11. Screenshot of the Vice News video report

Figure 12. Screenshot of the Vice News video report

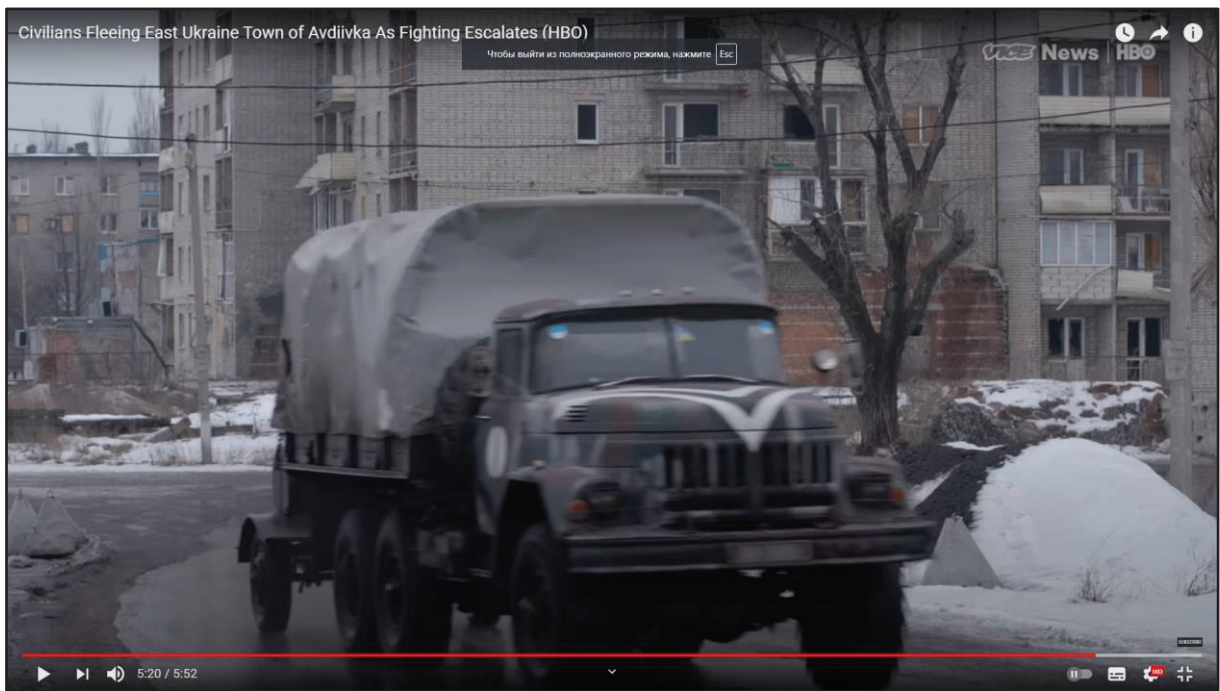

Figure 13. Screenshot of the Vice News video report

8. The materials cited above illustrate that various items of military equipment were actively moving along the roads of Avdiivka in January-March 2017. The comments by Mr Miller quoted above suggest that only part of the overall movement of military equipment was captured by the journalists.

B. Military position near Vorobyov Street

9. I have been provided with a number of materials demonstrating that the UAF were permanently deployed and stationed heavy military equipment at 15 Vorobyov Street and nearby buildings.

1. The military use of Vorobyov Street by the UAF

10. The OHCHR reported: “Since February 2015, residents at 15 Vorobyov Street in Avdiivka, in Government-controlled Donetsk region, were forced to leave their apartments due to safety and security concerns stemming from the presence of Ukrainian Armed Forces and other law-enforcement personnel. Tenants of the apartments reported that since 2014, the Ukrainian military and law-enforcement forces have taken over empty apartments and asked the remaining tenants to vacate their apartments. Those who remained suffered from serious shelling.”⁵¹⁸
11. The IPHR report also refers to “[T]he military checkpoint on Vorobyov Street separating the old and new parts of the town with personnel stationed in residential building nearby.”⁵¹⁹ Ukraine also marked 15 Vorobyov and a nearby street as UAF residences and a military checkpoint.⁵²⁰
12. Thus, open-source materials illustrate the presence of the UAF at 15 Vorobyov Street, which I think must be considered as a military target.

⁵¹⁸ OHCHR, “Report on the human rights situation in Ukraine 16 May to 15 August 2019”, https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/ReportUkraine16May-15Aug2019_EN.pdf (Annex 31), p. 10.

⁵¹⁹ IPHR report, para. 87.

⁵²⁰ Shelling impacts in Avdiivka (Annex 28 to the Memorial of Ukraine).

2. The presence of military equipment at Vorobyov Street in January-February 2017.

13. On 1 February 2017, the OSCE SMM reported that “the SMM observed: four tanks (T-64) parked behind a building in Avdiivka.”⁵²¹ On 3 February 2017, Bellingcat published an article “Ukrainian Tanks in Avdiivka Residential Area”⁵²² where it determined that the photographs of tanks and other military equipment were taken near 15 Vorobyov Street. It is reasonable to assume that the OSCE SMM observed the same tanks analysed by Bellingcat.
14. Bellingcat published the following photographs of military equipment (whose type – unless indicated otherwise in this Report – I recognise by appearance from my military experience):
- a) Photograph of two T-64BV tanks (Figure 14).

Figure 14. A photograph of two T-64BV tanks from the Bellingcat article

- b) Photograph of two T-64BV tanks, two armoured personnel carriers “Saxon”,⁵²³ a Gaz-66 military truck and military personnel around this equipment (Figure 15).

⁵²¹ OSCE, Daily Report as of 1 February 2017 (Annex 344 to the Memorial of Ukraine).

⁵²² Bellingcat, “Ukrainian Tanks in Avdiivka Residential Area”, 3 February 2017, <https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2017/02/03/ukrainian-tanks-avdiivka-residential-area/> (Annex 258).

⁵²³ I have identified this vehicle using *Rossiyskaya Gazeta*, “‘Saxons’ are good for the Anglo-Saxons”, 11 March 2015, <https://rg.ru/2015/03/12/sakson.html> (Annex 231).

Figure 15. T-64BV tanks, two armoured personnel carriers “Saxon”, Gaz-66 military truck from the Bellingcat article

- c) Two drone images, one of which, according to Bellingcat,⁵²⁴ was posted by the DPR “Center of Drone Aviation” on 29 January 2017, and the other – by the DPR “Vostok” battalion commander Alexander Khodakovsky on 2 February 2017.
- The image of 29 January 2017 appears to have captured several military vehicles. They are likely to be (1) two multi-purpose light-armoured towing vehicles (in the central part of the photograph), (2) an armoured personnel carrier (likely a BTR-60PB) and (3) an infantry fighting vehicle (likely a BMP-2) (in the lower part of the photograph) stationed near 15 Vorobyov and 38 Hrushevskoho Streets accordingly (Figure 16).

⁵²⁴ Bellingcat, “Ukrainian Tanks in Avdiivka Residential Area” (Annex 258): “The self-proclaimed Donetsk People’s Republic and its commanders provided two images from UAVs that they claim were shot on January 29, 2017 and February 2, 2017. The first image appeared on Strelkov-info.ru, originally from the DNR “Center of Drone Aviation [...] “On February 2nd, Vostok Battalion commander Aleksandr Khodakovsky shared a drone image of the three tanks parked in the residential area.”

Figure 16. 29 January drone image from the Bellingcat article

- The image of 2 February 2017 appears to have captured three tanks parked behind 15 Vorobyov building (Figure 17).

Figure 17. 2 February drone image from the Bellingcat article

15. Moreover, on the Associated Press website, a number of photographs were published under a caption that suggests that the photographs were taken in Avdiivka on 2 February 2017. In particular, three photographs were published by the Associated Press that depicted servicemen loading a tank with tank shells. In these photographs, it is possible to see a Ural-43203 military truck loaded with 125mm high-explosive fragmentation tank shells. Military personnel are loading these shells into what appears to be a T-64BV tank (Figures 18-20):
 - a) The photograph below was published with the caption “Ukrainian servicemen load ammunition into a tank in Avdiivka, eastern Ukraine, Thursday, Feb. 2, 2017.”; according to information provided by the Associated Press, the picture was taken by photographer Evgeniy Maloletka on 2 February 2017 at 09:54:46.⁵²⁵

⁵²⁵ AP Images, “Ukrainian servicemen loading ammunition into a tank in Avdiivka”, 2 February 2017, 09:54:46, <http://www.apimages.com/metadata/Index/Ukraine/b3692532e7854461a3f50f75af9c1e84/104/0> (Annex 129).

Figure 18. Military truck with 125mm high-explosive fragmentation tank shells

- b) The photograph below was published with the caption “Ukrainian servicemen load ammunition into a tank in Avdiivka, eastern Ukraine, Thursday, Feb. 2, 2017.”; according to information provided by the Associated Press, the picture was taken by photographer Evgeniy Maloletka on 2 February 2017 at 09:56:20.⁵²⁶

⁵²⁶ AP Images, “Ukrainian servicemen load ammunition into a tank in Avdiivka”, 2 February 2017, 09:56:20, <http://www.apimages.com/metadata/Index/Ukraine/547e656520ca4fb898129c0b8d9fbc26/103/0> (Annex 133).

Figure 19. Tank in the process of being loaded with 125mm high-explosive fragmentation tank shells

- c) The photograph below was published with the caption “Ukrainian servicemen load ammunition into a tank in Avdiivka, eastern Ukraine, Thursday, Feb. 2, 2017.”; according to information provided by the Associated Press, the picture was taken by photographer Evgeniy Maloletka on 2 February 2017 at 09:56:34.⁵²⁷

⁵²⁷ AP Images, “Ukrainian servicemen load ammunition into a tank in Avdiivka”, 2 February 2017, 09:56:34, <http://www.apimages.com/metadata/Index/Ukraine/8eb784291fa04e7bac35ecbf2e2d1be3/105/0> (Annex 127).

Figure 20. A tank in the process of being loaded with 125 mm high-explosive fragmentation tank shells

16. I do not know for sure where these photographs were taken. However, I have also been provided with the following photographs of tanks which were published by the Associated Press and Reuters.
- a) Caption to the photograph below (Figure 21) reads: “A Ukrainian serviceman walks past Ukrainian tanks in Avdiivka, eastern Ukraine, Thursday, Feb. 2, 2017.” According to information provided by the Associated Press, the picture was taken by photographer Evgeniy Maloletka on 2 February 2017 at 09:51:44,⁵²⁸ meaning that it was made three minutes before the photo depicting a tank being loaded with tank shells (Figure 18). Therefore, I think it is highly likely that the photographs presented in Figures 18-20 and the photograph presented in Figure 21 were taken in close proximity of each other. According to the Bobkov Report, the photograph shown in Figure 21 was taken in the yard of 15 Vorobyov Street.⁵²⁹

⁵²⁸ AP Images, “A Ukrainian serviceman walking past Ukrainian tanks in Avdiivka”, 2 February 2017, 09:51:44, <http://www.apimages.com/metadata/Index/Ukraine/b48e3a999f1e4c8291d2b3ea2acce773/92/0> (Annex 128).

⁵²⁹ Bobkov Report, para. 110.

Figure 21. Photograph of tanks in Avdiivka that was made three minutes before the photograph that depicted tank shells being loaded

- b) Photographs of similar equipment were published by Reuters (Figures 22,⁵³⁰ 23⁵³¹ and 24⁵³²). According to the information provided by Reuters, these photographs were also taken on 2 February 2017. According to the Bobkov Report, these photographs were taken in the yard of 15 Vorobyov Street.⁵³³

⁵³⁰ Reuters, “Tanks are seen in the government-held industrial town of Avdiivka”, 2 February 2017, <https://pictures.reuters.com/archive/UKRAINE-CRISIS-RUSSIA-PUTIN-RC1B8DE2B4C0.html> (Annex 130).

⁵³¹ Reuters, “Tanks are seen in the government-held industrial town of Avdiivka”, 2 February 2017, <https://pictures.reuters.com/archive/UKRAINE-CRISIS-RUSSIA-PUTIN-RC15B5089D50.html> (Annex 132).

⁵³² Reuters, “Tanks are seen in the government-held industrial town of Avdiivka”, 2 February 2017, <https://pictures.reuters.com/archive/UKRAINE-CRISIS-RUSSIA-PUTIN-RC14AF7A6EB0.html> (Annex 131).

⁵³³ Bobkov Report, para. 110.

Figure 22. Military equipment in the yard of 15 Vorobyov Street in Avdiivka

Figure 23. Military equipment in the yard of 15 Vorobyov Street in Avdiivka

Figure 24. Military equipment in the yard of 15 Vorobyov Street in Avdiivka

17. Thus, since the photograph presented in Figure 21 was taken at 15 Vorobyov Street, it would appear highly likely that the photographs depicting the tank being loaded with tank shells (Figures 18-20) were also made nearby that building since the photographs were shot only three minutes apart from each other.
18. If the tanks at 15 Vorobyov Street were loaded with 125mm high-explosive fragmentation tank shells, these tanks could fire at the DPR positions from various positions nearby. The tanks were likely to change firing positions to avoid return fire and to use the nearby multi-storey buildings as a shield, including for the purposes of recharging. I believe that these tanks were obvious military targets and that by positioning them in the residential areas Ukraine put the nearby residential buildings at grave risk. That risk would be exacerbated, if the firing positions were also chosen in the residential areas around, but I do not have information about that.
19. Furthermore, it appears that the UAF military equipment also moved near 15 Vorobyov Street after early February 2017. For instance, on 12 February 2017, the website of Ukrainian TV channel TSN published a video report from Avdiivka⁵³⁴ which featured the movement of an armoured personnel carrier (Figure 25). According to the Bobkov Report, this fragment of the video was taken at the exit from the yard of 15 Vorobyov Street to Hrushevskoho Street.⁵³⁵

⁵³⁴ TSN, "In complete secrecy, the Ukrainian military took up new positions near a strategic highway in Donbas", 12 February 2017, <https://tsn.ua/ru/ato/ukrainskie-voennye-v-polnoy-sekretnosti-zanyali-novye-pozicii-voze-strategicheskoy-trassy-na-donbasse-803353.html> (Annex 235).

⁵³⁵ Bobkov Report, para. 116.

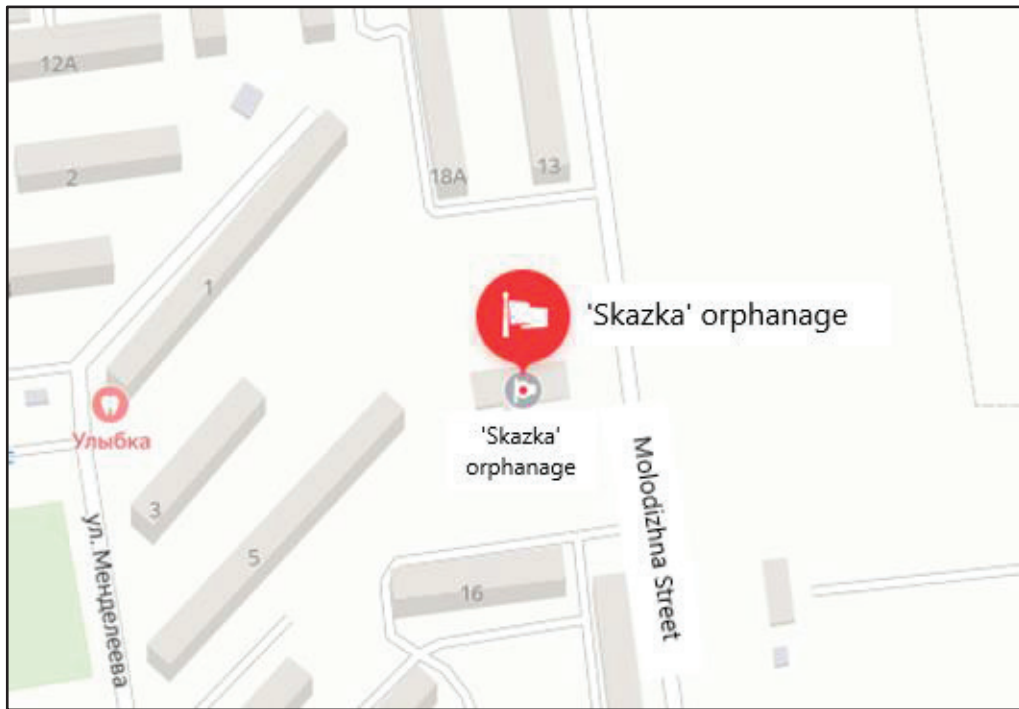
Figure 25. Armoured personnel carrier near 15 Vorobyov Street from the TSN 12 February 2017 video report

20. In summary, the photographs presented above suggest significant military presence near 15 Vorobyov Street at least on 2 February 2017 – the date when the neighbouring buildings came under shelling⁵³⁶ – and the presence of military equipment in this area during other periods of February 2017.

C. The UAF positions at 13 and 15 Molodizhna streets

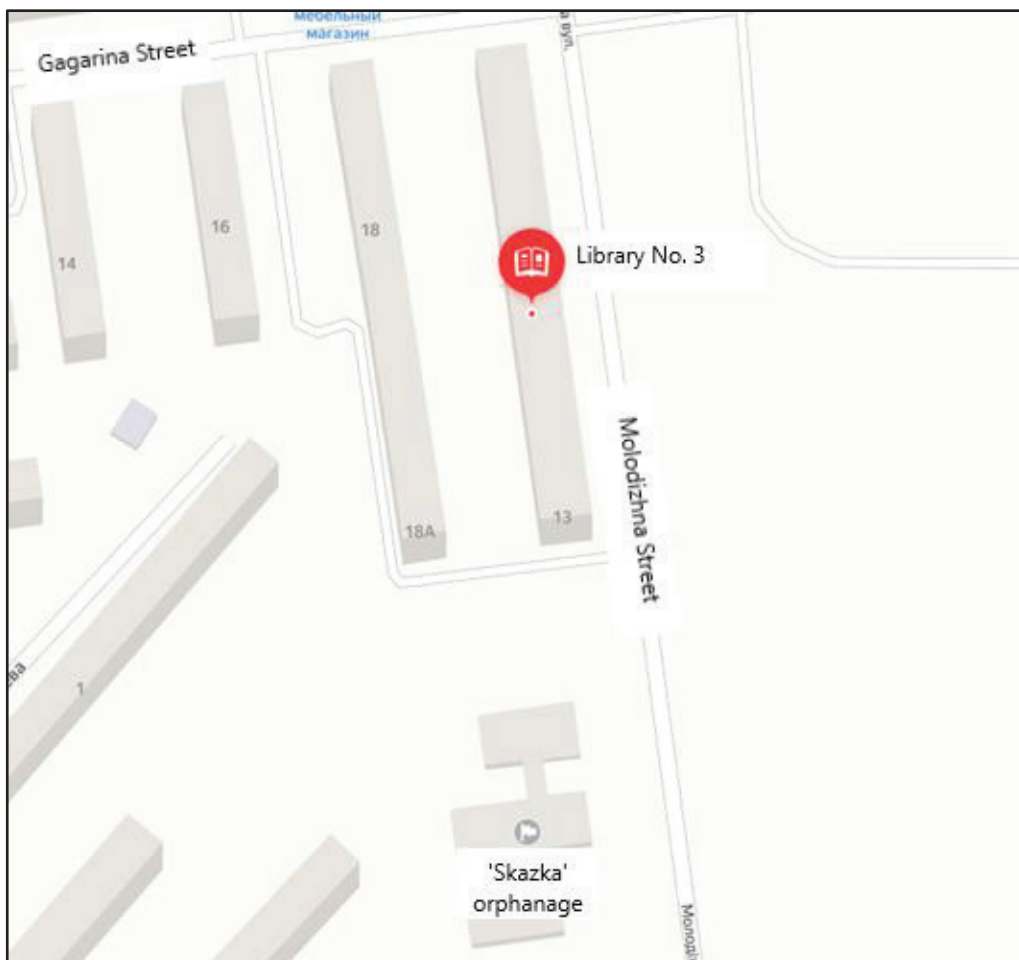
21. I have been provided with materials suggesting that the UAF troops had a permanent military position at 15 Molodizhna Street (former orphanage) (Figure 26) and were seen stationing their military equipment near 13 Molodizhna Street (library) (Figure 27).

⁵³⁶ IPHR Report, p. 49.

Map Data: © Yandex.

Figure 26. The orphanage at 15 Molodizhna Street on Yandex.Maps

Map Data: © Yandex.

Figure 27. The library at 13 Molodizhna Street on Yandex.Maps

22. In 2016, Human Rights Watch reported that: “a number of military objectives, including a checkpoint and a former orphanage occupied by Ukrainian military, were located within a few blocks of the [School Number two and School Number five].⁵³⁷ According to Human Rights Watch, “on November 8, 2015, stacked sandbag protections were visible at main gate and entrance to the orphanage, and camouflaged netting was draped between trees and over a section of the wall. The local military administrator did not allow Human Rights Watch to enter the orphanage. He said that soldiers were still based inside, and that all of 50 children who were living there before the war were eventually relocated.”⁵³⁸
23. The SMM OSCE reported on 7 September 2016: “At the second site on Molodezhna Street, the SMM observed a partly damaged building with no glass windows and saw two camouflaged military vans in the adjacent yard and camouflage nets; however, according to a Ukrainian Armed Forces officer during a visit to the same location on 22 August, the orphans had been relocated due to the conflict in 2014.⁵³⁹ In February 2017 in a thematic report (covers the period from May to late September 2016), the OSCE apparently described the same location: “In government-controlled Avdiivka, Donetsk region, the SMM observed camouflage nets and sandbags as well as military vehicles and personnel around a library and an orphanage.”⁵⁴⁰
24. The IPHR report confirms that the UAF quarters were based in an old orphanage building in the Khimika district.⁵⁴¹ In the “Scorching winter” report prepared by the IPHR and Truth Hounds, this position was apparently described as a possible military target: “Judging by the area where the projectiles landed [on 2 February 2017] one can presume that the targets were [...] the barracks housing 30-50 soldiers, (who had lived there for over two years).”⁵⁴² On 2 February 2017, the buildings in close proximity to 15 Molodizhna were shelled. Hence, the “Scorching winter” report is likely to refer to the “barracks” at 15 Molodizhna.
25. On 6 August 2018 and on 6 November 2019, Ukrainian courts named the building at 15 Molodizhna street as “the location of the volunteer battalion “Right Sector”⁵⁴³ (it is unclear whether the battalion was stationed there in January-March 2017).
26. Thus, the materials provided to me appear to show that 15 Molodizhna Street was a potential military target. Moreover, according to the OSCE report, the UAF deployed their military equipment near the library at 13 Molodizhna Street. If these reports are correct, there were potential military targets in these locations.

⁵³⁷ Human Rights Watch, “Studying Under Fire, Attacks on Schools, Military Use of Schools During the Armed Conflict in Eastern Ukraine”, 11 February 2016, https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/ukraine0216_web.pdf (Annex 83), p. 38.

⁵³⁸ *Ibid*, p. 49.

⁵³⁹ OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 6 September 2016”, 7 September 2016, <https://www.osce.org/ukraine-smm/263091> (Annex 11).

⁵⁴⁰ OSCE SMM, “Thematic report, Hardship for conflict-affected civilians in eastern Ukraine”, February 2017, <https://www.osce.org/files/f/documents/4/0/300276.pdf> (Annex 18), p. 17.

⁵⁴¹ IPHR report, para. 87.

⁵⁴² Scorching Winter IPHR Report (Annex 88), p. 27.

⁵⁴³ Ukraine, Selydovsky City Court, Case No. 242/3786/18, Ruling, 6 August 2018, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/75716048> (Annex 73); Ukraine, Ordzhonikidzevsky District Court of Mariupol, Case No. 265/6438/19, Ruling, 6 November 2019, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/85528051> (Annex 78).

D. The UAF positions at Zavodska Street.

27. I have been provided with a number of Ukrainian judicial acts indicating that in 2015-2016 the UAF had an established presence near the abandoned brick (ceramic) factory at Zavodska Street.
28. In January 2017, Dobropolsky City Court referred to the following materials:⁵⁴⁴
- “- letter of 02.10.2015 No. 5405 in reply to letter No. 50/2576 of 02.10.2015, according to which the Headquarters of the Anti-Terrorist Operation in the Donetsk and Luhansk Region reports and confirms that, between 21 and 26 July 2015, military equipment and personnel of the UAF involved in the ATO were located in Avdiivka of the Donetsk Region in the area of facilities where a geological exploration was taking place and where coal yards are located near 122 Zavodska Street, Yasinovatsky Lane, and that certain Ukrainian facilities in those positions came under fire in the relevant period.”
29. In December 2017, the same court confirmed the presence of the UAF at this location in August 2015:⁵⁴⁵
- “On 3 August 2015 at 14:11:38, PERSON_7, while in Avdiivka of the Donetsk Region (the pre-trial investigation failed to establish the exact location), using his own cell phone number NUMBER_5, called PERSON_8, a member of the terrorist organisation DPR, on the phone number NUMBER_6 that PERSON_7 knew that the latter used, and to assist members of the terrorist organisation DPR in pursuance of their criminal intention to commit crimes against servicemen of the Ukrainian Armed Forces and other military formations of Ukraine involved in the Anti-Terrorist Operation, and to create an environment conducive to the above crimes, reported to the latter the location of military equipment of the Ukrainian Armed Forces in Avdiivka of the Donetsk Region (namely, at a brick factory).”
30. Moreover, the Ukrainian court stated that the UAF launched artillery attack from the territory of the ceramics (brick) factory in May 2016:
- “On 30 May 2016, at 15:29:26 hours, PERSON_2, using a mobile phone, transmitted to a Ukrainian citizen PERSON_3, a representative of the illegal armed group ‘DPR’, information that a 120mm mortar belonging to the Ukrainian Armed Forces fired at the units of the illegal armed group ‘DPR’ for the entirety of the night in Avdiivka, Donetsk region, from the area of the so-called ‘Ceramics factory’.”⁵⁴⁶
31. I suppose that the brick and ceramic factory are the same locations, as it follows from the publications of the locals in the VK social network (Figures 28-31).

⁵⁴⁴ Ukraine, Dobropilsky City Court, Case No. 227/431/16-k, Judgment, 24 January 2017, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/64246978> (Annex 67).

⁵⁴⁵ Ukraine, Dobropilsky City Court, Case No. 227/431/16-k, Judgment, 14 December 2017, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/71062044> (Annex 72).

⁵⁴⁶ Ukraine, Selydovsky City Court, Case No. 242/3538/18, Judgment, 17 October 2018, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/77166094> (Annex 74).

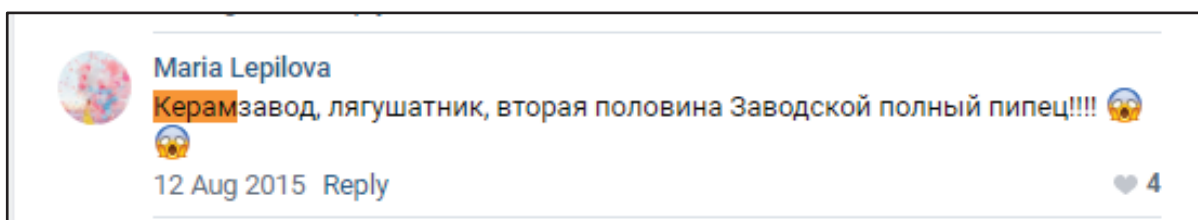

Figure 28. A Commentary of local on the proximity of the Ceramic Plant to Zavodskaya Street.⁵⁴⁷

Translation: “Ceramzavod [short for Ceramic Plant], Lyagushatnik, the second half of Zavodskaya are so f***** up”

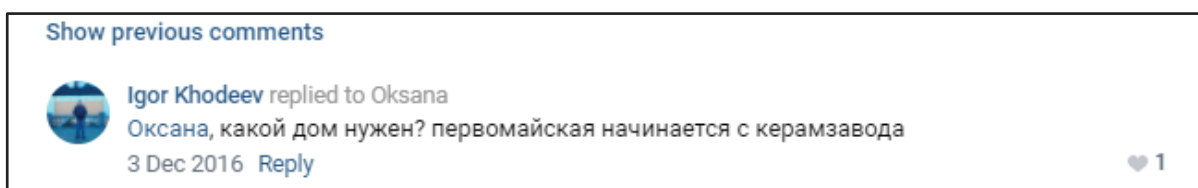

Figure 29. Commentary that Pervomaiska Street starts with Ceramzavod⁵⁴⁸

Translation: “Oksana, which house are you looking for? Pervomaiska [Street] starts with Ceramzavod”

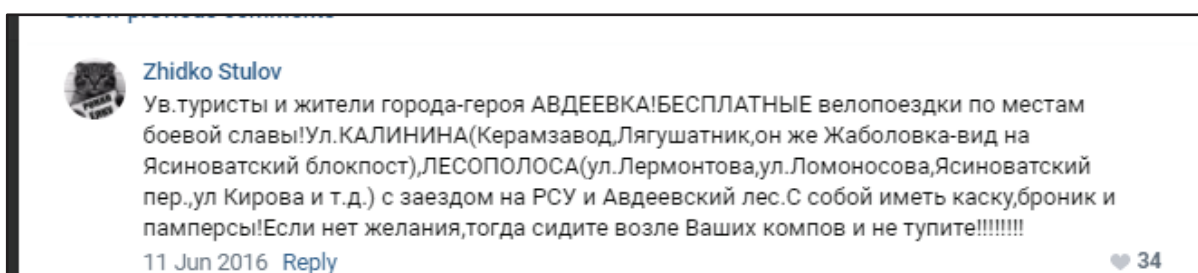

Figure 30. Commentary on the proximity of Kalinina Street to Ceramzavod⁵⁴⁹

Translation: “Dear tourists and residents of the heroic city AVDIIVKA! FREE cycle rides around the places of military glory! KALININA Street (Ceramzavod, Lyagushatnik, also known as Zhabolovka – view of the Yasynuvata checkpoint), TREELINE (Lermontova Street, Lomonosova Street, Yasinovatskiy Alley, Kirova Street e.t.c.) with the passage through the RSU and Avdiivka forest. You should have a helmet, body armour and diapers! If you have no desire, then sit behind your computers and don’t be dumb!!!!!!!!!!”

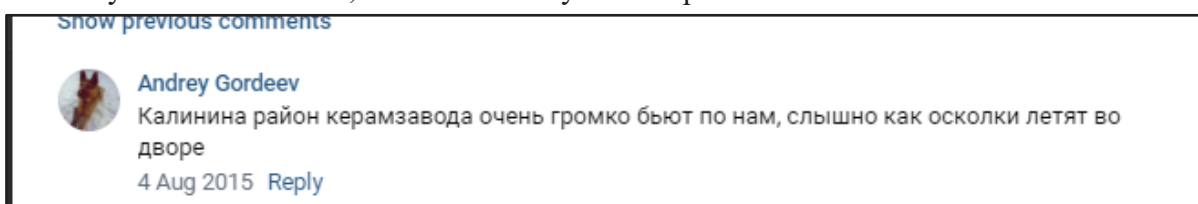

Figure 31. Commentary on the proximity of Kalinina Street to Ceramzavod⁵⁵⁰

⁵⁴⁷ VKontakte page Avdiivka – my Motherland!, commentary at: https://vk.com/wall-1206792_528017?offset=70&w=wall-1206792_528017_r529280, 12 August 2015 (Annex 196).

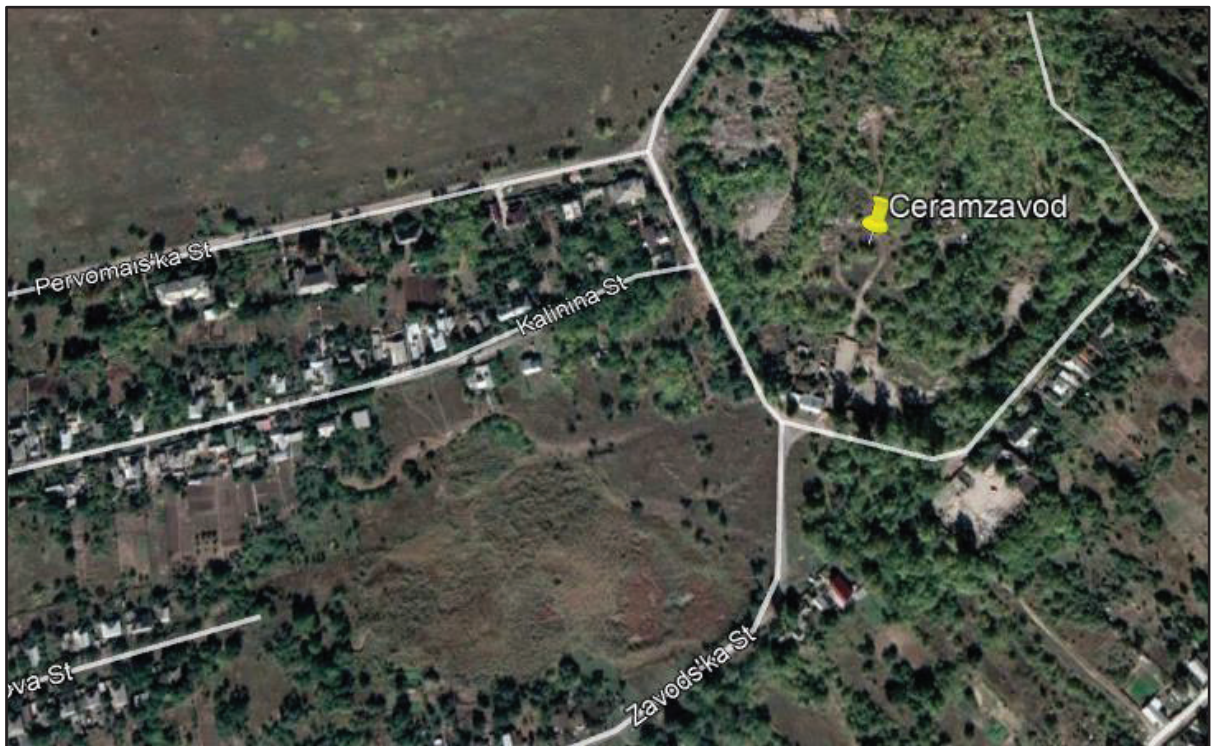
⁵⁴⁸ VKontakte page Avdiivka – my Motherland!, commentary at: https://vk.com/wall-1206792_951829?reply=952499, 03 December 2016 (Annex 199).

⁵⁴⁹ VKontakte page Avdiivka – my Motherland!, commentary at: https://vk.com/wall-1206792_796014?reply=796167, 11 June 2016, 11 June 2016 (Annex 198).

⁵⁵⁰ VKontakte page Avdiivka – my Motherland!, commentary at: https://vk.com/wall-1206792_516531?reply=518006, 4 August 2015 (Annex 195).

Translation: “Kalinina [Street], the area of Ceramzavod, we’re under very loud fire, we can hear fragments flying in the yard.

32. Zavodska, Kalinina and Pervomaiska are parallel streets, which, apparently, start with “Ceramzavod” (Figure 32).

Map Data: Google, ©2021 Maxar Technologies.

Figure 32. Kalinina, Zavodska, Pervomaiska Streets and Ceramzavod on Google Earth map

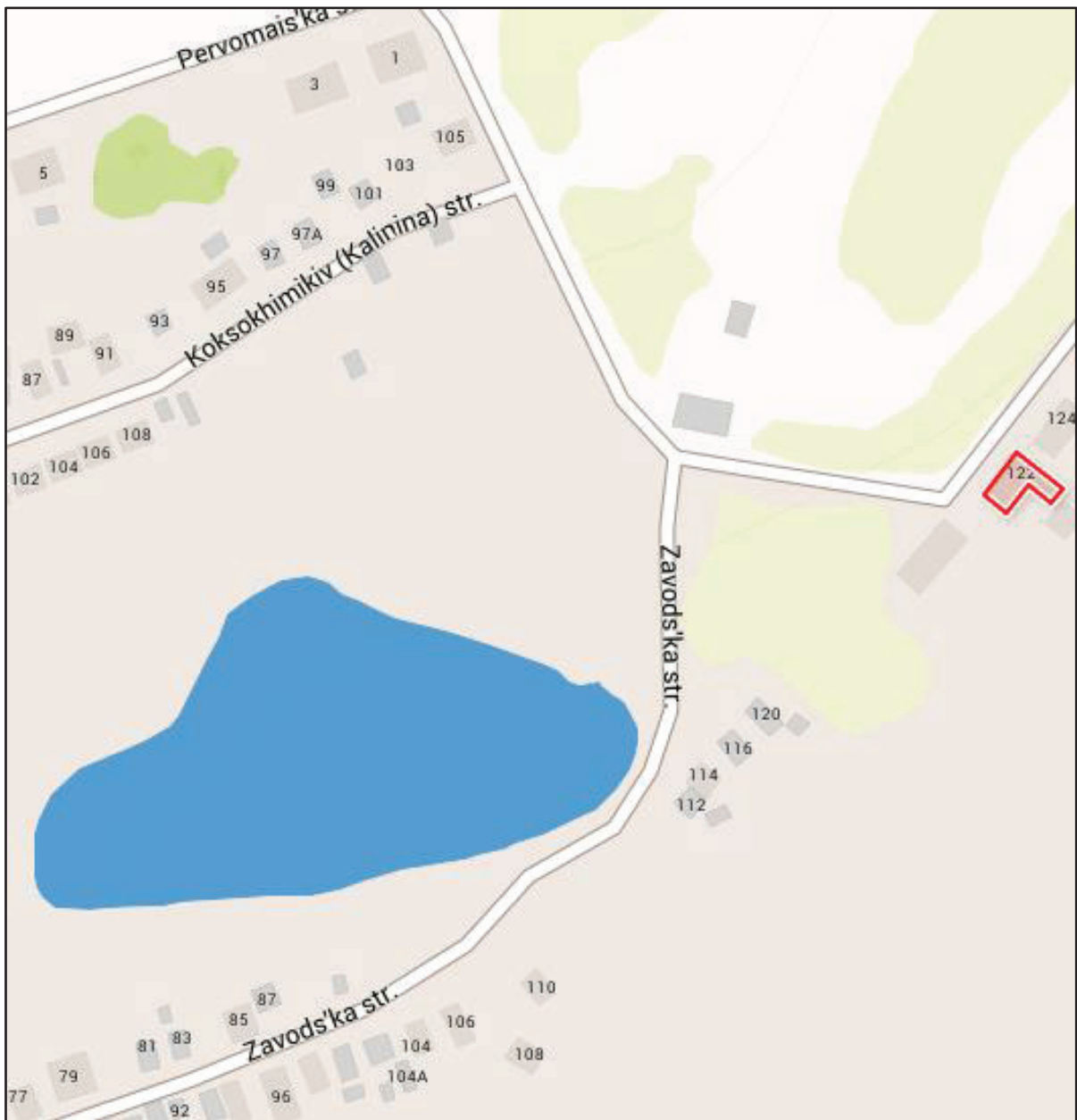
33. Wikimapia pinpoints “ruins of a brick factory” to 48°8'33"N 37°46'12"E, which correspond to the end of Zavodska Street (Figure 33).⁵⁵¹

Figure 33. Wikimapia article on ruins of a brick factory in Avdiivka

34. 122 Zavodska Street (mentioned in a decision cited in paragraph 28 above) is located in close proximity to this abandoned brick / ceramics factory (Figure 34).

⁵⁵¹ Wikimapia, Ruins of a brick factory, <http://wikimapia.org/33159147/ru/%D0%A0%D1%83%D0%B8%D0%BD%D1%8B-%D0%BA%D0%B8%D1%80%D0%BF%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B0> (Annex 261).

Map Data: © 2021, «Visicom» SC.

Figure 34. 122 Zavodska building on a map of Avdiivka

35. Thus, the UAF had a military position near Zavodska Street in 2015 and 2016. I have not been provided with the information on whether the UAF still had a presence near Zavodska Street in 2017.

Expert's Declaration

I confirm that all the matters I have expressed my opinion on fall within my competence and professional knowledge.

I understand that my duty is to assist the Court in resolving the matters addressed in this Expert Report. I have performed my duty and will continue to do so in the future.

I confirm that the conclusions I have made in this Expert Report are unbiased, objective and impartial, and that they were influenced neither by the court proceedings nor by either litigant.

8.08.2021

[Signature]

V.A. Samolenkov

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД

ДЕЛО

**«ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНВЕНЦИИ О БОРЬБЕ С
ФИНАНСИРОВАНИЕМ ТЕРРОРИЗМА И МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНВЕНЦИИ О
ЛИКВИДАЦИИ ВСЕХ ФОРМ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ (УКРАИНА ПРОТИВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)»**

**Экспертное заключение,
подготовленное генерал-майором Самоленковым Валерием
Алексеевичем**

Оглавление

I. Введение	4
А. Квалификация	4
В. Задача.....	4
С. Общие замечания	5
II. Обстрел 13 января 2015 г. участка дороги Н-20 вблизи контрольно-пропускного пункта «Бугас» города Волноваха.....	7
А. Оперативная обстановка в районе, включая военное значение блокпоста и прилегающей территории.....	7
1. Оперативная обстановка в районе	7
2. Анализ перехватов переговоров.....	12
3. Значение блокпоста и прилегающей территории.....	18
В. Выводы Генерала Брауна относительно места, из которого осуществлялся обстрел 25	
1. Определение дальности стрельбы на основании анализа воронок	25
2. Промежуточные выводы относительно данных, полученных по итогам анализа воронок	28
3. Анализ на основании эллипса рассеивания	29
С. Выводы относительно места, из которого осуществлялся обстрел	32
D. Общие выводы	33
III. Обстрел 24 января 2015, от которого пострадал микрорайон «Восточный» города Мариуполя	34
А. Оперативная обстановка в районе обстрела.....	34
1. Позиции сторон в Мариуполе и в окрестностях.....	34
2. Боевые столкновения в районе Мариуполя и заявление ДНР о намерении захватить Мариуполь	37
3. Анализ перехватов переговоров.....	42
В. Вывод Генерала Брауна о месте, с которого производился обстрел.....	45
С. Выводы Генерала Брауна относительно цели обстрела	50
1. Потенциальные цели	50
2. Возможность ошибок	56
3. Недопущение попадания по гражданским объектам	58
4. Примененная система вооружения	60
D. Общие выводы	62
IV. Обстрел 10 февраля 2015, которому подверглись жилые районы и аэродром города Краматорска.....	63
А. Вероятные цели в черте и вокруг города	63
1. Военные объекты на аэродроме Краматорска и в городе.....	64
2. Военные цели в жилых районах Краматорска.....	66
В. Параметры примененной системы вооружения	68

C.	Особенности целенавещения	68
D.	Повреждения жилых районов города.....	69
1.	Количество снарядов.....	70
2.	Направление стрельбы	70
3.	Дальность стрельбы.....	74
4.	Вероятность ошибок.....	74
5.	Альтернативы не подвергать город опасности.....	76
E.	Общие выводы.....	78
V.	Обстрелы, которым подверглась Авдеевка в конце января – начале марта 2017 ..	80
A.	Введение.....	80
B.	Контекст боевых действий вблизи Авдеевки	80
1.	Ситуация на Донбассе осенью-зимой 2017 года	80
2.	Ситуация в Авдеевке зимой 2017 года	82
3.	Вывод.....	88
C.	Выводы, сделанные в Заключении Генерала Брауна.....	88
1.	Выводы Генерала Брауна о расстояниях до возможных целей	89
2.	Выводы Генерала Брауна относительно отсутствия военных целей	92
3.	Выводы относительно неточностей в предоставленных мне данных об отдельных обстрелах.....	105
4.	Выводы	122
D.	Характер обстрелов Авдеевки.....	123
E.	Обстрел Донецка, Спартак, Ясиноватой, Крутой Балки и Макеевки	123
F.	Ответ на выводы Генерала Брауна	126
1.	Вопрос выбора систем вооружения	126
2.	Вопрос близости к военным объектам	126
3.	Вопрос корректирования огня.....	127
4.	Близость Авдеевки к линии соприкосновения	128
	Дополнение 1. Материалы из открытых источников относительно деятельности батальона «Киев-2».....	129
	Дополнение 2. Военные цели в Авдеевке	134
A.	Передвижение военной техники в Авдеевке	134
B.	Военная позиция около ул. Воробьева.....	143
1.	Использование ВСУ зданий по ул. Воробьева в военных целях	143
2.	Размещение военной техники на улице Воробьева в январе-февраля 2017 года	144
C.	Позиции ВСУ на ул. Молодежная, 13 и 15.....	154
D.	Позиции ВСУ на ул. Заводской	157

I. Введение

A. Квалификация

1. Меня зовут Самоленков Валерий Алексеевич. Я генерал-майор запаса и занимаю должность старшего преподавателя кафедры применения ракетных войск и артиллерии Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. В 2000 году мне присвоена ученая степень кандидата военных наук, с 2001 года – ученое звание доцента. Мой соответствующий опыт включает в себя:
 - а) В 1975 году я окончил Ленинградское артиллерийское училище по специальности «командная артиллерийская» с присвоением воинского звания лейтенанта. Впоследствии – обучался в Михайловской артиллерийской академии, которую окончил в 1986 году по специальности «командно-штабная оперативно-тактическая». В 1996 году я также окончил Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации по специальности «командно-штабная оперативно-стратегическая».
 - б) Военную службу проходил в Вооруженных Силах Российской Федерации в различных артиллерийских соединениях. В ходе службы в артиллерийских подразделениях я занимался планированием и проведением мероприятий боевой подготовки. В органах военного управления РВиА (ракетных войск и артиллерии) занимался планированием оперативной и боевой подготовки и проведением учений, тренировок, других мероприятий оперативной подготовки РВиА объединений. Я имею опыт управления применением различных артиллерийских комплексов, включая реактивные системы залпового огня («РСЗО»), включая БМ-21 «Град», БМ-27 «Ураган» и БМ-30 «Смерч».
 - в) Мой преподавательский опыт составляет около 20 лет и охватывает вопросы обучения управлению ракетными ударами, огнем артиллерии, планированию огневого поражения и оценке эффективности артиллерийских обстрелов.

B. Задача

2. Меня попросили подготовить экспертное заключение для представления в Международный Суд в рамках рассматриваемого им процесса по делу «Применение Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма и Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Украина против Российской Федерации)». Меня попросили оценить обстоятельства следующих эпизодов обстрелов: (1) обстрел в районе контрольно-пропускного пункта «Бугас» 13 января 2015 года; (2) обстрел на окраине Мариуполя 24 января 2015 года; (3) обстрел в Краматорске 10 февраля 2015 года; (4) несколько обстрелов прифронтового города Авдеевки с конца января 2017 года по начало марта 2017 года. Меня также попросили оценить выводы о целях указанных обстрелов, к которым пришел генерал-лейтенант Кристофер Браун («Генерал Браун») в своем экспертном заключении от 5 июня 2018 года («Заключение Брауна»).
3. В частности, мне поручили:

- a) Оценить на основании ограниченной предоставленной информации, насколько это возможно, военную обстановку, связанную с каждым обстрелом;
- b) высказать свое мнение об оружии, которое наиболее вероятно было использовано, и возможных пусковых площадках;
- c) оценить полноту представленных Украиной доказательств и установить, позволяют ли данные доказательства подтвердить соответствующие выводы Украины;
- d) прокомментировать выводы об обстрелах, к которым пришел Генерал Браун.

С. Общие замечания

4. Мой анализ основывается на материалах, предоставленных Украиной в Международный Суд, открытых источниках информации (включая новостные статьи, опубликованные в Интернете перехваты переговоров, сообщения в социальных сетях, отчеты общественных организаций, официальные документы или их переводы на русский язык), которые были предоставлены мне Санкт-Петербургским адвокатским бюро «Иванян и партнеры». Я исхожу из достоверности этих материалов, если в моем Заключении прямо не указано иное. Я также изучил Экспертное заключение по анализу спутниковых снимков, подготовленное Александром Бобковым (далее – «Заключение Бобкова»),¹ и исхожу из достоверности выводов, сделанных в этом Экспертном заключении.
5. Я подтверждаю, что все вопросы, в отношении которых я изложил свое мнение, находятся в пределах моей компетенции и профессиональных знаний в области военного дела. Большая часть суждений, высказанных в этом Заключении, ограничивается областью моей компетенции, т.е. применением артиллерийских вооружений. Однако, мои общие знания в области военного дела также позволяют мне давать комментарии по вопросам, которые напрямую не относятся к применению артиллерии (например, планирование военных операций, боевых действий, применение танков).
6. Несмотря на отсутствие у меня специальных знаний в области судебной экспертизы, я оказался бы в более выгодном положении, если бы мне предоставили собранные в местах попаданий осколки, все фото и видео материалы, фиксирующие места попаданий снарядов, а также все соответствующие материалы украинского уголовного расследования. Как я более подробно объясню ниже, отсутствие указанных материалов не позволяет мне провести надлежащую оценку ряда обвинений, выдвинутых Украиной.
7. Мне не предоставили военных документов Украины о подразделениях и военной технике, находившихся в районах обстрелов. В частности, я ожидал бы увидеть такие документы как решения командиров, боевые приказы и распоряжения, которые раскрывали бы их замыслы и задачи соединений и частей Вооруженных сил Украины.² Я также ожидал бы увидеть боевые донесения, журналы полученных и отданных распоряжений, журналы учета боевых действий и иные документы, раскрывающие

¹ Комментируя спутниковые снимки, я не высказываю своего личного мнения, а полагаюсь исключительно на выводы из Заключения Бобкова, поскольку я не являюсь экспертом по анализу спутниковых изображений. Изображения для Рисунков 1-3, 13, 14, 20, 21 к данному Заключению также предоставлены экспертом А. А. Бобковым.

² Под вооруженными силами Украины («ВСУ») я буду понимать не только армию, но и другие вооруженные подразделения, участвующие в боевых действиях. Как я понимаю, их также называют «силами АТО» («АТО» – антитеррористическая операция).

результаты применения войск. Кроме того, для анализа военной обстановки было бы полезно получить планы боевых действий, рабочие карты военных должностных лиц, распоряжения по обеспечению войск. Как я объясню далее, данные документы упростили бы мне задачу по анализу военной обстановки, в том числе с точки зрения возможных целей и причин обстрелов. Поскольку я не видел указанные документы, то я использовал различные предоставленные мне открытые источники информации и Заключение Бобкова для того, чтобы выяснить контекст исследуемых событий.

8. Я изучил материалы расследований, проведенных Украиной, и другие предоставленные мне документы, которые, насколько я понимаю, Украина приводит в качестве доказательств. Я обращаю внимание, что данные часто являются неполными, а в некоторых источниках они иногда противоречат друг другу. Однако, я в целом исхожу из того, что материалы дают достоверное представление о соответствующих обстоятельствах, если только я прямо не указываю на наличие противоречий и пробелов в указанных материалах.

II. ОБСТРЕЛ 13 ЯНВАРЯ 2015 Г. УЧАСТКА ДОРОГИ Н-20 ВБЛИЗИ КОНТРОЛЬНО-ПРОПУСКНОГО ПУНКТА «БУГАС» ГОРОДА ВОЛНОВАХА

А. Оперативная обстановка в районе, включая военное значение блокпоста и прилегающей территории

1. Оперативная обстановка в районе

9. Я хотел бы отметить, что Генерал Браун не рассматривает оперативную обстановку в районе КПП «Бугас» 13 января 2015 года. Мне кажется, что без изучения более широкого контекста невозможно оценить возможные причины обстрела и цель, которую преследовала атакующая сторона.
10. Мне не предоставили каких-либо первичных документов о составе, дислокации украинских войск и их задачах в районе Волновахи и Докучаевска. Данные документы могли бы помочь разобраться в оперативной обстановке в районе обстрела. В частности, было бы полезно изучить приказы и распоряжения, полученные украинскими подразделениями в окрестностях Докучаевска, так как это могло бы позволить мне оценить их точное местоположение и передвижение по территории в районе КПП, а также на западе и севере от Докучаевска. Кроме того, было бы важно изучить донесения о ситуации и действиях указанных подразделений, чтобы понять характер и географию боевых действий, проходивших ориентировочно 13 января 2015 года. В отсутствие указанной информации очень сложно делать предположения относительно возможных причин обстрела.
11. С учетом сказанного, по итогам изучения материалов и открытых источников, нет сомнений в том, что в январе 2015 года по линии соприкосновения вблизи Докучаевска велись активные боевые действия. Линия соприкосновения, по всей видимости, проходила к северу и северо-востоку от пгт Новотроицкое на расстоянии 14–15 км от КПП «Бугас».³ Я думаю, что ближайшим находящимся под контролем ополчения населенным пунктом являлся на тот момент г. Докучаевск (около 19 км от КПП), тогда как через н.п. Еленовка (далее вдоль трассы Н-20, около 25 км от КПП «Бугас») можно было въехать на территорию ДНР.⁴ Как я объясню далее, оба населенных пункта, как представляется, пострадали в ходе обстрелов, произведенных противоположной стороной конфликта.⁵

³ Заключение Бобкова, Рисунок 23; Информационно-аналитический центр Совета национальной безопасности и обороны Украины, «Ситуация на Востоке Украины на 13 января», 13 января 2015, <http://mediarnbo.org/2015/01/13/the-situation-in-the-eastern-regions-of-ukraine-13-01-15/?lang=en> (Приложение 55).

⁴ Как я понимаю, в рассматриваемых случаях армии Украины противостоят вооруженные силы так называемой Донецкой Народной Республики, которую далее по тексту я буду называть «ДНР».

⁵ Я полагаю, что проведенный Александром Бобковым анализ свидетельствует о наличии позиций обеих сторон в этих районах, которые, как отмечено на карте Информационно-аналитического центра Совета по национальной безопасности и обороны Украины, находятся под контролем соответствующих сил. Хотя карта Информационно-аналитического центра Совета по национальной безопасности и обороны Украины не предоставляет настолько подробной информации, я установил, что другие источники, на которые я ссылаюсь в данном Экспертном заключении, не противоречат этой картине событий, а в некоторых случаях подтверждают дислокацию сил в районе населенных пунктов, отмеченных Александром Бобковым в его Заключении (см. Заключение Бобкова, Рисунок 23). Так, блокпост в н.п. Березовое находился под контролем ВСУ (см. § 21 далее), позиции ДНР находились в районе Докучаевска (см. § 13((g,h,k,l) далее); перехваты свидетельствуют об участии в боевых действиях подразделений, которые размещались в районе н.п. Славное и Березовое (см. §§ 21, 24 далее).

12. В районе Докучаевска обстановка в указанный период была напряженной. Как следует из различных упомянутых ниже открытых источников информации, ВСУ неоднократно атаковали подразделения ополчения в данном районе, регулярно обстреливая и Докучаевск.
13. В частности, открытые источники показывают, что подконтрольная ДНР территория в районе Докучаевска подвергалась обстрелам, по крайней мере, между концом ноября 2014 года и январем 2015 года, включая дни, предшествующие обстрелу вблизи КПП «Бугас». Я не могу оценить достоверность данных из открытых источников, но мне показали много сообщений об обстрелах и фотографий их результатов, опубликованных в социальных сетях за этот период, и попросили меня прокомментировать их. В соответствии с этими источниками:
- а) **29 ноября 2014 г.** в Докучаевске под обстрел попали гражданские объекты: жилые дома, автомобиль и предположительно газопровод были повреждены.⁶
 - б) **30 ноября 2014 г.** в 07:00, по словам местных жителей, город подвергся массированному артиллерийскому обстрелу со стороны ВСУ, один из снарядов попал в дом, разрушив часть стены и крышу.⁷
 - в) С вечера **4 декабря 2014 г.** по раннее утро **5 декабря 2014 г.** из РСЗО «Град» обстрелян район Докучаевска, в том числе пострадал Восточный карьер. Кроме того, под обстрел попал мукомольный хлебокомбинат в н.п. Еленовка. Обстрел велся со стороны н.п. Новотроицкое и Волноваха.⁸
 - г) **5 декабря 2014 г.** около 15:00 снаряд упал в городе рядом с автостанцией, судя по комментариям к фотографиям.⁹
 - е) **7 января 2015 г.** идет обмен огнем: ВСУ обстреливают позиции ДНР в н.п. Петровское, ополчение ведет «ответный огонь по н.п. Бугас» (что указывает на то, что именно оттуда ВСУ вели обстрел).¹⁰

⁶ Страница ВКонтакте Это Докуч, детка! [Типичный Докучаевск], доступно по ссылке: https://vk.com/wall-13926253?day=13012015&offset=340&w=wall-13926253_76345%2Fall, 30 ноября 2014 (Приложение 155) (на фотографиях видна поврежденная зеленая труба, которая проходит над землей, и в том месте, где она была повреждена, видно пламя).

⁷ Страница ВКонтакте Это Докуч, детка! [Типичный Докучаевск], доступно по ссылке: https://vk.com/wall-13926253?day=13012015&offset=340&w=wall-13926253_76154%2Fall, 30 ноября 2014 (Приложение 156).

⁸ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=05122014&w=wall-57424472_32801%2Fall, 5 декабря 2014 (Приложение 158).

⁹ На фотографиях, предположительно опубликованных местным жителем, видны повреждения на земле, похожие на те, которые образуются в результате обстрела. Несколько человек прокомментировали данное сообщение, указав место, где произошел взрыв. В одном из комментариев прямо сказано, что противник «[подбирается] в центр города». При этом двое других людей указывают еще на два ориентира: «Зебра» (может означать кафе-бар «Зебра», см. Google Maps, кафе-бар «Зебра», доступно по ссылке: <https://goo.gl/maps/tLgTrjQJfz9xkG3m9> (Приложение 263) и «автостанция» (отмечена на ЯндексMaps, автостанция Докучаевск, <https://yandex.ru/maps/-/CCUeIES80C> (Приложение 264). Страница ВКонтакте Это Докуч, детка! [Типичный Докучаевск], доступно по ссылке: https://vk.com/wall-13926253?day=13012015&offset=340&w=wall-13926253_81450%2Fall, 5 декабря 2014 (Приложение 157).

¹⁰ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=07012015&w=wall-57424472_38207, 7 января 2015 (Приложение 255).

- f) Местные жители снова сообщают о массированных обстрелах в ночь с **8 января по 9 января 2015 г.** со стороны н.п. Новотроицкое и Бугас.¹¹ Разрушены два частных дома, как минимум, 1 человек погиб.¹²
- g) Вечером **8 января 2015 г.** примерно между 18:00 и 18:20, позиции рядом с Докучаевском попали под артиллерийский обстрел. В этот день позиции ДНР в районе Докучаевска обстреливались с разных направлений. В 22:15 позиции рядом с н.п. Петровское¹³ попали под минометный обстрел со стороны н.п. Николаевка. В 23:00 позиции рядом с Докучаевском попали под обстрел со стороны н.п. Новотроицкое. Другой артиллерийский обстрел, как сообщается, произошел в то же время – под огонь попали позиции ДНР рядом с н.п. Ясное.¹⁴
- h) **10 января 2015 г.** боевые действия стали более интенсивными. Позиции ополчения в районе Докучаевска были обстреляны в 9:15, 13:00 и 13:45 из миномётов, в 10:30 – из ствольной артиллерии.¹⁵ Вечером город был обстрелян дважды: в 17:50¹⁶ и 18:26.¹⁷ Обстрел продолжался ночью с применением тяжелой артиллерии и РСЗО «Град». Были попадания по пригороду: по комбинату «Новый» и насосной станции.¹⁸ Украинские войска предприняли неудачную попытку прорвать оборону у города.¹⁹
- i) Также активно обстреливались близлежащие районы: со стороны н.п. Новотроицкое, Тарамчук, Славное обстреляна Еленовка (с 11:30 до 12:40).²⁰ В 13:10 со стороны пос. Степное танки ВСУ обстреляли позиции ДНР в районе н.п. Ясное.²¹ В районе н.п. Новотроицкое с утра шли бои.²²
- j) **11 января 2015 г.** в районе Докучаевска к 06:00 уже начались позиционные бои по всей линии фронта.²³ В результате уличных боев за восточную окраину н.п.

¹¹ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38414, 9 января 2015 (Приложение 159).

¹² Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=09012015&w=wall-57424472_38522, 9 января 2015 (Приложение 160).

¹³ 23 км от КПП «Бугас».

¹⁴ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=09012015&q=%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B0&w=wall-57424472_38467, 9 января 2015 (Приложение 161).

¹⁵ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38757, 11 января 2015 (Приложение 164).

¹⁶ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38748, 11 января 2015 (Приложение 165).

¹⁷ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38666, 10 января 2015 (Приложение 162).

¹⁸ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38754, 11 января 2015 (Приложение 166).

¹⁹ Там же.

²⁰ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38757, 11 января 2015 (Приложение 164).

²¹ Там же.

²² Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38605, 10 января 2015 (Приложение 163).

²³ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38727, 11 января 2015 (Приложение 167).

Новотроицкое, ополчение заняло несколько улиц;²⁴ также силы ДНР «накрыли» блокпост ВСУ в районе н.п. Березовое (в административном районе Волновахи).²⁵

- к) **12 января 2015 г.**, по словам местного военного обозревателя, в районе 9:00 производились залпы со стороны Волновахи в сторону Докучаевска и, как предполагается, н.п. Старобешево.²⁶ Вечером он сообщил об обстрелах в направлении Докучаевска и н.п. Еленовка с применением РСЗО «Град», при этом был поврежден мост, ведущий в Докучаевск. Со ссылкой на местных жителей утверждается, что снаряды не поразили ни одного военного объекта, в то время как один снаряд попал в гараж дома.²⁷
- л) **13 января 2015 г** в 18:30²⁸ в результате дневных обстрелов пострадали жилые дома (около 10 попаданий) в Докучаевске.²⁹ Один частный дом был полностью разрушен.³⁰ Кроме того, поврежден автобусный парк и кинотеатр на противоположной стороне (который до этого также попадал под обстрел), разбиты окна³¹. Пострадал жилой район «Сокол». ³² Повреждены здание средней школы³³ и электроподстанция.³⁴ Обстрел велся из окрестностей Волновахи и с позиций ВСУ западнее н.п. Еленовка.³⁵ На следующий день сообщалось о другом обстреле в 11 вечера, который был направлен на позиции ДНР около города.³⁶
- м) **14 января 2015 г.** из РСЗО «Град» обстреляна окраина Докучаевска.³⁷

²⁴ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_38897, 12 января 2015 (Приложение 170).

²⁵ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=12012015&w=wall-57424472_38862%2Fall, 12 января 2015 (Приложение 171).

²⁶ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_39071, 13 января 2015 (Приложение 173).

²⁷ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=13012015&w=wall-57424472_39018, 13 января 2015 (Приложение 174).

²⁸ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_39259, 14 января 2015 (Приложение 181).

²⁹ Страница Twitter dokuchaevsk-ua, местное сообщество в соцсети, доступно по ссылке: <https://twitter.com/whicard5/status/554998022309150721>, 13 января 2015 (Приложение 175).

³⁰ Страница Twitter dokuchaevsk-ua, местное сообщество в соцсети, доступно по ссылке: <https://twitter.com/whicard5/status/555005657985060864>, 13 января 2015 (Приложение 176).

³¹ Страница Twitter dokuchaevsk-ua, местное сообщество в соцсети, доступно по ссылке: <https://twitter.com/whicard5/status/554995457542615040>, 13 января 2015 (Приложение 177).

³² Страница ВКонтакте Это Докуч, детка! [Типичный Докучаевск], доступно по ссылке: https://vk.com/wall-13926253?day=13012015&w=wall-13926253_100369%2Fall, 13 января 2015 (Приложение 172); см. также Страница ВКонтакте Это Докуч, детка! [Типичный Докучаевск], доступно по ссылке: https://vk.com/wall-13926253?day=14012015&w=wall-13926253_99438%2Fall, 13 января 2015 (Приложение 178).

³³ Страница ВКонтакте Это Докуч, детка! [Типичный Докучаевск], доступно по ссылке: https://vk.com/wall-13926253?day=15012015&w=wall-13926253_102013%2Fall, 15 января 2015 (Приложение 182).

³⁴ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_39259, 14 января 2015 (Приложение 181).

³⁵ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_39241, 14 января 2015 (Приложение 179).

³⁶ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_39259, 14 января 2015 (Приложение 181).

³⁷ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=14012015&w=wall-57424472_39323, 14 января 2015 (Приложение 180).

- п) **15 января 2015 г.** в Докучаевске снаряд попал в автобус, перевозивший 32 рабочих Доломитного комбината города. Погибла женщина, семь человек попали в больницу в тяжелом состоянии.³⁸
14. Как следует из изученных мной публикаций из открытых источников, огонь по н.п. Докучаевск велся с позиций ВСУ, расположенных западнее н.п. Еленовка,³⁹ севернее и восточнее г. Волновахи,⁴⁰ а также западнее и юго-западнее пгт Новотроицкое.⁴¹ Я обращаю внимание, что миссия ОБСЕ утверждает, что н.п. Еленовка находился под контролем ВСУ на 10-11 января,⁴² тогда как, как я понимаю, этот населенный пункт контролировался ДНР в течение определенного периода времени.⁴³ Как представляется, данный пример иллюстрирует тот факт, что отчеты ОБСЕ в ряде случаев могут неточно отражать ситуацию.
15. Мне предоставили выдержки из судебных решений украинских судов в отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности за то, что они, как утверждается, предоставляли информацию ДНР. Из этих материалов (я исхожу из их достоверности) следует, что вблизи КПП «Бугас» велись боевые действия. Так, например, в судебных решениях указано, что 5 декабря 2014 года была обстреляна из РСЗО БМ-21 «Град» гаубичная самоходная артиллерийская батарея (гсабатр) вблизи с. Ближнее (около 2 км от КПП «Бугас»),⁴⁴ 26 декабря 2014 года было замечено движение военной техники по территории г. Волновахи и н.п. Бугас (около 3 км от КПП «Бугас»),⁴⁵ а 22 января 2015 года было обнаружено местонахождение военной техники ВСУ в н.п. Ближнее и Рыбинское (приблизительно 6 км от КПП «Бугас»).⁴⁶
16. Как я понимаю, следы боевых действий в целом в районе Докучаевска можно увидеть и на материалах спутниковой съемки, отраженных в Заключении Бобкова.⁴⁷ По этим материалам, как представляется, видно, что район между Бугасом и Докучаевском, а также на северо-западе от Докучаевска, являлся зоной соприкосновения позиций сторон и частого обмена огнем (что не противоречит материалами из открытых источников, которые упомянуты выше).

³⁸ *Донецкое агентство новостей*, «Один человек погиб, 7 ранены при попадании украинского снаряда в автобус в Докучаевске», 16 января 2015, <https://dan-news.info/defence/odin-chelovek-pogib-7-raneny-pri-popadanii-ukrainskogo-snaryada-v-avtobus-v-dokuchaevske.html> (Приложение 100).

³⁹ 24–25 км от КПП «Бугас», предположительно, вблизи позиций №№ 2–6 в Заключении Бобкова, Рисунок 23.

⁴⁰ Возможно, артиллерийские позиции, отмеченные Александром Бобковым под №№ 14–19 на рисунке 23 из его Заключения или другие позиции, которые можно увидеть в том же районе.

⁴¹ Возможно, около 10–11 км на север от КПП, но сложно определить более точно.

⁴² СММ ОБСЕ. «Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине на основе информации, поступившей по состоянию на 11 января 2015 года, 18:00 (по киевскому времени)», 12 января 2015, <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/135166> (Приложение 6).

⁴³ См. выше §13 (с,i,k). Судя по карте ИАЦ СНБО от 11 января, н.п. Еленовка находился под контролем ДНР (см. «Информационно-аналитический центр Совета национальной безопасности и обороны Украины, «Ситуация на востоке Украины на 11 января», 11 января 2015, <http://mediarbo.org/2015/01/11/situatsiya-na-shodi-ukrayini-na-11-sichnya/>) (Приложение 54).

⁴⁴ Украина, Октябрьский районный суд г. Мариуполя, дело № 263/574/15-к, Постановление, 15 января 2015, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/45424002> (Приложение 57).

⁴⁵ Украина, Волновахский районный суд, дело № 221/1370/15-к, Приговор, 20 мая 2015, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/44277498> (Приложение 60).

⁴⁶ Украина, Волновахский районный суд, дело № 221/1556/15-к, Приговор, 23 сентября 2015, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/51123690> (Приложение 62).

⁴⁷ Заключение Бобкова, Рисунок 24.

17. Замечу, что предоставленные мне карты Информационно-аналитического центра Совета по национальной безопасности и обороны Украины («ИАЦ СНБО»), опубликованные в то время (13 и 14 января), свидетельствуют о том, что силы ДНР вели наступательные действия в районе Докучаевска.⁴⁸ Хотя качество указанных карт не позволяет мне с точностью определить, какая территория была захвачена.
18. Таким образом, обстрел рядом КПП «Бугас» необходимо рассматривать в контексте активных боевых действий, обстоятельства которых мне в подробностях не известны. Мне трудно сказать, какую роль в этом районе могли играть те или иные позиции войск, которые определены в Заключении Бобкова, где именно перемещалась военная техника и иные подразделения, откуда и по каким целям велся артиллерийский огонь или огонь РСЗО. Тем не менее, КПП «Бугас» и окружающая его территория могли бы иметь военное значение, хотя у меня нет достаточной информации о ситуации на месте во время предполагаемого обстрела. Предполагаемые перехваты переговоров, которые, насколько я понимаю, были предоставлены Украиной, и которые были показаны мне, не проясняют позицию, поскольку, как представляется, они относятся к другому боестолкновению.

2. Анализ перехватов переговоров

19. Мне были предоставлены расшифровки так называемых перехватов переговоров участников боевых действий со стороны ДНР,⁴⁹ которые были предоставлены Украиной. Для целей настоящего Заключения, меня попросили исходить из того, что эти перехваты являются подлинными и достоверными. Большинство материалов, по-видимому, относятся не к обстрелу около КПП «Бугас», а к другим боевым действиям, происходившим примерно в то же время. Изучив расшифровки, я полагаю, что они относятся к боевым действиям, происходившим на западе и северо-западе от Докучаевска 13 – 14 января 2015 г.
20. Невозможно точно определить, каким именно образом разворачивались боевые действия. Тем не менее, ориентируясь на представленные тексты, я могу сделать некоторые предварительные выводы.
21. Так, в разговоре № 2 обсуждаются две цели: первая – «блокпост», расположенный по направлению «от Березового вниз» (т.е., насколько я понимаю, «на юг» от Березового) около первого поворота на Докучаевск.⁵⁰ Я считаю, что здесь речь идет об объекте, определенном в Заключении Бобкова как позиция ВСУ, расположенная на перекрестке между Березовым и Докучаевском (упоминается в Заключении Бобкова как опорный пункт № 9)⁵¹ (Рисунок 1). Я буду называть этот объект «блокпост рядом с н.п. Березовое».

⁴⁸ Информационно-аналитический центр Совета по национальной безопасности и обороны Украины, «Ситуация на востоке Украины на 14 января», 14 января 2015, <http://mediarnbo.org/2015/01/14/situatsiya-na-vostoke-ukrainyi-na-14-yanvarya/?lang=ru> (Приложение 56); Информационно-аналитический центр Совета по национальной безопасности и обороны Украины, «Ситуация на востоке Украины на 13 января», 13 января 2015, <http://mediarnbo.org/2015/01/13/situatsiya-na-vostoke-ukrainyi-na-13-yanvarya/?lang=ru> (Приложение 55).

⁴⁹ Перехваченные разговоры Юрия Шпакова (16 сентября 2016 г.) (Приложение 430 к Меморандуму Украины), аудиозаписи не предоставлены.

⁵⁰ Перехваченные разговоры Юрия Шпакова (16 сентября 2016 г.) (Приложение 430 к Меморандуму Украины), разговор № 2 (11:07:43) 13 января 2015.

⁵¹ Заключение Бобкова, Рисунки 15-17.

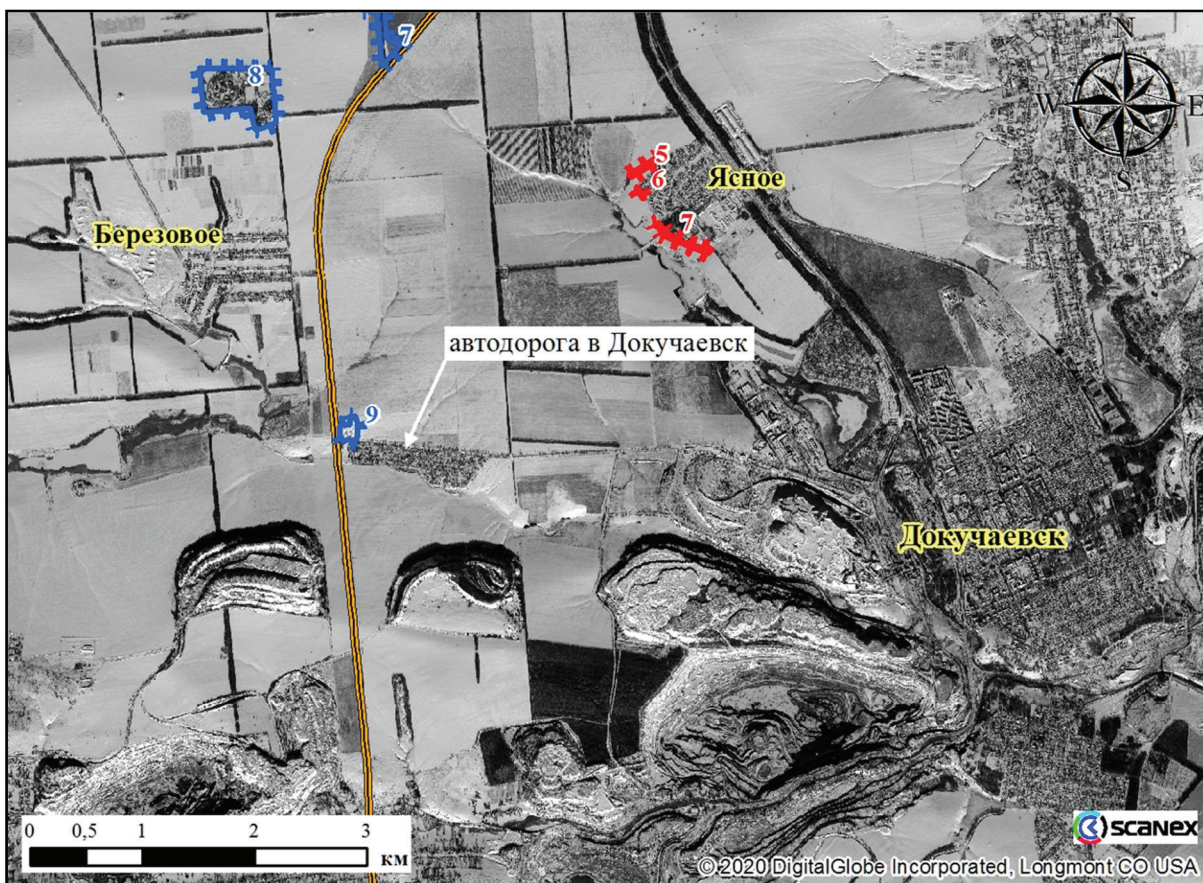

Рисунок 1 - Размещение позиции ВСУ на перекрестке между Березовым и Докучаевском

22. Блокпост рядом с н.п. Березовое расположен на позиции, которая могла контролировать участок дороги Т0509⁵² в направлении Докучаевска (Рисунок 1 и Рисунок 2).

⁵² Google Maps, Т0509
<https://goo.gl/maps/c5SHPYpSZHezZKpN7>.

Донецкая область, Украина, доступно по ссылке:

Рисунок 2 - Позиция (блокпост) ВСУ на перекрестке между Березовым и Докучаевском

23. Стоит отметить также, что этот блокпост действительно расположен на перекрестке двух дорог. В противоположность к этому, как я понимаю из Заключения Бобкова, блокпост «Бугас» расположен около развилки дорог.⁵³ Это представляется значимым, так как в разговоре № 33 от 14 января 2015 года, на следующий день после обстрела около КПП «Бугас», участники говорят о блокпосте, «по которому работали вчера» (что обозначает «блокпост», который вчера обстреляли), на «перекрестке». Судя по отсылке к «перекрестку», а также конкретном упоминании блокпоста рядом с Березовым в разговоре № 2, я считаю вероятным, что они говорят только о блокпосте между Березовым и Докучаевском, а не о КПП «Бугас».
24. Вторая цель, согласно разговору № 2, – «начало Славного». Насколько я могу судить по результатам анализа спутниковых снимков из Заключения Бобкова, в Славном были расположены позиции ВСУ (см. опорные пункты №№ 2 и 3⁵⁴ на Рисунок 3 ниже).
25. Из разговора № 2 следует, что операторы перепроверяли предоставленные им координаты двух целей, поскольку они указывали на место в населенном пункте (Докучаевске), и координаты были исправлены.⁵⁵ Учитывая местонахождение упомянутых в разговоре целей, описанных в общих чертах, я думаю, что целями могли выступать одна или несколько позиций ВСУ, отмеченных №№ 2–4 и 9 (Рисунок 1 и Рисунок 3) .

⁵³ Заключение Бобкова, Рисунок 16.

⁵⁴ Заключение Бобкова, Рисунок 23.

⁵⁵ Перехваченные разговоры Юрия Шпакова (16 сентября 2016 г.) (Приложение 430 к Меморандуму Украины), разговор № 2 (11:07:43) 13 января 2015.

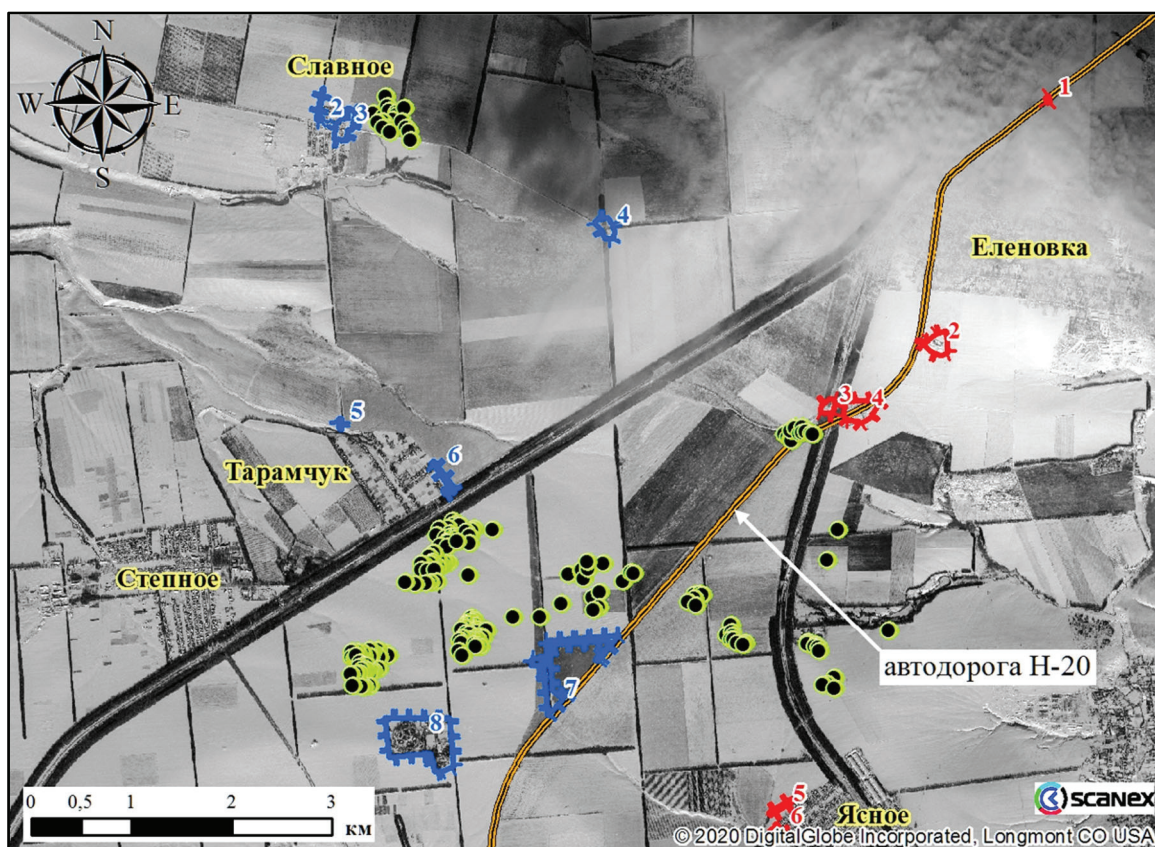

Рисунок 3 - Размещение позиций ВСУ (опорные пункты №№ 2 и 3 в н.п. Славное)

26. Другие перехваты относятся к действиям сил ополчения в направлении на запад и северо-запад от Докучаевска.
27. В разговоре № 3 и последующих разговорах есть термины, которые как я понимаю, относятся к минометным орудиям ополчения (№№ 3, 13 («Заряжай»), 21), танкам (№№ 5, 9), другим артиллерийским орудиям (№№ 15, 19, 20 («Орудие!», «залп», «разряжаемся»), № 30 («сколько у него пушек?»; «работал с 3-х орудий»). Представляется, что данные орудия использовались в боевых действиях, координируемых в ходе этих разговоров. Однако я не нашел в этих перехватах никаких терминов, которые можно было бы связать с использованием РСЗО БМ-21 «Град» (вооружения, которое, предположительно, было использовано при обстреле около КПП «Бугас»), или вообще какого-либо иного РСЗО.
28. Расшифровки также, как мне кажется, указывают на то, что со стороны ВСУ применяются танки и автоматические гранатометы (АГС) (разговор № 21), а также, возможно, иные орудия (№ 19 («... а это в нас», то есть ведут огонь по нам)).
29. Из перехватов следует, что «Опасный» (исходя из переговоров, можно заключить, что он является командиром батареи), насколько я понимаю, Украина заявляет, что он был причастен к обстрелу КПП «Бугас»,⁵⁶ командует минометными подразделениями, а не РСЗО, что следует из разговора № 33 и подтверждается разговором № 21. Я так полагаю, поскольку «Юст» обсуждал с «Опасным» использование минометных снарядов, а в

⁵⁶ Меморандум Украины, § 88.

другом разговоре «Юст» приказывает «Опасному» увеличить дальность минометного огня.⁵⁷

30. Как я понимаю, в разговоре № 15 даются указания об обеспечении артиллерийской поддержки. Согласно расшифровке, огонь ведется с пристрелкой и все время корректируется. С помощью таких указаний в процессе стрельбы корректировка огня из РСЗО не ведется, кроме того, использование некоторых терминов (включая «залп») также указывает, что обсуждается использование обычных артиллерийских орудий, а не РСЗО. Судя по расшифровке, похоже также, что обстрел продолжается в течение всего разговора, который составил 7 мин. 27 сек., что дольше, чем залп из РСЗО, длящийся около 20 секунд.
31. Расшифровка показывает, что это же подразделение перемещается на другую позицию для обстрела следующей цели: в 13:55 «Юст» отдает приказ начать пристрелку и корректирует начатый огонь. Во время разговора № 19 участниками зафиксирован огонь по позициям ополчения. Можно предположить, что «Юст», который, как представляется, руководил боевыми действиями ДНР, выполнял также в данном случае роль корректировщика и, с его слов, находился на «Му[к]омольном», т.е., по всей видимости, на хлебокомбинате.⁵⁸ Мне показали открытые источники информации, в которых указано, что в то время в н.п. Еленовка находился мукомольный комбинат хлебопродуктов, с высотных строений которого могло хорошо быть видно район в направлении н.п. Славное.⁵⁹ Вполне возможно, что «Юст» мог иметь в виду указанное здание, но это невозможно определить точно, и я не могу сделать однозначного вывода по этому вопросу. Однако, отмечая, что данное место находится на расстоянии 27 км от КПП «Бугас», и корректировщик, находящийся там, не мог управлять боем в окрестностях Волновахи.
32. Согласно расшифровкам, «Юст» снова созванивается с командиром артиллерийской батареи, позывной «Батюшка», в 14:02 (разговор № 20), одновременно связавшись по рации с «глазами впереди» (что, как я понимаю, обозначает корректировщика огня, очевидно, находившегося ближе к цели). Похоже, что продолжается ведение огня, который корректируется по данным корректировщика по рации. Данный разговор продолжается 4 мин. 34 сек. Исходя из времени разговора, если оно зафиксировано верно, он не может относиться к обстрелу КПП «Бугас», который состоялся около 14:25. Я также обращаю внимание, что говорящие обсуждают применение орудий, которое не описывается в терминах, относящихся к РСЗО, а скорее к какому-то из видов ствольной артиллерии – вооружения, которое находилось под управлением «Батюшки». В

⁵⁷ См. Перехваченные разговоры Юрия Шпакова (16 сентября 2016 г.) (Приложение 430 к Меморандуму Украины), разговор № 21 (14:12:53) 13 января 2015:

«Юст»: (по рации Опасному): Опасный, дальность увеличь на 1 километр.

⁵⁸ То, что «Юст» мог иметь в виду хлебокомбинат, говоря о своем местонахождении, как представляется, косвенным образом следует из их следующего разговора (№ 20). В частности, «Юст» жалуется на плохую телефонную связь, что побуждает «Батюшку» предложить «Юсту» «выйти на верх, на крышу...там железо везде – вона фонит», чтобы они могли связаться друг с другом по радио.

⁵⁹ Официальный сайт государственной корпорации «Аграрный Донбасс», «Еленовский КХП наращивает объемы производства», 5 апреля 2021, <http://www.agrodon.su/elenovskij-khp-narashhivaet-objomy-proizvodstva/> (Приложение 259). Деловой портал DNR Live, РП «Еленовский комбинат хлебопродуктов», <http://dnr-live.ru/companies/pishhevaya-promyishlennost/rp-elenovskiy-kombinat-hleboproduktov/> (Приложение 262), где упомянут комбинат хлебопродуктов в н.п. Еленовка.

разговоре № 30, например, обсуждается, что в распоряжении «*Батюшки*» находятся «пушки» и «орудия» (данная терминология не применяется для обозначения РСЗО).

33. Из разговора № 20 мне также очевидно отсутствие намерения направлять огонь на жилые районы («*Юст*» говорит: «Сейчас подожди, ближе к поселку легло, дальше надо брать, Батюшка ...»). В моем понимании это значит, что «*Батюшке*» был отдан приказ избегать ведения огня вблизи районов проживания гражданского населения.
34. В 14:12:52 «*Юсту*» поступает звонок (разговор № 21) от ополченца, который сообщает, что находится под огнем танков и АГС (очевидно, принадлежащих ВСУ), до которых «не долетели» минометные снаряды. «*Юст*» связывается по радиации с «*Опасным*», командиром минометного подразделения, и приказывает ему увеличить дальность стрельбы на 1 км. Нет никаких упоминаний КПП «Бугас».
35. Как следует из разговора № 29, этот же самый ополченец, который был «под огнем танков и АГС», был в составе взвода «*Хирурга*», который «выходи[л] на Славное». Таким образом, разумно сделать вывод о том, что бой, обсуждаемый в разговоре № 21, велся к северо-западу от Докучаевска, где-то в 25 км от КПП «Бугас».
36. Что касается заявленного обстрела КПП «Бугас», то, насколько я понимаю, Украина не предоставила расшифровок каких-либо переговоров за период с 14:13 по 14:31. Я не знаю, существуют ли такие расшифровки перехватов, но если это так, то они могли бы пролить свет на обстоятельства этого обстрела, включая то, кто отдал приказ, и с какой целью.
37. Я хотел бы еще раз подчеркнуть, что в 12:13 «*Юст*» обсуждает перекрытие движения. Как следует из разговора № 11, за участком дороги в районе Березового велось наблюдение, и, по-видимому, именно об этом участке дороги идет речь в связи с готовящейся атакой. Как я понимаю из Подраздела 3 Раздела D Заключения Бобкова, на данном участке дороги располагается блокпост у н.п. Березовое, который, как я пояснил, вероятнее всего, является одной из целей, обсуждаемых в перехватах. Хотя я не имею полной информации, разумно предположить, что перекрытие движения было направлено на сокращение риска случайных жертв среди гражданского населения, а также на обеспечение возможности переброски техники и живой силы в направлении атакуемых позиций ВСУ (например, в Славном). Приказ о перекрытии движения отдается в 12:32 (разговор № 16), а снимается перекрытие в 14:51 (разговор № 26).
38. В целом по приведенным перехватам невозможно точно установить способ наведения на цель орудий (или другого оружия), способ каждого обстрела, координаты целей, а также какие подразделения ДНР или ВСУ выполняли эту огневую задачу. Из переговоров также непонятно, велась ли и как велась разведка цели.
39. С учетом вышеуказанного, ничто в перехватах не указывает на то, что они относятся именно к обстрелу КПП «Бугас».
40. Я хотел бы еще раз подчеркнуть, что понятие «блокпост» (за исключением единственного разговора, упомянутого выше), вероятнее всего, употребляется в этих переговорах применительно к опорному пункту ВСУ на перекрестке дороги Н-20 и дороги в направлении Докучаевска. Представляется, что ополченцы вели огонь по данному объекту, и вероятно, что именно об этом обстреле идет речь, когда «*Юст*» впоследствии рассказывает об уничтожении этого блокпоста в личном разговоре

(Разговор № 28), а затем упоминает этот же блокпост на следующий день при постановке цели «*Опасному*» (разговор № 33).

41. При этом, как я понимаю, КПП «Бугас» у Волновахи совсем не получил серьезных повреждений, и мне кажется маловероятным, чтобы «*Юст*» мог сказать, что блокпост «Бугас» «разнесли в хлам» (разговор № 28).
42. Оценивая обстановку в зоне активных боевых действий, необходимо анализировать все позиции сторон в системе боевых порядков, принимая во внимание их функциональное единство и взаимодействие для решения боевых задач. Судя по экспертному заключению Генерала Брауна, такие данные ему предоставлены не были. На основе анализа того небольшого количества спутниковых изображений, которые имеются в наличии, Заключение Бобкова показывает позиции сторон боевых действий на 13 января 2015 года. Из этой информации следует, что блокпост «Бугас» входит в систему боевых позиций украинской стороны. Необходимо пояснить вполне очевидную для военного роль этого блокпоста более подробно.

3. Значение блокпоста и прилегающей территории

43. Я полагаю, что в ходе вооруженного конфликта на востоке Украины боевые действия затрагивали различные блокпосты, расположенные на важных дорожных направлениях.⁶⁰ Это нормальное явление, поскольку пропускные пункты для автотранспорта, по всей видимости, входили в систему боевых позиций (то есть оборудовались и использовались для военных целей). Дорожные позиции защищают ключевые маршруты передвижения, которые противник может использовать для потенциальных атак. Незащищенные дороги позволили бы атакующей стороне, затрачивая минимум ресурсов, получить контроль над самым быстрым путем перемещения личного состава и техники. С другой стороны, установление контроля над дорогой может также подорвать снабжение позиций противника. Таким образом, позиции, являющиеся блокпостами, на дорогах обычно укрепляют до известной степени, но при этом их особенности могут отличаться.
44. Генерал Браун характеризует КПП «Бугас» как «контрольно-пропускной пункт гражданского транспорта»⁶¹ и заявляет, что «ему не удалось найти никакого объяснения с военной зрения военной целесообразности обстрела контрольно-пропускного пункта».⁶² Так, Генерал Браун заявляет:

«Трудно утверждать, что контрольно-пропускной пункт активно использовался в боевых действиях, или что его уничтожение дало ДНР какое-либо военное преимущество. Роль контрольно-пропускного пункта в Волновахе, по-видимому, заключалась в продолжении осуществления своей давней гражданской функции по досмотру автотранспорта, пусть и в присутствии вооруженного личного состава, как для обеспечения повышенной безопасности сил полиции, которые находились на контрольно-пропускном пункте, так и для расширения функций контрольно-

⁶⁰ См. выше параграф 12.

⁶¹ Заключение Брауна, § 20.

⁶² Заключение Брауна, § 27.

пропускного пункта, т.е. для осуществления проверок на предмет транспортировки оружия и перемещения личного состава сепаратистов».⁶³

45. По мнению Генерала Брауна,
- «нет никаких доказательств того, что контрольно-пропускной пункт играл какую-либо атакующую роль; так, его размер и количество личного состава, которым он был укомплектован, указывают на то, что контрольно-пропускной пункт не мог бы успешно выполнять оборонительную роль против чего-либо более серьезного, чем нападения лиц, вооруженных стрелковым оружием. И хотя контрольно-пропускной пункт, бесспорно, мог предупредить Вооруженные силы Украины о любом готовящемся наступлении по дороге к Волновахе, какое-либо преимущество обычной военной атаки на контрольно-пропускной пункт как путем прямого удара, так и стрельбы с закрытых позиций, по моему мнению, было бы нивелировано потерей ресурсов и эффекта неожиданности, если бы это предшествовало более крупномасштабной атаке».⁶⁴
46. Я полагаю, что такая оценка основана на неполном изучении обстоятельств дела.
47. Прежде всего, я должен отметить, что в предоставленных украинскими властями материалах указано, что блокпост относится к позициям Вооруженных сил Украины, а не является гражданским КПП, который был усилен вооруженным личным составом для обеспечения лучшей защиты и проведения более профессиональных проверок. Так, Протокол осмотра места происшествия описывает его как «блокпост, расположенный на посту ГАИ, на а/д Донецк-Мариуполь»,⁶⁵ тогда как в Протоколе осмотра от 16 января 2015 года он охарактеризован как «блокпос[т] Вооруженных сил Украины, размещен[ый] на территории стационарного поста № 5 УДАИ ГУМВС Украины».⁶⁶ Таким образом, представляется, что пост ГАИ для контроля и пропуска гражданского автотранспорта был использован для создания блокпоста вооруженных сил. Как позиция ВСУ блокпост мог выполнять более широкие функции, о чем будет сказано ниже.
48. Я хотел бы отметить, что участок дороги Н-20, где находился КПП «Бугас», является автомобильной дорогой общего пользования, по которой могут перемещаться любые транспортные средства, в том числе и военные. Разумно предположить, что данная дорога использовалась для переброски военной техники, личного состава и подвоза боеприпасов и материальных средств на различные позиции ВСУ, в том числе те, которые находятся ближе к Докучаевску. Такая дорога характеризуется в военном деле как рокадная, поскольку она проходит за линией передовых позиций, обеспечивая их снабжение.
49. Заключение Бобкова содержит результаты анализа спутниковых снимков, выявившего на территории блокпоста наблюдательные пункты, укрытия для бронетехники и

⁶³ Там же.

⁶⁴ Заключение Брауна, § 27.

⁶⁵ Протокол осмотра места происшествия, составленный А. Г. Алботом, Отдел расследований Волновахского районного департамента Донецкого областного управления МВД Украины (13 января 2015 г.) (Приложение 85 к Меморандуму Украины).

⁶⁶ Протокол осмотра, составленный капитаном юстиции В. Романенко, старшим следователем отделения внутренних дел Отдела расследований Управления службы безопасности Украины по Донецкой области (16 января 2015 г.) (Приложение 87 к Меморандуму Украины).

траншеи, розполагаючыся паперек участка дороги в раёне КПП,⁶⁷ а такжэ падтвержэне месца сьёмкі фотаграфіі, на якой відна пазіцыя для стрэлкавага оружыя.

50. Такая зашчыта дарожнага напраўлення паказвае, што дарога імела военную цэннасць. Такое ўкрэпленне блокпоста такжэ паднімае вопрос магчымасці прысутнасці рядом с КПП «Бугас» в момэнт абстрэла ваеннай тэхнікі і іншых ваенных падраздэленняў. Паскольку, як прадстаўляецца, опалчэнне в тэ перыяд планіравала вернуць пад свой кантроль Маріуполь,⁶⁸ значэнне гэтай дарогі могло бы яшчэ большэ возраці, так как она сьвязывае Маріуполь с Данецкам (Рысунок 4). Сложно сказаць, планіравалі лі в ДНР вернуць пад свой кантроль Волноваху, но гэто імело бы смысл с тактычнаскай і стратэгічнаскай чотчэ зрэння.

Рысунок 4 - Карта ІАЦ СНБО «Сытуацыя на Востоке Украіны на 20 мая»⁶⁹

51. КПП «Бугас», па-відомому, дзействітельно асуществлял функцыі па досмотру і пропуску грамадскага автатранспарта. Однак, насколькы я панамаю із ізучэнных мноў открытых істочнікаў, пры гэтом на КПП прысутствалі фарміраванія

⁶⁷ Заклученне Бобкова, §§ 36-38, рысунок 7.

⁶⁸ См. §§ 117, 121, 123 далее. Очевідно, што аб гэтых планах абъявілі яшчэ в октэбры 2014 года. См. *Інтерфакс*, «Глава ДНР паобещал взятъ Краматорск, Славянск і Маріуполь», 23 октэбры 2014, <https://www.interfax.ru/world/403434> (Прыложэнне 98).

⁶⁹ *Слово і Делo*, «Сытуацыя на Востоке Украіны по состоянию на 20 мая», 20 мая 2014, дoступно по ссылке: https://media.slovoidilo.ua/uploads/news/snbo_ato_20_05_big.jpg (Прыложэнне 96).

вооруженного личного состава с легкой бронированной техникой (БРДМ-2⁷⁰), кроме того, были оборудованы позиции и для тяжелого вооружения ВСУ.⁷¹ Анализ предоставленных мне открытых источников информации показывает, что КПП «Бугас» был оборудован огневыми позициями для стрелкового оружия и ручных противотанковых гранатометов («РПГ»).⁷²

52. Судя по наличию и характеру укреплений КПП, роль данной позиции не сводилась лишь к задачам, которые установил Генерал Браун, главным образом – к проверке гражданского транспорта. Он также мог быть использован в качестве оборонительной позиции в случае атаки наземных сил со стороны ДНР, в частности, для отражения любых наступательных действий в направлении Волновахи или для того, чтобы взять под контроль отрезок дороги.
53. Я также обращаю внимание на то, что, кроме инспекторов боевой комендатуры Львовского пограничного отряда государственной пограничной службы Украины⁷³, на КПП «Бугас»⁷⁴ также размещались подразделения батальона милиции специального назначения «Киев-2».⁷⁵ Насколько я могу судить, несмотря на принадлежность батальона Киев-2 к Министерству Внутренних Дел («МВД») Украины, это подразделение было оснащено вооружением и военной техникой⁷⁶ и принимало участие в боевых действиях.⁷⁷
54. Кроме того, в открытых источниках отмечается, что:

⁷⁰ Эксперт по дешифрованию спутниковых снимков Александр Бобков подтвердил, что 25 января 2015 года на КПП находилась одна единица БРДМ (см. Заключение Бобкова, § 44(1), 46(1), Рисунки 10, 14). Мне продемонстрировали другие источники с изображением единицы техники данного типа предположительно на КПП «Бугас». В видеорепортаже Мариуполь ТВ, снятом на «блокпосту в Волновахе» и опубликованном 1 ноября 2014 года, боец батальона «Киев-2» рассказывает о том, что было решено оставить «основную боеспособную часть [их] батальона», чтобы защищать Волноваху и проход к Мариуполю. На видео можно также увидеть вооруженных людей и БРДМ-2 на КПП (Youtube канал Мариупольское ТВ, «2014-10-30 Как живут наши военные в условиях постоянных обстрелов? (Сюжет МТВ)», доступно по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=C706hvRXm3c&t=27s>, 1 ноября 2014 (Приложение 222).

⁷¹ Заключение Бобкова, § 38, Рисунок 7.

⁷² Я ссылаюсь на несколько фотографий, предположительно сделанных на КПП, на которых видны огневые позиции для пулемета (Блог Андрея Скатерного, «Блокпост Волноваха-Донецк “Бугас”. Тот самый», доступно по ссылке: <http://asket.in.ua/?p=977>, 20 января 2015 (Приложение 186)) и РПГ-7 на крыше укрытия (Заключение Бобкова, § 44, Рисунок 10). Возможно, эта позиция запечатлена на видео с участием Андрея Цапличенко, украинского журналиста, который освещал ситуацию на блокпосте, на котором размещался батальон Киев-2 (Youtube канал телепрограммы ТСН, «Ситуация вокруг 32 блокпоста – это скрытое наступление сепаратистов», доступно по ссылке: <https://youtu.be/47m7onU73tw>, 2 ноября 2014 (Приложение 223).

⁷³ Письменное заявление Антона Овчаренко, Протокол допроса свидетеля (18 января 2015 г.), стр. 3-4 (Приложение 206 к Меморандуму Украины).

⁷⁴ Приказ Министерства внутренних дел Украины № 177 «Об организации деятельности стационарных постов дорожно-патрульной службы Государственной автомобильной инспекции МВД», 4 мая 2011, <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0626-11/ed20121112?lang=ru#Text> (Приложение 47).

⁷⁵ Письменное заявление Антона Фадеева, Протокол допроса свидетеля (16 декабря 2015 г.) (Приложение 244 к Меморандуму Украины).

⁷⁶ См. Заключение Бобкова, Рисунки 9-14.

⁷⁷ Дополнение 1. «Материалы из открытых источников относительно деятельности батальона “Киев-2”»; насколько я понимаю, было официально признано, что батальон «К-2» принимал участие в боевых действиях в качестве подразделения, см. Украина, Святошинский районный суд Киев, дело № 759/13012/18, Решение, 26 декабря 2018, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/79393757> (Приложение 75). В данном решении действительно указано, что батальон «Киев-2» нес службу на «блокпосту в Волновахе» в период с 3 по 22 января 2015 года и, следовательно, предположительно и 13 января 2015 года, в день рассматриваемого обстрела.

- а) Батальон «Киев-2» выполнял задачи армейских подразделений в районе г. Дебальцево в 2014 году и передислоцирован «на блок-пост в район города Волновахи на трассе Донецк-Мариуполь» в октябре 2014 года в ходе проведения ротации подразделений;⁷⁸
- б) Батальон «Киев-2» регулярно проводил учения и применял противотанковые гранатометы (РПГ и СПГ-9) – оружие, несоразмерное по силе поражения задачам охраны правопорядка;
- в) По собственным заявлениям членов батальона «Киев-2», в период с осени 2014 года по зиму 2015 года они занимались разведкой и могли даже атаковать некоторые позиции.⁷⁹ В моем распоряжении нет сведений о том, осуществлялись ли данные задачи с территории КПП «Бугас» или нет.
55. Я также не могу знать количество личного состава, какое из подразделений батальона «Киев-2» и с какой военной техникой находилось на КПП «Бугас» во время или до обстрела. В целом, однако, хочу отметить, что – как следует из открытых источников – на КПП привозили и размещали военную технику.⁸⁰ На спутниковых снимках, которые были проанализированы в Заключении Бобкова, видны укрытия для бронетехники.⁸¹
56. Если рассмотреть систему построения позиций ВСУ на направлении Волноваха–Докучаевск, разумно предположить, что блокпост «Бугас» являлся элементом данного построения. Заключение Бобкова демонстрирует расположение подразделений Вооруженных сил и МВД Украины в районе блокпоста «Бугас» по состоянию на 13 января 2015 г.⁸² Блокпост, по всей видимости, занимал важное место в системе других позиций, в том числе вследствие того, что он, как представляется, был необходим для контроля значимого для военных целей дорожного направления.
57. Таким образом, я не согласен с твердым убеждением Генерала Брауна, что КПП «Бугас» должен восприниматься как исключительно гражданский объект. Гражданские автомобили фактически вынуждены были проезжать через систему боевых позиций Украины. Из-за отсутствия у меня полной информации о контексте боевых действий или относительно всех правительственных сил Украины в районе блокпоста, я не могу оценить причины обстрела района вокруг блокпоста и самого блокпоста (если он действительно являлся целью обстрела). Кроме того, я также удивлен тем обстоятельством, что Генерал Браун посчитал возможным с уверенностью заявить, что такой обстрел не мог быть целесообразным или обоснованным.⁸³

⁷⁸ Страница Батальона особого назначения «Киев-2» на Facebook, доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/VN.Kyiv2/photos/a.1526752284204551/1562316627314783/?type=3>, 10 октября 2014 (Приложение 152).

⁷⁹ Дополнение 1. «Материалы из открытых источников относительно деятельности батальона «Киев-2»».

⁸⁰ Например, БРДМ-2 (см. сноска 70 выше). По крайней мере одно артиллерийское орудие присутствовало на блокпосте. 100-мм противотанковая пушка МТ-12 «Рапира» была сфотографирована на КПП (Блог Андрея Скатерного, «Блокпост Волноваха-Донецк «Бугас». Тот самый», доступно по ссылке: <http://asket.in.ua/?p=977>, 20 января 2015 (Приложение 186)). А. Бобков подтвердил, что фотография была сделана на блокпосте. См. Заключение Бобкова, §§ 43-46, Рисунок 12.

⁸¹ Заключение Бобкова, Рисунок 13.

⁸² Заключение Бобкова, § 55, Рисунок 23.

⁸³ Согласно информации из открытых источников, есть множество других примеров обстрелов блокпостов ВСУ и ДНР. однако в моем распоряжении нет информации, необходимой для того, чтобы я мог сравнить, были ли указанные блокпосты похожи по своей природе на КПП «Бугас», или дать оценку тому, находилась ли там подвижная военная техника ориентировочно во время обстрела. Среди наиболее ярких примеров обстрелов блокпостов ДНР можно отметить применение БМ-21 предположительно против блокпоста

58. Вместе с тем, я согласен с Генералом Брауном в том, что – если у ДНР была возможность выбора артиллерийского вооружения, и если бы блокпост был целью обстрела – то РСЗО БМ-21 «Град» не была бы самым эффективным видом вооружения против такой цели. Генерал Браун правильно описывает общие характеристики данного вида оружия в § 29 своего Заключения. Однако я не знаю, был ли у ополченцев выбор, как с точки зрения имевшихся в их распоряжении вооружений в соответствующий момент времени, так и с точки зрения выбора времени обстрела.
59. Кроме того, на основании изученных мной материалов, мне не очевидно, что целью предполагаемого обстрела на самом деле был КПП или стоявшие там гражданские транспортные средства. Судя по рассеиванию снарядов, выбранная цель находилась в нескольких сотнях метрах от КПП. Если автобус действительно пострадал от снаряда «Града», то этот снаряд упал на самом краю зоны поражения.⁸⁴
60. Я также обратил внимание на тот факт, что выбор времени обстрела не подтверждает намерение причинить вред гражданскому населению. На проанализированном в Заключении Бобкова спутниковом изображении видно, что в более раннее время, когда снимок был сделан, в обоих направлениях от КПП стояли очереди из гражданских транспортных средств,⁸⁵ при этом, судя по видеозаписи, во время самого обстрела их было намного меньше.⁸⁶ Если бы у того, кто руководил обстрелом, действительно были намерения причинить вред гражданским лицам, то маловероятно, что эти время и цель были бы выбраны, особенно если учесть ценность боеприпасов для РСЗО.⁸⁷ Блокпост и подвергшаяся обстрелу дорога не находятся вблизи жилых районов. Напротив, в н.п. Бугас есть жилые районы, находящиеся всего в нескольких километрах (и ближе) от позиций ДНР. Точно так же в н.п. Новотроицкое и Ольгинка, находящихся к юго-востоку от Докучаевска, не было недостатка в гражданских целях. Если лицо, ответственное за обстрел, намеревалось причинить вред гражданским лицам, более вероятно, что обстрел велся бы по этим районам, а не по КПП «Бугас» или дороге в его окрестностях.
61. Я также хотел бы отметить, что поблизости от КПП «Бугас», по всей видимости, находились важные военные цели. На Рисунке 23 в Заключении Бобкова идентифицированы, как минимум, три крупные артиллерийские позиции. Во-первых, согласно Заключению Бобкова, в 6 км на востоке от КПП «Бугас» находились пушки (предположительно 2А36 «Гиацинт-Б»). Как я понимаю, Александр Бобков идентифицировал следы залпов, свидетельствующие о стрельбе из данных пушек в

ДНР в н.п. Староласпе (СММ ОБСЕ. «Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основе информации, поступившей по состоянию на 18 июня 2017 года, 19:30» 19 июня 2017, <https://www.osce.org/ru/special-monitoring-mission-to-ukraine/324056> (Приложение 29)), а также два обстрела 6 ноября 2016 года, целью которых, как сообщалось, стали блокпосты ДНР в пгт Оленовка (Еленовка) и Коминтерново (СММ ОБСЕ. «Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основе информации, поступившей по состоянию на 6 ноября 2016 года, 19:30», 7 ноября 2016, <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/279801> (Приложение 15)).

⁸⁴ Карта с воронками от снарядов вокруг КПП «Бугас», отмеченными следователями после осмотра места происшествия (20 января 2015) (Приложение 89 к Меморандуму Украины).

⁸⁵ Заключение Бобкова, § 36(2), Рисунок 8.

⁸⁶ Кадры обстрела 13 января 2015 года с видеорегистратора (видео) (Приложение 696 к Меморандуму Украины).

⁸⁷ Я полагаю, что снаряды ракетной артиллерии, предназначенные для поражения площадных целей, было бы нерационально расходовать на малоэффективный обстрел небольшой защищенной цели, если у лиц, командовавших обстрелом, был выбор.

какой-то момент времени до того, как был сделан спутниковый снимок, однако неясно когда. Если «Гиацинт-Б» или похожие пушки действительно находились на указанных позициях, они могли с легкостью достать до позиций ДНР в Докучаевске и за его пределами.⁸⁸

62. Александр Бобков идентифицировал еще одну артиллерийскую позицию (предположительно самоходных артиллерийских гаубиц 2С19 «Мста-С») в 4,4 км на северо-западе от КПП «Бугас». Насколько я понимаю, некоторые из этих орудий находились на позиции 18,⁸⁹ тогда как две другие гаубицы находились дальше на северо-восток (позиция 11 в Заключении Бобкова). Данные самоходные гаубицы могут стрелять на расстояние приблизительно от 24 до 29 км,⁹⁰ что достаточно для того, чтобы достичь позиций ДНР в Докучаевске.
63. Возможно, что на спутниковых снимках удалось обнаружить не все артиллерийские позиции (это тем более вероятно с учетом мобильности артиллерийских подразделений). Так, я обращаю внимание, что в предоставленных мне открытых источниках информации есть упоминания обстрела 12 января 2015 года со стороны поста ГАИ рядом с Волновахой,⁹¹ под которым может иметься в виду КПП «Бугас», учитывая, что КПП действительно принадлежал Госавтоинспекции.⁹²
64. Таким образом, возможно, что позиции ДНР были обстреляны 13 января 2015 года с юго-западного направления (с одной из вышеупомянутых артиллерийских позиций), а при осуществлении ответного огня была допущена ошибка в целеопределении.⁹³ Такие проблемы вполне могут возникать, когда обстреливаемые позиции находятся вдали от линии соприкосновения и за пределами прямой видимости. Можно допустить, что командирам ДНР могли предоставить неверные координаты действующих артиллерийских позиций. Мне продемонстрировали несколько сообщений из социальных сетей, которые, исходя из их текста, описывают обстрел со стороны блокпоста,⁹⁴ но я не могу проверить указанные версии, не имея дополнительной информации о ситуации на месте.
65. Как я уже объяснил, я не могу провести более комплексный анализ ситуации, не обладая полными сведениями о военной обстановке в районе. Как указано в § 10 выше, я считаю, что эти сведения должны содержаться в военных документах Украины, но мне их не предоставили.

⁸⁸ Максимальная дальность составляет 28,5 км (см. официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации, «152-мм пушка 2А36 «Гиацинт-Б», <https://structure.mil.ru/structure/forces/ground/weapons/rvia/more.htm?id=10369983@morfMilitaryModel> (Приложение 267)).

⁸⁹ Заключение Бобкова, § 52, Рисунок 20.

⁹⁰ Официальный сайт Министерства обороны Украины, «Наземная артиллерия», <https://www.mil.gov.ua/ministry/ozbroennya-ta-texnika/suxoputnix-vijsk/nazemna-artileriya.html>. (Приложение 80).

⁹¹ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: <https://archive.md/0SASD>, 12 января 2015 (Приложение 168); Страница Twitter Ridna Vilna 33%, доступно по ссылке: https://twitter.com/ua_ridna_vilna/status/554520877283692544, 12 января 2015 (Приложение 169).

⁹² См. сноску 74 выше. См. также Подписанная декларация Александра Чекорского, Протокол опроса свидетеля 5 апреля 2016 года (Приложение 248 к Меморандуму Украины), с. 3.

⁹³ Например, могли быть даны неверные координаты. Так, Валерий Кирсанов, как представляется, заявил, что он уводил огонь ДНР от позиций ВСУ в районе Мариуполя.

⁹⁴ См. сноски выше 91-87

В. Выводы Генерала Брауна относительно места, из которого осуществлялся обстрел

66. Дальность и направление стрельбы можно установить на основании изучения места падения снарядов с помощью (1) анализа воронок или (2) анализа эллипса рассеивания. Генерал Браун ссылается на оба метода.⁹⁵ Затем он использует данные анализа воронок, проведенного украинским следствием, но не рассматривает данные о рассеивании, хотя и предоставляет соответствующие расчеты.
67. Генерал Браун приходит к выводу, что направление обстрела и углы падения снарядов, установленные украинским специалистом-артиллеристом на месте, соответствуют положению огневой позиции в Докучаевске, приблизительно в 19,4–19,8 км от КПП, попавшего под обстрел.
68. Далее я объясню, почему в этом случае предоставленные Генералом Брауном данные о рассеивании (а также моя собственная оценка) дают совершенно другой результат, отличающийся от расчетов, основанных на анализе воронок, использованном Генералом Брауном в своем Заключении. По причинам, изложенным далее более подробно, я не согласен с выводами Генерала Брауна относительно дальности и направления обстрела. Даже визуальная оценка рассеивания снарядов около КПП «Бугас» свидетельствует о том, что дальность стрельбы была меньше 14 км.

1. Определение дальности стрельбы на основании анализа воронок

69. Генерал Браун верно отмечает, что между углом падения снаряда М-21 ОФ и расстоянием, с которого он был выпущен из БМ-21 «Град», существует устойчивая взаимосвязь. Эта взаимосвязь отображена в таблицах стрельбы, предоставляемых производителем оружия (которые прилагаются к Заключению Генерала Брауна). Так же верно и то, что, согласно таблице стрельбы, угол падения, равный 52–55 градусам, свидетельствует о дальности стрельбы в 19,4–19,8 км без использования тормозных колец (средство уменьшения дальности полета снаряда) и 11,4–11,6 км с использованием большого тормозного кольца.
70. Однако я не считаю, что углы падения, заимствованные Генералом Брауном из предоставленного Украиной протокола осмотра места происшествия, были установлены в данном случае с достаточной точностью для того, чтобы можно было делать такие выводы о дальности стрельбы. Такого рода анализ сопряжен с практически неизбежными ошибками. Неточность в определении угла падения даже в 5 градусов приведет к ошибке в определении дальности стрельбы примерно в 1 километр. При этом использованный метод определения углов падения сопряжен со значительными неточностями.
71. Украинские следователи привлекли специалиста-артиллериста Сергея Дмитриева, который помогал им с измерением углов падения на месте происшествия. Сергей Дмитриев представлен как заместитель начальника штаба реактивно-артиллерийского дивизиона в/ч А2167. Я не обладаю специальными знаниями в области анализа воронок, но, будучи артиллеристом, я понимаю, какой метод использовал Дмитриев, и хотел бы

⁹⁵ Заключение Брауна, §13 (второй метод) и § 26 (первый метод).

обратить внимание на определенные присущие этому методу недостатки, которые сказываются на точности произведенных измерений.

72. Во-первых, насколько я понимаю, Сергей Дмитриев измерил углы падения, поместив рейку в воронку, тем самым имитируя траекторию снаряда. Он не объясняет, каким образом он выбрал точное положение рейки, и я могу лишь предполагать, что он сделал это путем визуальной оценки воронки, пытаясь симитировать примерное расположение снаряда во время взрыва. При этом я бы ожидал более четкого объяснения метода (в частности, как именно он помещал рейку в воронку⁹⁶), вместе с фотографиями самого процесса. Без этого нет оснований считать измеренный угол соответствующим углу соприкосновения снаряда с землей. По этой причине я не берусь использовать полученные Сергеем Дмитриевым результаты при проведении моего собственного анализа, особенно если учесть точность измерений, заявленную в протоколе осмотра места происшествия.
73. Кроме того, я обращаю внимание на то, что измерение углов падения производилось с помощью офицерской линейки с транспортиром (Рисунок 5). Этот транспортир слишком мал (длина всей линейки 20 сантиметров, и она предназначена для работы на картах), чтобы его можно было использовать для измерения угла деревянной рейки по отношению к земле. В протоколе также не указано, была ли выровнена земля вокруг воронок при проведении данных измерений, и если да, то с помощью чего. Указанные очевидные недостатки также могут серьезно повлиять на измеренные углы.

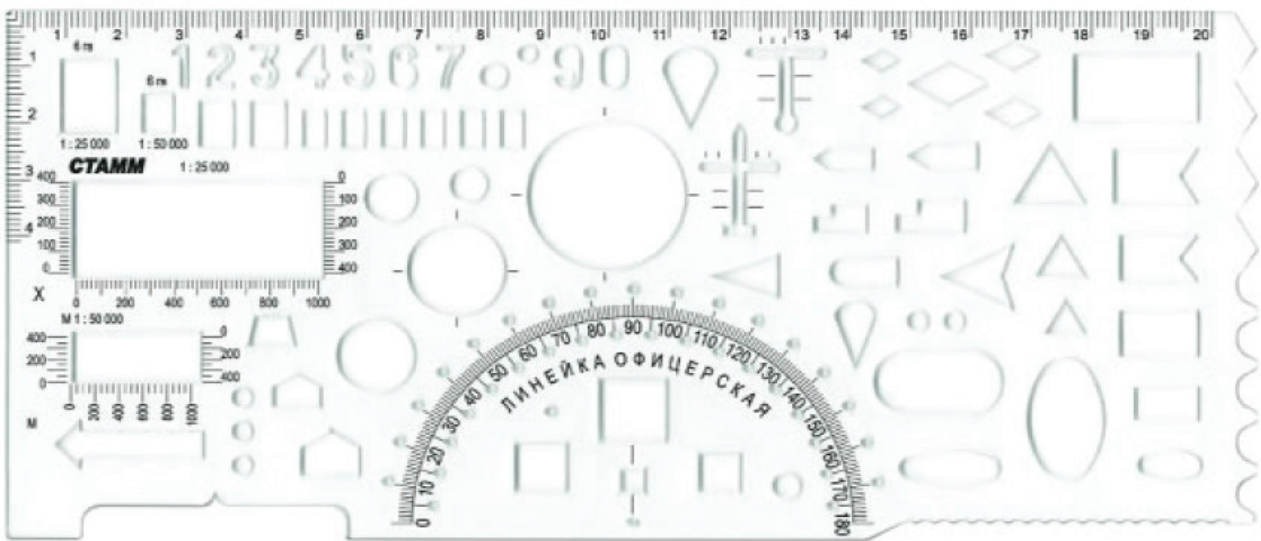

Рисунок 5 - Офицерская линейка (линейка сверху измеряет длину в сантиметрах и показывает ее реальные размеры)⁹⁷

74. Таким образом, измеренные углы падения могут быть очень неточными.
75. Что касается измерения горизонтальных (дирекционных) углов направления на район пуска, Дмитриев заявляет в протоколе, что он использовал буссоль и измерительную

⁹⁶ И действительно ли в каждом случае речь идет о воронке от взрыва боевой части, а не о яме, оставленной в результате вхождения в землю маршевого двигателя.

⁹⁷ Вебсайт Стамм, «Линейка офицерская гибкая б/цв., печатная шкала», https://stamm.ru/catalog/chertyezhnyye_prinadlezhnosti/trafarety/trafarety_lineyki_ofitserskie/1182/ (Приложение 268).

ленту для определения азимута обстрела. Он указывает точные азимуты и определяет место в Докучаевске, где, по его мнению, находилась огневая позиция. Сергей Дмитриев не указывает, каким образом указанные измерительные средства были ориентированы для того, чтобы можно было определить азимут на основании воронок, оставленных снарядами. Я полагаю, что наклон воронок и следы от разлета осколков можно использовать для определения общей ориентации по направлению, но я не понимаю, каким образом можно обеспечить точность до делений угломера.⁹⁸

76. Также стоит отметить, что возможны искажения магнитного поля в том месте, где находятся металлические фрагменты снарядов в районе, где проводятся измерения. Это может привести к неправильной ориентации буссоли и неправильному измерению дирекционного угла.
77. Мне продемонстрировали видео, по всей видимости, снятое журналистами, которые посетили место происшествия 13–14 января 2015 года. Из указанного видео следует, что, по крайней мере, в одном случае в «воронке» находился осколок снаряда, который, должно быть, застрял в земле после взрыва.

Рисунок 6 - Осколок снаряда в углублении⁹⁹

78. Данный осколок, по всей видимости, извлекли до того, как образовавшееся углубление измерили или измерение было проведено путем помещения рейки прямо в трубу осколка

⁹⁸ Одному делению угломера соответствует 1/6 000 круга.

⁹⁹ YouTube канал VideOnline, «Волноваха видео с места расстрела автобуса», 14 января 2015, <https://www.youtube.com/watch?v=17bXhbPzJ4k&t=210s> (Приложение 226).

ракеты.¹⁰⁰ То же самое, возможно, сделали и с другими воронками. Я видел фотографии такого способа замера углов в протоколах осмотра, относящихся к рассмотренному далее обстрелу Мариуполя. Если оставленное хвостовой частью (маршевым двигателем) углубление приняли за собственно воронку от взрыва (а положение маршевого двигателя – за траекторию снаряда),¹⁰¹ то проведенный анализ был неверным. Хвостовой осколок снаряда (двигатель со стабилизаторами) может иногда зарываться в землю сразу после подрыва снаряда, выпущенного из РСЗО. Однако позиция указанного осколка в земле не отражает траекторию снаряда во время подрыва. Подрыв боевой части снаряда неизменно влияет на траекторию двигателя, которая также претерпевает изменения, когда двигатель зарывается в землю. Траектория изменяется достаточно непредсказуемым образом, и мне неизвестен метод, который позволил бы определить первоначальный угол снаряда на основании угла осколка, застрявшего в земле. Очевидно, что после извлечения осколка образовавшееся углубление также может изменить свою форму.

79. Я также обратил внимание, что 17 января 2015 года СММ заявила (по итогам анализа пяти воронок), что обстрел был проведен с северо-северо-восточного направления. Это направление севернее и не соответствует позиции, определенной украинским следствием, на которое ссылается Генерал Браун.¹⁰² Однако сейчас уже невозможно определить, чьи замеры были более надежными. Я не знаю, какие методы СММ использовала в своей работе, и сами методы в отчете не указаны.
80. С точки зрения точности определения условий обстрела, важно не только тщательно осмотреть воронки, но и собрать осколки снарядов. Это позволяет точно установить тип использованных боеприпасов (включая их конкретную модификацию, тип взрывателя, наличие тормозных колец). Однако мне не предоставили никаких материалов расследования о сборе осколков для большей части воронок (или районов вокруг них); единственная имеющаяся в моем распоряжении информация относится к воронкам №№ 1, 2 и 3,¹⁰³ при этом даже в этих случаях нет никакой ясности относительно того, где именно были найдены осколки, и отсутствуют фотографии осколков на месте.

2. Промежуточные выводы относительно данных, полученных по итогам анализа воронок

81. По указанным выше причинам я не считаю возможным полагаться на углы падения снарядов, установленные Сергеем Дмитриевым и использованные Генералом Брауном.
82. Поскольку у меня нет возможности проверить эти данные, я буду исходить из предположения, что азимут находился где-то между северо-северо-востоком (анализ ОБСЕ) и северо-востоком (анализ Украины). Я допускаю погрешность в измерении

¹⁰⁰ Протокол осмотра, составленный капитаном юстиции В. Романенко, старшим следователем отделения внутренних дел Отдела расследований Управления службы безопасности Украины по Донецкой области (16 января 2015 г.) (Приложение 87 к Меморандуму Украины).

¹⁰¹ Данные углубления образуются не в результате подрыва боевой части снаряда, а от столкновения хвостовых частей, которые зарываются в землю.

¹⁰² Заключение Брауна, § 25. Протокол осмотра, составленный капитаном юстиции В. Романенко, старшим следователем отделения внутренних дел Отдела расследований Управления службы безопасности Украины по Донецкой области (16 января 2015 г.) (Приложение 87 к Меморандуму Украины).

¹⁰³ Экспертное заключение № 64/1-30/6, подготовленное Украинским научно-исследовательским институтом специальной техники и судебных экспертиз, Служба безопасности Украины (26 марта 2015 года) (Приложение 113 к Меморандуму Украины).

дирекционных углов, определенных Сергеем Дмитриевым, поскольку я не знаю, каким методом он руководствовался при определении азимута на основании воронок.

83. Учитывая, что вышеуказанные данные анализа воронок не позволяют точно определить расстояние и азимут, я рассмотрю другой метод, упомянутый Генералом Брауном (который он при этом не использует), чтобы попробовать определить, можно ли будет в этом случае прийти к более надежным выводам.

3. Анализ на основании эллипса рассеивания

84. Далее я рассмотрю возможность определения направления и дальности обстрела на основании данных о рассеивании снарядов. Генерал Браун описывает соответствующую методологию, с которой я согласен, в § 13. Анализ проводится на основании определения так называемых срединных ошибок рассеивания и эллипса рассеивания, который строится так, чтобы им описывались все точки падения снарядов, за исключением очевидно значительно отклонившихся снарядов.¹⁰⁴ Срединные ошибки представляют собой 1/8 большой и малой осей эллипса рассеивания. Данные о срединных ошибках рассеивания можно сопоставить с дальностью стрельбы с помощью корреляции, приведенной в стандартных таблицах стрельбы (см., например, Рисунки 8 и 9). Ориентация эллипса указывает на азимут огня.
85. Приблизительную дальность можно определить даже по общей форме эллипса по отношению к направлению стрельбы. Дело в том, что соотношение срединных ошибок по дальности и по направлению меняется в зависимости от дальности: на малых дальностях ошибки по дальности больше ошибок по направлению (эллипс рассеивания вытянут вдоль направления стрельбы), а на больших дальностях ошибки по направлению больше ошибок по дальности (эллипс рассеивания вытянут перпендикулярно направлению стрельбы).
86. На рисунке 1 в § 30 Заключения Брауна приведена схема, верно отражающая предполагаемый эллипс рассеивания 122-мм ракет, выпущенных с расстояния 19,6 км, при этом используются данные о длине осей эллипса, взятые из Таблиц стрельбы: 1 304 м по направлению и 784 м по дальности. Данный эллипс представляет из себя овал, вытянутый перпендикулярно относительно предполагаемого направления стрельбы и характерный для стрельбы на максимальную дальность. Я согласен с тем, что при указанной дальности стрельбы можно увидеть такой эллипс (Рисунок 7).¹⁰⁵

¹⁰⁴ Они определяются по отношению к срединным ошибкам («СО»), которые являются стандартными отклонениями от средней точки падений. При нормальном эллипсе рассеивания его оси определяются следующим образом: 8 СО по дальности (вдоль линии огня) и 8 СО по направлению (перпендикулярно линии огня). Все снаряды за пределами данного эллипса считаются выбросами.

¹⁰⁵ Заключение Брауна, § 13.

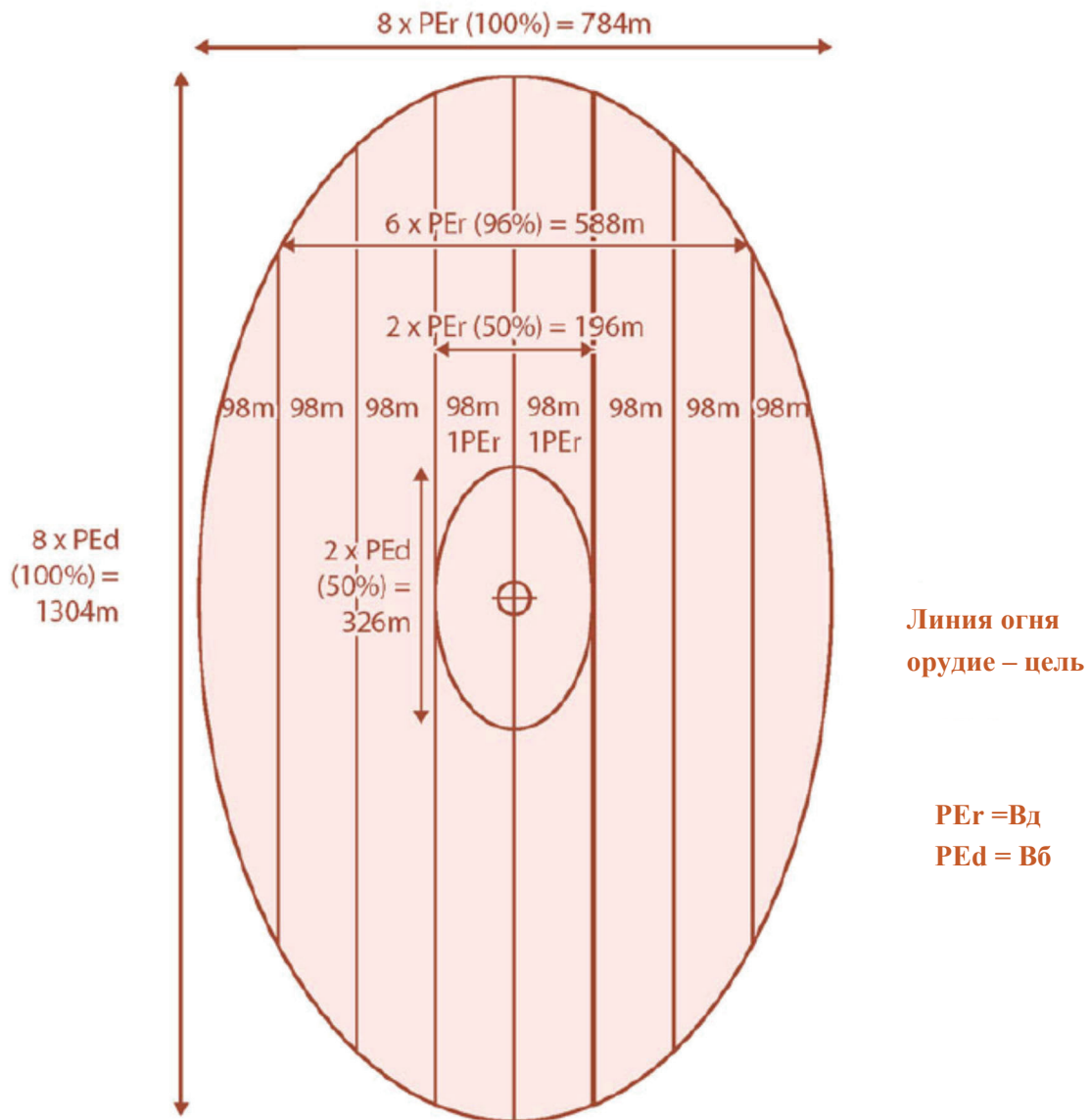

Рисунок 7 - Схема, отражающая рассеивание точек падения 122-мм снарядов, выпущенных с расстояния 19,6 км, при этом используются данные таблицы стрельбы¹⁰⁶

87. При этом для этого обстрела Генерал Браун приводит совершенно иные параметры фактического эллипса рассеивания в § 23 своего Заключения, он ссылается на «снимок, сделанный БПЛА ОБСЕ, и [...] анализ, проведенный следователями [СБУ] в момент происшествия», и заявляет, что «попадания охватывают территорию, приблизительно равную 640 метрам вдоль предполагаемого направления огня и 580 метрам перпендикулярно предполагаемому направлению огня».
88. Зона рассеивания, равная 640 метров по дальности, и 580 метров по направлению, упомянутая Генералом Брауном в § 23, не соответствует эллипсу, описанному в §§ 29–30.¹⁰⁷ Напротив, зона рассеивания, вытянутая вдоль определенного направления

¹⁰⁶ Заключение Брауна, § 30.

¹⁰⁷ Кроме того, большие значения ошибок по дальности, чем по направлению в целом подтверждаются схемой, представленной в Приложении 599 к Меморандуму Украины, которое мне было продемонстрировано.

стрельбы, свидетельствует о вероятной дальности стрельбы до 13–14 км, даже без тормозных колец (см. Рисунок 8). В случае применения тормозных колец, дальность будет еще меньше: 9–10 км (см. Рисунок 9). Таким образом, дальность стрельбы, определенная Генералом Брауном в § 26 (19,4–19,8 км без тормозного кольца и 11,4–11,6 км с большим тормозным кольцом), не может, как мне кажется, соответствовать его же измерениям зоны рассеивания снарядов.

Дальность	Прицел	Изменение дальности при изменении прицела на 1 тыс.	Узкая вилака (4 Вд)	Срединные отклонения	
				по дальности	боковые
Д	П	$\Delta X_{\text{тыс}}$	В	Вд	Вб
м	тыс.	м	тыс.	м	м
13000	318	27	20	133	94
200	325	26	20	131	96
400	332	25	20	130	97
600	340	25	20	128	99
800	348	24	20	127	100
14000	356	24	21	125	102
200	364	23	21	123	104
400	372	23	21	122	106
600	381	22	22	121	107
800	389	22	22	120	109
15000	398	21	23	119	111
200	407	21	23	118	113
400	417	20	23	117	115
600	426	20	24	116	116
800	436	20	24	115	118

Рисунок 8 - Выдержка из Таблицы стрельбы осколочно-фугасными реактивными снарядами М-21 ОФ (без тормозного кольца), демонстрирующая расстояние, при котором Вд и Вб имеют одинаковые значения.¹⁰⁸ На больших расстояниях ошибки по дальности (расстоянию до цели) меньше боковых ошибок (по направлению)

Очевидно, что рассеивание больше по дальности (примерно с северо-востока на юго-запад), чем по направлению (примерно с юго-востока на северо-запад).

¹⁰⁸ Министерство обороны СССР, Таблицы стрельбы осколочно-фугасными реактивными снарядами М-21 ОФ (Приложение 599 к Меморандуму Украины).

Дальность	Прицел	Изменение дальности при изменении прицела на 1 тыс.	Узкая вилка (4 Вд)	Срединные отклонения	
				по дальности	боковые
Д	П	$\Delta X_{тыс}$	В	Вд	Вб
м	тыс.	м	тыс.	м	м
9000	334	15	25	92	74
200	348	14	25	89	76
400	362	13	26	86	78
600	377	13	26	83	79
800	393	12	26	80	81
10000	411	12	27	77	83
200	429	11	27	74	85

Рисунок 9 - Выдержка из Таблицы стрельбы осколочно-фугасными реактивными снарядами М-21 ОФ (с большим тормозным кольцом), демонстрирующая расстояние, при котором Вд и Вб имеют приблизительно одинаковые значения.¹⁰⁹ На указанной выдержке видно, что при дальности свыше 9 800 метров ошибки по дальности (расстоянию до цели) меньше боковых ошибок (по направлению)

89. Неточность при определении возможного места обстрела в несколько километров имела бы в данном случае большое значение. Насколько я понимаю, позиции ДНР и ВСУ между г. Докучаевск и н.п. Бугас находились очень близко друг к другу.¹¹⁰ С учетом сказанного, полученные мной ограниченные (и противоречивые) данные не позволяют мне прийти к однозначному выводу об ответственности за обстрел какой-либо из сторон.

С. Выводы относительно места, из которого осуществлялся обстрел

90. Из вышеприведенного анализа следует, что Генерал Браун предоставил противоречивые данные относительно местоположения источника обстрела.
91. Нельзя исключать как огонь со стороны ополчения ДНР по подразделениям ВСУ (в том числе с ошибкой наведения), так и «дружественный огонь» со стороны Украины (например, в результате ошибки определения цели). В любом случае, у меня нет достаточной информации о картине боевых действий, чтобы полностью оценить с военной точки зрения целесообразность этого обстрела и вероятность ошибки, если таковая имела место.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Представляется, что расстояние между позициями составляло 4-6 км, см. Заключение Бобкова, Рисунок 23.

D. Общие выводы

92. Учитывая недостатки и противоречия в материалах расследования, которые я рассмотрел выше, а также принимая во внимание тот факт, что я не владею всей необходимой для подробного анализа информацией, я считаю невозможным восстановить действительную картину событий 13 января 2015 года. Есть разумные основания считать, что обстрел района, находящегося в непосредственной близости от КПП «Бугас», следует рассматривать в контексте военных столкновений в районе в целом, однако причины обстрела этого места точно установить не представляется возможным.
93. На блокпосте «Бугас» размещались вооруженные формирования, и он являлся частью боевых позиций Украины. В частности, судя по предоставленной мне информации из открытых источников, у занимавшего блокпост в соответствующий период времени подразделения были оборудованы две огневые позиции для стрелкового оружия, а также имелась как минимум одна единица бронетехники, которые периодически замечали на блокпосте. На блокпосте имелось два укрытия для военной техники (видны на спутниковых снимках). Блокпост «Бугас» защищал важное дорожное направление, которое, вероятнее всего, играло критически важную роль в снабжении украинских позиций в районе Докучаевска.
94. Более того, поскольку в целом в районе КПП находились украинские правительственные военизированные подразделения, они могли двигаться через прилегающую местность с целью обеспечить поддержку подразделениям, действующим против вооруженных сил ДНР. Я не знаю, какая информация имелась в распоряжении военнослужащих (в частности, командиров) ДНР, и не исключаю вероятность того, что их могли дезинформировать.
95. Таким образом, выводы Генерала Брауна о том, что обстрел не мог быть оправдан с военной точки зрения, игнорируют, как очевидную роль блокпоста в системе оперативного построения позиций ВСУ на этом участке местности, так и контекст боевых действий в целом в районе КПП. Я считаю, что данный обстрел мог быть проведен в рамках военных действий.
96. Я также не считаю, что на основании имеющихся данных можно сделать вывод о том, был ли целью обстрела сам КПП, дорога или находящиеся на нем / рядом с ним гражданские транспортные средства.
97. Выводы Генерала Брауна в отношении определения местоположения источника огня кажутся мне необоснованными. Его версия о расположении мест попадания снарядов противоречит его выводам о дальности стрельбы. При этом Генерал Браун некритически полагается на анализ воронок, выполненный украинским следствием. Как было отмечено выше, эти данные не являются надежными. Моя собственная оценка показывает, что на основании имеющейся информации невозможно прийти к какому-либо надежному выводу.

III. ОБСТРЕЛ 24 ЯНВАРЯ 2015, ОТ КОТОРОГО ПОСТРАДАЛ МИКРОРАЙОН «ВОСТОЧНЫЙ» ГОРОДА МАРИУПОЛЯ

A. Оперативная обстановка в районе обстрела

1. *Позиции сторон в Мариуполе и в окрестностях*

98. Как я уже объяснил, оценивая ведение и последствия боевой операции, важно оценить ее контекст, прежде всего, расположение позиций сторон, контролируемую ими территорию и боевые действия на других ближайших направлениях. В противном случае невозможно прийти к обоснованной интерпретации потенциальных целей атаки. Я провожу настоящий анализ на основании предоставленных мне открытых источников информации и материалов украинского следствия. При этом я обращаю внимание, что среди указанных материалов нет необходимых документов, например, приказов, распоряжений войскам, донесений о ситуации и действиях, а также журналов. Как я уже объяснил в § 7 выше, указанные источники существенным образом помогли бы мне при анализе военной обстановки и, вероятнее всего, помогли бы мне понять, по каким целям был осуществлен обстрел 24 января 2015 года.
99. Я хотел бы отметить, что Карта 4, приведенная в Меморандуме Украины,¹¹¹ отличается от карты ИАЦ СНБО, опубликованной 24 января 2015 года.¹¹² В соответствии с этой картой, н.п. Широкино контролируется ДНР, и н.п. Саханка, судя по почти ровной линии границы – тоже.¹¹³ Обе карты отображают н.п. Гнутово также под контролем ДНР.¹¹⁴ Анализ нижеуказанных источников показывает, что, вероятнее всего, ни одна из карт точно не отражает фактическую обстановку в районе боестолкновений в день обстрела. Если н.п. Саханка и Широкино, как видно из других источников (см. ниже), действительно находились под контролем ДНР, то н.п. Гнутово, по всей видимости, нет.
100. Предпринимая попытку восстановить военную обстановку, я обнаружил, что информация из различных источников не всегда совпадает. Согласно публичным сообщениям, на 21 января 2015 года позиции сил АТО находились в н.п. Гнутово,¹¹⁵ Павлополь¹¹⁶ и Талаковка.^{117,118} Из приговора суда в отношении лица, названного информатором ДНР (Валерия Кирсанова) следует, что позиции в Талаковке были там и раньше: установлено, что он передавал информацию о нахождении там военной техники ВСУ 14 января 2015 года.¹¹⁹ Как я понимаю, эти позиции АТО были передовыми.¹²⁰

¹¹¹ Меморандум Украины, Карта 4, стр. 54.

¹¹² ИАЦ СНБО, «Ситуация на востоке Украины по состоянию на 24 января», 24 января 2015, <http://mediarnbo.org/2015/01/24/situatsiya-na-vostoke-ukrainyi-na-24-yanvaryya/?lang=ru> (Приложение 58).

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Заключение Бобкова, Рисунок 25.

¹¹⁵ Около 11 км от микрорайона «Восточный».

¹¹⁶ Около 17 км от микрорайона «Восточный».

¹¹⁷ Около 8 км от микрорайона «Восточный».

¹¹⁸ *Радио Свобода*, «В районе Донецкого аэропорта боевые действия не прекращаются – штаб АТО», 21 января 2015, <https://web.archive.org/web/20201127053625/https://www.radiosvoboda.org/a/26806294.html> (Приложение 102).

¹¹⁹ Украина, Приморский районный суд г. Мариуполя, дело № 265/4773/15-к, Приговор, 18 июня 2019, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/82431956> (Приложение 77).

¹²⁰ Дмитрий Тымчук: «В районе Мариуполя продолжались напряжённые бои. Передовые группы российско-террористических войск не смогли продвинуться ни северо-восточнее, ни севернее данного населенного пункта. Особенно напряжённые бои и обстрелы зафиксированы в районе Павлополь – Сартана. Артиллерия противника ведет массированный огонь по передовым позициям украинских войск, пытаясь создать

101. Это также согласуется с содержанием предоставленного Украиной перехвата разговора (как утверждает Украина, между Валерием Кирсановым и бойцом ДНР) 24 января 2015 года. Согласно этому перехвату, ДНР попытались организовать наступление на позиции неподалеку от н.п. Гнутово, в ответ на это туда была направлена колонна техники ВСУ «встречать» их.¹²¹ Представляется, что речь идет о маневре ВСУ, направленном на усиление их позиций в Гнутово.
102. Мне ничего не известно о каких-либо отчетах или заявлениях, в которых бы говорилось о том, что ДНР захватили н.п. Гнутово и Талаковку к 24 января 2015 года. Таким образом, для целей моего анализа, я считаю целесообразным предположить, что линия разграничения проходила между н.п. Павлополь и н.п. Октябрь (находившимся под контролем ДНР согласно СММ ОБСЕ)¹²² на севере и северо-востоке от Мариуполя и продолжалась в южном направлении вдоль позиций ВСУ в н.п. Гнутово и Талаковка.
103. Это предположение в целом подтверждается Заключением Бобкова, в котором идентифицирован ряд украинских позиций вокруг населенных пунктов Гнутово и Талаковка, а также перед Мариуполем,¹²³ при этом оборонительные позиции были направлены на восток.
104. Что касается южной части района вокруг Мариуполя, силы ДНР, по-видимому, контролировали н.п. Широкино и могли подойти даже ближе к н.п. Виноградное на юге от Мариуполя и, вероятно, к н.п. Лебединское (около 4 км на востоке от Мариуполя).
105. По информации СММ ОБСЕ на 11 января 2015 года н.п. Широкино и Саханка были подконтрольны ДНР.¹²⁴ Теоретически, ВСУ могли отбить н.п. Широкино и Саханку в какой-то момент до 24 января 2015 года, но мне не предоставили никаких отчетов с соответствующими данными, и, по всей видимости (в частности, если судить по вышеупомянутой карте ИАЦ СНБО), по состоянию на 24 января 2015 года указанные населенные пункты находились под контролем ДНР.
106. По некоторым сообщениям (со ссылкой на источники в ополчении), н.п. Лебединское был захвачен силами ДНР 19 января 2015 года¹²⁵. То, что н.п. Лебединское не находился

условия для дальнейшего продвижения групп боевиков» (Facebook страница Дмитрия Тымчука, бывшего народного депутата Верховной Рады Украины, украинского военного эксперта и блогера, доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/dmitry.tymchuk/posts/625257450936247>, 22 января 2015 (Приложение 189).

¹²¹ Перехваченный разговор между Кирсановым и Пономаренко («Террорист») (11:04:12, 24 января 2015 г.) (Приложение 415 к Меморандуму Украины).

¹²² ОБСЕ, Отчет с места событий Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине, Обстрел на улице Олимпийской в Мариуполе (24 января 2015 года) (Приложение 328 к Меморандуму Украины).

¹²³ Заключение Бобкова, Рисунок 26.

¹²⁴ СММ ОБСЕ. «Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине на основе информации, поступившей по состоянию на 11 января 2015 года, 18:00 (по киевскому времени)», <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/135166> (Приложение 6).

¹²⁵ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=24012015&q=%D0%BB%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5&w=wall-57424472_40464, 20 января 2015 (Приложение 185), Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=24012015&q=%D0%BB%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5&w=wall-57424472_40651, 21 января 2015 (Приложение 188).

под контролем правительственных войск, также подтверждается заявлением МВД Украины от 25 января 2015, предоставленным Украиной в Приложении 91.¹²⁶

107. Среди предоставленных мне открытых источников информации также есть сообщение от 21 января 2015 года, в котором сказано, что

«[и]ntenсивность боёв за портовый город и его изоляция с каждым днём усиливаются. Эпицентр боёв сейчас находится у восточных и северо-восточных окраин Мариуполя... украинское командование реально не в силах удерживать Мариуполь сколько-нибудь длительное время».¹²⁷

108. Из другого источника следует, что к 21:25 24 января 2015 года силам ДНР удалось войти до района, находящегося неподалеку от перекрестка с н.п. Виноградное на юге Мариуполя.¹²⁸

109. Мне предоставили карту, опубликованную в социальной сети в августе 2019 года Вячеславом Аброськиным (Рисунок 10)¹²⁹, который на момент публикации занимал должность заместителя главы Национальной полиции Украины.¹³⁰ Мне кажется, что, с учетом вышеприведенной информации, данная карта, по всей видимости, более точно отображает ситуацию на 24 января 2015 года. На этой карте видно, насколько я понимаю, что два блокпоста ВСУ неподалеку от н.п. Виноградное были обстреляны в 09:15 и 09:20 24 января 2015 года.

¹²⁶ Главное управление МВД Украины в Донецкой области, «Принимаются все необходимые меры для ликвидации последствий обстрела боевиками Мариуполя» (25 января 2015) (Приложение 91 к Меморандуму Украины).

¹²⁷ Страница ВКонтакте Сводки от ополчения Новороссии, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-57424472?day=24012015&&q=%D0%BB%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5&&w=wall-57424472_40651, 21 января 2015 (Приложение 188).

¹²⁸ *Слово и Дело*, «Обстрел жилого сектора в Мариуполе» (Инфографика), 24 января 2015, <https://www.slovoidilo.ua/articles/7102/2015-01-24/obstrel-zhilogo-sektora-v-mariupole.html> (Приложение 108).

¹²⁹ Страница Вячеслава Аброськина на Facebook, доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/Vyacheslav.Abroskin/posts/2156580624634600>, 15 августа 2019 (Приложение 215).

¹³⁰ *Лига.Досье*, «Вячеслав Аброськин», ректор Одесского университета внутренних дел, экс-первый замглавы Национальной полиции Украины, 19 апреля 2021, <https://file.liga.net/persons/abroskin-vyacheslav> (Приложение 145).

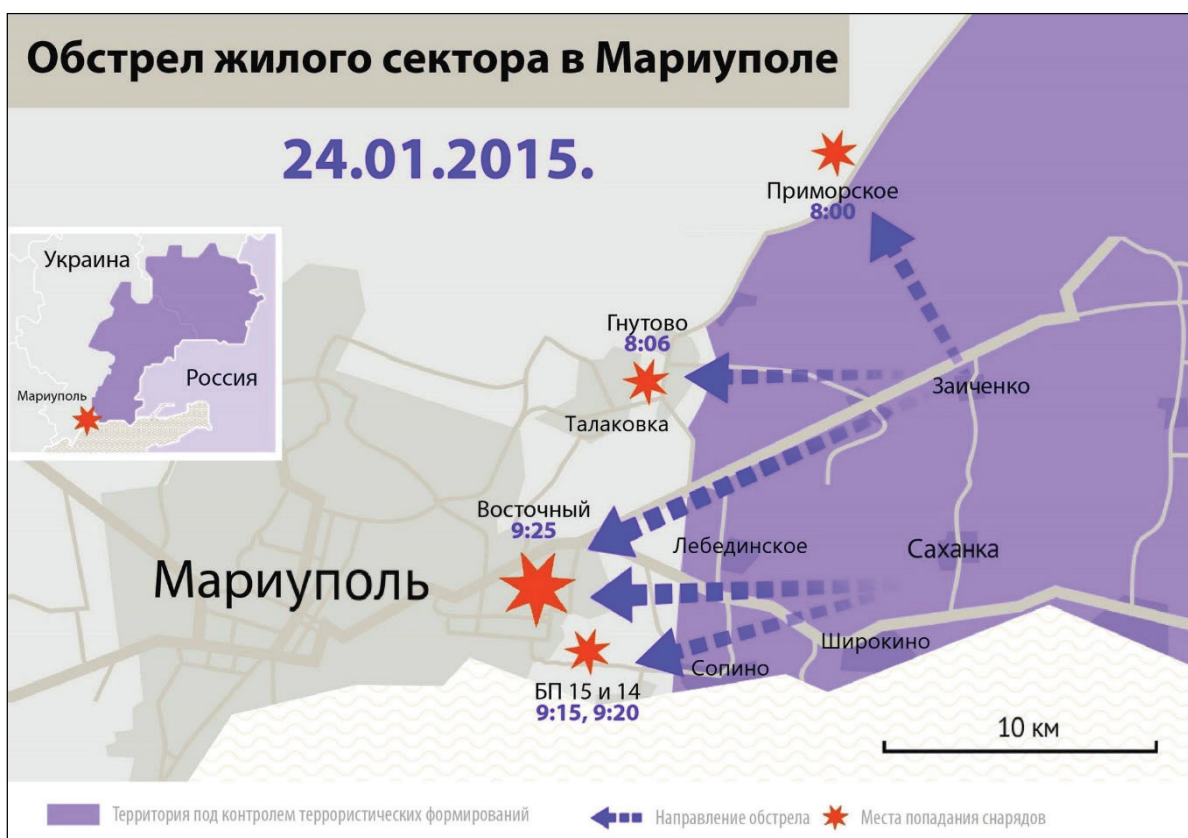

Рисунок 10 - Карта, опубликованная в социальной сети Facebook на странице Вячеслава Аброськина (я добавил названия некоторых населенных пунктов для наглядности)¹³¹

110. В Заключении Бобкова используются спутниковые изображения, на которых определены украинские позиции от н.п. Гнутово на севере до н.п. Виноградное на юге, при этом все указанные позиции, по-видимому, образуют линию обороны Мариуполя, которая соответствует моему пониманию линии соприкосновения.

2. Боевые столкновения в районе Мариуполя и заявление ДНР о намерении захватить Мариуполь

111. Мне сложно оценить конкретные цели и намерения сторон на 23 и 24 января 2015 года. Однако обстрел 24 января необходимо проанализировать в контексте наступательной операции со стороны сил ДНР, которая описана в ряде открытых источников, приведенных ниже.
112. Результаты изучения предоставленных мне материалов и открытых источников показывают, что обстановка в районе Мариуполя и прилегающей территории характеризовалась как напряженная.
113. В конце января сообщалось об активных боевых действиях с применением артиллерии недалеко от линии разграничения на востоке и севере Мариуполя.

¹³¹ Я обращаю внимание, что генерал полиции В. Аброськин использует термин «террористы» в отношении сил ДНР. Тот факт, что я ссылаюсь на такой источник или иной источник, где используется данный термин, не означает, что я поддерживаю эту характеристику.

114. Согласно предоставленным мне материалам из открытых источников, у меня сложилось следующее понимание ситуации:

- a) 19 января на странице «Оборона Мариуполя» на Facebook¹³² сообщили о 10 случаях обстрела позиций ВСУ недалеко от н.п. Орловское,¹³³ Гнутово, Чермалык¹³⁴ и Павлополь.¹³⁵ Согласно данному источнику, обстрел велся из минометов, артиллерии, гранатометов и противотанковых ракетных комплексов.
- b) 20 января Русская служба Би-би-си сообщила об общей эскалации боевых действий на востоке Украины. Так, в статье говорилось об 11 случаях обстрела района Мариуполя с применением минометов, гранатометов и противотанкового ракетного комплекса.¹³⁶ Би-би-си сообщает, что больше всего позиции ВСУ подвергались обстрелам в районе н.п. Гнутово и Чермалык и заявляет, что информация о полномасштабном наступлении на Мариуполь не подтвердилась.¹³⁷
- c) 21 января активные боевые действия, как сообщалось, проходили в районе Мариуполя. Позиции ВСУ в районах неподалеку от н.п. Сартана, Талаковка и Павлополь (далее на северо-северо-восток) подверглись массивному обстрелу. Украинский военный обозреватель Дмитрий Тымчук предположил, что интенсивный обстрел был осуществлен с целью прикрытия перегруппировки подразделений ДНР на Мариупольском направлении.¹³⁸
- d) 22 января Дмитрий Тымчук снова сообщает о напряженных боях рядом с теми же позициями. Он предположил, что артиллерия ДНР

«ведет массированный огонь по передовым позициям украинских войск, пытаясь создать условия для дальнейшего продвижения групп боевиков».¹³⁹

¹³² Страница «Оборона Мариуполя» на Facebook, доступно по ссылке: https://m.facebook.com/mariupol.oborona/posts/565411070262497?_tn=-R, 19 января 2015 (Приложение 184).

¹³³ Более 15 км на северо-северо-восток от Мариуполя.

¹³⁴ Более 20 км на северо-северо-восток от Мариуполя.

¹³⁵ Более 16 км на северо-северо-восток от Мариуполя.

¹³⁶ *BBC News, Русская служба*, «На востоке Украины вновь разгораются боевые действия», 20 января 2015, https://www.bbc.com/russian/international/2015/01/150120_ukraine_donetsk_airport_fighting (Приложение 101).

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Страница Дмитрия Тымчука на Facebook, доступно по ссылке: https://web.facebook.com/dmitry.tymchuk/posts/624786844316641?_rdc=1&_rdt, 21 января 2015 (Приложение 187):

«В районе Мариуполя противник нанес ряд массированных огневых ударов по передовым позициям украинских войск (район н.п. Талаковка, Павлополь, Сартана). Данные удары были нанесены с целью прикрытия перегруппировки подразделений российско-террористических войск на Мариупольском направлении. Передовые группы противника значительно усилены как живой силой, так и боевой техникой. Отмечается действие в данном районе как минимум 10 танков боевиков непосредственно на передовых позициях. Выдвижение бронетехники противника в первую линию продолжается».

¹³⁹ Страница Дмитрия Тымчука на Facebook, бывшего народного депутата Верховной Рады Украины, украинского военного эксперта и блогера, доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/dmitry.tymchuk/posts/625257450936247>, 22 января 2015 (Приложение 189):

«В районе Мариуполя продолжались напряжённые бои. Передовые группы российско-террористических войск не смогли продвинуться ни северо-восточнее, ни севернее данного населенного пункта. Особенно напряжённые бои и обстрелы зафиксированы в районе Павлополь – Сартана. Артиллерия противника ведет массированный огонь по передовым позициям украинских войск, пытаясь создать условия для дальнейшего продвижения групп боевиков».

- е) 23 января 2015 года лидер ДНР Александр Захарченко заявил: «Мы будем наступать до границ Донецкой области». В средствах массовой информации это освещено как сообщение, которое

«свидетельствовало о планах ополчения захватить западные и южные территории области, включая портовый город Мариуполь, находившийся под контролем Украины».¹⁴⁰

- ф) В тот же день народный депутат Украины и командир батальона «Киев-1» Евгений Дейдей сообщил на Facebook, что

«[п]осле заявления Захарченко о намерении взять Мариуполь, в прилегающих к городу районах террористы начали наступление танками», добавив затем, что он не исключает, что «активные атаки сепаров в других секторах АТО – отвлекающий маневр».¹⁴¹

- г) Как сообщается, пресс-офицер «Антитеррористической операции» Андрей Лысенко заявил в тот же день (23 января), что, несмотря на то, что ДНР не начали танковое наступление в направлении Мариуполя, они

«ведут интенсивные обстрелы позиций [украинских] сил в районе окраин Мариуполя, в частности огонь ведется из артиллерии и танков».¹⁴²

По словам пресс-офицера, эти обстрелы нельзя назвать началом наступления на Мариуполь, поскольку, по его мнению, ДНР не были способны на такое наступление. 24 января Александр Захарченко, напротив, подтвердил начало наступления ДНР на Мариуполь.¹⁴³

115. Поскольку я не могу оценить точность всех процитированных выше источников, я буду исходить из того, что в них представлена относительно достоверная информация. С учетом сказанного, в период с 19 по 23 января 2015 года произошла эскалация боевых действий в районах, находящихся в непосредственной близости от Мариуполя, в частности под обстрел артиллерии попали позиции ВСУ как рядом с городом, так и далее на северо-северо-восток. Я не знаю, какая конечная цель могла быть у данных обстрелов, но я обращаю внимание на то, что, по словам Александра Захарченко, цель наступления заключалась в захвате Мариуполя.¹⁴⁴ Об этом намерении Александр Захарченко заявил 23 января, а затем и 24 января, сказав, что «сегодня началось наступление на Мариуполь».¹⁴⁵ С

¹⁴⁰ *Newsweek*, «Пока сепаратисты продвигаются, мирные жители оказались под перекрестным огнем», 23 января 2015, <https://www.newsweek.com/pro-russian-rebels-mount-new-offensive-ukraine-held-territory-301514> (Приложение 104).

¹⁴¹ Facebook страница Евгения Дейдея, координатора батальона Киев-1, доступно по ссылке: <https://web.facebook.com/evgeniy.deidei/posts/742959402462277>, 23 января 2015 (Приложение 190).

¹⁴² УНИАН, «Штаб АТО: боевики не наступают на Мариуполь, но интенсивно обстреливают его окрестности», 23 января 2015, <https://www.unian.net/war/1035588-shtab-ato-boeviki-ne-nastupayut-na-mariupol-no-intensivno-obstrelivayut-ego-okrestnosti.html> (Приложение 103).

¹⁴³ Канал на YouTube Российский Диалог.Ру, «Захарченко о начале наступления на Мариуполь», доступно по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=ShONb-aHJHw>, 24 января 2015 (Приложение 229): «Я скажу следующее: сегодня началось наступление на Мариуполь...».

¹⁴⁴ См. сноски 68, 140 выше.

¹⁴⁵ Канал на YouTube Российский Диалог.Ру, «Захарченко о начале наступления на Мариуполь», доступно по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=ShONb-aHJHw>, 24 января 2015 (Приложение 229).

учетом данных заявлений, вероятнее всего, обстрелы, которые проводились, по крайней мере, с 19 января, осуществлялись с целью подавления позиций ВСУ вокруг города.

116. Представляется, что Александр Захарченко изменил свою позицию вечером 24 января (уже после обстрела города). Несмотря на то, что ранее днем он заявил о «наступлении на Мариуполь», в коротком сообщении, которое вышло тем же вечером, Александр Захарченко сказал следующее:

«До сегодняшнего дня мы не вели активных действий у Мариуполя. Мы силы бережем. Но сейчас, после того как Киев решил свалить ответственность за ошибочный огонь своих «ГРАДов» из Бердянского по жилому кварталу на нас, я отдал приказ подавлять позиции украинских войск, расположенные к востоку от Мариуполя»

«Никто город штурмовать не собирается. [...] там наши люди, такие же дончане».¹⁴⁶

117. Мне сложно сопоставить данное заявление с вышеприведенными сведениями, в том числе и с собственными заявлениями Александра Захарченко от 23 и 24 января. Возможно, что после событий 24 января Александр Захарченко решил отменить запланированное наземное наступление с целью захватить город и не стал признавать участие ополчения в каких-либо обстрелах, произошедших в данном районе в то время, когда был обстрелян город. Однако Александр Захарченко все же заявил вечером о значительном наращивании украинских войск в районе Мариуполя. Изучив все процитированные выше источники, я полагаю, что ДНР, вероятнее всего, обстреливали позиции в районе Мариуполя 24 января и ранее, и, по крайней мере, до вечернего заявления Александра Захарченко 24 января эти действия соответствовали заявленной цели наступления на Мариуполь.

118. Мне неизвестно, какой стратегии ДНР придерживались в ходе данного конфликта, и я не делаю каких-либо предположений о реальных причинах наступления на Мариуполь. При этом достаточно очевидно, что в городе находятся важные объекты. В Мариуполе расположен крупный порт, имеющий ключевое значение для местной промышленности. Насколько я понимаю, его годовая пропускная способность составляет более 17 миллионов тонн грузов, включая зерно, масло, руду, металл, уголь и др.¹⁴⁷ Насколько мне известно, поставки угля имели огромное значение для Украины, поскольку ее собственные ресурсы в Донбасском угольном бассейне находились в зоне конфликта.¹⁴⁸ По всей видимости, Мариуполь также имел существенное стратегическое и военное значение. Согласно публикации Антона Геращенко от 24 февраля 2015 года, металлургическая и машиностроительная промышленность Мариуполя играла важную роль для обеспечения способности Украины производить броню для бронетехники. По мнению А. Геращенко, ДНР были известны эти обстоятельства, что объясняло их

¹⁴⁶ *Риа Новости*, «Захарченко: ополченцы не собираются штурмовать Мариуполь», 24 января 2015, <https://ria.ru/20150124/1044114975.html> (Приложение 106); Александр Захарченко употребил слово «дончане», которое в целом используют в отношении людей из Донецкой области.

¹⁴⁷ *Port News*, «Грузооборот морпорта Мариуполь (Украина) за 5 месяцев 2015 года снизился на 35,5% – до 3,812 млн тонн», 9 июня 2015, <https://portnews.ru/news/201076/> (Приложение 114).

¹⁴⁸ *Капитал*, «Станет ли украинский коксующийся уголь действительно украинским?», 27 февраля 2020, <https://www.capital.ua/ru/publication/138560-stanet-li-ukrainskiy-koksuyuschiy-ugol-deystvitelno-ukrainskim#ixzz6wHNkNZMe> (Приложение 141).

намерение захватить Мариуполь.¹⁴⁹ Кроме того, насколько я понимаю, Мариуполь до этого находился под контролем ДНР.¹⁵⁰

119. Хотя я не нашел достаточных доказательств реализованной попытки захватить Мариуполь, у меня нет оснований полагать, что ДНР не планировали такого рода наступления на город.
120. Кроме того, я хотел бы обратить внимание, что в тот же день после обстрела власти Мариуполя, как сообщается, усилили меры безопасности в городе, и что «все подразделения были полностью готовы к бою».¹⁵¹ Из этого я могу предположить, что украинские власти признавали возможность наземного наступления и готовились к нему.
121. В этой ситуации обстрел всех защищавших город украинских позиций стал бы логичным подготовительным этапом наступления, и, как я понимаю, процитированный мной выше Евгений Дейдей как раз так и воспринял это (см. § 114 (f) выше). Планируемое «наземное наступление» на город могло не состояться по целому ряду причин (в том числе из тактических соображений и более важных задач в других районах активных боевых действий).
122. Я хотел бы отметить, что Генерал Браун не анализирует описанную мной выше оперативную обстановку, а лишь обращает внимание в отношении «северного блокпоста» – позиции, которую он определил в качестве основной предполагаемой военной цели для обстрела – что «[н]икакого наземного наступления не намечалось».¹⁵² С учетом вышеупомянутых фактов, я не согласен с Генералом Брауном в том, что силы ДНР не планировали наземного наступления. Предоставленные мне расшифровки переговоров указывают на то, что силы ДНР на самом деле намеревались продвинуться вглубь контролируемой ВСУ территории в направлении Мариуполя,¹⁵³ что соответствует публичным заявлениям о наступлении на город.
123. Таким образом, учитывая описанную выше общую военную обстановку, я полагаю, что обстрел, от которого пострадал Мариуполь, 24 января 2015 года следует рассматривать в контексте общего наступления на позиции ВСУ в этом районе и планируемого наступления на город. Такой анализ ситуации также подтверждается событиями, которые произошли 24 января, в том числе соответствующими перехватами, которые я более подробно анализирую далее.¹⁵⁴ Как и в случае с другими перехватами, я не в состоянии оценить достоверность указанных доказательств. Однако, если в них

¹⁴⁹ См. Страница Антона Геращенко на Facebook, доступно по ссылке: <https://web.facebook.com/anton.gerashchenko.7/posts/816004235153092?rdc=1&rdr>, 24 февраля 2015 (с марта 2014 по ноябрь 2014 – внештатный советник министра внутренних дел Украины Арсена Авакова. См. *Лига Досье*, «Геращенко Антон, заместитель министра внутренних дел Украины», 9 февраля 2021, <https://file.liga.net/persons/gerashchenko-anton> (Приложение 142).

¹⁵⁰ См. Рисунок 4 выше.

¹⁵¹ *Associated Press*, «Полиция: 10 человек погибли в результате обстрела Мариуполя в Украине», 24 января 2015, <http://web.archive.org/web/20150124110035/http://abcnews.go.com/International/wireStory/10-reported-killed-rocket-fire-mariupol-ukraine-28447614> (Приложение 107).

¹⁵² Заключение Брауна, §49, со ссылкой на Министерство внутренних дел Украины, Главное управление Национальной гвардии Украины, Письмо № 27/6/2-3553 в Министерство иностранных дел Украины (31 мая 2018 г.) (Приложение 183 к Меморандуму Украины). Генерал Браун ссылается на письмо Национальной гвардии Украины, но я не нашел там никакого заявления подобного содержания.

¹⁵³ См. §§ 127–133.

¹⁵⁴ Приложения 413, 414, 415, 408 к Меморандуму Украины.

отражены действительно реальные переговоры, то из них явно следует, что ополчение обстреливало сразу несколько украинских позиций 24 января 2015 года. В большинстве расшифровок не упоминается местонахождение данных позиции ВСУ, однако, судя по названным позициям сил ВСУ¹⁵⁵ и названным источникам ответного огня,¹⁵⁶ огонь, скорее всего, был направлен против нескольких позиций, находящихся в районе Мариуполя. Это согласуется с тем фактом, что украинский суд установил, что Валерий Кирсанов (который, насколько я понимаю, по заявлению Украины, передавал информацию ДНР относительно местонахождения военных целей в районе Мариуполя) предоставлял ДНР координаты позиций ВСУ рядом с н.п. Талаковка, Сартана, Виноградное,¹⁵⁷ которые впоследствии и были обстреляны.¹⁵⁸

124. На карте Аброськина (Рисунок 10) также указаны обстрелы позиций рядом с н.п. Талаковка, Приморское и позиции на дороге на востоке города. Трагические события в Мариуполе, по понятным причинам, могли отвлечь внимание от других обстрелов и в целом от освещения всей военной обстановки, но важно не забывать об этом контексте при поиске потенциального объяснения (с военной точки зрения) обстрелу, в результате которого пострадал город.

3. Анализ перехватов переговоров

125. Насколько мне известно, Украина предоставила расшифровки (но не аудиозаписи) переговоров, которые якобы являются перехваченными телефонными переговорами представителей ДНР, посвященными, как представляется, подготовке и координации артиллерийских обстрелов 24 января 2015 года. Из них следует, что ДНР проводили артиллерийские обстрелы, которые могли быть направлены на поддержку запланированного наземного наступления. Генерал Браун ссылается лишь на некоторые из указанных разговоров, хотя мне представляется важным более широкий контекст.¹⁵⁹ Прежде всего, я остановлюсь на перехватах, которые, как представляется, свидетельствовали об управлении огнем артиллерии в интересах запланированного наземного наступления ДНР.

¹⁵⁵ Танковые позиции рядом с н.п. Ляпино, Перехваченные разговоры Максима Власова (23-24 января 2015 г.) (Приложение 408 к Меморандуму Украины), разговор № 162 (11:27:05) 24 января 2015:

«**Дикий**»: Ляпино, попали б...ть ниже под бугор б...ть, а наверху танков дох...я стоит б...ть.

¹⁵⁶ Перехваченные разговоры М. Власова (Приложение 408 к Меморандуму Украины), разговор № 185 (13:23:44) 24 января 2015: в расшифровке упоминается станция «Пичиксу» «за Кальчиком». Единственное место, которое приблизительно соответствует этому описанию, это станция Кичиксу, отмеченная на карте. Станция «Кичиксу» на Яндекс.Карты, доступно по ссылке: <https://yandex.ru/maps/-/CCUiy-W3LA> (Приложение 266):

«**Дикий**»: алло! Короче, ориентировочка еще одна есть. За Кальчиком станция «Пичиксу».

Макс «Югра»: угу.

«**Дикий**»: по карте посмотрите, там короче, отдудова хуя...т по Мариуполу «Грады».

Макс «Югра»: угу.

«**Дикий**»: и там восьмиосная х...ня стоит – «Смерч», как оно б...ть...

Макс «Югра»: да я понял, понял. Еще раз скажи пожалуйста братик.

«**Дикий**»: За Кальчиком станция есть какая-то «Пичиксу».

¹⁵⁷ Украина, Приморский районный суд г. Мариуполя, дело № 265/4773/15-к, Приговор, 18 июня 2019, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/82431956> (Приложение 77).

¹⁵⁸ См. карту в § 109 выше.

¹⁵⁹ См. Заключение Брауна, §§ 48(с) и 54 со ссылкой на Перехваченный разговор между Кирсановым и Пономаренко («Террорист») (10:38:14, 24 января 2015 г.) (Приложение 414 к Меморандуму Украины).

126. Например, из разговора № 68 следует,¹⁶⁰ что по крайней мере несколько артиллерийских расчетов стреляли «по готовности», что могло бы обеспечить постоянное огневое воздействие в интересах поддержки наступления подразделений ДНР.
127. Кроме того, в перехваченном разговоре, цитируемом И. Е. Яновским,¹⁶¹ Пономаренко (один из бойцов ДНР) просит обстрелять блокпост, чтобы он пошел туда и «зачистил».¹⁶² Это свидетельствует о планах организовать наземные атаки с поддержкой артиллерией.
128. В другом разговоре № 117¹⁶³ «Югра» (другой боец ДНР), выяснив, что артиллерия поразила цель, просит передать командиру собеседника приказ идти в атаку. Поскольку, как представляется, был произведен успешный артиллерийский обстрел цели, я полагаю, что речь идет о наземной атаке.
129. Кроме того, в разговоре № 68, «Югра» подчеркивает важность наступления и сообщает время его начала. По всей видимости, обстрелы планировалось начать в 7:30 и дальше стрелять по готовности, однако, исходя из текста разговоров, артиллерия, очевидно, начала работать с 8:00 и закончила после 16:00 (по крайней мере, в это время был зафиксирован последний представленный мне разговор об обстрелах).¹⁶⁴
130. Еще в одном перехвате в 8:04 «Рубен» (по-видимому, один из командиров артиллерийских подразделений ДНР) получил команду «огонь». За несколько минут до обстрела, попавшего по жилому району Мариуполя, в 9:13 «Терек» получил команду «огонь».¹⁶⁵ Насколько я понимаю, метаданные о месте перехвата с номера «Терека» предоставлены не были, что могло бы подтвердить или опровергнуть версию Украины о месте пуска.

¹⁶⁰ Перехваченные разговоры М. Власова (Приложение 408 к Меморандуму Украины), разговор № 68 (23:38:47) 23 января 2015:

Макс «Югра»: Слушай сюда и Рубену передаш[ь], первая работа [т.е. обстрел] в 7:30, понятно, да? Только да, самая первая в 7:30, а потом уже по готовности, да. В 5:55 мне надо будет доложить тебе и Рубену, что все нормально, как бы вы готовы, понятно, да?

Там же, разговор № 177 (12:51:35) 24 января 2015:

«Горец»: да не надо ждать. Открывает огонь и едет заряжаться дальше. Выполняет задачу и едет заряжаться. Давай быстрее, давай. Значит смотри, записывай время...

Там же, разговор № 107 (07:55:55) 24 января 2015:

Макс «Югра»: огонь, потом уходишь, перезарядку и постоянно на связи с Рыжим. Как Рыжий готов, докладываешь мне, понял, да? Давай.

¹⁶¹ Показания И. Е. Яновского (Приложение 5 к Меморандуму Украины), § 16 со ссылкой на Перехваченный разговор между Евдотием («Пепел») и Пономаренко (18:00:22, 23 января 2015 г.) (Приложение 418 к Меморандуму Украины).

¹⁶² Приложение 418 к Меморандуму Украины:

«Пепел» [другой боец ДНР]: Будет, будет и Восточный сегодня, не волнуйся.

Пономаренко: Чтобы, бл*ть, я пошел, на*уй, туда, бл*дь, и зачистил.

¹⁶³ Перехваченные разговоры М. Власова (Приложение 408 к Меморандуму Украины), разговор № 117 (08:33:38) 24 января 2015:

Макс «Югра»: подожди. Огонь «Малыша» корректировали? Огонь «Малыша»?

Неустановленное лицо: да.

Макс «Югра»: и что, поразили?

Неустановленное лицо: да.

Макс «Югра»: все, передай своему командиру в атаку вперед б...ть. Если поразили.

¹⁶⁴ Там же, разговор № 221 (16:13:04) 24 января 2015, последний разговор в этом Приложении, относящийся к обстрелам.

¹⁶⁵ Там же, разговор № 130 (09:13:32) 24 января 2015:

Макс «Югра»: да, да!

«Терек»: двумя готов, есть.

Макс «Югра»: все, давай ху*рь!

131. В целом, кажется, что военные действия в районе Мариуполя были довольно активными: в разговоре № 7 «Югра» говорит, что его «месили»,¹⁶⁶ в разговоре № 28 упоминаются двое убитых¹⁶⁷ (как следует из другого разговора) в результате обстрела из РСЗО БМ-21 «Град».¹⁶⁸
132. В день обстрела и накануне участниками боевых действий обсуждалось как минимум 11 целей, которые упоминались по номерам: №№ 102,¹⁶⁹ 103 и 112,¹⁷⁰ 101, 104, 105 и 106,¹⁷¹ 107, 109, 108, 156.¹⁷² Указанные цели могли быть обстреляны с разных позиций и разными артиллерийскими подразделениями (с применением различных артиллерийских систем). По каким-то из этих целей могли периодически стрелять одновременно с нескольких огневых позиций несколько раз в течение дня. Поскольку цели упоминаются исключительно по их номерам, не представляется возможным определить, о каких целях и местах нанесения ударов идет речь.
133. Насколько я понимаю из разговоров, некоторые артиллерийские обстрелы и наземные наступления были в ряде районов успешными. Так, Кирсанов (информатор ДНР, упомянутый в §§ 100, 123 выше) сообщает, что ВСУ вывозит целую и битую технику (танки, пушки) из н.п. Орловское и Талаковка.¹⁷³
134. С учетом сказанного, вероятнее всего, украинская артиллерия также находилась в районе Мариуполя (поскольку в некоторых перехватах говорится об обмене огнем).¹⁷⁴ На основании представленных мне материалов я не могу установить местоположение украинских артиллерийских позиций, и мне не предоставили военных документов по этому вопросу.

¹⁶⁶ Приложение 408 к Меморандуму Украины, разговор № 7 (08:32:59) 23 января 2015:

Макс «Югра»: Да, я стою. Ну как бы это бл*дь. Нормально. Последние 4 дня вообще пиздец был как бы. Ну ты сам понимаешь. Мне сказали, на себя их вытягивать. Видишь, я как бы. Др*чил, бл*дь. Просто месился там, меня месили. Ну в общем, вот так. Как у тебя, братик, дела?

¹⁶⁷ Там же, разговор № 28 (16:23:58) 23 января 2015:

Макс «Югра»: Да там, этот, 2 двухсотых.

Неустановленное лицо: Где?

Макс «Югра»: На парусе.

¹⁶⁸ Перехваченные разговоры М. Власова (Приложение 408 к Меморандуму Украины), разговор № 31 (17:59:51) 23 января 2015:

«Горец»: Макс, у тебя есть информация. Вас сегодня не обстреливали с «Градов»?

Макс «Югра»: Да, обстреляли.

¹⁶⁹ Там же, разговор № 111 (08:04:06) 24 января 2015.

¹⁷⁰ Там же, разговор № 29 (16:39:44) 23 января 2015.

¹⁷¹ Там же, разговор № 91 (06:55:47) 24 января 2015.

¹⁷² Там же, разговор № 144 (10:18:48) 24 января 2015.

¹⁷³ Перехваченный разговор между Кирсановым и Пономаренко (10:38:14, 24 января 2015 г.) (Приложение 414 к Меморандуму Украины):

Валерий Кирсанов: Так это, слышишь, ну валят нах*й, валят эти укрупы, валят это. Сссс, скажи. Ссссс Талаковски, оттуда бл*ть, Орловское, Талаковка. Короче это, всю ночь нах*й тралами вывозили нах*й.

Перехваченный разговор между Кирсановым и Пономаренко (11:04:12, 24 января 2015 г.) (Приложение 415 к Меморандуму Украины):

Валерий Кирсанов: Алле. Ну говорит, это, говорит, слышно говорит, что стреляют, но говорит это, там пацан, шо в этом магазине, шо торгует говорит – вояки останавливались масло брать, ну начал с ними разговаривать, а они говорят, кароче, шо это, так и сяк, шо мол технику убрали отсюда под Мариуполь, ну, бл*ть, Мариуполь.

¹⁷⁴ Перехваченные разговоры М. Власова (Приложение 408 к Меморандуму Украины), разговор № 28 (16:23:58) 23 января 2015:

Макс «Югра»: Да там, этот, 2 двухсотых.

Неустановленное лицо: Где?

Макс «Югра»: На парусе.

135. Я полагаю, что предоставленные мне материалы перехватов в целом соответствуют предположению об активных боевых действиях на направлении Мариуполя и об объявленном ДНР готовящемся наступлении на город. Далее я рассмотрю выводы Генерала Брауна относительно огневых позиций и возможных целей обстрела.

В. Вывод Генерала Брауна о месте, с которого производился обстрел

136. В § 46 своего Заключения Генерал Браун полагается на данные протокола осмотра, подготовленного старшим специальным следователем Следственного департамента Управления СБУ в Донецкой области, Михаилом Онищенко, , в котором сказано, что

«направления [стрельбы], определенные от воронок до огневой позиции находятся в промежутке от 1 300 делений угломера до 1 433 делений угломера (между востоком и востоко-северо-востоком)».¹⁷⁵

137. По всей видимости, была допущена ошибка, и Генерал Браун вместо этого хотел сослаться на протокол осмотра 25 января 2015 года, составленный следователем СБУ В.В. Романенко¹⁷⁶ при участии заместителя начальника штаба реактивно-артиллерийского дивизиона воинской части А2167 Сергея Дмитриева (того же эксперта, который принимал участие в анализе обстоятельств обстрела блокпоста «Бугас», в котором его выводы, как представляется, отличаются от выводов ОБСЕ). В данном протоколе осмотра приведено измеренное с помощью перископической артиллерийской буссоли ПАБ-2М направление огня для девяти воронок.

138. Как отмечено в Заключении Брауна, анализ воронок, проведенный Украиной, отличается от анализа воронок, представленного СММ ОБСЕ, на 41 градус, что, как отмечает Генерал Браун, «больше, чем [он] ожидал бы при анализе воронок».¹⁷⁷ Я согласен с этой точкой зрения. Математический анализ влияния такого различия (41 градус или 6-83 делений угломера, поскольку 6 градусов соответствуют одному делению угломера) на расстоянии 19 км (согласно Генералу Брауну) показывает, что величина отклонения будет составлять около 13 км (с помощью формулы тысячной $V=D*U/1000$, где V – величина отклонения в метрах, U – величина отклонения в делениях угломера, а D – дальность стрельбы).¹⁷⁸

139. Генерал Браун заявляет, что, в свете «согласующихся» результатов анализа дальности стрельбы, полученных украинскими следователями (16,4–17,8 км) и ОБСЕ (15–19 км), «разница между отчетами украинской стороны и ОБСЕ [относительно направления обстрела] в любом случае представляет лишь теоретический интерес, поскольку... все анализы воронок свидетельствуют о том, что огневые позиции были на территории, находящейся под контролем ДНР».¹⁷⁹

¹⁷⁵ Протокол осмотра, составленный Михаилом Онищенко, старшим специальным следователем Следственного департамента, Донецкое областное управление Службы безопасности Украины (25 января 2015 г.) (Приложение 92 к Меморандуму Украины).

¹⁷⁶ Протокол осмотра места преступления, проведенного В.В. Романенко, старшим следователем отделения внутренних дел Отдела расследований Управления службы безопасности Украины по Донецкой области (25 января 2015 г.) (Приложение 94 к Меморандуму Украины).

¹⁷⁷ Заключение Брауна, § 46.

¹⁷⁸ Министерство обороны СССР, *Учебник по стрельбе наземной артиллерии (для артиллерийских училищ)*, Книга один, Военное издательство, Москва 1961, стр. 68.

¹⁷⁹ Заключение Брауна, § 47.

140. Я не согласен с данным утверждением. Такая ошибка может свидетельствовать о том, что проведенный украинскими следователями анализ воронок является ненадежным (настолько, что ошибки в определении направления превышали 40 градусов), и/или о том, что обстрел мог быть произведен с разных направлений. Учитывая то, что ОБСЕ не предоставили подробные данные о проведенном им анализе,¹⁸⁰ я не в состоянии определить причину такого расхождения. Далее я перейду к результатам моего изучения материалов расследования, которые, настолько я понимаю, были предоставлены Украиной.
141. Всего мне было представлено пять протоколов осмотра мест поражения.¹⁸¹ Как я понимаю, район поражения был разделен на четыре сектора для проведения сплошного осмотра места происшествия и оценки всех повреждений (мне были предоставлены три таких протокола осмотра).¹⁸² В одном из двух оставшихся протоколов по какой-то причине отдельно рассмотрены повреждения некоторых домов.¹⁸³ Пятый протокол содержит более подробное исследование отдельных воронок из всех четырех секторов.¹⁸⁴
142. Насколько я понимаю, протокол по первому сектору поражения предоставлен Украиной не был, несмотря на заявление Яновского о том, что «к каждому сектору была прикреплена отдельная следственная группа».¹⁸⁵ Это кажется мне странным. В отсутствие этого протокола на основании предоставленных Украиной материалов невозможно сделать вывод об общем количестве мест попаданий, хотя СБУ заявляет об обнаруженных ими 154 местах попаданий.¹⁸⁶ Кроме того, не представляется возможным в целом оценить направление или дальность стрельбы применительно к обстрелу первого сектора (учитывая то, что Дмитриев изучил лишь 2 из 51¹⁸⁷ воронок из данного

¹⁸⁰ Как верно отмечает Генерал Браун (Заключение Брауна, § 46).

¹⁸¹ Протокол осмотра места преступления, проведенного Т.А. Белобоковой, лейтенантом полиции и старшим уголовным следователем в Орджоникидзевском районном отделении Мариупольского городского управления Центрального управления МВД (24 января 2015 г.) (Приложение 90 к Меморандуму Украины); Протокол осмотра, составленный Михаилом Онищенко, старшим специальным следователем Следственного департамента, Донецкое областное управление Службы безопасности Украины (25 января 2015 г.) (Приложение 92 к Меморандуму Украины); Протокол осмотра места преступления, проведенного В.В. Романенко, старшим следователем отделения внутренних дел Отдела расследований Управления службы безопасности Украины по Донецкой области (25 января 2015 г.) (Приложение 94 к Меморандуму Украины); Протокол осмотра места преступления, проведенного А.В. Мартынюком, подполковником юстиции и старшим следователем Следственного отдела Донецкого областного управления СБУ (25 января 2015 г.) (Приложение 96 к Меморандуму Украины); Протокол осмотра места преступления, проведенного О.В. Старостенко, старшим лейтенантом юстиции и старшим уголовным следователем Следственного отдела Донецкого областного управления СБУ (25 января 2015 г.) (Приложение 97 к Меморандуму Украины).

¹⁸² Показания И. Е. Яновского (Приложение 5 к Меморандуму Украины), § 14. См. также Протокол осмотра места происшествия, проведенного старшим следователем по уголовным делам следственного отдела Управления Службы безопасности Украины по Донецкой области старшим лейтенантом юстиции О.В. Старостенко (25 января 2015 года) (Приложение 97 к Меморандуму Украины); Протокол осмотра места происшествия, подготовленный старшим следователем по особо важным делам следственного отдела Управления Службы безопасности Украины по Донецкой области майором юстиции М.М. Онищенко (25 января 2015 года) (Приложение 92 к Меморандуму Украины); Протокол осмотра места происшествия, проведенного старшим следователем следственного отдела Управления Службы безопасности Украины по Донецкой области подполковником юстиции А.В. Мартынюком (25 января 2015 года) (Приложение 96 к Меморандуму Украины).

¹⁸³ Протокол осмотра места происшествия Т.А. Белобоковой (Приложение 90 к Меморандуму Украины).

¹⁸⁴ Протокол осмотра В.В. Романенко (Приложение 94 к Меморандуму Украины).

¹⁸⁵ Показания И.Е. Яновского (Приложение 5 к Меморандуму Украины), § 14.

¹⁸⁶ Там же, § 14.

¹⁸⁷ Я посчитал все воронки, упомянутые в протоколах осмотра места происшествия, которые мне были предоставлены (сноска 181 выше). Насколько я могу судить из перевода оригинала Экспертного заключения №

сектора). Я хотел бы отметить, что в представленных мне материалах есть данные об обстреле Мариуполя с территории, которая, как я понимаю, была подконтрольна правительственным войскам Украины. Так, в перехваченном разговоре, состоявшемся в 13:23, упоминается обстрел Мариуполя со стороны станции Кичиксу (около 28 км на север от микрорайона «Восточный»)¹⁸⁸, которая, как я понимаю, находилась под контролем ВСУ во время обстрела.¹⁸⁹

143. Если рассматривать все предоставленные материалы в целом, то в них указано 95 мест попаданий, включая 73 воронки (в основном без фотографий или других изображений (Рисунок 11)). Несмотря на то, что, насколько я понимаю, эксперту, привлеченному украинскими следователями, предоставили протоколы осмотра мест падения 124 снарядов, мне все указанные протоколы продемонстрированы не были. В любом случае, эта цифра меньше, чем 154 места попаданий, упомянутые И.Е. Яновским.¹⁹⁰

143 на русский язык, эксперты изучили протоколы осмотра всех четырех (а не трех) секторов. По результатам изучения четырех секторов, эксперты пришли к выводу, что, по меньшей мере, 124 снаряда попали в указанные четыре сектора (см. § 5 раздела «Выводы» Экспертного заключения № 143 (3 апреля 2015 г.) (Приложение 117 к Меморандуму Украины)). Однако никакой информации об азимуте или углах падения предоставлено не было.

¹⁸⁸ Перехваченные разговоры М. Власова (Приложение 408 к Меморандуму Украины), разговор № 185 (13:23:44) 24 января 2015. В расшифровке упоминается станция «Пичиксу» «за Кальчиком». Судя по предоставленной мне информации, единственное место, которое приблизительно соответствует этому описанию, это станция Кичиксу, отмеченная на карте в Приложении 266.

¹⁸⁹ Вывод о том, что она находилась под контролем ВСУ, следует из карты ИАЦ СНБО, «Ситуация на востоке Украины по состоянию на 24 января», 12:37, 24 января 2015, <http://mediarnbo.org/2015/01/24/situatsiya-na-vostoke-ukrainyi-na-24-yanvarya/?lang=ru> (Приложение 58). В предоставленной расшифровке из Перехваченного разговора между Евдотием («Пепел») и Кирсановым (10:36:40, 24 января 2015 г.) (Приложение 413 к Меморандуму Украины) также упоминается обстрел со стороны н.п. Виноградное, но я считаю, что это менее вероятно, поскольку это означало бы, что огонь велся со слишком близкого расстояния.

¹⁹⁰ См. Показания И.Е. Яновского (Приложение 5 к Меморандуму Украины), § 14.

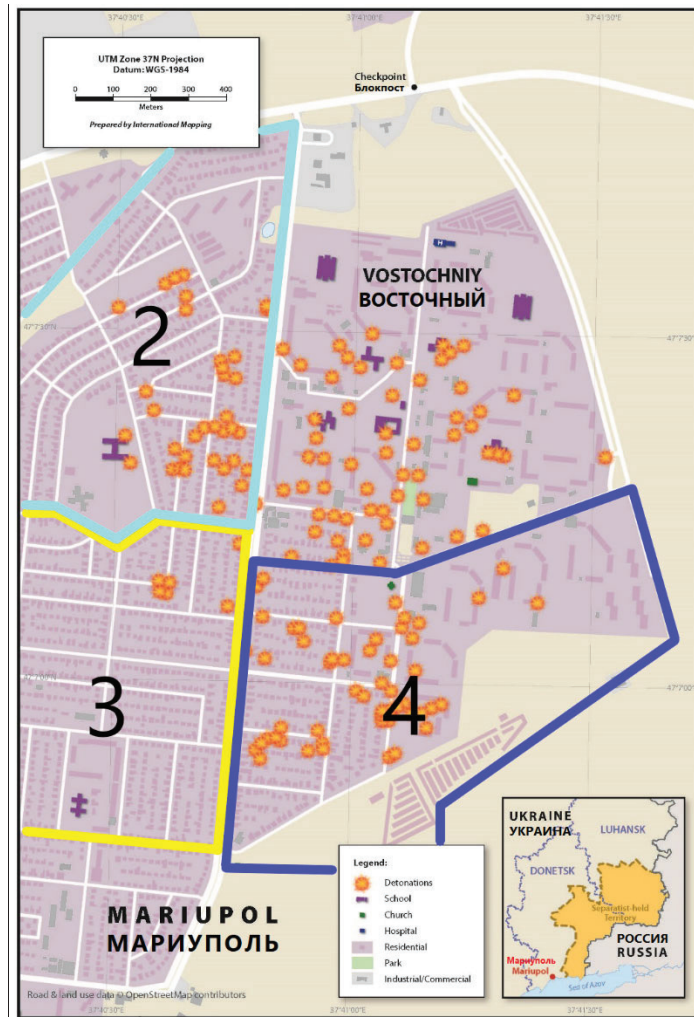

Рисунок 11 - Сектора с местами попаданий снарядов, отмеченные на предоставленной Украиной карте

144. В некоторых протоколах осмотра зафиксированы азимут и углы падения для части воронок. Как я уже отмечал выше, мне не известно ни одной надежной методики точного определения дирекционных углов по форме воронки. Таким способом можно установить направления только приблизительно (при этом даже приблизительные направления отличаются у ОБСЕ и украинского следствия), а не вплоть до делений угломера, как заявляет Дмитриев в Приложении 94 к Меморандуму Украины. Дмитриев и следователи полагались на угол рейки, помещенной в воронку, однако непонятно, каким образом они решили, как именно им следует поместить рейку в воронку, и каким образом они измерили угол.¹⁹¹
145. Сделанные в украинских протоколах осмотра выводы об углах падения еще менее надежны.¹⁹² Несмотря на то, что Дмитриев, по всей видимости, немного изменил метод измерения углов, основная проблема остается такой же: рейка, помещенная в воронку

¹⁹¹ Например, в Протоколе осмотра места происшествия М.М. Онищенко (Приложение 92 к Меморандуму Украины) и Протоколе осмотра места происшествия А.В. Мартынюка (Приложение 96 к Меморандуму Украины) говорится, что рейка была помещена в центр воронки. Нет никаких объяснений того, как был определен центр. В Протоколе осмотра места происшествия М.М. Онищенко (Приложение 92 к Меморандуму Украины) также сказано, что рейка была размещена «в направлении вероятной оси пробития снаряда».

¹⁹² См. мои объяснения на эту же тему применительно к блокпосту в Волновахе (см. §§ 72-74 выше).

(или даже во фрагмент снаряда или оставленное им углубление), не может точным образом имитировать траекторию снаряда.¹⁹³

146. Судя по фотографиям, сделанным следователями, они помещали рейки в фрагменты снарядов (двигатели) или углубления, оставшиеся после извлечения указанных фрагментов. Как отмечено в § 78 выше, неверно предполагать, что осколки вошли в землю по той же траектории, что и снаряд до его подрыва. Это приводит к появлению дополнительных ошибок при определении угла падения снарядов и направления, откуда производился обстрел.
147. Я хотел бы отметить, что украинские следователи определили азимут только у нескольких воронок, и при этом во всех случаях указали, что огонь велся с востока. Поскольку, согласно протоколам осмотра, следователи (в отличие от Дмитриева) не использовали никакого оборудования для определения направления, возможно, что восточное направление также включало в себя северо-восток (т.е. направление, определенное ОБСЕ и Генералом Брауном). Из этого следует, что некоторые воронки могли показывать направление на восток, а другие – на север-восток, но определить, какое из направлений является более точным, невозможно.
148. В этой связи я не могу проанализировать характер рассеивания снарядов, поскольку (1) не все воронки можно точно обозначить на карте,¹⁹⁴ и (2) невозможно отличить друг от друга снаряды, которые могли быть выпущены с разных позиций (исходя из данных ОБСЕ и украинского расследования, обстрел мог происходить с разных позиций).
149. На основании предоставленных мне документов я не могу проверить направление и дальность до огневых позиций, откуда производился обстрел. Соответственно, я продолжу свой анализ, исходя из предположения, что приведенные далее фактические обстоятельства действительно имели место быть. Как минимум 95 снарядов (количество воронок, описанных в предоставленных мне украинских протоколах осмотра) попали по жилым районам на востоке Мариуполя, при этом сами снаряды прилетели с восточного или северо-восточного направления, хотя более точное направление определить невозможно, и нет ясности относительно расстояния до огневых позиций.¹⁹⁵
150. Что касается предполагаемого обстрела с северо-востока, мне не совсем понятно, каким образом было определено направление, и действительно ли он указывает на огневые позиции на подконтрольной ДНР территории (или же ОБСЕ предположили, что это наиболее вероятный вариант). Насколько я понимаю, определенные территории на северо-северо-востоке находились под контролем украинских правительственных войск. Однако я буду полагаться на информацию ОБСЕ относительно того, кто вел обстрел, поскольку у меня нет никакой возможности проверить, насколько точно они измерили направление, с которого производился обстрел.

¹⁹³ См., например, Протокол осмотра места происшествия А.В. Мартынюка (Приложение 96 к Меморандуму Украины), с. 8, 10, 11.

¹⁹⁴ Насколько я понимаю со слов Александра Бобкова, ему не удалось обнаружить на спутниковых снимках предполагаемые места падения снарядов, выпущенных из РСЗО по жилым районам города, ввиду того, что места падения не видны в городской местности.

¹⁹⁵ Я не в состоянии извлечь больше никаких дополнительных сведений из описания собственного анализа Генералом Брауном в § 46. Я хотел бы еще раз отметить, что неясно, сколько мест падения было изучено, где и как.

151. Если принять во внимание общую ситуацию на месте событий, представляется, что снаряды, прилетавшие с восточного или северо-восточного направления, вероятнее всего, были выпущены с позиций, находящихся под контролем ДНР. Вполне вероятно, что эти позиции были задействованы в артиллерийском обстреле, о котором идет речь в расшифровках переговоров. Как я указывал ранее, этот обстрел мог проводиться в рамках подготовки к наземному наступлению и для его поддержки.

С. Выводы Генерала Брауна относительно цели обстрела

1. Потенциальные цели

152. Генерал Браун приходит к выводу (на основании Письма № 27/6/2-3553 Национальной гвардии Украины¹⁹⁶), что на восточной окраине Мариуполя находилось три позиции правительственных сил, и что маловероятно, чтобы какая-либо из них была целью обстрела.¹⁹⁷ В частности, в § 49 он акцентирует внимание на так называемом «северном блокпосте» (блокпосте № 4014) на пересечении двух основных дорог, ведущих в Мариуполь с востока, и предполагает, что он был самой ближайшей военной целью к району обстрела, заявляя при этом, что он находился недостаточно близко¹⁹⁸ и представлял минимальную военную значимость, соответственно артиллерийский обстрел был бы оправдан только при условии, что после него «сразу же началось бы наступление наземных сил».¹⁹⁹ С учетом сказанного, Генерал Браун приходит к выводу, что микрорайон «Восточный» был настоящей целью обстрела.
153. Генерал Браун заявляет, что задача «[северного] блокпоста была оборонительного, а не наступательного характера».²⁰⁰ Важно рассмотреть данную информацию в контексте. Три позиции Национальной гвардии Украины вблизи восточных окраин Мариуполя, упомянутые Генералом Брауном в § 48 своего Заключения (а также некоторые другие позиции, установленные в Заключении Бобкова²⁰¹), по всей видимости, представляли собой систему оборонительных позиций города, оборудованных для отражения возможного наступления.
154. Насколько я могу судить по Заключению Бобкова, город, вероятно, был защищен системой военных позиций. Для нападения с востока могли быть использованы три дороги: трассы М-14 и Т0519, а также участок дороги С051236 со стороны н.п. Виноградное. Каждая из дорог, по-видимому, была защищена оборонительными позициями: ротными (взводными) опорными пунктами и блокпостами²⁰². Представляется, что район между позициями был также укреплен. Если бы силы ВСУ

¹⁹⁶ Заключение Брауна, § 48.

¹⁹⁷ Указанные позиции отражены на карте в Заключении Бобкова (Рисунок 32). Штаб, который также упомянут Генералом Брауном, находился в черте города (на расстоянии около 3,4 км от ближайших мест попаданий), и я согласен с Генералом Брауном, что он, вероятнее всего, не являлся целью рассматриваемого обстрела. Примечательно, что Генерал Браун не рассматривает РОП № 4013 (Письмо № 27/6/2-3553 Главного управления Национальной гвардии Украины Министерства внутренних дел Украины в адрес Министерства иностранных дел Украины (31 мая 2018) (Приложение 183 к Меморандуму Украины)). Далее я выскажу свое мнение относительно данного объекта в качестве цели.

¹⁹⁸ Заключение Брауна, § 48(d).

¹⁹⁹ Там же, § 49.

²⁰⁰ Там же.

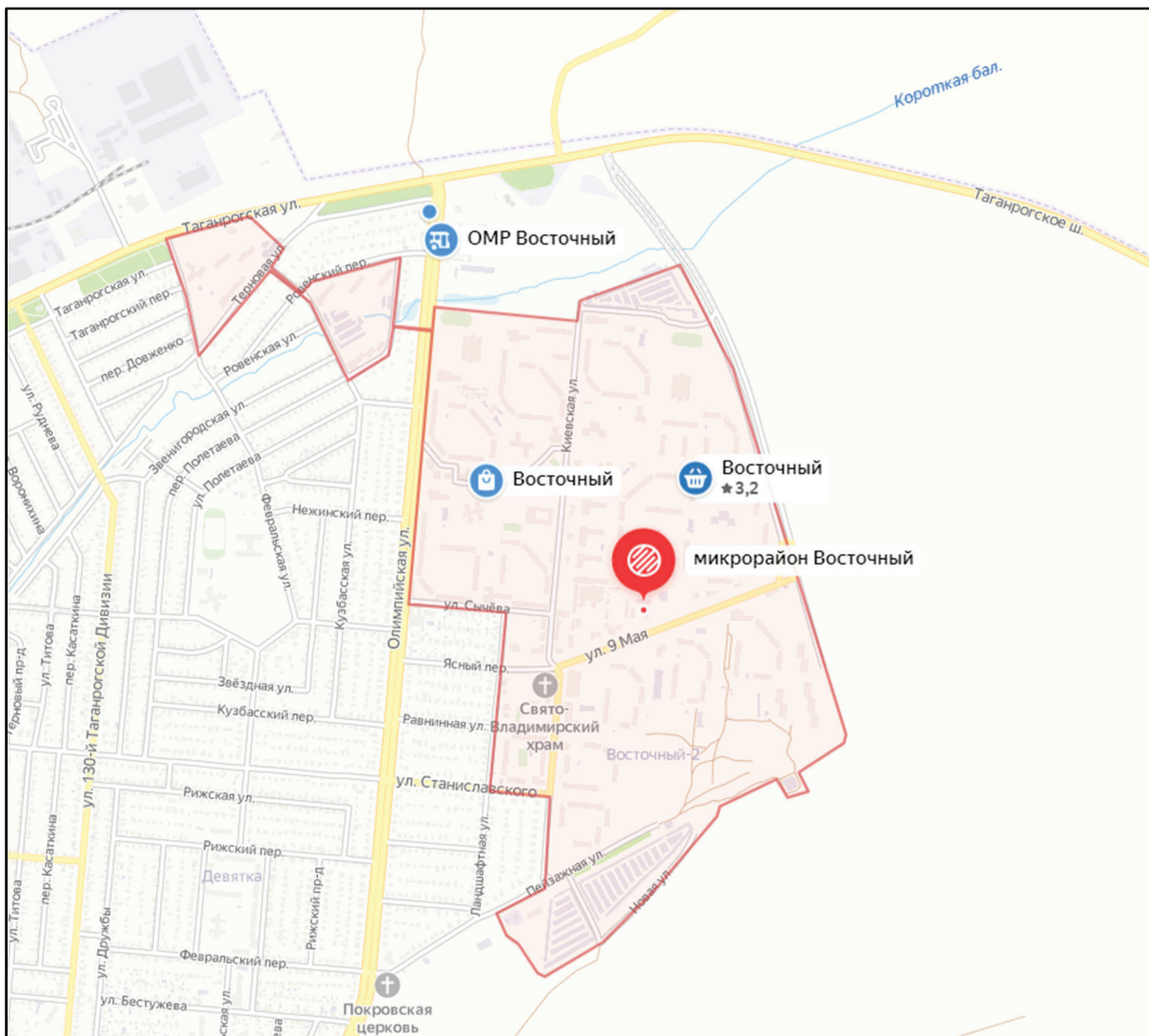
²⁰¹ Заключение Бобкова, Рисунок 31.

²⁰² Подробнее о них речь пойдет ниже.

были вытеснены с данных позиций, то это могло бы обеспечить ДНР беспрепятственный выход к Мариуполю с указанных направлений.

155. Мне кажется, что позиции ВСУ перед Мариуполем могли стать целью данного обстрела именно из-за того, что они оказались передовыми позициями на этом направлении. Я не могу судить о том, выполняли ли они наступательные задачи в момент обстрела, хотя в этом контексте важно обратить внимание на сообщения о развертывании позиций реактивной артиллерии в 500 метрах от «северного блокпоста» 5 сентября 2014 года.²⁰³ Как бы то ни было, даже оборонительная роль в контексте объявленного наступления на Мариуполь в достаточной степени объясняет атаку на эти позиции. Если учесть расположение мест попаданий в городе, то, по всей видимости, самыми ближайшими потенциальными целями могли быть позиции №№ 20–25, идентифицированные в Заключении Бобкова (Рисунок 14).
156. В сноске 60 своего Заключения Генерал Браун объясняет, что, по его мнению, предоставленные Украиной перехваты подтверждают, что жилой микрорайон (Восточный) был настоящей целью обстрела. Он ссылается на перехваченный разговор между Кирсановым и Пономаренко, в котором говорится, что снаряды перелетели на 1 км через весь жилой микрорайон «Восточный» (Рисунок 12), а также на разговор между «Пеплом» (другим бойцом ДНР) и Пономаренко, где последний настаивает на том, чтобы «Пепел» обстрелял «Восточный», что, по мнению Генерала Брауна, означало жилой микрорайон «Восточный». Я не согласен с тем, как Генерал Браун интерпретировал данные документы.

²⁰³ См. § 164 ниже

Данные карт: © Яндекс.

Рисунок 12 - Микрорайон «Восточный» на Яндекс.Карты (отмечен красным)²⁰⁴

157. Мне сообщили, что Украина не предоставила расшифровку еще одного перехвата, посвященного обстрелу «Восточного».²⁰⁵ В Заключении Брауна об этом дополнительном перехвате также ничего не сказано. Я изучил данный дополнительный перехват. Из него следует, что, обсуждая обстрел «Восточного», Пономаренко и «Пепел» не имели в виду жилой район города. В первом разговоре Пономаренко просит «Пепла» «насыпать» на «Восточный», на что «Пепел» не соглашается, учитывая то, что, по его мнению, «девятиэтажки» находятся слишком близко к обсуждаемой ими цели. Пономаренко настаивает, говоря, что они «х** знает где» и просит его «насыпать» на «трассу...на сам блокпост», добавив, что «там» до девятиэтажек «километра полтора».
158. Как представляется, из этого разговора следует, что под «Восточным» на самом деле понимается цель, находящаяся примерно в 1,5 км от жилых зданий. По-видимому,

²⁰⁴ Яндекс.Карты, микрорайон Восточный, Мариуполь, Донецкая область, Украина, доступно по ссылке: <https://yandex.ru/maps/-/CCUe7DrecB>.

²⁰⁵ YouTube канал Службы Безопасности Украины, «СБУ перехватила разговор террористов, являющийся доказательством их причастности к обстрелам Мариуполя», доступно по ссылке: https://www.youtube.com/watch?v=H1a_KkguBlg, 24 января 2015 (Приложение 228). Судя по контексту Пономаренко и «Пепел» обсуждают в этом разговоре тот же «Восточный», что и в расшифровке, приведенной в Приложении 418 к Меморандуму Украины.

данной целью не были ни сам жилой микрорайон, ни блокпост № 4014 («северный блокпост»), как он определен у Генерала Брауна; позиция № 20 на Рисунок 13²⁰⁶), который находится всего в 500 м от жилого района. На основании имеющейся информации, я считаю, что, вероятнее всего, вместо этого речь идет о ротном опорном пункте № 4013, упомянутом в Письме № 27/6/2-3553 Национальной гвардии Украины²⁰⁷ (позиция № 17 на Рисунок 13),²⁰⁸ которая находится приблизительно в 1,7 км от ближайших жилых зданий.

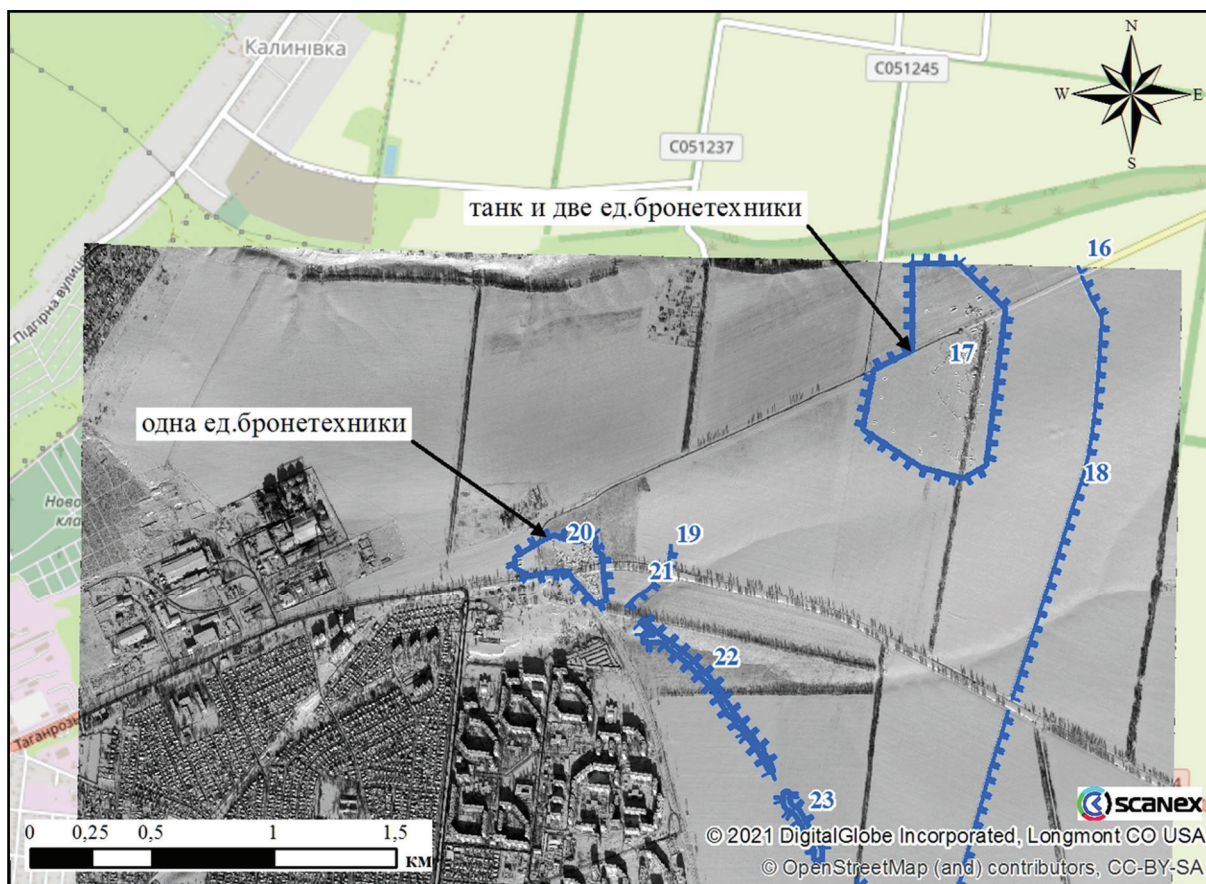

Рисунок 13 - Позиции №№ 17 и 20 из Заключения Бобкова²⁰⁹

159. Мне показали несколько видеозаписей, опубликованных 5 сентября 2014 года, на которых, судя по их названиям, запечатлен обстрел «восточного блокпоста»: «Мариуполь Град Обстрел восточного блок-поста | Видео»,²¹⁰ «Мариуполь Град Обстрел восточного блокпоста».²¹¹ Как указано в Заключении Бобкова, на данных видеозаписях на самом деле запечатлен обстрел ротного опорного пункта 4013 (позиция № 17 на

²⁰⁶ Заключение Бобкова, § 72, Рисунок 27.

²⁰⁷ Письмо № 27/6/2-3553 Главного управления Национальной гвардии Украины Министерства внутренних дел Украины в адрес Министерства иностранных дел Украины (31 мая 2018) (Приложение 183 к Меморандуму Украины).

²⁰⁸ Заключение Бобкова, § 74, Рисунок 27.

²⁰⁹ Заключение Бобкова, § 63, Рисунок 27.

²¹⁰ YouTube канал EraNews, «Мариуполь Град Обстрел восточного блок-поста | Видео», доступно по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=ZxT4mP7ySvq>, 4 сентября 2014 (Приложение 218); в другом источнике в названии видео упоминается восточный блокпост: YouTube канал Evgenii Shulishov, «г.Мариуполь восточный блокпост 04.09.14», доступно по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=040GewYVIjw>, 5 сентября 2014 (Приложение 221).

²¹¹ Youtube канал EraNews, «Мариуполь Град Обстрел восточного блокпоста», доступно по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=M1wbZ-wUWs>, 5 сентября 2014 (Приложение 219).

Рисунке 13²¹²). Еще в одном видео эту позицию также называют блокпостом.²¹³ Представляется, что под «восточным блокпостом» в перехватах разговоров «Пепла» и Пономаренко (которые я уже ранее упоминал) могла пониматься эта же цель. Ввиду отсутствия в отчетах ОБСЕ²¹⁴ какого-либо упоминания жертв среди гражданского населения в указанном месте, представляется, что в результате обстрелов, зафиксированных на данных видео, из гражданского населения никто не пострадал.

160. Та позиция, которую ОБСЕ, по всей видимости, называет «Восточным» блокпостом, находится всего лишь в 500 м от многоэтажных жилых зданий,²¹⁵ тогда как между позицией № 17 (ротный опорный пункт 4013)²¹⁶ и ближайшими многоэтажными жилыми домами около 1,7 км (Рисунок 13), и данный опорный пункт, как мне кажется, подпадает под описание блокпоста «на трассе», поскольку он находится на автостраде в некотором удалении от города.
161. Если предположить, что позиция № 17 (ротный опорный пункт 4013) была обстреляна с позиций ДНР с северо-восточного направления – например, из района н.п. Заиченко²¹⁷ и Октябрь, как предполагает ОБСЕ – вполне возможно, что при таком обстреле снаряды могли перелететь и попасть по жилому району города.
162. Как я понимаю, опорный пункт № 20 (блокпост № 4014) из Заключения Бобкова «Восточным», который Генерал Браун называет «северным блокпостом», также называли «Восточным» в одном из оперативных отчетов СММ ОБСЕ.²¹⁸ Как уже было отмечено ранее, представляется, что в перехватах обсуждается не эта цель, но я не исключаю, что он мог быть целью иных обстрелов.
163. Задолго до обстрела 24 января 2015 года, в сентябре 2014 года блокпост № 4014 вызывал у СММ ОБСЕ серьезные опасения в связи с его расположением всего в 500 метрах от многоэтажных жилых домов и в 300 метрах от большого газового распределительного узла.²¹⁹ СММ также было зафиксировано, что жители были также обеспокоены присутствием снайперов украинской армии на крышах их домов в микрорайоне «Восточный».²²⁰
164. По всей видимости, в то время обеспокоенность также была вызвана по крайней мере одним случаем огня из района блокпоста № 4014. СММ зафиксировала свидетельства местных жителей о том, как «десять украинских артиллерийских установок, расположенных в 500 метрах к северу от КПП, прежде чем покинуть местность, открыли огонь в направлении села Широкино», чем привлекли ответный огонь по двум

²¹² Заключение Бобкова, § 75-84, Рисунок 44.

²¹³ Youtube канал EraNews, «Мариупольский блокпост обстреляли Градом - частное видео», доступно по ссылке: https://www.youtube.com/watch?v=TJO6ALFLC_I, 5 сентября 2014 (Приложение 220).

²¹⁴ СММ ОБСЕ. «Оперативный отчет Специальной мониторинговой миссии в Украине ОБСЕ (СММ), 5 сентября 2014 г.: ситуация в Мариуполе», <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/123310>

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Ротный опорный пункт № 4013 из Приложения 183 к Меморандуму Украины (Министерство внутренних дел Украины, Главное управление Национальной гвардии Украины, Письмо № 27/6/2-3553 в Министерство иностранных дел Украины (31 мая 2018 г.).

²¹⁷ Я обращаю внимание, что ОБСЕ отметили применение БМ-27 «Ураган» со стороны н.п. Заиченко, однако в предоставленных Украиной материалах я не нахожу этому никакого подтверждения.

²¹⁸ СММ ОБСЕ. «Оперативный отчет Специальной мониторинговой миссии в Украине ОБСЕ (СММ), 5 сентября 2014 г.: ситуация в Мариуполе», <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/123310> (Приложение 3).

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Там же.

блокпостам: «Восточному» и «другому контрольно-пропускному пункту, расположенному на север по старой трассе на Новоазовск».²²¹ Данная атака была, по всей видимости, успешной: в результате обстрела была уничтожена колонна украинской военной техники, украинская армия отступала от северного КПП (видимо, позиция №17), машины скорой помощи эвакуировали раненых солдат.²²²

165. Как известно, блокпост № 4014 (т.е. объект № 20 в Заключении Бобкова) был обстрелян 24 января 2015 года.²²³

166. Несмотря на то, что блокпост № 4014, находившийся в опасной близости от жилого района, действительно мог стать одной из целей обстрела со стороны ДНР 24 января 2015 года, он не является единственной вероятной целью обстрела, находившейся перед городом. Генерал Браун также ссылается на «аванпост» (взводный опорный пункт 4014 А)²²⁴ и «ротную позицию» (ротный опорный пункт 4015),²²⁵ находящиеся на юго-востоке от микрорайона «Восточный». Я согласен с тем, что обстрелы этих позиций с востока (а тем более, с северо-востока) вряд ли затронули бы пострадавшие жилые районы города. При этом я хотел бы обратить внимание, что в приговоре в отношении Кирсанова упомянута еще одна военная позиция.²²⁶ Я имею в виду позицию № 25 в Заключении Бобкова,²²⁷ которая находится приблизительно в 600 м от города прямо перед микрорайоном «Восточный». Из приговора следует, что данная позиция была указана штабом АТО как одна из позиций Национальной гвардии Украины в данном районе.²²⁸ Я не знаю, какая техника или личный состав находились там 24 января 2015 года, и сообщал ли Кирсанов об этой цели представителям ДНР, однако это вполне вероятно, если учесть, что данная позиция входит в построение оборонительных позиций Мариуполя.

²²¹ СММ ОБСЕ. «Оперативный отчет Специальной мониторинговой миссии в Украине ОБСЕ (СММ), 5 сентября 2014 г.: ситуация в Мариуполе», <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/123310> (Приложение 3).

²²² Там же.

²²³ ОБСЕ, Отчет с места событий Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине, 24 января 2015 года: Артиллерийский обстрел на улице Олимпийской в Мариуполе (24 января 2015 г.) (Приложение 328 к Меморандуму Украины), см. также страницу Оборона Мариуполя на Facebook, доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/mariupol.oborona/photos/a.492952414175030/567460703390867>, 24 января 2015 (Приложение 191).

²²⁴ Заключение Брауна, § 48 (b).

²²⁵ Там же, § 48 (c).

²²⁶ Украина, Приморский районный суд г. Мариуполя, дело № 265/4773/15-к, Приговор, 18 июня 2019, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/82431956> (Приложение 77), стр. 16: «Точка № 6 В=47 °07 '09,34", L=37 °42 '08,30", 23.01.15, ротный опорный пункт № 4014 18-го оперативного полка Национальной гвардии Украины, 23.01.15 зафиксирован обстрел с применением БМ-21, без жертв».

²²⁷ Заключение Бобкова, § 69, Рисунок 33.

²²⁸ Я обращаю внимание, что этот же номер используется по отношению к (1) объекту, который в письме НГУ называют блокпостом № 4014 (МВД Украины Письмо № 27/6/2-3553 (Приложение 183 к Меморандуму Украины)), упомянутому в § 48(d) Заключения Брауна, и (2) точке № 6 из приговора в отношении Кирсанова («опорный пункт № 4014»). Однако, по-видимому, данные позиции отличаются. Согласно описанию из письма НГУ и Заключению Брауна, блокпост № 4014 находится 100 м восточнее развилки ул. Олимпийская и трассы М14 (при этом координаты не указаны, в отличие от других позиций, упомянутых в том же письме). В приговоре в отношении Кирсанова указаны координаты точки № 6, которые соответствуют позиции 25 на Рисунке 32 из Заключения Бобкова (см. также Рисунок 14 в основной части текста далее). Возможно, что использование того же номера объясняется тем, что позиция 25 на самом деле является продолжением того же опорного пункта с блокпостом (позиция 20), различными траншеями (позиции 19–23) и аванпостом, упомянутым в приговоре в отношении Кирсанова (позиция 25). Именно последняя позиция, насколько я понимаю, как раз соответствует точке № 6.

167. Я также обращаю внимание на тот факт, что «северный блокпост» (блокпост № 4014) и позиция № 25 (упомянутая в приговоре в отношении Кирсанова как «опорный пункт № 4014») находятся в непосредственной близости друг от друга и, как представляется, входят в состав одной линии позиций перед городом (позиции №№ 20–25 в Заключении Бобкова), и я не знаю, находились ли силы или техника ВСУ на данных позициях, и если находились, то в каком количестве. Я не исключаю, что вдоль наблюдаемой линии оборонительных позиций 20–25 находились другие важные военные цели. Насколько я понимаю, Украина не предоставила никакой дополнительной информации.
168. Если позиции №№ 20–25 были обстреляны с северо-восточного или восточного направления, и снаряды перелетели цель (как следует из перехвата с участием Кирсанова), находящийся позади жилой район мог пострадать в ходе данного обстрела. Основной район попадания снарядов, в отношении которого имеются подробно задокументированные данные, находится где-то в 1,2 км от позиции 25, что в целом соответствует заявлению в перехватах, которое, по мнению Украины, было сделано Кирсановым.
169. Представляется, что линия оборонительных сооружений между позицией № 20 и позицией № 25 (а также позицией № 24 и другими позициями перед городом, которые видны на спутниковых снимках²²⁹ играла важную для обороны города роль, особенно если н.п. Лебединское был уже взят ополчением.²³⁰ Соответственно, артиллерийский обстрел указанных позиций был бы обоснованным шагом в контексте подготовки к запланированному наземному наступлению.

2. *Возможность ошибок*

170. Возможно, что при обстреле с каких-то артиллерийских позиций ДНР на востоке от города (например, в н.п. Саханка и Ленинское, по версии Дмитриева) снаряды могли перелететь и попасть по городу из-за ошибок в проведенных расчетах по цели или неисправности в работе техники.
171. Я не согласен с Генералом Брауном в том, что такие ошибки или неисправности в работе техники маловероятны.
- а) Как уже говорилось, Генерал Браун, по всей видимости, неверным образом определил, что в перехватах под «Восточным» бойцы ДНР имели в виду жилой район. Перед жилым районом города находились и другие цели.
- б) Судя по расшифровкам, Кирсанов, «Пепел» и Пономаренко удивлены и расстроены, когда они узнают о том, что жилой район попал под обстрел. Из этого разумно сделать вывод, что жилой район не был запланированной целью обстрела. Если обстрел и правда не был направлен на военную цель, а преимущественно велся с целью причинения вреда гражданскому населению, как Генерал Браун, по-видимому, хочет сказать в разделе С на странице 26 своего Заключения, то тогда цель была бы достигнута.
- с) Я хотел бы еще раз отметить, что позиция № 25 находилась примерно в 1–2 км от нескольких основных мест попаданий снарядов (Рисунок 14).

²²⁹ Заключение Бобкова, § 64(2), Рисунок 31.

²³⁰ См. § 106 выше.

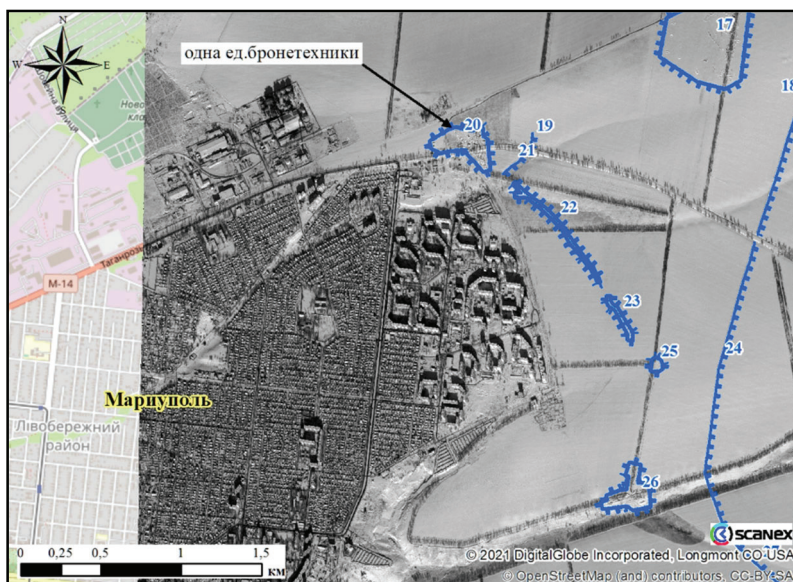

Рисунок 14 - Изображение опорного пункта № 25 из Заключения Бобкова

- d) Я не понимаю, почему Генерал Браун счел возможным отвергнуть версию о некомпетентности личного состава артиллерийских расчетов, осуществивших обстрел.²³¹ Он полагает, что разница в 3 градуса по направлению или высоте – из-за которой снаряды перелетели более чем на 1,5 км – является слишком серьезной ошибкой, чтобы быть правдоподобной. Однако я хотел бы отметить, что системы БМ-21 должны быть надлежащим образом настроены, чтобы обеспечить точность ведения огня. Дело не только в том, что оператор наведения мог допустить ошибку – техника также могла быть неисправна. В связи с этим я обращаю внимание, что, как следует из перехватов, «Югра» сообщил командиру подразделения, что одна установка стреляет с перелетом и приказал ему проверить все установки,²³² а в другом перехвате упоминается, что имел место перелет.²³³ Мне кажется, что нельзя исключить неисправности в работе техники.
- e) В частности, перед каждой стрельбой необходимо проводить определенные работы по техническому обслуживанию. Непроведение надлежащего обслуживания может привести к значительным ошибкам, особенно по дальности. Оператор наведения также должен был провести техническую подготовку (в частности, проверку прицельных приспособлений). Я не удивился бы, если бы совокупность таких упущений в обслуживании привела бы к тому, что какая-то определенная система допустила перелет в 1,5–2 км или даже больше.
- f) Кроме того, известно, что можно ожидать определенную погрешность, в зависимости от времени и средств, доступных для подготовки стрельбы.

²³¹ Заключение Брауна, § 48(d).

²³² Перехваченные разговоры М. Власова (Приложение 408 к Меморандуму Украины), разговор № 160 (11:21:44) 24 января 2015: «Югра» говорит: «[б]ратик, проверяй каждую «тачку» [от руки: правильность наведения боевой машины], хорошо? Каждую «тачку». Сможете, нет? Алло! Э. каждое корыто можно проверить?».

²³³ Там же, см. разговор № 138 (09:55:58) 24 января 2015:

«Терек»: перелет был?

Макс «Югра»: да.

«Терек»: я понял.

Макс «Югра»: большой перелет «Терек».

172. Соответственно, я считаю вероятным, что снаряды могли попасть по жилому району Мариуполя в результате одной или нескольких ошибок, особенно если учесть возможные неисправности в работе техники одновременно с ошибкой при подготовке стрельбы.

3. Недопущение попадания по гражданским объектам

173. Как я отмечал ранее, я не согласен с предположением Генерала Брауна о том, что во время рассматриваемого обстрела не готовилось никакого военного наступления. Я полагаю, что попытки наступления все же предпринимались до и после 24 января 2015 года, и что артиллерийский обстрел, вероятно, осуществлялся в поддержку данного наступления (см. раздел А(2) выше).

174. При ведении артиллерийского огня в поддержку наземного наступления, важно вытеснить противника с занимаемых им оборонительных позиций и оказать поддержку в продвижении своих войск через территорию. Продемонстрированные мне перехваты, которые, насколько я понимаю, представлены Украиной в Суд, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что ополчение использовало данную тактику при ведении наступления в районе Мариуполя. Как я уже говорил, из разговоров следует, что в течение большей части дня (24 января 2015) осуществлялся интенсивный артиллерийский обстрел. В разговорах говорится как минимум об 11 целях, при этом, как будет подробно описано далее, ничто в перехватах не свидетельствует о том, что речь шла об обстреле жилых районов. Наоборот, из этих доказательств следует, что жилые районы в целом старались избегать. Для целей дальнейшего анализа я кратко изложу основные выводы, сделанные мной на основании данных материалов.

175. Несколько разговоров свидетельствуют о том, что жилой район не был настоящей целью обстрела.

176. Начальник 5 отдела 1 управления досудебного расследования Главного следственного управления Службы безопасности Украины, И. Е. Яновский, на версию событий которого полагается Генерал Браун, ссылается на разговор между «Пеплом» и Пономаренко,²³⁴ в частности на фразу «будет и Восточный сегодня»,²³⁵ в качестве доказательства планирования обстрела микрорайона «Восточный».

177. Однако, как уже отмечалось ранее, данная версия событий игнорирует контекст, в котором эта фраза была произнесена. Из данного разговора, как мне кажется, следует, что Пономаренко не имеет в виду микрорайон «Восточный»: он уговаривает «Пепла» обстрелять «Восточный», говоря, что от «Восточного», т.е. цели атаки, «до домов, п***ец сколько».²³⁶ С учетом описанного выше контекста, по-видимому, в данном случае «Восточным» называется какая-то цель, находящаяся на расстоянии от жилого района.²³⁷ Тот факт, что микрорайон «Восточный», вероятнее всего, не был целью

²³⁴ Приложение 5 к Меморандуму Украины к Меморандуму Украины, § 16.

²³⁵ Разговор между Евдотием («Пепел») и Пономаренко (Приложение 418 к Меморандуму Украины).

²³⁶ Там же.

²³⁷ Опорный пункт № 17 в Заключении Бобкова, см. §§ 158–160 выше. Я также полагаю, что СММ под «Восточным» понимает блокпост Украины на окраине города (см. § 164 выше). Однако, мне кажется, что здесь речь идет о цели, которая находится еще дальше.

обстрела, подтверждается и перехваченными переговорами, которые состоялись после обстрела.

178. Уже после случившегося «Пеплу» звонит информатор ДНР Валерий Кирсанов. Возможно, Кирсанов поехал в соответствующем направлении, чтобы по заданию Пономаренко оценить результаты обстрела²³⁸.
179. Кирсанов сообщил «Пеплу», что последний: «сильно, сильно, сильно перестарался»;²³⁹ насколько я понимаю, это означает, что снаряды перелетели цель. Дальнейший разговор только подтверждает значительный перелет снарядов: «перелетело все [все снаряды], и пошло по домам...».²⁴⁰
180. По всей видимости, «Пепел» очень удивлен этим²⁴¹ и спрашивает у Кирсанова о направлении обстрела. Вряд ли можно предположить, что человек, отдавший команду либо знавший, что будут стрелять по жилым кварталам, стал бы узнавать про направление обстрела. Примечательно, что Кирсанов заявляет, что направление огня «...со стороны... как Виноградное, оттуда, та сторона».²⁴² Расположенный неподалеку населенный пункт Виноградное расположен к югу и юго-востоку от Мариуполя, и в то время он находился под контролем ВСУ, тогда как ДНР контролировала территорию к востоку от города.
181. Через минуту Кирсанов позвонил другому бойцу ДНР Пономаренко и сообщил ему, что под обстрел попали гражданские объекты: рынок, многоэтажные здания и частный сектор и описал ситуацию так: «это п****ц тут». Новости о том, что жилой район попал под обстрел, как представляется, удивили и обеспокоили Пономаренко. Он спросил: «Та ты шо? [...] Ох, е****», а также поинтересовался, попали ли в блокпост, на что Кирсанов отвечает – «целый».²⁴³ Это говорит о том, что указанный блокпост, а не жилой район, и был настоящей целью обстрела.
182. Кирсанов, возможно, был не первым, кто донес информацию о том, что силы ДНР допустили ошибку. В 9:55 «Югра» сообщил «Тереку» о большом перелете и приказал «Тереку» «сто восьмую и сто одиннадцатую отставить!»,²⁴⁴ чтобы отодвинуть его «от застройки ... [и] больших домов».²⁴⁵ Учитывая, что за 12 минут до обстрела, попавшего

²³⁸ Письменное заявление Валерия Кирсанова, Протокол допроса свидетеля (25 января 2015 г.) (Приложение 213 к Меморандуму Украины).

²³⁹ Разговор между Евдотием («Пепел») и Кирсановым (Приложение 413 к Меморандуму Украины).

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Там же. По всей видимости, «Пепел» пытается понять, что произошло, но у него ничего не выходит: «Н****я не пойму... ой-йой-йой-йой-йой...».

См. также Приложение 414 к Меморандуму Украины. В этом разговоре Кирсанов не выдает свои эмоции, но его отношение к обстрелу жилого района можно увидеть в разговоре с Пономаренко: «Ну наделал Александр [имя «Пепла»] делов... Это п****ц тут». Пономаренко, как представляется, удивлен и обеспокоен этим: «Та ты шо?... Ох, е****ь».

²⁴² Там же.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Перехваченные разговоры М. Власова (Приложение 408 к Меморандуму Украины), разговор № 138 (09:55:58), 24 января 2015:

Макс «Югра»: «Терек», слушай внимательно – вместо «сто восьмой» и «сто одиннадцатой»... Алло!

«Терек»: алло. Не слышу, еще раз.

Макс «Югра»: Я говорю – «сто восьмую» и «сто одиннадцатую» цель, отставить!

См. также разговор № 141 (10:01:30) 24 января 2015.

²⁴⁵ Там же, разговор № 144 (10:18:48), 24 января 2015:

Макс «Югра»: нет, нет, нет. Я наоборот, я отменил у тебя цель.

«Терек»: чтобы дальше от застройки.

по микрорайону, «Терек» получил команду «огонь»,²⁴⁶ возможно, что сообщение о перелете касалось именно этого обстрела, но я никак не могу проверить, так ли это на самом деле.

183. В других перехватах (примерно в 11:20) «Югра» требует у «Терека» и находящегося с ним бойца перепроверить все машины, поскольку имел место перелет. При этом он сообщает, что у кого-то из стрелявших были перелеты: «эти уеб...ки секли б...ть по городу прям. Ну которые наши «друзья»...». Судя по тексту, он крайне негативно реагирует на тот факт, что обстрел пришелся по городу и, по-видимому, принимает меры, чтобы предотвратить дальнейшие перелеты.²⁴⁷ Я не знаю, кого «Югра» имеет в виду, говоря о «друзьях», которые, как утверждается, совершили обстрел.²⁴⁸
184. Другие перехваты также свидетельствуют о том, что участники боевых действий пытались избежать жертв среди гражданского населения. Так, в разговоре № 144 «Югра» обсуждает с «Терек» изменение его целей, чтобы «отодвинуть [его] от больших домов».²⁴⁹ Кроме того, согласно перехваченным переговорам «Югры» и «Горца», ДНР, по-видимому, пытались создать реперы для повышения точности ведения огня.²⁵⁰

4. Примененная система вооружения

185. Позиция Генерала Брауна относительно целесообразности применения данного вида вооружения основывается на предположении о том, что для обстрела позиций ВСУ «на северном блокпосту или аванпосту» можно и необходимо было использовать альтернативные средства.²⁵¹ Конечно, это правда, что при обстреле любой цели, находящейся поблизости от жилой застройки или гражданской инфраструктуры, необходимо использовать самое точное оружие, если это возможно. Однако я не согласен с выводами Генерала Брауна по следующим причинам.
- а) Нет никаких оснований полагать, что ДНР, если у них и имелись танки (или иные похожие виды вооружения) поблизости от Мариуполя, могли перебросить такие подразделения на безопасное расстояние для высокоточного обстрела указанных позиций перед Мариуполем (§ 53 заключения Генерала Брауна). Я согласен с тем, что на расстоянии 1,5–2 км использование танков и БТР позволяет различить гражданские и военные цели, однако мне не предоставили никакой информации о том, что у ДНР была такая позиция. Я также считаю, что с такого расстояния данные

²⁴⁶ Перехваченные разговоры М. Власова (Приложение 408 к Меморандуму Украины), разговор № 130 (09:13:32), 24 января 2015:

Макс «Югра»: да, да!

«Терек»: двумя готов, есть.

Макс «Югра»: все, давай ху...рь!

²⁴⁷ Там же, разговор № 160 (11:21:44), 24 января 2015:

Макс «Югра»: потому что как бы это, ну вроде заеб...сь, а там эти уеб...ки секли б...ть по городу прям.

Ну, которые наши «друзья».

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же, разговор № 144 (10:18:48), 24 января 2015:

Макс «Югра»: «а потом сообразим, просто тебя сейчас нужно отодвинуть от больших домов.»

²⁵⁰ Там же, разговор № 31 (17:59:51), 23 января 2015:

Макс «Югра»: «Я вообще репера создаю постоянно, но я не стреляю просто так. Все время с (неразборчивое слово).»

²⁵¹ Заключение Брауна, § 52.

огневые позиции, вероятно, были бы очень уязвимы для ответного огня со стороны различных позиций ВСУ.

- б) Из изученных мной материалов также не следует, что в данном районе у сил ДНР имелись артиллерийские орудия (например, гаубицы Д-30, которые упоминает Генерал Браун) (§ 54 заключения Генерала Брауна). Я также хотел бы упомянуть, что артиллерийские орудия требуют больше времени на подготовку к стрельбе²⁵² и менее маневренны, чем РСЗО, а во время напряженного боя они могут быть достаточно быстро уничтожены ответным огнем. Я не считаю, что можно сказать с какой-либо степенью уверенности, что в данном случае было бы целесообразно использовать артиллерийские орудия, учитывая (насколько можно судить по описанному выше контексту боевых действий) сильные оборонительные позиции ВСУ в районе Мариуполя, а также намного меньшую скорость стрельбы стандартных артиллерийских орудий.
- в) Я обращаю внимание, что в § 54 своего Заключения Генерал Браун утверждает, что «[р]асстояние до линии соприкосновения от блокпостов и аванпоста точно находилось в пределах досягаемости стандартного артиллерийского орудия, которое имеется у ДНР». Я не знаю, где конкретно, по мнению Генерала Брауна, проходила линия соприкосновения, о которой он говорит. В сущности, артиллерию редко используют на расстоянии, превышающем 2/3 от максимальной дальности стрельбы, поскольку это отрицательно влияет на точность. Таким образом, теоретически, гаубицы Д-30 должны были находиться на расстоянии около 10–12 км от цели, чтобы они могли вести точный огонь. Если предположить, что на карте Аброськина верно отмечена линия соприкосновения, то орудия находились бы слишком близко к линии фронта, что создавало бы высокий риск попадания под ответный огонь.
- г) Конечно, при ведении огня полезно полагаться на хорошо обученного корректировщика или БПЛА, и (как Генерал Браун отмечает в § 54 своего Заключения), судя по имеющимся доказательствам, ДНР действительно использовали корректировщиков. Я не согласен с утверждением Генерала Брауна о том, что «отсутствуют какие-либо доказательства того, что данные меры [т.е. наблюдение и корректировка огня] были приняты».²⁵³ В разговоре № 153 (Приложение 408 к Меморандуму Украины) говорится о том, что ДНР использовали двух корректировщиков.²⁵⁴ Тем не менее, я обращаю внимание на то, что из допроса Кирсанова следует, что он умышленно предоставлял неверные координаты украинских военных позиций, но при этом там не приводятся передававшиеся им координаты позиций, и я не могу оценить, как именно он искажал данные.²⁵⁵ В этой связи трудно судить, насколько добросовестно работали корректировщики. Также возможно, что проводилась пристрелка, но другая система БМ-21, присоединившаяся к основному огню с той же или другой позиции, могла допустить перелет. В

²⁵² На подготовку к стрельбе у гаубицы Д-30 уходит до 20 минут (и 10 минут на то, чтобы оставить позиции), тогда как РСЗО может открыть огонь уже после 5–7 минут после прибытия на позицию и затем сразу же покинуть ее.

²⁵³ Заключение Брауна, § 55.

²⁵⁴ Перехваченные разговоры М. Власова, (Приложение 408 к Меморандуму Украины), разговор № 153 (11:05:53) 24 января 2015.

²⁵⁵ Письменное заявление Валерия Кирсанова, Протокол допроса свидетеля (Приложение 213 к Меморандуму Украины).

отношении БПЛА, можно предположить, что ВСУ препятствовали бы их использованию (даже если они были у ДНР), а равно и выполнению корректировщикам своей работы. На мой взгляд, неверно было бы исходить из того, что ДНР могли, но не хотели вести корректировку огня указанными способами.

D. Общие выводы

186. Я согласен с Генералом Брауном, что в данном случае, можно обоснованно сделать вывод о том, что огонь производился из установок БМ-21 (Заключение Брауна, § 56).
187. Установить огневые позиции, с которых 24 января 2015 года были обстреляны жилые кварталы Мариуполя, не представляется возможным. Как следует из предоставленных мне материалов, как минимум, часть обстрелов была произведена с позиций ДНР на востоке или северо-востоке от Мариуполя.
188. На основании предоставленной мне информации представляется вероятным, что жилые кварталы микрорайона «Восточный» города Мариуполя не являлись целями обстрела(ов). Скорее всего, артиллерийские обстрелы были осуществлены в поддержку анонсированной и намеченной наступательной операции, целью которой был захват Мариуполя.
189. Также представляется, что попадания в гражданские объекты стали следствием ошибки, о чем явно свидетельствуют перехваты. Я не согласен с выводом Генерала Брауна о том, что атакующая сторона намеревалась или предполагала нанести повреждения жилым районам. Неясно, имелись ли в распоряжении ДНР в данной ситуации более точное вооружение или способы наведения. Возможно, что гражданские объекты в микрорайоне «Восточный» могли попасть под обстрел из-за ошибок в полученной информации о координатах планируемых военных целей²⁵⁶ и/или ошибок в наведении пусковых установок и/или неправильной технической подготовки пусковых установок или даже из-за их технических неисправностей. Речь также может идти о «человеческом факторе»: неправильной интерпретации полученных приказов (команд), метеоданных или координат.

²⁵⁶ См. сноску 93 выше, § 185(d) выше.

IV. ОБСТРЕЛ 10 ФЕВРАЛЯ 2015, КОТОРОМУ ПОДВЕРГЛИСЬ ЖИЛЫЕ РАЙОНЫ И АЭРОДРОМ ГОРОДА КРАМАТОРСКА

А. Вероятные цели в черте и вокруг города

190. Краматорск находится приблизительно в 48 км на северо-западе от Горловки (Рисунок 15), которая на тот момент располагалась на границе подконтрольной ДНР территории,²⁵⁷ и не был районом активных боевых столкновений в феврале 2015 года.

Рисунок 15 - Приблизительный радиус максимальной дальности БМ-30 «Смерч» (70 км), нанесенный на карту ИАЦ СНБО 10.02.2015 года

191. После того, как ВСУ захватили Краматорск у ДНР в июле 2014 года, город стал временной столицей Донецкой области.²⁵⁸ Я полагаю, что мы с Генералом Брауном сходимся во мнении относительно того, что после этого на расположенном рядом с Краматорском аэродроме имелось значительное военное присутствие.
192. Я не согласен с Генералом Брауном в том, что невозможно представить, чтобы жилой район Краматорска попал под обстрел 10 февраля 2015 года по ошибке. Я более подробно проанализирую версию о возможной ошибке на основании имеющихся у меня доказательств.

²⁵⁷ Информационно-аналитический центр Совета национальной безопасности и обороны Украины, «Ситуация на востоке Украины на 10 февраля», 10 февраля 2015, <http://mediarnbo.org/2015/02/10/situatsiya-na-vostoke-ukrainyi-na-10-fevralya/?lang=ru> (Приложение 59).

²⁵⁸ Донецкая областная государственная администрация, Распоряжение № 590 «Об организации работы Донецкой облгосадминистрации и ее структурных подразделений в условиях проведения АТО», 29 июля 2014, <https://ips.ligazakon.net/document/DO140077> (Приложение 48).

1. Военные объекты на аэродроме Краматорска и в городе

193. Судя по предоставленной мне информации, самые важные военные цели находились в пределах аэродрома, включая штаб АТО, вертолетную площадку,²⁵⁹ склад горюче-смазочных материалов,²⁶⁰ по крайней мере, один зенитный ракетный комплекс «Бук»,²⁶¹ радиолокационную станцию,²⁶² и полевой лагерь «Сармат».²⁶³ Как я понимаю из Заключения Бобкова, он провел анализ спутникового снимка от 8 января 2015 (и иных материалов) и распознал на аэродроме 9 вертолетов, 4 боевых машин тактического ЗРК «Оса» и более 700 единиц крупногабаритной автотранспортной техники.²⁶⁴ Аэродром расположен примерно в 800 метрах на восток-юго-восток от малоэтажных домов в пригороде Краматорска и примерно в 2 километрах на восток-юго-восток от многоэтажных жилых домов в самом городе.
194. На аэродроме также находилось важное с тактической точки зрения вооружение. Мне показали перевод отчета неправительственной организации, в котором было сказано, что «украинские войска проводят регулярные запуски тактических ракет («Точка-У») и [снарядов из] реактивных систем залпового огня («Смерч») с авиабазы [Краматорска] в направлении оккупированных пророссийскими ополченцами территорий Донецка и Горловки».²⁶⁵ Мне также показали другой источник, который косвенно подтверждает пребывание комплексов «Точка-У» на аэродроме в феврале 2015 года.²⁶⁶ Насколько я понимаю, силы ВСУ несколько раз использовали комплексы «Точка-У» в феврале 2015 года,²⁶⁷ но на основании имеющихся материалов я не могу сделать вывод даже о

²⁵⁹ Письменное заявление Виталия Гринчука, Протокол допроса свидетеля (19 августа 2015 года) (Приложение 237 к Меморандуму Украины) (в котором говорится, что на аэродроме находился по крайней мере один вертолет); YouTube канал Мазут Сдэшный, «РСЗО СМЕРЧ - аэродром Краматорск», доступно по ссылке: <https://youtu.be/0DKsJ9hbHas>, 10 февраля 2019 (Приложение 238), где видно по крайней мере два поврежденных вертолета и густой дым от пожара.

²⁶⁰ См. Заключение Бобкова, Рисунок 46.

²⁶¹ Письменное заявление Дениса Гойко, Протокол допроса подозреваемого (20 августа 2015 года) (Приложение 239 к Меморандуму Украины).

²⁶² Письменное заявление Александра Бондарчука, Протокол допроса потерпевшего (20 августа 2015 года) (Приложение 240 к Меморандуму Украины).

²⁶³ Письменное заявление Виталия Гринчука, Протокол допроса свидетеля (19 августа 2015 года) (Приложение 237 к Меморандуму Украины).

²⁶⁴ Заключение Бобкова § 88, Рисунок 47.

²⁶⁵ Международное партнерство по правам человека (МППЧ), «Снаряды упали на жилой район Краматорска, Украина», февраль 2015, <https://truth-hounds.org/wp-content/uploads/2017/08/%D0%9E%D0%B1%D1%81%D1%82%D1%80%D1%96%D0%BB-%D0%B6%D0%B8%D1%82%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D1%83-%D0%9A%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B0.pdf> (Приложение 81).

²⁶⁶ Этим источником является решение суда в отношении информатора ДНР, заметившего комплекс «Точка-У», который, как ему показалось, двигался к аэродрому Краматорска 2 февраля 2015 года. Он также сообщил о двух запусках (тип оружия не указан) 31 января 2015 года и 2 февраля 2015 года (см. Новозаводский районный суд г. Чернигов, дело № 729/743/15-к, Приговор, 28 июля 2015, доступно по ссылке: <https://reyestr.court.gov.ua/Review/47518118> (Приложение 61)).

²⁶⁷ Страница ВКонтакте MIL.IN.UA, доступно по ссылке: https://vk.com/wall-5063972?day=05032016&q=%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B0-%D1%83&w=wall-5063972_875523, 5 марта 2016 (Приложение 197). Указанное сообщение было опубликовано на странице, которую ведут волонтеры с целью освещения вопросов безопасности. В нем сообщалось о запусках из комплекса «Точка-У» со стороны ВСУ на основании информации, полученной из СМИ, связанных с ДНР. В таблице указаны четыре обстрела из комплекса «Точка-У» в феврале 2015 года, два из которых произошли до обстрела, в результате которого пострадал Краматорск. Мне известен по крайней мере один случай, когда СММ ОБСЕ попыталась проверить достоверность информации об обстрелах с применением комплекса «Точка-У». Сотрудники миссии

приблизительном расположении источника огня, не говоря уже о конкретных местах запуска. Максимальная дальность стрельбы из комплекса «Точка-У» составляет 120 км,²⁶⁸ что делает данный комплекс ценным военным активом, поскольку с его помощью из Краматорска можно поразить практически любую позицию ДНР или ЛНР²⁶⁹ на линии фронта от Луганска до Докучаевска.

195. Всего, как признает Генерал Браун, на территории аэродрома могло размещаться по меньшей мере 26 воинских формирований.²⁷⁰
196. Указанные военные объекты находились на расстоянии около 1,4 км от ближайшего района поражения в городе.
197. Как я понимаю из Меморандума Украины, не отрицается, что под обстрел попали военные объекты на аэродроме.²⁷¹ Согласно данным штаба АТО, восемь военнослужащих из шести различных воинских частей погибли в результате обстрела аэродрома,²⁷² а еще 33 военнослужащих, как сообщается, получили ранения, в том числе высокопоставленные военнослужащие Вооруженных сил Украины: полковники Главного командного центра, Главного управления по работе с личным составом, Генерального штаба, Центрального автомобильного управления вооружения, Центрального ракетно-артиллерийского управления вооружения.²⁷³
198. В результате обстрела были повреждены радиолокационная станция, автомобильная техника, дизельный агрегат и хозяйственное имущество в/ч А2099.²⁷⁴ Судя по информации в открытых источниках, вертолетная база также подверглась обстрелу.²⁷⁵

посетили Алчевск, где представители ЛНР показали им фрагменты, которые, по оценке самой СММ, принадлежали ракете комплекса «Точка-У». Наблюдатели не смогли убедиться в том, что данные фрагменты принадлежали ракете, сбитой в ночь на 1 февраля. (см. СММ ОБСЕ, «Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине на основе информации, поступившей по состоянию на 3 февраля 2015, 18:00 (по киевскому времени), 4 февраля 2015», <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/139371> (Приложение 8)).

²⁶⁸ Официальный сайт Министерства обороны Украины, «ПК ТР 9К79 “Точка” (9К79-1 “Точка-У”)», 18 сентября 2013, <https://www.mil.gov.ua/ministry/ozbroennya-ta-texnika/suxoputnix-vijsk/raketni-kompleksi.html> (Приложение 52).

²⁶⁹ Под «ЛНР» понимается «Луганская народная республика», вооруженные силы которой принимают участие в боевых действиях против армии официальных властей Украины.

²⁷⁰ Заключение Брауна, § 66.

²⁷¹ Меморандум Украины, § 104. Однако, как я объясню далее, я бы не согласился с выводом о том, что «жилой район» Краматорска попал под «отдельный обстрел» (там же).

²⁷² Штаб-квартира Антитеррористической операции, письмо № 1696 от (12 февраля 2015 г.) (Приложение 102 к Меморандуму Украины).

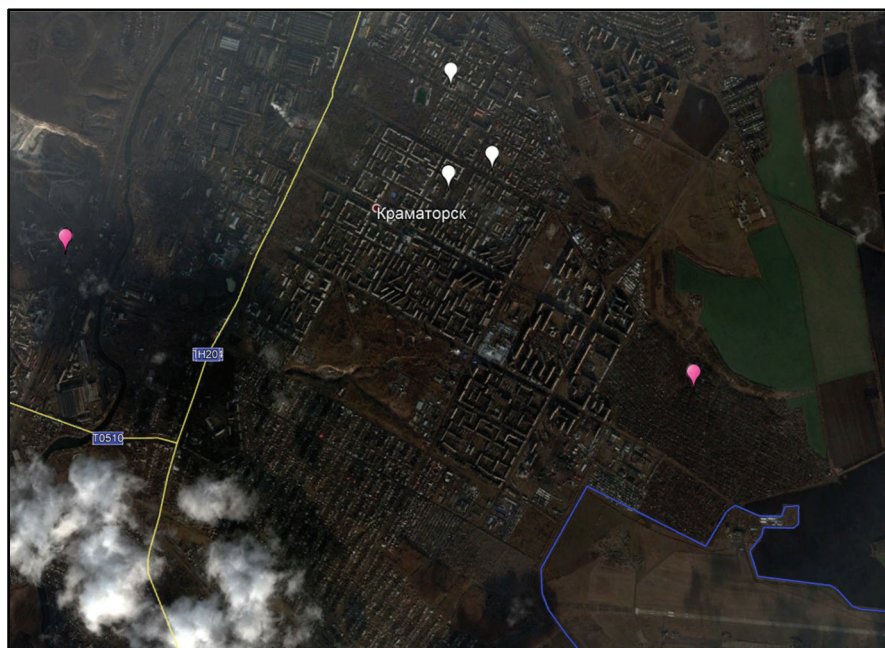
²⁷³ Штаб-квартира Антитеррористической операции, письмо № 778 от (16 февраля 2015 г.) (Приложение 107 к Меморандуму Украины).

²⁷⁴ Письменное заявление Александра Бондарчука, Протокол допроса потерпевшего (20 августа 2015 г.) (Приложение 240 к Меморандуму Украины).

²⁷⁵ YouTube канал Мазут Сдэшний, «РСЗО СМЕРЧ - аэродром Краматорск», доступно по ссылке: <https://youtu.be/0DKsJ9hbHas>, 10 февраля 2019 (Приложение 238); См. Заключение Бобкова, §§ 97-99, Рисунок 50, демонстрирующий всего два места падения на аэродроме, которое я смог определить на основании предоставленных мне материалов. *Militaryaviation.in.ua.*, «Повреждены вертолеты Ми-24П в результате обстрела Краматорска 10.02.2015», 11 февраля 2019, <http://militaryaviation.in.ua/uk/2019/02/11/poshkodzhenni-gelikopteri-mi-24p-vnaslidok-obstrilu-kramatorska-10-02-2015-r/> (Приложение 140). См. также Письменное заявление В. Гринчука (Приложение 237 к Меморандуму Украины), где В. Н. Гринчук рассказывает о том, что он проводил заправку вертолета до обстрела.

2. Военные цели в жилых районах Краматорска

199. Кроме того, предоставленные мне решения украинских судов свидетельствуют о военном присутствии личного состава и военной техники Украины в жилом районе Краматорска в феврале 2015 года (Рисунок 16).²⁷⁶

Данные карт: Google, © 2021 Maxar Technologies.

Рисунок 16 - Гражданские и военные объекты, используемые ВСУ

- Гражданские объекты, которые, как показано, использовались ВСУ в феврале 2015 года
- Объекты в черте города, указанные Генералом Брауном
- Территория аэродрома

²⁷⁶ В частности, мне показали решения судов Украины в отношении информаторов ДНР, которые передали информацию о размещении ВСУ в конце ул. Парковой на территории садоводческого товарищества им. Мичурина (см. Украина, Апелляционный суд Донецкой области, дело № 234/16050/15-к, Решение, 26 июля 2017, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/68030620>) (Приложение 71)) и на территории бывшей психиатрической больницы Краматорска по адресу: ул. Мориса Тореза, 5 в феврале 2015 года (Украина, Новозаводский районный суд г. Чернигов, дело № 729/743/15-к, Приговор, 28 июля 2015, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/47518118>) (Приложение 61)). Установлено, что в начале февраля 2015 года информатор сообщил ДНР, что «колонна военной техники Вооруженных сил Украины в составе 3 военных грузовых автомобилей «Урал» двигалась по ул. Орджоникидзе в г. Краматорске в направлении г. Славянска Донецкой области [...] и что] в течение февраля 2015 года [он] регулярно замечал военную технику Вооруженных сил Украины (не менее 40 грузовых автомобилей «Урал») по ул. Орджоникидзе в г. Краматорске, которая двигалась в направлении г. Славянска Донецкой области» (см. Украина, Краматорский городской суд, дело № 234/11709/15-к, Приговор, 12 октября 2015, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/52281395>) (Приложение 63)). Из двух судебных решений также следует, что Донецкий зональный отдел Военной службы правопорядка мог находиться по адресу: ул. Маяковского, 10, по крайней мере, с мая 2015 года по 2020 год (см. Украина, Краматорский городской суд, дело № 234/16920/15-к, Решение, 12 октября 2015, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/52310146>) (Приложение 64), со ссылкой на приказ руководителя Харьковского зонального отдела, где говорится о том, что военная служба проводится в Донецком зональном отделе Военной службы правопорядка по указанному адресу; и Украина, Орджоникидзевский районный суд г. Мариуполь, дело № 265/2434/20, Приговор, 13 мая 2020, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/89220278>) (Приложение 79), согласно которому обвиняемого приговорили к отбыванию наказания на гауптвахте, расположенной по данному адресу). Разумно предположить, что данный отдел Военной службы правопорядка как раз является тем самым «отделом полиции», упомянутым в § 8 Свидетельских показаний Кирилла Игоревича Дворского (4 июня 2018) (Приложение 3 к Меморандуму Украины), который, как представляется, также находился на ул. Маяковского.

200. Генерал Браун обращает внимание на несколько административных зданий (по сути зданий военных и правоохранительных органов) в районе города, подвергшемся обстрелу.²⁷⁷ Среди них:²⁷⁸
- а) здание (военной) полиции на ул. Маяковского рядом со спортивным стадионом «Блуминг» в парке Пушкина, где были найдены несколько фрагментов ракет;²⁷⁹
 - б) призывной пункт Вооруженных сил на ул. Дружбы (бывшая ул. Ленина), который был назван СММ ОБСЕ воинской частью;²⁸⁰ и
 - в) здание администрации Пограничной службы Украины на ул. Героев Украины, по которому, по всей видимости, пришелся удар боевыми элементами.²⁸¹
201. Генерал Браун утверждает, что, по-видимому, ни одно из указанных зданий не было задействовано в активных боевых действиях.²⁸² Я не обладаю достаточными сведениями относительно ситуации на месте, чтобы я мог согласиться или не согласиться с этим заявлением. Однако я согласен с выводом Генерала Брауна, что «нет никаких свидетельств о том, что в жилом районе Краматорска находились военные цели, которые бы оправдали нанесение по нему залпового удара из БМ-30»²⁸³ (как я объясню далее, я согласен с Генералом Брауном что, скорее всего, в обстреле был использован именно этот вид вооружения). Мне не совсем понятно, рассматривает ли он данные объекты в качестве целей обстрела, но он описывает их как «незначительные сооружения»²⁸⁴ и говорит, что применение против них БМ-30 не имело бы «смысла с военной точки зрения».²⁸⁵
202. Для меня очевидно, что, с точки зрения полученного военного преимущества, указанные объекты несопоставимы с целями, которые находились на аэродроме. Несомненно, что целям на аэродроме отдали бы приоритет перед любыми из упомянутых зданий полиции, Вооруженных сил или Пограничной службы. А поражение размещенного на аэродроме командного пункта АТО могло бы существенно снизить возможности по управлению войсками.

²⁷⁷ Заключение Брауна, § 67. В городе также находилась военная прокуратура по адресу: ул. Маяковского, 21 и спальные помещения Донецкого зонального отдела Военной службы правопорядка по адресу: ул. Маяковского, 10 (Украина, Краматорский городской суд, дело № 234/16920/15-к, Решение, 12 октября 2015, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/52310146>) (Приложение 64), как я объяснил ранее.

²⁷⁸ Заключение Брауна, § 67.

²⁷⁹ См. Протокол осмотра места происшествия, проведенного старшим следователем по особо важным делам следственного отдела Управления СБУ в Донецкой области майором юстиции А.А. Холиным (12 февраля 2015), (Приложение 105 к Меморандуму Украины), § 26; Протокол осмотра места происшествия, проведенного, лейтенантом милиции Краматорского городского управления Е.Е. Абушовым (10 февраля 2015) (Приложение 101 к Меморандуму Украины), где объясняется, что в парке Пушкина были найдены еще два фрагмента, которые находились на расстоянии 170 м друг от друга и на соизмеримом расстоянии от отдела Военной службы правопорядка.

²⁸⁰ СММ ОБСЕ. «Оперативный отчет Специальной мониторинговой миссии (СММ) ОБСЕ в Украине: Обстрел в Краматорске, 10 февраля 2015» (Приложение 331 к Меморандуму Украины), хотя я не видел доказательств, свидетельствующих о том, что данное здание пострадало в результате произошедшего в то время обстрела.

²⁸¹ Протокол осмотра места происшествия, проведенного старшим следователем по особо важным делам следственного отдела Управления СБУ в Донецкой области майором юстиции А.А. Холиным (12 февраля 2015), (Приложение 105 к Меморандуму Украины), § 2.

²⁸² Заключение Брауна, § 67.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ Там же.

В. Параметры примененной системы вооружения

203. По всей видимости, аэродром Краматорска был обстрелян 10 февраля 2015 года приблизительно в то же время, когда было зафиксировано повреждение жилых районов снарядами системы «Смерч».²⁸⁶ Насколько я понимаю, Украина утверждает, что обстрел произошел «примерно через пять минут после» обстрела аэродрома, около 12:30.²⁸⁷ Учитывая важность военных объектов на аэродроме и при условии, что в распоряжении ополченцев действительно имелась такая ракетная система (о чем я не могу судить), данный обстрел выполнял бы очевидную военную задачу.
204. В предоставленной мне информации говорится о применении в рассматриваемом обстреле БМ-30 «Смерч»,²⁸⁸ и мне кажется, что это корректная оценка. Я не знаю, имелись ли в распоряжении ДНР БМ-30 «Смерч», но я согласен с Генералом Брауном в том, что данная система была способна поразить цель с подконтрольной ДНР территории, а также идеально подошла бы для ее нейтрализации.²⁸⁹

С. Особенности целенаведения

205. Аэродром является сложным объектом, состоящим из отдельных (элементарных) целей. Способ обстрела такой цели определен соответствующими военными уставами: (а) по одной точке прицеливания; или (б) с распределением точек прицеливания по элементарным целям (между средствами поражения).
206. Самый эффективный способ применения РСЗО (например, «Смерч») в данном случае – обстрелять несколько отдельных целей на аэродроме, учитывая, что на нем находилось не менее 26 воинских формирований. Поражение сразу целого ряда целей позволило бы добиться наибольшего воздействия, и с большей вероятностью поразить командный пункт.

²⁸⁶ Я не могу быть уверен в точном времени обстрела, однако несколько источников согласуются между собой по этому вопросу. СММ услышала взрывы в городе в 12:33 (ОБСЕ, Отчет с места событий Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ): Обстрел в Краматорске (10 февраля 2015 г.) (Приложение 331 к Меморандуму Украины)). Мне продемонстрировали видео с отметкой о времени (я не берусь судить о ее точности), на котором записан первый взрыв в 12:30:58 (YouTube канал Дениса Артемьева, «Краматорск. 10 февраля 2015. Обстрел города из РСЗО Видео с камеры наблюдения», доступно по ссылке: <https://youtu.be/luFqr2porQk>, 1 апреля 2016 (Приложение 232)). Би-би-си со ссылкой на пресс-центр АТО сообщает, что аэродром был обстрелян в 12:32 (*BBC News, Украинская служба*, «Обстрел Краматорска: не менее семи человек погибли», 10 февраля 2015, https://www.bbc.com/ukrainian/politics/2015/02/150210_kramatorsk_shelling_victims_dk (Приложение 109)). Моменты времени, указанные в показаниях свидетелей, очень приблизительные и указывают на временной интервал между 12:00 (Письменное заявление Александра Бондарчука, Протокол допроса потерпевшего (20 августа 2015 г.) (Приложение 240 к Меморандуму Украины)) и 12:40 (Письменное заявление Александра Черного, Протокол допроса свидетеля (12 января 2015 г.) (Приложение 219 к Меморандуму Украины)); из этой информации невозможно определить точный момент обстрела.

²⁸⁷ Меморандум Украины, § 102. Также Свидетельские показания Кирилла Игоревича Дворского (Приложение 3 к Меморандуму Украины): «[п]о результатам проведенных следственных действий моей группой было установлено, что 10 февраля 2015 года в 12 часов 30 минут и 12 часов 35 минут представителями ДНР были совершены артиллерийские обстрелы жилого микрорайона города Краматорск и военного аэродрома, расположенного в двух километрах от города.»

²⁸⁸ Например, Экспертное заключение 193/1, подготовленное Украинским научно-исследовательским институтом специального оборудования и судебно-криминалистических экспертиз, Служба безопасности Украины (29 апреля 2015 г.) (Приложение 121 к Меморандуму Украины).

²⁸⁹ Заключение Брауна, §§ 61, 68.

207. Я полагаю, что ракетный удар был нанесен с целью поражения ряда важных объектов штаба АТО на аэродроме. Далее я рассмотрю вывод Генерала Брауна о том, что такая атака не могла привести к поражению жилых районов города и что целью обстрела должны были быть именно жилые районы.
208. Мне не предоставили никакого подробного описания повреждений на аэродроме Краматорска. Я ожидал бы от компетентных органов Украины проведения детального осмотра данного района попаданий с документированием всех повреждений. Информация об этих повреждениях, а также о точном времени обстрела(ов) позволила бы мне лучше понять подход, который использовался при целенаведении (в том числе с точки зрения оценки вероятности различных ошибок).

D. Повреждения жилых районов города

209. Мне были предоставлены составленные Украиной протоколы осмотра мест падения несущих элементов ракет (носовых частей, хвостовых частей, направляющих и кассетных частей²⁹⁰), а также боевых элементов.²⁹¹ Небольшое количество фотографий фрагментов и мест удара указывает на то, что обстрел был совершен с применением реактивных снарядов 9M55K. Однако здесь есть некоторые несоответствия, которые я объясню далее.
210. Места падения боевых элементов описаны в протоколе осмотра. Мне удалось установить 8 районов (поскольку некоторые из районов находятся очень близко друг к другу, возможно, более правильно было бы сказать, что их 6 или меньше), пострадавших от попадания боевых элементов.²⁹² Указанные районы находятся на определенном расстоянии друг от друга.²⁹³ В каждом районе найдено максимум 8 воронок, находящихся рядом друг с другом, которые образовались от попадания боевых элементов кассетного боеприпаса. Как я понимаю, Украина в Меморандуме указывает в общей сложности на 58 мест поражения боевыми элементами и несущими частями ракет (как в жилых районах, так и на аэродроме).²⁹⁴ Однако в каждом реактивном снаряде 9M55K содержится 72 боевых элемента, т.е. больше, чем общее количество мест падения боевых элементов, обнаруженных в жилых районах Краматорска. Ни одно из мест поражения в жилых районах, указанных в составленных Украиной протоколах осмотра,

²⁹⁰ Или «рамы», как их называют в России и на Украине.

²⁹¹ Протокол осмотра места происшествия, составленный А. Сорокиной, капитаном полиции, Краматорское городское управление (10 февраля 2015 г.) (Приложение 100 к Меморандуму Украины); Протокол осмотра места происшествия, составленный Е. Абушовым, лейтенантом полиции Краматорского городского управления (10 февраля 2015 г.) (Приложение 101 к Меморандуму Украины); Протокол осмотра места происшествия, составленный О.В. Куприяновым, лейтенантом полиции и следователем следственного отдела Краматорского полицейского управления (12 февраля 2015 г.) (Приложение 103 к Меморандуму Украины); Протокол осмотра места происшествия, составленный А. А. Холиным, майором юстиции и старшим следователем оперативного подразделения Следственного управления Службы безопасности Украины по Донецкой области (12 февраля 2015 г.) (Приложение 105 к Меморандуму Украины).

²⁹² См. районы, описанные в §§ 2 и 3, 7, 14, и 23, 18, 19, 20 Протокола осмотра места происшествия А.А. Холина (Приложение 105 к Меморандуму Украины). Поскольку составитель протокола не всегда проводит различие между воронками от разрыва боевых элементов и воронками от несущих частей ракеты (что для целей анализа обстоятельств обстрела является серьезным недостатком этого документа), следы поражения боевыми элементами определены, исходя из описания и имеющихся в некоторых случаях фотографий воронок, а также с учетом схем, приложенных к протоколу.

²⁹³ Протокол осмотра места происшествия А.А. Холина (Приложение 105 к Меморандуму Украины), § 2.

²⁹⁴ Меморандум Украины, § 102.

не представляет собой полноценную зону поражения даже для одного снаряда. Более того, некоторые из мест поражения находятся слишком далеко друг от друга, чтобы можно было считать, что они формируют зону поражения одной ракеты. Я нахожу очень странным тот факт, что в предоставленных мне материалах отсутствуют данные о попаданиях остальных боевых элементов или какое-то альтернативное объяснение результатов осмотра.²⁹⁵ Я не понимаю, чем это обусловлено. Остальные боевые элементы реактивного снаряда 9M55K должны были взорваться и оставить какие-то следы или же не взорваться, но, очевидно, что не все из них были найдены украинскими следователями в жилом районе.²⁹⁶ С чем бы это ни было связано, находящиеся в моем распоряжении сведения лишь отчасти полезны для целей (1) оценки количества реактивных снарядов 9M55K, поразивших город 10 февраля, и (2) действительного характера поражения.

1. Количество снарядов

211. Генерал Браун пришел к выводу о том, что от 2 до 4 снарядов попали по жилому району.²⁹⁷ В целом, оценка, данная Генералом Брауном, соответствует количеству количеством обнаруженных в городе хвостовых частей, но не данным осмотра мест поражения, проведенным в ходе расследования Украины. Я хотел бы еще раз обратить внимание на тот факт, что по какой-то причине было найдено лишь относительно небольшое количество мест падения боевых элементов. Отсюда возникает вопрос относительно правильности оценки количества снарядов, попавших по городу. Четыре снаряда должны были бы поразить район в общей сложности 288 боевыми элементами. Даже если бы часть из них не сработала и не взорвалась, то следователи, местные жители или специалисты по разминированию, вероятнее всего, нашли бы их.

2. Направление стрельбы

212. Генерал Браун утверждает, что «из расположения мест падения стабилизаторов по отношению боевым элементам следует, что азимут с огневой позиции до Краматорска находится в пределах 325°–330°». Я не уверен, какую методологию он использовал для сопоставления мест падения хвостовых частей (то есть маршевых двигателей со стабилизаторами) и мест падения боевых элементов. Я не думаю, что по имеющимся материалам можно установить дирекционный угол с точностью до 5 градусов (см.

²⁹⁵ См. Протокол осмотра места происшествия А.А. Холина (Приложение 105 к Меморандуму Украины).

²⁹⁶ Я обращаю внимание на то, что представители ОБСЕ нашли неразорвавшиеся боеприпасы, однако они упоминают о нахождении боеприпасов всего в трех местах (ОБСЕ, Отчет с места событий: Обстрел в Краматорске (Приложение 331 к Меморандуму Украины)). Два из этих мест соответствуют тем, где украинские следователи обнаружили хвостовые части снарядов (см. Протокол осмотра места происшествия А.А. Холина (Приложение 105 к Меморандуму Украины), § 1 и фотографию №4, § 4). См. также опубликованное в Интернете видео, где из земли извлечена ракетная часть, обнаруженная на ул. Дворцовой 36: YouTube канал Дмитрий, «Краматорск. Обстрел 10-02-15. Дворцовая 34», доступно по ссылке: <https://youtu.be/VJXWoAvq-n0>, 10 февраля 2015 (Приложение 230). Странно, что неразорвавшийся боеприпас был найден в том же месте, что и хвостовые части, поскольку последние улетают намного дальше боевых элементов кассетного боеприпаса. Кроме того, в отчете ОБСЕ на русском языке сказано, что снаряд не взорвался. Это бы означало, что весь снаряд не раскрылся и даже не взорвался после падения на землю. Это не соответствует версии украинского следствия и противоречит упомянутому в настоящей сноске видео, где на земле лежит лишь хвостовая часть, а не целый снаряд. Это подтверждает мое мнение о том, что повреждения не были изучены достаточно подробно.

²⁹⁷ Заключение Брауна, сноска 68 к § 60.

параграфы 214–215).²⁹⁸ В целом, несмотря на сложности с точным определением направления, я согласен с тем, что расположение мест поражения в целом указывает на обстрел с юго-восточного направления.

213. Так, насколько я понимаю, в Экспертном заключении № 193/1 Украинского научно-исследовательского института специальной техники и судебных СБУ проводится сопоставление между местами падения хвостовых частей и местами разрыва боевых элементов (Рисунок 17).²⁹⁹ Однако я не понимаю, почему эксперт посчитал, что места падения 6–15 боевых элементов можно рассматривать как центры рассеивания боевых элементов, выпущенных из одного реактивного снаряда 9M55K. Траекторию отдельно взятого снаряда необходимо установить, сопоставив место падения хвостовой части с центром рассеивания всех его боевых элементов. При этом центры районов падения боевых элементов невозможно установить на основании такого небольшого количества воронок, поскольку они не отражают всю картину рассеивания суб-боеприпасов. Кроме того, мне неясно, как эксперт определял, что та или иная область поражения боевыми элементами относится к тому же снаряду, что и та или иная хвостовая часть. Иными словами, как эксперт определил соответствие, какие красные зоны на его схеме соответствуют тем или иным желтым зонам (Рисунок 17).

²⁹⁸ Я хотел бы отметить, что в проведенном ОБСЕ анализе, на который он ссылается, не предоставлено никакой более точной информации, чем «юго-юго-восток», т.е. в пределах 22.5°; при этом данный анализ основывался на «живом наблюдении», которое по своей природе неточно (ОБСЕ, Отчет с места событий: Обстрел в Краматорске (Приложение 331 к Меморандуму Украины)).

²⁹⁹ Экспертное заключение 193/1, подготовленное Украинским научно-исследовательским институтом специального оборудования и судебно-криминалистических экспертиз, Служба безопасности Украины (29 апреля 2015 г.) (Приложение 121 к Меморандуму Украины).

Рисунок 17 - Отметки на карте, сделанные экспертом О. Бордуносом³⁰⁰

214. Еще одна попытка определить направление обстрела отражена в Протоколе осмотра места происшествия, проведенного старшим следователем СБУ по особо важным делам майором юстиции А.А. Холиным.³⁰¹ Как представляется, участвовавший в осмотре места происшествия эксперт, командир батареи реактивной артиллерии, капитан

³⁰⁰ См. Иллюстрацию № 30 Экспертного заключения № 193/1 Службы безопасности Украины (Приложение 121 к Меморандуму Украины). Сомневаюсь, что следует учитывать точку № 6 как место падения ракетной части. Протокол осмотра от 12.10.2015, изученный О. Бордуносом, скорее всего, был тем же Протоколом осмотра места происшествия, который был представлен мне в качестве Приложения 105 к Меморандуму Украины (Протокол осмотра места происшествия А.А. Холина). В § 6 указанного протокола нет никакой информации о том, какой фрагмент был найден в том месте. Однако открытые источники свидетельствуют о том, что это была рама несущего элемента снаряда (6264.com.ua (Сайт города Краматорска), «Последствия обстрела Краматорска (ФОТО)», 10 февраля 2016, <https://www.6264.com.ua/news/1117566/posledstvia-obstre-la-kramatorska-foto>) (Приложение 116). Как вкратце отмечено на с. 28 Протокола осмотра места происшествия А.А. Холина (Приложения 105 к Меморандуму Украины), такие фрагменты, как рама имеют сложную аэродинамику и не могут быть использованы для такого рода анализа.

³⁰¹ Протокол осмотра места происшествия А.А. Холина (Приложение 105 к Меморандуму Украины).

Г.О. Панченко, нарисовал эллипс вокруг мест падения обломков снарядов и второй эллипс – вокруг следов падения боевых элементов. Проведенная через центры этих эллипсов линия была принята за направление стрельбы. Проблема с использованием данного метода состоит в том, что рассеивание осколков от различных снарядов (и даже от одного снаряда) зависит от большого количества факторов, которые определяют их различную аэродинамику, и не следует какому-то известному закону.³⁰² Еще одна проблема заключается в том, что очевидно не все воронки от боевых элементов и не все фрагменты снарядов были найдены³⁰³ и нанесены на карту. Я не знаю, получил ли эксперт полную информацию и учел ли все места поражения на аэродроме³⁰⁴ и за пределами города. Зоны поражения должны выглядеть как несколько пересекающихся эллипсов, если я прав, что на аэродроме находилось несколько точек прицеливания.³⁰⁵ Неясно, можно ли найти центры рассеивания всех боевых элементов и всех осколков несущей части ракет хоть с какой-либо точностью. Я не понимаю, на каком основании весь район поражения боевыми элементами и весь район разлета осколков снарядов (даже если бы они были определены) были приняты за эллипсы, и почему центры этих эллипсов можно считать центрами рассеивания. При этом даже незначительные ошибки, если их спроецировать на расстояние в 50–70 км, привели бы к значительным погрешностям при определении пусковых площадок.

215. Я также обратил внимание, что эксперты не учитывали ветровой снос боевых элементов после раскрытия боевой части ракеты. При этом боевые элементы при падении испытывают на себе большее влияние ветра, чем ракетная (хвостовая) часть. В этой связи, неучет влияния ветрового сноса сам по себе мог привести к неточному определению направления на огневую позицию. Не зная силу и направление ветра в зоне раскрытия ракет, я не могу определить значимость этой ошибки в данном случае.
216. Однако я согласен с тем, что даже те неполные данные, которые были мне продемонстрированы, свидетельствуют о том, что боевые элементы упали на юго-востоке от хвостовых частей. Это очень приблизительно указывает на направление обстрела. Следовательно, я согласен с тем, что обстрел велся примерно с юго-востока (но считаю необоснованными те точные данные, которые Генерал Браун приводит в § 65). Упавшие на город снаряды, должно быть, пролетели дальше аэродрома, но при этом их направление в целом соответствует направлению обстрела, который пришелся по аэродрому. Далее я рассмотрю версию о том, могло ли это случиться из-за ошибки (или совокупности ошибок).
217. При наличии полной информации о повреждениях на аэродроме можно было бы попытаться установить азимут и оценить ошибку по направлению (если таковая имела место) и по дальности. Как уже отмечалось ранее, мне не предоставили такую информацию.

³⁰² Нужно также учитывать, что маршевые двигатели ракет летят по траектории движения снаряда гораздо дальше, чем остальные фрагменты боеприпаса (рамы, направляющие, обтекатели и пр.). Последние падают гораздо ближе к району поражения боевыми элементами.

³⁰³ См. §§ 210-211 выше.

³⁰⁴ Как я объясню далее, я не верю в то, что упавшие на город снаряды были выпущены в ходе отдельного обстрела, однако, в любом случае, несколько найденных в городе хвостовых частей принадлежали снарядам, раскрывшимся над аэродромом.

³⁰⁵ См. §§ 206-207 выше.

3. Дальность стрельбы

218. Я не считаю, что по анализу воронок можно определить дальность стрельбы, и, как я понимаю, это соответствует позиции Генерала Брауна, выраженной в § 64 его Заключения. Однако, определив угол, с которого, вероятнее всего, велся обстрел, в § 68 Генерал Браун, как представляется, опирается на оперативные и тактические факторы (максимальное расстояние до территории, находящейся под контролем противоположной стороны конфликта (см. § 61) и дальность стрельбы из БМ-30) для определения расстояния от места запуска. Такие допущения заранее исключают вероятность огня по своим (из-за ошибки или диверсии).
219. Мне не известно ни о каких позициях ДНР, которые находились бы ближе к Краматорску, чем Горловка. Если предположить, что обстрел мог быть организован только ДНР, то я согласен с тем, что расстояние должно было превышать 50 км.

4. Вероятность ошибок

220. В § 72 Заключения Генерал Браун заявляет, что размеры зоны рассеивания боевых элементов во время обстрела Краматорска, включая аэродром и жилые районы, составляют 5 км в длину и 0,6 км в ширину. Кроме того, он делает вывод о том, что «поперечное рассеивание соответствует предполагаемой зоне поражения системы... что означает, что пусковая установка(и) не изменяла свой азимут во время выполнения огневой задачи. Однако продольное рассеивание превышает предполагаемую зону поражения в три раза».
221. Генерал Браун в целом опирался на верные данные, хотя представленная им зона рассеивания на самом деле относится к рассеиванию мест раскрытия боевых частей снарядов, а не к рассеиванию мест падения боевых элементов. Я ссылаюсь на данные из Таблицы стрельбы РСЗО «Смерч» для снарядов 9М55К (Рисунок 18). Зоны рассеивания снарядов и боевых элементов могут полностью не совпадать, поскольку снаряды, раскрывающиеся на границе эллипса рассеивания ракет, могут выпускать свои боевые элементы за пределы этих границ. Даже несмотря на эту поправку, боевые элементы, выпускаемые в ходе одного залпа из БМ-30, не могут упасть на расстоянии 5 км друг от друга.

Д, км	Срединные ошибки рассеивания снарядов ³⁰⁶	
	B_d , м	B_σ , м
50	220	159
60	227	186
70	230	215

Рисунок 18. Данные из Таблицы стрельбы РСЗО «Смерч» для снарядов 9М55К³⁰⁷

³⁰⁶ Под «снарядами» здесь имеются в виду «реактивные снаряды».

³⁰⁷ Д – дальность, B_d – срединные ошибки по дальности для снаряда; B_σ – срединные ошибки по направлению для снаряда. См. Выписку из таблицы стрельбы «Смерча», Министерство обороны Украины (март 2018 г.) (Приложение 656 к Меморандуму Украины).

222. Генерал Браун заявляет, что такое отклонение по дальности не могло быть следствием совокупности ошибок различной природы, и, следовательно, целью обстрела являлись не только объекты на территории аэродрома, но и объекты в жилом районе города Краматорска, которые были самостоятельной целью. Я не согласен с ним.
223. По мнению Генерала Брауна, операторы системы вооружения в нормальном случае не могли допустить столько ошибок при подготовке и наведении пусковой установки, чтобы объяснить увеличение дальности на 5 км. С этим замечанием я согласен. Более того, крайне маловероятно, чтобы совокупность разных ошибок в процессе стрельбы (использование неверной информации о координатах цели и/или ошибки в наведении пусковых установок, неполное проведение мероприятий технической подготовки, неправильная интерпретация полученных указаний (команд), метеоданных или координат и др.), даже если бы они были допущены одновременно, привела к совокупному увеличению рассеивания по дальности до такой степени. Каждая такая ошибка могла бы с равной долей вероятности как увеличить расстояние, так и уменьшить его, повлиять на азимут и т.д.
224. Однако, один из двух важных факторов может привести к ошибке такого масштаба. Данная ошибка по дальности может быть следствием так называемого «человеческого фактора» (грубой ошибки при передаче или введении данных для стрельбы) или отказа системы коррекции ракеты по дальности. В данном случае речь, вероятнее всего, не идет о человеческом факторе, поскольку всего лишь 2–4 снаряда раскрылись над жилыми районами. Одна установка БМ-30 может выпустить 12 снарядов без перезарядки. Маловероятно, чтобы эти снаряды были отдельно выпущены по городу и раскрылись на расстоянии 1,7 км друг от друга.
225. Представляется наиболее вероятным, что данные снаряды могли быть неисправны и поэтому перелетели цель (они могли также немного отклониться по направлению). Как верно отмечает Генерал Браун, снаряды комплекса БМ-30 могут корректировать тангаж и рыскание во время активного участка траектории.³⁰⁸ Из-за такой сложной электроники и внутреннего устройства снаряд становится более подверженным неисправностям.
226. Насколько я понимаю, данные снаряды были старыми.³⁰⁹ Я не знаю, проводилось ли своевременное техническое обслуживание указанных снарядов с целью обеспечить их надлежащее функционирование. Срок хранения реактивного снаряда 9M55K составляет 12,5 лет при хранении на складах открытого типа и максимум 25 лет на складах закрытого типа при условии надлежащего технического обслуживания.
227. Если такие боеприпасы хранятся без надлежащей защиты и/или технического обслуживания, то это увеличивает риск возникновения различных неисправностей. В любом случае, даже правильные условия хранения снарядов РСЗО данного типа не исключают появление неисправностей, в частности, некорректную работу или отказ бортовой аппаратуры коррекции дальности, поэтому возможно, что некоторые снаряды могли сильно перелететь.

³⁰⁸ Заключение Брауна, § 62.

³⁰⁹ Эксперт А. Бордунос изучил маркировку на фрагментах снаряда и установил, что цифры «91» соответствуют году выпуска: см. Экспертное заключение № 193/1 Службы безопасности Украины (Приложение 121 к Меморандуму Украины), с. 8.

228. Некорректная работа или отказ бортовой аппаратуры коррекции дальности могли быть вызваны и неснятием блокировки этой системы при предстартовой подготовке. Для снятия блокировки аппаратуры, в частности, необходим контакт между электрическими цепями пусковой установки и ракеты. Если этот контакт нарушен по какой-либо причине, система коррекции дальности в полете не работает.
229. Генерал Браун заявляет в § 73 своего Заключения, что
 «данное совпадение, когда ракеты по ошибке падают на жилой район, а не на поля вокруг цели на аэродроме, также свидетельствует о том, что любое предположение, что все это является ошибкой, должно быть воспринято с изрядной долей скепсиса».
230. Я не совсем понимаю такой скептицизм. Направление стрельбы, определенное самим Генералом Брауном, предполагает, что снаряды, если бы они перелетели цель, приземлились бы в городе (Рисунок 19). Сразу несколько ракет могли быть подвержены одним и тем же неполадкам вследствие, например, одинаковых недостатков хранения.

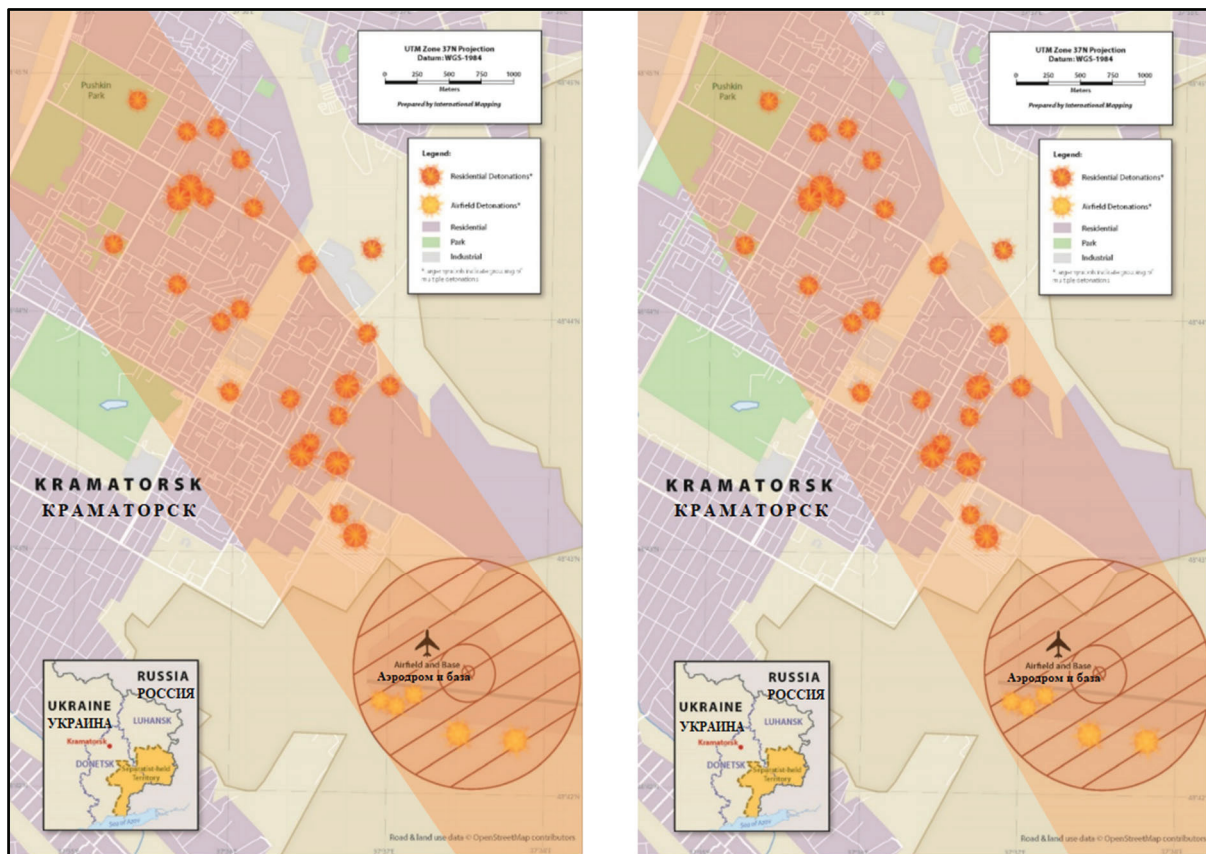

Рисунок 19 - Азимуты 325 (слева) и 330 (справа) градусов³¹⁰

5. Альтернативы не подвергать город опасности

231. В § 74 своего Заключения Генерал Браун заявляет, что
 «[д]аже если бы аэродром был единственной целью, и наводка была осуществлена с высокой степенью точности, то сам выбор системы вооружений и пусковой позиции

³¹⁰ Представленные здесь точки прицеливания были выбраны мной произвольно лишь для того, чтобы продемонстрировать, что обстрел аэродрома с данных углов мог задеть пострадавшие жилые районы в случае перелета ракет вследствие их неисправности.

в районе Горловки уже предопределил падение несущих элементов на гражданские жилые районы Краматорска».

Я не знаю, какие объекты были выбраны в качестве целей, но риск падения ракетных частей в городской черте действительно представляется значительным с учетом направления обстрела и близости аэродрома к городу.³¹¹ Далее я проанализирую, можно ли было каким-либо очевидным образом снизить данный риск, как предполагает Генерал Браун в §§ 74 и 78 своего Заключения.

232. Генерал Браун заявляет, что в направлении г. Ясиноватая силам ДНР могла быть доступна альтернативная пусковая площадка. Однако, если верить карте ИАЦ СНБО (Рисунок 15 выше), на данном направлении ДНР контролировали лишь относительно небольшую часть территории. Помимо этого, насколько я понимаю, на северо-востоке и юго-западе от этого района велись активные боевые действия.³¹² С учетом близости указанных боевых действий, если бы пусковые установки были там размещены, то они могли бы навлечь на себя ответный огонь с позиций ВСУ рядом с линией фронта.
233. У меня нет оснований полагать, что в районе г. Ясиноватая могла находиться доступная пусковая площадка, но даже если бы это было так, предполагаемый азимут не позволил бы избежать сопутствующих повреждений от несущих частей снарядов, если только цели не находились исключительно в восточной части аэродрома. Я хотел бы отметить, что даже если бы огонь был открыт при азимуте около 345 градусов, то он все равно подверг бы опасности частные дома (Рисунок 20), если цели находились ближе к западной части аэродрома.

³¹¹ Заключение Брауна, Рисунок 3 в § 69.

³¹² См. Рисунок 15 выше.

Рисунок 20 - Азимут 345 градусов с точкой прицеливания на западной границе (слева) и восточной границе (справа) аэродрома

Е. Общие выводы

234. Я полагаю, что целями обстрела с применением системы БМ-30 «Смерч» были различные объекты, находящиеся на территории аэродрома Краматорска (включая командный пункт (штаб) Антитеррористической операции, зенитно-ракетные подразделения, радиолокационные станции, вертолеты, места хранения боеприпасов, полевой лагерь «Сармат»).
235. Командный пункт Антитеррористической операции являлся наиболее важной, приоритетной с военной точки зрения целью.
236. Судя по изученным мной доказательствам, в городе Краматорске не было никаких целей, для обстрела которых подходило бы применение БМ-30 «Смерч». Такие объекты как

отдел полиции (на ул. Маяковского), призывной пункт (на ул. Дружбы) или здание Пограничной службы (на ул. Героев Украины), как представляется, не являлись подходящими целями для такого рода обстрела.

237. Насколько можно судить, повреждения жилых районов Краматорска, вероятнее всего, стали следствием ошибок в целенаведении и/или (что более вероятно) некорректной работы или отказа бортовой аппаратуры коррекции дальности.

V. ОБСТРЕЛЫ, КОТОРЫМ ПОДВЕРГЛАСЬ АВДЕЕВКА В КОНЦЕ ЯНВАРЯ – НАЧАЛЕ МАРТА 2017

A. Введение

238. После анализа предоставленных мне материалов я не могу согласиться с выводами Генерала Брауна о повреждениях жилых домов и объектов инфраструктуры в Авдеевке в январе-марте 2017 года по следующим причинам:
- а) Генерал Браун рассматривает обстрелы гражданских объектов Авдеевки, не учитывая в полной мере контекст боевых действий в данном районе. При оценке наличия военных целей в Авдеевке Генерал Браун не учитывает необходимость снабжения передовых позиций вблизи Авдеевки (в том числе, транспортировку военной техники через жилые районы) и факты размещения военной техники в жилых районах Авдеевки.
 - б) Генерал Браун полагается на доказательства, указывающие на применение РСЗО БМ-21 против гражданских объектов в Авдеевке, но более внимательное изучение соответствующих доказательств не подтверждает, что эти виды вооружения действительно были применены при обстрелах.
 - в) Сравнение эпизодов обстрела Авдеевки с аналогичными эпизодами, в которых были обстреляны гражданские объекты в Донецке, Спартаке, Ясиноватой, Крутой Балке, Макеевке (подконтрольные ДНР жилые районы к востоку и юго-востоку от Авдеевки, поврежденные аналогичным образом), свидетельствует о том, что поражение гражданских объектов практически неизбежно, когда линия разграничения проходит в такой непосредственной близости от густонаселенных жилых районов. По всей видимости, от этого сходным образом страдают жилые районы по обеим сторонам линии соприкосновения.

B. Контекст боевых действий вблизи Авдеевки

1. Ситуация на Донбассе осенью-зимой 2017 года

239. Обстрелы, заявленные Украиной, необходимо рассматривать в контексте эскалации военной конфронтации на юго-востоке Украины в период с осени 2016 года по весну 2017 года.
240. Из открытых источников информации следует, что, начиная с осени 2016 года, Украина осуществляла «ползучие наступления», планомерно захватывая небольшие участки территории, находящиеся в различных районах так называемой «серой зоны» вдоль линии соприкосновения.³¹³ Захваченные участки территории позволяли украинским войскам улучшить свои оборонительные позиции, а также создавать плацдарм для потенциальных наступательных действий.³¹⁴ Например, в декабре 2016 года – январе

³¹³ Владимир Сокоп, «Ползучее наступление»: Новая тактика Украинских подразделений на Донбассе, Eurasia Daily Monitor Книга: 14 Выпуск: 16, 9 февраля 2017, <https://jamestown.org/program/crawling-advance-new-tactic-ukrainian-troops-donbas/> (Приложение 137); см. также Radio Free Europe/Radio Liberty, «Напряженная ситуация на Украине рискует обостриться из-за "ползучего наступления"», 30 января 2017, <https://www.rferl.org/a/ukraine-russia-creeping-offensive-escalation-fighting/28268104.html> (Приложение 120).

³¹⁴ Владимир Сокоп, «Ползучее наступление»: Новая тактика Украинских подразделений на Донбассе, Eurasia Daily Monitor Книга: 14 Выпуск: 16, 9 февраля 2017, <https://jamestown.org/program/crawling-advance-new-tactic-ukrainian-troops-donbas/> (Приложение 137).

2017 года украинские войска продвинулись в районе Светлодарской дуги, захватив опорные пункты ЛНР у сел Калиновка и Логвиново,³¹⁵ взяли под контроль населенный пункт Новолуганское и захватили стратегические высоты в городе Кировске, продвинувшись на 500 метров в сторону города Стаханова.³¹⁶

241. 31 января 2017 года сообщалось, что украинский военный эксперт Олег Жданов, полковник запаса ВСУ утверждал: «Как и Светлодарская дуга, это [эскалация вооруженного конфликта в Авдеевке] – своего рода ответ на наши действия. Мы заняли там господствующую высоту и получили жесткий ответ в течение трех суток с применением всех видов оружия, которые есть в арсенале».³¹⁷ Он добавил, что позиция, которую заняли украинские бойцы, позволяла ВСУ взять под огневой контроль дополнительную часть дороги Донецк-Горловка поблизости от Ясиноватской развязки. Часть этой трассы силы АТО контролировали (т.е. простреливали) уже с предыдущего года. К 31 января 2017 года этот участок еще увеличился. «Бои ведутся именно из-за этой дороги. Мы ее простреливаем, причем из автоматов – всю Ясиноватскую развязку. Поэтому они не используют ее для транспортировки военно-технического имущества, личного состава, техники и боеприпасов. А все остальные дороги, ведущие из Донецка в Горловку, – либо сельские, либо в худшем состоянии», – объяснял Олег Жданов.³¹⁸
242. По всей видимости, обострение ситуации в регионе признавалось результатом этой тактики «ползучего наступления». Так, 30 января 2017 года сообщалось, что первый заместитель главы СММ ОБСЕ в Украине Александр Хуг заявил: «Прямым результатом наступательных действий является эскалация напряженности, которая часто приводит к насилию».³¹⁹
243. 5 февраля 2017 года СММ ОБСЕ в Украине опубликовала следующую информацию, свидетельствующую об ожесточенных боях в данном районе:

«По данным воздушного наблюдения были обнаружены тысячи новых (начиная, по крайней мере, с 28 января) воронок в районе Авдеевки и Ясиноватой. Самое большое число мест разрывов было зафиксировано на участке, который пролегает ориентировочно в 2–3 км от шахты «Бутовка» и в направлении «промзоны», западнее автодороги М04. По данным воздушного наблюдения участок в районе «промзоны» 28 января был весь покрыт снегом. В то же время материалы воздушного наблюдения за 1 февраля показали большое количество черных мест на этом участке от разрывов. Высокая концентрация мест разрывов также наблюдалась на следующих участках: в

³¹⁵ *BBC News, Украинская служба*, «Что произошло на Светлодарской дуге?», 24 декабря 2016, <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-38426404> (Приложение 119); Официальный сайт Совета национальной безопасности и обороны Украины, «А.Турчинов на Светлодарской дуге: Вооруженные Силы Украины адекватно реагируют на все провокации российских гибридных войск», 21 декабря 2016, <https://web.archive.org/web/20161222145819/https://www.rnbo.gov.ua/news/2670.html> (Приложение 66): «наши военные контратаковали, продвинулись вперед и заняли новые позиции, которые предоставили им дополнительное преимущество над врагом в этом секторе обороны».

³¹⁶ *Новая газета*, «Боевая ничья», 31 января 2017, <https://novayagazeta.ru/articles/2017/01/31/71352-boevaya-nichya> (Приложение 122). В этой новости говорится также о прямом попадании по Авдеевского Коксохимическому заводу, но, по всей видимости, это является ошибкой (см. ниже)

³¹⁷ *BBC News, Украинская служба*, «Авдеевка: почему идут бои за замерзшие окопы?», 31 января 2017, <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-38810871> (Приложение 123).

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ *Radio Free Europe/Radio Liberty*, «Напряженная ситуация на Украине рискует обостриться из-за "ползучего наступления"», 30 января 2017, <https://www.rferl.org/a/ukraine-russia-creeping-offensive-escalation-fighting/28268104.html> (Приложение 120).

«промзоне» и на восточной, юго-восточной, южной и юго-западной окраинах Авдеевки; от шахты «Бутовка» и в направлении подконтрольных «ДНР» с. Спартак (9 км к северу от Донецка), с. Яковлевка (10 км к северу от Донецка) и пос. Минеральное (10 км к северо-востоку от Донецка); от «промзоны» и в направлении Донецкой фильтровальной станции; а также в окрестностях Крытой Балки. Новые места разрывов также были сосредоточены в одном из жилых районов Авдеевки и сразу за чертой города на запад».³²⁰

2. Ситуация в Авдеевке зимой 2017 года

244. Как сообщалось, Авдеевка сильно пострадала в 2015 году³²¹ и была одним из центров боевых действий в 2016 году.³²² Вероятно, что реализация Украиной стратегии «ползучего наступления» в Авдеевке привела к новому витку эскалации конфликта. Из приведенных ниже открытых источников информации я делаю вывод о том, что зимой 2017 года Украина провела успешные наступательные действия по трем основным направлениям: опорный пункт «Алмаз-2», «Промзона» и Авдеевский лес поблизости Донецкой Фильтровальной Станции (ДФС) (Рисунок 21).

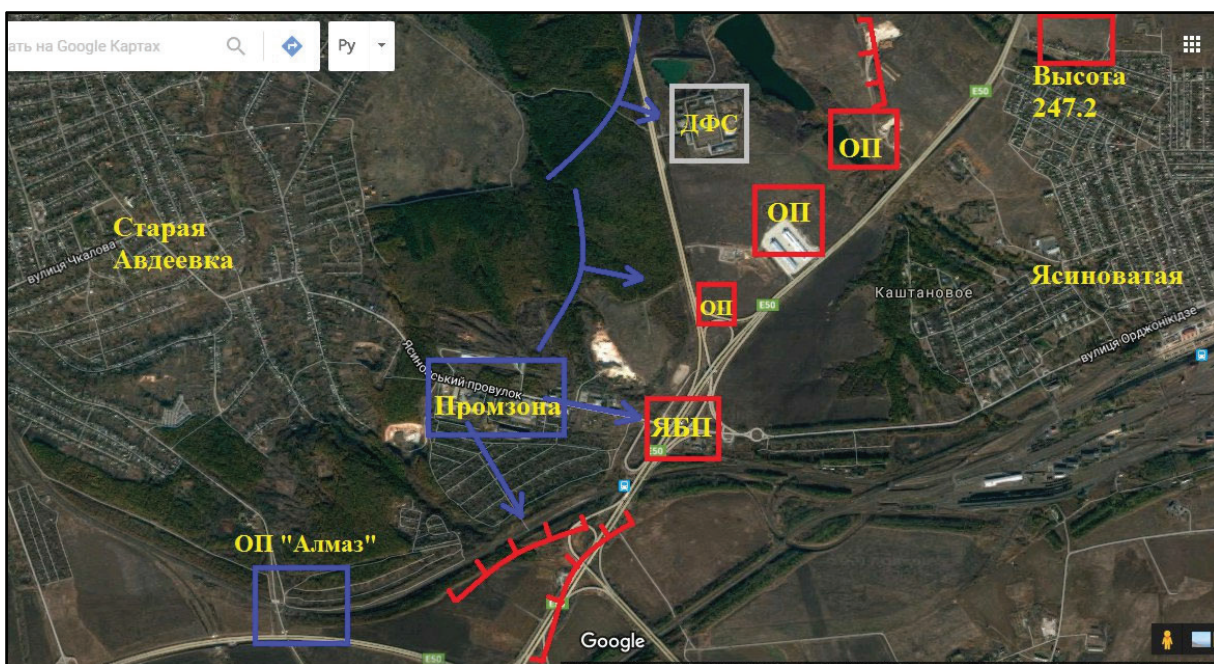

Рисунок 21 - Продвижение Украины в данном районе³²³

³²⁰ ОБСЕ, Последние данные из Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (5 февраля 2017 г.), 6 февраля 2017, <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/298001> (Приложение 20).

³²¹ *Украинская правда*, «Авдеевка. От дискотеки до дискотеки», 23 июня 2015, <https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2015/06/23/7072177/> (Приложение 115).

³²² Заявление Александра Хуга, заместителя главного наблюдателя от СММ ОБСЕ (19 августа 2016 г.), 07:30 (видео) (Приложение 341 к Меморандуму Украины), 07:30: «[Это] несомненно, наиболее пострадавший район всего Донбасса на данный момент»; *BBC News, Русская служба*, «Почему Авдеевка стала самой горячей точкой Донбасса», 15 апреля 2016, https://www.bbc.com/russian/international/2016/04/160415_avdeevka_fighting_east_ukraine (Приложение 118).

³²³ Страница ВКонтакте Национальный информационный портал «Тиск», доступно по ссылке: https://vk.com/wall-78786186?day=31012017&w=wall-78786186_450765%2Fall, 31 января 2017 (Приложение 204). Эта страница, по всей видимости, является украинским средством массовой информации в социальной сети.

а. Опорный пункт «Алмаз-2»

245. Значительное количество открытых источников свидетельствует о том, что Украина осуществила захват опорного пункта «Алмаз-2»:

а) В январе 2020 года Министерство обороны Украины опубликовало на своей странице на Facebook документальный фильм «Штурм Алмаза».³²⁴ Данное видео было размещено со следующим описанием:

«В документальном фильме «Штурм Алмаза» рассказывается о том, как украинские воины захватили опорный пункт под названием «Алмаз-2». Он расположен на окраине донецкого города Авдеевка вблизи промышленной зоны. Там продолжались ожесточенные бои 72-й бригады. Уже три года эта важная позиция – под контролем подразделений ВС Украины, а до этого – там были боевики. Ожесточенные бои между украинскими бойцами и террористическими группировками продолжались несколько дней – с 29 января по 6 февраля 2017».³²⁵

б) По-видимому, это же столкновение обсуждается в хронологии событий, опубликованной 3 февраля 2017 года на странице Генерального штаба Украины на Facebook.³²⁶ Там указано, что 29 января 2017 года, по версии Генерального штаба Украины, ВСУ отбили атаку войск ДНР, «осуществили преследование противника, вышли на позиции противника и захватили наблюдательный пост».³²⁷ После этого войска ДНР стремились «вернуться на предыдущие позиции» и вели различные штурмовые действия, включая «интенсивный обстрел».³²⁸

в) Сообщалось, что 29 января 2017 года министр обороны Украины Степан Полторак заявил: «Сегодня есть серьезное обострение в районе Авдеевки: утром террористические группировки начали обстрел, а затем, две группы врага по 25–30 человек каждая, начали штурмовые действия наших позиций. На одной из позиций это продвижение было остановлено военнослужащими Вооруженных Сил, а на второй – наши военнослужащие перешли в наступление и заняли важный пост, [который] имеет стратегическое значение».³²⁹ Степан Полторак, по всей видимости, говорил о том же наступлении и захвате позиции «Алмаз-2» 29 января 2017 года.

246. На основании источников, упомянутых в § 245, я полагаю, что захват Украиной опорного пункта «Алмаз-2» привел к ожесточенным боям. Представитель Украины, чьи слова были процитированы выше, признал, что эта позиция имела серьезное стратегическое значение. Принимая во внимание спутниковый снимок местности в Google Earth, который мне был предоставлен,³³⁰ я могу подтвердить, что захват и удержание этой

³²⁴ Страница Facebook Министерства обороны Украины, доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/MinistryofDefence.UA/videos/120155595981733>, 29 января 2020 (Приложение 216).

³²⁵ Там же.

³²⁶ Страница Facebook Генерального штаба ВСУ, доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/GeneralStaff.ua/posts/732453826923877>, 3 февраля 2017 (Приложение 209).

³²⁷ Там же.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Официальный сайт Министерства обороны Украины, «Сейчас ситуация в АТО сложная, но контролируемая», 29 января 2017, <https://www.mil.gov.ua/news/2017/01/29/narazi-situacziya-v-ato-skladna-ale-kontrolovana-ministr-oboroni-ukraini/> (Приложение 68).

³³⁰ Спутниковый снимок Авдеевки в Google Earth с обозначенной трассой Е-50 (Приложение 265).

позиции должны были позволить расширить зону контроля за стратегически значимой трассой между Донецком и Горловкой (двумя крупными городами ДНР).

b. Позиции в Авдеевском лесу у ДФС

247. Во многих открытых источниках информации также указано, что Украина осуществила наступление на дорогу Н-20, вплотную приблизившись к ДФС, находившейся под контролем ополченцев:

а) 22 января 2017 года первый заместитель главы СММ ОБСЕ Александр Хуг заявил: «Находясь на Донецкой фильтровальной станции, мы видели, как со стороны, которая находится под контролем Правительства Украины, строятся новые военные объекты. Это ведет к интенсификации боевых действий. И не в открытом поле, где нет риска нанести урон чему-то. Населенный пункт Крутая Балка и Донецкая фильтровальная станция, по сути, находятся в середине этих позиций. И если данный процесс не остановить, то высшая математика здесь не нужна, вы можете понять, что произойдет».³³¹

б) 30 января 2017 года украинское издание Dsnews опубликовало статью о том, что Украинские войска отбили атаку войск ДНР, проведенную с целью отодвинуть украинских военных от ДФС. Издание пишет:

«Теперь же ВСУ почти вплотную приблизились к решению главной тактической задачи в районе Авдеевской «промки» – взятия под контроль ДФС, которая обеспечивает водой Донецк, и окончательное перерезание трассы Е50 Донецк-Горловка, которая тянется вдоль линии разграничения и в свое время была по сути рокадной для боевиков. С момента закрепления ВСУ непосредственно в промзоне дорога оказалась под огневым контролем, сейчас же, чтобы полностью перекрыть трассу нужно взять под контроль террикон за «Первым ставком»».³³²

в) Далее я ссылаюсь на опубликованную на сайте издания Dsnews карту (Рисунок 22), на которой отмечена ДФС. Как представляется, силы ДНР пересекли дорогу Н-20 в попытке установить контроль над трассой Е50 далее на восток.

³³¹ Youtube канал Министерство информации ДНР, «Александр Хуг подтвердил наличие новых блиндажей ВСУ вблизи ДФС (пресс-конференция 22.01.2017)», доступно по ссылке: <https://youtu.be/8tRDtK7ucho?t=806>, 22 января 2017 (Приложение 233), (13:26 – 14:31).

³³² Dsnews, «Спонтанная контратака. ВСУ прибирают к рукам Авдеевский дорожный узел (КАРТА)», 30 января 2017, <https://www.dsnews.ua/politics/spontannaya-kontrataka--30012017123000> (Приложение 121).

Рисунок 22 - Карта, опубликованная Dsnews³³³

d) 14 февраля канал ТСН опубликовал видеорепортаж о том, как 39 ОМБП Украины в полной секретности заняла позиции в Авдеевском лесу, вплотную подойдя к стратегической трассе Н-20.³³⁴ Возможно, силы ВСУ пересекли дорогу Н-20 на севере от ДФС, но не смогли сделать этого далее на юг.

248. Таким образом, из указанных выше источников следует, что продвижение к дороге Н-20 (и, возможно, даже ее пересечение в некоторых районах) позволило Украине существенно увеличить зону контроля над стратегически значимой дорогой между Донецком и Горловкой, а также установить контроль над ДФС. По спутниковым снимкам мне ясно, что контроль над этой позицией позволял бы Украине в кратчайшие сроки перерезать дорогу между Донецком и Горловкой в случае осуществления наступательных действий.

с. «Промзона»

249. Мне было предоставлено большое количество материалов из открытых источников, в которых зафиксирована информация об ожесточенных боях в районе «Промзоны»:

а) Согласно статье, опубликованной на сайте Минобороны Украины, в конце марта 2016 года ВСУ удалось закрепиться в Авдеевской «Промзоне».³³⁵ Занятие «Промзоны» позволило вести огонь по блокпосту ДНР на Ясиноватской развязке, а также контролировать кратчайший для ДНР путь на Горловку. После занятия «Промзоны» ВСУ пришлось существенно усилить подразделения в этом районе.³³⁶

³³³ Там же.

³³⁴ ТСН, «Украинские военные в полной секретности заняли новые позиции возле стратегической трассы на Донбассе», 12 февраля 2017, <https://tsn.ua/ru/ato/ukrainskie-voennye-v-polnoy-sekretnosti-zanyali-novye-pozicii-vo-zle-strategicheskoy-trassy-na-donbasse-803353.html> (Приложение 235).

³³⁵ Официальный сайт Министерства обороны Украины, «Операция «Промзона»», 22 апреля 2016, <https://www.mil.gov.ua/news/2016/04/22/operaciya-promzona-/> (Приложение 65).

³³⁶ Там же.

- b) 29 января 2017 года официальный аккаунт Facebook пресс-центра штаба Антитеррористической операции Украины сообщил, что в районе Авдеевской промзоны силы ДНР начали интенсивный обстрел из стрелкового оружия и минометов, а затем начали штурмовые действия с целью захвата украинских позиций.³³⁷
- c) В тот же день главный редактор украинского издания «Censor.net» Юрий Бутусов сообщал о наступлении войск ДНР вблизи Ясиноватской развязки и «Промзоны» с применением артиллерии и танков.³³⁸
- d) 31 января 2017 года украинская служба Би-Би-Си указала, что «основные бои ведутся [...] за «Промзону», которая выходит к дороге, ведущей из Донецка в Горловку».³³⁹
- e) 5 февраля 2017 года СММ ОБСЕ отмечала, что данные воздушного наблюдения указывали на большое количество мест разрывов вблизи «Промзоны».³⁴⁰ Кроме того, согласно данным СММ ОБСЕ, десять из двенадцати гаубиц ДНР, расположенных к востоку и юго-востоку от Авдеевки, находились в боевом положении и были направлены на «Промзону».³⁴¹

d. Информация из СМИ о причинах обострения конфликта в данном районе

250. Мне продемонстрировали интервью от 17 февраля 2017 года, в котором Дмитрий Тымчук, народный депутат Украины, член комитета Верховной Рады по вопросам национальной безопасности и обороны, заявил: «Боевики гнут последнее время одну линию – отодвинуть как можно дальше украинские войска. На сегодняшний день фактически украинские войска с помощью артиллерии могут осуществлять контроль за значительной частью ДНР. Ясно, что боевиков это не устраивает».³⁴²
251. Мне также были предоставлены материалы СМИ, в которых утверждается, что украинские подразделения намеренно совершили действия по обострению военной ситуации вблизи Авдеевки. 14 февраля 2017 года неназванный украинский военнослужащий из состава подразделений, дислоцировавшихся в районе «Промзоны», дал следующий комментарий изданию «The Guardian»: «Украинцы спровоцировали сторону повстанцев на агрессивный ответ, захватив небольшой участок дороги. Мы

³³⁷ Страница Facebook «Пресс-центр штабу АТО», (заархивировано) доступно по ссылке: <https://web.archive.org/web/20170504221814/https://www.facebook.com/ato.news/posts/1440712675939534>, 29 января 2017 (Приложение 200).

³³⁸ Страница Facebook Юрия Бутусова, доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/butusov.yuriy/posts/1532030086837282>, 29 января 2017 (Приложение 201).

³³⁹ *BBC News, Украинская служба*, «Авдеевка: почему идут бои за замерзшие окопы?» (Приложение 123).

³⁴⁰ ОБСЕ, Последние данные из Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (5 февраля 2017 г.), 6 февраля 2017, <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/298001> (Приложение 20).

³⁴¹ Там же.

³⁴² *Главком*, «Дмитро Тимчук: Переброска регулярных российских войск наблюдается сразу на нескольких направлениях», 17 февраля 2017, <https://glavcom.ua/interviews/dmitro-timchuk-perekidannya-regulyarnih-rosiyskih-viysk-sposterigajetsya-odrazu-na-kilkoh-napryamkah-398955.html> (Приложение 139); См. также Украинская правда, «Стало известно, с чего началось обострение в Авдеевке», 3 февраля 2017: <https://www.pravda.com.ua/news/2017/02/3/7134334/> (Приложение 134): «По словам собеседника УП, теперь боевики пытаются вернуть себе отраженную силами АТО стратегическую позицию (боевики называли позицию "Алмаз-2" - ред.), поскольку из нее полностью контролируются дороги Донецк-Луганск и Донецк-Горловка».

точно знали, что делать, и это сработало идеально. В конце концов, это все наша территория».³⁴³

е. Необходимость учитывать общий контекст боевых действий в данном районе

252. Я считаю, что Генерал Браун рассматривает попадания снарядов по жилым районам Авдеевки, не учитывая в полной мере общий контекст боевых действий в данном районе. 30 января СММ ОБСЕ зафиксировало в черте и вокруг Авдеевки³⁴⁴ 2 881 (1 224+1 635+22) взрыв;³⁴⁵ 31 января – 2 450 (2 250+200) взрывов;³⁴⁶ 1 февраля – 160 (97+63) взрывов;³⁴⁷ 2 февраля – более 800 взрывов в течение 6,5 часов;³⁴⁸ 3 февраля – 441 взрыв;³⁴⁹ 16 февраля – 78 взрывов за 30 минут;³⁵⁰ 17 февраля – информация отсутствует в связи со «слишком нестабильной обстановкой с безопасностью в этом районе»;³⁵¹ 24 февраля – 420 (290+130) взрывов;³⁵² 2 марта – 110 взрывов за четыре часа.³⁵³
253. Я не знаю, какая часть зафиксированных разрывов стала следствием обстрелов со стороны ДНР. В любом случае, количество разрывов явно свидетельствует о том, что в соответствующий период времени в данном районе проходил массированный обмен огнем. При этом лишь относительно небольшая часть разрывов затронула жилые районы. Следовательно, представляется разумным предположение, что подавляющее большинство обстрелов были направлены на военные цели. Если же вооруженные силы ДНР действительно преследовали бы цель обстрелять гражданское население, то я бы

³⁴³ *The Guardian*, «Насилие вспыхивает на измученной войной Украине, пока США колеблются, а Россия нападает», 14 февраля 2017, <https://www.theguardian.com/world/2017/feb/14/avdiivka-frontline-ukraine-war-russia-backed-separatists> (Приложение 138).

³⁴⁴ Мне неясно, где находились наблюдатели, когда они фиксировали взрывы. Следовательно, я не могу давать оценку дистанции между взрывами и наблюдателями. Если наблюдатели располагались в районе «Химик», вероятно, что взрывы в 2-3 км к югу и юго-востоку все еще были взрывами в границах Авдеевки и наносили сопутствующий ущерб жилым домам от атак на военные позиции.

³⁴⁵ СММ ОБСЕ, «Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основе информации, поступившей по состоянию на 30 января 2017 года, 19:30», <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/296736> (Приложение 17).

³⁴⁶ ОБСЕ, Последние данные от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (31 января 2017 г.) (Приложение 343 к Меморандуму Украины).

³⁴⁷ ОБСЕ, Последние данные из Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (1 февраля 2017 г.) (Приложение 344 к Меморандуму Украины).

³⁴⁸ Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине на основе информации, поступившей по состоянию 19:30 (2 февраля 2017 г.) (Приложение 1111 к Меморандуму Украины).

³⁴⁹ СММ ОБСЕ, «Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основе информации, поступившей по состоянию на 3 февраля 2017 года, 19:30», 4 февраля 2017, <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/297656> (Приложение 19).

³⁵⁰ СММ ОБСЕ, «Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основе информации, поступившей по состоянию на 16 февраля 2017 года, 19:30», 17 февраля 2017, <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/300806> (Приложение 21).

³⁵¹ СММ ОБСЕ, «Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основе информации, поступившей по состоянию на 17 февраля 2017 года, 19:30», 18 февраля 2017, <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/300831> (Приложение 22).

³⁵² СММ ОБСЕ, «Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основе информации, поступившей по состоянию на 24 февраля 2017 года, 19:30», 25 февраля 2017, <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/301871> (Приложение 23).

³⁵³ СММ ОБСЕ, «Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основе информации, поступившей по состоянию на 2 марта 2017 года, 19:30», <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/302836> (Приложение 27).

ожидал, что намного большая часть обстрелов пришлась бы на жилые районы. В целом я не удивлен тому, что гражданским объектам был нанесен сопутствующий ущерб, если учесть общее количество разрывов, зафиксированных СММ ОБСЕ.

254. Мне, однако, не была представлена информация относительно военных в черте и вокруг Авдеевки, в том числе военные документы Украины о подразделениях и военной технике в районах обстрелов. Как было отмечено ранее, силы ВСУ продвигались в районе Авдеевки, и, предоставленные мне материалы (см. Дополнение 2 к настоящему Заключению) подтверждают, что ВСУ имели военные позиции в районах жилой застройки Авдеевки и размещали там военную технику. Однако относящиеся к соответствующему периоду времени военные архивы, которые, по моему опыту, скорее всего, находятся в распоряжении Украины, должны содержать намного больше деталей.

3. Вывод

255. Проанализировав представленные данные, я прихожу к выводу, что за район неподалеку от Авдеевки велась все более ожесточенная борьба, в особенности в январе и феврале 2017 года. Я полагаю, что силам ВСУ было важно захватить и сохранить контроль над опорным пунктом «Алмаз-2», «Промзоной» и территорией Авдеевского леса вблизи ДФС. Изучив спутниковые снимки, я делаю вывод о том, что данные позиции дают существенное тактическое и оперативное преимущество (контроль над важными с тактической точки зрения дорогами и высотами, в том числе над ДФС). Наступательные действия Украины на эти передовые позиции спровоцировали новый виток эскалации вооруженного конфликта. Количество взрывов, зарегистрированных СММ ОБСЕ, однозначно указывает на массированный обстрел в этом районе. В контексте этого нельзя исключить возможность сопутствующего ущерба жилым районам.

С. Выводы, сделанные в Заключении Генерала Брауна

256. Подробно проанализировав представленные мне материалы, я не могу согласиться с рядом выводов, сделанными Генералом Брауном. Как я более подробно поясню ниже, я не согласен с Генералом Брауном в основном по следующим аспектам позиции:

- а) оценивая расстояния от мест попадания снарядов до вероятных целей, Генерал Браун учитывает только ошибки рассеивания снарядов, но не учитывает ошибки подготовки стрельбы.
- б) Генерал Браун, как мне представляется, не учел, что обстрелы могли быть произведены с целью нарушить снабжение и воспрепятствовать усилению украинских войск, ведущих активные боевые действия в нижеуказанных передовых позициях – «Алмаз-2», «Промзона», Авдеевский лес вблизи ДФС. Более того, Генералу Брауну, по-видимому, не была предоставлена информация о расположении в жилых кварталах Авдеевки военной техники,³⁵⁴ которая могла быть целью обстрелов.
- в) определяя систему вооружения, из которой был осуществлен обстрел, Генерал Браун полагался на отчет Международного партнерства по правам человека³⁵⁵ («отчет

³⁵⁴ См. §§ 277-290 настоящего Заключения.

³⁵⁵ Международное партнерство по правам человека, «Атаки на гражданскую инфраструктуру в Восточной Украине (2017) (Приложение 454 к Меморандуму Украины).

МППЧ»), отчеты СММ ОБСЕ и экспертные заключения СБУ,³⁵⁶ информация в которых, как будет показано ниже, не всегда является полной, содержит большое количество противоречий. В результате не всегда можно прийти к выводу о примененном виде вооружения.

257. Таким образом, при оценке выводов Генерала Брауна, я остановлюсь на (1) его выводах относительно расстояний от мест падения снарядов до вероятных военных целей; (2) его выводах об отсутствии у рассматриваемых обстрелов военных целей; (3) различных неточностях и противоречиях в предоставленных мне материалах по отдельным обстрелам; и (4) общей проблеме сопутствующего ущерба в условиях, когда жилые районы пролегают вблизи линии соприкосновения (на примере аналогичных обстрелов подконтрольных ДНР Донецка, Спартака, Ясиноватой, Крутой Балки, Макеевки).

1. Выводы Генерала Брауна о расстояниях до возможных целей

258. При оценке того, были ли обстрелы нацелены на позиции ВСУ, Генерал Браун высказывает предположение о максимально возможных расстояниях между вероятными целями и местами попаданий снарядов.³⁵⁷ Насколько я понимаю, Генерал Браун определил расстояния на основе срединных ошибок рассеивания, которые отражают характерную кучность при стрельбе из определенной системы вооружения. Вероятности нормального рассеивания снарядов предсказывают рассеивание снарядов при множестве выстрелов по одной точке прицеливания из одного орудия. Данные нормальные площади рассеивания являются следствием механических погрешностей вооружения и снарядов, а также небольших изменений в погодных условиях во время стрельбы.

259. Однако, чтобы провести реалистичную оценку вероятных ошибок, важно учесть не только ошибки рассеивания, но и ошибки при подготовке стрельбы. Принятая формула, позволяющая рассчитать общую срединную ошибку рассеивания и подготовки стрельбы (срединная ошибка выстрела), выглядит следующим образом: $E_{дв} = \sqrt{E_d^2 + V_d^2}$, где $E_{дв}$ – срединная ошибка выстрела, E_d – срединная ошибка подготовки стрельбы, V_d – срединная ошибка рассеивания.³⁵⁸

260. Для правильной оценки площади вероятного рассеивания снарядов с использованием этой формулы необходимо понимать значение понятия «срединная ошибка». Принято считать, что разлет артиллерийских снарядов подчиняется законам нормального распределения. Согласно закону нормального распределения, максимальное отклонение разрыва от точки прицеливания («Предельное отклонение») может принимать различные значения в пределах ± 4 срединной ошибки выстрела ($\pm 4E_{дв}$). Графически это выглядит следующим образом:

³⁵⁶ Заключение Брауна, § 79.

³⁵⁷ Заключение Брауна, § 91: «[Е]сли исходить из отчетов о снарядах, выпущенных из стандартных [122-мм] артиллерийских орудий, которые попали в жилые районы более чем в 200 м от ближайших позиций ВСУ, то можно прийти к выводу, что данные обстрелы и вовсе не были направлены на позиции ВСУ; Заключение Брауна, § 93: «[Е]сли исходить из отчетов о 120-мм минометных минах, которые попали в жилые районы более чем в 300 м от ближайших позиций ВСУ, то у меня возникают большие сомнения относительно того, были ли вообще данные обстрелы направлены на позиции ВСУ».

³⁵⁸ Министерство обороны Российской Федерации, Управление ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск, *Пособие по изучению правил стрельбы и управления огнем артиллерии (ПСУО-2011)*, Москва 2014 (Приложение 93), стр. 105-106.

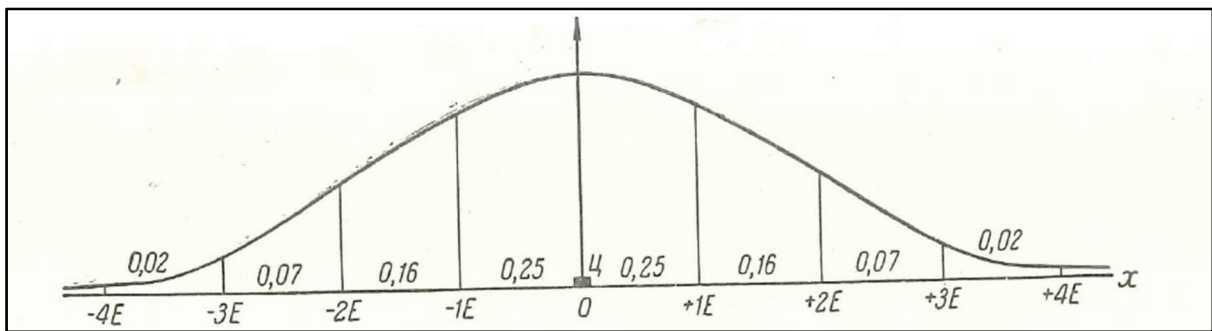

Рисунок 23 - Графическое выражение закона нормального распределения.³⁵⁹ По горизонтали отображено расстояние до цели. По вертикали – вероятность падения снарядов на данном расстоянии от цели. $\pm 1E_{дв}$ отображают срединные ошибки стрельбы. $\pm 4 E_{дв}$ отображают весь спектр возможных отклонений от цели

261. Срединная ошибка подготовки стрельбы ($E_{д}$) зависит от способа подготовки исходных данных для стрельбы. Величины срединных ошибок при наиболее часто осуществляемых способах подготовки исходных данных для стрельбы из 122-мм артиллерийского орудия приведены в таблице ниже.

Вид подготовки	Величина срединных ошибок	
	В направлении (в делениях угломера) ³⁶⁰	В дальности (в %Д) ³⁶¹
Полная подготовка	3-5	0,7-0,9
Сокращенная подготовка при наличии не более двух отступлений от условий полной подготовки	4,5-7,5	1.1-1.4
Сокращенная подготовка при приближенном учете условий стрельбы	10	4

Рисунок 24 - Величины срединных ошибок при разных способах подготовки исходных данных для стрельбы

262. Полная подготовка требует, в том числе, определения метеоусловий, учитываемых при стрельбе, с помощью комплексного зондирования атмосферы, точного определения местоположения цели и районов огневых позиций. Полная подготовка занимает около полутора-двух часов (а иногда и более).
263. Я не уверен, позволяла ли военная обстановка в районе выполнить все требования полной подготовки. В случае, если какие-то условия полной подготовки не выполняются или не выполняются корректно, соответствующие ошибки выстрела могут превосходить величины, предусмотренные для полной подготовки. Таким образом, при расчете возможных ошибок выстрела необходимо, как минимум, учитывать ошибки полной подготовки, принимая во внимание, что в ситуации реального боестолкновения ошибки

³⁵⁹ Министерство обороны СССР, *Учебник по стрельбе наземной артиллерии (для артиллерийских училищ)*, Книга три, Военное издательство, Москва 1962 (Приложение 92), стр. 97-98.

³⁶⁰ Министерство обороны Российской Федерации, Управление ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск, *Пособие по изучению правил стрельбы и управления огнем артиллерии (ПСУО-2011)*, Москва 2014, стр. 97.

³⁶¹ Там же, стр. 121.

могут оказаться больше в результате неполного выполнения условий подготовки стрельбы. Для иллюстрации я привожу ниже расчет ошибок выстрела по данным полной подготовки. Я также привожу аналогичный расчет для сокращенной подготовки, поскольку эти данные дают возможность оценить влияние невыполнения условий полной подготовки стрельбы на величину ошибок.

264. Расчет возможной ошибки выстрела из 122-мм артиллерийского орудия на расстоянии 10 км при выполнении условий полной подготовки выглядит следующим образом:³⁶²

- а) Срединная ошибка подготовки стрельбы (E_d) по дальности при проведении полной подготовки составляет примерно 0,9% от 10 км (то есть, 90 метров). Срединная ошибка рассеивания (B_d) по дальности 122-мм артиллерийского орудия на расстоянии 10 км, как верно указывает Генерал Браун, составляет 23 метра.³⁶³ Таким образом, срединная ошибка выстрела ($E_{dв}$) по дальности составляет приблизительно $92,89 (\sqrt{90^2 + 23^2})$ метра.
- б) Однако предельное отклонение по дальности, в соответствии с законом нормального распределения, на который я указывал выше,³⁶⁴ может составлять $\pm 4E_{dв}$ и может достигать 371,56 метра ($4 \times 92,89$).
- с) Срединная ошибка подготовки стрельбы (E_d) по направлению составляет 4 деления угломера (14,4 минут) при полной подготовке. На расстоянии 10 км ошибка в 14,4 минут может дать срединную ошибку подготовки стрельбы в 41,89 метр. Срединная ошибка рассеивания (B_d) по направлению для 122-мм артиллерийского орудия на расстоянии 10 км, как верно указывает Генерал Браун, составляет 6 метров.³⁶⁵ Таким образом, срединная ошибка выстрела ($E_{dв}$) по направлению составляет приблизительно $42,31 (\sqrt{41,89^2 + 6^2})$ метра. Опять же, предельное отклонение по направлению составляет около 169,27 метров ($4 \times 42,31$).
- д) Следовательно, даже при отсутствии отступлений от условий полной подготовки, 4% снарядов могут упасть в пределах $\pm 278,67$ -371,56 метров по дальности и $\pm 126,93$ -169,27 метров³⁶⁶ по направлению от запланированной цели, и лишь 50% снарядов могут упасть в пределах $\pm 92,89$ метров по дальности и $\pm 42,31$ метров по направлению от цели.

265. Расчет возможной ошибки выстрела из 122-мм артиллерийского орудия на расстоянии 10 км в условиях сокращенной подготовки (при наличии не более двух отступлений от условий полной подготовки) выглядит следующим образом:

- а) Срединная ошибка подготовки стрельбы (E_d) по дальности при проведении сокращенной подготовки составляет примерно 1,4% от 10 км (то есть, 140 метров). Срединная ошибка рассеивания (B_d) (по дальности) 122-мм артиллерийского орудия

³⁶² Я привожу данные расчёты для типов вооружения, упомянутых Генералом Брауном в § 90 своего Заключения. Я не знаю, какое фактическое расстояние было до огневых позиций ДНР в каждом конкретном случае. В качестве примера я привожу 10 км, поскольку это было бы удобное расстояние, ведь позиции артиллерии обычно находятся в нескольких километрах от линии фронта.

³⁶³ Заключение Брауна, § 90.

³⁶⁴ См. § 260 выше.

³⁶⁵ Заключение Брауна, § 90.

³⁶⁶ Другими словами, в пределах $\pm 3E_{dв}$ - $\pm 4E_{dв}$.

на расстоянии 10 км, как верно указывает Генерал Браун, составляет 23 метра.³⁶⁷ Таким образом, срединная ошибка выстрела ($E_{дв}$) по дальности составляет приблизительно $141,88 (\sqrt{140^2 + 23^2})$ метр.

- b) Однако предельное отклонение по дальности, в соответствии с законом нормального распределения, на который я указывал выше,³⁶⁸ может составлять $\pm 4E_{дв}$ и может достигать 567,51 метров ($4 \times 141,88$).
- c) Срединная ошибка подготовки стрельбы ($E_{д}$) по направлению составляет 4,5-7,5 делений угломера (16,2-27 минут) при сокращенной подготовке. На расстоянии 10 км ошибка в 16,2-27 минут может дать срединную ошибку подготовки стрельбы в 47,12-78,54 метров. Срединная ошибка рассеивания ($E_{д}$) по направлению для 122-мм артиллерийского орудия на расстоянии 10 км, как верно указывает Генерал Браун, составляет 6 метров.³⁶⁹ Таким образом, срединная ошибка выстрела ($E_{дв}$) по направлению составляет приблизительно 78,76 метров ($\sqrt{78,54^2 + 6^2}$). Опять же, предельное отклонение по направлению составляет около 315,07 метров ($4 \times 78,76$).
- d) Следовательно, при наличии не более двух отступлений от условий полной подготовки, 4% снарядов могут упасть в пределах $\pm 425,64$ -567,52 метров по дальности и $\pm 236,28$ -315,04 метров³⁷⁰ по направлению от запланированной цели, и лишь 50% снарядов могут упасть в пределах $\pm 141,88$ метра по дальности и $\pm 78,76$ метров по направлению от цели.
- e) Я также обращаю внимание, что эти значения ошибок предусматривают не более двух отступлений от требований полной подготовки. В случае более значительных отступлений могут увеличиваться и величины ошибок.

266. Ошибки в подготовке стрельбы по цели, конечно, можно уменьшить в том случае, если огонь ведется с наблюдением и корректируется. Однако это все равно подразумевает, что некоторые снаряды будут выпущены до корректировки таких ошибок. Кроме того, я не знаю, были ли в распоряжении ДНР корректировщики во всех случаях и имелось ли у указанных корректировщиков соответствующее оборудование для надлежащей корректировки огня, а также какие меры против них могла принять украинская сторона.

267. Указанные мной выше цифры предоставлены исключительно для целей иллюстрации. Чтобы рассчитать срединные ошибки в каждом конкретном случае, необходимо обладать информацией о вооружении и точном местонахождении огневых позиций ДНР, а также иметь точные данные о военных целях. В любом случае, эти срединные ошибки значительно превышали бы расстояния, предложенные Генералом Брауном.

2. Выводы Генерала Брауна относительно отсутствия военных целей

268. Выше я уже описал некоторые позиции ВСУ (в частности, опорный пункт «Алмаз-2», «Промзону» и территорию Авдеевского леса около ДФС («передовые позиции»)).³⁷¹ Судя по источникам, на которые я ссылался, данные позиции находились на линии

³⁶⁷ Заключение Брауна, § 90.

³⁶⁸ См. § 260 выше.

³⁶⁹ Заключение Брауна, § 90.

³⁷⁰ Другими словами, в пределах $\pm 3E_{дв}$ - $\pm 4E_{дв}$.

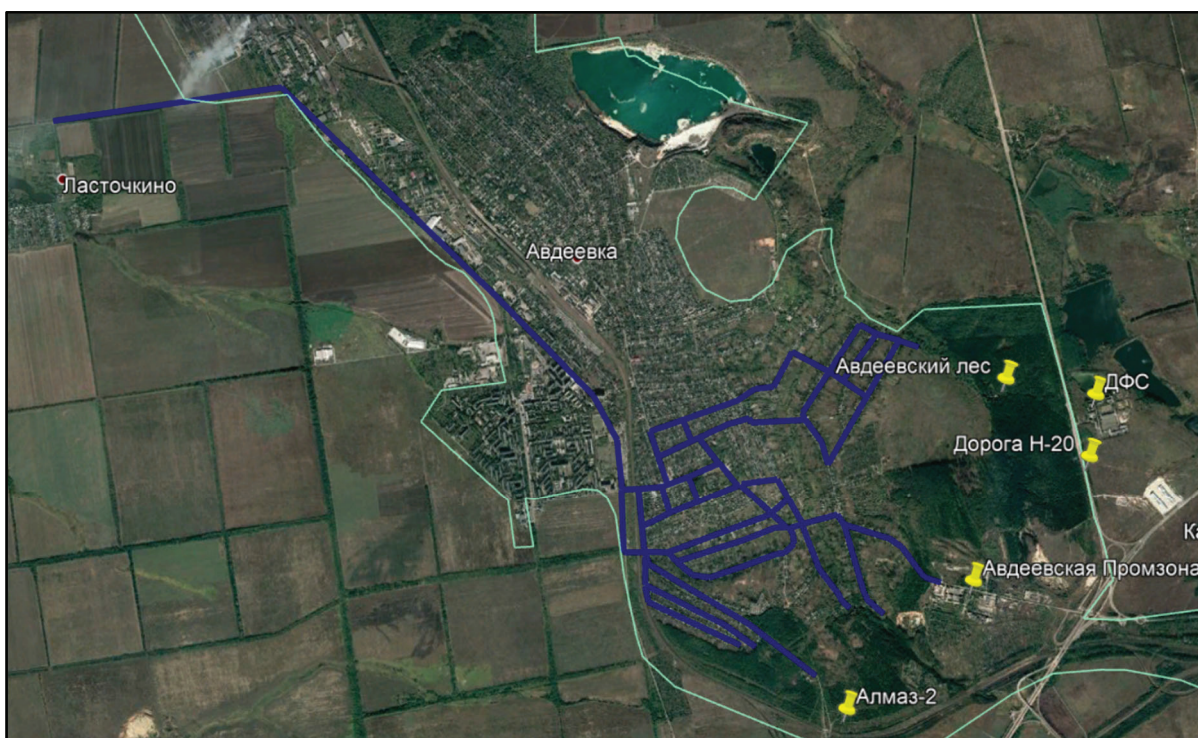
³⁷¹ См. §§ 245-249 настоящего Заключения.

соприкосновения сторон и участвовали в активных обменах огнем. При этом обстрелы, которые меня попросили прокомментировать, находятся дальше от этих передовых позиций. Для оценки потенциальных причин данных обстрелов, я должен сначала коротко описать маршруты снабжения позиций ВСУ (подраздел (а) ниже). Затем я рассмотрю возможные военные цели в многоэтажных жилых районах или рядом с ними, которые могут объяснить иные попадания (подраздел (b) ниже).

269. Я напоминаю, что мне не предоставили никаких военных документов, чтобы я мог точно установить позиции ВСУ и передвижения в указанном районе. Я ссылаюсь на § 7 выше, где я перечислил документы, которые как я предполагаю, имеются в распоряжении украинской стороны, и которые, если бы их предоставили, могли бы помочь установить возможные военные цели и контекст заявленных попаданий.

а. Тактически важные маршруты, ведущие к передовым позициям ВСУ

270. Насколько я могу судить по карте, до передовых позиций ВСУ можно добраться по дороге через Авдеевку, при этом, в моем понимании, единственная дорога к Авдеевке через подконтрольную Украине территорию находится на северо-западе от Авдеевки и проходит через Ласточкино.³⁷² Следовательно, для снабжения передовых позиций, а также для перемещения резервов с целью усиления позиций первого эшелона, ВСУ, вероятно пришлось бы передвигаться по маршрутам, проходящим через жилую зону Авдеевки. Существует большое количество возможных маршрутов движения до передовых позиций, некоторые из них отображены на карте ниже (Рисунок 25):

Данные карт: Google, © 2021 Maxar Technologies.

Рисунок 25 - Возможные маршруты, ведущие к передовым позициям

³⁷² Проселочные дороги подходят к Авдеевке с этой же стороны.

271. Если переложить данные маршруты на карту обстрелов Авдеевки (Рисунок 26), можно увидеть, что большинство повреждений старой части Авдеевки (район с частными домами), представленных мне для анализа, было нанесено вдоль указанных дорог.

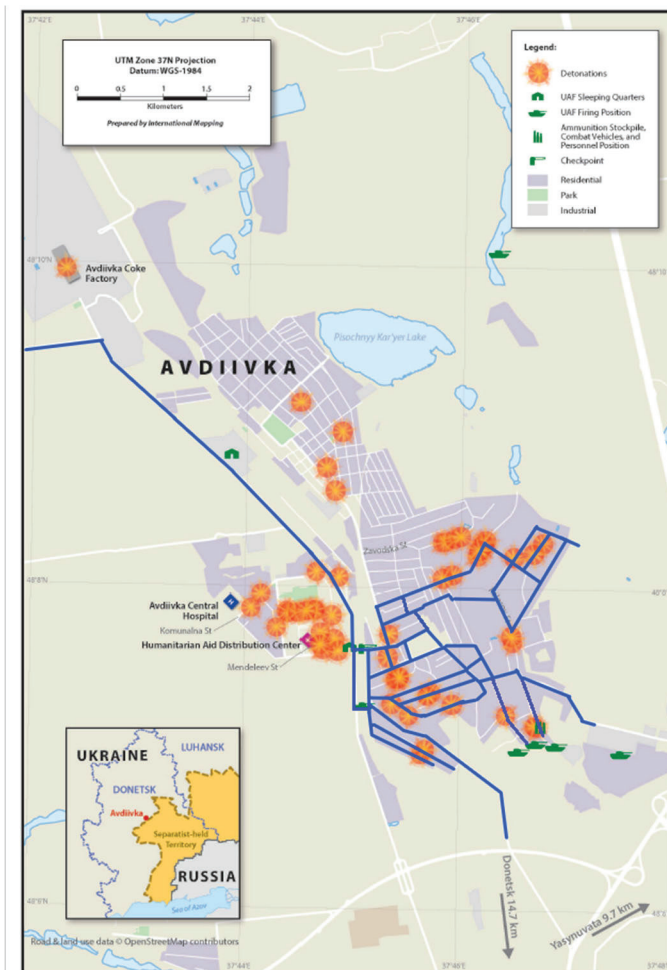

Рисунок 26 - Маршруты, обозначенные на карте, представленной Украиной

272. Мне ничего неизвестно о боевых действиях в районе Старой Авдеевки. Однако, насколько я могу судить на основании моих знаний и опыта, в ситуации продолжительных перестрелок на передовых позициях зачастую важно помешать снабжению и усилению позиций противника чтобы, в том числе захватить инициативу на определенных участках. Можно также с высокой долей вероятности предположить, что кроме техники, необходимой для непосредственного обеспечения боевых действий, по жилым районам могла перемещаться и боевая техника вторых эшелонов (резерв) для усиления и ротации войск первого эшелона. Таким образом, было бы важно с военной точки зрения помешать переброске личного состава и боеприпасов на передовые позиции.

273. Вероятно, что военнослужащие ДНР имели возможность обнаруживать военную технику, снабжающую передовые позиции ВСУ на подходе к данным позициям. Вооруженные силы ДНР могли получать информацию о передвижении военной техники посредством получения сообщений от местных жителей,³⁷³ от деятельности разведгрупп

³⁷³ Например, мне было представлено судебное решение суда Украины, в соответствии с которым лицо было заключено под стражу за передачу информации о нахождении военной техники в Авдеевке в феврале 2017

на линии соприкосновения, или в результате применения БПЛА.³⁷⁴ Вполне вероятно, что во многих случаях подразделения ДНР стояли перед выбором: либо позволить беспрепятственно обеспечивать передовые позиции ВСУ, либо поразить военную технику при ее перемещении к этим позициям.

274. Мне показали большое количество фотографий военной техники, которая, как утверждают соответствующие источники, передвигалась по дорогам Авдеевки в конце января–феврале 2017 года,³⁷⁵ хотя, насколько я понимаю, установить точное место, где были сделаны те или иные фотографии, зачастую не представляется возможным. В Дополнении 2 к настоящему Заключению я провожу более подробный анализ данных фотографий.
275. Ведение огня по военной технике, передвигающейся по этим дорогам, может объяснять сопутствующий ущерб, причиненный гражданским объектам, расположенным вблизи этих дорог. В частности, я ссылаюсь на повреждения 1 февраля 2017 года на ул. Зеленая, 45, ул. Колосова, 214, ул. Тургенева, 84, ул. Metallургов, 64А, 101, 105, 107, ул. Колосова, 86; повреждения 2 февраля 2017 года на ул. Садовая; повреждения 24 февраля 2017 года на ул. Чернышевского, 68 и 59 и ул. Спортивная.
276. Естественно предположить, что обострение военного конфликта на юге, юго-востоке и востоке Авдеевки привело к тому, что военная техника начала более активное передвижение по дорогам Авдеевки. Вероятнее всего, какая-то часть техники и личного состава регулярно выдвигалась на передовые позиции и обратно для целей обеспечения, усиления и ротации подразделений в зоне активных боевых действий.

b. Присутствие военнослужащих ВСУ в жилых районах Авдеевки

277. В открытых источниках часто упоминается, что военнослужащие ВСУ дислоцировались в жилой зоне Авдеевки и использовали гражданские здания Авдеевки:
- a) Шевченковский районный суд г. Черновцы заключил лицо под стражу за передачу ДНР информации о месте расположения военной техники ВСУ в Авдеевке 1, 5 и 10 февраля 2017 года. В судебном решении утверждается, что 10 февраля 2017 года, подозреваемый передавал информацию властям ДНР «о размещении большого количества техники и личного состава военнослужащих в районе “Химика”».³⁷⁶ В судебном решении, по всей видимости, ссылаются на телефонные перехваты, но, как я понимаю, Украиной они представлены не были.
 - b) В своем Докладе о ситуации с правами человека в Украине 16 ноября 2016 г. – 15 февраля 2017 г. УВКПЧ указывало на то, что «Вооруженные Силы Украины продолжили использовать гражданские объекты, в частности, располагая военные позиции во многих жилых районах вдоль линии соприкосновения, подвергая

года: Украина, Шевченковский районный суд г. Черновцы, дело № 727/3421/17, Решение, 8 апреля 2017, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/65851811> (Приложение 70).

³⁷⁴ В частности, например, в представленном мне отчете Bellingcat (Bellingcat, «Украинские танки в жилом квартале Авдеевки», 3 февраля 2017, <https://ru.bellingcat.com/novosti/ukraine/2017/02/03/ukr-tanks-avdiivka-ru/>), фигурирует снимок с БПЛА, изображающий, по всей видимости, здание в Авдеевке и опубликованный Центром беспилотной авиации ДНР.

³⁷⁵ Дополнение 2 к настоящему Заключению «Военные цели в Авдеевке».

³⁷⁶ Украина, Шевченковский районный суд г. Черновцы, дело № 727/3421/17, Решение, 8 апреля 2017, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/65851811> (Приложение 70).

опасности мирных жителей населенных пунктов», в т. ч. Авдеевки».³⁷⁷ УВКПЧ также отмечало: «В беседах с местными жителями УВКПЧ получило согласующиеся свидетельства того, что Вооруженные Силы Украины вели огонь с позиций, расположенных в селах и городах, часто вызывая этим ответный огонь».³⁷⁸

- c) В совместном отчете МППЧ и неправительственной организации Truth Hounds «Жаркая зима 2016-2017. Анализ обстрелов населенных пунктов Восточной Украины» («Отчет МППЧ «Жаркая зима») был сделан следующий вывод: «Большая часть обстрелов Авдеевки, из-за многочисленных военных объектов Вооруженных сил Украины, которые находятся в городе, также не могут быть однозначно квалифицированы как военные преступления по статьям 8 (2)(b)(ii) и 8 (2)(b)(iv). [...] Следует отметить, что многочисленные обстрелы гражданских объектов стали возможными, среди прочего, из-за расположения военных объектов вблизи или среди гражданских».³⁷⁹ Цели, определенные в Отчете МППЧ «Жаркая зима», перечислены в другом отчете МППЧ, на который я ссылаюсь в пункте 289 (d) ниже.
- d) В 2019 году был опубликован отчет «Вооруженный конфликт на Востоке Украины: ущерб, нанесенный жилью мирного населения», подготовленный украинскими правозащитниками. В данном отчете приведены данные об опросе среди мирных жителей Авдеевки, проведенном украинской неправительственной организацией «Donbass SOS». Мирные жители назвали следующие причины повреждения их собственности:
- обстрел города при освобождении Авдеевки в июле 2014 г.;
 - близость жилых домов к блокпостам, военной технике, помещениям, где базировались военные. Были случаи, когда блокпосты устанавливались на расстоянии 50–100 м от домов. Некоторые из них впоследствии убрали;
 - совершение обстрелов с территории города;
 - близость домов к военным позициям в промышленной зоне, где происходили боевые действия;
 - часть респондентов отметили, что в их части города нет ничего, что могло бы вызвать или спровоцировать обстрелы.³⁸⁰

278. Хотя последнее замечание – если оно соответствует действительности – может свидетельствовать о недискриминационном характере некоторых обстрелов, мне не ясно, к каким случаям оно относится и насколько надежной может быть оценка военной ситуации, самостоятельно проведенная респондентами.³⁸¹

³⁷⁷ УВКПЧ, «Доклад о ситуации с правами человека в Украине 16 ноября 2016 г. – 15 февраля 2017 г.», https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/UARreport17th_RU.pdf, § 19.

³⁷⁸ Там же, § 20.

³⁷⁹ Международное партнерство по правам человека, Civic Solidarity Platform, Truth Hounds, «Жаркая зима 2016-2017. Анализ обстрелов населенных пунктов Восточной Украины», 2017, <https://truth-hounds.org/wp-content/uploads/2017/08/Спекотна-зима-2016-2017.pdf> (Приложение 88), с. 29–30.

³⁸⁰ «Харьковская правозащитная группа», «Вооруженный конфликт на востоке Украины: ущерб, нанесенный жилью гражданского населения», 2019, https://www.humanitarianresponse.info/sites/www.humanitarianresponse.info/files/documents/files/report_on_damage_to_housing_of_the_civilian_population_in_the_eastern_ukraine_eng.pdf (Приложение 90), с. 21-22.

³⁸¹ С учетом того, что гражданские лица не всегда располагают точными данными о месте расположения вооруженных сил в городе и могут не иметь права обсуждать с журналистами или частными наблюдателями известные им военные позиции.

279. Характер повреждений, оставленных в ходе обстрелов, представленных мне для анализа, свидетельствует о том, что вред, причиненный гражданскому населению и объектам гражданской инфраструктуры, вероятнее всего, является сопутствующим ущербом от регулярных и ожесточенных обменов артиллерийским огнем, описанных, в частности, в процитированных выше отчетах СММ ОБСЕ³⁸² или сопутствующим ущербом от обстрела дорог, используемых для снабжения передовых позиций.³⁸³
280. Вне всякого сомнения, очень сложно определить позиции, которые могли быть целью обстрелов по определенным адресам в определенный момент времени. У меня нет доступа к подробной информации о перемещениях воинских подразделений ВСУ в указанном районе. Некоторые подразделения (например, минометные расчеты) могут быть очень мобильными, и им не требуется много места для развертывания огневой позиции.
281. Тем не менее, представленная мне информация из открытых источников подтверждает регулярное перемещение военной техники по Авдеевке, а также дислокацию в Авдеевке военной техники.³⁸⁴ Мне также были представлены материалы из открытых источников, в которых говорится о том, что в районе гражданских зданий, пострадавших при рассмотренных в настоящем Заключении обстрелах, находились военные цели.
282. Как я понимаю, ВСУ постоянно размещались в районе «Химик» рядом с ул. Воробьева, 15, ул. Молодежной, 20 и ул. Грушевского, 38. МППЧ указывало на «военный блокпост на улице Воробьева [...] с военнослужащими, размещенными в жилых домах поблизости» в качестве подтверждения военного присутствия ВСУ в Авдеевке.³⁸⁵ Кроме того, в одном из отчетов УВКПЧ указано на использование ВСУ домов в военных целях в Авдеевке: «С февраля 2015 года жильцы дома № 15 по улице Воробьева в Авдеевке (территория Донецкой области, контролируемая Правительством) были вынуждены покинуть свои квартиры по соображениям безопасности и защиты, возникшим из-за присутствия военнослужащих Вооруженных сил Украины и сотрудников других правоохранительных органов. Жители квартир сообщили, что с 2014 года украинские военные и правоохранители занимают некоторые пустые квартиры и попросили остальных жильцов освободить свое жилье».³⁸⁶
283. Мне также предоставили большое количество материалов, согласующихся между собой и подтверждающих размещение танков и иной военной техники во дворе дома ул. Воробьева, 15 в начале февраля 2017 года, т. е. в период, когда вблизи этого района было зафиксировано большое количество мест попадания снарядов.³⁸⁷

³⁸² См. § 252 выше.

³⁸³ См. § 270 выше.

³⁸⁴ Например, ОБСЕ, Последние данные из Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (19 февраля 2017 г.) (Приложение 349 к Меморандуму Украины): «СММ ОБСЕ указала в отчете, что 17 февраля представители миссии видели один БТР-4 и две станции помех Р-330У около блокпоста ВСУ в Авдеевке».

³⁸⁵ Отчет МППЧ, § 88.

³⁸⁶ УВКПЧ, Доклад о ситуации с правами человека в Украине 16 мая – 15 августа 2019 года, стр. 11, https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/ReportUkraine16May-15Aug2019_RU.pdf (Приложение 31), стр. 11.

³⁸⁷ Отчет МППЧ, стр. 49.

284. 3 февраля 2017 года издание Bellingcat опубликовало статью «Украинские танки в жилом квартале Авдеевки».³⁸⁸ В данной статье Bellingcat установило, что следующие фотографии танков и другой военной техники были сделаны около ул. Воробьева, 15 (Рисунок 27 и Рисунок 28).

Рисунок 27 - Фотография двух танков модели Т-64БВ из статьи Bellingcat

³⁸⁸ Bellingcat, «Украинские танки в жилом квартале Авдеевки», 3 февраля 2017, <https://ru.bellingcat.com/novosti/ukraine/2017/02/03/ukr-tanks-avdiivka-ru/> (Приложение 258).

Ukrainian soldiers and tanks in Avdiivka, Ukraine, in Feb. 2, 2017. (Brendan Hoffman / Getty Images)

Рисунок 28 - Танки модели Т-64БВ, два бронетранспортера модели «Саксон», военный грузовик модели Газ-66 из статьи Bellingcat

285. Также Bellingcat опубликовало два снимка с БПЛА, один из которых, согласно Bellingcat,³⁸⁹ был опубликован Центром беспилотной авиации ДНР 29 января 2017 года, а второй – командиром батальона ДНР «Восток» Александром Ходаковским 2 февраля 2017 года (Рисунок 29 и Рисунок 30).

³⁸⁹ Там же: «Сторонники так называемой «Донецкой народной республики» опубликовали два снимка с БПЛА, снятых, по их заявлениям, 29 января и 2 февраля 2017 года. Первый из снимков появился на сайте Strelkov-info.ru со ссылкой на «Центр беспилотной авиации ДНР» [...] 2 февраля командир батальона «Восток» Александр Ходаковский опубликовал снимок с беспилотника, на котором видны три танка, припаркованных в жилом квартале».

Рисунок 29 - Снимок с БПЛА от 29 января из статьи Bellingcat

Рисунок 30 - Снимок с БПЛА от 2 февраля из статьи Bellingcat

286. Кроме того, на сайтах Associated Press и Reuters были опубликованы фотографии, из описания к которым следует, что фотографии были сделаны в Авдеевке 2 февраля 2017 года. В частности, были опубликованы фотографии, на которых военнослужащие осуществляли загрузку танковых снарядов в танк (Рисунок 31 и Рисунок 32) и фотографии танков и иной военной техники во дворе жилого здания (Рисунок 33 и Рисунок 34).

Рисунок 31 - Грузовик со 125-мм осколочно-фугасными танковыми снарядами³⁹⁰

Рисунок 32 - Осуществляется загрузка 125-мм осколочно-фугасных танковых снарядов в танк³⁹¹

³⁹⁰ AP Images, «Украинские военнослужащие загружают боеприпасы в танк в Авдеевке», 2 февраля 2017, 09:54:46, <http://www.apimages.com/metadata/Index/Ukraine/b3692532e7854461a3f50f75af9c1e84/104/0> (Приложение 129).

³⁹¹ AP Images, «Украинские военнослужащие загружают боеприпасы в танк в Авдеевке», 2 февраля 2017, 09:56:20, <http://www.apimages.com/metadata/Index/Ukraine/547e656520ca4fb898129c0b8d9fbc26/103/0> (Приложение 133).

Рисунок 33 - Военная техника во дворе ул. Воробьева, 15 в Авдеевке³⁹²

Рисунок 34 - Военная техника во дворе ул. Воробьева, 15 в Авдеевке³⁹³

287. Данные фотографии согласуются с отчетом СММ ОБСЕ, в котором упомянуто 4 танка за зданием в Авдеевке, зафиксированных наблюдателями 1 февраля 2017 года.³⁹⁴

³⁹² Reuters, «Танки видны в подконтрольном правительству промышленном городе Авдеевка», 2 февраля 2017, <https://pictures.reuters.com/archive/UKRAINE-CRISIS-RUSSIA-PUTIN-RC1B8DE2B4C0.html> (Приложение 130).

³⁹³ Reuters, «Танки видны в подконтрольном правительству промышленном городе Авдеевка», 2 февраля 2017, <https://pictures.reuters.com/archive/UKRAINE-CRISIS-RUSSIA-PUTIN-RC14AF7A6EB0.html> (Приложение 131).

³⁹⁴ ОБСЕ, Последние данные из Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (1 февраля 2017 г.) (Приложение 344 к Меморандуму Украины): «...наблюдатели [СММ] видели...4 танка (Т-64) за зданием в Авдеевке...».

288. В Дополнении 2 к настоящему Заключению я провожу анализ приведенных выше фотографий и, опираясь на Заключение Бобкова, прихожу к выводу, что данные фотографии вероятно были сделаны во дворе дома на ул. Воробьева, 15. Также в Дополнении 2 я делаю вывод о том, что размещение танков, загруженных 125-мм осколочно-фугасными танковыми снарядами, рядом с жилыми зданиями представляет большую опасность для мирного населения.
289. Кроме позиции на ул. Воробьева, 15, следует также упомянуть следующие потенциальные военные цели:
- a) По всей видимости, штаб ВСУ находился в здании бывшего детского дома (ул. Молодежная, 15), при этом военная техника ВСУ находилась недалеко от бывшей библиотеки (ул. Молодежная, 13). Это подтверждается представленными мне материалами, включая отчет МППЧ,³⁹⁵ отчет СММ ОБСЕ,³⁹⁶ Human Rights Watch,³⁹⁷ и украинские судебные акты,³⁹⁸ предоставленные мне.³⁹⁹
 - b) Как следует из продемонстрированных мне украинских судебных решений, в 2015 и 2016 годах позиция ВСУ находилась и рядом с заброшенным кирпичным (керамическим) заводом в конце ул. Заводской.⁴⁰⁰ Неясно, продолжили ли ВСУ дислоцироваться в данном районе в 2017 году.
 - c) Из предоставленного мне украинского судебного решения следует, что в феврале 2017 техника ВСУ находилась на ул. Тургенева, 12.⁴⁰¹
 - d) МППЧ также упомянуло ряд позиций ВСУ в Авдеевке:⁴⁰²

³⁹⁵ Отчет МППЧ, § 87: «Подразделение ВСУ, базирующееся в старом здании приюта в районе «Химик» – спальные помещения и медпункт».

³⁹⁶ ОБСЕ, Тематический отчет «Тяжелое положение гражданского населения, пострадавшего от конфликта на востоке Украины», февраль 2017, <https://www.osce.org/files/f/documents/2/d/300281.pdf> (Приложение 18), стр. 22: «В подконтрольной правительству Авдеевке Донецкой области, недалеко от библиотеки и детского дома, наблюдатели видели военную технику и личный состав, а также камуфляжные сетки и мешки с песком».

³⁹⁷ Human Rights Watch, Уроки под огнем, Обстрелы школ и использование школ в военных целях в ходе вооруженного конфликта на востоке Украины, 11 февраля 2016, https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/ukraine0216_rusweb.pdf (Приложение 83), стр. 38, 49: «8 ноября 2015 г. ворота и вход в детский дом были обложены мешками с песком, а по деревьям и на части стены была натянута камуфляжная сетка».

³⁹⁸ Украина, Селидовский городской суд, дело № 242/3786/18, Решение, 6 августа 2018, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/75716048> (Приложение 73); Украина, Орджоникидзевский районный суд, дело № 265/6438/19, Решение, 6 ноября 2019, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/85528051> (Приложение 78). Украинский суд указал, что здание по ул. Молодежной 15 являлось «местом нахождения добровольческого батальона «Правый сектор»».

³⁹⁹ См. Дополнение 2 к настоящему Заключению «Военные цели в Авдеевке».

⁴⁰⁰ См. более полную информацию в разделе D в Дополнении 2 к настоящему Заключению «Военные цели в Авдеевке».

⁴⁰¹ Украина, Шевченковский районный суд г. Черновцы, Дело № 727/3421/17, Решение, 8 апреля 2017, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/65851811> (Приложение 70):

«1 февраля 2017 в 14 часов 54 минуты, находясь в городе Мирноград (Димитров), ЛИЦО_2 [...] с собственного телефонного номера НОМЕР_1 передало ЛИЦУ_4 [...] информацию о расположении позиций военной техники Вооруженных Сил Украины по адресу по ул. Тургенева, д. 12 в г. Авдеевка [...]».

Продолжая свою преступную деятельность, ЛИЦО_2 5 февраля 2017 года в 7 часов 15 минут, пребывая в городе Мирнограде (Дмитров), с собственного номера телефона НОМЕР_1, передало участнику террористической организации «Донецкая народная республика» ЛИЦО_4 на используемый им мобильный номер НОМЕР_2 информацию о расположении позиций военной техники Вооруженных сил Украины по адресу: ул. Тургенева, д. 12 в г. Авдеевка [...]».

⁴⁰² Отчет МППЧ, § 87.

- Казармы ВСУ, расположенные на севере от города возле железнодорожной станции (что соответствует казармам ВСУ обозначенным на карте последствий обстрелов, представленных Украиной);⁴⁰³
- Военный контрольный пункт ВСУ на улице Воробьева, разделяющий старую и новую части города, с военнослужащими, размещенными в жилых домах поблизости (что соответствует позициям на ул. Воробьева, 15, описанным выше,⁴⁰⁴ а также блокпостам и казармам ВСУ, обозначенным на карте последствий обстрелов, представленной Украиной);⁴⁰⁵
- Подразделение ВСУ, базирующееся в старом здании приюта в районе «Химик» – спальные помещения и медпункт (что соответствует военным позициям, указанным в параграфе 289(а) настоящего Заключения);
- Огневые позиции ВСУ, расположенные на юго-юго-восточной окраине города: в промышленной зоне; в конце улиц Лермонтова и Колосова; в лесном массиве на юго-юго-востоке от города и прилегающем к железнодорожным путям на юго-западной окраине;
- Склад боеприпасов ВСУ, боевые машины и военнослужащих, дислоцированных на юго-юго-восточном конце улицы Колосова;
- Огневые позиции артиллерии ВСУ за городом возле озера.

290. В некоторых случаях в отчете МППЧ «Жаркая зима» прямо указано, что обстрелы, заявленные Украиной, могли быть направлены на военные цели: «Судя по тому, в какой район попадали снаряды от обстрела 2 февраля, можно предположить, что целью нападения был блокпост, выполняющий полицейские функции, и казарма с 30–50 военнослужащими, которые проживали в ней более 2 лет».⁴⁰⁶ В результате обстрела 2 февраля 2017 года пострадал жилой район вблизи улиц Воробьева и Молодежная. Я делаю из этого вывод, что отчет МППЧ «Жаркая зима» ссылается на военные позиции вблизи ул. Воробьева, 15 (военный контрольный пункт ВСУ на улице Воробьева, с военнослужащими, размещенными в жилых домах поблизости,⁴⁰⁷ хотя МППЧ и не указывает на присутствие танков в этом районе) или на спальные помещения на базе старого здания приюта на ул. Молодежная.⁴⁰⁸

291. Обстрел перечисленных выше военных позиций,⁴⁰⁹ вероятно, мог бы объяснить сопутствующий ущерб, причиненный находящимся рядом гражданским объектам: повреждение гражданских коммерческих зданий на ул. Садовой и рядом с ней, пункта распределения гуманитарной помощи на ул. Менделеева, гражданских зданий по адресам: ул. Менделеева 8, ул. Молодежная, 13, 17, 19, ул. Воробьева, 9, зафиксированные 2 февраля; повреждения на ул. Гагарина, 12, зафиксированные 16 февраля, повреждения на ул. Островского, зафиксированные 24 февраля; повреждения на ул. Менделеева, 3 и 5, ул. Гагарина, 10, зафиксированные 2 марта 2017 года. Кроме того, перемещение военной техники на позицию, вероятно, находящуюся рядом с

⁴⁰³ Удары артиллерии по Авдеевке (Приложение 28 к Меморандуму Украины).

⁴⁰⁴ См. §§ 282-288 настоящего Заключения.

⁴⁰⁵ Удары артиллерии по Авдеевке (Приложение 28 к Меморандуму Украины).

⁴⁰⁶ Отчет МППЧ «Жаркая зима» (Приложение 88), с. 30.

⁴⁰⁷ См. §§ 282-288 выше.

⁴⁰⁸ См. § 289(а) выше.

⁴⁰⁹ См. §§ 282-290 настоящего Заключения.

заброшенным кирпичным заводом на ул. Заводской может объяснить попадания по этой улице.

292. Таким образом, возможные причины повреждений включают в себя сопутствующий ущерб от обстрелов, направленных на военные позиции в городе. Возможно, что данные позиции были обстреляны из танков, особенно если другие виды вооружения не были в непосредственной доступности ДНР.
293. Не представляется возможным назвать более точные причины каждого конкретного обстрела ввиду отсутствия подробных данных о повреждениях, о характере и ходе военных действий в соответствующий день. Мне не предоставили достаточных сведений для проведения такого анализа.

3. Выводы относительно неточностей в предоставленных мне данных об отдельных обстрелах

294. При оценке примененного вида вооружения, Генерал Браун исходит из данных, содержащихся в отчете МППЧ, отчетах СММ ОБСЕ и некоторых материалах украинского следствия.⁴¹⁰
295. Отчет МППЧ является одним из основных источников информации о предположительно примененных видах вооружений. Однако данный отчет не содержит каких-либо поясняющих материалов, обосновывающих выводы о примененных видах вооружений. МППЧ утверждает, что полагалось на видеозаписи, звукозаписи и свидетельские показания, которые мне предоставлены не были.
296. В нескольких случаях, информация из материалов украинского следствия соотносится с выводами МППЧ относительно примененных видов вооружения. Однако лишь в одном случае⁴¹¹ (не отмеченном на карте в Приложении 28 к Меморандуму Украины) в экспертном заключении можно найти фотографии фрагментов снарядов. Если бы мне дополнительно предоставили найденные фрагменты снарядов или хотя бы фотографические материалы, это помогло бы мне оценить вид примененного вооружения. Меня удивляет отсутствие таких доказательств в предоставленных мне материалах.
297. СММ ОБСЕ не делает однозначных выводов о том, что повреждения гражданских объектов были оставлены ракетами комплекса БМ-21,⁴¹² а в большинстве случаев не идентифицирует прямо и конкретно и иные виды использованных в обстрелах

⁴¹⁰ Заключение Брауна, § 80.

⁴¹¹ Экспертное заключение № 77, подготовленное М. Устименко и А. Павленко, Украинский научно-исследовательский институт специального оборудования и судебно-криминалистических экспертиз, Служба безопасности Украины (3 марта 2017 г.) (Приложение 167 к Меморандуму Украины).

⁴¹² Хотя ОБСЕ, находясь в Авдеевке, и слышали на удалении взрывы, которые они расценивали как разрывы снарядов БМ-21, миссия не связывает эти сообщения с повреждением гражданских объектов. См., например, ОБСЕ, Последние данные от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (31 января 2017 г.) (Приложение 343 к Меморандуму Украины): «Члены патруля Миссии, находившиеся в подконтрольном правительству г. Авдеевка (17 км к северу от Донецка) 31 января, слышали почти 2 250 взрывов неопределенного происхождения в 1–5 км к востоку и востоко-юго-востоку, а также практически 200 взрывов, оцененных ими как разрывы ракет РСЗО в 3,4–4 км к востоко-юго-востоку».

вооружений.⁴¹³ В тех случаях, когда ОБСЕ упоминает «артиллерию», речь может идти о ствольных артиллерийских орудиях, а не обязательно об РСЗО.

298. Я также отмечаю, что предоставленная мне информация из открытых источников иногда противоречит выводам МППЧ. Далее я приведу примеры возможных ошибок при идентификации применительно к конкретным заявленным случаям.
299. Кроме того, я обращаю особое внимание на противоречия в самих материалах, предоставленных мне. Например, МППЧ указывает, что обстрел 2 февраля произошел в 3:30 утра и был произведен из 120-мм минометных орудий. ОБСЕ, описывая тот же самый обстрел, указывает, что обстрел произошел в 20:30 вечера и был произведен из 122-мм артиллерийских орудий.⁴¹⁴ Описания мест падения снарядов также не совсем согласуются между собой.⁴¹⁵ Крайне затруднительно оценивать ситуацию на основе таких противоречивых производных материалов и без первичных доказательств.
300. В своем Заключении Генерал Браун не проводит детальный анализ каждого эпизода заявленного применения танковых снарядов и БМ-21, опираясь на общие выводы. Однако существуют эпизоды, заслуживающие отдельного внимания, в которых заявленное применение БМ-21 и танковых снарядов не подкреплено никакими предоставленными мне доказательствами, за исключением отчета МППЧ (эпизоды (b)–(d), (f), (g) ниже). Более того, существуют эпизоды, по которым мне не предоставили четких доказательств, подтверждающих сам факт обстрела или причастность ДНР к обстрелу (эпизоды (a), (e)).

a. Обстрел улицы Заводской 27 января 2017 года

301. Согласно предоставленным мне материалам, Украина утверждает, что «27 января три гражданских жилых дома поражены ракетами «БМ-21 Град» на ул. Заводской, в самом центре жилого района вдалеке от любой возможной военной цели».⁴¹⁶
302. Я хотел бы отметить, что ни в отчете МППЧ, ни в отчете МППЧ «Жаркая зима» не упоминается обстрел ул. Заводской 27 января 2017 года.
303. В подтверждение данного заявления Украина ссылается на ряд протоколов осмотра и экспертных заключений, составленных экспертами СБУ (Приложения 167-171 к Меморандуму Украины). Данные экспертные заключения основаны на материалах, собранных в ходе осмотра мест происшествия. Согласно данным экспертным заключениям, осмотры произведены 21 февраля 2017 года, т.е. почти через месяц после указанного обстрела.

⁴¹³ См., например: ОБСЕ, Последние данные из Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (5 марта 2017 г.), (Приложение 351 к Меморандуму Украины): «пробоина образовалась в результате попадания артиллерийского снаряда (калибром 122 мм) или танкового (калибром 125 мм) снаряда»; ОБСЕ, Последние данные из Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (19 февраля 2017 г.) (Приложение 349 к Меморандуму Украины): «это был снаряд калибром 122 или 125 мм».

⁴¹⁴ ОБСЕ, Отчет с места событий Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ): Жертвы и повреждения гражданской инфраструктуры, зарегистрированные в Донецкой области после боевых действий (3 февраля 2017 г.) (Приложение 345 к Меморандуму Украины).

⁴¹⁵ См §§ 334 настоящего Заключения (обстрел 3 февраля 2017).

⁴¹⁶ Меморандум Украины, § 111.

304. В экспертных заключениях об обстреле 27 января 2017 года сказано следующее: «угол падения снаряда [неуправляемого реактивного осколочно-фугасного снаряда М-21ОФ] не удалось определить из-за значительной деформации места падения снаряда ввиду того, что с момента обстрела прошло много времени (обстрел был осуществлен 27 января 2017 года, тогда как осмотр места происшествия состоялся 21 февраля 2017 года)». В протоколах осмотра и экспертных заключениях не содержится информации о том, каким образом и на основе каких материалов была установлена дата обстрела 27 января 2017 года более чем через три недели после указанного события.
305. Я не понимаю, каким образом предоставленные Украиной доказательства можно использовать для определения даты обстрела улицы Заводская. Обстрел мог состояться и в другой день.
306. Экспертные заключения СБУ также описывают обстрелы, в частности, домов ул. Заводская, 83⁴¹⁷ (Приложение 169 к Меморандуму Украины) ул. Заводская, 96⁴¹⁸ (Приложение 170 к Меморандуму Украины).⁴¹⁹ Исходя из отчета МППЧ, обстрел указанных зданий по ул. Заводской произошел 1 февраля 2017 года.⁴²⁰ Отчет МППЧ не содержит информации об обстреле ул. Заводской 27 января 2017 года.
307. Таким образом, на основании имеющихся материалов можно предположить, что Украина ошибочно ссылается на неверную информацию об обстреле ул. Заводской 27 января 2017 года, представленную в экспертных заключениях СБУ. Более вероятно, что указанный обстрел состоялся 1 февраля 2017 года, как это было задокументировано МППЧ, поскольку, по всей видимости, им удалось получить свидетельские показания в подтверждение указанной даты. До предоставления дополнительных пояснений по поводу даты обстрела, установленной заключениями СБУ, я буду исходить из того, что данные заключения относятся к обстрелу ул. Заводской 1 февраля 2017 года.

b. Обстрел Авдеевского коксохимического завода

308. Украина утверждает, что «30 января Авдеевский коксохимический завод («Коксохим»), находящийся далеко от любой военной цели, поражен артиллерийскими снарядами, что вызвало потерю снабжения источниками энергии по всему городу в условиях отрицательных температур».⁴²¹
309. В параграфе 84 своего Экспертного заключения Генерал Браун отмечает, полагаясь только на отчет МППЧ: «Авдеевский коксохимический завод, находящийся на северо-западе от города (более чем в 4 км от любых известных позиций ВСУ), также стал целью обстрела, что привело к отключению электроэнергии в городе».⁴²² Также в параграфе 89 экспертного заключения Генерал Браун, не цитируя какие-либо документы, делает

⁴¹⁷ Экспертное заключение № 79, подготовленное М. Устименко и А. Павленко, Украинский научно-исследовательский институт специального оборудования и судебно-криминалистических экспертиз, Служба безопасности Украины (3 марта 2017 г.) (Приложение 169 к Меморандуму Украины).

⁴¹⁸ Экспертное заключение № 80, подготовленное М. Устименко и А. Павленко, Украинский научно-исследовательский институт специального оборудования и судебно-криминалистических экспертиз, Служба безопасности Украины (3 марта 2017 г.) (Приложение 170 к Меморандуму Украины).

⁴¹⁹ Насколько я понимаю, другие обстрелы, описанные в материалах СБУ, не упоминаются в Меморандуме Украины, поэтому мне не поручали проводить их анализ.

⁴²⁰ Отчет МППЧ, стр. 49.

⁴²¹ Меморандум Украины, § 111.

⁴²² Заключение Брауна, § 84.

следующий вывод: «Кроме того, если исходить из отчетов о ракетах, выпущенных из РСЗО БМ-21 по коксохимическому заводу, который находится более чем в 4 км от ближайшей позиции ВСУ, [...] то можно прийти к выводу, что данные обстрелы и вовсе не были направлены на позиции ВСУ».⁴²³ Следовательно, Генерал Браун делает акцент на факте, как ему кажется, целенаправленного обстрела коксохимического завода.

310. Вероятно, информация о причинах отключения электроэнергии в Авдеевке была взята из страницы 48 отчета МППЧ, в которой представлена таблица, объединяющая сообщения о различных повреждениях от обстрелов в Авдеевке, произошедших 30 января 2017 года в 16:30,⁴²⁴ в том числе, что «последствием обстрела Авдеевского Коксохимического завода стало отключение электричества во всем городе». Также в параграфе 96 отчета МППЧ указано: «Еще одним примером является обстрел завода «Коксохим» 30 января 2017 года – 2,5 км от ближайшей штаб-квартиры ВСУ и 6 км от ближайшей огневой позиции, – в результате чего город остался без электричества и тепла при температурах -20°C, что может привести к гуманитарной катастрофе».⁴²⁵
311. У меня нет доступа ко всем источникам, которые, как указано в отчете МППЧ, использовались для того, чтобы прийти к данному выводу. В последней колонке в таблице на стр. 48 отчета МППЧ приведены ссылки на показания свидетелей, фото-свидетельства и видео с места происшествия, а также на отчеты СММ ОБСЕ, УВКПЧ и Human Rights Watch. Неясно, относятся ли указанные показания свидетелей, фото-свидетельства и видео к попаданию по коксохимическому заводу или к другим обстрелам. Что касается других упомянутых источников, то в них не говорится об обстреле коксохимического завода.
- а) В отчете СММ ОБСЕ от 31 января 2017 года указано: «На Авдеевском коксохимическом заводе офицер Вооруженных сил Украины (ВСУ) при Совместном центре контроля и координации (СЦКК) сообщил наблюдателям, что завод был обесточен, после того как были нарушены последние действующие линии электропередачи в результате попадания снарядов. СММ подтвердила факт приостановки работы завода и отсутствия водоснабжения. По словам офицера, это привело к тому, что жители Авдеевки остались без отопления. Он также добавил, что им не удалось локализовать место обрыва линии электропередачи и что ремонтные бригады все равно не смогут добраться к этому району с учетом сложившейся ситуации с безопасностью».⁴²⁶ Мне кажется, это говорит о том, что отключение

⁴²³ Заключение Брауна, § 89.

⁴²⁴ В таблице указано: «Жилые дома: ул. Тургенева, 35; Ул. Зеленая, 42 – в пределах 1 км от ближайших огневых позиций ВСУ. Электростанция Коксохим – 2,5 км от базы ВСУ и 6 км от ближайшей огневой позиции».

⁴²⁵ Аналогичный вывод был сделан в другом отчете МППЧ и Truth Hounds «Жаркая зима»: «В результате обстрелов в этот день завод «Коксохим» и весь город были обесточены, в многоквартирных домах исчезло отопление». (Отчет МППЧ «Жаркая зима» (Приложение 88)) с. 11.

⁴²⁶ ОБСЕ, Последние данные от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (31 января 2017 г.) (Приложение 343 к Меморандуму Украины). Я также обращаю внимание, что указанный отчет СММ ОБСЕ – единственный документ, на который Truth Hounds ссылаются в своем отчете в подтверждение заявления об обстреле 30 января 2017 года «в ходе которого также был поврежден коксохимический завод» (Отчет МППЧ «Жаркая зима» (Приложение 88)), стр. 11.

произошло в районе боевых действий, до которого ремонтная бригада не могла добраться из-за продолжающихся обстрелов.

- b) В отчете УВКПЧ ООН в общих чертах сказано, что «[в] Донецкой области в результате обстрелов в январе и феврале 2017 г. была прекращена подача электропитания на четыре фильтровальные станции, а также были повреждены водопроводы». Коксохимический завод в отчете отдельно не упоминается.⁴²⁷
- c) В отчете Human Rights Watch коксохимический завод также не упоминается.⁴²⁸

312. Я также проанализирован предоставленную мне информацию из открытых источников. Насколько я понимаю, вероятной причиной потери электричества в Авдеевке в указанный период был обрыв линий электропередач в зоне активных боевых действий, а не на коксохимическом заводе. В этот день 30 января 2017 директор Авдеевского коксохимического завода Муса Магомедов опубликовал следующее сообщение на Facebook:

«По состоянию на 18.00 по восстановлению энергоснабжения Авдеевки ситуация следующая: осмотрена только часть линии электропередачи, понимаем что обрыв примерно между Красненьким [прудом] и Горловской трассой, но из-за активных боевых действий уточнить не представляется возможным».⁴²⁹

313. Я полагаю, что заявлению Магомедова можно доверять, поскольку он имел непосредственное отношение к данным событиям. На карте, опубликованной 18 февраля 2017 года неправительственной организацией Shelter Cluster Ukraine,⁴³⁰ желтыми линиями обозначены линии электропередач между Красненьким прудом и Горловской трассой (Рисунок 35):

⁴²⁷ УВКПЧ, «Доклад о ситуации с правами человека в Украине 16 ноября 2016 г. – 15 февраля 2017 г.», https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/UAReport17th_RU.pdf. (Приложение 25), § 25.

⁴²⁸ Human Rights Watch, «Украина: Опасности и неоправданно долгое ожидание на пунктах пропуска», 13 марта 2017, <https://www.hrw.org/ru/news/2017/03/13/300152> (Приложение 84).

⁴²⁹ Страница Facebook Мусы Магомедова, Генерального директора АКХЗ, (<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1413352195341857&set=a.109001049110318&type=3>), 30 января 2017 (Приложение 202).

⁴³⁰ Shelter Cluster Ukraine, «Украина – район Донбасса, Ремонт убежищ по сообщениям, полученным группой, по состоянию на декабрь 2016»), 18 февраля 2017: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/reach_ukr_map_eastern_ukraine_shelterrepairsinavdiivka_16feb2017_a0.pdf (Приложение 85).

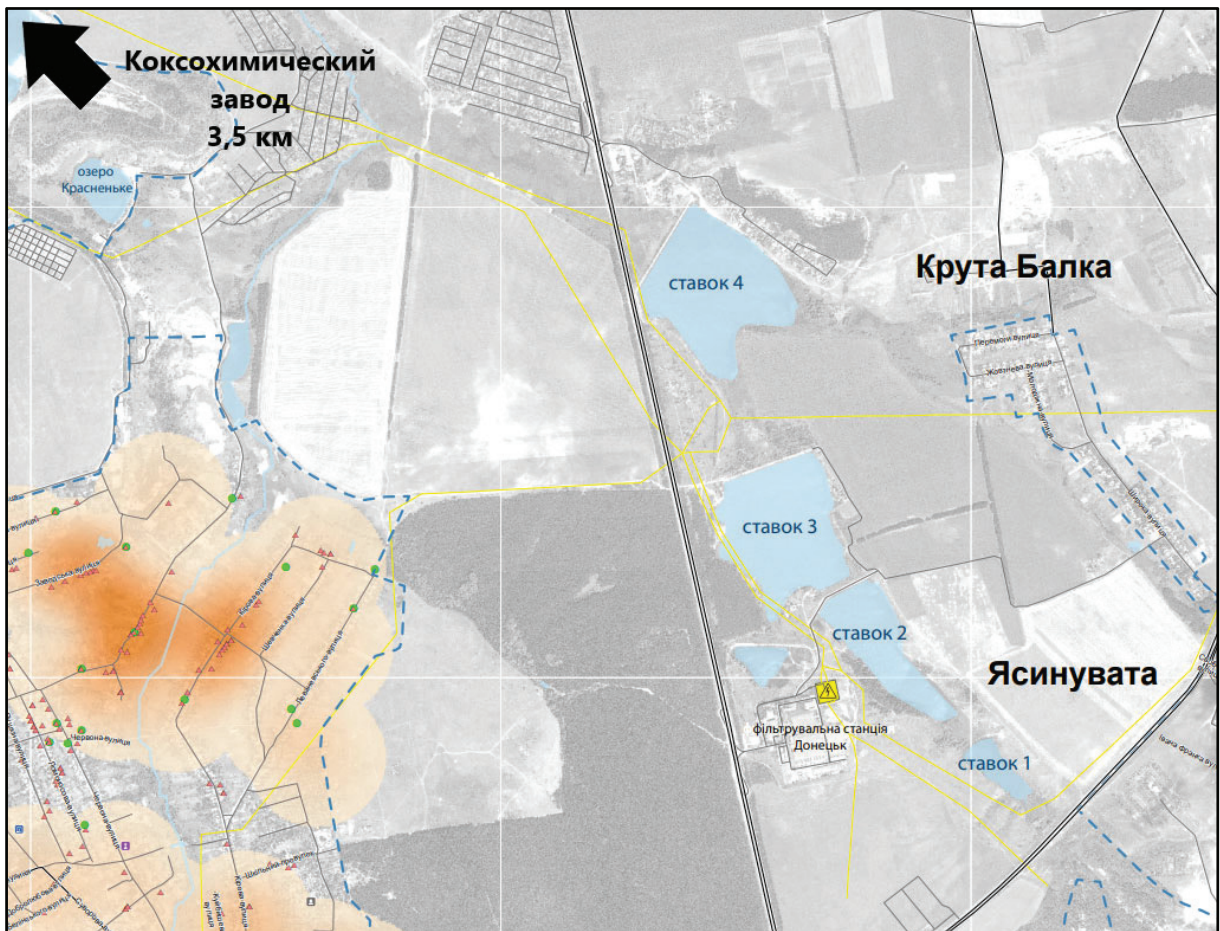

Рисунок 35 - Карта, отображающая линии электропередач вблизи Авдеевки

314. Это соответствует отчету ОБСЕ от 31 января 2017 года, на который я ссылался выше и согласно которому обрыв линии электропередач не подлежал ремонту по соображениям безопасности.⁴³¹ ОБСЕ также сообщало о том, что 1 февраля 2017 года необходимо было добиться прекращения огня в районе ДФС, чтобы обеспечить безопасный доступ ремонтных бригад к месту обрыва.⁴³²
315. На основе изложенной выше информации, я прихожу к выводу, что линии электропередач были повреждены где-то в районе боевых действий. Нет оснований полагать, что эти линии электропередач были повреждены в районе коксохимического завода.
316. Мне представляется, что обстрел линий электропередач какой-либо из сторон вряд ли мог быть преднамеренным, так как перерывы в электроснабжении повлекли негативные последствия для территории, подконтрольной ДНР. В результате потери электричества утром 31 января 2017 года 203 горняка были заблокированы под землей в шахте имени

⁴³¹ ОБСЕ, Последние данные от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (31 января 2017 г.) (Приложение 343 к Меморандуму Украины): «ремонтные бригады все равно не смогут добраться к этому району с учетом сложившейся ситуации с безопасностью».

⁴³² ОБСЕ, Последние данные из Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (1 февраля 2017 г.) (Приложение 344 к Меморандуму Украины): «Для возобновления электроснабжения [...] Миссия сотрудничала с украинской и российской сторонами в СЦКК для содействия возобновлению режима прекращения огня в районе Донецкой фильтровальной станции [...] [Р]емонтные бригады получили разрешение отправиться к поврежденным участкам линий электропередачи».

Засядько,⁴³³ находящейся на подконтрольной ДНР территории в 5,5 километрах от южной границы Авдеевки. Также потеря электричества привела к тому, что 31 января 2017 года Северный водоузел Донецка остался без напряжения, в результате чего жители Киевского района Донецка остались без отопления.⁴³⁴

317. Что касается вида вооружения, который мог нанести повреждения коксохимическому заводу, мне также продемонстрировали фотографию, опубликованную Мусой Магомедовым 30 января 2017 года на его странице Facebook (Рисунок 36) и приложенную к посту, на который я ссылаюсь выше:⁴³⁵

Рисунок 36 - Фотография, опубликованная Мусой Магомедовым

318. Я не думаю, что ракета системы БМ-21 может нанести такие повреждения (в частности, я полагаю, что кинетической энергии поражающих элементов БМ-21 недостаточно для того, чтобы разрушить рельсы, а фугасное воздействие не могло так сказаться на обоих рельсах). Я также хотел бы отметить, что 1 февраля 2017 года Муса Магомедов заявил лишь о двух попаданиях по помещениям завода: (1) прилет снаряда в железнодорожный цех, разбивший рельсы и контактную сеть, которые восстановили в течение полудня; (2)

⁴³³ *Интерфакс*, «Из-за обстрелов в донецкой шахте оказались заблокированы 203 горняка», 31 января 2017, <https://www.interfax.ru/world/547735> (Приложение 124).

⁴³⁴ *62.ua*, «В Донецке обесточен Северный водоузел – часть Киевского района осталась без света и отопления», 31 января 2017, <https://www.62.ua/news/1529458/v-donecke-obestocen-severnij-vodouzel-cast-kievskogo-rajona-ostalas-bez-sveta-i-otoplenia> (Приложение 125).

⁴³⁵ Страница Facebook Мусы Магомедова, Генерального директора АКХЗ, доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1413352195341857&set=a.109001049110318&type=3>, 30 января 2017 (Приложение 202).

попадание рядом с пожарной частью, не нанесшее каких-либо повреждений.⁴³⁶ Я не считаю, что настолько незначительные повреждения могли бы стать следствием целенаправленного обстрела территории завода с применением БМ-21.

319. Наконец, я обращаю внимание, что в предоставленных Украиной материалах отсутствует информация об обстреле Авдеевского коксохимического завода 30 января 2017 года из БМ-21. Мне не предоставили соответствующих заявлений со стороны Украины, ОБСЕ или МППЧ.

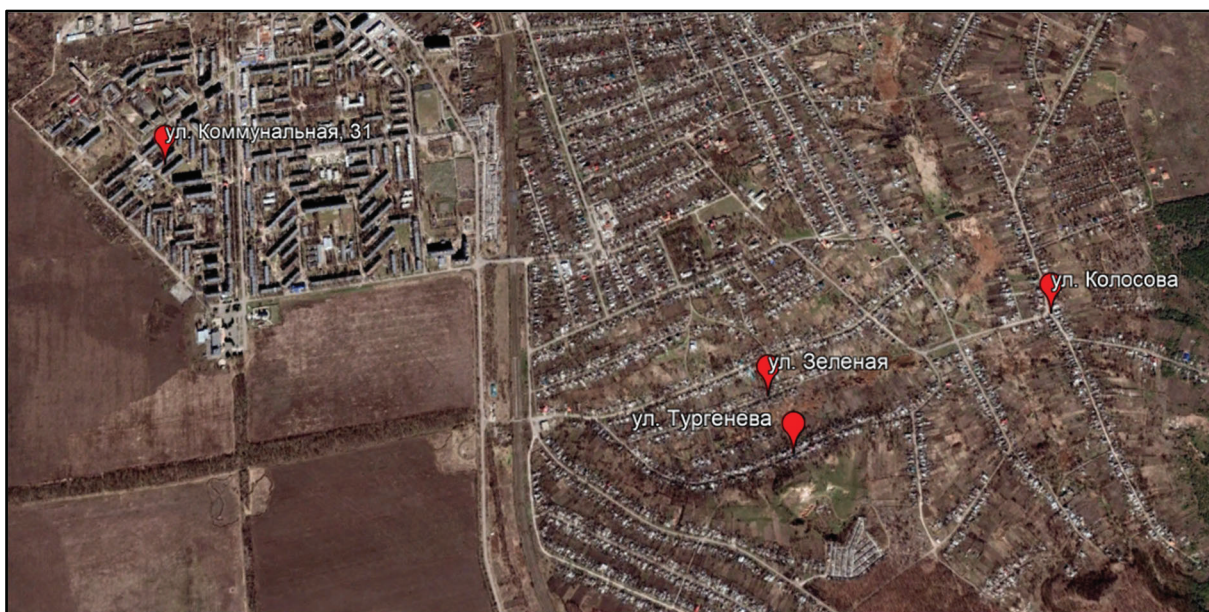
с. Обстрел 31 января 2017 года дома на ул. Коммунальной

320. Украина утверждает, ссылаясь на отчет МППЧ, что «31 января [г]ражданский жилой дом на ул. Коммунальной около больницы, поражен ракетами БМ-21, почти в 2 км от любой возможной военной цели».⁴³⁷
321. В отчете МППЧ также объединены сообщения об обстрелах, которые произошли в один день в разных частях Авдеевки, в частности: «гражданские объекты на ул. Коммунальной, 31 – 1,7 км от ближайших казарм ВСУ; гражданские объекты на ул. Тургенева, Зеленой и Колосова – в непосредственной близости от огневых позиций ВСУ». МППЧ также упоминает о применении БМ-21, не указывая в каком из названных выше мест произошел обстрел.⁴³⁸ Непонятно, относится ли это, в частности, к обстрелу на ул. Коммунальной, 31 или нет. Это имеет большое значение, так как ул. Тургенева, Зеленая и Колосова и здание по адресу ул. Коммунальная, 31 находятся в разных частях Авдеевки (Рисунок 37):

⁴³⁶ Youtube канал «Метинвест», «Пресс-брифинг “Гуманитарная ситуация в Авдеевке”», доступно по ссылке: https://www.youtube.com/watch?v=ejjz9dsIQ_k&t=1952s, 1 февраля 2017 (Приложение 234).

⁴³⁷ Меморандум Украины, § 111.

⁴³⁸ Отчет МППЧ, стр. 49. В отчете также упоминаются другие здания, поврежденные БМ-21 в другом районе, который, по всей видимости, находился недалеко от военной цели. В части использованных источников МППЧ ссылается (без прямого упоминания обстрела на ул. Коммунальной, 31) на показания свидетелей, фото- и видеосвидетельства, которые мне не были предоставлены.

Данные карт: Google, © 2021 Maxar Technologies.

Рисунок 37 - Места повреждений 31 января, обозначенные на спутниковом снимке Авдеевки в Google Earth

322. Аналогичным образом, в отчете МППЧ «Жаркая зима» указано, что «район “Химик” был обстрелян из РСЗО “Град”» и «[о]дин снаряд попал [...] по ул. Коммунальной 31». В подтверждение этого в отчете приведена ссылка на видеосвидетельства, которые мне не были предоставлены.⁴³⁹ Отчет МППЧ и отчет МППЧ «Жаркая зима» также ссылаются на отчет украинской полиции, якобы опубликованный на сайте полиции, однако ссылка на сайт полиции не работает, и соответствующий документ мне не был предоставлен. В отчете МППЧ «Жаркая зима» говорится о том, что указанный полицейский отчет был посвящен повреждениям домов по ул. Зеленой и Колосова и минометному обстрелу.⁴⁴⁰
323. Следовательно, я никаким образом не могу проверить, действительно ли был применен комплекс БМ-21. Однако я считаю маловероятным, чтобы снаряд БМ-21 попал в дом по ул. Коммунальной, 31. Вокруг дома 31 по ул. Коммунальной находится много других жилых зданий. Я обращаю внимание, что в отчете МППЧ не сообщалось ни о каких других находящихся неподалеку зданиях, поврежденных в ходе обстрела (Рисунок 38, отображающий это здание и жилую застройку вокруг).

⁴³⁹ Отчет МППЧ «Жаркая зима» (Приложение 88), с. 11

⁴⁴⁰ Там же, с. 11, приведена та же неработающая ссылка на сайт.

Данные карт: Google, © 2021 Maxar Technologies.

Рисунок 38 - Ул. Коммунальная, 31 на спутниковом снимке Авдеевки в Google Earth

324. На мой взгляд, в случае если речь идет об одной ракете комплекса БМ-21, поразившей только одно здание, при этом отсутствуют какие-либо доказательства поражений в районе другими ракетами комплекса БМ-21, то можно было бы с высокой долей вероятности предположить, что ракета БМ-21 вышла из строя или упала на краю зоны поражения при обстреле военной цели за пределами города (то есть данное гражданское здание не было целью обстрела).
325. В предоставленных мне материалах мне удалось найти лишь одно место падения, которое, как представляется, находится в том же жилом районе. В Приложении 164 к Меморандуму Украины (выдержка из материалов уголовного дела, возбужденного 30 января 2017 года) говорится о повреждении здания по адресу квартал Строителей, 2/31, расположенного примерно в 400 м от поврежденного дома на ул. Коммунальной (обозначено на спутниковом снимке на Рисунок 39 ниже). В данном документе не указано, в какой день здание было повреждено, не указано что это здание являлось гражданским жилым объектом или что повреждения были нанесены ракетой комплекса БМ-21. Даже если предположить, что здание на ул. Коммунальной и здание по адресу квартал Строителей, 2/31 были повреждены в ходе одного и того же предполагаемого обстрела из БМ-21, такие незначительные повреждения (только два здания) в районе явно свидетельствуют о том, что указанные здания не были целью данного обстрела. РСЗО является оружием для поражения площадных целей с применением (как правило) значительного количества снарядов. Она не предназначена для поражения одной ракетой какой-либо цели, поскольку вероятность ее поражения в этом случае слишком мала. Таким образом, в зоне, являвшейся целью обстрела из РСЗО, я ожидал бы увидеть

большое количество мест падения снарядов на небольшой площади и, следовательно, большое количество повреждений.

Данные карт: Google, © 2021 Maxar Technologies.

Рисунок 39 - Ул. Коммунальная, 31 и ул. Строителей, 2 на спутниковом снимке Авдеевки в Google Earth

326. Как отмечалось ранее, мне не продемонстрировали никаких первичных доказательств повреждений на ул. Коммунальной. Мне показали несколько публикаций, посвященных данному обстрелу, однако из них нельзя сделать вывод о том, что ракета комплекса БМ-21 поразила здание. 31 января 2017 года на странице украинской общественной организации «Донбасс SOS» в Facebook был опубликован следующий пост: «Коммунальная, 31 – прилет в крышу над 75й квартирой, в 5 этаж. В доме повреждено остекление».⁴⁴¹ Позже председатель Донецкой областной военно-гражданской администрации Павел Жебровский опубликовал следующий пост в своем аккаунте Facebook: «Провели обследование пятиэтажки, в которую утром попал снаряд. Ремонтники приступают к восстановлению повреждений».⁴⁴²
327. Из Приложения 164 к Меморандуму Украины следует, что по этому эпизоду было возбуждено уголовное дело, однако мне не предоставили никаких материалов следствия,

⁴⁴¹ Страница Facebook Донбасс SOS, доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/DonbassSOS/posts/1864705000441266/>, 1 февраля 2017 (Приложение 205).

⁴⁴² Страница Facebook Павла Жебровского, Председателя Донецкой областной военно-гражданской администрации, доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/zhebrivskiy/posts/680461565469699>, 31 января 2017 (Приложение 203).

свидетельствующих о том, что повреждения были оставлены ракетой комплекса БМ-21, или что на месте происшествия были найдены какие-либо фрагменты ракеты.

328. Таким образом, представленные мне материалы оставляют сомнения в том, что здание по адресу ул. Коммунальной, 31 было поражено ракетой РСЗО БМ-21. Даже если данное повреждение действительно было оставлено ракетой комплекса БМ-21, исходя из изученных мной доказательств, данное здание (и жилой район вокруг него) вряд ли могло быть целью преднамеренного обстрела.
329. Важно также учитывать контекст продолжающихся боевых действий. Хочу отметить, что 31 января 2017 года в районе Авдеевки шел ожесточенный обмен огнем. СММ ОБСЕ указывала: «Члены патруля Миссии, находившиеся в подконтрольном правительству г. Авдеевка (17 км к северу от Донецка) 31 января, слышали почти 2 250 взрывов неопределенного происхождения в 1–5 км к востоку и востоко-юго-востоку, а также практически 200 взрывов, оцененных ими как разрывы ракет РСЗО в 3,4–4 км к востоко-юго-востоку. 31 января камера СММ в Авдеевке зафиксировала 53 взрыва неопределенного происхождения в 2–4 км к юго-востоку».⁴⁴³ Трудно определить, откуда именно нужно отсчитывать указанные расстояния, но такой контекст боевых действий повышает вероятность повреждения здания в Авдеевке отклонившимся от курса снарядом.

d. Обстрел ул. Заводской 1 февраля 2017 года

330. Украина также заявляет, что «1 февраля один мирный житель [был] убит, трое ранены, и 52 гражданских дома полностью или частично разрушены реактивными снарядами комплекса «Град», при этом многие цели «расположены на расстоянии более 2 км от ближайших позиций ВСУ, в том числе (снова) на ул. Заводской».⁴⁴⁴
331. В подтверждение данного заявления Украина ссылается на различные документы. Я обращаю внимание, что ни в одном из следующих материалов нет фотографий фрагментов снарядов БМ-21, воронок или других доказательств поражения из БМ-21:
- а) В отчете МППЧ указано, что были повреждены следующие объекты: «[ж]илые дома: ул. Зеленая, 45, ул. Заводская, 83; Заводская, 96; ул. Заводская, 100; ул. Колосова, 214; ул. Тургенева, 84. Цели на ул. Колосова и Заводской, расположенные более чем в 2 км от ближайших позиций ВСУ».⁴⁴⁵ В отчете также указано, что «ракеты РСЗО БМ-21 «Град» были выпущены с востока-юго-востока (Яковлевка), что подтверждается показаниями свидетелей и анализом воронок».⁴⁴⁶ Опубликованное на Facebook на следующий день заявление начальника полиции Донецкой области (на которое ссылается МППЧ) не содержит никакой конкретной информации о заявленных Украиной обстрелах.⁴⁴⁷

⁴⁴³ ОБСЕ, Последние данные от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (31 января 2017 г.) (Приложение 343 к Меморандуму Украины).

⁴⁴⁴ Меморандум Украины, § 111.

⁴⁴⁵ Отчет МППЧ, стр. 49.

⁴⁴⁶ Показания свидетелей и анализ воронок (а также видеозапись повреждений, на которую есть ссылка в отчете) мне не предоставлены и, следовательно, я не имею возможности дать комментарии по этому поводу.

⁴⁴⁷ Страница Вячеслава Аброськина на Facebook, доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/Vyacheslav.Abroskin/posts/1680505355575465>, 2 февраля 2017 (Приложение 208).

- b) В отчете СММ ОБСЕ лишь указано: «Командир Вооруженных сил Украины (ВСУ) сообщил наблюдателям, что [юго-восточная часть Авдеевки] попала под ракетный обстрел».⁴⁴⁸ В отчете СММ ОБСЕ отсутствуют пояснения относительно примененного вида вооружения, а ОБСЕ, по всей видимости, не проведена независимая проверка утверждения представителя ВСУ. Кроме того, не совсем ясно, относится ли эта информация к ул. Заводской, ул. Metallургов и ул. Колосова, 214, расположенным в восточной, а не юго-восточной части Авдеевки.
- c) В выписке из уголовного дела № 12017050140000085⁴⁴⁹ лишь указано на поврежденные здания без предоставления каких-либо пояснительных материалов.
- d) В предоставленных Украиной протоколах осмотра места происшествия⁴⁵⁰ содержится очень ограниченный объем информации. В них фиксируется факт повреждения имущества и больше ничего. Только в одних свидетельских показаниях⁴⁵¹ содержится краткое указание на БМ-21, но мне не ясно, по каким признакам свидетель (по всей видимости, гражданское лицо) установил тип примененного вооружения.
- e) В отчете МППЧ «Жаркая зима» не содержится никакой новой информации и доказательств, не упомянутых в предоставленном Украиной отчете МППЧ.

332. Таким образом, кроме утверждений МППЧ, утверждения командира ВСУ, задокументированного ОБСЕ (которое может не иметь отношения к обстрелам, заявленным Украиной) и одних свидетельских показаний (которые я не считаю надежными без более подробной информации о способе идентификации вида использованного вооружения), мне не были предоставлены никакие доказательства, которые позволили бы сделать вывод о применении БМ-21.

e. Обстрел 3 февраля 2017 года

333. Украина заявляет, что «3 февраля [г]ражданский жилой дом [был] поражен артиллерийским снарядом в 2,5 км от ближайшей огневой позиции ВСУ». В подтверждение данного заявления Украина ссылается на отчет МППЧ и отчет ОБСЕ за 5 февраля 2017 года.⁴⁵²
334. Обращаю внимание на то, что отчеты МППЧ и СММ ОБСЕ противоречат друг другу постольку, поскольку они указывают два разных направления, с которых здание попало под обстрел. Согласно отчету МППЧ, снаряд поразил *восточный* фасад здания по адресу

Согласно единственному соответствующему фрагменту из данного заявления, «только за последние сутки 52 здания были частично или полностью разрушены», однако в подтверждение данной информации не приводятся никакие материалы.

⁴⁴⁸ Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине на основе информации, поступившей по состоянию 19:30 (2 февраля 2017 г.) (Приложение 1111 к Меморандуму Украины), стр. 2.

⁴⁴⁹ Выписка из уголовного дела № 12017050140000085 (Приложение 160 к Меморандуму Украины)

⁴⁵⁰ Протокол осмотра места происшествия, составленный Н. Протсюком, старшим следователем (1 февраля 2017 г.) (Приложение 162 к Меморандуму Украины); Протокол осмотра места происшествия, составленный Ю. Пономаренко, старшим следователем (1 февраля 2017 г.) (Приложение 163 к Меморандуму Украины); Протокол осмотра места происшествия, составленный А. Зайчиком (1 февраля 2017 г.) (Приложение 161 к Меморандуму Украины).

⁴⁵¹ Протокол осмотра места происшествия Ю. Пономаренко (Приложение 163 к Меморандуму Украины), стр. 4.

⁴⁵² Отчет МППЧ, стр. 49; ОБСЕ, Ежедневный отчет по состоянию на 5 февраля 2017 г. (Приложение 20).

ул. Соборная, 73, оставив пробоину в стене размером 150x150 см.⁴⁵³ Русскоязычная версия отчета МППЧ «Жаркая зима» содержит информацию о том, что «одиночный снаряд попал в *северо-восточный* фасад дома № 73 по ул. Соборной»,⁴⁵⁴ но, как мне сообщили, в англоязычной версии отчета указано, что снаряд поразил *восточный* фасад здания.⁴⁵⁵ Согласно же отчету СММ ОБСЕ в семиэтажное здание на улице Соборной с *юго-западного* направления была выпущена 120-мм мина, оставившая пробоину диаметром примерно 2 метра. В отчете СММ ОБСЕ, подготовленном на основе информации, поступившей по состоянию на 5 февраля 2017 года, 19:30 (т.е. через два дня после события), ничего не сказано о втором попадании по тому же адресу.

335. Направление, откуда была выпущена мина, играет существенную роль в данном эпизоде. Представляется, что с юго-западного направления мина могла быть выпущена только войсками ВСУ, поскольку, как я понимаю, украинские войска контролировали поселок Пески к юго-западу от Авдеевки и всю территорию к западу от поселка Пески (Рисунок 40).⁴⁵⁶

Рисунок 40 - Карта контроля ИАЦ СНБО по состоянию на 3 февраля 2017

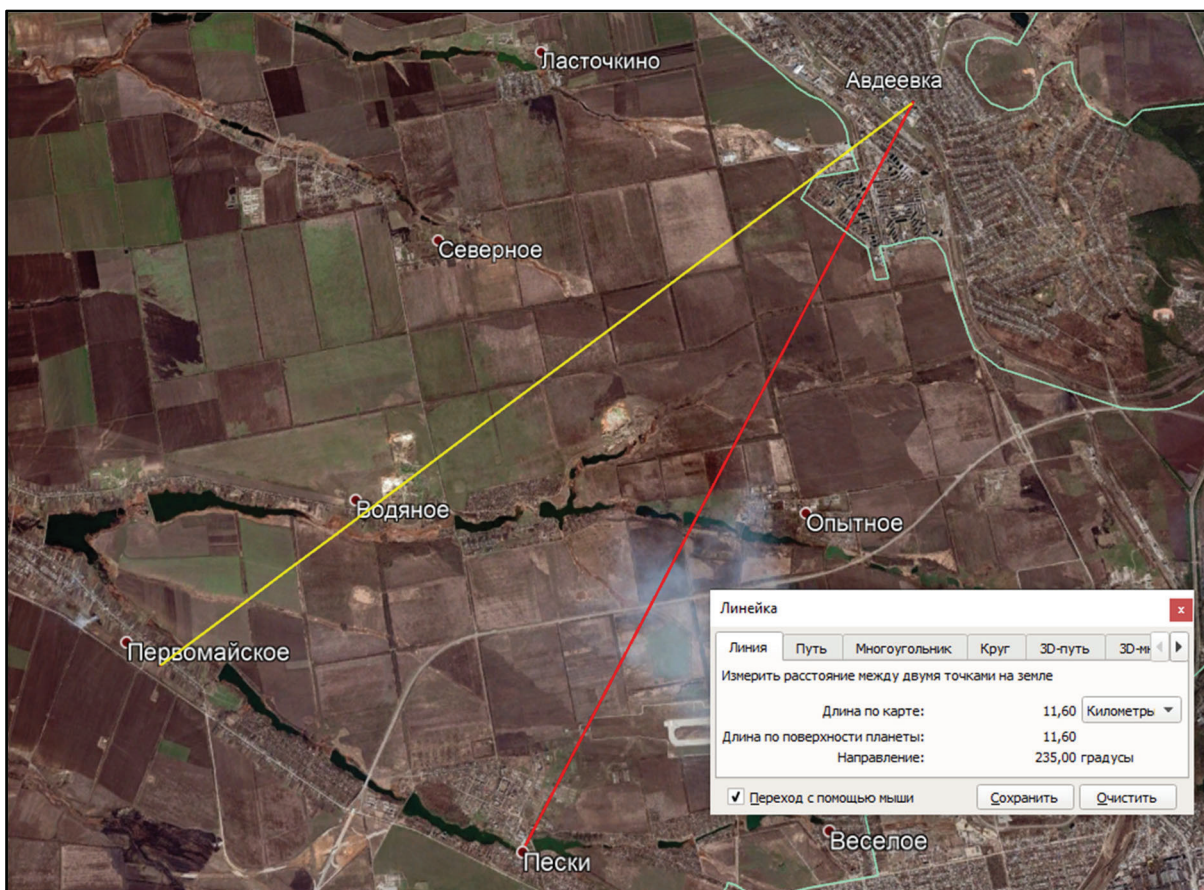
336. Юго-западное направление от дома по адресу ул. Соборная, 73 обозначено желтой линией на карте ниже (Рисунок 41). Направление от здания по адресу ул. Соборная, 73 до поселка Пески обозначено красной линией на той же карте.

⁴⁵³ Видеозапись, фиксирующая повреждения, на которую ссылается МППЧ, не была мне предоставлена.

⁴⁵⁴ Международное партнерство по правам человека, Civic Solidarity Platform, Truth Hounds, «Жаркая зима 2016-2017. Анализ обстрелов населенных пунктов Восточной Украины», 2017, (русскоязычная версия), <https://truth-hounds.org/wp-content/uploads/2017/08/Спекотна-зима-2016-2017.pdf> (Приложение 89), с. 14.

⁴⁵⁵ Отчет МППЧ «Жаркая зима» (Приложение 88), с. 12.

⁴⁵⁶ ИАЦ СНБО Украины, «Ситуация в восточных регионах Украины на 3 февраля 2017», 3 февраля 2017, <http://mediarnbo.org/2017/02/03/map-ato-03-02-2017/?lang=en> (Приложение 69).

Данные карт: Google, © 2021 Landsat / Copernicus, Maxar Technologies.

Рисунок 41 - Юго-западное направление и направление в сторону поселка Пески, обозначенное на Google Earth

337. С восточного направления мина могла быть выпущена как с территории, подконтрольной Украине, так и с территории подконтрольной ДНР.⁴⁵⁷ Как я уже отмечал ранее, за территорию на данном направлении велись ожесточенные бои.
338. В своем заключении Генерал Браун описывает это попадание снаряда как два разных инцидента:

«Объединив несколько различных отчетов, можно сделать следующие выводы:

[...]

c. Повреждения жилых домов 3 февраля 2017 года были нанесены снарядом, который попал “в восточный фасад здания”, т.е. данный снаряд был выпущен с территории, находящейся под контролем ДНР;

d. Повреждения семиэтажного многоквартирного дома на улице Соборная 3 февраля 2017 года были, “как предполагается, нанесены 120-мм минометным снарядом, выпущенным с юго-западного направления”, а повреждения машины скорой помощи около школы на улице Молодежная, где, согласно украинским источникам, мужчина скончался от осколочных ранений, были, как предполагается, нанесены “120-мм минометным снарядом, выпущенным с юго-западного направления”».⁴⁵⁸

⁴⁵⁷ См. карту в § 335 выше, которая демонстрирует, что Украина контролировала часть территории к востоку от Авдеевки.

⁴⁵⁸ Заключение Брауна, § 81.

339. Я нахожу странным тот факт, что Генерал Браун считает возможным прийти к выводу, что одно и то же здание попало под обстрел с двух разных сторон в один и тот же день, тогда как в отчетах МППЧ и СММ ОБСЕ речь идет только об одном попадании.
340. Генерал Браун также приходит к выводу в отношении обоих попаданий, что «вышеупомянутые снаряды были выпущены с территории, находящейся под контролем ДНР».⁴⁵⁹ Нельзя с уверенностью сделать такой вывод, поскольку в отчете СММ ОБСЕ говорится, что снаряд прилетел с территории, по-видимому, находившейся под контролем Украины, что свидетельствует об ответственности ВСУ.

f. Обстрел 16 февраля 2017 года

341. Украина также заявляет, что «16 февраля один мирный житель [был] убит и двое получили ранения в результате атаки на несколько гражданских жилых домов и коммерческое здание ракетами БМ-21, в 1 км от ближайшей огневой позиции ВСУ».⁴⁶⁰
342. В отчете МППЧ говорится о том, что были повреждены гражданские здания по адресу ул. Гагарина 12, Гагарина 1, 9-й квартал, 1 и что эти поврежденные объекты расположены в 1 км от ближайшей огневой позиции ВСУ и в 0,5 км от ближайших казарм ВСУ. По мнению МППЧ, обстрел производился из «полного пакета РСЗО БМ-21 (на основании звука, зафиксированного наблюдателями)».⁴⁶¹
343. Мне не предоставили для изучения никаких первичных доказательств, включая звукозаписи. Соответственно, я не могу оценить заявление МППЧ о применении БМ-21.
344. Кроме того, моему вниманию был представлен отчет МППЧ «Жаркая зима».⁴⁶² В данном отчете содержится более подробная информация об обстреле 16 февраля 2017 года. Согласно отчету, район «Химик»⁴⁶³ был обстрелян из танков, в течение 50 секунд произошло три последовательных взрыва, и здания по адресам ул. Гагарина, 1, ул. Гагарина, 12, 9-й квартал, 1 (все здания находятся в районе «Химик»), были повреждены.⁴⁶⁴ Версии отчета на русском и английском языке по-разному описывают боеприпасы. В версии на русском языке используется общий термин «снаряд».⁴⁶⁵ Как мне сообщили инструктирующие меня юристы, в английской версии используются термины «снаряд» («shell»; «projectile») и «реактивный снаряд» («rocket»).
345. В то же время в отчете МППЧ «Жаркая зима» содержатся заявления относительно применения РСЗО в отношении неуказанного района в старой части Авдеевки: «В 18:47 наблюдатели зафиксировали частые разрывы в районе старой части Авдеевки. Судя по звуку, разорвался полный боекомплект «Град».⁴⁶⁶ Мне не предоставили никакой информации о другом обстреле, но мне представляется, что в отчете МППЧ ошибочно говорится об обстреле района «Химик» с применением БМ-21, поскольку в более

⁴⁵⁹ Там же, § 82.

⁴⁶⁰ Меморандум Украины, § 111.

⁴⁶¹ Отчет МППЧ, стр. 50.

⁴⁶² Отчет МППЧ «Жаркая зима» (Приложение 88).

⁴⁶³ Район Химик – новый район с многоэтажными зданиями, который находится в западной части Авдеевки.

⁴⁶⁴ Международное партнерство по правам человека, Civic Solidarity Platform, Truth Hounds, «Жаркая зима 2016-2017. Анализ обстрелов населенных пунктов Восточной Украины», (русскоязычная версия), 2017: <https://truth-hounds.org/wp-content/uploads/2017/08/Спекотна-зима-2016-2017.pdf> (Приложение 89), с. 13.

⁴⁶⁵ Там же, с. 15.

⁴⁶⁶ Отчет МППЧ «Жаркая зима» (Приложение 88), стр. 15

подробном отчете говорится о том, что обстрел был произведен из танковых снарядов, а обстрел из РСЗО пришелся по другому району (старой Авдеевке).

346. Более того, публикации в иных открытых источниках не указывают на то, что обстрел в новой части Авдеевки 16 февраля 2017 производился из РСЗО БМ-21. Ни председатель Донецкой областной военно-гражданской администрации Павел Жебровский, ни Донецкая областная прокуратура не упоминали использования РСЗО БМ-21 в публикациях о данном эпизоде.⁴⁶⁷
347. СММ ОБСЕ указывает, что обстрел здания по адресу ул. Гагарина, 1 был, вероятно, произведен снарядом калибра не менее 120 мм; обстрел здания по адресу ул. Гагарина, 12 был произведен из снаряда калибром 122 или 125 мм.⁴⁶⁸ СММ ОБСЕ не сделала каких-либо комментариев о типе вооружения, поразившего здание на ул. 9-й квартал.⁴⁶⁹ Таким образом, в отличие от МППЧ и Truth Hounds, СММ ОБСЕ не смогла сделать однозначный вывод о примененном виде вооружения.
348. Кроме того, предоставленные мне материалы содержат противоречивую информацию о направлении попаданий по данным зданиям. В отчете МППЧ «Жаркая зима» указано следующее: «снаряд попал в дом №12 по ул. Гагарина, [...], влете[в] в окно с юга и проби[в] противоположную кирпичную стену. [...] Другой снаряд угодил в южный фасад дома №1 по ул. Гагарина [...]. Третий, последний снаряд попал в квартиру № 10 дома №1 квартала 9, выходящую на восток».⁴⁷⁰ В то же время, отчет СММ ОБСЕ указывает другие направления попаданий: Гагарина, 1 – юго-юго-восток, Гагарина, 12 – юго-юго-восток, 9-й квартал, 1 – юго-юго-восток.⁴⁷¹

г. Обстрел в марте 2017 года

349. Украина утверждает, ссылаясь на доклады МППЧ и СММ ОБСЕ по состоянию от 5 марта 2017, что «2 марта [н]есколько гражданских жилых домов, школа и детский сад получили повреждения от 125-мм танковых снарядов, более чем в 1 км от любой возможной военной цели».⁴⁷²
350. В отчете МППЧ указано, что 2 марта 2017 были повреждены здания по адресу ул. Менделеева, 3 и 5, школа, улица Гагарина и детский сад. По мнению МППЧ, обстрел данных зданий был произведен из 125-мм танковых орудий.⁴⁷³

⁴⁶⁷ Страница Facebook Павла Жебровского, Председателя Донецкой областной военно-гражданской администрации, доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/zhebriivskyi/posts/688914104624445>, 16 февраля 2017 (Приложение 213), где упомянуты снаряды; Страница Facebook Донецкой областной прокуратуры, доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/don.gc.gov.ua/posts/2223122507913887/>, 16 февраля 2017 (Приложение 214).

⁴⁶⁸ Что свидетельствует о неопределенности, поскольку речь могла идти о танках (125 мм) и ствольной артиллерии или РСЗО, которые бывают калибра 122 мм.

⁴⁶⁹ ОБСЕ, Последние данные из Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (19 февраля 2017 г.) (Приложение 349 к Меморандуму Украины).

⁴⁷⁰ Отчет МППЧ, с. 49; См. также Отчет МППЧ «Жаркая зима» (Приложение 88), с. 15.

⁴⁷¹ ОБСЕ, Последние данные из Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (19 февраля 2017 г.) (Приложение 349 к Меморандуму Украины).

⁴⁷² Меморандум Украины, § 111.

⁴⁷³ Отчет МППЧ, стр. 49. Отчет МППЧ «Жаркая зима» (Приложение 88), стр. 16. При этом мне сообщили, что в английской версии отчета, несмотря на упоминание «танкового обстрела» 2 марта, в следующем предложении используется термин «реактивные снаряды». В русскоязычной версии используется слово

351. Из отчета СММ ОБСЕ об обстреле 2 марта 2017 года следует, что:⁴⁷⁴
- a) Пробоина на ул. Менделеева, 5 образовалась в результате попадания артиллерийского снаряда (калибром 122 мм) или танкового (калибром 125 мм) снаряда. Повреждения были отмечены на уровне пятого этажа дома, а также на крыше, при этом было зафиксировано несколько выбитых окон;
 - b) Места ударов по ул. Гагарина, 10 возникли в результате разрыва артиллерийских снарядов (калибром 122 мм) или танковых снарядов (калибром 125 мм);
 - c) Здание по ул. Гагарина 1 повреждено в результате попадания артиллерийского снаряда калибром 122 мм;
 - d) Повреждения здания по ул. Менделеева, 3 возникли в результате попадания артиллерийского снаряда (калибром 122 мм) или танкового снаряда (калибром 125 мм);
352. Не совсем ясно, какова природа повреждений зданий по ул. Гагарина, 8А, Коммунальной, 10, Молодежной, 17. Я отмечаю, что, хотя МППЧ относит все повреждения к танковым обстрелам, этого не следует из отчета СММ ОБСЕ.

4. Выводы

353. Ознакомившись с ограниченными доказательствами в отношении обстрелов в Авдеевке, я прихожу к выводу, что результаты обстрела из других видов вооружения во многих случаях могли быть приняты за обстрелы из БМ-21. В любом случае, краткие описания не позволяют мне проверить, действительно ли характер повреждений был определен правильно.
354. Мне было бы проще высказать свое мнение по указанным инцидентам, если бы мне были предоставлены первичные материалы, в том числе фотографические доказательства. Без этих материалов мне сложно оценить точность выводов о примененном вооружении, установить места повреждений и сделать предположения о возможном происхождении обстрелов, особенно учитывая ряд противоречий в различных материалах относительно мест и времени обстрелов, а также видов примененных вооружений.
355. С учетом моих выводов выше, в том числе на основании незначительного числа мест повреждений, представляется крайне маловероятным, что проанализированные мной повреждения новой Авдеевки (включая «Коксохим») стали результатом целенаправленных обстрелов из БМ-21. Если какие-либо повреждения действительно наносились в жилых районах снарядами БМ-21, наиболее вероятно, что этот ущерб был сопутствующим по отношению к другим целям, информации о которых у меня нет.

«снаряды», под которым я понимаю танковые снаряды в соответствии с предыдущим предложением. Я также обращаю внимание, что в последнем предложении в том же параграфе один из «реактивных снарядов» называют «125-мм танковым осколочно-фугасным снарядом», что, вне всяких сомнений, означает танковый снаряд, а не реактивный снаряд РСЗО. Таким образом, я полагаю, что упоминание «реактивных снарядов» в английской версии отчета является ошибкой.

Показания свидетелей и видеозаписи, на которые полагается отчет МППЧ, мне предоставлены не были, и я не могу дать комментарий по этим вопросам.

⁴⁷⁴ ОБСЕ, Последние данные из Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (5 марта 2017 г.) (Приложение 351 к Меморандуму Украины).

D. Характер обстрелов Авдеевки

356. Когда линия разграничения проходит в непосредственной близости от жилой застройки, к сожалению, наличие жертв среди гражданского населения и нанесение ущерба жилым домам почти неизбежны.
357. Тем не менее, Генерал Браун утверждает, что «[д]аже если допустить, что ОБСЕ и МППЧ удалось зафиксировать не все артиллерийские обстрелы, осуществленные по Авдеевке за данный период времени, я так или иначе ожидал бы увидеть от стандартной военной операции определенный характер обстрелов, которые направлены на очевидные военные цели, находящиеся на юго-восточной окраине города, и на артиллерийскую позицию у озера на севере от города. Вместо этого было зафиксировано большое количество попаданий снарядов по жилым районам самого города».⁴⁷⁵
358. Характер обстрелов, который Генерал Браун ожидал бы увидеть, не исключает сопутствующий ущерб. Я считаю, что случайные повреждения могут быть нанесены районам проживания гражданского населения в условиях, когда густонаселенные районы находятся вблизи передовых позиций, и военная техника передвигается по улицам города, и тем более, когда военная техника располагается в жилых кварталах. Более того, как следует из приведенных мной ниже источников, серьезный ущерб был причинен и гражданской инфраструктуре на стороне ДНР без каких-либо упоминаний о военных позициях в непосредственной близости от мест попаданий.
359. Линия соприкосновения в этом районе проходит в непосредственной близости от Авдеевки, и то же самое можно сказать о некоторых подконтрольных ДНР жилых районах в Донецке, Спартаке, Ясиноватой, Крутой Балке и Макеевке. Насколько мне известно, в январе-марте 2017 года гражданское население в указанных городах попадало под постоянные обстрелы со стороны ВСУ. В этой связи, сравнение отчетов о поврежденных гражданских объектах в Авдеевке с аналогичными повреждениями в Донецке, Спартаке, Ясиноватой, Крутой Балке и Макеевке позволяет мне прийти к выводу о том, что повреждения гражданских объектов в результате обстрела в такой ситуации отличаются от тех, которые ожидал бы увидеть Генерал Браун.

E. Обстрел Донецка, Спартака, Ясиноватой, Крутой Балки и Макеевки

360. Я изучил следующие источники, свидетельствующие о том, что гражданское население и объекты гражданской инфраструктуры пострадали в жилых районах Донецка, Спартака, Ясиноватой, Крутой Балки и Макеевки:
- а) Доклад УВКПЧ о ситуации с правами человека в Украине 16 ноября 2016 г. – 15 февраля 2017 г. В данном докладе УВКПЧ указывает: «В период эскалации боевых действий, с 29 января по 3 февраля, жизненно важным объектам и сооружениям гражданской инфраструктуры был причинен серьезный ущерб вследствие неизбирательных обстрелов населенных районов из оружия взрывного типа широкого радиуса действия. УВКПЧ подтвердило, что в результате обстрелов в Макеевке и Донецке были повреждены две больницы, поликлиника, стоматологическая клиника и детский сад. Сотрудники УВКПЧ в Донецке слышали

⁴⁷⁵ Заключение Брауна, § 84.

взрывы в течение более пяти дней, с 29 января до ночи 2 февраля, а 2 февраля видели в Донецке автомобиль скорой помощи с четкими знаками различия, поврежденный осколками».⁴⁷⁶

- б) Доклады украинской общественной организации «Харьковская правозащитная группа», осуществлявшей сбор данных по обстрелам гражданских объектов в Донецке, Спартаке, Ясиноватой, Крутой Балке и Макеевке в период с января по март 2017 года. С февраля по начало марта 2017 года «Харьковская правозащитная группа» зафиксировала в общей сложности более ста попаданий по гражданским объектам в Донецке, Спартаке, Ясиноватой, Крутой Балке, Макеевке. В результате обстрелов погибло значительное количество гражданских лиц, десятки гражданских лиц получили ранения. «Харьковская правозащитная группа» зафиксировала, в частности, обстрел больницы (в Макеевке 1 февраля 2017), обстрелы автомобилей «Скорой помощи» (в Макеевке 1 февраля 2017; в Донецке 1 февраля 2017), обстрелы жилого района из РСЗО БМ-21 (в Донецке 2 февраля 2017, в Спартаке 2 февраля 2017), обстрелы школ (в Донецке 2 февраля 2017, 3 февраля 2017) и обстрел детского сада (в Донецке 3 февраля 2017).⁴⁷⁷
- с) СММ ОБСЕ зарегистрировала большой ущерб жилым районам городов, подконтрольных ДНР, расположенным вблизи Авдеевки:
- 29 января 2017: обстрел возле станции техобслуживания в Куйбышевском районе Донецка. Мужчина был ранен осколком 122-мм снаряда (согласно врачу городской больницы, расположенной на Ленинском проспекте в Донецке, и снимкам, которые он показал).⁴⁷⁸
 - 30 января 2017: три взрыва вблизи больницы в Макеевке. Трое электриков были ранены, одна сотрудница погибла (по словам врача из больницы № 5 в Макеевке).⁴⁷⁹
 - 1 февраля 2017: в карету скорой помощи, перевозившую пациента, попали осколки, в результате чего три медработника и пациент были ранены (по словам Медперсонала Донецкой травматологической больницы).⁴⁸⁰
 - 2 февраля 2017: массированный обстрел Донецка. Согласно СММ ОБСЕ, Калининский район Донецка был обстрелян из РСЗО (вероятно, Смерч или Ураган); два человека были ранены, два человека погибли.⁴⁸¹ Более того, были

⁴⁷⁶ УВКПЧ, «Доклад о ситуации с правами человека в Украине 16 ноября 2016 г. – 15 февраля 2017 г.», https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/UAReport17th_RU.pdf, (Приложение 25), § 24.

⁴⁷⁷ Харьковская правозащитная группа, Обзор событий в феврале 2017 года на ОТДЛО, 1 марта 2017, <http://khp.org/1488318011> (Приложение 86); Харьковская правозащитная группа, Обзор событий в марте 2017 года на ОТДЛО, 1 апреля 2017, <http://khp.org/1491246078> (Приложение 87).

⁴⁷⁸ СММ ОБСЕ, «Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основе информации, поступившей по состоянию на 30 января 2017 года, 19:30», <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/296736> (Приложение 17).

⁴⁷⁹ Там же.

⁴⁸⁰ СММ ОБСЕ, «Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основе информации, поступившей по состоянию на 3 февраля 2017 года, 19:30», <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/297656> (Приложение 19).

⁴⁸¹ СММ ОБСЕ, «Оперативный отчет Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине: Жертвы и повреждения объектов гражданской инфраструктуры, зафиксированные в Донецкой области после боевых действий», 3 февраля 2017 (Приложение 345 к Меморандуму Украины):

зафиксированы многочисленные повреждения от РСЗО БМ-21: два места попаданий вблизи жилого многоквартирного дома на ул. Артема в Донецке, воронка во дворе дома на ул. Собинова и воронка на расстоянии 10 м от школьного здания на ул. Собинова.⁴⁸² СММ ОБСЕ также зафиксировала два места попаданий на Киевском проспекте: одно – на первом этаже жилого дома (образовалось от РСЗО (БМ-21)), другое – на четвертом этаже другого жилого дома (образовалось от артиллерии калибра не менее 122 мм).⁴⁸³ Наконец, центр компактного проживания на ул. Элеваторной в Донецке пострадал в результате взрыва вечером 2 февраля (согласно опрошенным внутренне перемещенными лицам).⁴⁸⁴

- 27 февраля 2017: повреждения частных домов в Ясиноватой вследствие попадания пуль калибром 12.7 мм.⁴⁸⁵
- 1 марта 2017: обнаружена воронка, рядом с которой находился хвостовой стабилизатор мины калибром 120 мм, на расстоянии около 25 м от пятиэтажного многоквартирного жилого дома на улице Новороссийской. СММ ОБСЕ не смогла установить точную дату обстрела.⁴⁸⁶

361. Я прихожу к выводу, что активные боевые действия приводили к повреждению гражданских объектов обеими сторонами конфликта. Я также отмечаю корреляцию по времени между активностью боевых действий на линии соприкосновения, попаданием снарядов в гражданские объекты Авдеевки и обстрелами гражданских объектов в Донецке, Спартаке, Ясиноватой, Крутой Балке и Макеевке. Так, например, наибольшее количество обстрелов и в Авдеевке, и в Донецке, и в Макеевке пришлось на конец января–начало февраля, что соответствует активизации боев на передовых позициях. Всплеск активности боевых действий в середине февраля привел к увеличению количества попаданий по гражданским объектам не только в Авдеевке, но также в Донецке и в Ясиноватой.

«От ударной волны разбились окна и были повреждены двери и ворота в радиусе 170 м. Был также разрушен магазин, расположенный примерно в 10 м к юго-востоку от кольцевого перекрестка и очень близко от места разрыва. Более того, приблизительно в 70 м от места разрыва был разрушен автомобиль, а металлические ворота дома были сорваны от избыточного давления, указывающее на то, что это был взрыв.

Примерно в 30 м южнее места разрыва беспилотный летательный мини-аппарат СММ (БПЛА) зафиксировал пятиэтажное здание общежития, кровельный настил которого был сорван, а все окна разбиты. На автомойке, расположенной на расстоянии около 170 м к северо-западу от места разрыва, были выбиты ворота (внутрь), а на расположенной за автомойкой автозаправочной станции были видны незначительные повреждения. Примерно в 260 м к юго-востоку от места разрыва БПЛА зафиксировал объект «ДНР», на территории которого стояли два многоцелевых тягача легких бронированных (МТ-ЛБ)».

⁴⁸² Там же.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ СММ ОБСЕ, «Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основе информации, поступившей по состоянию на 5 февраля 2017 года, 19:30»: <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/298001> (Приложение 20).

⁴⁸⁵ СММ ОБСЕ, «Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основе информации, поступившей по состоянию на 28 февраля 2017 года, 19:30», 1 марта 2017, <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/302391> (Приложение 24).

⁴⁸⁶ СММ ОБСЕ, «Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основе информации, поступившей по состоянию на 1 марта 2017 года, 19:30», 2 марта 2017, <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/302576> (Приложение 26).

Г. Ответ на выводы Генерала Брауна

362. С учетом сказанного, я бы хотел отдельно ответить на некоторые выводы, к которым пришел Генерал Браун.

1. Вопрос выбора систем вооружения

363. В своем экспертном заключении Генерал Браун утверждает, что «сам выбор системы вооружения для осуществления обстрела уже гарантировал повреждения жилых районов».⁴⁸⁷ Как я объяснял выше (см. §§ 318-319, 323-325, 332, 344-345), нет никаких очевидных свидетельств, указывающих на то, что системы БМ-21 применялись против района «Химик» и завода «Коксохим» или что ракетные вооружения использовались для поражения целей в жилых районах.

364. Более того, я не согласен с позицией Генерала Брауна о том, что танки не могут применяться избирательно, когда экипаж танка не видит цель. Даже если экипаж танка не видит цель, танки могут быть точным видом вооружения на больших расстояниях. Если экипаж танка знает точное расстояние до цели и направление по отношению к цели, он может точно поразить цель даже на расстоянии 5–6 километров, используя специализированную систему управления огнем оружия. Конечно, неверное установление цели или ошибки в наведении могут повлиять на точность, но это также применимо и к стрельбе из артиллерийских орудий. Поэтому, при отсутствии артиллерийских орудий, не исключено выполнение задачи по поражению удаленных целей танками.

365. Кроме того, отдельные случаи повреждения гражданских объектов танковыми снарядами вполне могут быть объяснены попаданием случайных снарядов (в том числе рикошетов танковых снарядов) в ходе перестрелок на передовых позициях. Рикошеты нередко случаются при замедленной установке взрывателя танкового снаряда. У меня нет оснований полагать, что эти отдельные эпизоды стали следствием целенаправленного обстрела гражданских объектов.

366. Таким образом, я не согласен с выводами Генерала Брауна о выборе систем вооружения. У меня нет оснований допускать, что приведенные попадания в гражданские здания стали результатом намеренной стрельбы по гражданским объектам или применения заведомо неизбирательных видов вооружения. Однако я должен снова отметить, что следует провести анализ каждого случая с использованием большого объема данных.

2. Вопрос близости к военным объектам

367. В своем экспертном заключении Генерал Браун делает следующий вывод: «Много ударов пришлось на жилые районы, которые находились слишком далеко от любой позиции ВСУ, чтобы можно было с большой долей вероятности говорить о том, что они были направлены на военные цели».⁴⁸⁸ Он также утверждает следующее:

- а) «Предположим, что атакующая сторона смогла бы найти оправдание для нападения на контрольно-пропускные пункты и казармы в центре Авдеевки (хотя, как я уже сказал ранее, я не думаю, что она смогла бы это сделать), оружие для стрельбы

⁴⁸⁷ Заключение Брауна, § 96.

⁴⁸⁸ Там же, § 95.

прямой наводкой почти наверняка не рассматривались бы, поскольку экипажи танков и пулеметчики просто не смогли бы увидеть цель. Среди огромного выбора систем вооружения для ведения непрямого огня, которые имелись у атакующей стороны, и с учетом расстояния до целей, у командующего нет никаких веских причин применять БМ-21».⁴⁸⁹

- б) «[Л]юбой обстрел контрольно-пропускных пунктов ВСУ⁴⁹⁰ в жилых районах с применением БМ-21 привел бы к нанесению определенного ущерба гражданским объектам и/или причинению вреда жизням людей. Кроме того, если исходить из отчетов о ракетах, выпущенных из РСЗО БМ-21 по коксохимическому заводу, который находится более чем в 4 км от ближайшей позиции ВСУ, и по жилым районам, которые находятся более чем в 1 км от ближайшей позиции ВСУ, то можно прийти к выводу, что данные обстрелы и вовсе не были направлены на позиции ВСУ».⁴⁹¹

368. Как я объяснял выше (см. § 282-290 настоящего Заключение) в районе «Химик» и старой части Авдеевки находились, военные позиции и военная техника ВСУ. Часть обстрелов⁴⁹² произошла в непосредственной близости от мест расположения этих позиций. Нет также никаких очевидных свидетельств, указывающих на то, что БМ-21 применялись против района «Химик» и завода «Коксохим». Как я уже пояснил выше, танки могут быть точным оружием на больших расстояниях.⁴⁹³ В то же время, мне неясно, почему Генерал Браун предполагает наличие у ДНР огромного выбора оружия. Представляется, что наличие более безопасных для гражданского населения альтернатив должно рассматриваться в каждом случае с учетом (1) позиций сторон, (2) задач обстрела и (3) реально доступных сторонам вооружений.

3. Вопрос корректирования огня

369. В своем Экспертном заключении Генерал Браун делает следующий вывод: «В отчетах отсутствуют какие-либо предположения о том, что огонь по Авдеевке велся с наблюдением, и/или его корректировали на запланированные цели для обеспечения высокой точности».⁴⁹⁴
370. Генерал Браун, вероятно, ожидает увидеть в отчетах доказательства корректировки огня. Однако, отчеты неправительственных организаций, судя по всему, сообщают только о повреждениях гражданских объектов без какого-либо пояснения о том, как велись боевые действия ДНР. Возможно, что отдельные попадания стали именно результатом пристрелки до корректировки огня, неточной работы корректировщиков или намеренного искажения данных с целью провокации. Кроме того, из продемонстрированных мне украинских судебных актов следует, что корректировка обстрелов украинских позиций считается на Украине содействием террористической

⁴⁸⁹ Там же, § 86.

⁴⁹⁰ В моем понимании, Генерал Браун ссылается только на позиции ВСУ, на которые указало МППЧ (§§ 83–84 Заключение Брауна).

⁴⁹¹ Заключение Брауна, § 89.

⁴⁹² См. § 291 выше.

⁴⁹³ См. § 364 выше.

⁴⁹⁴ Заключение Брауна, § 84.

деятельности и влечет соответствующую уголовную ответственность.⁴⁹⁵ С учетом сказанного, я не удивлен, что такая информация не доступна и я не могу сделать какие-либо выводы из этого факта. При этом в перехватах, относящихся к боевым действиям вблизи Мариуполя, есть указание на использование наблюдателей и корректировку огня. Однако мне сообщили, что Украина не представила никаких данных о перехватах, связанных с обстрелами в Авдеевке.

4. Близость Авдеевки к линии соприкосновения

371. Генерал Браун делает следующий вывод: «Факт близости Авдеевки к линии соприкосновения предоставлял ДНР еще более широкий выбор систем оружия, чем в случаях обстрелов Волновахи или Мариуполя».⁴⁹⁶
372. Повторюсь, что для того, чтобы провести предметный анализ выбора вооружения в каждом конкретном случае, необходимо уточнить данные о реально использованных видах вооружений и обстоятельствах обстрелов, а также информацию о доступных альтернативных видах вооружений. Я не считаю, что можно сделать какие-либо надежные выводы на основании тех ограниченных данных, которые имеются в моем распоряжении.

⁴⁹⁵ См. Решение Шевченковского районного суда г. Черновцы от 8 апреля 2017, на которое я ссылался в § 277(a) выше.

⁴⁹⁶ Заключение Брауна, § 85.

ДОПОЛНЕНИЕ 1. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ ОТНОСИТЕЛЬНО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАТАЛЬОНА «КИЕВ-2»

1. Мне показали ряд фотографий и видео, на которых, по всей видимости, запечатлены бойцы батальона «Киев-2», и попросили оценить, какую роль мог играть данный батальон в боевых действиях ВСУ.
2. В репортаже «Бой под Волновахой, сепаратисты потеряли огневые точки» (Рисунок 1)⁴⁹⁷ демонстрируются фрагменты боя, однако не могу сказать, был ли бой реальным или постановочным.

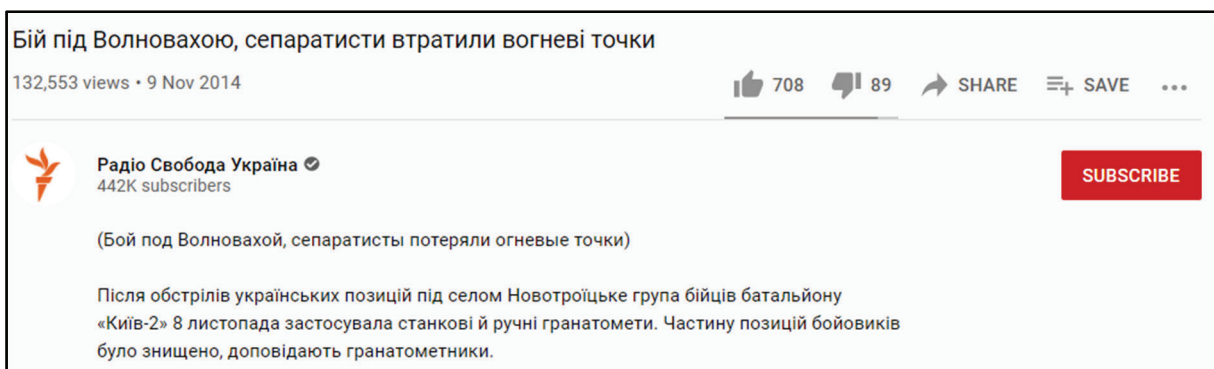

Рисунок 1 - Описание репортажа «Бой под Волновахой, сепаратисты потеряли огневые точки», опубликованного Радио Свобода Украина на Youtube 9 ноября 2014

3. Судя по приведенному выше описанию к видео, а также по комментариям самих бойцов, давших интервью в этом видео, в задачи батальона, по всей видимости, входили атаки вражеских позиций. Далее я бы хотел процитировать фрагменты разговора бойцов, которые говорят, как на русском, так и на украинском (я говорю на русском языке, однако значение приведенных ниже украинских слов мне ясно):

Боец-гранатометчик батальона Киев-2: «[Неразборчиво] с нашей группой накрывала ворожий блокпост. Нас 28 бригада прикрывала своим огнем с кулеметів, АГСов, ну и стелкового зброї».

Боец-гранатометчик батальона Киев-2 (2): «Задачей группы было накрыть вооруженный блокпост [неразборчиво]. В принципе задачу виконали».

Репортер: «З гранатометів?»

Боец-гранатометчик батальона Киев-2 (2): «З гранатометів, да. Задачу виконали. Слава Богу».

4. На кадрах также демонстрируется оружие батальона, а том числе станковые противотанковые гранатометы (СПГ-9) и ручные противотанковые гранатометы (РПГ) (Рисунки 2, 3).

⁴⁹⁷ Youtube канал Радио Свобода Украина, «Бой под Волновахой, сепаратисты утратили огневые точки», доступно по ссылке: https://www.youtube.com/watch?v=rKAO9JGw_TA, 9 ноября 2014 (Приложение 224).

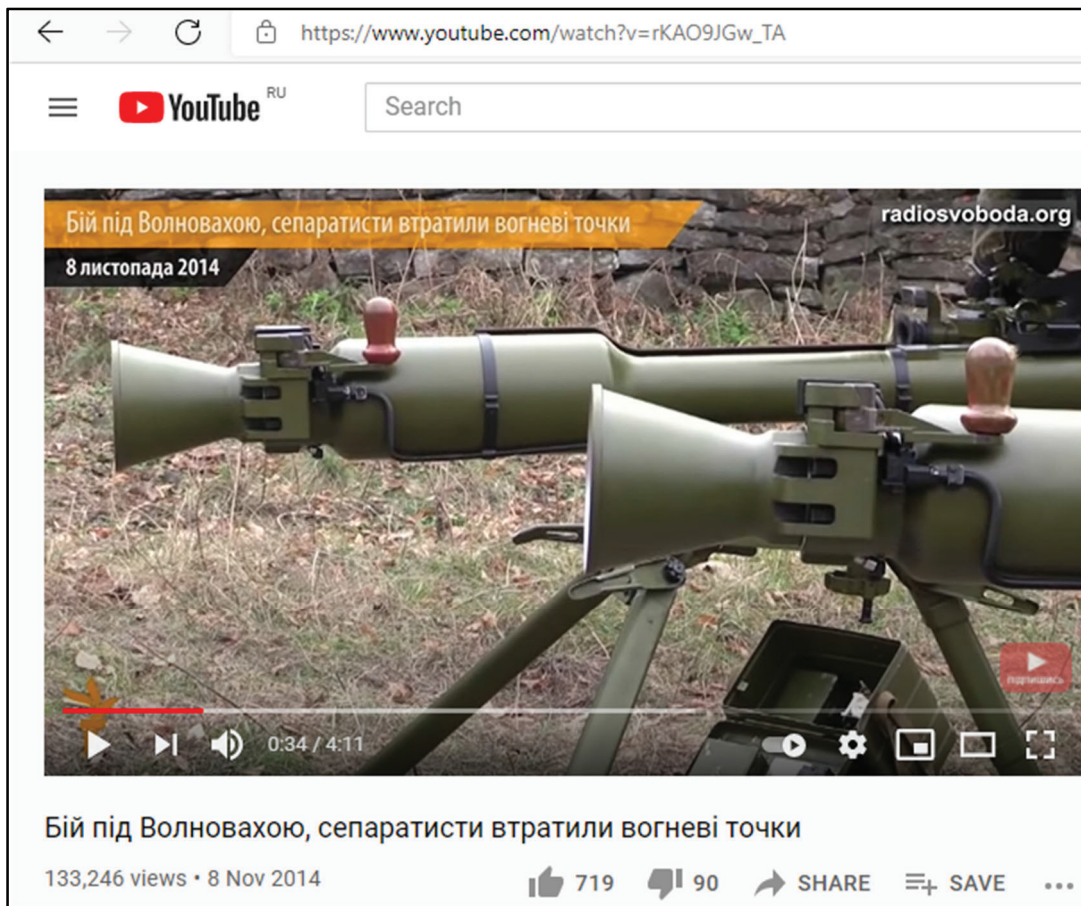

Рисунок 2 - Снимок экрана, демонстрирующий СПГ-9

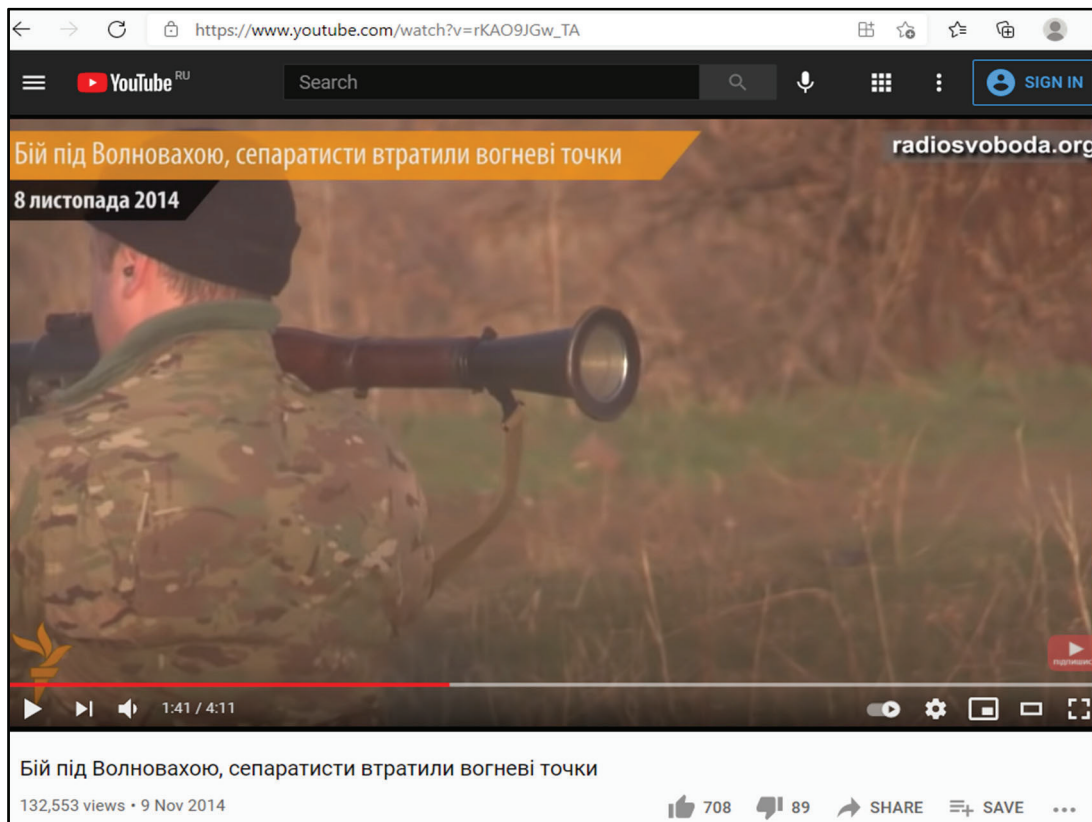

Рисунок 3 - Снимок экрана, демонстрирующий РПГ

5. Оценивая утверждения самих бойцов батальона, я бы сказал, что, при наличии указанного вооружения, они действительно могли атаковать позиции противника.
6. На одном из видео, опубликованном в 2019 году, как я понимаю,⁴⁹⁸ заместителем командира батальона, демонстрируется, как могла производиться подобная атака⁴⁹⁹ (Рисунок 4).

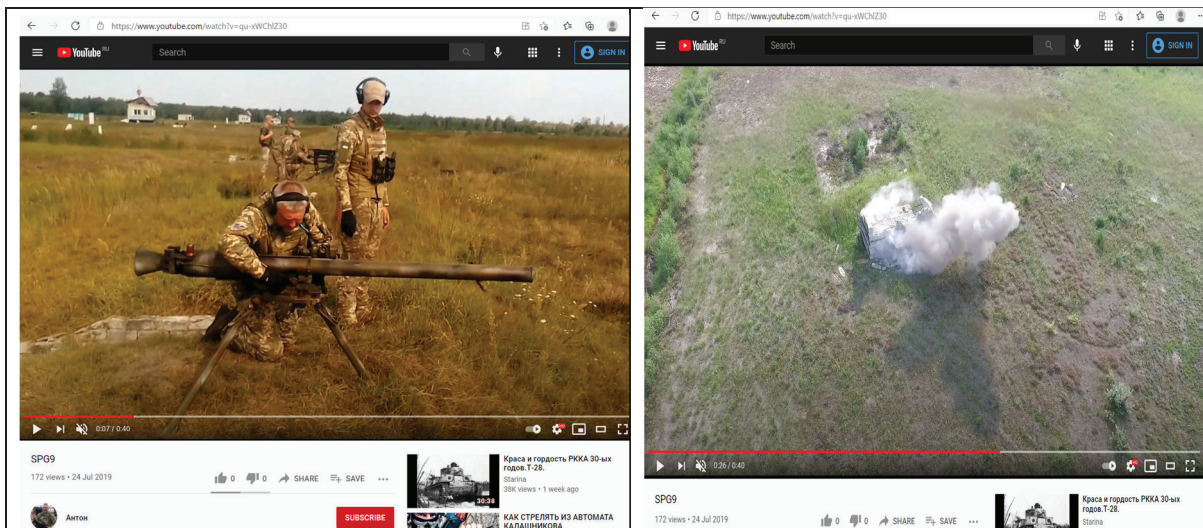

Рисунок 4 - Кадры видео “SPG9”

7. На основании вышеуказанных видеозаписей и информации из открытых источников, представленной ниже, я прихожу к выводу, что батальон, действительно, мог выполнять боевые задачи, поражая огневые точки, бронеемкости, позиции артиллерии выдвинутые на прямую наводку и др. Например, на странице Facebook, по всей видимости принадлежащей батальону Киев-2, указано следующее (Рисунок 5).⁵⁰⁰

Рисунок 5 - Публикация Батальона «Киев-2» в социальной сети Facebook

⁴⁹⁸ Youtube канал *Громадське ТБ Запоріжжя*, снимок экрана видеозаписи «Расстрел блокпоста у Волновахи. Рассказ очевидцев», доступно по ссылке: https://youtu.be/7QxMvU4A_p8?t=20, 16 января 2015 (Приложение 183).

⁴⁹⁹ Youtube канал Антон, «SPG9», доступно по ссылке: <https://youtu.be/qu-xWChlZ30>, 24 июля 2019 (Приложение 239).

⁵⁰⁰ Страница Батальона особого назначения «Киев-2» на Facebook, доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/BN.Kyiv2/posts/1603216863224759>, 25 января 2015 (Приложение 192).

8. Из следующего источника я делаю вывод, что выполняемые личным составом батальона задачи включали также ведение разведки (Рисунок 6).⁵⁰¹

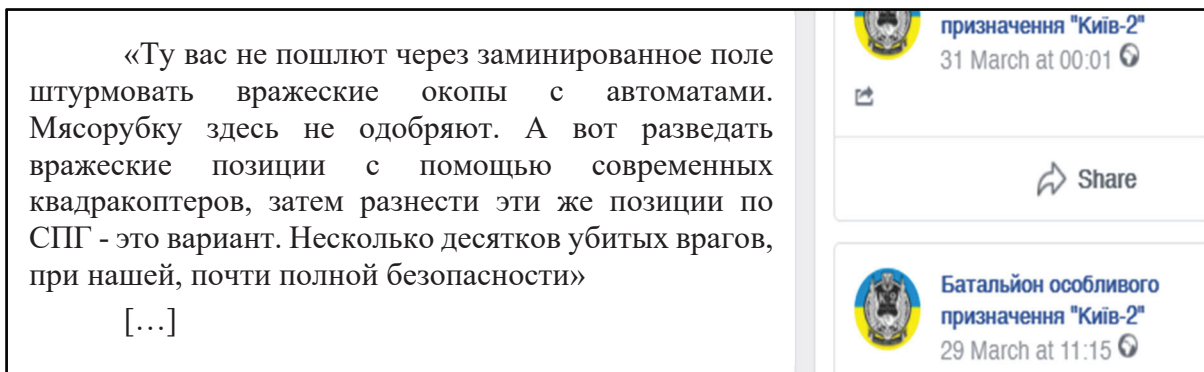

Рисунок 6 - Публикация Батальона «Киев-2» в социальной сети Facebook

9. Судя по информации, доступной в открытых источниках, представляется, что батальон мог вести разведку вблизи населенных пунктов (см. Рисунок 7), в которых шли активные боевые действия, в том числе в тех, рядом с которыми в Заключении Бобкова указано на множество следов применения артиллерии (воронок).⁵⁰²

⁵⁰¹ Страница Батальона особого назначения «Киев-2» на Facebook, доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/BN.Kyiv2/posts/1575861585960287>, 18 ноября 2014 (Приложение 154).

⁵⁰² Заключение Бобкова, § 55, Рисунок 24.

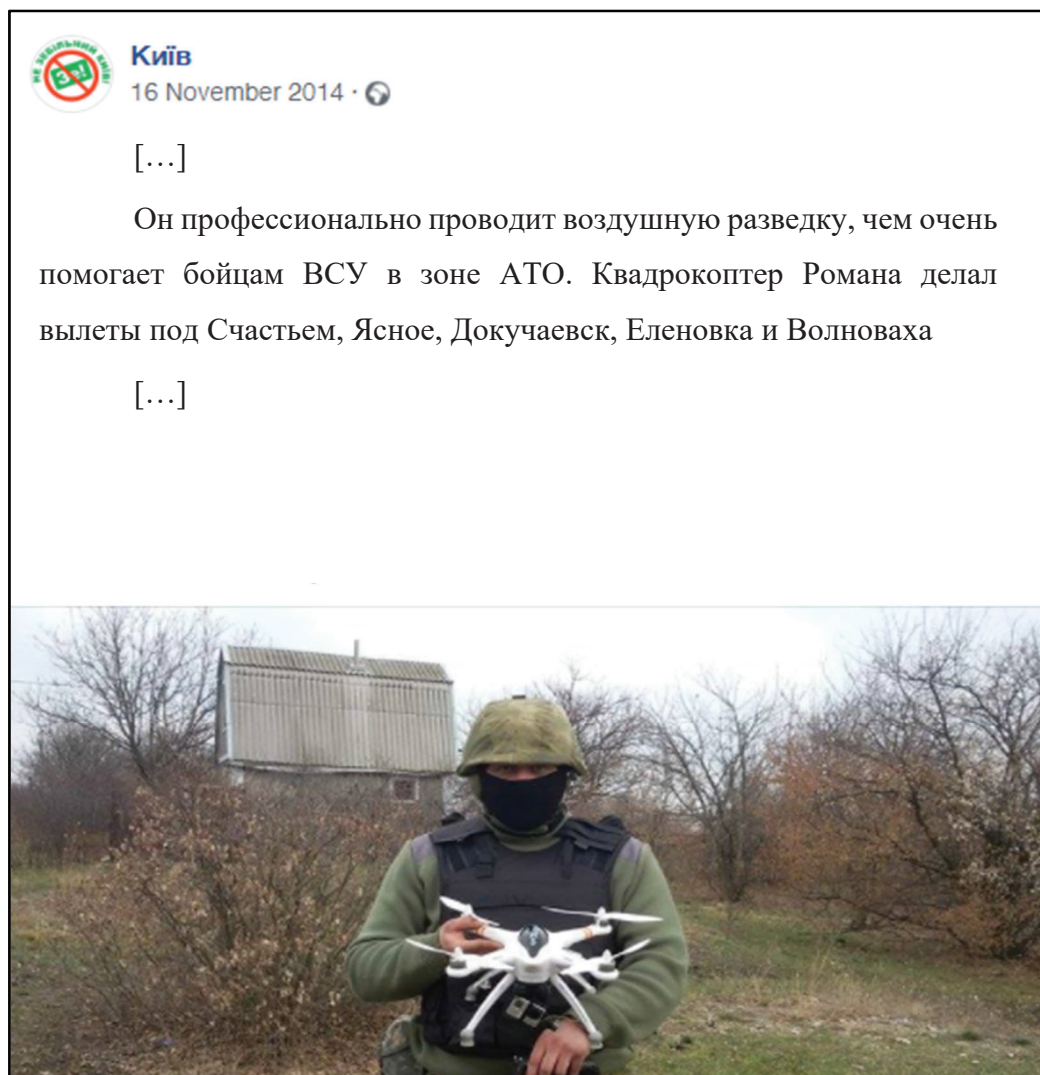

Рисунок 7 - Публикация Батальона «Киев-2» в социальной сети *Facebook*⁵⁰³

⁵⁰³ Страница Facebook «Киев», доступно по ссылке: <https://www.facebook.com/044.Kyiv/posts/736355026412539>, 17 ноября 2014 (Приложение 153).

ДОПОЛНЕНИЕ 2. ВОЕННЫЕ ЦЕЛИ В АВДЕЕВКЕ

А. Передвижение военной техники в Авдеевке

1. Мне был предоставлен ряд публично доступных фотографий и видео, которые демонстрируют передвижение военной техники по дорогам Авдеевки. Представляется, что эти материалы демонстрируют значительное военное присутствие в Авдеевке в январе-марте 2017 года.
2. 31 января 2017 года Би-би-си опубликовало видеорепортаж об обострении военной обстановки у Авдеевки.⁵⁰⁴ Корреспондент запечатлел движение танка Т-64БВ по улице вблизи многоэтажного дома (Рисунок 1). Согласно Заклчению Бобкова,⁵⁰⁵ танк был запечатлен на пересечении улиц Грушевского и Коммунальной.

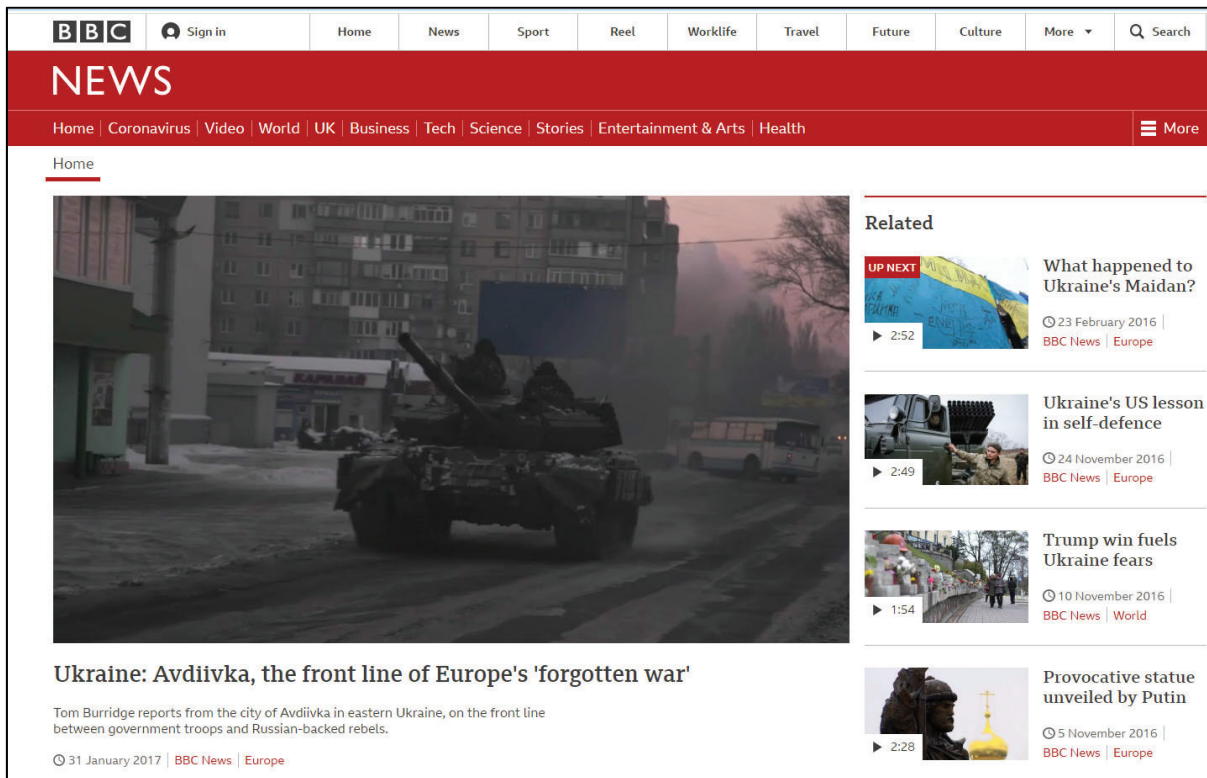

Рисунок 1 - Снимок экрана видеорепортажа Би-би-си

3. 31 января 2017 года издание «Крым.Реалии» опубликовало фотографию БРДМ-2, передвигающейся по улице рядом с одноэтажным частным домом (Рисунок 2). В описании фотографии указано: «Полиция в Авдеевке, 31 января 2017».⁵⁰⁶

⁵⁰⁴ BBC News, «Украина: Авдеевка, передовая “забытой войны” в Европе», 31 января 2017, <https://www.bbc.com/news/av/world-europe-38818543> (Приложение 37 к Предварительным возражениям Российской Федерации)

⁵⁰⁵ Заключение Бобкова, § 121.

⁵⁰⁶ Крым.Реалии, «Из Авдеевки: «Главное, чтобы из Донецка перестали «фигачить» «Грады», 31 января 2017, <https://ru.krymr.com/a/28270453.html> (Приложение 126).

Рисунок 2 - Полиция в Авдеевке, 31 января 2017

4. Фотограф Кристофер Миллер опубликовал несколько фотографий, которые, по его словам, были сделаны в Авдеевке в феврале 2017 года. Сопровождающие изображения подписи также подразумевают его непосредственное присутствие в данном районе.
- а) 1 февраля 2017 года он опубликовал фотографию (Рисунок 3) бронированной машины «Казак» с установленным на ее крыше 12,7-мм пулеметом НСВТ, движущейся по дороге в районе частной застройки.⁵⁰⁷ Судя по сопровождающему фотографии тексту, снимок был сделан в Авдеевке: «Смерть и отчаяние в #Авдеевке, восточная #Украина. Такого боя, как развернулся сейчас, я не видел с февраля 2015. Но (все еще?) не на уровне Дебальцево».

⁵⁰⁷ Страница в Твиттер фотографа Кристофера Миллера, доступно по ссылке: <https://twitter.com/ChristopherJM/status/826815510130069504>, 1 февраля 2017 (Приложение 206).

Рисунок 3 - Бронеавтомобиль «Казак» на дорогах Авдеевки

- б) 2 февраля 2017 года Кристофер Миллер на своей странице в Твиттер опубликовал две фотографии (Рисунки 4 и 5) БМП. Фотографию сопровождает следующий текст: «Сегодня на дороге в #Авдеевке. Трафик в восточной #Украине уже выглядит ближе к тому, что было несколько лет назад».⁵⁰⁸

⁵⁰⁸ Страница в Твиттер фотографа Кристофера Миллера, доступно по ссылке: <https://twitter.com/ChristopherJM/status/826905101398896640>, 2 февраля 2017 (Приложение 207).

Рисунок 4 - БМП на дорогах Авдеевки

Рисунок 5 - БМП на дорогах Авдеевки

- с) 3 февраля 2017 года Кристофер Миллер опубликовал на своей странице в Твиттер фотографию танка Т-64БВ (Рисунок 6). Фотографию сопровождает следующий текст: «Шесть украинских танков в пути сегодня в #Авдеевке, восточная #Украина. В течение ночи, стороны участвовали в ожесточенных артиллерийских боях».⁵⁰⁹

⁵⁰⁹ Страница в Твиттер фотографа Кристофера Миллера, доступно по ссылке: <https://twitter.com/ChristopherJM/status/827398463088242690>, 3 февраля 2017 (Приложение 210).

Рисунок 6 - Снимок экрана публикации Кристофера Миллера

d) 3 февраля 2017 года Кристофер Миллер опубликовал фотографию военной техники – двух танков Т-64БВ, движущихся по дороге вблизи частного дома. Твит сопровождался следующим описанием (Рисунок 7):⁵¹⁰ «Высокая активность украинских танков в #Авдеевке. Активна была и вся артиллерия. С обеих сторон.

⁵¹⁰ Страница в Твиттер фотографа Кристофера Миллера, доступно по ссылке: <https://twitter.com/ChristopherJM/status/827543299703599104>, 3 февраля 2017 (Приложение 212).

Больше смерти и разрушений. Война пережевывает жизни». Согласно оценке Кристофера Миллера, которой тот поделился в комментариях к публикации, украинские танки не только оживленно передвигались за линией фронта, но и активно вели стрельбу.⁵¹¹

Рисунок 7 - Снимок экрана публикации Кристофера Миллера

⁵¹¹ Страница в Твиттер фотографа Кристофера Миллера, доступно по ссылке: <https://twitter.com/ChristopherJM/status/827543299703599104>, 3 февраля 2017 (Приложение 211).

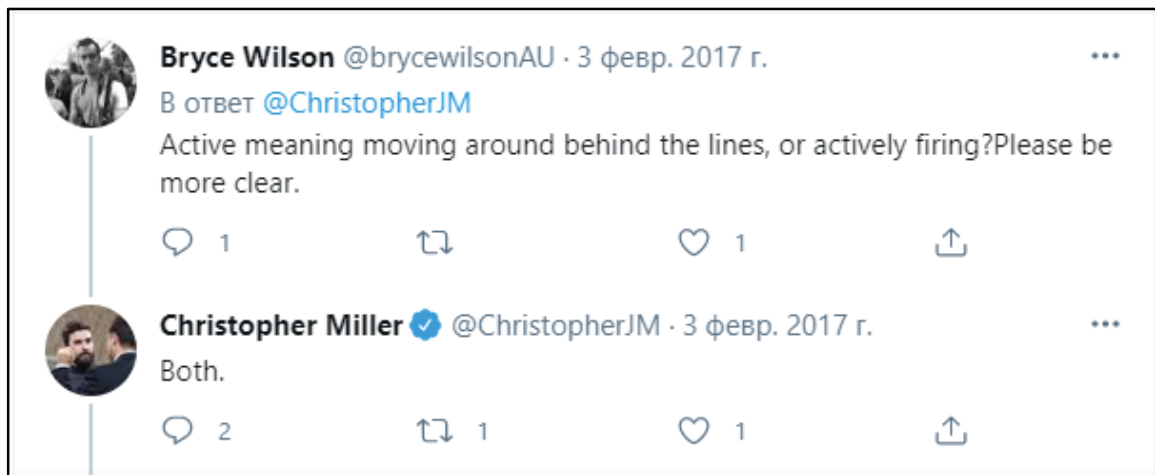

Рисунок 8 - Снимок экрана комментариев Кристофера Миллера к его посту

5. 6 февраля 2017 года, European Press Agency опубликовало фотографию БРЭМ, движущейся по улице вблизи четырнадцатизэтажного здания (Рисунок 9). Описание фотографии гласит: «Украинские военнослужащие передвигаются на бронетранспортере (БТР) по улицам Авдеевки, Донецкая область, Украина, 06 февраля 2017».⁵¹² Согласно Заклчению Бобкова,⁵¹³ эта фотография была сделана вблизи здания по адресу ул. Грушевского, 81, в которое произошло попадание 17 февраля 2017 года.⁵¹⁴

Рисунок 9 – БРЭМ (бронированная ремонтно-эвакуационная машина), движущаяся по дороге вблизи ул. Грушевского, 81

⁵¹² European press agency, «Кризис в Украине», 6 февраля 2017, <https://webgate.epra.eu/?16634349628007773501&MEDIANUMBER=53307517> (Приложение 135).

⁵¹³ Заклчение Бобкова, § 127.

⁵¹⁴ Отчет МППЧ, стр. 50.

6. 8 февраля 2017 года издание Аль-Джазира опубликовало очередную фотографию танка Т-64БВ, движущегося по улице вблизи частных домов (Рисунок 10).⁵¹⁵ Описание фотографии гласит: «Украинский танк передвигается по улицам охваченной войной Авдеевки, на передовой войны на Украине [Джон Вендл/Аль-Джазира]».

Рисунок 10 - Фотография украинского танка в Авдеевка, опубликованная Аль-Джазира

7. Видеорепортаж Vice news из Авдеевки (впервые опубликован 14 февраля 2017 года) запечатлел передвижения военных грузовиков по улицам вблизи частных домов и многоэтажных зданий (Рисунки 11-13).⁵¹⁶ Согласно Заклочению Бобкова, военные грузовики, изображенные на Рисунках 11-12, были запечатлены вблизи ул. Грушевского, 73, 75, 78, 79.⁵¹⁷

⁵¹⁵ *Al Jazeera*, «Авдеевка, снова эвакуация по мере обострения боевых действий», 8 февраля 2017, <https://www.aljazeera.com/features/2017/2/8/Avdiivka-evacuating-again-as-fighting-escalates> (Приложение 136).

⁵¹⁶ *Vice*, «Мирные жители бегут из города Авдеевка на востоке Украины из-за обострения боевых действий с поддерживаемыми Россией сепаратистами», 23 февраля 2017, <https://www.vice.com/en/article/595vnd/civilians-flee-east-ukraine-town-of-Avdiivka-as-fighting-with-russian-backed-separatists-escalates> (Приложение 237).

⁵¹⁷ Заключение Бобкова, § 124.

Рисунок 11 - Снимок экрана видеорепортажа Vice News

Рисунок 12 - Снимок экрана видеорепортажа Vice News

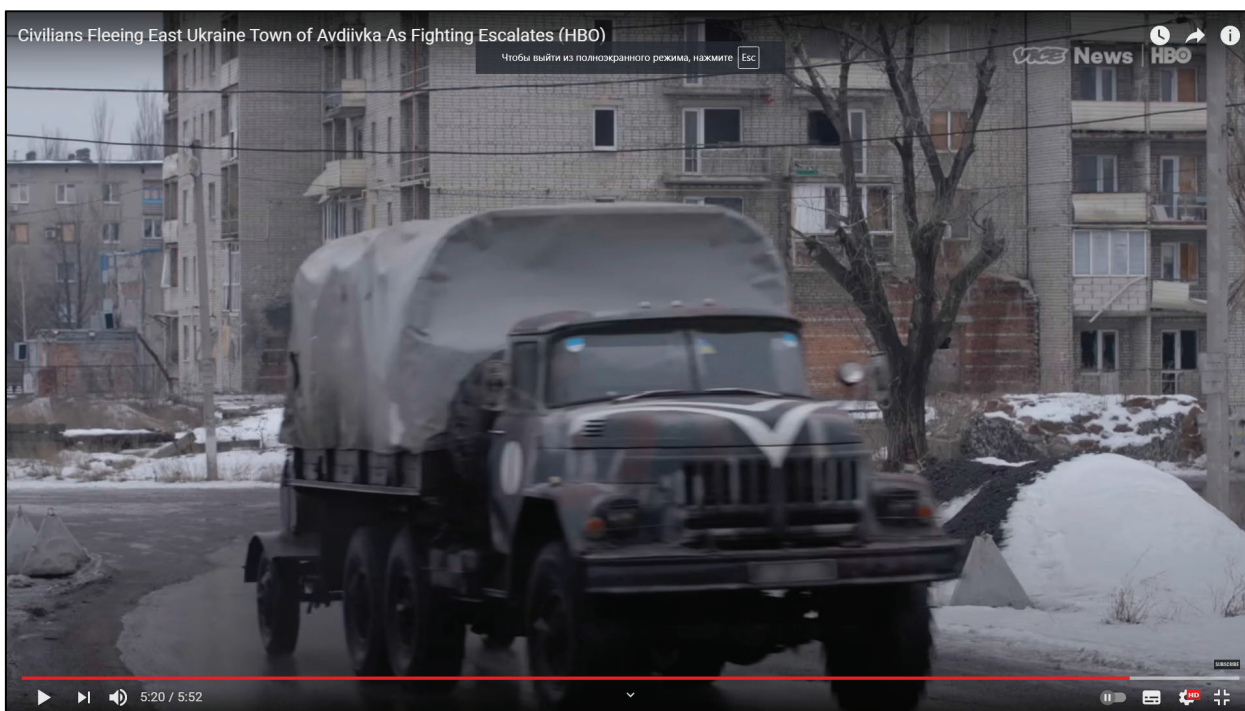

Рисунок 13 - Снимок экрана видеорепортажа Vice News

8. Приведенные выше материалы демонстрируют, что различные единицы военной техники активно передвигались по улицам Авдеевки в январе-марте 2017 года. Процитированные выше комментарии господина Миллера свидетельствуют, что только часть всех передвижений военной техники была запечатлена журналистами.

В. Военная позиция около ул. Воробьева

9. Мне был предоставлен ряд материалов, однозначно свидетельствующих о том, что ВСУ постоянно дислоцировались и размещали тяжелое вооружение на ул. Воробьева, 15 и вблизи соседних зданий.

1. Использование ВСУ зданий по ул. Воробьева в военных целях

10. УВКПЧ сообщало, что «[с] февраля 2015 года жильцы дома № 15 по улице Воробьева в Авдеевке (территория Донецкой области, контролируемая Правительством) были вынуждены покинуть свои квартиры по соображениям безопасности и защиты, возникшим из-за присутствия военнослужащих Вооруженных Сил Украины и сотрудников других правоохранительных органов. Жители квартир сообщили, что с 2014 года украинские военные и правоохранители занимают некоторые пустые квартиры и попросили остальных жильцов освободить свое жилье. Оставшиеся страдали от сильных артиллерийских обстрелов».⁵¹⁸
11. В отчете МППЧ также указано на «Военный контрольный пункт ВСУ на улице Воробьева, разделяющий старую и новую части города, с военнослужащими размещенными в жилых домах поблизости».⁵¹⁹ Украина также отметила здание по

⁵¹⁸ УВКПЧ, Доклад о ситуации с правами человека в Украине 16 мая – 15 августа 2019 года, https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/ReportUkraine16May-15Aug2019_RU.pdf (Приложение 31), стр. 11.

⁵¹⁹ Отчет МППЧ, § 87.

адресу ул. Воробьева, 15 и улицу рядом с этим зданием как казармы ВСУ и военный блокпост.⁵²⁰

12. Таким образом, открытыми источниками подтверждается присутствие ВСУ в здании по адресу ул. Воробьева, 15, которое, я считаю, должно считаться военной целью.

2. Размещение военной техники на улице Воробьева в январе-февраля 2017 года

13. 1 февраля 2017 года СММ ОБСЕ сообщила о том, что «наблюдатели видели 4 танка (Т-64) за зданием в Авдеевке».⁵²¹ 3 февраля 2017 года Bellingcat опубликовал статью «Украинские танки в жилом квартале Авдеевки»,⁵²² в которой Bellingcat установил, что фотографии танков и другой военной техники были сделаны около здания по адресу ул. Воробьева, 15. Разумно предположить, что наблюдатели СММ ОБСЕ видели те же танки, что были проанализированы Bellingcat.
14. Bellingcat опубликовал следующие фотографии военной техники (модели которых я определил по внешнему виду на основании моего опыта службы в армии, если иное прямо не указано в данном Заключении):
- а) Фотографию двух танков модели Т-64БВ (Рисунок 14).

Рисунок 14 - Фотография двух танков модели Т-64БВ из статьи Bellingcat

⁵²⁰ Карта повреждений от обстрелов в Авдеевке (Приложение 28 к Меморандуму Украины).

⁵²¹ ОБСЕ, Последние данные из Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основании полученной информации по состоянию на 19:30 (1 февраля 2017 г.) (Приложение 344 к Меморандуму Украины).

⁵²² Bellingcat, «Украинские танки в жилом квартале Авдеевки», 3 февраля 2017, <https://ru.bellingcat.com/novosti/ukraine/2017/02/03/ukr-tanks-avdiivka-ru/> (Приложение 258).

- б) Фотографию двух танков модели Т-64БВ, двух бронетранспортеров модели «Саксон»,⁵²³ военного грузовика модели Газ-66 и военнослужащих, расположенных вокруг этой военной техники (Рисунок 15).

Ukrainian soldiers and tanks in Avdiivka, Ukraine, in Feb. 2, 2017. (Brendan Hoffman / Getty Images)

Рисунок 15 - Танки модели Т-64БВ, два бронетранспортера модели «Саксон», военный грузовик модели Газ-66 из статьи Bellingcat

- с) Два снимка с БПЛА, один из которых, согласно Bellingcat,⁵²⁴ был опубликован Центром беспилотной авиации ДНР 29 января 2017 года, а второй – командиром батальона ДНР «Восток» Александром Ходаковским 2 февраля 2017 года.
- На снимке от 29 января 2017 года, по всей видимости, запечатлено несколько единиц военной техники. Скорее всего, на снимке запечатлены: (1) два МТ-ЛБ (в центральной части снимка), (2) БТР (скорее всего, БТР-60ПБ), и (3) БМП (скорее всего, БМП-2 (в нижней части снимка), - размещенные около зданий по адресу ул. Воробьева, 15 и ул. Грушевского, 38 соответственно (Рисунок 16).

⁵²³ Я установил модель данного бронетранспортера, используя: *Российская Газета*, ««Саксоны» хороши для англосаксов», 11 марта 2015, <https://rg.ru/2015/03/12/sakson.html> (Приложение 231).

⁵²⁴ *Bellingcat*, «Украинские танки в жилом квартале Авдеевки», 3 февраля 2017: <https://ru.bellingcat.com/novosti/ukraine/2017/02/03/ukr-tanks-avdiivka-ru/> (Приложение 258): «Сторонники так называемой «Донецкой народной республики» опубликовали два снимка с БПЛА, снятых, по их заявлениям, 29 января и 2 февраля 2017 года. Первый из снимков появился на сайте Strelkov-info.ru со ссылкой на «Центр беспилотной авиации ДНР» [...] 2 февраля командир батальона «Восток» Александр Ходаковский опубликовал снимок с беспилотника, на котором видны три танка, припаркованных в жилом квартале».

Рисунок 16 - Снимок с БПЛА от 29 января из статьи Bellingcat

- На снимке от 2 февраля 2017 года, по всей видимости, запечатлены 3 танка, припаркованные за зданием по ул. Воробьева, 15 (Рисунок 17).

Рисунок 17 - Снимок с БПЛА от 2 февраля из статьи Bellingcat

15. Кроме того, на сайте Associated Press был опубликован ряд фотографий, в описании к которым указано, что они были сделаны в Авдеевке 2 февраля 2017 года. В частности, Associated Press были опубликованы три фотографии, на которых военнослужащие осуществляли загрузку танковых снарядов в танк. На этих фотографиях виден военный грузовик Урал-43203, загруженный 125-мм осколочно-фугасными танковыми снарядами. Военнослужащие загружают эти снаряды в танк, вероятно модели Т-64БВ (Рисунки 18-20).
- а) Фотография ниже была размещена с подписью «Украинские военнослужащие в Авдеевке загружают боекомплекты в танк, Восточная Украина, Четверг, Фев. 2, 2017»; согласно данным, представленным Associated Press, фотография была сделана фотографом Евгением Малолетка 2 февраля 2017 года в 09:54:46.⁵²⁵

⁵²⁵ AP Images, «Украинские военнослужащие загружают боеприпасы в танк в Авдеевке», 2 февраля 2017, 09:54:46, <http://www.apimages.com/metadata/Index/Ukraine/b3692532e7854461a3f50f75af9c1e84/104/0> (Приложение 129).

Рисунок 18 - Грузовик со 125-мм осколочно-фугасными танковыми снарядами

- б) Фотография ниже была размещена с подписью «Украинские военнослужащие в Авдеевке загружают боекомплекты в танк, Восточная Украина, Четверг, Фев. 2, 2017»; согласно данным, представленным Associated Press, фотография была сделана фотографом Евгением Малолетка 2 февраля 2017 года в 09:56:20.⁵²⁶

⁵²⁶ AP Images, «Украинские военнослужащие загружают боеприпасы в танк в Авдеевке», 2 февраля 2017, 09:56:20, <http://www.apimages.com/metadata/Index/Ukraine/547e656520ca4fb898129c0b8d9fbc26/103/0> (Приложение 133).

Рисунок 19 - Осуществляется загрузка 125-мм осколочно-фугасных танковых снарядов в танк

- с) Фотография ниже была размещена с подписью «Украинские военнослужащие в Авдеевке загружают боекомплекты в танк, Восточная Украина, Четверг, Фев. 2, 2017»; Согласно данным, представленным Associated Press, фотография была сделана фотографом Евгением Малолетка 2 февраля 2017 года в 09:56:34.⁵²⁷

⁵²⁷ AP Images, «Украинские военнослужащие загружают боеприпасы в танк в Авдеевке», 2 февраля 2017, 09:56:34, <http://www.apimages.com/metadata/Index/Ukraine/8eb784291fa04e7bac35ecbf2e2d1be3/105/0> (Приложение 127).

Рисунок 20 - Осуществляется загрузка 125-мм осколочно-фугасных танковых снарядов в танк

16. Мне точно неизвестно, где были сделаны эти фотографии. Однако я хочу отметить, что мне также были предоставлены следующие фотографии танков, опубликованные Associated Press и изданием Reuters.
- а) Подпись к фотографии ниже (Рисунок 21) гласит: «Украинский военнослужащий проходит мимо украинских танков в Авдеевке, Восточная Украина, четверг, Фев. 2, 2017». Согласно данным, представленным Associated Press, фотография была сделана фотографом Евгением Малолетка 2 февраля 2017 года в 09:51:44,⁵²⁸ то есть за три минуты до того, как была сделана фотография погрузки танковых снарядов в танк (Рисунок 18). Следовательно, я считаю очень вероятным, что фотографии, представленные на Рисунках 18-20, и фотография, представленная на Рисунке 21, сделаны недалеко друг от друга. Согласно Заклчению Бобкова, фотография, представленная на Рисунке 21, была сделана во дворе ул. Воробьева, 15.⁵²⁹

⁵²⁸ AP Images, «Украинский военнослужащий проходит мимо украинских танков в Авдеевке», 2 февраля 2017, 09:51:44, <http://www.apimages.com/metadata/Index/Ukraine/b48e3a999f1e4c8291d2b3ea2acce773/92/0> (Приложение 128).

⁵²⁹ Заклчение Бобкова, § 110.

Рисунок 21 - Фотография танков в Авдеевке, сделанная за три минуты до фотографии, запечатлевшей загрузку танковых снарядов

- b) Фотографии похожей техники были также опубликованы изданием Reuters (Рисунки 22,⁵³⁰ 23⁵³¹ и 24⁵³²). Согласно данным, представленным Reuters, эти фотографии были также сделаны 2 февраля 2017 года. Согласно ЗаклЮчению Бобкова, эти фотографии были сделаны во дворе ул. Воробьева, 15.⁵³³

⁵³⁰ Reuters, «Танки видны в подконтрольном правительству промышленном городе Авдеевка», 2 февраля 2017, <https://pictures.reuters.com/archive/UKRAINE-CRISIS-RUSSIA-PUTIN-RC1B8DE2B4C0.html> (Приложение 130)

⁵³¹ Reuters, «Танки видны в подконтрольном правительству промышленном городе Авдеевка», 2 февраля 2017, <https://pictures.reuters.com/archive/UKRAINE-CRISIS-RUSSIA-PUTIN-RC15B5089D50.html> (Приложение 132)

⁵³² Reuters, «Танки видны в подконтрольном правительству промышленном городе Авдеевка», 2 февраля 2017, <https://pictures.reuters.com/archive/UKRAINE-CRISIS-RUSSIA-PUTIN-RC14AF7A6EB0.html> (Приложение 131)

⁵³³ Заключение Бобкова, § 110.

Рисунок 22 - Военная техника во дворе ул. Воробьева, 15 в Авдеевке

Рисунок 23 - Военная техника во дворе ул. Воробьева, 15 в Авдеевке

Рисунок 24 - Военная техника во дворе ул. Воробьева, 15 в Авдеевке

17. Таким образом, поскольку фотография, приведенная на Рисунке 21, была сделана на ул. Воробьева, 15, то представляется очень вероятным, что фотографии, запечатлевшие загрузку танковых снарядов в танк (Рисунки 18-20) также были сделаны поблизости от этого здания (поскольку эти фотографии сделаны с разницей в три минуты).
18. Если в танки на ул. Воробьева, 15 осуществлялась загрузка 125-мм осколочно-фугасных танковых снарядов, эти танки могли осуществлять огонь по позициям ДНР с различных позиций поблизости. Скорее всего, танки меняли огневые позиции, чтобы избежать ответного огня и использовали здания в качестве щита, в том числе для перезарядки. Я считаю, что эти танки были очевидной военной целью и что, размещая танки в жилых районах, Украина подвергла близлежащие жилые здания серьезной угрозе. Эта угроза могла быть особо значительной, если близлежащие районы также были выбраны в качестве огневых позиций. Однако, я не обладаю информацией по этому поводу.
19. Кроме того, военная техника ВСУ, по всей видимости, передвигалась вблизи ул. Воробьева, 15 и после начала февраля 2017 года. Например, 12 февраля 2017 года на сайте украинского телеканала «ТСН» был опубликован репортаж из Авдеевки,⁵³⁴ в котором запечатлено передвижение бронетранспортера (Рисунок 25). Согласно

⁵³⁴ *ТСН*, «Украинские военные в полной секретности заняли новые позиции возле стратегической трассы на Донбассе», 12 февраля 2017, <https://tsn.ua/ru/ato/ukrainskie-voennye-v-polnoy-sekretnosti-zanyali-novye-pozicii-vozle-strategicheskoy-trassy-na-donbasse-803353.html> (Приложение 235).

Заключению Бобкова данный фрагмент видео был сделан при выезде из двора дома по ул. Воробьева 15 на улицу Грушевского.⁵³⁵

Рисунок 25 - Бронетранспортер вблизи ул. Воробьева, 15 из видеорепортажа ТСН от 12 февраля 2017 года

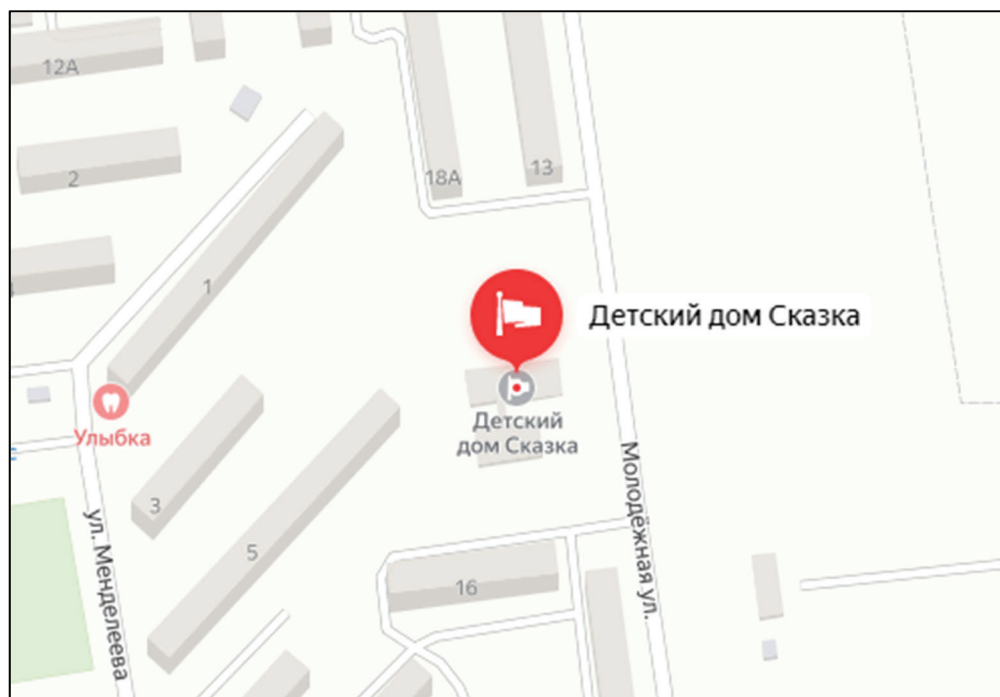
20. В целом, фотографии приведенные выше указывают на серьезное военное присутствие вблизи ул. Воробьева, 15, по крайней мере, 2 февраля 2017 года – в день, когда соседние здания попали под обстрел,⁵³⁶ – и присутствие военной техники в этом районе в другие периоды февраля 2017 года.

С. Позиции ВСУ на ул. Молодежная, 13 и 15

21. Мне были предоставлены материалы, из которых следует, что подразделения ВСУ имели постоянное место дислокации по адресу ул. Молодежная, 15 (бывший детский дом) (Рисунок 26), а также были замечены за размещением военной техники около ул. Молодежная, 13 (Рисунок 27).

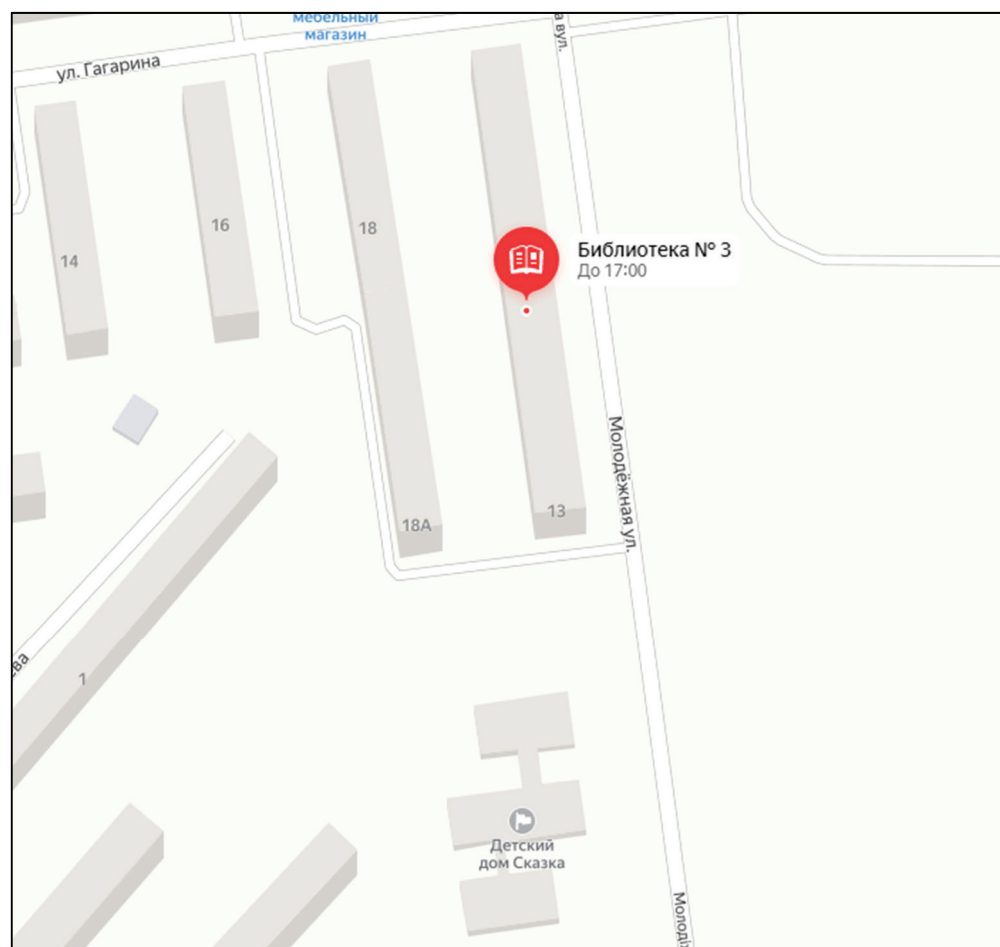
⁵³⁵ Заключение Бобкова, § 116.

⁵³⁶ Отчет МППЧ, стр. 49.

Данные карт: © Яндекс.

Рисунок 26 - Детский дом на ул. Молодежная, 15, обозначенный на Яндекс.Карты

Данные карт: © Яндекс.

Рисунок 27 - Библиотека на ул. Молодежная, 13, обозначенная на Яндекс.Карты

22. В 2016 году Human Rights Watch сообщало, что «на момент обстрелов в нескольких кварталах присутствовал ряд военных целей, включая блокпост и занятый украинскими военными детский дом, которые располагались в нескольких кварталах от школ [номер 2 и 5]». ⁵³⁷ Согласно данным Human Rights Watch, «8 ноября 2015 г. ворота и вход в детский дом были обложены мешками с песком, а по деревьям и на части стены была натянута камуфляжная сетка. Глава военно-гражданской администрации не разрешил нам пройти внутрь, сказав, что в здании до сих пор находятся солдаты, а все 50 детей, которые там жили до войны, давно эвакуированы». ⁵³⁸
23. СММ ОБСЕ сообщала 7 сентября 2016 года: «Второе место предполагаемого местонахождения военнослужащих было расположено на улице Молодёжной. Приехав на место, наблюдатели увидели частично разрушенное здание с выбитыми окнами. Во дворе находились два замаскированных военных фургона и камуфляжные сети. По словам офицера ВСУ, который сопровождал патруль СММ во время выезда по данному адресу 22 августа, дети-сироты были эвакуированы из приюта еще в 2014 году в связи с конфликтом». ⁵³⁹ В феврале 2017 года в тематическом отчете ОБСЕ (составлен на основе наблюдений с мая по конец сентября 2016 года), по всей видимости привело описание того же места: «В подконтрольной правительству Авдеевке Донецкой области, недалеко от библиотеки и детского дома, наблюдатели видели военную технику и личный состав, а также камуфляжные сетки и мешки с песком». ⁵⁴⁰
24. В отчете МППЧ подтверждено размещение казарм ВСУ на базе старого здания приюта в районе «Химик». ⁵⁴¹ В отчете «Жаркая зима», подготовленном МППЧ и Truth Hounds, по всей видимости, эта же позиция была описана как возможная военная цель: «Судя по тому, в какой район попадали снаряды от обстрела 2 февраля, возможно предположить, что целью нападения был[а] [...] казарма с 30-50 военнослужащими, которые проживали в ней более 2 лет». ⁵⁴² 2 февраля 2017 года здания вблизи ул. Молодежная, 15, попали под обстрел. Следовательно, в отчете «Жаркая зима» скорее всего содержится указание на «казарму» по адресу ул. Молодежная д. 15.
25. 6 августа 2018 года и 6 ноября 2019 года украинские суды обозначали дом 15 по ул. Молодежная как «место расположения добровольческого батальона Правого Сектора» ⁵⁴³ (неясно, дислоцировался ли именно этот батальон в Авдеевке в январе –марте 2017 года).

⁵³⁷ Human Rights Watch, «Уроки под огнем, Обстрелы школ и использование школ в военных целях в ходе вооруженного конфликта на востоке Украины», 11 февраля 2016, https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/ukraine0216_rusweb.pdf (Приложение 83), стр. 38.

⁵³⁸ Там же, стр. 49.

⁵³⁹ СММ ОБСЕ, Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основе информации, поступившей по состоянию на 19:30 6 сентября 2016 года, 7 сентября 2016, <https://www.osce.org/ru/ukraine-smm/263141> (Приложение 11).

⁵⁴⁰ ОБСЕ, Тематический отчет «Тяжелое положение гражданского населения, пострадавшего от конфликта на востоке Украины», февраль 2017, <https://www.osce.org/files/f/documents/2/d/300281.pdf> (Приложение 18), стр. 22,

⁵⁴¹ Отчет МППЧ, § 87.

⁵⁴² Отчет МППЧ «Жаркая зима» (Приложение 88), с. 30.

⁵⁴³ Украина, Селидовский городской суд, дело № 242/3786/18, Решение, 6 августа 2018, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/75716048> (Приложение 73); Украина, Орджоникидзевский районный суд г. Мариуполя, дело № 265/6438/19, Решение, 6 ноября 2019, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/85528051> (Приложение 78).

26. Таким образом, предоставленные материалы, по всей видимости, демонстрируют, что здание по адресу ул. Молодежная, 15, было потенциальной военной целью. Кроме того, согласно отчету ОБСЕ, ВСУ размещали свою военную технику вблизи библиотеки по адресу ул. Молодежная, 13. Если данные отчеты содержат достоверную информацию, по этим адресам находились потенциальные военные цели.

Д. Позиции ВСУ на ул. Заводской

27. Мне был предоставлен ряд судебных актов Украины, в которых указано на постоянное присутствие ВСУ вблизи заброшенного кирпичного (керамического) завода по ул. Заводской в 2015-2016 годах.

28. В январе 2017 года, Добропольский городской суд сослался на следующие материалы:⁵⁴⁴

«-письмо от 02.10.2015 года №5405 в ответ на письмо №50 / 2576 от 02.10.2015 года, согласно которому Штаб антитеррористической операции на территории Донецкой и Луганской областей сообщает о подтверждении: базирования с 21 по 26 июля 2015 военной техники и личного состава ВСУ, которые вовлечены в АТО, в г. Авдеевка Донецкой области в районе объектов, где осуществлялась геологоразведка местности и расположены угольные склады вблизи ул. Заводская (д. 122), Ясиноватского пер., а также обстрелов отдельных украинских объектов на этих позициях в указанный период».

29. В декабре 2017 года тот же суд подтвердил присутствие ВСУ на этом же месте в августе 2015 года:⁵⁴⁵

«03.08.2015 года, в 14:11:38 часов ЛИЦО_7, находясь в г. Авдеевка Донецкой области, точное местонахождение органами досудебного расследования не установлено, с собственного телефонного номера НОМЕР_5 позвонил участнику террористической организации «ДНР» ЛИЦО_8, на заведомо для него используемый им номер телефона НОМЕР_6 и с целью содействия участникам террористической организации «ДНР» в реализации их преступных намерений совершить преступления в отношении военнослужащих подразделений Вооруженных Сил Украины и других воинских формирований Украины, задействованных в проведении антитеррористической операции, и создания условий, способствующих этой преступной деятельности, передал последнему информацию о дислокации военной техники Вооруженных Сил Украины в г. Авдеевка Донецкой области, а именно, на кирпичном заводе».

30. Кроме того, украинский суд констатировал, что ВСУ открывали артиллерийский огонь с территории керамического (кирпичного) завода в мае 2016 года:

«30 мая 2016 ЛИЦО_2 в 15:29:26 часов с помощью мобильного телефона передал представителю незаконного вооруженного формирования «ДНР» гражданину Украины ЛИЦО_3 информацию о том, что в г. Авдеевка Донецкой области из района так называемого «Керамзавода» всю ночь вел прицельный огонь в сторону

⁵⁴⁴ Украина, Добропольский городской суд, дело № 227/431/16-к, Приговор, 24 января 2017, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/64246978> (Приложение 67).

⁵⁴⁵ Украина, Добропольский городской суд, дело № 227/431/16-к, Приговор, 14 декабря 2017, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/71062044> (Приложение 72).

подразделений незаконных вооруженных формирований «ДНР» миномет 120-мм калибра ВС Украины».⁵⁴⁶

31. Я полагаю, что кирпичный и керамический заводы являются одним и тем же местом, что следует из публикаций местных жителей в социальной сети ВКонтакте (Рисунки 28-31).

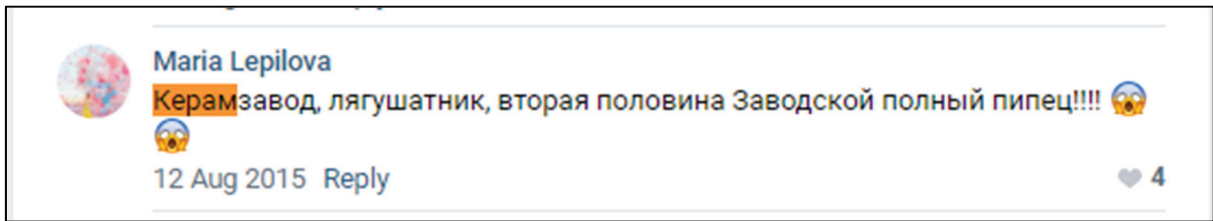

Рисунок 28 - Комментарий о близости «Керамзавода» к ул. Заводской⁵⁴⁷

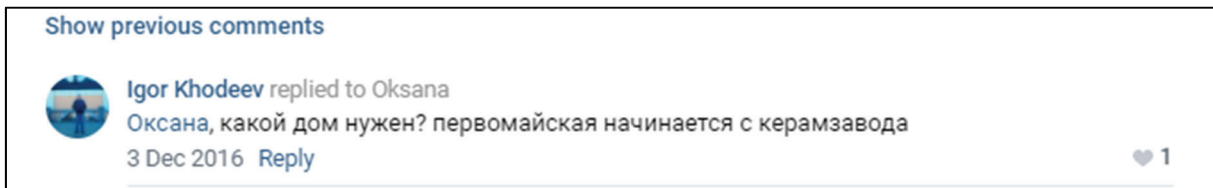

Рисунок 29 - Комментарий о том, что ул. Первомайская начинается с «Керамзавода»⁵⁴⁸

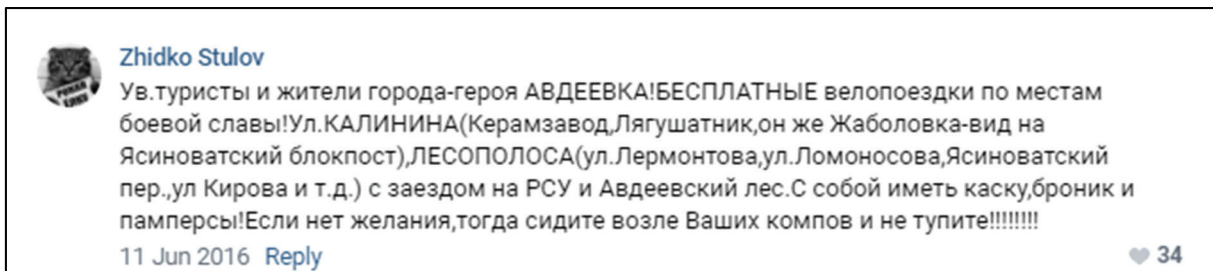

Рисунок 30 - Комментарий о близости ул. Калинина к «Керамзаводу»⁵⁴⁹

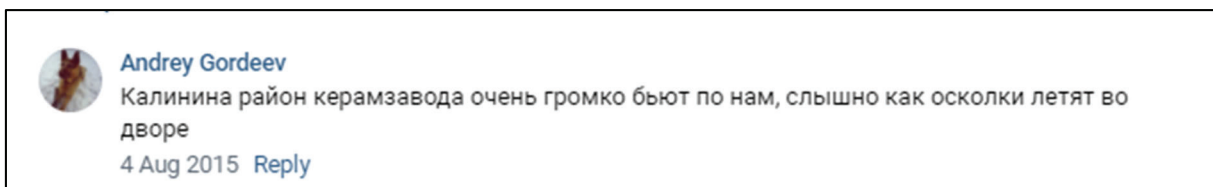

Рисунок 31 - Комментарий о близости ул. Калинина к «Керамзаводу»⁵⁵⁰

32. Ул. Заводская, Калинина и Первомайская являются параллельными улицами, которые, по всей видимости, начинаются с «Керамзавода» (Рисунок 32).

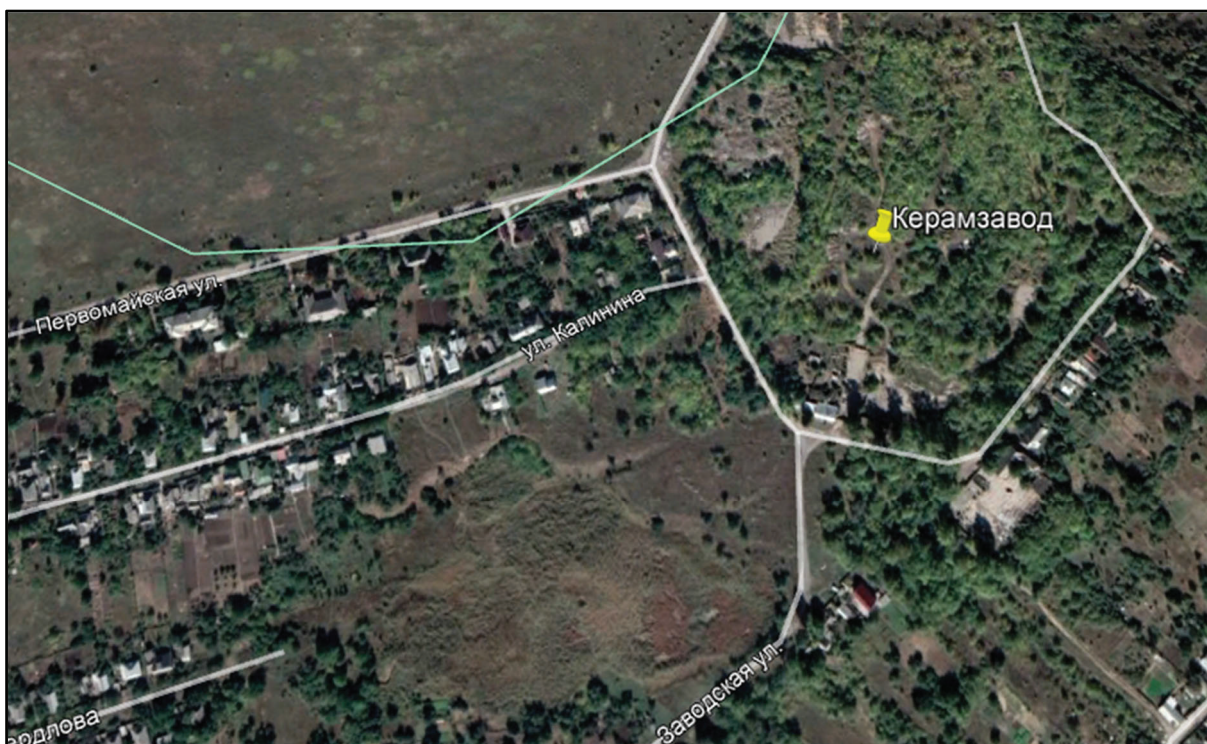
⁵⁴⁶ Украина, Селидовский городской суд, дело № 242/3538/18, Приговор, 17 октября 2018, <https://reyestr.court.gov.ua/Review/77166094> (Приложение 74).

⁵⁴⁷ Страница ВКонтакте Авдеевка – моя Родина!, комментарий доступен по ссылке: https://vk.com/wall-1206792_528017?offset=70&w=wall-1206792_528017_r529280, 12 августа 2015 (Приложение 196).

⁵⁴⁸ Страница ВКонтакте Авдеевка – моя Родина!, комментарий доступен по ссылке: https://vk.com/wall-1206792_951829?reply=952499, 3 декабря 2016 (Приложение 199).

⁵⁴⁹ Страница ВКонтакте Авдеевка – моя Родина!, комментарий доступен по ссылке: https://vk.com/wall-1206792_796014?reply=796167, 11 июня 2016 (Приложение 198).

⁵⁵⁰ Страница ВКонтакте Авдеевка – моя Родина!, комментарий доступен по ссылке: https://vk.com/wall-1206792_516531?reply=518006, 4 августа 2015 (Приложение 195).

Данные карт: Google, ©2021 Maxar Technologies.

Рисунок 32 - Ул. Калинина, Первомайская, Заводская и Керамзавод на карте Google Earth

33. Сервис Wikimapia указал, что «руины кирпичного завода» находятся по координатам 48°8'33"N 37°46'12"E, что соответствует концу ул. Заводская (Рисунок 33).⁵⁵¹

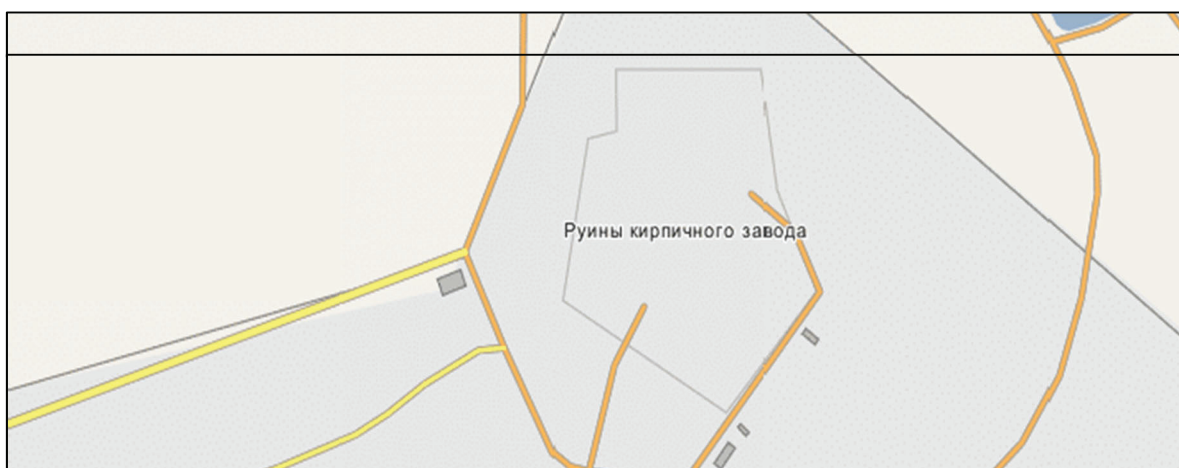

Рисунок 33 - Статья в Wikimapia о руинах кирпичного завода в Авдеевке

34. Здание по адресу ул. Заводская, 122 (указанное в судебном решении, процитированном в § 28 выше) расположено вблизи этого заброшенного кирпичного / керамического завода (Рисунок 34).

⁵⁵¹

Wikimapia.org, Руины кирпичного завода,
<http://wikimapia.org/33159147/ru/%D0%A0%D1%83%D0%B8%D0%BD%D1%8B-%D0%BA%D0%B8%D1%80%D0%BF%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B0> (Приложение 261).

Данные карт: © 2021, АО «Визиком».

Рисунок 34 - Заводская, 122 на карте Авдеевки

35. Таким образом, ВСУ имели военную позицию вблизи ул. Заводская в 2015 и 2016 годах. Мне не была предоставлена информация о присутствии ВСУ вблизи Заводской улицы в 2017 году.

Декларация эксперта

Я подтверждаю, что все вопросы, в отношении которых я изложил свое мнение, находятся в пределах моей компетенции и профессиональных знаний.

Я понимаю, что моей обязанностью является содействие Суду в разрешении вопросов, в отношении которых дано Экспертное заключение. Я выполнил данную обязанность и продолжу выполнять ее в будущем.

Я подтверждаю, что выводы, к которым я пришел в данном Экспертном заключении, являются непредвзятыми, объективными и беспристрастными; они не были обусловлены ни влиянием судебного разбирательства, ни влиянием любой из сторон судебного разбирательства.

8.08.2021

В.А. Самоленков

Annex 3

OSCE SMM, “Spot report by the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), 5 September 2014: The Situation in Mariupol”,
5 September 2014

Spot report by the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), 5 September 2014: The Situation in Mariupol

MARIUPOL, UKRAINE 5 September 2014

This report is for media and the general public.

On 5 September, the SMM monitored the Vostochny District of Mariupol city and the "Vostochny" checkpoint on the eastern outskirts of Mariupol.

In the Vostochny District, the inhabitants stated to the SMM that they had spent the night in basements and underground garages and that they lacked food, blankets and a water supply. The location of a newly-established Ukrainian army checkpoint has raised serious concerns as it is located 500 metres from high-rise residential buildings and 300 metres from a large gas distribution hub. Furthermore, residents raised concerns over the presence of snipers from the Ukrainian army on the roofs of their buildings. The SMM did not observe bomb shelters or bunkers in Vostochny District.

The SMM visited the "Vostochny" checkpoint and met local residents who stated that, at about 06:00hrs ten Ukrainian pieces of artillery located 500 metres north of the checkpoint opened fire towards the village of Shyrokyne before leaving the area. The irregular armed groups reportedly fired back at both "Vostochny" checkpoint and another checkpoint located to the north on the old road to Novoazovsk. Residents also observed a column of Ukrainian military hardware destroyed by shelling and retreating from the northern checkpoint. They heard cries and later noticed ambulances evacuating injured soldiers.

The Ukrainian military representatives at the "Vostochny" checkpoint stated to the SMM that there were many casualties in Shyrokyne village and some 30-40 rounds of artillery fired at the "Vostochny" checkpoint from different directions and hidden firing points. They complained about the lack of support from some segments of the local population.

The SMM also spoke to representatives of the UN High Commissioner for Refugees (UNHCR) near the "Vostochny" checkpoint who expressed concerns over the humanitarian aid planned to be delivered to 16 internally displaced person (IDP) centres in Mariupol city. In particular there were concerns that the aid might be confiscated by irregular armed forces should the city surrender.

On 4 September, the Monitoring Team was informed by a local source that from 3 September, the Ukrainian border guards started to work at "Novoazovsk" border crossing point with the Russian Federation. He stated that the situation is calm but there are a number of checkpoints of the so-called "Donetsk Peoples' Republic" ("DNR") before the border at which vehicles are stopped and all Ukrainian symbols such as flags are collected.

At 16:00hrs today, the SMM visited the "Vostochny" checkpoint and was stopped 300 metres before the checkpoint where all the traffic was blocked. The SMM observed large clouds of smoke, a big concentration of Ukrainian troops, four pieces of 122mm guns, six trucks with soldiers in the staging area behind the checkpoint on the main

road to Novoazovsk. The SMM also observed five APCs entering the city. The SMM did not observe any artillery pieces in the area of the residential buildings in the vicinity of the checkpoint.

The SMM proceeded to "Vinogradne" checkpoint where Ukrainian army representatives said that their checkpoint was not shelled and they did not observe any people fleeing from the villages east of Vinogradne. Since 16:00hrs the SMM has heard shelling by "Grad" system from the direction of irregular armed forces positions.

On 5 September, the SMM heard artillery discharge presumably from the western side of the city throughout the day. According to local residents, it was Ukrainian "Grad" systems located in the area of Stary Krym (the western suburbs of Mariupol) firing towards the village of Shyrokyne.

Annex 4

OSCE SMM “Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM)
to Ukraine based on information received as of 18:00 (Kyiv time),
17 September 2014”, 18 September 2014

Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 17 September 2014

KYIV 18 September 2014

This report is for media and the general public.

The situation in Donetsk and Luhansk continues to be tense. The main power plant in the Luhansk region was severely damaged as a result of shelling.

In **Kharkiv** the SMM visited the site of an incident that occurred during the night of 16-17 September at the military recruitment centre in **Lozova** (120 km south of Kharkiv) when two explosions in the yard next to the building, likely caused by RGD-5 hand grenades, left two windows shattered. The SMM observed a hole in the asphalt, which could have been caused by an explosion, as well as broken glass on the ground. The head of the centre described the incident as an act of terror, while the prosecutor's office in Kharkiv confirmed to the SMM that a criminal investigation has been launched on that basis.

In **Luhansk** while patrolling the Ukrainian Army checkpoint at Shchastya (23 km north of Luhansk) the SMM between 11:35 and 14:25 hrs heard intermittent artillery mortar and small arms fire from the direction of the main power plant, north-east of the checkpoint. The power plant was severely damaged leaving the entire northern region of Luhansk without electricity, water and landline communications from around 16.30 hrs onwards. The situation in Luhansk city was calm.

The SMM in Luhansk city met the Don Cossack commander from Stakhanov (64 km west of Luhansk), who stated that the declaration of the "independent republic of Stakhanov" (see [Daily Report of 17 September](#)) was a lie fabricated by a journalist. He added that as a result of the mass gathering that took place in the main square of Stakhanov on 14 September, more than 12,000 Cossacks have volunteered to join the forces of the 'Luhansk People's Republic' ('LPR').

In **Donetsk** the SMM patrolled Novoazovsk (45 km east of Mariupol) for the first time and met the so-called deputy interior minister of the 'Donestk People's Republic' ('DPR') who said that the situation was calm. Upon returning, the SMM was stopped at a 'DPR' checkpoint that was not aware of the role of the SMM. The team was allowed to proceed 30 minutes later after their identity was confirmed.

The situation in the city of Mariupol continued to be calm with people working and most shops open. The SMM monitored the checkpoints of "Vostochny" (500 metres east of Mariupol), "Staryi Shlyakh" (2 km north-east), "Talakovka" 1 & 2 (8 and 9 km north-east), "Gnutove" (10 km north-east), "checkpoint 12" (3 km north-east), and "Vinohrady" (3 km east). The SMM observed mostly calm situations but several checkpoint personnel reported anti-aircraft shooting from the directions of Shyrokyne and Kominternove and night tracer rounds from Shyrokyne and Zayichenko. "Vinohrady", "checkpoint 12" and "Talakovka 1" appeared to be reinforcing their positions.

On the evening of 16 September, near Mariupol airport, the SMM heard anti-aircraft fire; the Ukrainian National Guard told the SMM that it had targeted a UAV.

In Kramatorsk town the SMM found the situation to be calm with businesses open. The SMM monitored the roadblock on the T0513 road, towards Maiersk (70 km south-east of Kramatorsk). No incidents were reported, but the situation was tense. The Ukrainian Commander of the Debaltseve area informed the SMM that his positions on the road to Rostov-on-Don (E-50; M03) were attacked on the evening of 16 September.

In **Dnipropetrovsk** and **Kherson** the situation remained calm.

In **Odessa** the SMM met village council representatives in Velikoploske and Slavenoserbski (90 km north-west of Odessa) in the vicinity of the Transdnestrian segment of the Moldovan-Ukrainian border. Local residents confirmed the existence of several infantry trenches and positions in the area (the SMM discovered an infantry trench system of 500 metres at 5 km east of Velikoploske on 9 September).

In **Chernivtsi** the pickets in front of the military barracks came to an end. The SMM for the first time since July did not spot any tents or protestors at the site. On the evening of 16 September, returning Airborne Troops from the 'Anti-Terrorist Operation' ('ATO') zone disassembled all tents.

In **Ivano-Frankivsk** the SMM monitored a protest in front of the district police headquarters in Kolomyya (60km south-east of Ivano-Frankivsk), on 16 September, with approximately 100 representatives of Kolomyya Self Defence, the Right Sector and the Afghan Veteran Association protesting against the removal of the acting chief of police and the appointment of a new one. Participants voiced their concern that the newly-appointed police chief was involved in corruption. The Self Defence group parked their APC at the entrance of the police building and piled up tyres. The protest lasted until the acting chief of police returned from Ivano-Frankivsk late afternoon and announced that he would stay in office and the newly-appointed one would continue to work in his current function within the police.

In **Lviv** the SMM was notified by the local police that the SBU (Security Service of Ukraine), at 15:50hrs, had received information about a bomb alert at Lviv railway station. No explosive device was found. The station was closed from 15:30 hrs to 17:15 hrs. About 100 employees and 700 passengers were evacuated.

The SMM attended the opening of the new logistical centre of the People's Self Defence Group in Lviv. The head of the centre explained that it was the fourth facility in the city collecting support for the military assigned to the 'ATO' zone and said that military activities could be resumed any time despite the ceasefire in place.

In **Kyiv** the SMM monitored a small protest in front of the ministers' cabinet building where around 20 people protested against corruption and called for the removal of political actors linked to the former regime. The SMM monitored another protest in front of the presidential administration building where around 50 Right Sector activists protested against the recently-passed law on special status. Both demonstrations were monitored by the police and ended peacefully.

The SMM met the mayor of Bucha (37 km north-west of Kyiv), who voiced his concern that election security would be provided by Ukrainian Self Defence groups and volunteer battalions instead of regular police forces. The SMM also attended an event organized by Kyiv mayor Vitali Klitschko, who provided an account of his first 100 days in office highlighting anti-corruption and facilitation measures for internally displaced persons (IDPs).

Annex 5

OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM) based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 27 October 2014”, 28 October 2014

Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 27 October 2014

KYIV 28 October 2014

This report is for media and the general public.

The SMM continued to monitor the implementation of the provisions of the Minsk Protocol and Memorandum. The Donetsk and Luhansk regions remained tense. Shelling resumed in the Mariupol area. The NGO "Territorial Defence" in Ivano-Frankivsk is prepared to protect the region from possible military and terrorist threats.

At 10:25hrs there was a bomb alert at the regional administration building in **Kharkiv's** Liberty Square. The building was evacuated and no explosive device was found.

The situation remained tense in the **Luhansk** region. In Faschivka (76km south-west of Luhansk) the commander of the last Ukrainian Army (UA) Checkpoint (CP) said that there had been GRAD attacks between 07:30hrs and 07:45hrs in the direction of Chornukhyne (73km south-west of Luhansk). The SMM continued to the nearby CP held by the "Lugansk People's Republic" where the Cossack commander stated that the village council in Faschivka was no longer functional and that the population was receiving support only from the Cossacks. The commanders of both CPs said to the SMM that they had been in telephone contact with each other.

The SMM met Ukrainian and Russian officers of the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC) responsible for sectors A and S. They said that they had not received any new instructions from the JCCC HQ and were waiting for the SMM to supply vehicles and communication equipment. The SMM stated that it is not in a position to provide the vehicles and equipment needed by the JCCC, as this does not fall under the SMM's remit.)

In Debaltseve (70km north-east of **Donetsk**) the SMM monitored the work of the JCCC HQ. The head of the Ukrainian contingent, Lt. Gen Volodymyr Askarov, said that the meeting between the Ukrainian and Russian members of the JCCC, scheduled for 28 October to discuss measures to strengthen the ceasefire in the area of Donetsk airport, would be postponed until the week beginning 3 November due to unexpected technical reasons which were not specified by the interlocutor.

In the city of Donetsk and its surroundings, the security situation remained tense. The SMM heard intermittent shelling late afternoon in the northern outskirts of the city where the airport is located.

Shelling resumed in the Mariupol area. The "Anti-Terrorism Operation" liaison officer and the commander of CP 13A informed the SMM by phone at 09:00hrs that several Ukrainian military positions around the CPs 12 (125km south of Donetsk) and 13A (121km south of Donetsk) had been targeted with mortar, tank, and GRAD shelling during the early morning. Therefore, these CPs as well as CPs 9A and 10 in their proximity were not included in the SMM patrol route. The SMM visited CPs 7, 8, 9, 13, 14 and 15 where the CP personnel reported heavy on-going GRAD and mortar shelling, which started early in the morning at 07:00hrs, all reportedly originating from positions

held by the “Donetsk People’s Republic” to the north and east of these CPs. The SMM patrol between 10:00hrs and 12:00hrs heard several of these shelling incidents, but was unable to assess the origin or potential targets.

The SMM monitored a protest against the establishment of a new Ukrainian CP aimed at protecting the bridge over the river Kalmius between Talakivka (121km south of Donetsk) and Sartana (117km south of Donetsk). The police were not present, but the SMM observed the presence of a Ukrainian Army representative. Around twenty residents of mixed gender from both villages gathered at the planned location of the CP and expressed concerns over the targeting of their houses by “DPR” forces due to the close proximity of the CP. The residents reported that shelling had started around 07:00hrs in the area and was still on-going at 12:00hrs; reportedly four houses were damaged and a female civilian was wounded. The SMM could not verify this information due to security restrictions, but it heard instances of shelling during their visit.

The situation in **Dnipropetrovsk** was calm.

The SMM met the head of the **Kherson** regional department of social protection who expects that the “law on ensuring the rights and freedoms of internally displaced persons”, once enforced, will generate a positive impact on the IDP situation as it will provide most IDPs with financial assistance for a period of six months and also inform IDPs about their rights. At regional levels the department will take over co-ordination matters from the State Emergency Services. The SMM also spoke to the first deputy head of the Kherson state migration services department who said that the issuance of personal documents would remain in their portfolio, while IDP registration management at the railway station would be handed over to the department of social protection.

The situation in **Odesa** and **Chernivtsi** was calm.

In **Ivano-Frankivsk** the SMM met the regional head of the non-governmental organization “Territorial Defence”, established in April 2014 upon the initiative of the governor of Ivano-Frankivsk with the aim to protect the region from military and terrorist threats. Reportedly, the NGO has four centres in the region with around 1,300 mostly male members between 18 and 60. Negotiations with the Ministry of Defence are reportedly underway regarding the handing out of weapons to citizens through this NGO should there be an emergency.

The SMM monitored the regional press conference on the parliamentary elections at the **Lviv** Press Club. The acting governor stated that the Lviv region had the highest turnout and that there was at least one law enforcement officer present at each polling station. A representative of the Committee of Voters of Ukraine stated that the turnout was approximately 70%.

The situation in **Kyiv** was calm.

Annex 6

OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM) based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 11 January 2015”, 12 January 2015

Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM) based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 11 January 2015

KYIV 12 January 2015

This report is for media and the general public

The SMM continued to monitor the implementation of the provisions of the Minsk Protocol and Memorandum and the work of the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC). The SMM witnessed multiple instances of both incoming and outgoing shelling in areas of Donetsk city adjacent to the airport. The JCCC recorded a marked increase in reported ceasefire violations.

On 10 January, the SMM monitored the security situation in **Donetsk** city and areas surrounding Donetsk airport. Between 16:57 hrs and 18:06 hrs, the SMM heard and directly observed multiple instances of both incoming and outgoing shelling (from unknown locations) consistent with heavy mortars, BM-21 multiple rocket launcher systems (Grad) and heavy artillery. While at a location near the airport, the SMM called the headquarters of the JCCC in government-controlled Debaltseve (55 km north-east of Donetsk) and asked the JCCC to try and halt ongoing hostilities in and around the airport. In response, the duty officer at the headquarters of the JCCC contacted the field commanders of both the Ukrainian armed forces and the "Donetsk People's Republic" (DPR) and asked them to stop the shelling. Despite the intervention of the JCCC, the SMM continued to observe numerous incoming and outgoing Grad rockets, mortars and artillery. No improvement in the situation was noted and the SMM left the area.

At the headquarters of the JCCC in Debaltseve, the Ukrainian Major-General, head of the Ukrainian side, and the Russian Federation Army Chief of Staff indicated that in the 48 hours up to 08:00 hrs on 11 January there was a marked increase in reported ceasefire violations. During the period from 08.00 hrs on 9 January to 08.00 hrs on 10 January, a total of 72 ceasefire violations were noted (artillery and mortar shelling, small arms and light weapons fire and tank fire), of which 39 were recorded at the Donetsk airport. During the 24 hour period from 08.00 hrs on 10 January to 08.00 hrs on 11 January, a total of 111 ceasefire violations were recorded. Thirty-nine incidents were again recorded in the area of Donetsk airport. From 10-11 January, there were eleven reports of incidents in the villages of Olenivka (24 km south-south-west of Donetsk, government-controlled), Slavnoe (28 km south-west of Donetsk, government-controlled) and Marinka (24 km south-west of Donetsk, government-controlled). Fifteen reported incidents occurred in the villages of Krymske (110 km north-east of Donetsk, government-controlled) and Trokhizbenka (118 km north-east of Donetsk, government-controlled). No other villages were mentioned by JCCC representatives of the Ukrainian and Russian Federation. The Ukrainian Major-General stated that two Ukrainian National Guard soldiers were killed and fifteen wounded in fighting near Stanytsia Luhanska (140 km north-east of Donetsk, controlled by the "Lugansk People's Republic" (LPR)) on 9 January. The Russian Federation Army Chief of Staff did not comment on this.

Residents in Kominternove (88 km south of Donetsk, located between government-controlled and “DPR”-controlled territories), told the SMM of their concern at having to obtain a pass to travel through government-controlled territory. They reported that they cannot travel through checkpoint #15 in Vinohradne (97 km south of Donetsk, government-controlled) without such a document. The SMM also met residents from Sakhanka, (95 km south-east of Donetsk, “DPR”-controlled) who stated that they need to travel to buy food and receive medical care in government-controlled territory, but are prevented from doing so by Ukrainian checkpoint personnel. Residents told the SMM that they do not know how to get these passes. According to them there is no civil authority where people can register to receive the passes. The SMM was unable to establish what type of document this is but will follow up on these reports in the coming days. The owner of a shop in Shyrokyne (97 km south of Donetsk, “DPR”-controlled) told the SMM that since 27 December the Ukrainian army are thoroughly checking all vehicles, a procedure that can take up to three hours.

On 10 January 2014, in Severodonetsk (75 km north-west of **Luhansk**), the SMM monitored the handover ceremony of humanitarian aid donated by the Government of Kazakhstan to the Government of Ukraine. This humanitarian aid was delivered by the Ukrainian First Deputy of the Head of the State Department for emergency situations. The Kazakhstan Ambassador in Ukraine stated that the aid was intended for both the Luhansk and Donetsk regions, including areas not controlled by the Government. According to the Ambassador, the value of the goods delivered was US \$380,000 and the aid provided consisted of cooking oil, sugar, oats and tinned meat. The First Deputy of the Head of the State Department for emergency situations said that commissions for the distribution of humanitarian aid have been set up at all administrative levels (municipal, district and regional level) and that they will identify who will receive the aid. According to him, this aid will be distributed with the support of international organizations, with particular focus on internally displaced persons (IDPs) and other vulnerable persons including those with no social protection.

On 11 January, the SMM witnessed a multiple launch rocket system (MLRS) being fired in a south-south-east direction from an area between the villages of government-controlled Stepove (30 km north of Luhansk) and government-controlled Nyzhnia Vilkhova (33 km north of Luhansk).

The SMM were informed by the Ukrainian Colonel and the Russian Federation Colonel present at the JCCC Sector-A and Sector-S Duty Room in Luhansk that the use of heavy artillery weapons systems in Luhansk city (in the area of Verkhna Verhunka, “LPR”-controlled) resulted in two civilians being hospitalized with injuries. The SMM visited the scene and saw damage to 12 houses, consistent with artillery fire.

The situation in **Kharkiv, Dnipropetrovsk, Odesa** and **Kherson** remained calm.

Forty pupils from Severodonetsk (Luhansk region) are taking part in a ten-day trip to **Chernivtsi**. The trip follows an appeal by the Governor of Luhansk to other regions to organize such respite trips for young people who have witnessed conflict. The director of the tourism centre in Severodonetsk told the SMM that 250 pupils from Luhansk region have been hosted in Chernivtsi since summer 2014. A vast majority of pupils told the SMM that their education has been disrupted due to the conflict.

The situation in **Ivano-Frankivsk, Lviv** and **Kyiv** remained calm.

Annex 7

OSCE SMM, “Spot report by the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), 22 January 2015: Shelling Incident on Kuprina Street in Donetsk City”, 22 January 2015

Spot report by the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), 22 January 2015: Shelling Incident on Kuprina Street in Donetsk City

KYIV 22 January 2015

This report is provided for the media and general public

At 08:40hrs on 22 January, the “Emergency Services Department” of the “Donetsk People’s Republic” (“DPR”) informed the SMM of an alleged shelling incident – involving multiple fatalities – at 42 Kuprina Street, 4.4km south-south-west of city-centre Donetsk.

On arrival at the scene 20 minutes later, the SMM observed a trolleybus which had been hit by shrapnel and a burnt-out car 20m away, also hit by shrapnel. All windows in the trolleybus were shattered and tyres punctured. The SMM observed seven dead bodies, three females, three males and one of indeterminate gender. Three of the bodies were in the bus, three in close proximity to the bus – the furthest approximately 25m away – and one in the burnt-out car.

The SMM observed two craters. One of them, 8m north-east of the bus, had a depth of 5cm and a diameter of 1.5m. The other, 150m south-east of the bus, had a depth of 15cm and a diameter of 1.8m. At 11:00hrs the SMM conducted a crater analysis on both craters, and determined that the rounds that caused the two craters had been fired from a north-western direction. The SMM also determined that the weapon(s) used was most likely either a mortar or an artillery piece.

At 11:30hrs the SMM visited Donetsk Regional Trauma Hospital, where the chief surgeon said that 13 people with injuries sustained in the incident on Kuprina Street had been admitted. All of the injured, he said, had suffered serious injuries and all of them required surgery. He said they were all either middle-aged or elderly. The SMM spoke to a 63-year-old man awaiting surgery, who said that he had been caught up in the second blast as he walked to work at approximately 07:30hrs. He said he had sustained shrapnel wounds to his left leg.

At 16:00hrs the SMM contacted a representative of Donetsk City Morgue, who said that eight bodies – related to the incident on Kuprina Street – had been received by the morgue.

Annex 8

OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM) based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 3 February 2014”, 4 February 2015

Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 3 February 2014

KYIV 4 February 2015

This report is for media and the general public.

The SMM continued to monitor the implementation of the provisions of the Minsk Protocol and Memorandum. The security situation in the Donetsk region remained tense, including continuous shelling observed by the SMM. The SMM lost contact with one UAV 16km north of Mariupol.

The SMM observed in “Donetsk People’s Republic” (“DPR”)-controlled Leninskyi district (3km south of **Donetsk** city centre) damage caused by recent shelling. The SMM saw multiple shrapnel damage on various civilian buildings and a car assessed to have been destroyed by shrapnel. According to local residents the shelling had occurred on 30 January killing two civilians and injuring two additional civilians. Since repairs had already started, the SMM was not able to assess the crater impacts caused by the shelling.

At the eastern outskirts of “DPR”-controlled Makiivka (10km east of Donetsk), the SMM observed 21 green military-type trucks. Twenty of them were marked with DK number plates (plates issued by the “DPR ministry of defense”) and were witnessed driving in a western direction. Some of the trucks were covered; on the uncovered trucks the SMM could see ammunition boxes (Grad). In addition, two military fuel trucks with DK number plates were spotted heading east from the point of observation. Two kilometres south of “DPR”-controlled Rozsypne (80km east of Donetsk), the SMM saw three military trucks (Ural type) each mounted with Multi Launch Rocket Systems (MLRS).

In government-controlled Kramatorsk (80km north of Donetsk) the SMM observed a public demonstration against military conscription of about 150 protesters. At the same time, face to face, about 100 people, mostly men, staged a counter-demonstration waving Ukrainian flags and shouting nationalistic slogans. A line of 20 police officers separated the two factions. Both demonstrations were peaceful during the 30 minutes for which the SMM was present.

According to local residents of “DPR”-controlled Komsomolske (45km south-east of Donetsk) the village had been affected by heavy shelling by MLRS on 2 February in the early morning hours, which had caused civilian casualties and damage to civilian property and infrastructure. The residents said that shelling was incoming from a westerly and south- westerly direction. The SMM examined nine impacts caused by what appeared to be 220mm rockets which appear to have been launched from a Uragan MLRS. The analysis suggested that the shelling came from a south-western direction. Among the remnants from the rockets, the SMM saw delivery casing which it assessed as evidence that anti-personnel cluster munition had been used. According to the interlocutors one 37-year-old woman was killed. A girl, 5 years old, and a man were allegedly seriously wounded and brought to a hospital in Donetsk. The SMM could not verify this information, but will follow up.

At government-controlled Novokalynove (27km north-west of Donetsk) the SMM observed a number of craters on both sides of the main road going through the village. Seven distinct craters could be seen in the field to the north of the road. The SMM examined two of these craters and found evidence consistent with Grad rocket impacts, fired from a south-easterly direction – the result of an attack on the evening of 2 February, according to residents. They told the SMM that one person was wounded in the attack and underwent surgery at the hospital in government-controlled Dymytrov (50km north-west of Donetsk). A crater, the SMM observed on the south side of the road, 50m from a farmhouse, appeared to have been caused by a mortar round, as evidenced by the splash pattern and shrapnel. The villagers stated that this impact had occurred on 18 January.

The SMM lost contact with one of its four Unmanned Aerial Vehicles (UAV) on 3 February at approximately 17:00hrs, 16km north of government-controlled Mariupol (98km south-west of Donetsk). The SMM is proceeding with the recovery of the UAV and is liaising with Ukrainian officials at the site.

The SMM attended, on 2 February, the local security meeting in the district administration building in government-controlled Mariupol (98km south-west of Donetsk). According to the report of the co-ordination group, responsible for recovery repair after the 24 January shelling, two of the four damaged schools were already operational; some buildings suffered such severe damage that they may be structurally unsound; 76 people, including six children, were still being treated in hospital. Two adults are still in serious condition.

The SMM attended a press conference in **Luhansk** of “Lugansk People’s Republic (“LPR”) president”, Igor Plotnitsky, who said that “LPR” was not going to capture government-controlled Debaltseve (55km north-east of Donetsk) immediately and that the Ukrainian troops will be given the chance to surrender or abandon the area. He said that there was no need for mobilisation within “LPR”-controlled territory at this stage.

On 3 February in “LPR”-controlled Alchevsk (43km west of Luhansk) the SMM visited a warehouse and saw parts of what it assessed (based on markings on the rocket parts) to be a “Tochka U” rocket which, according to “LPR” interlocutors, had landed in the area of a metal factory on the northern outskirts of “Alchevsk. According to “LPR” they had removed the rocket from its landing place. The SMM then visited the alleged landing place of the missile debris and discovered some small pieces of an unidentified missile. According to the “LPR” interlocutors, the incident happened at 23:24hrs during the night of 1 February. The SMM could not verify this information. The “LPR” alleged the rocket was intercepted by an air defence rocket, hence only parts of the rocket and shrapnel were visible at the scene; the SMM was not able to verify that the parts were from a rocket downed on the night of 1 February. There were no injuries or damage reported to, or seen by, the SMM. At the warehouse in Alchevsk, the “LPR demining team” also showed the SMM some fragments which they said were from the downed rocket; again, the SMM was unable to verify that was true.

On the road 15km north of government-controlled Shchastia (23km north of Luhansk) the SMM observed two mobile MLRS (Grad II) transporters approaching from the direction of government-controlled Raihorodka (38km north-west of Luhansk) and travelling in the direction of Shchastia. All 40 launch tubes in each platform were loaded. The two launch platforms were accompanied by a command and control vehicle and were, in the estimation of the SMM, a complete operational unit. At 10:24hrs, whilst at the same location, the SMM heard the sound of outgoing and

30.07.2021 Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 3 February ...

incoming heavy artillery fire from south-easterly and south-westerly directions at a distance of five kilometres from its position.

On 3 February the deputy head of the **Kherson** military prosecutor's office informed the SMM that on 1 February 2015, at around 02:00hrs, a fire broke out in a Ukrainian Armed Forces military camp located in Chervonyi Chaban village, near the administrative boundary line with Crimea (114km south of Kherson). As a result of the fire, six soldiers died and another 11 incurred different levels of burn injuries and were hospitalized. According to the interlocutor, the person alleged to be responsible for the incident was found, criminal proceedings were initiated by the military prosecutor's office and both a fire safety inspection would be conducted. The SMM could not verify independently this information.

At the **Chernivtsi** regional department of the State Service for Emergency Situations, the SMM team met five internally displaced persons (IDPs) who arrived at the city on 3 February 2015 from Debaltseve via Kyiv (four women, one man, between 50 and 70 years old). When asked about their travel, they explained that when leaving Debaltseve, their buses were fired at, allegedly injuring five people and one bus driver. According to them, their bus was the only one that managed to leave Debaltseve; the other buses had to leave some time later due to ongoing shelling.

The situation in **Kharkiv, Dnepropetrovsk, Odessa, Ivano-Frankivsk, Lviv** and **Kyiv** was calm.

Annex 9

OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 10 February 2015”, 11 February 2015

Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 10 February 2015

KYIV 11 February 2015

This report is for media and the general public.

The SMM continued to monitor the implementation of the provisions of the Minsk Protocol and Memorandum and the work of the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC). Fighting surged ahead of diplomatic talks in Minsk. Multiple rockets struck Kramatorsk (95km north of Donetsk) with 7 killed and dozens injured.

At 11:51hrs the SMM heard a powerful explosion in Kramatorsk (95km north of **Donetsk**) and assessed it came from near Kramatorsk airport (where the Ukrainian authorities have an "Anti-terrorist Operation" base). Due to security concerns, the SMM did not travel to the area. At 12:33hrs the SMM, from their location on Kramatorsk Boulevard, heard at least four blasts in the area and saw a rocket land that did not explode. More unexploded ordnance (UXOs) were seen in the area and damage to buildings was observed. The SMM assessed that the shells were 300mm calibre ammunition fired from a BM-30 Smerch or Tornado Multiple Launch Rocket System (MLRS). Based on observation at the scene, the SMM assessed the shelling came from a south-south-east direction. An official from the Donetsk region administration told the SMM that the shelling in Kramatorsk killed seven civilians and injured 26, including 5 children, and 32 Ukrainian Armed Forces personnel were injured at Kramatorsk airport.

The SMM visited Soledar (77km north of Donetsk, government-controlled), where the JCCC headquarters (HQ) is currently temporarily located. Officers from the Ukrainian Armed Forces, Russian Federation Armed Forces, and members of the "Donetsk People's Republic" ("DPR") and "Lugansk People's Republic" ("LPR") were present. The Ukrainian Armed Forces Major General, head of the Ukrainian side to the JCCC, told the SMM that not all ceasefire violations are being reported by the JCCC due to a lack of reliable information and the inability of some sector offices to report. A planned 10 February evacuation of civilians from the village of Chornukhyne (63km north-east of Donetsk, 8km east of Debaltseve) failed to materialise as an agreement was not reached with representatives of the "DPR". During the entire time the SMM was present, there was distant non-stop artillery fire, both incoming and outgoing, in a direction south-west of Soledar.

The Donetsk regional administration told the SMM that they could not reach Debaltseve (55km north-east of Donetsk, government-controlled) to evacuate residents on 8 and 9 February due to shelling along the road between Svitlodarsk (55km north-north-east of Donetsk, government-controlled) and Debaltseve.

Military movements were observed by the SMM in the Donetsk region. At the intersection near Harsyzk (25km east of Donetsk, "DPR"-controlled) ten green military trucks were observed driving eastbound. Apart from black "DK" plate numbers, they were unmarked. Two mobile battle tanks (MBT) were observed in Makiivka travelling westbound on H-21, (approximately 13km east of Donetsk, "DPR"-controlled).

The SMM visited four sites of shelling in Donetsk city. In Leninskyi district at Kuibysheva Street (2.7km south of Donetsk city centre, "DPR"-controlled), the SMM went to an area that was shelled on 8 February and saw a crater impact it assessed as having been caused by a Grad rocket strike. Crater analysis was not possible as repairs were complete. Also in Leninskyi district, at Pokrovskogo Street (3km south of Donetsk city centre, "DPR"-controlled) the SMM saw damage consistent with a mortar strike, that local residents said happened on 8 February. An analysis of two of the three craters indicated the shells were incoming from the north-west. A 65 year old man was allegedly killed in the shelling. According to "DPR" "police", on 9 February one Grad rocket hit Petrovskiyi bridge (10.7km south west of Donetsk city centre, "DPR"-controlled) in Petrovskiyi district and penetrated the road, destroying one lane. Based on its analysis of one impact, the SMM assessed the direction of fire as being from the north-west. In Petrovskiyi district on 9 February, two MLRS rockets struck near a gas station (10.6km south-west of Donetsk city centre, "DPR"-controlled), according to "DPR" "police". The SMM crater analysis suggested that it was caused by Grad rocket fire from the west. The "emergency services department" of the "DPR" told the SMM that on 9 February a residential area at 125 Petrovskaya street (10.6km south-west of Donetsk city centre) was hit by MLRS shelling. The SMM conducted the crater analysis, determining a westerly direction of fire.

The SMM was informed by the Ukrainian Armed Forces and Russian Federation Armed Forces senior officers at the JCCC office in **Luhansk** city of an escape of 340 prisoners from Detention Centre Number 23 in Chornukhyne (65km south-west of Luhansk, contested area). According to the officers they fled in the early afternoon following heavy military activity in the area. About 30 prisoners remain.

On 10 February the SMM spoke with the head of the administration of the State Border Service (SBS) in Starobilsk (80km north of Luhansk, government-controlled) regarding the introduction of a new order (number 38 of Ukrainian Cabinet of Ministers) on "Certain Issues Strengthening Ukraine's National Security Level" between the "Anti-terrorist Operation" zone and adjacent areas under government-control, that came into effect on 10 February. In the Luhansk region, the new order only adds two new crossing points: Novoaidar (57km north of Luhansk, government-controlled) and Makarove (26km north-east of Luhansk, government-controlled). The interlocutor told the SMM that the new order does not change crossing procedures.

At 10:35hrs between the villages of Tsarivka and Dememkove (50km and 52km north-west of Luhansk respectively, government-controlled), the SMM heard outgoing and incoming heavy artillery, MLRS and mortars from the south and south-west of its position. *En route* back to Novoaidar from 12:15-12:25hrs the SMM heard sustained outgoing MLRS, artillery and mortars coming from the south-west at an unknown distance.

The director of a boarding school (Shkola Internat) in Sievierodonetsk (90km north-west of Luhansk, government-controlled) told the SMM on 9 February that 53 unaccompanied children (26 girls and 27 boys, aged from 2-17), out of 100 evacuated (from areas along the contact line in Luhansk region), have arrived in Sievierodonetsk. The director told the SMM that some of the children will soon travel onward to Odessa (see [SMM Daily Report of 5 February](#)). Other children will soon reunite with their parents in areas not experiencing conflict. The director's main concern about the displaced children is the "double trauma" of separation from their parents and other effects of conflict on them.

On 10 February, at 10:10hrs, whilst waiting in a line at a check point, the SMM observed four Ukrainian Armed Forces 122mm self-propelled-guns (SPG) 2S1 Gvozdivka,

02.08.2021 Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine based on information received as of 18:00 (Kyiv time), 10 Februar...

accompanied by three covered trucks and one command and control vehicle, passing a checkpoint on the main road between Sievierodonetsk (90km north-west of Luhansk, government-controlled) and Novoaidar (57km north of Luhansk, government-controlled) heading in the direction of Sievierodonetsk.

The SMM also continued monitoring the situation in **Kharkiv, Dnepropetrovsk, Odessa, Kherson, Chernivtsi, Ivano-Frankivsk, Lviv** and **Kyiv**.

Annex 10

OSCE SMM, “Spot Report by the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM): Shelling in Olenivka”, 28 April 2016

Spot Report by the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM): Shelling in Olenivka

KYIV 28 April 2016

This report is for media and the general public.

Summary

Four civilians were killed close to a “DPR” checkpoint near Olenivka when shelling occurred in the early hours of 27 April.

Detail

At 10:01 on 27 April, the SMM arrived on Lenina Street on the southern edge on “DPR”-controlled Olenivka (23km south-west of Donetsk), 650m north of a “DPR” checkpoint, and approximately 4km east of the contact line.

The SMM observed a cordoned-off 50m² incident scene, with two craters and three damaged cars.

Laid out beside one of the cars – which was an upside-down, split-in-two burnt-out wreck facing north-east – were two bodies, one identified as male. A deceased male with severe head trauma was in the driver’s seat of the second car, 10m from the first one and facing south. The rear windshield of the vehicle had been blown out, and there was shrapnel damage to the front and interior of the vehicle, and crush damage to the driver’s side of the car consistent with a shock wave. A deceased woman – evidently struck in the face by shrapnel – was in the rear passenger seat of the third car, which was approximately 20m from the second vehicle. The vehicle’s hood, windshield, roof and interior had suffered impact damage, with the metal siding of the vehicle torn and bent towards the back of the car, indicating that the blast damage had been caused by an explosion in front of the vehicle.

Fencing and the roof of an adjacent building – 8-10m south-east of the first impact and 11-12m east of the second impact – were visibly impacted, with grape-fruit sized holes caused by shrapnel. Its window panes were shattered. Downed power lines lay across the first vehicle.

The SMM conducted analysis on the two craters – and on two others in nearby residential areas. Based on that, the SMM assessed that the direction of fire was west-south-west, and that the type of weapon used in the attack was likely 122mm artillery.

Further north on Moskovskaya Street, the SMM observed some slightly damaged residences and demolished outhouses. Having conducted analysis on three craters there, the SMM assessed that the direction of fire was likely west-south-west and that the caliber of weapon used was not less than 120mm.

Both an armed “DPR” member and two residents told the SMM that the shelling had occurred at 02:45 that morning.

The head of a morgue in Donetsk city told the SMM that they had received four bodies from Olenivka that day, three men and one woman. A hospital in the city reported that

Annex 10

02.08.2021

Spot Report by the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM): Shelling in Olenivka | OSCE

one man had been admitted with shrapnel injuries.

Annex 11

OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 6 September 2016”, 7 September 2016

Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine, based on information received as of 19:30, 6 September 2016

KYIV 7 September 2016

This report is for media and the general public.

The SMM recorded a higher number of ceasefire violations in Donetsk region (including 62 explosions compared with five during the previous reporting period) and a higher number of ceasefire violations in Luhansk region (including 42 explosions, compared with none during the previous reporting period). The SMM confirmed the death of a woman from shelling in Shchastia on 30 August. The SMM continued to observe heavy weapons missing from Ukrainian Armed Forces holding areas and the presence of armoured combat vehicles in the security zone in non-government-controlled areas. The SMM monitored the precarious situation of civilians travelling across the contact line at the damaged Stanytsia Luhanska pedestrian bridge. The SMM observed military presence at a building previously housing an orphanage in Avdiivka. The SMM monitored a calm situation at four border crossing points in Donetsk and Luhansk regions. It observed the presence of mines in various locations along the administrative boundary line between the mainland of Ukraine and Crimea.

The SMM recorded a higher number of **ceasefire violations**^[1] in Donetsk region, including 62 explosions recorded, compared with five explosions recorded during the previous period.

During the night of 5 September, at 22:18, while at the SMM forward patrol base in "DPR"-controlled Horlivka (39km north-east of Donetsk), two explosions were heard 3-4km north-west and in the afternoon of 6 September, the SMM heard a burst of heavy machine-gun fire 1km north of its positions. On the same night, the SMM camera in government-controlled Avdiivka (17km north of Donetsk) recorded eight illumination flares 6-7km east-south-east of its location. In the afternoon, the SMM camera recorded one explosion assessed as an impact of a round from an unknown weapon 4-5km east-south-east of its location.

Positioned at the "DPR"-controlled Donetsk central railway station (6km north-west of Donetsk city centre), between 12:57 and 14:20, the SMM heard nine explosions and one explosion assessed as an impact, all from an unknown weapon and several single shots of small-arms fire 2-10km north-north-west, north-north-east, and west-north-west of its location.

At the "DPR"-controlled Yasynuvata railway station (16km north-east of Donetsk), between 12:35 and 14:00, the SMM heard 18 explosions from an unknown weapon, with three assessed as outgoing rounds, and 187 single shots of small-arms fire 2-7km west-north-west, west-south-west, and west of its position.

Positioned at the government-controlled checkpoint at Pyshevyk (25km north-east of Mariupol), the SMM heard 30 explosions from an unknown weapon 4km south. At the "DPR"-controlled Sakhanka/E58 junction (24km east-north-east of Mariupol), the SMM heard one explosion from an unknown weapon 5-7km north of its position.

The SMM recorded a higher number of **ceasefire violations** in Luhansk region, including 42 explosions recorded, compared with no explosions recorded during the previous reporting period.

On 5 September, between 19:45 and 23:53, while at the forward patrol base in government-controlled Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk), the SMM heard and saw an engagement, which lasted approximately four hours, 3.8km south-west of its position in the area of the pedestrian crossing bridge. At the start of the exchange, the SMM heard two undetermined explosions from an unknown weapon and several bursts of small-arms fire. About two hours later, the SMM heard multiple bursts of small-arms and heavy-machine-gun fire that gradually increased in intensity. For the next 90 minutes, the firing reached its peak and the SMM heard 23 undetermined explosions, assessed as 82mm mortar rounds (82mm); 23 shots assessed as outgoing automatic grenade launcher rounds (AGS-17/SPG-9); 19 explosions assessed as automatic grenade launcher rounds (AGS-17/SPG-9); 74 shots, assessed as cannon fire (30mm); and multiple bursts of small-arms and heavy-machine-gun fire. The direction of fire was both north-to-south and south-to-north. During this time the SMM was in communication with the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC) in an effort to calm down the situation. The SMM also followed up on the incident on 6 September at the headquarters of the JCCC in government-controlled Soledar (79km north of Donetsk).

The SMM followed up on reports of a **civilian casualty caused by shelling** on 30 August in government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk). The head of the police informed the SMM that a woman (28 years old) had been critically wounded in the head by shrapnel on 30 August and died on 4 September. She was a resident on Haharin Street where shelling took place and a nurse who worked at the local hospital.

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in accordance with the Package of Measures and its Addendum, as well as the Minsk Memorandum.

In violation of the withdrawal lines, in government-controlled areas, the SMM observed 18 towed howitzers (D-20, 152mm) near Zelene Pole (40km north-west of Donetsk) and five self-propelled howitzers (2S1 *Gvozdika*, 122mm) near Tarasivka (43km north-west of Donetsk).

Beyond the withdrawal lines but outside assigned areas, near south-east of government-controlled Smolianynove (60km north-west of Luhansk), the SMM saw one trailer transporting a tank (type unknown) moving east towards government-controlled Novoaidar (49km north-west of Luhansk).

The SMM observed weapons that could not be verified as withdrawn, as their storage does not comply with the criteria set in the 16 October 2015 notification. At Ukrainian Armed Forces holding areas, the SMM observed in total 12 towed mortars (2B11 *Sani*, 120mm) missing, as first noted on 19 December 2015; five towed mortars (PM-38, 120mm) and two automatic mortars (2B9 *Vasilek*, 82mm) missing, since last recorded on 4 March 2016; and 11 self-propelled howitzers (2S3 *Akatsia*, 152mm) missing, with one first noted on 3 February 2016 and ten more noted on 13 July 2016. The SMM observed as present two towed anti-tank guns (MT-12 *Rapira*, 100mm), 18 self-propelled howitzers (2S1 *Gvozdika*, 122mm), and 12 MLRS (BM-21 *Grad*, 122mm).

The SMM revisited "DPR" permanent storage sites whose locations corresponded with the respective withdrawal lines. All previously recorded weapons were present.

The SMM observed the presence of **armoured combat vehicles and an unmanned aerial vehicle (UAV) in the security zone**. An SMM mini UAV recorded the presence of an infantry fighting vehicle (IFV; BMP-1) in "DPR"-controlled Petrivske (40km south-east of Donetsk) on 2 September. The UAV also recorded a refurbished Ukrainian Armed Forces observation point and more than 0.5km of upgraded trenches near the same location. While approximately 300m east of "DPR"-controlled Bezimenne (30km east of Mariupol) the SMM observed one armoured combat vehicle (BMP-2) in a field travelling west from its position. Near government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk), the SMM saw an armoured vehicle (MT-LB), with armed personnel seated on the roof, entering the south-eastern entrance to the power plant compound. At the Ukrainian Armed Forces checkpoint in a government-controlled part of Zolote-4 (60km north-west of Luhansk), the SMM saw a stationary armoured personnel carrier (APC; Kraz Cougar) with a mounted 12.7mm heavy machine-gun. In "LPR"-controlled Vesela Hora (16km north of Luhansk), the SMM heard and saw one unidentified UAV with small fixed wings approximately 2km south-west of its location, flying from north-east to south-west direction, at an altitude of less than 1km.

The SMM **continued to monitor for military presence in proximity of schools and social institutions**. According to a local official in government-controlled Avdiivka, buildings used as an evening school and a former orphanage were occupied by security or military forces. The SMM visited the first site on Komunalna Street, and observed a two-storey building with no military equipment or vehicles nearby but still in use as a school. At the second site on Molodezhna Street, the SMM observed a partly damaged building with no glass windows and saw two camouflaged military vans in the adjacent yard and camouflage nets; however, according to a Ukrainian Armed Forces officer during a visit to the same location on 22 August, the orphans had been relocated due to the conflict in 2014.

The SMM **facilitated and monitored repair work** to railway tracks by the Ukrainian railways operator in government-controlled Orikhove (56km north-west of Luhansk) and the power plant in government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk).

The SMM monitored **the situation of civilians travelling across the contact line at the pedestrian bridge** near government-controlled Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk). In the morning, approximately 150 people (mixed gender and ages) were observed waiting to travel towards government-controlled areas at the last "LPR"-controlled checkpoint before the bridge and approximately 150 people were queued at the last government-controlled checkpoint before the bridge waiting to cross in the opposite direction. The SMM continued to observe the poor condition of the wooden ramp extended across the broken portion of the bridge. The SMM has seen broken wooden planks, loose nails, broken stairs, and holes in the tread planking. Approximately one quarter of the tread boards of the ramp were seen as broken, cracked, or missing, especially near the top where the risk of falling is greatest. The tread planking is badly worn from heavy pedestrian traffic and the hand rails need reinforcement. Approximately 15 civilians (mixed gender and ages) expressed concern that the rainy season followed by winter snows may increase the risk of collapse. The "LPR" checkpoint commander complained to the SMM about the dangerous condition of the ramp for commuters. The SMM observed two men nailing wooden planks over holes in the ramp across the bridge; they said they are working on a voluntary basis.

The SMM observed the **removal of unexploded ordnance (UXO)** at the pedestrian bridge near Stanytsia Luhanska, where a Ukrainian Armed Forces demining team removed one mortar (82mm) and one rocket-propelled grenade (RPG-7) between the Ukrainian Armed Forces and the "LPR" positions closest to the bridge. Checkpoints on

both sides of the bridge were closed for approximately 30 minutes during the demining operation.

The SMM **monitored two border areas currently not controlled by the Government and two border areas in government-controlled areas.** At the border crossing point near “DPR”-controlled Uspenka (78km east of Donetsk), the SMM observed 83 cars (most with Ukrainian licence plates) and 47 covered transport trucks (39 with Ukrainian, five with Russian Federation, and two with Belarussian licence plates) queuing to travel to the Russian Federation. The SMM spoke to two men (in their fifties) who said they had been waiting in line for over five hours and had moved approximately 100m. A man and woman (in their fifties) said they had also been waiting in line for several hours. At the “DPR”-controlled border crossing point near Ulianivske (61km south-east of Donetsk), the SMM observed two men and two women (in their fifties) walk toward the Russian Federation.

In government-controlled Lantrativka (174km north of Luhansk), the commander of the Ukrainian border guard office informed the SMM that Russian Federation citizens must use the border crossing point located in government-controlled Taniushivka (137km north of Luhansk). At the border crossing points in government-controlled Syrotyne (182km north-west of Luhansk), the SMM saw Ukrainian border guards on duty and no pedestrians or vehicles crossing in either direction. The SMM confirmed the border crossing point at Demyno-Oleksandrivka (180km north-west of Luhansk) remained closed to traffic in both directions.

The SMM continued to **monitor the situation along the administrative boundary line** between the mainland and Crimea. The SMM observed the presence of land mines in various locations along the administrative boundary line. The SMM observed calm situations at the crossing points near Chaplynka, Kalanchak, and Chonhar (67, 77, and 162km south-east of Kherson). While near the last Ukrainian border guard control post outside Chonhar and near the bridge leading to Crimea, the SMM observed the movement of five armoured personnel carriers (APC; BTR-80) manoeuvring in an area some 500m west of the customs terminal. In Nadezhdivka (82km south-east of Kherson), the SMM observed three radar systems and one surface-to-air missile system (9K33 Osa) in a farm compound.

****Restrictions to SMM's freedom of movement or other impediments to the fulfilment of its mandate***

The SMM's monitoring is restrained by security hazards and threats, including risks posed by mines and unexploded ordnance, and by restrictions of its freedom of movement and other impediments—which vary from day to day. The SMM's mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM's freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations.

Conditional access:

- At a checkpoint in “DPR”-controlled Olenivka (23km south-west of Donetsk) the SMM was asked initially by one unarmed man and later on by two armed men, all wearing military-style clothing, to move away from the checkpoint and keep a distance of at least 300m. The SMM complied and continued to observe at this location. The JCCC was informed.

[1] Please see the [annexed table](#) for a complete breakdown of the ceasefire violations as well as map of the Donetsk and Luhansk regions marked with

30.07.2021 Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine, based on information received as of 19:30, 6 September 2016 | O...

Locations featured in this report.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
26 Turhenievska Street
01054 Kyiv
Ukraine

Office: +380 44 392 0965

Mobile: +38 067 828 06 79

Mobile: +38 050 387 93 98

liudmyla.palamar@osce.org

smm-media@osce.org

Annex 12

OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM)
to Ukraine, based on information received as of 19:30,
9 October 2016”, 10 October 2016

Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine, based on information received as of 19:30, 9 October 2016

KYIV 10 October 2016

This report is for media and the general public.

The SMM recorded fewer ceasefire violations in Donetsk region, including 150 and 127 explosions on 8 and 9 October, respectively, compared with 363 explosions recorded on 7 October. In Luhansk region the SMM recorded no ceasefire violations on 8 October and 47 explosions on 9 October, compared with 29 explosions on 7 October. The Mission followed up on reports of civilian casualties, an explosion and a shelling. The Mission monitored the withdrawal of weapons and saw weapons in violation of withdrawal lines. The SMM continued to monitor the disengagement process in Stanytsia Luhanska, Zolote and Petrivske. During the reporting period the Mission could not verify the status of disengagement in the Zolote and Petrivske areas due to restrictions to its access. On 9 October the SMM noted that no disengagement took place in the Stanytsia Luhanska area, where it also faced restrictions to its access. The Mission observed mine hazard signs and new UXO in the security zone, including near populated areas. The SMM monitored six border areas not controlled by the Government.* The SMM noted a calm situation along the administrative boundary line between Kherson and Crimea.*

The SMM recorded fewer ceasefire violations in Donetsk region, including 150 and 127 explosions on 8 and 9 October, respectively, compared with 363 explosions recorded on 7 October. [1]

On the night of 7-8 October, while in "DPR"-controlled Donetsk city centre, the SMM heard 48 undetermined explosions at a range of 5 to 10km south-south-west of its location.

On the same night, between 19:18 and 20:45, while in Svitlodarsk (57km north-east of Donetsk), the SMM heard eleven explosions assessed as impacts of mortar rounds (82mm), three shots assessed as outgoing automatic-grenade-launcher rounds, and three bursts of heavy-machine-gun fire 3-6km south-south-east of its location. While in Horlivka ("DPR"-controlled, 39km north-east of Donetsk) between 19:35 and 20:15, the SMM heard 36 shots assessed as outgoing anti-aircraft gun fire (ZU-23, 23mm) and nine shots assessed as outgoing automatic-grenade-launcher rounds 4-5km south of its location.

The following day, the SMM heard seven undetermined explosions, at least four shots of cannon fire and twelve shots of small-arms fire 2-10km north, west, and south-west of its position in Yasynuvata ("DPR"-controlled, 16km north-east of Donetsk). Positioned in government-controlled Avdiivka (17km north of Donetsk), within half an hour in the morning, the SMM heard four undetermined explosions and three bursts of heavy-machine-gun fire 3km south-east of its position.

During the night of 8-9 October, while in Donetsk city centre, the SMM heard 11 undetermined explosions 6-8km south of its location. On the same night, while in Svitlodarsk, between 19:47 and 20:52, the SMM heard 20 explosions, 17 of which it

assessed as outgoing 82mm mortar rounds, bursts of small-arms and heavy-machine-gun fire 3-7km south-east and south-south-east of its location.

On 9 October, the SMM camera in Avdiivka recorded 33 impacts from unknown weapons, 3-5km south-east of its location. Positioned in Yasynuvata, the SMM heard 26 undetermined explosions, two shots of automatic-grenade launcher, twelve shots of infantry fighting vehicle (IFV; BMP-2) cannon (30mm), and more than 200 bursts of small-arms and heavy machine-gun fire, all 2-5km west of its position.

Positioned in Berdianske (government-controlled, 18km east-northeast of Mariupol) the SMM heard within 30 minutes around noon on 8 October ten undetermined explosions and shortly thereafter, within 20 minutes, 25 explosions assessed as outgoing mortar rounds, all 1-1.5km north of its position.

Positioned in "DPR"-controlled Uzhivka (formerly Leninske, 24km north-east of Mariupol) on 9 October, the SMM heard 13 explosions assessed as impacts of mortar rounds (calibre undetermined), approximately 2km south-west of its position.

On the night of 7-8 October the SMM camera in Shyrokyne (20km east of Mariupol) recorded an exchange of fire, including four undetermined explosions, which began with seven tracer bursts from west-south-west to east-north-east, followed by two single tracers of direct fire from east-north-east to west-south-west and further exchange of fire for about 90 minutes, at an unknown distance north and north-east of its location. On 8 October, the camera recorded one airburst at an unknown distance north-east of its location in the early afternoon. In the evening, it recorded four shots of direct tracer fire (two fired from west to east and two from north-west to south-east, in sequence) at an unknown distance north-east of its location.

In Luhansk region the SMM recorded no ceasefire violations during the day on 8 October. In the night hours of 8 October, while in "LPR"-controlled Kadiivka (formerly Stakhanov, 50km west of Luhansk), the SMM heard eight undetermined explosions, approximately 5km north-west of its location, and seven undetermined explosions, 10km at an undetermined direction, within 30 minutes. During the day on 9 October, positioned in government-controlled Orikhove-Donetske (44km north-west of Luhansk), the SMM heard 32 undetermined explosions and bursts of heavy-machine-gun fire 3km south-west.

The SMM **followed up on reports of an explosion, shelling, and civilian casualties.** The SMM continued to follow up on an explosion in "DPR"-controlled Makiivka (12km north-east of Donetsk (see [SMM Daily Report 6 October 2016](#)). On 5 October a "DPR" member present at the scene of the explosion told the SMM that he did not consider the explosion the result of shelling. On 7 October, the SMM spoke to a resident, who said that the large explosion he had heard in the morning of 5 October had been caused by a truck transporting ammunition exploding in the vicinity of the Kalmius railway station. According to the interlocutor, the explosion had been caused by errors in the transportation of the ammunition and had led to the deaths of six "DPR" members.

On 8 October, accompanied by Russian Federation Armed Forces officers at the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC), the SMM visited five impact sites in the vicinity of Oleksandrivka ("DPR"-controlled, 20km south-west of Donetsk). Residents of the affected areas told the SMM that shelling had occurred between 22:00 on 7 October and 01:30 on 8 October. At the first site, the SMM saw a fresh crater in the garden to the west of a house and four blown-out west-facing windows. At the second site, the SMM saw that a west-facing roof and wall of an outhouse had been punctured

by what seemed as shrapnel. Three east-facing windows on an adjacent structure had also been blown out, while a gas can next to the structure was perforated by shrapnel and appeared to be leaking gas. At the third site, the SMM saw one damaged west-facing window. At the fourth site, the SMM saw damage to a north-facing window and, at the fifth site - signs of an impact north of a house.

On 8 October, in government-controlled Marinka (23km south-west of Donetsk), the SMM saw a hole in the outer, north-east-facing wall of a house, which was freshly patched with cement, a north-east-facing window pierced, and the walls of a room possibly damaged by a ricocheting bullet. The SMM also observed a round hole in the adjacent garage wall. The owner of the house said it had been hit at approximately 22:00 on 7 October.

On 9 October, the SMM followed up on reports of shelling and civilian casualties in "DPR"-controlled Sakhanka (24km north-east of Mariupol). The SMM saw 19 fresh craters and assessed that at least 14 of them had been caused by recoilless gun rounds (SPG) fired from a south-westerly direction, while at least one had been caused by a 120mm mortar round fired from the same direction, the tail fin of which was visible in the crater. The SMM saw ten houses damaged (shrapnel damage to roofs, windows, walls and gates) and residents told the SMM that two residents (women, 67 and 56 years) had been wounded. Residents told the SMM that the shelling had occurred on 8 October between 13:30 and 18:00. At the hospital in "DPR"-controlled Novoazovsk (40km east of Mariupol) medical personnel told the SMM that the casualties had been admitted on 9 October, one of the women had shrapnel wounds, while the other had more serious wounds to her chest and stomach, which required surgery.

On 9 October, in Novooleksandrivka (67km west of Luhansk) the SMM saw fresh shrapnel damage to the roof and walls of an abandoned farm. In the yards of two houses, the SMM saw two craters it assessed as caused by 82mm mortar rounds and saw broken windows at both houses, which the owners said had occurred two nights before. In Kadiivka (formerly Stakhanov, 50km west of Luhansk) the SMM saw a fresh crater in a yard in a residential area and shrapnel in its vicinity, and observed minor damage to the gas pipeline and the overhead electrical cables nearby. The surrounding houses had shrapnel damage to the north-facing walls and broken windows. Those inhabited houses were no more than 25m from the crater. Residents told the SMM that the impact had happened on the night of 8 October. The SMM saw ongoing repairs to the power lines and was told by residents that the gas pipe had already been fixed.

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to attempt getting full access to the disengagement areas** of Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk), Zolote (60km north-west of Luhansk) and Petrivske (41km south of Donetsk) through patrolling and remote observation, as foreseen in the Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware of 21 September. The SMM's access was restricted in all three disengagement areas,* but the SMM was present on both sides of the contact line in all three areas, on both days, and able to monitor some parts of the disengagement areas, including through the use of mini unmanned aerial vehicles (UAVs).

On 8 October, at the government-controlled side of the **Stanytsia Luhanska** bridge, a Ukrainian Armed Forces officer at the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC) told the SMM that the disengagement process would begin on 9 October, but orders had not been received on the time. A Ukrainian Armed Forces officer at the JCCC then showed the SMM the railway bunker (see [SMM Daily Report 7 October 2016](#)), inside

which the SMM saw two armed Ukrainian Armed Forces soldiers. On 9 October, at 10:57, the SMM saw “LPR” members launch one white flare round from the “LPR”-controlled area of the bridge. Senior “LPR” members and Russian Federation Armed Forces officers at the JCCC were present at the site. At 11:47, at the government-controlled side of the bridge the SMM saw about 20 vehicles (with approximately 80 passengers) driving in circle in the area of the checkpoint and conducting a protest. Passengers honked their horns and displayed Ukrainian flags, along with an Azov battalion flag. The protest was peaceful and lasted for about two hours. At 11:50, the SMM was informed by the Ukrainian Armed Forces representative at the JCCC that no disengagement would happen on 9 October. A senior “LPR” member then told the SMM positioned at the “LPR”-controlled side of the bridge that a notification letter concerning the “LPR” readiness to disengage on 10 October at 13:00 will be handed over to the SMM. The SMM was not able to access the railway bridge (inside the disengagement area) from either side of the contact line due to possible presence of unexploded ordnance (UXO).* The SMM noted that the wooden ramp at the broken part of the bridge remained in poor condition.

On 8 October, at the Zolote side of the **Zolote-Pervomaisk** disengagement area a Ukrainian Armed Forces officer at the JCCC told the SMM that no information about demining activities in the area had been provided to him. The SMM did not observe any demining activity throughout the day. At the Pervomaisk side of the disengagement area, but outside the area itself, two armed “LPR” members told the SMM no information was available regarding demining activities or the opening of the crossing route. The SMM noted that no Russian Federation Armed Forces officers at the JCCC were present throughout the day. The SMM continued to see mine hazard signs to the north, south and east of the new “LPR” checkpoint at the edge of the disengagement area. The SMM also saw that the concrete barrier to the right of the checkpoint, aside the road, had been removed. Armed “LPR” members at the checkpoint told the SMM again that five days before the area on the “LPR” side had been demined along 1km up to the contact line, to the cemetery in Pervomaisk, on both sides of the road.

On 9 October, no Russian Federation Armed Forces officers at the JCCC were present throughout the day at the Pervomaisk side of the disengagement area. The SMM was not able to proceed further from either side of the closed Zolote-Pervomaisk crossing route due to possible presence of mines and UXO.*

The SMM noted a calm situation in the vicinity of the **Petrivske-Bohdanivka** disengagement area on 8 and 9 October. The SMM saw some mine hazard signs, which it had previously noted as not present, were again put up (see [SMM Daily Report 4 October 2016](#)). In the village the SMM observed fresh tracks (consistent with military tracked vehicles) on the asphalt road. At noon on 8 October, the SMM saw two armed “DPR” members in military-style attire coming from the direction of the disengagement area, each carrying a sniper rifle. On the same day, accompanied by Ukrainian Armed Forces officers at the JCCC, the SMM attempted to enter the disengagement area from the government-controlled side. However, a Russian Federation Armed Forces officer at the JCCC did not obtain security guarantees from the “DPR” “commander” in the area. The former JCCC officer also did not assist in ensuring security for the SMM to travel on the road towards Petrivske, due to the presence of mines at the road, as previously reported. The SMM, accompanied by the Ukrainian Armed Forces JCCC officer, attempted to visit the Ukrainian Armed Forces unit withdrawn from the disengagement area, but was denied access by the officer in charge. On 9 October, the SMM noted that no Russian Federation Armed Forces JCCC officers were present to assist in ensuring security for the SMM to access the disengagement area.* Positioned on the road west of Petrivske, the SMM spoke to a resident who said that the night had

been quiet and there were only eight families and a couple of single pensioners still living in the village. In Bohdanivka, the SMM was again prevented from accessing the disengagement area along the road towards Petrivske as no Russian Federation Armed Forces officer at the JCCC was present to assist in ensuring security for the SMM.* The SMM continued to be prevented from verifying disengagement as it did not have full access to the disengagement area.*

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Package of Measures and its Addendum, as well as the Memorandum.

In violation of the respective withdrawal lines in government-controlled areas, on 8 October the SMM saw seven multiple-launch rocket systems (MLRS; BM-21 *Grad*, 122mm) on the outskirts of Soledar (79km north-east of Donetsk) and eight MLRS (BM-21 *Grad*, 122mm), at the eastern entrance of government-controlled Sievierodonetsk (74km north-west of Luhansk). On 9 October, the SMM saw three tanks (T-64B) on flatbed trucks 2km south-east of "DPR"-controlled Starobesheve (32km south-east of Donetsk) travelling north-west on the T0509 road and one self-propelled anti-aircraft artillery system (2S6, *Tunguska*, 220mm) transported on a trailer near government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk).

Beyond withdrawal lines but outside storage sites the SMM observed six self-propelled howitzers (2S1 *Gvozdika*, 122mm) and one towed howitzer (possible D-20, 152mm) on road T0515 moving in the direction of government-controlled Pokrovsk (formerly Krasnoarmiisk, 55km north-west of Donetsk, respectively).

The SMM observed weapons that could not be verified as withdrawn, as their storage does not comply with the criteria set out in the 16 October 2015 notification. In government-controlled areas the SMM observed: 21 anti-tank guns (2A29/MT-12 *Rapira*, 100mm). The SMM noted as missing one anti-tank gun (2A29/MT-12 *Rapira*, 100mm), as first noted on 24 April 2016. The SMM also visited for the first time two new areas, based on information received by the Ukrainian Armed Forces, where the SMM noted for the first time 31 towed howitzers (13 2A65 *Msta-B*, 152mm; and 18 2A36, *Giatsint-B*, 152mm) but the Ukrainian Armed Forces personnel present prevented the SMM from recording the serial numbers of the latter weapons.*

The SMM observed **armoured combat vehicles [2] in the security zone**. The SMM saw in government-controlled areas: near the government checkpoint north of the Stanytsia Luhanska bridge: one armoured personnel carrier (APC; BTR-3) mounted with a heavy machine-gun (30mm) moving north and four infantry fighting vehicles (IFVs; BMP-2) parked in the yards of civilian houses, all inside the disengagement area; one IFV (BMP-2) stationary by the wall of a house, outside the disengagement area. Also in government-controlled areas the SMM saw two APCs (BTR-3) each mounted with a heavy machine-gun (30mm) near a checkpoint in Makarove (19km north-east of Luhansk), one armoured reconnaissance vehicle (BRDM-2) and one APC (MTLB) near Shchastia; and one APC (BTR-60) in Teple (30km north-east of Luhansk).

The SMM continued to observe the presence of **unexploded ordnance (UXO) and mine hazard signs** near populated areas. Near the Ukrainian Armed Forces checkpoint on the H20 road north-east of Berezove (31km south-west of Donetsk) the SMM saw for the first time a used rocket-propelled grenade tube and a possible live round of a hand-held grenade launcher. Both pieces of UXO were located in immediate proximity (5 and 2m respectively) to a long queue of civilian cars, with the second piece located in the central reservation of the H20 highway. In Pionerske (government-controlled, 14km east of Mariupol), the SMM saw that mine hazard signs, which it had seen there on 3 October, were no longer present, although the red and white tape was

lying on the ground. On 9 October, at the “LPR” checkpoint south of government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk), the SMM saw two 122mm projectiles, installed as if prepared for a remote detonation. The SMM continued to see that the area parallel to the path leading to the ferry crossing point in Zhovte was contaminated with mines and UXO. The SMM saw that the condition of the three painted wooden mine hazard signs previously observed had deteriorated and they were less legible.

The SMM observed a calm situation in six **border areas currently not under government control, and was limited in its access at four.*** On 8 October, at the Voznesenivka border crossing point (formerly Chervonopartyzansk, 65km south-east of Luhansk) the SMM saw 49 civilian cars queuing to exit Ukraine (41 of those had Ukrainian, six had Russian Federation and two had Georgian licence plates). In addition, 53 cars were parked adjacent the crossing point (48 had Ukrainian licence plates the remainder had Russian Federation licence plates), and six taxis. Within an hour, the SMM saw two covered cargo trucks arrive, and a bus marked “Sverdlovsk–Gukovo” with about 20 passengers. The SMM saw 14 cars enter Ukraine in that period (six had Russian Federation licence plates, eight had Ukrainian licence plates). On 9 October, at the Marynivka border crossing point (78km east of Donetsk), the SMM saw 32 civilian cars (18 with Ukrainian licence plates, one with “DPR” plates, 13 with Russian Federation licence plates), one bus (with Ukrainian licence plates), as well as two covered commercial trucks (both with Ukrainian licence plates), queuing to exit Ukraine. Within half an hour, the SMM saw approximately ten vehicles (five cars, two covered commercial trucks and one bus) enter Ukraine. At the Uspenka crossing point (73km south-east of Donetsk), the SMM saw one civilian vehicle with Russian Federation licence plates, as well as twenty covered commercial trucks (all with Ukrainian licence plates) queuing to exit Ukraine. Within one hour, the SMM saw approximately ten vehicles leave Ukraine. At the Ulianivske pedestrian crossing point (61km south-east of Donetsk) within half an hour the SMM saw one woman in her sixties exit Ukraine. At the Krasnodarskyi-1 pedestrian border crossing point (56km south-east of Luhansk) the SMM saw eight parked cars (five with Ukrainian and three with Russian Federation licence plates). Within half an hour, the SMM saw nine people exit Ukraine and 12 people enter. At the nearby Krasnodarskyi-2 pedestrian border crossing point (57km south-east of Luhansk) the SMM saw one parked car (with Ukrainian licence plates) and in 20 minutes saw seven people enter Ukraine and one exit.

In the area of the administrative boundary line between the mainland and Crimea the SMM observed a calm situation. On 7 October, the SMM saw that the border guard post near Chervonyi Chaban (113km south-east of Kherson), which it had previously observed abandoned (see [SMM Daily Report 5 October 2016](#)), was again staffed and in use.

The SMM continued monitoring in Lviv, Ivano-Frankivsk, Kharkiv, Odessa, Dnipro, Chernivtsi, and Kyiv.

***Restrictions to SMM’s freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate**

The SMM’s monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, unexploded ordnance, and other impediments – which vary from day to day. The SMM’s mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM’s freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations.

Denial of access:

- On 8 and 9 October, in “DPR”-controlled Petrivske the SMM was not able to proceed towards the disengagement area on three occasions as Russian Federation Armed Forces officer at the JCCC present could not assist in ensuring security for the SMM. The SMM informed the JCCC.
- On 8 October, in government-controlled Bohdanivka, the Ukrainian Armed Forces officer at the JCCC present was unable to facilitate access and thus the SMM was not able to visit the withdrawn Ukrainian Armed Forces personnel and equipment in their new location. The SMM informed the JCCC.
- On 8 October Ukrainian Armed Forces personnel did not allow the SMM to record the serial numbers of weapons at a holding area.
- On 9 October, the SMM was unable to proceed east from Bohdanivka towards the disengagement area on the road leading to Viktorivka (42km south-west of Donetsk) due to Ukrainian Armed Forces personnel warning it of the possible presence of mines east of their previous forward position on the road (see [SMM Daily Report 8 October 2016](#)). The SMM informed the JCCC.
- On 8 October the SMM was not able to proceed from government-controlled Popasna to Katerynivka (69 and 64km west of Luhansk, respectively) (see [SMM Daily Report 7 October 2016](#)) due to the possible presence of mines on the road. On the road, south-west of Katerynivka, the SMM saw for the first time wooden obstacles, with a sign stating that vehicle traffic was allowed from 07:00 until 18:00. Above the sign there was also a new mine hazard sign. Later in the day, the SMM saw that the mine hazard sign had been removed. The SMM informed the JCCC.
- On 8 October, at the junction of E-58 road with the road to Sakhanka (“DPR”-controlled, 24km east-north-east of Mariupol), armed “DPR” members denied the SMM access to a structure at the front of a roadblock, citing security concerns. The SMM informed the JCCC.
- On 8 October, on the “LPR”-controlled side of the closed Zolote-Pervomaisk crossing route an armed “LPR” warned the SMM of the presence of mines and UXO. The SMM informed the JCCC.
- On 8 October at an “LPR” checkpoint immediately south of the Stanytsia Luhanska bridge, an armed “LPR” member told the SMM not to proceed further to the railway bridge (inside the disengagement area), citing security concerns, including mine contamination. The SMM saw a mine hazard sign at the beginning of the road. The SMM informed the JCCC.
- On 8 October, the SMM was not able to access the road leading to the hill west of the Prince Ihor monument in “LPR”-controlled areas south of the Stanytsia Luhanska bridge. The SMM noted that a previously observed anti-personnel mine (MON-90) on the edge of the road was not present.
- On 8 and 9 October, the SMM was unable to enter the disengagement area on the Zolote-Pervomaisk road as the Ukrainian Armed Forces JCCC officer in charge of disengagement stated that no information of demining of the road had been received and he could not assist in ensuring security for the SMM.
- On 8 and 9 October, in government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk), the SMM was unable to proceed from the Ukrainian Armed Forces checkpoint on the bridge towards the “LPR”-controlled side because Ukrainian Armed Forces personnel told the SMM the area had not been cleared of mines. The SMM informed the JCCC.
- On 8 and 9 October, at the “LPR” checkpoint south of the Shchastia bridge the SMM could not proceed towards government-controlled areas because

“LPR” armed members told the SMM that the area had not been cleared of mines. The SMM informed the JCCC.

Conditional access:

- On 8 October, an armed “LPR” member denied the SMM access to an area beyond the first barrier at “LPR”-controlled Voznesenivka border crossing point unless he noted down the SMM members’ names and ID numbers. The SMM complied and was given a temporary access card to the administrative zone, but had to sign for receiving the access cards. This is the first time the SMM faced this procedure. The SMM informed the JCCC.
- On 9 October, at the Marynivka border crossing point an armed “DPR” member denied the SMM access to the documents checking area.
- On 9 October, at the Uspenka border crossing point an armed “DPR” member denied the SMM access to the documents checking area.
- On 9 October, at the Ulianivske border crossing point an armed “DPR” member denied the SMM access to the “customs” area.

[1] Please see [the annexed table](#) for a complete breakdown of the ceasefire violations as well as map of the Donetsk and Luhansk regions marked with locations featured in this report.

[2] This hardware is not proscribed by the provisions of the Minsk agreements on the withdrawal of weapons.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
26 Turhenievska Street
01054 Kyiv
Ukraine
Office: +380 44 392 0965
Mobile: +38 067 828 06 79
Mobile: +38 050 387 93 98
liudmyla.palamar@osce.org
smm-media@osce.org

Annex 13

OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine, based on information received as of 19:30, 11 October 2016”, 12 October 2016

Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine, based on information received as of 19:30, 11 October 2016

KYIV 12 October 2016

This report is for media and the general public.

The SMM recorded a similar number of ceasefire violations in Donetsk region as in the previous reporting period, with many concentrated in the Avdiivka-Yasynuvata area and areas north-east and east of Mariupol. In Luhansk region the SMM recorded more ceasefire violations compared with the previous reporting period. It followed up on reports of shelling and civilian casualties in "DPR"-controlled Sakhanka. The Mission continued to monitor the disengagement process in Stanytsia Luhanska, Zolote and Petrivske; the SMM was restricted in its freedom of movement in all three areas. The SMM observed numerous Package- and Addendum-regulated weapons beyond the withdrawal line but outside assigned areas in government-controlled areas, in particular Rubizhne. The SMM monitored long queues of pedestrians at entry-exit checkpoints Stanytsia Luhanska.

The SMM recorded a similar number of **ceasefire violations**^[1] in Donetsk region, including 355 explosions compared with 329 explosions in the previous reporting period. Nearly 200 explosions were recorded in the Avdiivka-Yasynuvata area, and over 140 explosions were recorded in areas north-east and east of Mariupol.

During the night of 10-11 October, in "DPR"-controlled Horlivka (39km north-east of Donetsk) the SMM heard five undetermined explosions 8-10km south-west and one explosion assessed as caused by the impact of a 120mm mortar round 4-5km west.

On the same night, the SMM camera in Shyrokyne (20km east of Mariupol) recorded, within four hours, 34 explosions (22 assessed as impacts from undetermined weapons and 12 undermined explosions), more than 238 bursts of anti-aircraft-gun (ZU-23, 23mm) fire (233 fired from west to east and five from south-south-west to north-north-east) and 20 undetermined rocket-assisted projectiles (all fired from west to east) at an undetermined distance north-north-east.

The following day, positioned in government-controlled Avdiivka (17km north of Donetsk), the SMM heard 94 explosions (84 of which were undetermined and ten were assessed as caused by impacts of automatic grenade launcher rounds) 2-8km south-east. The most intense fire was recorded between 13:44 and 14:00, when the SMM heard 74 undetermined explosions. Positioned in "DPR"-controlled Yasynuvata (16km north-east of Donetsk) the SMM heard 102 undetermined explosions all but one 2-5km west-south-west, 72 of which were recorded between 13:43 and 14:00.

Positioned 2km east of Bohdanivka (41km south-west of Donetsk), the SMM heard, at 12:20, three undetermined explosions at an undetermined distance north (assessed as outside the disengagement area). Positioned in "DPR"-controlled Petrivske (41km south of Donetsk), the SMM heard, at 14:48, 10-12 bursts of heavy-machine-gun fire 5-7km west (assessed as outside the disengagement area).

Positioned in areas north-east and east of Mariupol, the SMM recorded a total of 110 explosions. Positioned between government-controlled Lomakyne and Lebedynske (15

and 16km north-east of Mariupol, respectively), the SMM heard 78 explosions, including eight assessed as outgoing and 35 as impacts of artillery rounds, all 1.5-5km in a clockwise arc from the north to south-east. Positioned 2km south-east of Lebedynske the SMM heard 28 explosions, 21 of which were assessed as caused by impacts of artillery rounds all 2-2.5km east-north-east.

In Luhansk region the SMM recorded more ceasefire violations, including 15 explosions, compared with the previous reporting period (six explosions). On the night of 10-11 October, while in "LPR"-controlled Kadiivka (formerly Stakhanov, 50km west of Luhansk), the SMM heard seven undetermined explosions 5km west. The following day, positioned in government-controlled Zolote-4 (60km north-west of Luhansk, outside the disengagement area), the SMM heard seven undetermined explosions 5-10km south and south-west (assessed as outside the disengagement area). Positioned in government-controlled Katerynivka (64km west of Luhansk, inside the disengagement area), the SMM heard one undetermined explosion 5-10km south-west (assessed as outside the disengagement area). Positioned at the closed "LPR" checkpoint on the "LPR" side of the closed Zolote/Pervomaisk crossing route, the SMM heard one undetermined explosion 5-10km east-south-east (assessed as outside the disengagement area).

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to pursue full access to the disengagement areas** of Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk), Zolote (60km west of Luhansk) and Petrivske, as foreseen in [the Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware of 21 September](#). The Armed Forces and armed formations, obliged under the Decision to remove or fence off explosive objects and ensure safety and secure access for the SMM to the disengagement areas, have yet to complete this in any of the three areas. The JCCC, tasked by the Decision of the TCG on mine action of 3 March 2016 to carry out the overall co-ordination of demining work and repeatedly tasked to contribute to rapid response to impediments to monitoring by the SMM, was not observed doing so in any of the three areas. As a result, SMM's access remained restricted in all three areas,* but the Mission was able to monitor parts of them, including through the use of mini unmanned aerial vehicles.

On the "LPR"-controlled side of the **Stanytsia Luhanska** bridge, the SMM observed two trucks (Ural) transporting sand to a fortified position 150m north of the Prince Ihor monument (outside the disengagement area). The SMM was not able to reach the railway bridge (inside the disengagement area) from either side of the contact line on three separate occasions, nor "LPR"-controlled areas south-west of the pedestrian bridge (inside the disengagement area), on three separate occasions, due to the presence of mines and unexploded ordnance (UXO) (see Restrictions to SMM's freedom of movement).*

Positioned in three separate locations in and around the disengagement area near **Zolote**, the SMM recorded a total of nine undetermined explosions (assessed as outside the disengagement area, see above). Due to the lack of security guarantees that the area had been demined the SMM could not proceed through the potential Zolote-Pervomaisk crossing route from either side.* At the crossroads, where the closed "LPR" checkpoint on the "LPR" side of the Zolote/Pervomaisk crossing route is located, the SMM observed for the first time four mine hazard signs (red boards with white letters stating "Mines" in Russian) on both sides (two each) of the road.

The SMM was not able to proceed from the western edge of "DPR"-controlled **Petrivske** towards the disengagement area as "DPR" did not ensure safety and security for the SMM and the Russian Federation Armed Forces officer at the JCCC did

not assist in ensuring security for the SMM.* While in Petrivske, the SMM observed several armed "DPR" members walking around in the village (outside the disengagement area). In government-controlled Bohdanivka, the SMM was not able to proceed east towards the disengagement area as the Ukrainian Armed Forces officer at the JCCC could not assist in ensuring security for the SMM because, according to him, mines on the road leading to Viktorivka (42km south-west of Donetsk) had yet to be removed.* He added that he had no information regarding their removal.

The SMM followed up on **reports of civilian casualties and observed the result of shelling**. In a hamlet between "DPR"-controlled Sakhanka and Uzhivka (formerly Leninske) (both 24km north-east of Mariupol) the SMM observed two impact sites. At the first site the SMM saw the totally destroyed roof of an inhabited house. Based on the damage and shrapnel, the SMM assessed it as caused by a 122mm artillery round possibly fired from a north-westerly direction. At the second site the SMM saw a fresh crater next to a road and assessed it as possibly caused by a 122mm artillery round fired from a north-westerly direction. The "head" of Sakhanka "village council" told the SMM that a woman (in her late seventies) had been killed during shelling which occurred on the previous night, and as a result her husband (in his late seventies) had suffered a heart attack, adding that two women (aged 53 and 47) and a man had been injured and taken to a hospital in "DPR"-controlled Novoazovsk (40km east of Mariupol). In Sakhanka, the SMM observed, for the first time, an unexploded 120mm mortar shell stuck in the middle of the asphalt road.

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Package of Measures and its Addendum, as well as the Memorandum.

In violation of the respective withdrawal lines the SMM observed one self-propelled howitzer (2S1 *Gvozdika*, 122mm) loaded on a trailer (MAZ-537) together with other hardware heading east in government-controlled Smolianynove (61km north-west of Luhansk).

Beyond the withdrawal lines but outside assigned areas the SMM observed in government-controlled areas: four tanks (T-72) each loaded on a stationary flatbed truck near Pokrovsk (formerly Krasnoarmiisk, 55km north-west of Donetsk) on 10 October; four multiple-launch rocket systems (MLRS; BM-21 *Grad*, 122mm) each loaded on a truck traveling near Kramatorsk (83km north of Donetsk) on 10 October; as well as nine tanks (T-64) each loaded on a flatbed truck heading south near Kurakhove (40km west of Donetsk), and one mortar towed by a truck (GAZ-66) heading north near Voitove (33km north-west of Luhansk). At the train station in Rubizhne (84km north-west of Luhansk) the SMM observed the following weapons off-loaded or in the process of off-loading: 14 self-propelled howitzers (eight 2S3 *Akatsiya*, 152mm; and six 2S1 *Gvozdika*, 122mm); six anti-tank guns (MT-12 *Rapira*, 100mm) and 20 tanks (T-64), together with more than 25 armoured vehicles.

The SMM observed weapons that could not be verified as withdrawn, as their storage does not comply with the criteria set in the 16 October 2015 notification. In "DPR"-controlled areas, the SMM observed nine MLRSs (BM-21 *Grad*, 122mm), six self-propelled howitzers (2S1 *Gvozdika*, 122mm), and two anti-tank guns (MT-12 *Rapira*, 100mm). The SMM also noted as missing two MLRSs (BM-21 *Grad*, 122mm) and one self-propelled howitzer (2S1 *Gvozdika*, 122mm), which it had observed as missing on 22 December 2015 (one 2S1) and 5 April 2016 (two BM-21). At one heavy weapons holding area, after the SMM checked the serial numbers of present weapons, an armed "DPR" member arrived and told the SMM to leave the premises immediately, citing lack of "order" from his superiors to allow anyone to enter.*

The SMM observed **armoured combat vehicles[2] and an anti-aircraft weapon in the security zone**. In government-controlled areas the SMM saw: two stationary armoured personnel carriers (APC; BTR-3) near Makarove (19km north-east of Luhansk); one stationary infantry fighting vehicle (IFV; BMP-2) near Stanytsia Luhanska (outside the disengagement area); one stationary IFV (BMP-1) near Novozvanivka (70km west of Luhansk); three APCs (BTR-70) heading south-east near Shchastia (20km north of Luhansk). In "DPR"-controlled areas, the SMM saw one anti-aircraft gun (ZU-23, 23mm) mounted on a military-type truck (Zil) heading east near Oleksandrivka (20km south-west of Donetsk).

In "LPR"-controlled Zhovte (17km north-west of Luhansk) a resident told the SMM that a shooting incident had occurred at the edge of the village on 2 October, resulting in the killing of four people. At an "LPR" checkpoint in the village an "LPR" member stated that four armed "LPR" members had been killed by unknown persons while driving a private car across a nearby field.

The SMM continued to observe **long queues at entry-exit checkpoints along the contact line**. At 08:50 at the "LPR" checkpoint immediately south of Stanytsia Luhanska bridge, the SMM observed approximately 1,200 pedestrians queuing to travel in the direction of government-controlled areas. An hour later the SMM noted the number of people in the queue had increased to approximately 1,500 pedestrians. A man (aged 40) told the SMM that he had waited for two hours. At the same time the SMM saw 25 pedestrians waiting to pass the checkpoint in the other direction. In the morning at the government checkpoint north of Stanytsia Luhanska bridge, the SMM observed 200-250 pedestrians queuing to enter government-controlled areas and about 400-500 pedestrians queuing to travel in the opposite direction.

At the government checkpoint in government-controlled Maiorsk (45km north-east of Donetsk) the SMM observed an engineering vehicle clearing ground and two cranes installing concrete fencing on the north-eastern side of the road, ostensibly for the construction of a new entry-exit checkpoint. At the government entry-exit checkpoint in government-controlled Zaitseve (62km north-east of Donetsk) the SMM saw a crane dismantling the concrete fencing and loading it on a truck, which then travelled to the checkpoint in Maiorsk and unloading it there.

The SMM continued monitoring in Kherson, Odessa, Lviv, Ivano-Frankivsk, Kharkiv, Dnipro, Chernivtsi, and Kyiv.

***Restrictions to SMM's freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate**

The SMM's monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, unexploded ordnance, and other impediments – which vary from day to day. The SMM's mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM's freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations.

Denial of access

- On 10 October, on the eastern edge of government-controlled Katerynivka (64km west of Luhansk) inside the Zolote disengagement area, the SMM was not able to proceed further east as the Ukrainian Armed Forces officer at the JCCC told the SMM that demining work had yet to start in the area. The SMM informed the JCCC.

02.08.2021

Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine, based on information received as of 19:30, 11 October 2016 | OS...

- In “DPR”-controlled Petrivske the SMM was unable to proceed west of the village towards the disengagement area as the Russian Federation officer at the JCCC could not assist in ensuring security for the SMM. The SMM informed the JCCC.
- In government-controlled Bohdanivka, the SMM was not able to proceed east towards the disengagement area as the Ukrainian Armed Forces officer at the JCCC could not assist in ensuring security for the SMM because, according to him, mines on the road leading to Viktorivka (42km south-west of Donetsk) had yet to be removed. The SMM informed the JCCC.
- The SMM could not proceed further from both sides of the closed crossing route between Zolote and Pervomaisk due to the possible presence of mines and UXO. The SMM informed the JCCC.
- On four separate occasions on the “LPR”-controlled side of Stanytsia Luhanska (inside the disengagement area) the presence of mines and mine hazard signs restricted SMM’s freedom of movement. At the T-junction of a road leading west from the Prince Ihor monument (at a location 850m west-north-west of the monument) with the road leading north the SMM saw an anti-personnel fragmentation mine (MON-90) attached to an unarmed warhead (a part of BM21 rocket) on the ground at the side of the road, which prevented the SMM from proceeding further north. The presence of a mine hazard sign at the side of the same road leading west (at a location 1.15km west-north-west of the monument) prevented the SMM proceeding further west. An armed “LPR” member in the area advised the SMM not to proceed along the road, citing the presence of mines. On the road leading to the north from the above-mentioned location – near an “LPR” checkpoint – the SMM saw four mine hazard signs over a stretch of approximately 150m on the edge of the road. Two “LPR” armed members at the checkpoint advised the SMM not to proceed further as the area was mined. The SMM was not able to proceed further to a summer cottage area (neighbouring the railway bridge) as it observed a mine hazard sign east of the parking lot near the “LPR” checkpoint immediately south of the bridge. On each occasion the SMM informed the JCCC.
- On two separate occasions on the government-controlled side of the Stanytsia Luhanska disengagement area the possible presence of mines and UXO interrupted SMM’s attempt to reach the railway bridge (inside the disengagement area). While on foot patrol on Moskva Donbas Street the SMM was not able to proceed further to the railway bridge due to the presence of mines and contamination of UXO. On Donetska Street, Ukrainian Armed Forces personnel advised the SMM not to proceed further to the railway bridge due to the presence of mines and booby-traps. The SMM also observed mine hazard signs. The SMM informed the JCCC.
- At the “LPR” checkpoint south of the Shchastia bridge the SMM could not proceed towards government-controlled areas as “LPR” members present on the spot informed the SMM that demining had not taken place. The SMM informed the JCCC.
- In government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk), the SMM was unable to proceed from the Ukrainian Armed Forces checkpoint on the bridge towards the “LPR”-controlled side as the Ukrainian Armed Forces personnel informed the SMM that demining had not taken place. The SMM informed the JCCC.

Conditional access:

- A “DPR” member initially allowed the SMM to enter a “DPR” heavy weapons holding area. After the SMM checked the serial numbers of present

weapons, another armed "DPR" member arrived and told the SMM to leave the premises immediately citing the lack of an "order" from his superiors to allow anyone to enter. The SMM informed the JCCC.

[1] Please see [the annexed table](#) for a complete breakdown of the ceasefire violations as well as map of the Donetsk and Luhansk regions marked with locations featured in this report.

[2] This hardware is not proscribed by the provisions of the Minsk agreements on the withdrawal of weapons.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
26 Turhenievskya Street
01054 Kyiv
Ukraine
Office: +380 44 392 0965
Mobile: +38 067 828 06 79
Mobile: +38 050 387 93 98
liudmyla.palamar@osce.org
smm-media@osce.org

Annex 14

OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 28 October 2016”, 29 October 2016

Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine, based on information received as of 19:30, 28 October 2016

KYIV 29 October 2016

This report is for media and the general public.

The SMM recorded fewer ceasefire violations in Donetsk region compared with the previous reporting period, mostly in areas around Avdiivka-Yasynuvata-Donetsk airport and Svitlodarsk. In Luhansk region, the SMM also recorded fewer ceasefire violations compared with the previous reporting period. The Mission followed up on reports of civilian casualties and shelling in Makiivka, Novokyivka, Pivnichne, Bakhmut and Ananivka. The SMM continued to monitor the disengagement process in Stanytsia Luhanska, Zolote and Petrivske; it was restricted in its freedom of movement in all three areas. The SMM observed weapons in violation of the withdrawal lines and was not allowed to check the serial numbers of weapons in two "DPR" heavy weapons holding areas. Its freedom of movement was restricted on two occasions in "DPR"-controlled areas south of Donetsk city.**

The SMM observed fewer **ceasefire violations**[1] in Donetsk region, including almost 300 explosions compared with nearly 800 in the previous reporting period, mostly in the Avdiivka-Yasynuvata-Donetsk airport triangle and around Svitlodarsk.

While in "DPR"-controlled Donetsk city centre on the night of 27-28 October, the SMM heard 81 undetermined explosions 8-10km north-west. On the same night, the SMM camera in Avdiivka recorded two undetermined explosions 3-5km south-east. During the day the SMM heard a total of 19 explosions while positioned in government-controlled Avdiivka (17km north of Donetsk): two assessed as impacts of mortar rounds (one 82mm and one 120mm), eight undetermined explosions, six assessed as outgoing recoilless gun rounds (SPG-9, 73mm), two assessed as outgoing automatic-grenade-launcher rounds, and one assessed as a rocket-propelled-grenade round; all 2-4km south-east of its position. Positioned at the Donetsk central railway station ("DPR"-controlled, 6km north-west of Donetsk city centre) the SMM heard three undetermined explosions 4-7km north-east and a four-minute exchange of intense heavy-machine-gun and small-arms fire 3-5km north and north-north-east, followed by a three-minute exchange of intense heavy-machine-gun and small-arms fire 3-5km north-north-west. The SMM camera at the Oktiabr mine (9km north-west of Donetsk city centre) recorded one explosion assessed as an impact and four airbursts 5-7km north-west.

While in government-controlled Svitlodarsk (57km north-east of Donetsk) on the night of 27-28 October the SMM heard 108 undetermined explosions and approximately 260 bursts of heavy-machine-gun fire, all 5-7km south-east.

On the evening and night of 27 October, the SMM camera in Shyrokyne (20km east of Mariupol) recorded an exchange of fire which began with 13 explosions assessed as impacts 3-4km north-north-east of its location. In the ensuing exchange the camera recorded 11 rocket-assisted projectiles fired from west to east, two rocket-assisted projectiles fired from south to north, eight indirect rocket-assisted projectiles fired from westerly to easterly directions, three rocket-assisted projectiles and 37 bursts of

tracer rounds fired from east to west, two undetermined explosions, and five explosions assessed as impacts; all at unknown distances north-north-east. At various locations east of Mariupol the SMM heard 24 explosions over the course of the day: in government-controlled Sopyne (16km east of Mariupol) three explosions assessed as outgoing rounds at unknown distances north and north-north-east, 700m south of "DPR"-controlled Sakhanka (24km north-east of Mariupol) four explosions assessed as impacts at unknown distances north-north-east, 3km south-east of government-controlled Lebedynske (16km south-east of Mariupol) three explosions assessed as outgoing rounds at unknown distances north and north-north-east and two undetermined explosions at unknown distances north-west, in "DPR"-controlled Sakhanka (24km north-east of Mariupol) one undetermined explosion at an unknown distance north-north-west, in "DPR"-controlled Pikuzy (formerly Kominternove, 23km north-east of Mariupol) three undetermined explosions 1.5km west-north-west and three undetermined explosions at an unknown distance west-south-west, and 3.2km north-north-east of government-controlled Hnutove (20km north-east of Mariupol) five explosions assessed as impacts 10km south-south-east (the SMM also saw, not only heard the latter).

In Luhansk region, the SMM recorded fewer ceasefire violations, including four explosions compared with 11 during the previous reporting period. Positioned in "LPR"-controlled Khriashchivka (22km east of Luhansk) the SMM heard one undetermined explosion 2-3km north-east, in "LPR"-controlled Veselohorivka (62km west of Luhansk) the SMM heard one undetermined explosion 5km south-west, in government-controlled Katerynivka (64km west of Luhansk) the SMM heard one undetermined explosion 10km west, and in government-controlled Popasna (69km west of Luhansk) the SMM heard one undetermined explosion at an unknown distance south-east.

The SMM **followed up reports of shelling and civilian casualties**. The SMM was able to confirm six reported civilian casualties in Makiivka's Kirovskiy district ("DPR"-controlled, 12km north-east of Donetsk). At Gazetnyi Lane 7 the SMM met an elderly woman who had sustained cuts on her face. The daughter of the victim told the SMM that she and her son had been thrown to the floor of their apartment at approximately 19:00 on 27 October by explosions that had shattered the windows of their apartment and injured her mother. The SMM entered an apartment in the same building and observed shattered windows and shrapnel damage to the walls of the apartment. A middle-aged woman told the SMM that she had been thrown to the floor by an explosion and received bruises to the forehead and other parts of her body. At the entrance of another stairwell of the same building the SMM observed shattered windows, shrapnel damage to metal pipes in front of the entrance and a large pool of blood. Local residents indicated to the SMM that a civilian man had died at this location. A woman in her fifties told the SMM that at approximately 19:00, after hearing several explosions; she had exited the building due to fear of a fire from damaged gas lines and saw her neighbour dead on the ground. The SMM assessed that a projectile had hit the north-western-facing wall of the building and left a large hole next to the main entrance, destroyed the steel support in the walls and shattered windows. Nearby, at house number ten in "kvartal Stroyitel", the SMM observed a hole in the wall of the building and shrapnel damage to the walls of the building and shattered windows. The SMM assessed that a projectile had hit the north-facing side of the building. Based on the size, shape and position of the two impact sites (located on the two aforementioned buildings) the SMM assessed that they were caused by artillery rounds of at least 122mm fired from a north-westerly direction. An elderly female resident of the second building told the SMM that she had been thrown against the wall by a blast at approximately 19:20 on 27 October and had suffered cuts from flying glass to her left arm, leg and back. The woman and her daughter told the SMM that

another woman was injured on the sixth floor of the building. The SMM was unable to proceed to the sixth floor as a section of the stairs was destroyed. At another apartment in the same building a woman told the SMM that her son (26 years of age) sustained injuries to his arms and chests from broken glass at around 19:00 the previous evening. At house number four in "kvartal Stroyitel" (located adjacent to house number ten) the SMM observed a pool of blood and spoke with two male residents who stated that a father, mother and daughter had been returning home to the apartment when an explosion had occurred. The father had died on the spot while the daughter had sustained injuries. At a hospital in Donetsk, medical personnel told the SMM that a six-year-old girl (the aforementioned daughter of the man who had died) had been delivered to the hospital at approximately 20:50 on 27 October from Makiivka. The SMM met with the girl and noted that she had shrapnel wounds to her cheek, eye, face and left ear. The medical personnel told the SMM that her left jaw was broken and that she would require surgery.

At the city morgue in Makiivka a man told the SMM that two bodies were delivered to the morgue at approximately 21:00 on 27 October. According to the man, a post-mortem analysis revealed that the cause of death in one case (from house four in "kvartal Stroyitel", see above) was trauma to the head and neck, and in the other case (at seven Gazetnyi Lane, see above) shrapnel injuries to the chest area which had damaged internal organs. The SMM observed the bodies and noted that visible injuries to the bodies coincided with the description provided by the man.

Approximately 1.5km south of "LPR"-controlled Novokyivka (26km east of Luhansk) the SMM observed a crater, which it assessed to be three to four days old, a few meters from the side of the road. The SMM assessed the impact as caused by an anti-tank guided missile (9M113 *Konkurs*, 135mm) fired from a northerly direction.

In government-controlled Pivnichne (formerly Kirove, 44km north-east of Donetsk) the SMM observed broken windows and shrapnel damage to the fence of a house. The head of the city administration told the SMM that the shelling had occurred on 27 October and a resident confirmed that the shelling had taken place at 06:50 on 27 October.

Medical personnel at a hospital in government-controlled Bakhmut (formerly Artemivsk, 67km north of Donetsk) told the SMM that an injured person had been brought to the hospital from the Maiorsk entry-exit checkpoint on the morning of 26 October. According to the medical personnel, the man, who had a pre-existing disability (deaf), suffered a shrapnel wound to his knee caused by an explosive device while walking from "DPR"-controlled Horlivka towards government-controlled areas after the last "DPR" checkpoint.

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to pursue full access to the disengagement areas** of Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk), Zolote (60km west of Luhansk) and Petrivske (41km south of Donetsk), as foreseen in [the Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware of 21 September 2016](#). The Armed Forces and armed formations, obliged under the Decision to remove or fence off explosive objects and ensure safety and secure access for the SMM to the disengagement areas, were observed doing so in one of the three areas. The Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC), tasked by the Decision of the Trilateral Contact Group on mine action of 3 March 2016 to carry out the overall co-ordination of demining work and repeatedly tasked to contribute to rapid response to impediments to monitoring by the SMM, during the reporting period was observed doing so in one of the three areas.

The SMM's access remained restricted in all three areas,* but the Mission was able to partially monitor them.

On the "LPR" side of the **Stanytsia Luhanska** bridge (16km north-east of Luhansk), the SMM was restricted from travelling towards the railway bridge due to the presence of mine hazard signs on the road and the lack of security guarantees. The SMM did not observe any sign of disengagement on either side of the bridge. A Ukrainian Armed Forces officer at the JCCC present near the bridge told the SMM that there were no plans to proceed with disengagement or with demining that day.

In government-controlled parts of **Zolote** (60km north-west of Luhansk) a Ukrainian Armed Forces officer at the JCCC told the SMM that the road to "DPR"-controlled Pervomaisk (58km west of Luhansk) would be cleared of mines. The SMM observed as demining work commenced along the road. Shortly after 12:30 the Ukrainian Armed Forces officer at the JCCC told the SMM that the government-controlled section of the road leading south to Pervomaisk had been cleared of mines. Similar security guarantees regarding the "LPR"-controlled section had already been provided in previous weeks. Shortly after, the SMM travelled south to north through the disengagement area, from the "LPR"-controlled section to the government-controlled section.

In "DPR"-controlled **Petrivske** (41km south of Donetsk), the SMM was unable to travel on the road west of Petrivske due to the presence of mine hazard signs and the lack of security guarantees.

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Package of Measures and its Addendum, as well as the Memorandum.

In violation of the respective withdrawal line the SMM observed 18 self-propelled howitzers (2S1 *Gvozdika*, 122mm) near government-controlled Tarasivka (43km north-west of Donetsk) and four multiple-launch rocket systems (MLRS; BM-21 *Grad*, 122mm) near government-controlled Khibodarivka (65km south-west of Donetsk).

Beyond the withdrawal lines but outside of assigned areas, the SMM observed, in government-controlled areas 18 tanks (T-72) travelling to Kostiantynivka (60km north of Donetsk) railway station and two anti-tank guns (MT-12 *Rapira*, 100mm) and at least ten self-propelled howitzers (2S1 *Gvozdika*, 122mm) near Druzhkivka railway station (72km north of Donetsk).

The SMM observed weapons that could not be verified as withdrawn, as their storage did not comply with the criteria set in the 16 October 2015 notification. In government-controlled areas the SMM noted as present four towed howitzers (2A65 *Msta-B*, 152mm) and three anti-tank guns (MT-12 *Rapira*, 100mm). The SMM noted as missing six anti-tank guns (MT-12 *Rapira*, 100mm; first noted as missing on 2 May 2016) and 59 towed howitzers (41 2A65 *Msta-B*, 152mm, two first noted as missing on 22 September 2016, 24 in April and May 2016 and 15 missing for the first time; and 18 2A36 *Giatsint-B*, 152mm, noted as missing since 8 March and 6 April 2016). The SMM observed that five such areas were abandoned, two for the first time. In "DPR"-controlled areas the SMM observed six self-propelled howitzers (2S1 *Gvozdika*, 122mm) and six MLRS (BM-21 *Grad*, 122mm) but was not allowed to approach the weapons and verify their serial numbers.*

The SMM revisited Ukrainian Armed Forces permanent storage sites, whose locations corresponded with the withdrawal lines, and observed as missing 77 tanks (30 T-72 first noted as missing on 2 July 2016, ten T-72 and six T-64 first noted as missing on 31

March 2016, and 31 T-72 noted as missing for the first time) and six mortars (2B9 Vasilek, 82mm; first noted as missing on 31 March 2016). The SMM noted 17 tanks (T-64) as present for the first time.

The SMM observed **armoured combat vehicles[2] and an anti-aircraft gun in the security zone**. In government-controlled areas the SMM saw two IFVs (BMP-1) and an armoured personnel carrier (APC; BRDM-2) in Stanytsia Luhanska (outside the disengagement area) and four IFVs (two BMP-1) and two APCs near Mariupol. In "LPR"-controlled areas the SMM observed an anti-aircraft gun (ZU-23, 23mm) at a checkpoint south of government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk) and an APC (MT-LB) in Kalynove (59km west of Luhansk).

The SMM observed what appeared to be three fake mortar tubes in a field approximately 800m from "DPR"-controlled Novolaspa (50km south of Donetsk). They were unprotected and had neither ammunition nor mortar plates.

The SMM continued monitoring in Kherson, Odessa, Lviv, Ivano-Frankivsk, Kharkiv, Dnipro, Chernivtsi, and Kyiv.

****Restrictions to SMM's freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate***

The SMM's monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, unexploded ordnance, and other impediments – which vary from day to day. The SMM's mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM's freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations.

Denial of access:

- At a checkpoint at the southern edge of the Zolote-Pervomaisk disengagement area, an "LPR" member told the SMM that its safety in surrounding fields and areas off of main roads was not guaranteed due to the possible presence of mines/UXO. The SMM informed the JCCC.
- While near the "LPR" checkpoint on the south side of the Stanytsia Luhanska bridge, the SMM attempted to access the road towards the railway bridge but could not proceed due to the presence of mine hazard signs and lack of security guarantees. The SMM informed the JCCC.
- The SMM was not able to proceed on the road west of Petrivske due to the presence of mine hazard signs and the lack of security guarantees. The SMM informed the JCCC.
- The SMM could not proceed across the bridge south of government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk) from either side. Ukrainian Armed Forces personnel and armed "LPR" members present at the respective checkpoints on both sides told the SMM that the bridge was still mined. The SMM informed the JCCC.
- The SMM was not allowed to approach weapons to verify serial numbers at two "DPR" heavy weapons holding areas.
- The SMM was stopped by an armed man at a "DPR"-controlled checkpoint on the eastern edge of Novolaspa (50km south of Donetsk) and prevented from proceeding into the village. The SMM did not enter the village and travelled on towards Bila Kamianka.

- Armed men stopped the SMM 700m east of “DPR”-controlled Bila Kamianka (51km south of Donetsk) and prevented it from proceeding west toward the village. The SMM informed the JCCC.

Delay:

- The SMM was stopped by armed men at a “DPR” checkpoint at the southwestern outskirts of Donetsk city and instructed to join a queue of approximately 50 civilian cars. The patrol continued via an alternative route and informed the JCCC.

[1] Please see [the annexed table](#) for a complete breakdown of the ceasefire violations as well as map of the Donetsk and Luhansk regions marked with locations featured in this report.

[2] This hardware is not proscribed by the provisions of the Minsk agreements on the withdrawal of weapons.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
26 Turhenievskaya Street
01054 Kyiv
Ukraine
Office: +380 44 392 0965
Mobile: +38 067 828 06 79
Mobile: +38 050 387 93 98
liudmyla.palamar@osce.org
smm-media@osce.org

Annex 15

OSCE SMM, “Latest from OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM) based on information received as of 19:30 (Kyiv time), 6 November 2016”, 7 November 2016

Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine, based on information received as of 19:30, 6 November 2016

KYIV 7 November 2016

This report is for media and the general public.

In Donetsk region the SMM recorded a similar number of ceasefire violations on 5 November compared to the previous day and fewer during the reporting period covering 6 November. In Luhansk region the SMM recorded more ceasefire violations on 5 November than the previous day and more during the reporting period covering 6 November than on either of the previous two days. The Mission observed damage caused by shelling on both sides of the contact line and followed up on reports of civilian casualties in Donetsk city and Avdiivka. It continued to monitor the disengagement process in Stanytsia Luhanska, Zolote and Petrivske and was restricted in its movement in all three areas. The SMM monitored the withdrawal of weapons and observed the presence of unexploded ordnance on both sides of the contact line. It monitored a border area currently not under government control.*

The SMM recorded a similar number of **ceasefire violations** in Donetsk region on 5 November, with approximately 470 explosions and over 100 projectiles observed compared with 585 explosions in the previous reporting period.^[1] Most of these were recorded in the Avdiivka-Yasynuvata-Donetsk airport triangle and around Debaltseve. In the reporting period covering 6 November, the SMM observed fewer ceasefire violations, with over 230 explosions and approximately 130 projectiles, mostly in the Avdiivka-Yasynuvata-Donetsk airport area.

While in "DPR"-controlled Donetsk city centre over the course of 12 hours on the evening and night of 4-5 November, the SMM heard 62 undetermined explosions 5-10km north-west. The SMM camera in government-controlled Avdiivka (17km north of Donetsk) recorded 60 undetermined explosions on the evening and night of 4-5 November, and 12 undetermined explosions, six airbursts and three projectiles fired from west to east during the day on 5 November. All explosions on both days were recorded 2-5km south-east of the camera's location. The SMM camera at the "DPR"-controlled Oktiabr mine (9km north-west of Donetsk) recorded eight airbursts 4-10km north-east and one 8-9km south-east. During the day on 5 November, positioned in "DPR"-controlled Yasynuvata (16km north-east of Donetsk), the SMM recorded about 100 undetermined explosions, over 170 bursts of heavy-machine-gun and small-arms fire and four instances of continuous heavy-machine-gun and small-arms fire (nearly ten minutes of continuous fire in total), mainly 1-6km west and west-south-west.

During the night of 5-6 November the SMM did not observe any ceasefire violations in the Avdiivka-Yasynuvata-Donetsk airport triangle. Positioned in Yasynuvata for nearly six hours throughout the morning and early afternoon on 6 November, the SMM heard 32 undetermined explosions and a 40-minute episode of continuous bursts and single shots of heavy-machine-gun and small-arms fire, all 2-7km west and west-south-west. Positioned in Avdiivka for 3.5 hours in the morning and early afternoon of 6 November, the SMM heard 44 explosions assessed as outgoing rounds (39 from unknown weapons and five assessed as automatic-grenade-launcher rounds) 4-5km south-east. Beginning in the late afternoon of 6 November, the SMM camera in Avdiivka recorded

two projectiles fired from east to west 6-7km south of the camera's location. During an ensuing exchange the camera recorded 38 undetermined explosions, one airburst, 44 projectiles fired west to east, four projectiles fired north to south, and 71 projectiles fired east to west, all 4-5km east-south-east. Also in the late afternoon, the SMM camera at the Oktiabr mine recorded ten projectiles fired from east to west 2-3km north-east of the camera's location.

While in "DPR"-controlled Debaltseve (58km north-east of Donetsk) on the night of 4 November and during the day on 5 November, the SMM heard 51 explosions assessed as impacts of 82mm and 120mm mortar rounds and 155 undetermined explosions, all 5-12km north and north-north-west. While in "DPR"-controlled Debaltseve, between 04:00 and 06:30 on the morning of 6 November, the SMM heard 46 undetermined explosions 5-8km north-west.

While in government-controlled Svitlodarsk (57km north-east of Donetsk) on the evening of 5 November the SMM heard three explosions assessed as mortar rounds of unknown calibre. While in Svitlodarsk the SMM heard 27 undetermined explosions and two explosions assessed as outgoing rounds, all 2-4km south-south-east on the afternoon of 6 November.

Positioned in "DPR"-controlled Sofiivka (formerly Karlo-Marksove, 40km north-east of Donetsk) for 20 minutes on 5 November, the SMM heard and saw two explosions assessed as impacts of mortar rounds 1-2km south-west.

From the late afternoon through the night of 4-5 November, the SMM camera in government-controlled Shyrokyne (20km east of Mariupol) recorded an exchange of fire which began with seven projectiles assessed as multiple-launch-rocket-system (MLRS) rounds fired from the south-west to the north-east approximately 2km east-north-east of the camera's position, and four explosions assessed as impacts of MLRS rounds landing in "DPR"-controlled Sakhanka (24km north-east of Mariupol), 4km north-east of the camera's position. This was followed by 81 rocket-assisted projectiles fired from the south-west to the north-east and four indirect rocket-assisted projectiles fired from east to west, all 2km east-north-east of the camera's location.

In the late afternoon and early evening of 5 November the SMM camera in Shyrokyne recorded an exchange which began with five explosions assessed as impacts of artillery rounds and ten airbursts assessed as artillery rounds, all 2km north-east of the camera's location. During an ensuing exchange the camera recorded seven rocket-assisted projectiles assessed as MLRS rounds fired from south-west to north-east and four indirect rocket-assisted projectiles fired from south to north, all 2km north-east; and over 130 bursts of tracer rounds fired from westerly to easterly directions and 38 tracer rounds from easterly to westerly directions, all at unknown distances north-east.

Positioned in government-controlled Lebedynske (16km north-east of Mariupol) for approximately ten minutes on the afternoon of 4 November, the SMM heard 40 undetermined explosions at unknown distances to the north-east and one explosion at an unknown distance to the north-west.

Positioned for 15 minutes 1.5km south-east of government-controlled Lomakyne (15km north-east of Mariupol) later in the afternoon, the SMM heard four explosions assessed as impacts of mortar rounds at unknown distances to the north-north-east.

During the early afternoon of 6 November, in Sakhanka, the SMM heard ten undetermined explosions 1.5-2km south-west and three undetermined explosions 10km north-west.

In Luhansk region, on the evening of 4 November the SMM heard three short series of explosions (five-ten seconds each) assessed as partial, outgoing volleys of MLRS (BM-21 *Grad*, 122mm) and seven explosions assessed as artillery rounds, as opposed to 13 explosions in the previous reporting period. The explosions on the evening of 4 November were recorded while in "LPR"-controlled Kadiivka (formerly Stakhanov, 50km west of Luhansk), 5-10km west of the SMM's position for the MLRS and 15-20km west for the artillery rounds.

The SMM observed an increase in the rate of ceasefire violations on 6 November, including about 430 explosions, mostly in the western part of the Luhansk region. While in Kadiivka on the night of 5-6 November the SMM heard 31 outgoing artillery rounds (3-5km west) and their corresponding impacts (more than 10km south-west) as well as 63 explosions assessed as artillery rounds, 5-10km and at unknown distances in a westerly direction. Positioned in "LPR"-controlled Irmino (54km west of Luhansk) early in the morning of 6 November, the SMM heard ten explosions assessed as impacts of artillery rounds, 66 undetermined explosions, all 10km south-west. Approximately 20-30 minutes later, positioned 1km north-west of "LPR"-controlled Pervomaisk (58km west of Luhansk), the SMM heard more than 200 explosions in one hour, assessed as outgoing rounds and impacts of artillery, mortar and automatic-grenade-launcher rounds 10km west and south-west. Positioned in a government-controlled part Zolote (60km west of Luhansk) later in the afternoon, the SMM heard 21 explosions assessed as artillery rounds 15km south-west.

The SMM followed up on **reports of shelling and civilian casualties**. A Russian Federation Armed Forces officer at the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC) told the SMM that one person had been injured on the morning of 5 November as a result of shelling in Petrovskiyi district of Donetsk city. Medical personnel at a hospital in Donetsk city told the SMM that a man had been admitted with shrapnel wounds.

In Avdiivka, medical personnel at a hospital and a law enforcement official separately told the SMM that a man had been hospitalized on the evening of 3 November after suffering shrapnel wounds.

The SMM observed two fresh impact sites on Lenin street in government-controlled Krymske (43km north-west of Luhansk) which had destroyed a barn. A third impact site on a side street was located 2m from an abandoned house. The SMM assessed the three impacts as possibly caused by 82mm mortar rounds fired from an easterly direction. The SMM observed four more fresh impact sites just south of the village. A Ukrainian Armed Forces officer at the JCCC and a Ukrainian Armed Forces commander told the SMM that the settlement had been shelled on the night of 2 November. The SMM assessed the impacts as caused by 122mm rounds fired from an easterly direction.

In government-controlled Troitske (69km west of Luhansk) the SMM saw two impact sites approximately 150m from a house at the eastern edge of the settlement assessed as possibly caused by 82mm mortar rounds fired from an easterly direction. The owner of the house told the SMM that the shelling had occurred during the afternoon of 5 November. The SMM observed that the man had a shrapnel wound on his leg. A Ukrainian Armed Forces officer at the JCCC and a television crew were present at the site.

In Novooleksandrivka (65km west of Luhansk) a resident told the SMM that on the night of 3 November he had heard five to six grenade explosions near his house. The SMM observed a fresh impact on a road approximately 50m from the house and

assessed that it had been caused by an automatic-grenade-launcher round (AGS) fired from a north-easterly direction. Another resident told the SMM that the settlement had been shelled on the morning of 6 November. The SMM observed four fresh impacts 5-50m from a bus stop and assessed them as having been caused by automatic-grenade-launcher rounds (AGS-17) fired from an easterly direction.

The SMM observed several small, fresh impact sites around a checkpoint south of "DPR"-controlled Olenivka (23km south-west of Donetsk). An armed man told the SMM that the checkpoint had been shelled on the evening of 5 November.

In "DPR"-controlled Pikuzy (formerly Kominternove, 23km north-east of Mariupol) the SMM observed a fresh impact site, assessed as caused by an automatic-grenade-launcher round. The impact was approximately 100m from a "DPR" checkpoint and approximately 50m from the nearest house. An armed man told the SMM that the checkpoint had been shelled on the evening of 5 November. The SMM observed shrapnel damage to a barn and water tower which the owner of the property told the SMM had occurred the previous day.

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to pursue full access to the disengagement areas** of Stanytsia Luhanska, Zolote (60km west of Luhansk) and Petrivske (41km south of Donetsk), as foreseen in [the Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware of 21 September](#). The SMM's access remained restricted in all three areas,* but the Mission was able to partially monitor them. It noted no demining or fencing off of mines in any of the areas.

On 5 and 6 November a Ukrainian Armed Forces officer at the JCCC told the SMM that Ukrainian Armed Forces had still not received an order to withdraw from the **Stanytsia Luhanska** disengagement area. On 5 and 6 November the SMM was unable to proceed from the "LPR" checkpoint south of the Stanytsia Luhanska bridge (16km north-east of Luhansk) toward the railway bridge due to the threat of mines.*

In government-controlled parts of Zolote (60km north-west of Luhansk) a group of residents told the SMM that houses in the settlement had been damaged by shelling on 23, 26 and 30 October. The SMM observed damage to a garage and chicken coop of one house. The SMM observed an unexploded grenade in the yard of the house and assessed it as an automatic-grenade-launcher (AGS-17) round. At another house the SMM observed a fresh impact site in the garden which it assessed it as caused by a rocket-propelled-grenade (RPG-7) round fired from a south-westerly direction. At a third site, the SMM observed shrapnel damage to a wooden gate and electricity metre of a house, and assessed them as caused by an automatic-grenade-launcher (AGS-17) round fired from a south-easterly direction. The impact sites were about 1km outside the disengagement area. On 6 November, positioned between government- and "LPR"-controlled parts of Zolote, the SMM heard a burst of small-arms fire 500m south-east of its position (assessed as outside the disengagement area). On 5 November, while at an "LPR" checkpoint at the edge of the **Zolote-Pervomaisk** (57km west of Luhansk) disengagement area an "LPR" member told the SMM that the "LPR"-controlled sector of the disengagement area was clear of mines and unexploded ordnance (UXO). The SMM had not observed any demining activity and continued to observe the presence of mine hazard signs. On 6 November, however, an "LPR" member at the same checkpoint said he could not guarantee the security of the SMM due to the possible presence of mines and UXO in those areas. On 6 November the SMM was prevented from proceeding towards the government-controlled checkpoint near the disengagement area as the road was blocked with concrete blocks, branches and a mine sign.*

In “DPR”-controlled **Petrivske** (41km south of Donetsk) the SMM observed 11 armed men walking west through the village (outside the disengagement area) on 5 November. On 6 November a “DPR” member told the SMM that no demining activity had taken place in the disengagement area and that he could not provide security guarantees for the SMM to travel west to Viktorivka (42km south-west of Donetsk) due to the potential presence of mines.

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Package of Measures and its Addendum, as well as the Memorandum.

In government-controlled Andriivka (61km south of Donetsk), beyond the withdrawal lines but outside permanent storage sites, the SMM observed three mortars (120mm) under a tarpaulin.

The SMM observed weapons that could not be verified as withdrawn, as their storage does not comply with the criteria set out in the 16 October 2015 notification. In a government-controlled area beyond the respective withdrawal lines, the SMM noted one such area remained abandoned, six self-propelled howitzers (2S1 *Gvozdika*, 122mm) still missing.

The SMM observed the following **armoured combat vehicles in the security zone**.^[2] In government-controlled areas the SMM observed two armoured personnel carriers (APC) east of Mariupol (102km south of Donetsk), three infantry fighting vehicles (IFV; BMP-2) near Novotoshkivske (53km west of Luhansk), two IFVs (BMP-2) near Krymske (42km north-west of Luhansk), one APC (BRDM-2) near Staryi Aidar and again near Lobacheve (20and 17km north-west of Luhansk, respectively). In areas not controlled by the Government, the SMM observed one IFV (BMP-2) blocking a road and firing 21 30mm cannon rounds in a westerly direction near Bezimenne (30km east of Mariupol) and one IFV (BMP-2) near Staromykhailivka (15km west of Donetsk).

The SMM observed fresh tank tracks (assessed as at least one T-64 and one T-72) from north-east of “DPR”-controlled Zaichenko (26km north-east of Mariupol) to south-west of “DPR”-controlled Nova Tavriia (25km north-east of Mariupol).

The SMM continued to observe **the presence of UXO**. In Novotoshkivske a Ukrainian Armed Forces officer at the JCCC showed the SMM two unexploded tank shells (125mm) next to a road and 50m from a Ukrainian Armed Forces checkpoint. South of “DPR”-controlled Sakhanka the SMM observed a 120mm mortar tail sticking out of the ground.

The SMM monitored a calm situation while present at a **border area currently not under Government control** near “DPR”-controlled Novoazovsk (40km east of Mariupol) for approximately 30 minutes.

The SMM continued monitoring in Kherson, Odessa, Lviv, Ivano-Frankivsk, Kharkiv, Dnipro, Chernivtsi and Kyiv.

****Restrictions to SMM's freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate***

The SMM's monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, unexploded ordnance, and other impediments – which vary from day to day. The SMM's mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM's freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations.

Denial of access:

- On 5 and 6 November the SMM was unable to access secondary routes in the Zolote-Pervomaisk disengagement area (58km west of Luhansk). On 5 November the SMM continued to observe the presence of mine hazard signs and on 6 November an "LPR" member told the SMM that he could not guarantee the safety of the SMM due to possible threat of mines and UXO. The SMM informed the JCCC.
- The SMM could not proceed from a government-controlled part of Zolote (60km north-west of Luhansk) to the Zolote-Pervomaisk crossing route on 6 November as several concrete blocks obstructed the way, necessitating a detour. The SMM informed the JCCC.
- On 5 and 6 November, the SMM could not proceed from the "LPR" checkpoint south of the Stanytsia Luhanska bridge (16km north-east of Luhansk) toward the railway bridge due to the presence of a mine hazard sign. The SMM informed the JCCC.
- On 6 November the SMM could not travel across the bridge south of government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk) in either direction as a Ukrainian Armed Forces soldier and an armed "LPR" member told the SMM that the bridge was still mined. On 5 November the SMM twice attempted to travel across the bridge from "LPR" to government-controlled areas but was unable to do so due to the threat of mines. The SMM informed the JCCC.
- On 6 November a "DPR" member told the SMM that he could not provide security guarantees for the SMM to travel west to Viktorivka due to the danger of mines. The SMM informed the JCCC.
- On 5 November, at a checkpoint in government-controlled Katerynivka (69km west of Luhansk), a Ukrainian Armed Forces commander told the SMM that the road towards government-controlled Popasna was mined and he had not received orders to open the road. The SMM informed the JCCC.
- On 5 November, a Ukrainian Armed Forces officer denied the SMM access to a heavy weapons holding area. The SMM informed the JCCC.
- On 5 November an IFV firing towards the west blocked the road between "DPR"-controlled Bezimenne (30km east of Mariupol) and "DPR"-controlled Sakhanka (24km north-east of Mariupol), forcing the SMM to turn around and drive back to Bezimenne.
- On 5 November, near government-controlled Andriivka (61km south of Donetsk), a Ukrainian Armed Forces soldier refused to give the SMM access to a compound. After nearly 40 minutes the SMM was allowed to enter the compound on condition that monitors of Russian nationality not be allowed to enter. The SMM observed three pieces of hardware assessed as mortars, covered by a tarpaulin. Ukrainian Armed Forces personnel did not allow the SMM to look under the cover. The SMM informed the JCCC.
- On 6 November, at a checkpoint in "DPR"-controlled Staromykhailivka, an armed man did not allow the SMM to travel west. The SMM informed the JCCC.

Delay:

- On 6 November the SMM was stopped by a member of the Ukrainian Armed Forces at the western entrance of Slavne (26km south-west of Donetsk) and told to wait until the unit commander arrived. The SMM spoke with the unit commander upon his arrival and was allowed to proceed after having waited for approximately 40 minutes.

30.07.2021

Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine, based on information received as of 19:30, 6 November 2016 | O...

[1] Please see [the annexed table](#) for a complete breakdown of the ceasefire violations as well as map of the Donetsk and Luhansk regions marked with locations featured in this report.

[2] This hardware is not proscribed by the provisions of the Minsk agreements on the withdrawal of weapons.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
26 Turhenievska Street
01054 Kyiv
Ukraine
Office: +380 44 392 0965
Mobile: +38 067 828 06 79
Mobile: +38 050 387 93 98
liudmyla.palamar@osce.org
smm-media@osce.org

Annex 16

OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 29 January 2017”, 30 January 2017

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 29 January 2017

KYIV 30 January 2017

This report is for the general public and the media.

In Donetsk and Luhansk regions the SMM recorded fewer ceasefire violations between the evenings of 27 and 28 January compared with the previous reporting period, and more between the evenings of 28 to 29 January, including an escalation of violence in the Avdiivka-Yasynuvata-Donetsk airport area. The SMM followed up on reports of damage in several residential areas due to shelling. The Mission continued monitoring the three disengagement areas in Stanytsia Luhanska, Zolote and Petrivske but its access remained restricted. There were ceasefire violations inside the Stanytsia Luhanska disengagement area on 27 and 28 January. In violation of withdrawal lines the Mission observed tanks and howitzers near Avdiivka and a surface-to-air missile system near Hannivka. It visited two border areas currently outside of government control.*

The SMM recorded fewer **ceasefire violations** in Donetsk region between the evenings of 27 and 28 January compared with the previous reporting period (including about 330 explosions compared with about 520).^[1] In the following 24 hours, however, the SMM recorded over 2,300 explosions, primarily in the Avdiivka-Yasynuvata-Donetsk airport area.

On the night of 27-28 January, while in "DPR"-controlled Donetsk city centre the SMM heard 102 undetermined explosions 2-12km west-north-west and north-west. An SMM camera at "DPR"-controlled Oktiabr mine (9km north-west of Donetsk) recorded one projectile in flight from north-west to south-east, 4-5km north-east, followed by 43 undetermined explosions, 84 projectiles in flight (50 south-east to north-west, 34 north-west to south-east), and 50 tracer rounds in flight from south-east to north-west, all 4-6km north-east of the camera.

The same night an SMM camera in government-controlled Avdiivka (17km north of Donetsk) recorded five projectiles in flight from north to south, 4-5km south-east, followed by 35 undetermined explosions, seven projectiles in flight from north to south and one illumination flare in vertical flight, all 1-5km south-east of the camera. During the day on 28 January, the camera recorded one undetermined explosion and five projectiles in flight from north to south, 3-6km south-east.

During the day on 28 January, positioned north-west of Donetsk city centre, the SMM heard

14 undetermined explosions, six bursts of heavy-machine-gun fire, and 81 shots of small-arms fire, all 2-4km north-west and north-north-west.

During the night of 28-29 January, while in Donetsk city centre, the SMM heard ten undetermined explosions 3-6km west-north-west and north-north-west, followed by nearly two hours of uncountable undetermined explosions 8-12km north-west. The SMM camera at the Oktiabr mine recorded an undetermined explosion 3-5km west-north-west, followed by 28 undetermined explosions, six illumination flares in vertical

flight, six tracer rounds in flight from south to north, all 3-5km west-north-west. This was followed by nearly two hours of uncountable undetermined explosions, tracer rounds and projectiles in flight, all 6-9km north-east, followed by four undetermined explosions and one airburst, all 6-10km north-east.

During the same two hours of intense fighting recorded while in Donetsk city, the SMM camera in Avdiivka recorded uncountable undetermined explosions, tracer rounds, and projectiles in flight, 2-6km south-south-east, the first recorded being 15 projectiles in flight from north-west to south-east. This was followed by a period of over two hours when the camera recorded 28 undetermined explosions 4-6km east-south-east and south-east.

During the day on 29 January, positioned in "DPR"-controlled Yasynuvata (16km north-east of Donetsk) for over five hours, the SMM heard over 100 explosions assessed as outgoing rounds of an undetermined weapon 1-5km at directions ranging from south-east to south-west, 116 undetermined explosions 2-7km at directions ranging from south-south-west to north-north-west, and 101 undetermined explosions 1-5km at directions ranging from south-east to south.

The same day, positioned 6km north-west of Donetsk city centre for over four hours, the SMM heard over 1,330 undetermined explosions 1-7km north, north-north-east and north-east, and 16 undetermined explosions 2-10km west, north-west, and north-north-west. The Mission also heard uncountable explosions assessed as impacts of automatic-grenade-launcher rounds, and intense heavy-machine-gun and small-arms fire. Positioned in Avdiivka for over four hours, the SMM heard 416 undetermined explosions 2-5km east-south-east, as well as uncountable bursts of heavy-machine-gun and small-arms fire.

While in government-controlled Svitlodarsk (57km north-east of Donetsk) on the evening of 27 January, the SMM heard 16 undetermined explosions and seven bursts of heavy-machine-gun fire, all 7-12km south-west.

The same evening, while in government-controlled Mariupol (102km south of Donetsk), the SMM heard more than 50 undetermined explosions at unknown distances to the north-east and east-north-east.

During the night of 27-28 January an SMM camera in Shyrokyne (20km east of Mariupol) recorded 20 tracer rounds in flight from west to east, at an unknown distance north-north-east, followed by 30 undetermined explosions; one explosion assessed as an outgoing round of an undetermined weapon, followed by a rocket-assisted projectile in flight from west to east; over 150 tracer rounds in flight from west to east, of which 59 were assessed to be from an anti-aircraft cannon (ZU-23, 23mm); and nine tracer rounds in flight from east to west, all at unknown distances to the north-north-east and north-east. On the following morning, positioned at the camera site, the SMM heard two undetermined explosions (one 4km north, one 2km west) and one explosion assessed as the outgoing round of a mortar (calibre unknown) 2km north-east. That evening the camera recorded 37 tracer rounds in flight (14 from east to west at an unknown distance north, 23 assessed to be anti-aircraft cannon fire over 6km north) followed by an exchange consisting of 66 undetermined explosions and over 240 tracer rounds in flight, mostly from east to west, all at unknown distances north and north-east.

In Luhansk region between the evenings of 27 and 28 January the SMM recorded fewer ceasefire violations compared with the previous reporting period, including no explosions. In the following 24 hours, however, the SMM recorded 168 explosions. On

29 January, positioned in “LPR”-controlled Raivka (16km north-west of Luhansk), the Mission heard 40 explosions assessed as artillery rounds 12-15km north-west. Positioned near government-controlled Staryi Aidar (20km north-west of Luhansk), the SMM heard 42 undetermined explosions 12-15km south-south-west. Positioned near government-controlled Lopaskyne (23km north-west of Luhansk), the SMM heard 85 explosions assessed as 120mm mortar rounds 10-15km south-south-west.

The SMM followed up on reports of damage in residential areas due to shelling.

On 27 January the SMM observed six fresh impact sites about 100m south of an armed formation position on the northern edge of “LPR”-controlled Donetsk (49km west of Luhansk): two on a street about 10m from the nearest houses, and four in the backyards of two houses that had slight shrapnel damage and charring on their southern-facing walls. The SMM assessed that the impacts were caused by rounds from a recoilless gun (SPG-9, 73mm), one fired from a northerly direction (impacting in the street) and the other five fired from a west-south-westerly direction.

On the northern edge of Novooleksandrivka (65km west of Luhansk) the SMM observed a hole in the east-facing door of a house assessed as caused by a bullet, and shrapnel damage assessed as caused by a recoilless gun (SPG-9) round on the west-facing side of a fence on the other side of the house. Two men (aged about 35 and 45) told the SMM that the house was hit on 23 January. Nearer the centre of the village, the SMM observed a house with shrapnel damage to the north-western corner of its roof. Traces in the nearby snow and dirt indicated a blast had occurred. A resident of the house (male, aged about 55) showed the SMM fragments of 82mm mortar rounds and said that on 26 January the house was hit by mortar fire.

On 28 January the SMM observed a fresh crater in the backyard of a house on Zelena Street in “LPR”-controlled Kalynove (60km west of Luhansk), along with cracks in and broken bricks by the house’s south-south-east-facing walls, broken windows, and a car with a hole in the front windshield, a smashed rear windshield, and a broken right-rear window. The SMM assessed the crater as caused by a 122mm mortar round fired from a south-south-easterly direction. The house’s owner said that impact occurred in the early morning of 27 January. On Kosmitsheska Street the SMM observed a fresh crater 20m from a house with broken windows, minor damage to its walls, and missing roof tiles, all on its south-facing side. A house across the street had similar damage on its south-facing side. The SMM assessed the crater was caused by a 122mm mortar round fired from a southerly direction.

In “LPR”-controlled Brianka (46km south-west of Luhansk) the SMM observed a fresh crater about 25m from two houses with blown-out windows and shrapnel damage in the south-facing walls. The SMM could not assess the type of weapon or direction of fire.

In “LPR”-controlled Pervomaisk (58km west of Luhansk), the SMM saw a house with a damaged roof and a wall with broken bricks near a fresh impact site that the SMM assessed as caused by a 120mm mortar round fired a west-south-westerly direction. Three nearby houses had broken windows and holes in fences, and one had a hole in its roof. A woman (aged about 80) said the impact occurred at 03:00 on 27 January.

On 29 January, about 6m from a checkpoint in “LPR”-controlled Sentianivka (formerly Frunze, 44km west of Luhansk) the SMM observed two fresh impact sites, assessed as caused by mortar rounds. An armed man at a checkpoint in “LPR”-controlled Holubivka (formerly Kirovsk, 51km west of Luhansk) told the SMM the second crater was caused by the controlled detonation of a piece of unexploded ordnance (UXO). In Donetsk and Sentianivka, the SMM spoke with eight residents in three different locations who

reported hearing shots and explosions in the vicinity over a four-hour period on the night of 28-29 January.

In "DPR"-controlled Pikuzy (formerly Kominternove, 23km north-east of Mariupol), accompanied by a "DPR" member and a Russian Federation Armed Forces officer of the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC), the SMM observed a house with a large hole in the roof and several shattered south-west-facing windows, assessed as caused by a 73mm round from an infantry fighting vehicle (IFV; BMP-1) cannon. The SMM could not assess the direction of fire. A man (aged about 35) residing in the house said the impact had occurred on the evening of 28 January.

In "DPR"-controlled Zaichenko (26km north-east of Mariupol), the SMM observed a house with shattered windows and shrapnel marks on the roof and wall, all on the house's south-western side. Nearby, four electricity lines were down. Residents showed the SMM a location said to be an impact site, but it was covered by snow. A man (aged about 65) said the village had been shelled on the evening of 28 January.

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to pursue full access to the disengagement areas** of Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk), Zolote (60km west of Luhansk) and Petrivske (41km south of Donetsk), as foreseen in the [Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware](#) of 21 September. The SMM's access to all three areas remained restricted but the Mission was able to partially monitor them.* The SMM observed no de-mining activities or disengagement in the three areas.

On the morning of 27 January, the SMM camera in **Stanytsia Luhanska** recorded three shots of an undetermined weapon about 750m south-south-west. On the morning of 28 January, the same camera recorded one projectile in flight from south to north, almost 2km south-south-east. All violations were assessed as inside the disengagement area. On 28 January, a Ukrainian Armed Forces officer of the JCCC told the SMM that no disengagement or de-mining activities would take place that day.

On the evening of 26 January, the SMM camera in government-controlled Zolote recorded three explosions assessed as artillery rounds 6-15km south-east, followed by six explosions assessed as artillery rounds 5-15km south-south-east and two projectiles in flight from north to south, 5km east. All violations were assessed as outside the disengagement area. Positioned in government-controlled Katerynivka (64km west of Luhansk) on 28 January, the SMM heard three bursts of heavy-machine-gun fire 3-5km north-east, assessed as outside the disengagement area.

On 28 January, positioned east of government-controlled Bohdanivka (41km south-west of Donetsk) near the Petrivske disengagement area, the SMM heard five undetermined explosions at an unknown distance to the north-east, assessed to be outside the disengagement area.

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Package of Measures and its Addendum, as well as the Memorandum.

On 29 January, in violation of withdrawal lines, the SMM observed: in government-controlled areas, four tanks (T-64) west of Avdiivka travelling east and three howitzers (2A18, 122mm) towed by trucks travelling east near Mykhailivka (37km north-west of Donetsk); and in "LPR"-controlled areas, a stationary surface-to-air missile system (9K33 *Osa*, 210mm) near Hannivka (58km west of Luhansk).

Beyond withdrawal lines but outside assigned sites, the SMM observed on 28 January three tanks (T-64) on stationary transporters near government-controlled Druzhkivka

(72km north of Donetsk) and, on 29 January, one tank (T-64) on a stationary transporter near government-controlled Bakhmut (formerly Artemivsk, 67km north of Donetsk).

The SMM **observed weapons that could not be verified as withdrawn**, as their storage does not comply with the criteria set in the 16 October 2015 notification. In government-controlled areas beyond the respective withdrawal lines, the SMM observed nine anti-tank guns (MT-12 *Rapira*, 100mm). The SMM observed that the following weapons were again absent: 12 anti-tank guns (MT-12) and six towed howitzers (2A65 *Msta-B*, 152mm), four of which were missing for the first time. One holding area continued to be abandoned, with 29 anti-tank guns (28 MT-12; one T-12, 100mm) having been previously observed at the site.

The SMM observed the presence of **armoured combat vehicles[2] and military-type trucks in the security zone, as well as other hardware outside the security zone**. In government-controlled areas on 28 January the SMM saw a stationary armoured personnel carrier (APC; BRDM-2) near Vrubivka (72km west of Luhansk), a stationary IFV (BMP-1) near Stanytsia Luhanska (outside the disengagement area), nine stationary IFVs (BMP-2) near Popasna (69km west of Luhansk), an APC (MT-LB) with a probable anti-aircraft cannon (ZU-23) travelling north-east near Talakivka (17km north-east of Mariupol). In "LPR"-controlled areas on 29 January, the SMM saw two APCs (MT-LB), one towed IFV (BMP), and one covered vehicle (possibly a BMP) travelling south-east near Brianka (49km west of Luhansk), and a covered APC (MT-LB) stationary near Molodizhne (63km north-west of Luhansk). Near "DPR"-controlled Olenivka (23km south-west of Donetsk), the SMM observed two stationary APCs (one BTR-70, one BTR-80).

Near Yasynuvata, the SMM observed a Ural truck with armed persons in white clothing and four other military-type trucks (at least one with armed persons), all travelling west-north-west. Near government-controlled Vodiane (42km south-west of Donetsk), the SMM observed three trucks, each with a mine-laying device containing 128 anti-tank mines.

The SMM continued to observe the **presence of UXO and mine hazard signs**. On 28 January, three armed "LPR" members stopped the SMM and showed it an object on a road north-east of Sentianivka, marked by twigs, that the SMM assessed was an unexploded 82mm mortar round. The "LPR" members said a demining team would likely remove it within two days. On the edge of "DPR"-controlled Styla (34km south of Donetsk), the SMM observed a new mine hazard sign affixed to a tree along the highway. The sign was red, emblazoned with a white skull-and-crossbones symbol, and read "Stop, Mines!" in Russian and "Danger, Mines!" in English.

The SMM continued to note **the difficult situation of civilians walking across the Stanytsia Luhanska bridge**, observing on 29 January that the wooden ramps at the broken section of the bridge were slippery, and that the boards shook with as few as two people stepping on them, even when they were not carrying bags or boxes.

On 28 and 29 January, the SMM observed that the **blockade of a railway track** near government-controlled Hirske (63km west of Luhansk) remained in place, with eight unarmed men in camouflage present at the site, along with logs placed on the tracks. (See [SMM Daily Report 27 January 2017](#).)

The SMM visited two **border areas currently not under the control of the Government**. On 28 January during 45 minutes at the border crossing point in Voznesenivka (formerly Chervonopartyzansk, 65km south-east of Luhansk), the SMM

saw ten private vehicles (eight with Ukrainian licence plates, one with Russian Federation licence plates, and one with “LPR” plates), one van (Ukrainian licence plates, van contents not visible), and one bus (Russian Federation licence plates) leaving Ukraine, and nine private vehicles (one with Ukrainian licence plates, the others with plates not visible to the SMM) entering. During 45 minutes the SMM saw four pedestrians enter Ukraine, nine private vehicles (with Ukrainian licence plates) join the queue to leave Ukraine, and 16 private vehicles (13 with Ukrainian and three with Russian Federation licence plates) enter Ukraine.

On 29 January, during more than an hour at the border crossing point in Izvaryne (52km south-east of Luhansk), the SMM observed 14 cars (two with Russian Federation licence plates, one with a Lithuanian licence plate, and 11 with Ukrainian licence plates), two covered trucks (one with a Ukrainian licence plate and one with an “LPR” plate) and three buses (all with Ukrainian licence plates) leaving Ukraine. The SMM saw 38 pedestrians leave Ukraine and 25 enter. Three private vehicles (two with Ukrainian licence plates and one with Russian Federation licence plates) entered Ukraine.

The SMM continued monitoring in Kherson, Odessa, Lviv, Ivano-Frankivsk, Kharkiv, Dnipro, Chernivtsi, and Kyiv.

****Restrictions of SMM’s freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate***

The SMM’s monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, UXO, and other impediments – which vary from day to day. The SMM’s mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM’s freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations. They have also agreed that the JCCC should contribute to such response and co-ordinate mine clearance.

Denial of access:

- On 28 January, a Ukrainian Armed Forces officer of the JCCC told the SMM that no demining activities had taken place during the previous 24 hours in the Stanytsia Luhanska disengagement area and that, with the exception of the main road, the SMM’s safety could not be guaranteed in the surrounding areas due to the possible presence of mines and/or UXO. The SMM did not consider it safe to proceed and informed the JCCC.
- On 28 and 29 January an armed “LPR” member told the SMM that no demining activities had taken place during the previous 24 hours in the Zolote disengagement area. Due to the danger of mines the SMM did not consider it safe to proceed and informed the JCCC.
- On 28 and 29 January, due to the lack of security guarantees and possible threat from mines, the SMM could not travel west from “DPR”-controlled Petrivske. The SMM informed the JCCC both times.
- On 28 and 29 January, on the road between Popasna and Katerynivka, the SMM could not proceed due to the presence of anti-tank obstacles. Ukrainian Armed Forces personnel told the SMM that the area was mined. The SMM informed the JCCC both times.
- On 29 January, armed “DPR” members at a checkpoint in Yasynuvata did not allow the SMM to proceed, saying that due to fighting in the area the SMM would need an escort approved both by “DPR” members and the JCCC. The SMM informed the JCCC.

Conditional:

- On 28 and 29 January, an armed “DPR” member in Petrivske escorted the SMM while it retrieved data from the SMM camera. The SMM informed the JCCC both times.

[1] Please see [the annexed table](#) for a complete breakdown of the ceasefire violations as well as map of the Donetsk and Luhansk regions marked with locations featured in this report.

[2] This hardware is not proscribed by the provisions of the Minsk agreements on the withdrawal of weapons.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
26 Turhenievska Street
01054 Kyiv
Ukraine
Office: +380 44 392 0965
Mobile: +38 067 828 06 79
Mobile: +38 050 387 93 98
liudmyla.palamar@osce.org
smm-media@osce.org

Annex 17

OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 30 January 2017”, 31 January 2017

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 30 January 2017

KYIV 31 January 2017

This report is for the general public and the media.

The SMM recorded a higher number of ceasefire violations in Donetsk between the evenings of 29 and 30 January, with intense fighting in the areas of Avdiivka and Yasynuvata, compared with the previous 24 hours. In Luhansk region the Mission recorded fewer ceasefire violations compared with the previous 24 hours. The Mission followed up on civilian casualties and observed impact sites and damage to civilian houses from shelling in several locations. The SMM continued monitoring the three disengagement areas in Stanytsia Luhanska, Zolote and Petrivske but its access remained restricted. Video footage from the SMM camera in Stanytsia Luhanska revealed ceasefire violations inside the disengagement area on 27 and 28 January. The Mission continued to monitor weapons withdrawal and observed weapons in violation of their respective withdrawal lines. It visited one border area currently outside of government control. The Mission monitored an ongoing blockade of a railway track near Hirske.*

The SMM recorded a higher number of **ceasefire violations**^[1] in Donetsk region, including 2,499 explosions, compared with 2,240 explosions in the previous 24 hours.

While in "DPR"-controlled Donetsk city centre on the evening of 29 January, the SMM heard 161 undetermined explosions 8-12km north.

On the night of 29-30 January, the SMM camera at "DPR"-controlled Oktiabr mine (9km north-west of Donetsk) recorded 73 undetermined explosions, 17 illumination flares, and an exchange of fire including 57 undetermined projectiles in flight (16 north to south and 41 south to north), all 5-10km north-east of the camera's location. On 30 January, the same camera recorded one illumination flare, 93 undetermined explosions and two explosions assessed as impacts, and 153 undetermined projectiles in flight (116 north-west to south-east and 37 south-east to north-west) 6-9km north-east and north-north-east.

On 30 January, positioned in government-controlled Avdiivka (17km north-east of Donetsk), the SMM heard 1,224 undetermined explosions and about 1,400 bursts of heavy-machine-gun and small-arms fire 2-5km east-south-east, 1635 undetermined explosions and over 200 bursts of heavy-machine-gun and small-arms fire 2-7km east-south-east, south-south-east, and 22 outgoing explosions 1-2km north.

On 30 January, positioned in "DPR"-controlled Yasynuvata (16km north-east of Donetsk), the SMM heard, 13 undetermined explosions 1km east-south-east, ten undetermined explosions 1-2km south, 38 undetermined explosions 5-8km west, one explosion assessed as impact less than 1km east, seven undetermined explosions 5-6km south, 65 undetermined explosions 5-10km west, west-south-west, and south-west, and saw and heard one airburst 5-7km south-west.

During the night of 29-30 January the SMM camera in Shyrokyne (20km east of Mariupol) recorded 21 undetermined explosions, in total five rocket-assisted

projectiles in flight from east to west and six rocket assisted projectiles in flight from west to east, and in total 11 tracer rounds in flight from east to west and 63 tracer rounds from west to east at an unknown distance north.

During the evening of 29 January while in “DPR”-controlled Horlivka (39km north-east of Donetsk) the SMM heard 20 outgoing explosions, 15 impact explosions, 28 undetermined explosions, and 26 bursts of heavy-machine-gun fire, all 4-8km west, north-west, and south-west.

On 30 January, positioned in “DPR”-controlled Betmanove (formerly Krasnyi Partyzan, 23km north-east of Donetsk), the SMM heard ten outgoing explosions, eight explosions assessed as impacts and one undetermined explosion, all assessed as artillery rounds (unknown calibre), five outgoing and one undetermined explosion of mortar rounds (unknown calibre), ten explosions of 82mm mortar rounds, 70 undetermined, ten outgoing and one explosion assessed as an impact, all of rounds of an undetermined weapon, ten outgoing shots of infantry fighting vehicle (IFV; BMP-2) cannon (30mm) fire, four outgoing explosions of recoilless gun rounds (SPG-9, 73mm), one impact explosion of rocket-propelled grenade, seven explosions of automatic-grenade-launcher rounds (three assessed as impacts and four assessed as outgoing), four bursts and five shots of heavy machine-gun, two shots of small-arms fire, all 3-7km south, south-east, south-west, south-south-east, west-south-west and south-south-west.

While in government-controlled Svitlodarsk (57km north-east of Donetsk) on the evening of 29 January, the SMM heard seven explosions assessed as recoilless gun (SPG-9, 73mm) rounds 2-3km south-east, three undetermined explosions 3-4km south-east, 152 explosions assessed as outgoing artillery rounds 7-8km east, 63 explosions assessed as impacts of artillery rounds 7-8km east, and over 100 bursts of heavy-machine-gun and small-arms fire 1-3km east, south-east east-south-east.

In Luhansk region the SMM recorded fewer ceasefire violations compared with the previous 24 hours, including 48 explosions compared with 168.

Positioned in “LPR”-controlled Khrustalnyi (formerly Krasnyi Luch, 57km south-west of Luhansk), the SMM heard 12 explosions assessed as artillery rounds (unknown calibre) 15km west.

Positioned in “LPR”-controlled Malomykolaivka (36km south-west of Luhansk), the SMM heard 30 bursts of heavy-machine-gun fire and 15 shots assessed as rounds of IFV (BMP-2) cannon (30mm) both assessed as part of a live-fire exercise.

The SMM **followed up on civilian casualties and reports of damage in residential areas due to shelling**. A doctor at Hospital no. 5 in “DPR”-controlled Makiivka (12km north-east of Donetsk) told the SMM that three explosions had occurred in the morning at a nearby building on the hospital premises and that as a result some windows of the hospital had been damaged. The SMM observed plastic-covered window frames. He said three male electricity workers had been injured during the incident and transferred to Hospitals no. 1 and no. 2. The owner of the building where the explosions had reportedly taken place told the SMM that there was one female employee onsite at the time of the explosion who had died as a result but did not provide the name or age of the victim. At the morgue in Makiivka, medical staff told the SMM that the body of 56-year-old woman had been brought to the morgue the same day and that cause of death was shrapnel injuries to her head, body and limbs.

At Hospital no. 2 in Makiivka, the SMM saw an injured man on life-support. Medical staff told the SMM that the man, 35-years old, had been operated on the same day as a result of suffered injuries to his abdomen and pelvis and was in critical condition. At Hospital no. 1, the SMM saw an injured man in recovery. Medical staff said that the man, 29 years old, was recovering from surgery following injuries to his chest and lungs.

The SMM visited a military hospital in government-controlled Pokrovsk (formerly Krasnoarmiisk, 55km north-west of Donetsk) where two Ukrainian Armed Forces personnel told the SMM that they had admitted three civilian casualties from Avdiivka the day before, all with shrapnel-related injuries. They said the victims were transferred to a hospital in Dnipro earlier in the morning.

The SMM followed up on allegations of a male civilian casualty, who according to a "DPR"-affiliated news outlet, had been injured on 29 January at an automobile workshop located on Kuibyshevskiyi district in "DPR"-controlled Donetsk as a result of shelling. At a hospital on Leninskyi Prospekt in Donetsk, a doctor told the SMM that he had operated on the injured man on 29 January and that he had been injured when a piece of shrapnel from a 122mm round had penetrated his right arm above the elbow. He showed the SMM pictures of what he said were the wounds and the operation.

In "DPR"-controlled Pikuzy (formerly Kominternove, 23km north-east of Mariupol), the SMM observed fresh impact sites. At the first site, the SMM observed a fresh impact next to a house and significant damage on a west-facing wall of the house, including a gaping hole and a large 4-6cm crack extending from the ground to the roof, a destroyed roof, and a heavily damaged living room. The SMM observed a second fresh impact approximately 2.5-3m wide and 1.5m deep that was located about 20m away from a nearby house. At the second site, adjacent to the first, the SMM observed a fresh impact in a garden some 10m from the house and shrapnel scarring and a broken window on a wall facing west. At the third site, the SMM observed damage to a wall, windows, door, and roof of a house as well as a destroyed barn in the yard assessed as caused by a projectile passing through the house before impacting on the barn. At the fourth site, the SMM observed damage on the village store caused by a shell which had penetrated the west north-west side of the roof and heavily damaged two ground floor rooms and furniture. The SMM observed two additional fresh impacts within 200m to the north-west and south-west of the shop, impacting on the edge of the tarmac street but caused no damage to the houses. The SMM observed staff of an electricity supply company repairing the electricity. The SMM assessed that the impacts were all caused by 122mm artillery fired from a westerly direction. A Russian Federation Armed Forces officer of the JCCC, a shop-keeper and owner of one of the houses separately said that the shelling had occurred late evening of 29 January.

In "LPR"-controlled Pervomaisk (58km west of Luhansk), the SMM was accompanied by a Russian Federation Armed Forces officer of the JCCC to a fresh impact site on the southern side of a house about 3m from the garage and 6m from the house. The SMM saw six broken windows on the southern side of the house as well as cracks in the ceiling of the house and a pile of metal rubble outside that it assessed a destroyed fence. The SMM assessed that the damage was caused by a 120mm mortar round fired from a north-westerly direction. A group of 20 workers accompanied by local residents were welding a gas pipeline and repairing an electricity line that had been affected by a fire as a result of the shelling, according to people onsite. The owner of the house said the impact had occurred at 02:00 on 30 January, but nobody had been injured.

In "LPR"-controlled Irmino (54km west of Luhansk) the SMM was accompanied by Russian Federation Armed Forces officer of the JCCC as well as "LPR"-affiliated media

outlets to a fresh impact, which was about 10m east of a house in the garden and about 3m from the neighbour's shed. The SMM observed six east-facing windows of the house, all broken. The SMM assessed that the damage was caused by a 120mm mortar round fired from a south-westerly direction. The owner told the SMM that the impact had occurred after midnight on 30 January and that no one had been wounded. The roof and one west-facing wall of the neighbour's shed were partly destroyed with a section of the roof collapsed and a section of the wall missing. The SMM was unable to assess if the damage was fresh. At another site, the SMM observed one fresh 60cm hole on the south-western outer corner of a barn approximately 50cm above the ground. The SMM assessed that the hole was caused by a 120mm mortar round fired from a south-westerly direction. The owner said the impact had occurred late evening on 29 January and that no one had been injured.

At a plant on the south-western edge of "LPR"-controlled Kadiivka (formerly Stakhanov, 50km west of Luhansk), accompanied by a Russian Federation Armed Forces officer of the JCCC, the SMM observed a fresh impact that it assessed was caused by a 152mm artillery round fired from a northerly direction. According to the plant manager the incident had occurred the evening of 29 January.

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to pursue full access to the disengagement areas** of Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk), Zolote (60km west of Luhansk) and Petrivske (41km south of Donetsk), as foreseen in the [Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware](#) of 21 September. The SMM's access to all three areas remained restricted but the Mission was able to partially monitor them.* The SMM observed no de-mining activities or disengagement in the three areas.

On 27 January, the SMM camera at **Stanytsia Luhanska** recorded one small-arms shot (assessed as outside of the disengagement area) around 150m south-south-east and three outgoing explosions assessed as automatic grenade launcher fire (assessed as inside of the disengagement area) and two small-arms shots (one assessed as inside and one outside of the disengagement area) 1.7km south. On 28 January, the same camera recorded one shot (assessed as outside of the disengagement area) 2km south-south-west, and on 29 January, one small-arms shot (assessed as inside of the disengagement area) 1km south-east.

On 29 January, the SMM camera in **Zolote** recorded an explosion assessed as the impact of a mortar round.

On 30 January, the SMM noted a calm situation while present in all three disengagement areas. In Zolote, the SMM observed six armed Ukrainian Armed Forces personnel and one armed "LPR" member inside the disengagement area.

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Package of Measures and its Addendum, as well as the Memorandum.

In violation of withdrawal lines, the SMM observed two tanks (T-64) between government-controlled Orlivka (22km north-west of Donetsk) and Avdiivka (17km north of Donetsk). In government-controlled Talakivka (90km south of Donetsk) the SMM saw two towed howitzers (D-30, *Lyagushka*, 122mm) towed by two military trucks (Ural). In government-controlled Ivanivka (59km south-west of Donetsk) the SMM saw four multiple rocket launcher systems (BM-21 *Grad*, 122mm) at a military compound which were previously seen on 29 November 2016. On 29 January, approximately 2.5km north of government-controlled Aslanove (85km south of Donetsk), an SMM mini unmanned aerial vehicle (UAV) spotted four self-propelled howitzers

30.07.2021

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 30 January 2017 |...

(2S1 *Gvozdika*, 122mm) near a tent with two-three soldiers visible and stacks of what appeared to be ammunition boxes.

Beyond withdrawal lines but outside of assigned areas in government-controlled Novookhtyrka (55km north-west of Luhansk), the SMM saw three tanks (T-64) on flatbed trucks. South-west of government-controlled Novoaidar (49km north-west of Luhansk), the SMM observed three stationary tanks (T-64). Near government-controlled Pryvillia (85km north of Donetsk), the SMM observed six tanks (T-64) travelling north.

The SMM observed the presence of **armoured combat vehicles[2] in the security zone**. The SMM saw an armoured personnel carrier (MTLB) with a mounted anti-aircraft cannon (ZU-23, 23mm) near government-controlled Svitlodarsk (57km north-east of Donetsk). In Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk) the SMM saw an IFV (BMP-2) covered with camouflage netting.

The SMM visited **a border area currently not under the control of the Government**. During some 100 minutes at the border crossing point in Dovzhanskyi (84km south-east of Luhansk), the SMM saw 29 private vehicles (19 with Ukrainian, nine with Russian Federation licence plates, and one with "LPR" plates), two minivans (Ukrainian licence plates), two covered trucks (Ukrainian licence plates) and one bus (Ukrainian licence plates) leaving Ukraine, and 22 private vehicles (16 with Ukrainian, five with Russian Federation, and one with Georgian licence plates), two covered trucks (with Ukrainian licence plates), one minivan (with Ukrainian licence plates) and two buses (with Ukrainian and Russian Federation licence plates) entering Ukraine.

The SMM observed that the **blockade of a railway track** near government-controlled Hirske (63km west of Luhansk) remained in place, with a minivan with uniformed unarmed personnel delivering supplies to the veterans' position. (See [SMM Daily Report 27 January 2017](#).)

The SMM continued monitoring in Kherson, Odessa, Lviv, Ivano-Frankivsk, Kharkiv, Dnipro, Chernivtsi, and Kyiv.

****Restrictions of SMM's freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate***

The SMM's monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, unexploded ordnance (UXO), and other impediments – which vary from day to day. The SMM's mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM's freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations. They have also agreed that the JCCC should contribute to such response and co-ordinate mine clearance.

Denial of access:

- A Ukrainian Armed Forces officer of the JCCC told the SMM that no demining activities had taken place during the previous 24 hours in the Stanytsia Luhanska disengagement area and that, with the exception of the main road, the SMM's safety could not be guaranteed in the surrounding areas due to the possible presence of mines and/or UXO. The SMM did not consider it safe and informed the JCCC.
- An armed "LPR" member told the SMM that no demining activities had taken place during the previous 24 hours in the Zolote disengagement area.

Due to the danger of mines the SMM did not consider it safe to proceed and informed the JCCC.

- Due to the lack of security guarantees and possible threat from mines, the SMM could not travel west from “DPR”-controlled Petrivske. The SMM informed the JCCC.
- On the road between government-controlled Popasna (69km west of Luhansk) and Katerynivka (64km west of Luhansk), the SMM could not proceed due to the presence of anti-tank obstacles in the road. Ukrainian Armed Forces personnel at the checkpoint also told the SMM that the area is mined. The SMM informed the JCCC.
- The SMM could not cross the bridge in government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk) as Ukrainian Armed Forces personnel said there were still mines on the bridge. The SMM informed the JCCC.
- The SMM was stopped at a “DPR” checkpoint in Yasynuvata (16km north-east of Donetsk) and was not allowed to proceed to the city. An armed “DPR” member said that he would not allow the SMM inside the city due to ongoing shelling. The SMM informed the JCCC.

[1] Please see [the annexed table](#) for a complete breakdown of the ceasefire violations as well as map of the Donetsk and Luhansk regions marked with locations featured in this report.

[2] This hardware is not proscribed by the provisions of the Minsk agreements on the withdrawal of weapons.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
26 Turhenievska Street
01054 Kyiv
Ukraine
Office: +380 44 392 0965
Mobile: +38 067 828 06 79
Mobile: +38 050 387 93 98
liudmyla.palamar@osce.org
smm-media@osce.org

Annex 18

OSCE SMM, “Thematic report, Hardship for conflict-affected civilians
in eastern Ukraine”, February 2017
(excerpts)

THEMATIC REPORT

Hardship for conflict-affected civilians in eastern Ukraine

February 2017

Published by the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine

© OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine 2017

All rights reserved. The contents of this publication may be freely used and copied for non-commercial purposes, provided that any such reproduction is accompanied by an acknowledgement of the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine as the source.

Available electronically in English, Ukrainian and Russian at:

taken up positions on opposite sides of the village and have over time drawn closer to each other. Fighting within the village is a daily occurrence. Inhabitants report that since August the situation has deteriorated with kinetic activity now extending into the daylight hours. The psychological impact of living in an environment where shelling became constant is another burden for the local population, especially affecting the most vulnerable as children. The SMM observed numerous similar cases of armed positions in “DPR”-controlled populated areas.¹⁷

Furthermore, the presence of armed formations in populated areas is often accompanied by the occupation of public buildings which can also impact civilians’ right to access public services, including education¹⁸ or medical care. In “DPR”-controlled Samiilove, an SMM patrol saw two units positioned next to the school (which was not in use at the time) and a headquarters located in the former school building. The SMM also observed public buildings which had been used by members of the Ukrainian Armed Forces in government-controlled areas. For example, in government-controlled Raihorodka in Luhansk region, the SMM observed a military installation in the building next to a kindergarten, approximately 15 metres from a school, and school employees told the SMM that the school basement and additional storage were being used by the military personnel so the school could no longer access these spaces.¹⁹ During the reporting period the SMM also monitored damage to kindergartens and schools in “DPR”-controlled Kuibyshevskiy district in Donetsk city.²⁰ In “DPR”-controlled Makiivka the SMM observed an impact on the roof of a school building which was not in use at the time of the fighting. Approximately 250 square metres of the ceiling was damaged in three different classrooms of the school, more than 40 windows were broken and there was damage to the furniture and the heating system. Similarly in “DPR”-controlled Dokuchaievsk the SMM observed bullet holes in the windows of a school. The director of the school told the SMM that 14 pupils had still been present on the school premises when it had come under fire.²¹

iii) **Areas not fully controlled by any of the sides**

Civilians living in areas not fully controlled by any of the sides face even more difficulties. For example, over recent months the SMM noted the worsening of the humanitarian situation in Novooleksandrivka in Luhansk region. The small village of Novooleksandrivka is located between Ukrainian Armed Forces and “LPR” positions, with some positions as close as 200 metres from civilian houses. On 15 June the SMM recorded more than 100 explosions in Novooleksandrivka.²² Residents face freedom of movement restrictions imposed by both sides. According to residents, the Ukrainian Armed Forces no longer allow them to travel westward to government-controlled Popasna to buy groceries. “LPR” members allow residents to go through the checkpoint to “LPR”-controlled Pervomaisk by car only once a month, otherwise only on foot or by bicycle.²³ Consequently, residents sometimes use forest paths contaminated by mines and booby traps in order to access basic goods and services. There is no demining team willing to proceed with demining in the area due to the lack of effective control. For any civilian who is wounded or needs other urgent medical attention, there is no healthcare available in the village. Ambulances do not travel to some areas due to

¹⁰ Latest from OSCE Special Monitoring Mission (SMM) to Ukraine, 31 August 2016, <http://www.osce.org/ukraine-smm/261831>

¹¹ SMM Observation, June 2016.

¹² Residents of Luhanske told the SMM that starting from 29 June 2016, UAF brought heavy artillery into the area every evening, before firing at night towards the east, and the interlocutors specified that artillery positions were being set up in a field behind Svitlodarsk power plant and a small area north of Luhanske (SMM observation, July 2016).

¹³ For example, in Lopaskyne, Luhansk region, residents stated that the Ukrainian Armed Forces had organized an improvised shooting range in the backyard of the house which they were occupying (approximately 400m from the contact line). Residents of the village stated that shooting took place when they would gather nearby to buy supplies from a mobile store that came to the village. The residents' concerns were shared by the SMM with the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC) (SMM observation, August 2016).

¹⁴ For example, the SMM followed up the case of a farmer reportedly injured on 3 May when his tractor hit and detonated a landmine near Hnutove in Donetsk region. During the week of 16 May, one man was killed and another critically wounded when the tractor struck an anti-tank mine near Pavlopil in Luhansk region. Near "DPR"-controlled Andriivka, on 20 July two men were hospitalized with injuries when their harvester struck an explosive device; At the Kalinina hospital morgue in "DPR"-controlled Donetsk city, the SMM observed the body of a woman with extensive shrapnel injuries, which she had received due to triggering a booby-trap while working in her garden in Petrovskiyi district in Donetsk city on 4 August.

¹⁵ Additionally, in Novoluhanske in the Donetsk region, local agriculture companies stated to the SMM during May 2016 that they are losing income because they have to pay tax for land they cannot use as it is mined, (SMM observation, May 2016); in "DPR", according to the Ozerianivka Village Council, which covers Ozerianivka, Mykhailivka, Shyroka Balka and Stavky villages, only five per cent of agricultural fields are usable, the rest is either being mined or used by the armed formations with fortifications (SMM observations, May 2016).

¹⁶ Namely, in late December 2015 the SMM observed a new development when the sides moved forward and took control of the villages of Pavlopil and Kominternove located north-east of Mariupol. Similarly, in mid-April 2016 the SMM noted that a Ukrainian Armed Forces checkpoint south of Donetsk city near Berezove, had been moved resulting in the distance between the two sides' checkpoints narrowing to approximately 2km.

¹⁷ See endnotes 6, 7 and 8, above.

¹⁸ Since 17 August in view of the start of the school year, SMM monitors began visiting schools on both sides of the contact line, paying particular attention to the issue of occupation of school buildings. At this time the SMM visited more than 20 school buildings and found several instances where the sides were positioned in close proximity to educational premises. Compare also the findings of HRMMU in its fifteenth report on the human rights situation in Ukraine at page 11 par. 37: "*The proximity of the contact line, with opposing military positions less than a street away, highlights the urgent need for military forces to fully withdraw from civilian areas and refrain from using educational or health facilities for military.*"

<http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/Ukraine15thReport.pdf>

¹⁹ Also in the government-controlled part of Zolote (60km west of Luhansk) where UAF positions were 400 metres from a school which was preparing for the start of the school year. In government-controlled Avdiivka, Donetsk region, the SMM observed camouflage nets and sandbags as well as military vehicles and personnel around a library and an orphanage; in "DPR"-controlled Samiilove where at the time of SMM's visit there were two units positioned next to the school; in Samiilove as well, where a "headquarters" is established in the former school building. In government-controlled Komyshevakha in Luhansk region the SMM observed a military compound located some 120m from a school. In government-controlled Novoselivka (in Donetsk region, the SMM observed a Ukrainian Armed Forces military headquarters located 400 metres south of the school in the centre of the village. The SMM met with staff of School no. 5 in government-controlled Krasnohorivka in Donetsk region who said the school was most recently damaged by shelling on 16 June and concerns were expressed about the proximity of military positions to the school.

²⁰ The SMM observed damage to two kindergarten buildings and their surrounding area resulting from artillery shelling occurring the night of 28 May. There was visible damage inside the first kindergarten: one shrapnel piece hit the dormitory on the second floor, another damaged exterior fire escape iron steps and a third shrapnel piece hit an iron exterior fence at a kindergarten. Kindergarten staff confirmed the time of shelling and showed the SMM three fragments of shrapnel discovered in the kindergarten's backyard. On the premises of the second kindergarten the SMM observed no damage, however the surrounding area continued to show signs of recent shelling, including shattered windows and damaged trees. In "LPR"-controlled Pervomaiske the SMM observed damage to a kindergarten from shelling. As a result, school staff told the SMM that the school would not be able to open for the beginning of the school year in September (SMM observation June 2016).

Annex 19

OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 3 February 2017”, 4 February 2017

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 3 February 2017

KYIV 4 February 2017

This report is for the general public and the media.

The SMM recorded fewer ceasefire violations in Donetsk region and more in Luhansk region compared with the previous reporting period as the situation remained volatile. The Mission confirmed reports of casualties, including fatalities, and observed damage caused by shelling in residential areas of Avdiivka, Donetsk city, Sartana and Chernenko. The SMM and the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC) facilitated adherence to the ceasefire around the Donetsk water filtration station to allow the continuation of repairs to essential infrastructure in the area. The Mission observed weapons in violation of withdrawal lines and on the move on both sides of the contact line. It continued monitoring in two of the three disengagement areas in Stanytsia Luhanska and Zolote but its access remained restricted. A shot was fired near an SMM patrol near Kalynove. The Mission visited one border area currently not under government control.*

While the situation along the contact line remained volatile, the SMM recorded fewer **ceasefire violations** in Donetsk region, including around 3,300 explosions, compared with the previous reporting period.^[1] Most of the ceasefire violations were recorded in the wider Avdiivka-Yasynuvata-Donetsk airport area.

While in "DPR"-controlled Donetsk city centre on the night of 2-3 February the SMM heard about 800 undetermined explosions, 658 of which were 10-15km north, north-north-east and north-north-west, with the remainder 5-10km west-north-west.

On 2-3 February the SMM camera at Oktiabr mine (9km north-west of Donetsk city centre) recorded 153 undetermined explosions, and three undetermined projectiles in flight from south-east to north-west 6-10km north-east.

While in "DPR"-controlled Horlivka (39km north-east of Donetsk) on the night of 2 February the SMM heard 35 undetermined explosions, 11 explosions assessed as impacts of artillery rounds (152mm), four explosions assessed as outgoing mortar rounds (82mm), 26 explosions of which ten were assessed as impacts and 16 as outgoing artillery rounds, bursts of heavy-machine-gun fire, and small-arms fire, all 3-16km south-west, west-south-west and south.

While in "DPR"-controlled Debaltseve (58km north-east of Donetsk) on the night of 2 February the SMM heard about 180 undetermined explosions, 144 of which were 7-10km west-north-west and 36 were 3-5km west-north-west. On 3 February the SMM heard 238 undetermined explosions, seven explosions assessed as outgoing recoilless gun (SPG-9, 73mm) rounds and small-arms fire, 2-12 km west, north-west, north and east-north-east.

While in government-controlled Svitlodarsk (57km north-east of Donetsk) on the same night, the SMM heard 224 explosions assessed as outgoing artillery rounds, 31 explosions assessed as impacts of artillery rounds, 66 explosions assessed as impacts

of mortar rounds, 61 undetermined explosions, and bursts of heavy-machine gun fire, 2-7km north-east and 2-3km south-east.

Positioned in Yasynuvata ("DPR"-controlled, 16km north-east of Donetsk), the SMM heard 45 undetermined explosions and bursts of heavy-machine-gun fire 3-4km south-west. Later, stationary on the eastern edge of Yasynuvata, the SMM heard 148 undetermined explosions, 13 explosions assessed as impacts and bursts of heavy-machine-gun and small-arms fire 3-12km north, north-west and west.

Positioned at the Donetsk water filtration station (15km north of Donetsk) on the early morning of 3 February the SMM heard about 315 undetermined explosions and bursts of heavy-machine-gun and small-arms fire 1-2km south-west, followed by 20 undetermined explosions and bursts of heavy-machine-gun and small-arms fire 0.5-2km south-west, and over 100 undetermined explosions 3-5km south-west.

Positioned east of government-controlled Avdiivka (17km north of Donetsk) near the Donetsk water filtration station the SMM heard 441 undetermined explosions, bursts of heavy-machine-gun and small-arms fire all 0.5-5km south-east and south-west of its position. At the same location, the SMM heard 25 undetermined explosions and saw five airbursts of unknown weapon rounds 2-4km south-east of its location. Positioned in Avdiivka in the afternoon, the SMM heard 43 explosions assessed as outgoing artillery rounds (122mm) and one undetermined explosion, 3-5km south and south-east.

On 3 February the SMM camera at Oktiabr mine recorded 57 undetermined explosions, 13 undetermined projectiles in flight from south-east to north-west, three undetermined projectiles in flight from north-west to south-east and three airbursts 3-10km west-north-west and north-east.

Positioned in "DPR"-controlled Kruta Balka (16km north of Donetsk) the SMM heard eight explosions assessed as artillery (122mm) rounds, ten outgoing explosions assessed as tank rounds, three explosions assessed as outgoing rounds, eight assessed as impacts and 46 explosions assessed as mortar (82mm) rounds, 21 explosions assessed as outgoing recoilless gun (SPG-9) fire, 11 explosions assessed as outgoing infantry fighting vehicle (IFV; BMP-1) cannon (73mm) fire, nine shots and two bursts of IFV (BMP-2) cannon (30mm) fire, five explosions of rocket-propelled grenades, five explosions assessed as impacts, 19 undetermined explosions, bursts of heavy-machine-gun and small-arms fire, one undetermined explosion of automatic grenade launcher round, 1-4km west, south-west, south, south-east and east. Later, the SMM heard bursts of heavy-machine-gun and small-arms fire, two explosions assessed as impacts of mortar (82mm), seven explosions assessed as outgoing IFV (BMP-1) cannon fire, six shots of IFV (BMP-2) cannon fire and eight explosions assessed as impacts 4-6km east, south, south-south-east and south-west.

Positioned in government-controlled Kamianka (20km north of Donetsk) the SMM heard 163 undetermined explosions, 22 explosions assessed as impacts of mortar (120mm) rounds, one explosion assessed as an artillery round impact, 60 shots of IFV (BMP-2) cannon fire, four shots of automatic-grenade-launcher fire, and bursts of heavy-machine-gun and small-arms fire 3-7km east, south-east and south.

Positioned in government-controlled Sopyne (16km east of Mariupol), the SMM heard six undetermined explosions 4-5km north-north-east, four undetermined explosions 7km north-north-west, six undetermined explosions 5km north-north-west, as well as one undetermined explosion 7km north-north-east. Later, the SMM heard one

undetermined explosion 3km east, 14 undetermined explosions and bursts of heavy-machine-gun fire 4-8km north-north-east.

Positioned in government-controlled Vidrodzhennia (66km north-east of Donetsk), the SMM heard 75 explosions assessed as outgoing rounds, 40 explosions assessed as outgoing artillery (122mm) rounds, and seven explosions assessed as outgoing artillery rounds 2-5km south, south-south-east and north-north-east.

In Luhansk region the SMM recorded more ceasefire violations compared with the previous reporting period, including over 560 explosions.

While in "LPR"-controlled Kadiivka (formerly Stakhanov, 50km west of Luhansk) the SMM heard 400 explosions (both impacts and outgoing) assessed as artillery fire 10km south-south-west. Positioned approximately 10km south-west of government-controlled Popasna (69km west of Luhansk) the SMM heard 21 explosions assessed as impacts of artillery fire 10-15km south-south-west.

While on the south-western edge of "LPR"-controlled Kalynove-Borshchuvate (61km west of Luhansk) the SMM heard seven undetermined explosions, four undetermined explosions assessed as IFV (BMP-2) cannon fire and heavy-machine-gun and small-arms-fire 4km south-west. A short time later, while in Kalynove-Borshchuvate, the SMM heard 64 undetermined explosions assessed as multiple-launch-rocket-systems (BM-21 *Grad*, 122mm) fire 20km west-south-west.

Positioned in government-controlled Kalynove-Popasna (75km west of Luhansk) the SMM heard 55 undetermined explosions assessed as artillery 10-15km south and south-west.

The SMM followed up reports of **casualties and observed several impact sites in residential areas of Donetsk region**. The SMM confirmed the deaths of several civilians, and injury to a number of civilians, in Avdiivka and in Donetsk city following shelling. The SMM saw also damage to residential buildings in government-controlled Avdiivka and parts of "DPR"-controlled Donetsk city. In the Kalinivskyi district of Donetsk city, the SMM observed a fresh impact site, a destroyed shop and damage to nearby residential buildings. (See [SMM Spot Report: Casualties, damage to civilian infrastructure registered in Donetsk region following fighting, 3 February 2017](#).)

Following up on reports on those injured in the shelling of Kalinivskyi district of Donetsk city, the SMM spoke to some of the injured at Donetsk Trauma Hospital. One woman (61 years old) had shrapnel wounds to both wrists and her left shoulder. She told the SMM that her son-in-law had been injured, but that after receiving treatment, had been released. The SMM saw a woman (42 years old) who was recovering from an operation for wounds to her eyes. Medical staff said that a boy (born 2010) was treated for a laceration but had been released.

The SMM followed up on **reports of civilian casualties** following alleged shelling in Donetsk city on 1 February. At the Donetsk traumatology centre, medical staff told the SMM that an ambulance carrying a patient had been struck with shrapnel, injuring three staff and the patient. He added that two of the staff (a woman aged 52 and a man aged 47) had been discharged after receiving treatment for shrapnel wounds and that the patient and the ambulance driver remained in hospital.

The SMM, accompanied by a Ukrainian officer of the JCCC, observed four fresh impact sites in a field between government-controlled Vidrodzhennia and Roty (64km north-east of Donetsk), assessed as caused by artillery rounds (122mm). The SMM could not determine the direction of fire. In Vidrodzhennia, the SMM saw a fresh impact site,

assessed as caused by an artillery (122mm) shell next to a house on Novaia Street, in which the SMM saw Ukrainian Armed Forces personnel. An armoured tracked vehicle (MTLB) with a large antenna was parked outside. Four houses on Novaia Street had sustained light damage. The Ukrainian officer of the JCCC told the SMM that three Ukrainian Armed Forces personnel had been injured and transported to hospital. On Polevaia Street in Roty village, the SMM saw a fresh impact site that had damaged a nearby animal shed, that was assessed to have been caused by an artillery round (122mm). Residents said the shelling happened at around 22:00 on 2 February.

In government-controlled Chernenko (21km north-east of Mariupol), the SMM observed impact sites in a residential area that residents said had been shelled on 31 January. The damage observed was consistent with shelling in recent days. The SMM observed an impact site in the garden of a house and saw shattered windows and shrapnel damage to the walls of a house nearby. The SMM assessed that the damage was caused by a mortar round (82mm) but could not determine the direction of fire. At a second location, the SMM saw damage to the roof of a house.

In government-controlled Sartana (15km north-east of Mariupol) the SMM, accompanied by a Ukrainian officer of the JCCC, observed seven fresh impact sites. Several residents said the shells had stuck around 05:00 of 3 February and no civilians had been injured. The SMM observed impact sites next to houses, damage to the walls of houses and broken windows. Two impacts were observed in a farm complex. The roof of a barn in the complex had been destroyed and scorch marks were visible. The SMM observed a Ukrainian Armed Forces position in the area. At some of the impact sites the SMM found shrapnel from an MLRS (BM-21). The SMM assessed that the impact sites were caused by MLRS (BM-21) fired from an east-north-easterly direction.

At the Ukrainian Armed Forces side of the Marinka (23km south-west of Donetsk) entry-exit checkpoint the SMM saw three fresh impact sites, which soldiers said had happened during shelling on the night of 2 February. The SMM observed that a round had struck the identity document check point, destroying it.

Ukrainian officers of the JCCC showed the SMM impact sites in government-controlled Krymske (44km north-west of Luhansk) that they said had happened on the night of 1 February. The SMM saw at least 12 fresh impact sites in fields (about 700m from a residential area), which the SMM could not approach due to security concerns. The SMM saw one fresh impact site around 30m from the main road which it assessed to have been the result of an artillery round (152mm). The direction of fire could not be determined. A Ukrainian officer of the JCCC led the SMM to two impact sites in government-controlled Toshkivka (60km north-west of Luhansk). The SMM saw a fresh impact site in a field close to a road that contained shrapnel that the SMM assessed was part of an MLRS (BM-21) rocket, but could not assess the direction of fire. A second fresh impact site was further into the field which the SMM could not reach due to security concerns.

At an "LPR" position near Kalynove (60km west of Luhansk) an armed man pointed an automatic rifle (AK-type) in the direction of the SMM. Shortly after, the SMM heard a gunshot and left the area. (See [SMM Spot Report: Shot fired close to SMM near Kalynove, 3 February 2017.](#))

Earlier in Kalynove the SMM had seen about 12 armed "LPR" members and traces of tracked vehicle movements. The SMM observed unusual behavior among the "LPR" members in Kalynove, including them trying to hide from the SMM while continuing to watch from a distance. Near "LPR"-controlled Kalynove the SMM saw a Ural truck

carrying 12-18 armed men dressed in white camouflage fatigues driving away from the centre of the town.

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to pursue full access to the disengagement areas** of Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk), Zolote (60km west of Luhansk) and Petrivske (41km south of Donetsk), as foreseen in the [Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware](#) of 21 September. The SMM's access to all three areas remained restricted but the Mission was able to partially monitor them.*

On the night of 1 February, the SMM camera in Petrivske recorded five undetermined explosions 2-4km west-south-west (assessed as inside of the disengagement area).

On 2 February, the SMM camera in government-controlled Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk) recorded one shot of small-arms fire 150m south of the camera, assessed as outside of the disengagement area).

On 3 February, positioned in a government-controlled part of Zolote (60km north-west of Luhansk) the SMM heard 11 shots of small-arms fire 1km south-south-east (assessed as outside of the disengagement area).

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Package of Measures and its Addendum, as well as the Memorandum.

In violation of the respective withdrawal lines the SMM observed the following in government-controlled areas: two self-propelled howitzers (2S1 *Gvozdika*, 122mm) in a field near Vidrozhennia; three self-propelled howitzers (2S1) heading east from Pokrovske (74km north of Donetsk), three towed howitzers (D-20, 152mm) being towed north-west near Novoaidar (49km north-west of Luhansk); five military trucks and two towed howitzers moving west near Kalynove (31km north-west of Donetsk); four tanks (T-64) in Avdiivka.

Beyond the withdrawal lines but outside storage areas the SMM observed the following in government-controlled areas: four self-propelled howitzers (2S5 *Giatsint-S*, 152mm) being towed by as many trucks heading north near Boroventky (77km north-west of Luhansk); approximately 30 tanks north-west of government-controlled Paraskoviivka (75km north of Donetsk); three tanks (T-72) on trucks moving south-west of Kramatorsk (83km north of Donetsk)

Despite the joint statement of 1 February of the Trilateral Contact Group calling for, amongst other things, the withdrawal by 5 February 2017 into permanent storage sites of all weapons regulated by Minsk agreements, the SMM received no information in relation to withdrawal of weapons from the area between Donetsk airport, Avdiivka and Yasynuvata.

The SMM observed **armoured combat vehicles and anti-aircraft weapons[2] in the security zone**. In government-controlled areas the SMM observed: seven IFVs (BMP) in trenches at a Ukrainian Armed Forces checkpoint south of Popasna; two Cougar vehicles, one with a mounted 12.7mm gun, driving north-west near Hirske (63km west of Luhansk); an anti-aircraft gun (ZU-23-2, 23mm) at a checkpoint near Hirske; four IFVs (BMP-2): one moving, three stationary at a Ukrainian Armed Forces checkpoint east of Novotoshkiivske (53km north-west of Luhansk); one stationary armoured personnel carrier (APC; BRDM-2) at a Ukrainian Armed Forces checkpoint in Vrubiivka (72km west of Luhansk); and an APC (BTR-70) stationary near Kurakhove (40km west of Donetsk).

In areas not under government-control the SMM observed: two armoured tracked vehicles (MTLB) in Donetsk city; an IFV (BMP-1) parked next to an "LPR" position near Kalynove and an IFV (BMP-1) being towed by a Ural truck in the town.

The SMM saw one bus carrying 20 men in military-type clothing moving from Yasynuvata to Vasylivka (20km north of Donetsk), before returning empty a few minutes later.

The SMM continued to **facilitate attempts to repair essential infrastructure in Avdiivka, in co-ordination with the JCCC**. In the early morning the SMM arrived at the Donetsk water filtration station along with Voda Donbasa staff and a team of repair workers to continue a second consecutive day of repairs to the electrical substation. In the morning, the SMM heard hundreds of explosions and small-arms fire, and sporadic explosions over the remainder of the day. During the course of the day, the substation repairs were completed. The station must now be reconnected to a power line. However, the repair team tasked with fixing the power line in government-controlled Kamianka could not reach the damaged lines, citing safety concerns following shelling in the area.

The SMM visited **one border area currently not under control of the Government**. At the border crossing point in Izvaryne (52km south-east of Luhansk) the SMM observed, over a period of 70 minutes, 39 cars (34 with Ukrainian, five with Russian licence plates), one covered truck (Moldovan licence plate) and one bus (Ukrainian licence plates, indicating Kirovsk-Moscow route) queued to exit Ukraine. Nine cars (six with Ukrainian, three with Russian licence plates), one bus (Ukrainian licence plates, indicating Moscow-Luhansk route), and three covered trucks (two Russian, one Belarusian licence plate) entered Ukraine. The SMM saw 66 pedestrians exit Ukraine, and 55 enter.

The SMM continued monitoring in Kherson, Odessa, Lviv, Ivano-Frankivsk, Kharkiv, Dnipro, Chernivtsi, and Kyiv.

****Restrictions of SMM's freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate***

The SMM's monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, unexploded ordnance (UXO), and other impediments – which vary from day to day. The SMM's mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM's freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations. They have also agreed that the JCCC should contribute to such response and co-ordinate mine clearance.

Denial of access:

- Armed "LPR" members told the SMM that that they could not guarantee the safety of the Mission in fields and side roads of the Zolote disengagement area (58km west of Luhansk) due to the possible presence of mines and UXO. The SMM did not consider it safe to proceed and informed the JCCC.
- Ukrainian Armed Forces personnel told the SMM that no demining had taken place on the side roads inside the Zolote disengagement area and that they could not guarantee the SMM's security due to the possible presence of mines and UXO. The SMM did not consider it safe to proceed and informed the JCCC.

30.07.2021

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 3 February 2017 | ...

- Ukrainian officer of the JCCC told the SMM that no demining activities had taken place during the previous 24 hours in the Stanytsia Luhanska disengagement area and that, with the exception of the main road, the SMM's safety could not be guaranteed in the surrounding areas due to the possible presence of mines and unexploded ordnance (UXO). The SMM did not consider it safe to proceed and informed the JCCC.
- Ukrainian Armed Forces personnel stopped the SMM at a checkpoint near government-controlled Popasna (69km west of Luhansk) and denied further travel towards government-controlled Katerynivka (64km west of Luhansk). A wooden barrier blocked the road. The SMM informed the JCCC.
- Anti-tank obstacles on the road prevented the SMM from travelling between government-controlled Katerynivka and government-controlled Popasna. The SMM informed the JCCC.
- The SMM could not travel across the bridge in government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk) as Ukrainian Armed Forces personnel said there were mines on the bridge. The SMM informed the JCCC.
- Ukrainian Armed Forces denied the SMM access to a military compound located near Zatyshne (64km south-west of Donetsk). The SMM informed the JCCC.
- Armed "LPR" members denied the SMM access to part of "LPR"-controlled Zhovte (17km north-west of Luhansk) as the SMM attempted to follow tracks assessed as left by an IFV (BMP) or armoured tracked vehicle (MTLB).
- Guards at a site near "LPR"-controlled Khrustalniyi (formerly Krasnyi Luch, 56km south-west of Luhansk) did not grant the SMM access. The SMM informed the JCCC.
- In "LPR"-controlled Kalynove an armed man pointed a gun in the direction of the SMM. Shortly after, the SMM heard a gunshot and left the area. The SMM informed the JCCC.

[1] Please see [the annexed table](#) for a complete breakdown of the ceasefire violations as well as map of the Donetsk and Luhansk regions marked with locations featured in this report.

* Please see the section at the end of this report entitled "Restrictions of SMM's freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate".

[2] This hardware is not proscribed by the provisions of the Minsk agreements on the withdrawal of weapons.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
 OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
 26 Turhenievska Street
 01054 Kyiv
 Ukraine
 Office: +380 44 392 0965
 Mobile: +38 067 828 06 79
 Mobile: +38 050 387 93 98
liudmyla.palamar@osce.org
smm-media@osce.org

Annex 20

OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 5 February 2017”, 6 February 2017

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 5 February 2017

KYIV 6 February 2017

This report is for the general public and the media.

The SMM recorded fewer ceasefire violations in Donetsk region between the evenings of 3 and 4 February compared with the previous reporting period, followed by an increase over the next 24 hours. The Mission recorded a consecutive decrease in ceasefire violations in Luhansk region compared with the previous reporting period between the evenings of 3 and 4 February and during the following 24 hours. The Mission continued to confirm reports of civilian casualties and observed damage caused by shelling in residential areas of Avdiivka, Donetsk city, and other settlements on both sides of the contact line. The SMM and the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC) facilitated adherence to the ceasefire around the Donetsk water filtration station which allowed for a partial re-connection of the electricity supply to Avdiivka. The Mission observed weapons in violation on both sides of the contact line, particularly in areas not controlled by the Government around Donetsk city. The Mission continued monitoring in the disengagement areas in Stanytsia Luhanska, Petrivske and Zolote but its access remained restricted. It noted ceasefire violations within the disengagement areas in Stanytsia Luhanska and Petrivske. The Mission visited three border areas currently not under government control.*

The SMM recorded fewer **ceasefire violations** in Donetsk region between the evenings of 3 and 4 February, including more than 800 explosions, compared with the previous reporting period. [1] In the following 24 hours, the SMM recorded more ceasefire violations than between the evenings of 3 and 4 February, including about 1,200 explosions. The majority of the explosions were recorded in the Avdiivka-Yasynuvata-Donetsk airport area.

On the evening and night of 3 February the SMM camera at “DPR”-controlled Oktiabr mine (9km north-west of Donetsk) recorded 177 undetermined explosions, 59 projectiles in flight from easterly to westerly directions, five projectiles in flight from westerly to easterly directions, and one projectile in flight from south to north, all 4-10km north-east of the camera. Over the course of the day on 5 February the camera recorded 97 undetermined explosions 6-10km north-east. Intermittent fire in the afternoon began with one projectile in flight from north to south followed by one from south to north, and continued with 107 indirect projectiles in flight (16 from south to north and 91 from south-east to north-west), all 6-10km north-east of the camera.

On 4 February, positioned in “DPR”-controlled Kruta Balka (16km north of Donetsk) for about seven hours, the Mission heard 54 explosions: 33 undetermined 2-9km north, south-south-east and west; seven assessed as outgoing tank rounds 4-6km south-south-east and south-west; two assessed as outgoing mortar rounds 3-4km south; nine assessed as impacts 3-6km south-south-east, south-west and west; and three assessed as impacts of mortar rounds 4-9km south-south-east. Positioned at the eastern edge of “DPR”-controlled Yasynuvata (16km north-east of Donetsk) for eight hours the SMM heard 71 undetermined explosions 2-7km south-west and west.

Positioned at the Donetsk water filtration station (16km north of Donetsk) for over eight hours the SMM heard 162 undetermined explosions 1-4km south-west.

On 5 February, positioned at the eastern edge of Yasynuvata for about seven hours, the SMM heard 248 undetermined explosions at points ranging from 4-10km north-west to south and 115 explosions assessed as outgoing tank rounds and their impacts 4-6km west-south-west. Positioned 2.5km north-east of Kruta Balka for just over five hours the SMM heard frequent small-arms fire and 249 explosions, including: 59 assessed as 82 and 120mm mortar rounds and 21 as tank rounds, all 5km south-west; 62 assessed as 82 and 120mm mortar round impacts 5-6km south-east, south-west and north-north-west; eight as outgoing 82mm mortar rounds 4-6km south-east and south and three assessed as outgoing 152mm artillery rounds 7-8km east. Positioned in government-controlled Avdiivka (17km north of Donetsk), the SMM heard 45 undetermined explosions 5km south-south-west.

Aerial imagery revealed the presence of thousands of new (since at least 28 January) craters in the area around Avdiivka and Yasynuvata. The highest concentration of impacts was focused in an area stretching about 2-3km from around Butovka mine towards the industrial zone, west of highway M-04. Aerial imagery of the area around the industrial zone on 28 January revealed a snow covered landscape. Footage from 1 February of the same area shows large portions of the landscape completely blackened by impacts. High concentrations of impacts were also recorded: in the industrial zone and along the eastern, south-eastern, southern and south-western edge of Avdiivka; from Butovka mine towards "DPR"-controlled Spartak (9km north of Donetsk), Yakovlivka (10km north of Donetsk) and Mineralne (10km north-east of Donetsk); from the industrial zone towards the Donetsk water filtration station; and around Kruta Balka. One concentration of new impact sites was present in a residential area within Avdiivka and another just west of Avdiivka. Aerial imagery from 1 February also showed a concentration of new impact sites around Donetsk airport.

On the evening and night of 3-4 February the SMM camera in Shyrokyne (20km east of Mariupol) recorded 12 rocket-assisted projectiles in flight from west to east at unknown distances north-east. More than three hours later the same camera recorded 62 rocket-assisted projectiles being launched south-east to north-west from two launchers, assessed as multiple-launch rocket systems (MLRS), 4-6km north-east. This was followed by small-arms fire and 17 undetermined explosions at unknown distances north-east.

In the afternoon of 5 February, positioned 2km east of government-controlled Orlyvske (23km north-east of Mariupol) the SMM heard 64 undetermined explosions at unknown distances and 4-8km south-east, and saw and heard 12 explosions assessed as impacts of artillery or mortar rounds 4-5km south-east.

While in "DPR"-controlled Debaltseve (58km north-east of Donetsk) the SMM heard 128 undetermined explosions 7-9km west, west-north-west and north-west on the evening and night of 3 February. While in government-controlled Svitlodarsk (57km north-east) on 3 and 4 February the Mission heard 36 explosions assessed as outgoing rounds, including 28 as outgoing artillery rounds, all 2-7km north, north-east and south-south-east; three impacts of artillery rounds 2-3km south-south-east and 13 undetermined explosions 4-7km north-north-west.

While in Debaltseve on 5 February the SMM heard 120 undetermined explosions 7-9km west-north-west. While in Svitlodarsk later in the day the SMM heard 41 undetermined explosions 5-7km south-east.

In Luhansk region the SMM recorded fewer ceasefire violations between the evenings of 3 and 4 February, including more than 150 explosions, compared with the previous reporting period. The number of ceasefire violations recorded by the SMM decreased again over the next 24 hours, including 21 explosions.

On the evening of 3 February, while in “LPR”-controlled Kadiivka (formerly Stakhanov, 50km west of Luhansk), the SMM heard 95 undetermined explosions and eight explosions assessed as outgoing MLRS (BM-21 *Grad*, 122mm) rockets, all 10-15km west. Positioned 2km north of “LPR”-controlled Pervomaisk (58km west of Luhansk) the SMM heard 18 explosions assessed as mortar round impacts 5km south-west, outside the disengagement area.

Positioned in “LPR”-controlled Kalynove-Borshchuvate (61km west of Luhansk) for half an hour on 4 February the SMM heard ten explosions assessed as outgoing mortar rounds 3km south-south-west and four explosions assessed as mortar round impacts 4km south-south-east.

Positioned 4km south of “LPR”-controlled Slovianoserbsk (28km north-west of Luhansk) on 5 February the SMM heard 11 undetermined explosions 8-10km west.

On 4 February the SMM observed the aftermath of a car bomb **explosion in Luhansk city** (see [SMM Spot Report](#)) in which reportedly a senior “LPR” member had died. At the morgue in Luhansk city staff confirmed to the SMM that his remains were there.

The SMM followed up reports of **casualties and observed impact sites in residential areas**.

The SMM continued to follow up on the results of a large explosion in Kalinivskyi district of Donetsk city (see [SMM Spot Report](#)). On 4 February the SMM met with six internally displaced persons (IDPs) who had been accommodated in a new collective centre in Budonivskyi district of Donetsk city, after the collective centre on Elevatorna Street had been damaged in the blast on the evening of 2 February. Almost all of them seemed to be in shock and some of them said they had strong headaches and nausea. A 30-year-old man who had a bandage around his head seemed to be suffering from a concussion. He told the SMM that three of his children were being treated at a nearby hospital. At the hospital the SMM saw the man’s wife and her three sons. Medical staff said that the six-month-old baby had contracted pneumonia after spending four hours in an unheated bomb shelter after the explosion, while one of the older brothers (ten years old) was suffering from vomiting, dizziness and headache. They added that the children’s father had also been treated for a wound to his head. Medical personnel told the SMM that four adults had been treated for glass fragmentation wounds before being released on 2 February and four children had been released under out-patient observation. According to hospital records, all eight civilians were residents of an apartment building located about 30m from the impact site.

At the apartment block, where the SMM saw considerable damage, including the internal wall of an apartment blown down and all windows in the building broken, a resident told the SMM that 20 apartments were no longer in liveable condition. She added that there were no utilities available in the five remaining apartments. On Dekhtiarova Street the Mission saw a house with a partially collapsed roof, broken windows and damage to the walls. The SMM spoke with a 33-year old female inhabitant who told the SMM that she was expecting to give birth to her third child soon and did not have the means to rebuild the house.

The SMM spoke separately with 11 residents who all agreed that there was one explosion that night and that they had not noted any outgoing fire from the immediate area that night. One of the residents told the SMM that there had been outgoing artillery fire about 3km from the impact site from 31 January to 2 February. Aerial imagery had recorded the presence of MLRS at this location on 31 January (see below). Several other residents in the area of the impact site referred to the presence of armed formations in the area. Military-type vehicles were spotted by an SMM mini unmanned aerial vehicle (UAV) at a compound about 260m south-east of the impact site on 3 February (see [SMM Spot Report](#)).

On 4 February the SMM observed five fresh impact sites in Avdiivka. On Nechaeva Street the SMM saw that two rounds had struck the roof of a building. The Mission assessed that the impacts were caused by mortar rounds. On Soborna Street the SMM noted a hole nearly 2m in diameter in the south-west facing wall of the third and fourth floor stairwell of a seven-storey apartment building which it assessed as caused by a 120mm mortar round fired from a south-westerly direction. The SMM assessed the impacts as fresh. Several residents told the SMM that the shelling had taken place at about 21:30 on 3 February. At a school on Molodizhna Street the SMM observed a fresh crater about 25m from the main building. Parked 10m away was an ambulance, which according to Ukrainian JCCC officers had been driven by the 25-year-old man who had died from shrapnel wounds on 3 February (see [SMM Spot Report](#)). Several of the windows of the school building were broken. The Mission assessed the impact as caused by a 120mm mortar round fired from a south-westerly direction.

On 4 February in government-controlled Sartana (15km north-east of Mariupol) the SMM observed 13 fresh impact sites and assessed them as having been caused by MLRS (BM-21) rockets fired from easterly and east-north-easterly directions. The SMM saw craters in the garden of a house, on an asphalt road, in front of a house, and in a cemetery, as well as damage to the roof of a shed, the façade of a garage, fence and door of a house, power lines, the roof of a barn, a tractor, and broken windows on a number of houses. Several interlocutors told the SMM that the village had been shelled between 23:05 and 23:30 on 3 February, adding that shortly before the shelling they had heard and seen outgoing fire from north of the village.

On 4 February in “DPR”-controlled Sakhanka (24km north-east of Mariupol) the SMM observed a fresh impact site in the backyard of a community building, and assessed it as having been caused by a 122mm artillery round fired from a westerly direction. Five to seven metres from the impact site, the Mission saw five empty cases of 152mm artillery rounds and tracks consistent with a self-propelled howitzer (*2S3 Akatsiya*, 152mm).

On 4 February in “DPR”-controlled Boikivske (formerly Telmanove, 67km south-east of Donetsk) the SMM observed a hole in the north-western side of the roof of a barn and an impact in the north-eastern corner of the building that had severed a concrete pole and partially destroyed the walls of the barn. The SMM assessed that the damage had been caused by a 122mm artillery round fired from a westerly direction. Russian officers of the JCCC and “DPR” members told the SMM that the shelling had occurred after midnight on 3 February.

On 4 February about 6km north-west of government-controlled Trudivske (47km south of Donetsk) the SMM observed four fresh impact sites in a field. The SMM assessed that the impacts were caused by 122mm or 152mm rounds fired from a north-north-easterly direction.

On 4 February in “DPR”-controlled Dokuchaievsk (30km south-west of Donetsk) the SMM observed four craters which had already been filled in (three on roads and one in a yard) in residential areas and shattered windows of several houses. At the other site the SMM saw a hole in the south-facing wall of the first floor of an apartment building and shattered windows of surrounding buildings. A Russian officer of the JCCC told the SMM that shelling had occurred on the night of 3 February.

On 4 February the Mission saw two fresh impact sites about 10-15m from a house in government-controlled Troitske (69km west of Luhansk). The SMM assessed both impacts as caused by 82mm mortar rounds. A third round had left holes in the roof.

On 4 February in “LPR”-controlled Molodizhne (63km north-west of Luhansk) the SMM observed two fresh impact sites. The first was located about 15m from an “LPR” position and the second impact was on a trench. The Mission also saw the tail of a recoilless gun (SPG-9, 73mm) round in the middle of the road at a T-junction. Additional impact sites were visible in a wooded area. Armed men in Molodizhne and a man in Novooleksandrivka (65km west of Luhansk) separately told the SMM that the shelling had taken place earlier that morning.

On 4 February near government-controlled Novozvanivka (70km west of Luhansk) the SMM observed eight fresh impact sites, one 10m from the road and seven 150-200m off of the road in a field.

On 2 February in “LPR”-controlled Donetsk (49km west of Luhansk) the SMM observed a large hole in the north-facing door of a garage. The SMM observed smaller holes caused by shrapnel in the door and in a wall inside the garage. A second round had impacted about 2m from the garage. The Mission assessed the second impact as having been caused by a 40mm automatic-grenade-launcher round fired at a steep angle. About 5m from the garage the SMM saw a concrete electricity pole which had been struck by a projectile on its north-west-facing side. Residents told the SMM that the shelling had occurred on the evening of 31 January.

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to pursue full access to the disengagement areas** of Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk), Zolote (60km west of Luhansk) and Petrivske (41km south of Donetsk), as foreseen in the [Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware](#) of 21 September. The SMM’s access to all three areas remained restricted but the Mission was able to partially monitor them.*

On the evening and night of 2 February the SMM camera in **Petrivske** recorded 13 undetermined explosions 2-4km south-west and west-south-west, assessed as inside the disengagement area. On 5 February, an SMM mini UAV recorded more than 70 fresh impact sites on a field, the majority of them within the Petrivske disengagement area.

On 4 February the SMM observed a fresh 30cm hole in a tyre on the south-facing wall of the southernmost Ukrainian Armed Forces position (located within the disengagement area) near the **Stanytsia Luhanska** bridge. The SMM also saw the tail of a recoilless gun round (SPG-9) stuck in another tyre.

The SMM noted a calm situation while present at the **Zolote** disengagement area.

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Package of Measures and its Addendum and the Memorandum.

In violation of the respective withdrawal lines the SMM observed in areas not under government control the Mission observed: one tank (T-64) heading south in Vasylivka (24km north-east of Donetsk) on 4 February and two tanks (T-64) heading north-east in Vasylivka (20km north of Donetsk) on 5 February. Aerial imagery available to SMM from 3 February spotted three self-propelled howitzers and four towed howitzers near Makiivka (12km north-east of Donetsk). Aerial imagery available to SMM recorded on 1 February revealed the presence of three towed howitzers near Yakovlivka and seven towed howitzers and two self-propelled howitzers near Yasynuvata. Eight of the ten towed howitzers and both of the self-propelled howitzers were in firing positions oriented toward the industrial zone. Of the last two towed howitzers one was oriented towards the north-west and one was travelling. Aerial imagery, also available to SMM from 31 January revealed two MLRS (BM-21) and scorch marks at two distinct locations indicating firing positions in the south-west of Makiivka. The MLRS were travelling east on a road with their launcher tubes elevated.

In government-controlled areas the SMM observed in violation: three MLRS (BM-21) heading north in Sukha Balka (36km north of Donetsk) on 4 February and one stationary surface-to-air missile system (9K35 *Strela-10*, 120mm) in Lebedynske (16km north-east of Mariupol) on 5 February.

The SMM observed weapons that could not be verified as withdrawn, as their storage does not comply with the criteria set out in the 16 October 2015 notification. In government-controlled areas beyond the respective withdrawal lines, the SMM observed: 18 MLRS (BM-27 *Uragan*, 220mm), six anti-tank guns (MT-12 *Rapira*, 100 mm), and 14 tanks (T-64). The SMM observed that the following weapons continued to be missing: 11 MLRS (BM-27), 22 anti-tank guns (MT-12) and 28 tanks (T-64).

The SMM observed **armoured combat vehicles [2] in the security zone**. In government-controlled areas the SMM observed: two infantry fighting vehicles (IFV; BMP-1) near Stanytsia Luhanska on 4 February, two APCs each loaded on a flatbed truck heading south near Mariupol on 5 February, three stationary armoured personnel carriers (APC; MTLB) near Staryi Aidar (20km north-west of Luhansk) both on 4 and 5 February.

In areas not under government control the SMM observed: one APC (BRDM-2) heading south-west near Donetsk central railway station ("DPR"-controlled, 6km north-west of Donetsk city centre), one APC (MTLB) near Molodizhne and one IFV (BMP-2) near Burchak-Mykhailivka (14km east of Luhansk), all on 4 February.

Near "LPR"-controlled Pervomaisk the SMM observed tracks from a truck and two holes in the ground, consistent with the firing position of a towed howitzer. The Mission also observed that the snow in the surrounding area was blackened. The location was 300-400m from a power station. Near "LPR"-controlled Krynychne (45km west of Luhansk) the SMM observed tracks in a field consistent with a military vehicle turning in place and observed burn marks on the ground.

On 4 and 5 February the SMM observed a military-type vehicle digging a new trench near "LPR"-controlled Svitle (11km north of Luhansk).

In "LPR"-controlled Sokilnyky (38km north-west of Luhansk) the SMM noted that a possible unexploded ordnance, first noted on 1 February (see [SMM Daily Report 2 February](#)), located 80m from a residential area had not been removed. The SMM saw two directional anti-personnel mines (one MON-50 and one MON-100 or 200) along the H-20 road west of Kruta Balka.

Despite the joint statement of 1 February of the Trilateral Contact Group the SMM received no information in relation to the withdrawal of weapons from the area between Donetsk airport, Avdiivka and Yasynuvata. Meanwhile, **with the support of the SMM, the JCCC contributed to localized cessation of fire, and so facilitated humanitarian efforts aimed at restoration of water, electricity and heating supplies, including through repair of infrastructure in Avdiivka.** On the morning of 4 February the SMM arrived at the Donetsk water filtration station along with a team of repair workers for the latter to continue a third consecutive day of repairs to essential utility services, with SMM facilitation. A team from the State Service for Emergency Situations conducted demining work on the site of an electricity pylon but was soon interrupted by small-arms fire, causing the workers to abandon the site. On the same day, in Avdiivka, the Ukrainian representative of the JCCC told the SMM that the local population and critical infrastructure, such as the hospital, were still without electricity and water, while the water heating system was operational. The SMM observed bottled water being distributed by humanitarian aid organizations at a stadium in Avdiivka on 4 February. In the afternoon of 5 February, after four hours of intense work by repair crews, three power lines were repaired and, according to the Ukrainian representative of the JCCC and a representative of the civil-military administration in Avdiivka, electricity was restored to about 20,000 residents in Avdiivka as well as to the Avdiivka coke plant.

In response **to an incident on 3 February near Kalynove** (see [SMM Spot Report](#)), the SMM received a letter from a Russian officer of the JCCC on 4 February confirming that an "LPR" member had pointed his weapon at an SMM patrol and fired a warning shot in the air. The latter described the incident as an isolated case. On 4 February "LPR" members in Kalynove gave a similar explanation.

The SMM visited three **border areas currently not under the control of the Government.** On 4 February while present at the border crossing point near Sievernyi (50km south-east of Luhansk) for nearly one hour the SMM observed 23 cars queuing to exit Ukraine, one of which had an "LPR" plate. On 5 February at the border crossing point near Novoborovytsi (79km south of Luhansk) the SMM saw three pedestrians (two women and one man, all aged between 20 and 25) enter Ukraine during its one-hour observation period. At the pedestrian border crossing point near Verkhnoharasymivka (57km south-east of Luhansk) the SMM noted a calm situation while present for just over one hour.

The SMM continued monitoring in Kherson, Odessa, Lviv, Ivano-Frankivsk, Kharkiv, Dnipro, Chernivtsi, and Kyiv.

****Restrictions of SMM's freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate***

The SMM's monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, unexploded ordnance (UXO), and other impediments – which vary from day to day. The SMM's mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM's freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations. They have also agreed that the JCCC should contribute to such response and co-ordinate mine clearance.

Denial of access:

- Both on 4 and 5 February armed “LPR” members told the SMM that they could not guarantee the safety of the Mission in fields and side roads of the Zolote disengagement area (58km west of Luhansk) due to the possible presence of mines and UXO. The SMM did not consider it safe to proceed and informed the JCCC.
- Both on 4 and 5 February a Ukrainian officer of the JCCC told the SMM that no demining activities had taken place during the previous 24 hours in the Stanytsia Luhanska disengagement area and that, with the exception of the main road, the SMM’s safety could not be guaranteed in the surrounding areas due to the possible presence of mines and unexploded ordnance (UXO). The SMM did not consider it safe to proceed and informed the JCCC.
- Both on 4 and 5 February the SMM was unable to travel west from “DPR”-controlled Petrivske due to the lack of security guarantees and possible threat from mines. The SMM informed the JCCC.
- Both on 4 and 5 February the SMM could not proceed eastward on the road to Viktorivka (42km south-west of Donetsk) from government-controlled Bohdanivka (41km south-west of Donetsk) as Ukrainian officers of the JCCC said that they could not assist in ensuring the security of the SMM as they did not control the road. Mines were visible on the road.
- Anti-tank obstacles on the road and the presence of a mine hazard sign prevented the SMM from travelling between government-controlled Katerynivka and government-controlled Popasna both on 4 and 5 February. Ukrainian Armed Forces personnel told the Mission that the area had not been demined and that further permission from their headquarters would be required for the SMM to pass. The SMM informed the JCCC.
- Both on 4 and 5 February the SMM could not travel across the bridge in government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk) as Ukrainian Armed Forces personnel said there were mines on the bridge. The SMM informed the JCCC.
- On 4 February at a “DPR” checkpoint in Horlivka (39km north-east of Donetsk) armed men did not allow the SMM to proceed further north after the SMM declined to open the trunks of its vehicles. The SMM decided to leave the area but was told by the armed men not to move until “permission” had been granted from their “superior”. After about 30 minutes the SMM was allowed to leave the checkpoint. The SMM informed the JCCC.

Conditional access:

- On 4 and 5 February an armed “DPR” member escorted the SMM while it retrieved video data from the SMM camera in Petrivske. The SMM informed the JCCC.

[1] Please see [the annexed table](#) for a complete breakdown of the ceasefire violations as well as map of the Donetsk and Luhansk regions marked with locations featured in this report.

[2] This hardware is not proscribed by the provisions of the Minsk agreements on the withdrawal of weapons.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
26 Turhenievskya Street
01054 Kyiv
Ukraine
Office: +380 44 392 0965
Mobile: +38 067 828 06 79
Mobile: +38 050 387 93 98
liudmyla.palamar@osce.org
smm-media@osce.org

Annex 21

OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 16 February 2017”, 17 February 2017

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 16 February 2017

KYIV 17 February 2017

The SMM recorded more ceasefire violations compared with the previous reporting period in both Donetsk and Luhansk regions. The SMM continued monitoring the disengagement areas in Stanytsia Luhanska, Petrivske and Zolote, but its access remained restricted. Beyond the disengagement areas, too, the sides continued to restrict the Mission's monitoring on numerous occasions through direct denials of access or other impediments, including by not removing mines.* The SMM noted weapons in violation of withdrawal lines on both sides of the contact line and noted weapons missing from storage sites. It observed the blockade of railway crossings near Hirske. The SMM facilitated repair of a power line between Svitlodarsk and Horlivka. It visited two border areas currently not controlled by the Government. The Mission followed up on the situation at a camp for Crimean Tatar activists near Chonhar.*

The SMM recorded more **ceasefire violations** in Donetsk region, including over 600 explosions, compared with the previous reporting period (80 explosions).^[1] Most of the explosions recorded by the SMM occurred in Avdiivka-Yasynuvata-Donetsk airport area.

While in "DPR"-controlled Donetsk city on the evening and night of 15-16, in about six hours the SMM heard a total of 363 undetermined explosions 5-10km north-east and 45 undetermined explosions 5-10km north-west and north. Positioned at the Donetsk central railway station (6km north-west of the city centre) during the day on 16 February the SMM heard a total of seven undetermined explosions 3-8km north and north-east, and one undetermined explosion 3-5km north-west.

Positioned in "DPR"-controlled Yasynuvata (16km north-east of Donetsk) over about four hours on 16 February the SMM heard 12 undetermined explosions, and five shots of small-arms fire, 3-5km north, north-west and west. During the night hours of 15 February, the SMM camera at the "DPR"-controlled Oktiabr mine (9km north-west of Donetsk city centre) recorded 52 tracer rounds in flight from west to east and 26 from east to west, two undetermined explosions of unknown weapon systems and two illumination flares, all from west to east, as well as four illumination flares in vertical flight, all 2-5km north-west, west-north-west and west-south-west. At 01:26 the camera recorded a large smoke cloud in the area of the coke plant in Avdiivka (government-controlled 17km north of Donetsk), 9km north-north-east. During the day on 16 February, within 30 minutes in the late afternoon, the camera recorded a total of 78 undetermined explosions, 40 projectiles of indirect fire in flight from west to east and seven projectiles of indirect fire in flight from east to west.

While in Svitlodarsk (government-controlled, 57km north-east of Donetsk), during the day the SMM heard a total of 13 explosions: six undetermined explosions, six explosions assessed as outgoing rounds (two of 82mm mortar, the remainder of unknown weapons systems) and one explosion assessed as an impact of unknown weapon, all 5-7 km north-east, south-east, south and north-north-east.

Positioned in Oleksandrivka ("DPR"-controlled, 20km south-west of Donetsk), in less than an hour before noon the SMM heard seven undetermined explosions 4-8km north, north-north-east and north-east.

On the evening of 15 February the SMM camera in Shyrokyne (20km east of Mariupol) recorded, within one minute, 30 tracer rounds (six in flight from north-east to south-west, 12 from south-west to north-east, and 12 from west to east) at undetermined distances north-north-east and north-east. After midnight on 15-16 February the camera recorded 16 tracer rounds from east to west, and one undetermined explosion. In the afternoon of 16 February, in four minutes the camera recorded two explosions assessed as impacts of rounds of unknown weapons 5-6km north followed by a one-minute exchange of anti-aircraft-gun (ZU-23, 23mm) tracer fire, 27 fired east to west, 61 fired from west to east, and one explosion assessed as an impact of unknown weapons round.

Positioned at the western edge of Pikuzy (formerly Kominternove, "DPR"-controlled, 23km north-east of Mariupol), in less than an hour after noon the SMM heard 13 undetermined explosions at an undetermined distance north. From the same position, the SMM heard six single small-arms shots at an undetermined distance south.

Positioned in Anadol (government-controlled, 39km north of Mariupol), in 20 minutes before noon the SMM heard eight undetermined explosions at an undetermined distance north-north-west, which the SMM assessed as live-fire exercise training.

In Luhansk region the SMM recorded more ceasefire violations, including 16 explosions, compared with the previous reporting period (14 explosions). Positioned in government-controlled Boroventky (77km north-west of Luhansk), the SMM heard ten undetermined explosions within 20 minutes before noon, all 12-15 km south-south-east. Positioned in "LPR"-controlled Kalynove (60km west of Luhansk), in ten minutes, the SMM heard two explosions assessed as impacts of mortar rounds 2km south. Positioned in "LPR"-controlled Kadiivka (formerly Stakhanov, 50km west of Luhansk), the SMM heard one undetermined explosion 5-10km north-west. Positioned in "LPR"-controlled Zolote-5 (61km north-west of Luhansk), the SMM heard a single shot of small-arms fire 300m north-west assessed as outside the disengagement area.

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to pursue full access to the disengagement areas** of Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk), Zolote (60km west of Luhansk) and Petrivske (41km south of Donetsk), as foreseen in the [Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware](#) of 21 September. The SMM's access there remained restricted but the Mission was able to partially monitor them.*

During the night of 15 February, the SMM camera in Stanytsia Luhanska recorded three undetermined explosions assessed as caused by artillery rounds of undetermined calibre at an undetermined distance north-west (all assessed as occurring outside the disengagement area) and 24 small arms shots 1.8km south-south-east (all assessed as occurring inside the disengagement area).

While present, the SMM observed that the Zolote disengagement area was calm.

Despite the joint statement of 1 February by the Trilateral Contact Group and [the consent reached on 15 February](#), the sides have not yet provided the baseline information requested by the SMM related to weapons to be withdrawn and locations of units and formations.

30.07.2021

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 16 February 2017 ...

The SMM nonetheless continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Package of Measures and its Addendum, as well as the Memorandum.

In government-controlled areas, in violation of the withdrawal lines, the SMM saw three anti-tank guns (MT-12 *Rapira*, 100mm) near Vodiane (42km south-west of Donetsk).

In violation of the withdrawal lines in non-government-controlled areas the SMM saw a cannon it assessed as belonging to an anti-tank gun (MT12) at a recently established "LPR" position 6km north of Metalist (7km north-west of Luhansk); 3km north of the same village, the SMM saw an anti-tank missile system (9K11 *Fagot*, 120mm) mounted on infantry fighting vehicle (IFV; BMP-1).

Beyond withdrawal lines but outside storage sites, in government-controlled areas the SMM observed: three tanks (T-64) on stationary flatbed trucks near Novookhtyrka (55km north-west of Luhansk) and a mortar (M37, 82mm) on the trailer of a static military truck near Siversk (99km north Donetsk).

The SMM observed weapons that could not be verified as withdrawn, as their storage does not comply with the criteria set out in the 16 October 2015 notification.

In areas controlled by the Government beyond the respective withdrawal lines, the SMM saw: 18 self-propelled howitzers (2S1 *Gvozdika*, 122mm); 12 towed howitzers (2A36 *Giatsint-B*, 152mm), 12 anti-tank guns (MT-12); and 23 tanks (T-64) for the first time. The SMM noted as missing: 46 tanks (T-64); 44 anti-tank guns (40 MT-12, one 2A19/T-12, 100mm and three D-48, 85mm); 12 towed howitzers (six 2A36, two 2A65 *Msta-B*, 152mm and four D-30 *Lyagushka*, 122mm); four anti-aircraft systems (three 9K33 *Osa*, 210mm and one 9K35, *Strela*, 120mm); one self-propelled howitzer (2S1).

The SMM observed **armoured combat vehicles[2] in the security zone**. In government-controlled areas the SMM saw one stationary IFV (BMP-1) in Stanytsia Luhanska.

In areas outside of government control, the SMM saw two armoured personnel carriers (APCs; MTLB) in Khoroshe (36km west of Luhansk); a stationary IFV (BMP-1) 3km south-east of Dovhe (22km north-west of Luhansk); two stationary APCs (MTLB); and three stationary IFVs (BMP) by the edge of a forest near Vyshnevyi Dil (13km east of Luhansk).

The SMM continued to monitor **two blockades of railway tracks across the contact line** (see [SMM Daily Report 14 February 2017](#)). In government-controlled Hirske (63km west of Luhansk), the SMM observed that the railway track was still blocked with wooden barriers and barbed wire, and a train was still present. In Pleshchiivka (government-controlled, 51km north of Donetsk) an employee in charge of the railroad crossing at the entrance to the village told the SMM that cargo trains on that line had been rerouted and therefore no such trains had passed the crossing due to the blockade at a railway crossing on the southern edge of the Kryvyi Torets. She added that the blockade did not affect local passenger trains which regularly travelled in both directions.

The SMM noted the **presence of mines** along the side of the road outside the Donetsk Water Filtration station. In addition to the three previously observed mines, only one of which was marked (see [SMM Report 9 February 2017](#)), the SMM saw for the first time a directional type of anti-personnel mine (assessed as MON-100) located across the road outside the Filtration station.

The SMM saw a dead civilian on the government-controlled side of the **Stanytsia Luhanska bridge**. The SMM saw a police officer next to the body who told the SMM that the deceased man (about 65 years old) had been living in "LPR"-controlled areas and had been on his way back from government-controlled areas and had likely died due to natural causes. On the road leading to the bridge on the non-government-controlled side the SMM noted an unusually high number of armed men (about ten) with dogs, conducting checks of civilian vehicles.

The SMM continued monitoring **adherence to the ceasefire to facilitate repair** on both sides of the contact line. In "DPR"-controlled Pikuzy, the SMM monitored the repair of a gas pipeline section in an open field between "DPR" and Ukrainian Armed Forces positions (30m from a "DPR" checkpoint on the western side of the main village street and 100m from the first village houses). A resident told the SMM that the damage to the gas network had occurred in several sections of the pipeline on 13-14 February. The SMM continued monitoring repairs to a high-voltage power line between government-controlled areas of Svitlodarsk (57km north-east of Donetsk) and Luhanske (59km north-east of Donetsk; see [SMM Daily Report 11 February 2017](#)). A Ukrainian Armed Forces officer of the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC) told the SMM that no further repairs were envisaged for the time being. In the area of government-controlled Artema (26km north of Luhansk) the SMM monitored repairs to a water pipe line. In the area of government-controlled Zolote/Karbonit (60km west of Luhansk), the SMM monitored repairs to a 1200mm water pipe and saw a team of nine workers repair the pipe.

The SMM **visited two border areas currently not controlled by the Government**. Over an hour at the Dovzhanskyi (84km south-east of Luhansk) border crossing point the SMM saw: four civilian cars with no passengers inside (all with Ukrainian licence plates) at the adjacent parking lot; a total of 30 civilian cars (19 with Ukrainian, ten with Russian Federation and one with Georgian licence plates) and a civilian bus (bearing a "Stakhanov-Rostov" sign and Ukrainian licence plates) in a queue to exit Ukraine; 14 civilian cars (nine with Ukrainian, four with the Russian Federation licence plates and one with "LPR" plates) enter Ukraine. The SMM also saw three women (about 40 years old) and three men (about 50 years old) enter Ukraine on foot. At the pedestrian border crossing point near Verkhnoharasymivka (57km south-east of Luhansk) while present for an hour the SMM saw six civilian vehicles (three with Ukrainian, two with Russian Federation licence plates and one with an "LPR" sticker) at the adjacent parking lot. During the SMM's presence no pedestrians crossed in either direction. A shopkeeper in the shop nearest to the crossing told the SMM that people crossed on a daily basis.

In Kherson the SMM **followed up on the security situation at a camp** for Crimean Tatar activists observing a crossing point to the Crimean peninsula near Chonhar (163km south-east of Kherson). (See [SMM Daily Report 14 February 2017](#).) At the camp, the SMM saw that the entrance had been blocked with an improvised fence (1- 1.5m high, some concrete tubes had been placed where the gate used to be) and there were two people inside. The SMM noted a calm situation in the area.

The SMM continued monitoring in Kharkiv, Odessa, Lviv, Ivano-Frankivsk, Dnipro, Chernivtsi, and Kyiv.

****Restrictions of SMM's freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate***

The SMM's monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, unexploded ordnance (UXO), and other

30.07.2021

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 16 February 2017 ...

impediments – which vary from day to day. The SMM's mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM's freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations. They have also agreed that the JCCC should contribute to such response and co-ordinate mine clearance.

Denial of access:

- A Ukrainian officer of the JCCC told the SMM that no demining activities had taken place during the previous 24 hours in the Stanytsia Luhanska disengagement area and that, with the exception of the main road, the SMM's safety could not be guaranteed in the surrounding areas due to the possible presence of mines and UXO. The SMM informed the JCCC.
- Armed men did not provide the SMM with security guarantees to access fields and side roads south of the Zolote disengagement area. The SMM saw mine hazard signs, but no fencing of the area. Due to the possible presence of mines and UXO the SMM did not proceed and informed the JCCC.
- The possible presence of mines and UXO prevented the SMM from travelling further south-east into the Zolote disengagement area from government-controlled Katerynivka (64km west of Luhansk). The Mission informed the JCCC.
- The SMM could not travel across the bridge in government-controlled Shchastia as Ukrainian Armed Forces personnel said there were mines on the road south of the bridge. The SMM informed the JCCC.
- Armed men denied the SMM access to Kirov Street in Pikuzy and told the SMM it could only use the main street in the village. On 12 February, the SMM had heard small-arms shots in its proximity while on Kirov Street (see [SMM Daily Report 13 February 2017](#)). The SMM informed the JCCC.
- Five armed men prevented the SMM from travelling from Irmino ("LPR"-controlled, 54km west of Luhansk) towards Kalynove. The SMM informed the JCCC.
- Armed men denied the SMM access to an area of Kalynove. The SMM informed the JCCC.
- The sides failed to provide security guarantees for the SMM to monitor the situation in the area between Betmanove (formerly Krasnyi Partizan, "DPR"-controlled, 23km north-east of Donetsk) and government-controlled Verkhnotoretske (23km north-east of Donetsk).

Conditional access:

- The SMM was again allowed to pass through a checkpoint not controlled by the Government near Olenivka (23km south-west of Donetsk, see [SMM Daily Report 11 February 2017](#)) only after an armed man had searched the SMM vehicles. He cited orders not to allow the SMM to pass without its vehicles being searched. The Mission informed the JCCC.

Delay:

- Ukrainian Armed Forces personnel prevented the SMM from accessing a weapons holding area. The SMM informed the JCCC and after a 20-minute delay access was granted.

30.07.2021 Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 16 February 2017 ...

[1] Please see [the annexed table](#) for a complete breakdown of the ceasefire violations as well as map of the Donetsk and Luhansk regions marked with locations featured in this report.

[2] This hardware is not proscribed by the provisions of the Minsk agreements on the withdrawal of weapons.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
26 Turhenievskya Street
01054 Kyiv
Ukraine
Office: +380 44 392 0965
Mobile: +38 067 828 06 79
Mobile: +38 050 387 93 98
liudmyla.palamar@osce.org
smm-media@osce.org

Annex 22

OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 17 February 2017”, 18 February 2017

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 17 February 2017

KYIV 18 February 2017

The SMM recorded fewer ceasefire violations compared with the previous reporting period in both Donetsk and Luhansk regions. The SMM continued monitoring the disengagement areas in Stanytsia Luhanska, Petrivske and Zolote, but its access remained restricted. Outside of the disengagement areas the sides also continued to restrict the Mission's monitoring, particularly in areas not controlled by the Government.* The SMM noted three tanks and two anti-tank guns in violation of withdrawal lines in areas not under government control and one howitzer in violation in an area controlled by the Government. It noted 29 weapons missing for the first time from a storage site not under government control. The Mission continued to observe the blockade of railway tracks near Hirske. It followed up on reports of vandalism at two banks in Kyiv.*

The SMM recorded fewer **ceasefire violations** in Donetsk region, including less than 200 explosions, compared with the previous reporting period.[1] Most of the explosions recorded by the SMM occurred in Avdiivka-Yasynuvata-Donetsk airport area.

Throughout the reporting period the SMM camera at "DPR"-controlled Oktiabr mine (9km north-west of Donetsk city centre) recorded 54 undetermined explosions, two airbursts, 25 projectiles in flight from westerly to easterly direction and 14 from easterly to westerly directions, all 2-10km north-east and north-north-east. The exchange began with one projectile in flight from west to east. On the evening of 17 February the camera recorded two undetermined explosions and 30 projectiles in flight from easterly to westerly directions 3-6km west.

While in "DPR"-controlled Donetsk city on the night of 16-17 February the SMM heard 35 undetermined explosions 7-8km north. Positioned in "DPR"-controlled Yasynuvata (16km north-east of Donetsk) for about four hours on 17 February the SMM heard 34 undetermined explosions at points ranging from 3-10km south-west, north-north-west and north.

Positioned in "DPR"-controlled Betmanove (former Krasnyi Partizan, 23km north-east of Donetsk) late in the morning on 17 November the SMM heard one explosion assessed as an impact of a 120mm mortar round 3-4km north-north-east.

While in "DPR"-controlled Horlivka (39km north-east of Donetsk) late in the afternoon on 17 February the SMM heard three explosions assessed as outgoing artillery rounds 4-5km south-south-west, three explosions assessed as outgoing rounds from unknown weapons 4-5km north-west and nine undetermined explosions 5-12km south-south-west.

In government-controlled Luhanske (59km north-east of Donetsk) the SMM heard about six minutes of continuous machine-gun fire 3-4km south, six undetermined explosions 5-7km west-north-west and one undetermined explosions 5-7km south.

On the evening and night of 16-17 February the SMM camera in Shyrokyne (20km east of Mariupol) recorded four undetermined explosions and 12 rocket-assisted projectiles in flight from east to west at unknown distances north and north-north-east.

Positioned in government-controlled Lebedynske (16km north-east of Mariupol) shortly after noon on 17 February the SMM heard one explosion assessed as an outgoing tank round followed three seconds later by an explosion assessed as the impact of a tank round, 2-3km east.

In Luhansk region the SMM recorded fewer ceasefire violations, including eight explosions, compared with the previous reporting period. Positioned about 4.5km north-west of government-controlled Mykolaivka (77km west of Luhansk) the SMM heard two explosions assessed as outgoing rounds from an unknown weapon 1km south-east.

The SMM followed up on **reports of a civilian casualty** in Donetsk city's Kuibyshevskiy district. Medical personnel at a hospital in Donetsk told the SMM that on 30 January a 33-year-old man had been treated for a light injury to his chest. A senior "DPR" member told the SMM that on 30 January a 33-year-old man had been injured by shrapnel near the Donetsk central railway station.

The SMM observed **the results of shelling** in government-controlled Svitlodarsk (57km north-east of Donetsk) and Novooleksandrivka (65km west of Luhansk). The SMM was unable to follow up on reports of shelling in government-controlled Avdiivka (17km north of Donetsk) as the Ukrainian representatives of the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC) and the State Emergency Service of Ukraine advised the Mission against proceeding further towards the contact line in the area due to the fragile security situation.

In Svitlodarsk the SMM observed five craters 30-70m from houses on Stepova Street. The SMM assessed one of the craters as caused by a 122mm artillery round fired from a south-westerly direction and the four other craters assessed as caused by rounds from an undetermined weapon fired from a south-westerly direction. The SMM observed three shattered windows and the rubble of a greenhouse at one of the houses and a shrapnel hole in a concrete wall, shrapnel damage inside the bedroom, and a shell fragment embedded in the living room wall of another house. Ukrainian officers of the JCCC and residents told the SMM that the shelling had occurred on the night of 5-6 February.

In Novooleksandrivka the SMM observed a hole on the roof of a house, saw shrapnel damage on the internal walls of the living room and noted that all of the windows in the living room had been shattered. Four residents told the Mission that the shelling had occurred on the evening of 15 February.

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to pursue full access to the disengagement areas** of Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk), Zolote (60km west of Luhansk) and Petrivske (41km south of Donetsk), as foreseen in the [Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware](#) of 21 September. The SMM's access there remained restricted but the Mission was able to partially monitor them.* The SMM noted a calm situation while present in and around the three disengagement areas.

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Package of Measures and its Addendum, as well as the Memorandum.

In violation of the withdrawal lines, in areas not under government control, the SMM saw one tank near Bezimenne (30km east of Mariupol), one tank near Lyman (12km north-west of Luhansk), one (T-64) near Tsvitni Pisky (11km north of Luhansk), and two anti-tank guided missile systems (9K111 *Fagot*, 120mm), each mounted on an infantry fighting vehicle (IFV, BMP-1), near Vyshnevji Dil (13km east of Luhansk).

Near government-controlled Lysychansk (75km north-west of Luhansk) the SMM observed a towed howitzer (2A36 *Giatsint-B*, 152mm) in violation of the withdrawal lines.

The SMM observed fresh tracks near government-controlled Sartana (15km north-east of Mariupol), consistent with T-64 tank tracks.

The SMM observed weapons that could not be verified as withdrawn, as their storage does not comply with the criteria set out in the 16 October 2015 notification. In areas not controlled by the Government beyond the respective withdrawal lines, the SMM saw six mortars (PM-38, 120mm), 14 towed howitzer (D-30, 122mm) and six anti-tank guns (MT-12, 100mm). The SMM noted as missing five towed howitzers (D-30) and ten mortars (PM-38), four of them for the first time.

The SMM revisited a permanent storage site not controlled by the Government whose location corresponded with the withdrawal lines and observed that ten multiple-launch rocket systems (MLRS; BM-21 *Grad*, 122mm), nine self-propelled howitzers (2S1 *Gvozdika*, 122mm) and ten towed howitzers (five 2A65 *Msta-B*, 152mm and five D-30) were all noted as missing for the first time. One MLRS (BM-21) which had first been observed as missing in May 2016 continued to be absent.

The SMM revisited a permanent storage site controlled by the Government and observed that 20 tanks (T-64) and three mortars (2B9 *Vasilek*, 82mm) were missing. One of the tanks was noted as missing for the first time. The Mission also noted the presence of one new weapon at the site for the first time.

The SMM observed **armoured combat vehicles[2] in the security zone**. In government-controlled areas the SMM saw three armoured personnel carriers (APC; BTR) near Verkhnotoretske (23km north-east of Donetsk), one infantry fighting vehicle (IFV; BMP) and one APC (MTLB) near Luhanske, one IFV (BMP) near Myronivka (64km north-east of Donetsk), one APC (BTR-80) near Peredilske (24km north-west of Luhansk) and one IFV (BMP-1) near Makarove (19km north-east of Luhansk).

In areas outside of government control, the SMM saw two IFVs (BMP-1) near Lyman, three IFVs (BMP-1) near Tsvitni Pisky, two IFVs (BMP-1) near Lobacheve (13km east of Luhansk), two IFVs (BMP) near Luhansk city and one IFV (BMP) near Bezimenne.

The SMM continued to monitor **blockades at railway tracks across the contact line** (see [SMM Daily Report 17 February 2017](#)). In government-controlled Hirske (63km west of Luhansk) the SMM observed that the railway track was still blocked with wooden barriers and barbed wire. The Mission saw seven unarmed men in camouflage fatigues at a checkpoint in Hirske. Following up allegations of an additional blockade point in Donetsk region, the SMM observed 15 railway wagons, some of which were loaded with coal, standing on the tracks near government-controlled Verkhnotoretske. A resident told the SMM that the wagons had been present there for about one week. While on 16 February the SMM received security guarantees only from the Ukrainian Armed Forces to travel to this area, on 17 February, the SMM received security guarantees from both the Ukrainian Armed Forces and "DPR" via the JCCC.

In Kyiv the SMM spoke with two of the co-ordinators of the blockade in Donetsk and Luhansk regions who explained that the blockade was initiated by volunteers of the civic organization, "Interior corps of Donbas and Aidar battalions", to stop what they said were smuggling schemes. The representative stated that their demands were the release of all those detained in areas not controlled by the Government and the adoption of legislation by the Parliament regarding these areas. They alleged that more could have been done to find alternative sources of fuel in the last three years. One of the representatives stated that a new blockade site would be established near Zolote.

At a briefing headed by senior representatives of DTEK energy company in Kyiv the speaker stated that three of four railroad supply routes between government and non-government-controlled areas had been blocked since the beginning of February. He went on to say that difficulties in supplying anthracite coal, mined in areas not controlled by the Government, could ultimately lead to cuts in electricity and heating for tens of thousands of people and a loss of employment for even more on both sides of the contact line.

The SMM noted that anti-tank **mines had been removed** from a government-controlled checkpoint near Marinka (23km south-west of Donetsk) (see [SMM Daily Report 9 January 2017](#)).

The SMM followed up on **reports of vandalism** at two bank buildings on the evening of 16 February in Kyiv. On 17 February the SMM saw flyers plastered over the doors and spray-painted slogans on the walls of an office building housing an Alfa-Bank branch.

The SMM continued monitoring in Kherson, Kharkiv, Odessa, Lviv, Ivano-Frankivsk, Dnipro, and Chernivtsi.

****Restrictions of SMM's freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate***

The SMM's monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, unexploded ordnance (UXO), and other impediments – which vary from day to day. The SMM's mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM's freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations. They have also agreed that the JCCC should contribute to such response and co-ordinate mine clearance.

Denial of access:

- In the Stanytsia Luhanska disengagement area a Ukrainian officer of the JCCC told the SMM that, with the exception of the main road, its safety could not be guaranteed in the surrounding areas due to the possible presence of mines and unexploded ordnance (UXO). The SMM informed the JCCC.
- Armed men at an "LPR" checkpoint at the edge of the Zolote disengagement area told the SMM that its safety could not be guaranteed in fields and side roads due to the possible presence of mines and UXO. The Mission observed mine hazard signs in the area. The SMM informed the JCCC.
- Near government-controlled Katerynivka (64km west of Luhansk) a Ukrainian officer of the JCCC told the SMM that it was unsafe to travel

30.07.2021

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 17 February 2017 ...

towards further south-east into the disengagement area due to the possible presence of mines and UXO. The Mission informed the JCCC.

- Ukrainian Armed Force personnel stopped the SMM from traveling between Katerynivka and government-controlled Popasna (69km west of Luhansk), citing a lack of permission from their commander due to the area not having been demined. The Mission informed the JCCC.
- The SMM was unable to travel west from “DPR”-controlled Petrivske towards Viktorivka (42km south-west of Donetsk) due to a lack of security guarantees and the possible presence of mines. The Mission informed the JCCC.
- The SMM could not travel across the bridge in government-controlled Shchastia as Ukrainian Armed Forces personnel said there were mines on the road south of the bridge. The SMM informed the JCCC.
- Ukrainian Armed Forces personnel stopped the SMM from accessing a permanent weapons storage site. The Mission informed the JCCC.
- An armed man, citing orders from a senior “DPR” member, did not allow the SMM to pass through a checkpoint into “DPR”-controlled Yasynuvata. The Mission informed the JCCC.
- In Uzhivka (formerly Leninske, 24km north-east of Mariupol) a “DPR” member stopped the SMM from travelling through the village, stating that the area was a restricted military zone. The Mission informed the JCCC.

Delay:

- Two armed men stopped the SMM at the eastern entrance of “DPR”-controlled Novolaspa (50km south of Donetsk), stating that they expected shelling to take place in the area. The SMM informed the JCCC which was able to facilitate the Mission’s passage after a nearly 20 minute wait.

Other:

- After stopping on a road near “DPR”-controlled Vuhlehirsk (49km north-east of Donetsk) in order to allow a military-type truck (Ural) to pass the SMM, the truck stopped in front of the Mission’s vehicles, blocking the road. Three “DPR” members, one of them carrying an assault rifle, stepped out of the truck, asked the patrol’s purpose and requested to see the patrol leader’s OSCE identification. After examining the identification one of the men told the SMM that its activity in the area was highly undesirable.

[1] Please see the annexed table for a complete breakdown of the ceasefire violations as well as map of the Donetsk and Luhansk regions marked with locations featured in this report.

[2] This hardware is not proscribed by the provisions of the Minsk agreements on the withdrawal of weapons.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
26 Turhenievskya Street
01054 Kyiv

Annex 22

30.07.2021 Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 17 February 2017 ...

Ukraine

Office: +380 44 392 0965

Mobile: +38 067 828 06 79

Mobile: +38 050 387 93 98

liudmyla.palamar@osce.org

smm-media@osce.org

Annex 23

OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 24 February 2017”, 25 February 2017

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 24 February 2017

KYIV 25 February 2017

This report is for the media and the general public.

The SMM recorded more ceasefire violations in Donetsk compared with the previous reporting period, with the majority of explosions concentrated in the Avdiivka-Yasynuvata-Donetsk airport area. In Luhansk region the SMM also recorded more ceasefire violations compared with the previous reporting with over 110 artillery explosions in the western parts of the region. The SMM followed up on reports of damage to the Donetsk Water Filtration station caused by shelling. On two separate occasions, in Yasynuvata and Pikuzy, armed men opened small-arm fire close to the SMM. The SMM observed weapons in violation of the respective withdrawal lines on both sides of the contact line. The Mission continued to observe blockade of railway tracks near Hirske, Bakhmut and Shcherbynivka. The SMM monitored a public gathering in Odessa.

The SMM recorded more **ceasefire violations**^[1] including more than 1,200 explosions in Donetsk region, compared with the previous reporting period (about 460 explosions). Of those explosions, some 1,000 were recorded at the Avdiivka-Yasynuvata-Donetsk airport area.

Before midnight of 23-24 February, while in "DPR"-controlled Donetsk city centre the SMM heard 153 undetermined explosions: 113 explosions 5-10km north-east and 40 explosions 5-10km north-west. While in the same location, the SMM also heard and saw, between 20:00 and 20:15, about 30 explosions assessed as salute fire outgoing from artillery 1-3km west-south-west. The following day while positioned at the "DPR"-controlled Donetsk railway station (6km north-west of Donetsk city centre) for more than three hours, the SMM heard 30 undetermined explosions: 21 explosions 2-4km west and nine explosions 2-10km north-west. On the early evening, while in Donetsk city centre the SMM heard five explosions assessed as outgoing rounds from artillery 2-3km north-west, 25 explosions assessed as outgoing rounds from unknown weapons 1-5km north-west, and six undetermined explosions 7-10km north-west.

Before midnight of 23-24 February, the SMM camera in Avdiivka (17km north of Donetsk) recorded 51 undetermined explosions and ten projectiles (seven in flight from north-west to south-east, one from north to south, one south-west to north-east, and one from south to north), beginning with six undetermined explosions and three projectiles flight from north-west to south-east, all 4-7km east-south-east. The following day while positioned in "DPR"-controlled Yasynuvata (16km north-east of Donetsk) for about five hours, the SMM heard 355 explosions at locations 3-9km ranging from south-west to north-north-west. Positioned in government-controlled Avdiivka for more than four hours, the SMM heard 290 undetermined explosions 1-6km south-east, and 130 undetermined explosions 3-7km south-west.

On the evening of 23 February while in "DPR"-controlled Horlivka (39km north-east of Donetsk) the SMM heard eight explosions assessed as caused by artillery rounds 6-8km west.

In the evening of 23 February, while in “DPR”-controlled Debaltseve (58km north-east of Donetsk) the SMM heard 55 undetermined explosions 5-7km south-west. On the same evening while in government-controlled Svitlodarsk (57km north-east of Donetsk) the SMM heard 26 undetermined explosions 8-10km south-west. On the afternoon of 24 February, while in the same location the SMM heard 28 explosions: seven explosions assessed as outgoing artillery rounds 3-6km south-west, three explosions assessed as the impacts of 82mm mortar rounds 5-6km south-west, and 18 undetermined explosions 3-7km south-west. During the day and while positioned in government-controlled Kodema (57km north-east of Donetsk) the SMM heard one explosion assessed as a 152mm artillery round 3km south-west.

On 24 February, while positioned in “DPR”-controlled Sofiivka (formerly Karlo-Marksove, 40km north-east of Donetsk) the SMM heard 20 explosions (five assessed as outgoing rounds from recoilless gun (SPG-9, 73mm), five as outgoing rounds from rocket-propelled-grenade fire, and ten as outgoing rounds from automatic-grenade-fire) 0.5-1km south. The SMM assessed that the explosions were part of a live-fire exercise at a known shooting range in violation of the ceasefire and of the March 2016 Trilateral Contact Group’s decision on the prohibition of live-fire exercises within the security zone. Subsequently, the SMM, accompanied by a Russian officer of the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC), attempted to visit the shooting range, but two armed men denied them access. *

On the night of 23-24 February the SMM camera in Shyrokyne (20km east of Mariupol) recorded one undetermined explosion and one tracer round in flight from east to west, followed by four undetermined explosions and 13 tracer rounds (seven in flight from east to west and six from west to east), all at undetermined distances to the north.

In Luhansk region the SMM recorded more ceasefire violations, including some 150 explosions compared with 41 recorded in the previous reporting period. The SMM recorded 115 explosions assessed as artillery rounds in the western parts of Luhansk.

Positioned in Novooleksandrivka (65km west of Luhansk) the SMM heard one explosion assessed as an outgoing round from 120mm mortar 2-4km south, followed by one explosion assessed as its impact 2-4km east. While positioned in the same location, the SMM also heard ten undetermined explosions 4km south, and seven undetermined explosions 2-3km south-east. While positioned in government-controlled Troitske (69km west of Luhansk) the SMM heard 31 explosions assessed as the impacts of 152mm artillery rounds 5-7km south. While in “LPR”-controlled Kadiivka (formerly Stakhanov, 50km west of Luhansk) the SMM heard 33 explosions assessed as artillery rounds 10km north-west, and 51 explosions assessed as the impacts of artillery rounds 10km west.

The SMM **followed up on reports of damage to the Donetsk Water Filtration Station caused by shelling** the previous night. The SMM conducted flights of its mini unmanned aerial vehicle (UAV) in the area, as the SMM patrol was unable to access the station due to a lack of security guarantees and the possible presence of mines. The UAV spotted four impact sites – three inside and one outside the station, all of which the SMM assessed as having been caused by 82mm mortar rounds (the SMM was not able to determine whether they were fresh). The aerial imagery showed damage to the southern edge of the roof of the Chlorine Storage building, and marks of broken building material stretching from north to south on the roof, and the SMM assessed it as having been caused by an 82mm mortar round fired from a northerly direction. The UAV also spotted one hole on the roof of the Pressure Station 6 (the second impact site), another hole at the southern edge of the roof of Pressure Station 8 (the third

30.07.2021

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 24 February 2017 ...

impact site), and a crater on an open field – 35m north of the station (the fourth impact site). The SMM was not able to assess the direction of fire on those three impact sites. The UAV spotted also one bus and three civilian cars moving away from the gate of the station.

Armed men opened small-arm fire close to the SMM on two separate occasions in “DPR”-controlled areas. (See [SMM Spot Report 24 February 2017](#).) In Pikuzy (formerly Kominternove, 23km north-east of Mariupol), while the SMM was having a conversation with two armed men, one of them pointed an automatic rifle (AK-47) into the air and fired a round. The SMM left the area immediately. In Yasynuvata, while the SMM was preparing to launch its mini-UAV from the north-western edge of the town (after conducting the aforementioned flights of the UAV over the Donetsk Water Filtration station), four armed men approached the SMM, and seized the UAV. When 15-20m away, one of them fired a burst of small-arms fire that impacted 5m from the patrol's position. The SMM left the area. The SMM informed the JCCC about both incidents and asked it to assist in the recovery of the UAV.

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to pursue full access to the disengagement areas** of Stanytsia Luhanska, Zolote (60km west of Luhansk) and Petrivske (41km south of Donetsk), as foreseen in the [Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware](#) of 21 September. The SMM's access there remained restricted but the Mission was able to partially monitor them.*

The SMM noted a calm situation while present in and around the disengagement areas near Petrivske.

On the evening of 22 February, the SMM camera in Stanytsia Luhanska recorded one shot of small-arms fire 1.7km south-south-east, and two explosions assessed as the impacts of rounds from unknown weapons 760m south-east (all assessed as inside of the disengagement area). On 24 February while positioned near government-controlled parts of the Stanytsia Luhanska disengagement area the SMM heard four undetermined explosions at an undetermined distance west (assessed as outside the disengagement area).

Inside the **Zolote** disengagement area in violation of the Framework Decision the SMM observed four men wearing military-style clothes without any visible unit badge, one of them having a pistol in his pocket. The SMM explained to them that forces and/or hardware should not be in the disengagement area according to the Framework Decision, and informed the JCCC.

Despite the joint statement of 1 February by the Trilateral Contact Group and [the consent reached on 15 February](#), the sides have not yet provided the baseline information requested by the SMM related to weapons to be withdrawn and locations of units and formations.

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Package of Measures and its Addendum, as well as the Memorandum.

In violation of the respective withdrawal lines in areas not under government control, the SMM saw: two anti-tank guided missiles (unknown type) each mounted on a stationary infantry fighting vehicle (IFV; BMP) in Vyshnevyi Dil (13km east of Luhansk); and one stationary tank and one towed artillery (unknown type) near Dovhe (22km north-west of Luhansk).

In violation of the respective withdrawal lines in government-controlled areas the SMM saw: one mortar (unknown type) in Vozdvizhenka (formerly Krasnyi Pakhar 66km north-east of Donetsk); and six towed howitzers (D-30, 122mm) and 29 self-propelled howitzers (16 2S1 *Gvozdika*, 122mm and 13 2S3 *Akatsiya*, 152mm) in Bohoiavlenska (46km south-west of Donetsk).

Beyond the withdrawal lines but outside of storage sites the SMM observed two mortars (PM-38, 120mm) each loaded on a military truck heading east near government-controlled Metolkine (69km north-west of Luhansk).

The SMM observed weapons that could not be verified as withdrawn, as their storage does not comply with the criteria set out in the 16 October 2015 notification. In government-controlled areas beyond respective withdrawal lines, the SMM saw: 12 multiple launch rocket systems (MLRS; BM-21 *Grad*, 122mm); eight self-propelled howitzers (2S3); five towed howitzers (2A36 *Giatsint-B*, 152mm); four surface-to-air missile systems (9K35, *Strela*, 120mm); and five mortars (2B11, 120mm). The SMM noted as missing: 12 MLRS (BM-21); 17 towed howitzers (seven 2A36, six D-20, 152mm, and four 2A65 *Msta-B*, 152mm); one self-propelled howitzer (2S3); and one mortar (2B11, 120mm), the latter two were observed as missing for the first time.

The SMM observed **armoured combat vehicles anti-aircraft weapons**^[2] **in the security zone**. In non-government-controlled areas, the SMM saw: two APC (MTLB) heading north near Khreshchatytske (formerly Krasnoarmiiske, 33km north-east of Mariupol); two stationary IFVs (BMP-1) south of Stanytsia Luhanska (outside the disengagement area); one stationary APC (MTLB) mounted with one anti-aircraft gun (ZU-23) near Sentianivka (formerly Frunze, 44km west of Luhansk); one stationary IFV (BMP-1) in Luhansk city; three IFVs (BMP) and two APCs (MTLB), all stationary near Vyshnevyi Dil; two stationary IFVs (BMP) near Pryvitne (11km north of Luhansk); two stationary IFVs (BMP-1) near Lyman (12km north-west of Luhansk); one IFV (BMP-1) towed by a military-type truck heading east near Oleksandrivsk (10km west of Luhansk); and one anti-aircraft gun (ZU-23) and two stationary IFVs (BMP-1) near Dovhe.

In government-controlled areas the SMM saw: one IFV (BMP-1) heading south in Svitlodarsk; one stationary armoured personnel carriers (APC; MTLB) near Heivka (27km north-west of Luhansk); six stationary IFVs (BMP-2) near Novotoshkyvske (53km west of Luhansk); and one anti-aircraft gun (ZU-23) near government-controlled part of Zolote.

The SMM followed up on the **situation for civilians living near the contact line**. On 23 February, on the road between "LPR"-controlled Stare (formerly Chervonyi Prapor, 58km west of Luhansk) and "LPR"-controlled Verhulivka (61km west of Luhansk), the SMM observed a high-voltage electricity cable hanging at a low height across the main road and emanating smoke. The director of the nearby coal mine in Verhulivka told the SMM that as a result of the power cut 54 coal miners were stuck underground since noon because the elevator was not operational. The SMM did not observe any signs of shelling around the hanging cable. On 24 February, a resident (a woman aged 55) in Verhulivka and an employee in the coal mine separately told the SMM that electricity supply had been restored earlier the day. The SMM also noted that electricity was available in the coal mine.

The SMM continued to monitor **blockades at railway tracks, which cross the contact line** (see [SMM Daily Report 24 February 2017](#)). In government-controlled Bakhmut (formerly Artemivsk, 67km north of Donetsk), Shcherbynivka (44km north of Donetsk), and Hirske (63km west of Luhansk) the SMM observed that the railway tracks

30.07.2021

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 24 February 2017 ...

were still blocked with wooden barriers and barbed wire. At the government checkpoint near the road junction in government-controlled Karbonit (part of Zolote), the SMM saw two men wearing camouflage clothes and displaying a national flag and a former Donbas volunteer battalion flag. The SMM observed that one civilian truck loaded with coal pass through the check point from east to west without interference.

The SMM monitored **the situation of civilians at entry-exit checkpoints along the contact line**. In the morning at an "LPR" checkpoint south of the Stanytsia Luhanska bridge, the SMM observed about 1,200 people waiting to travel toward government-controlled areas and about 150 people waiting to travel in the opposite direction.

In Odessa, on 23 February the SMM **monitored a commemoration of the Defender of the Fatherland day** at the monument of the Unknown Sailor. At 10:45 a police officer present told the SMM that there was an announced bomb threat. The SMM observed the monument and its surrounding areas were cordoned by about 80 officers of the police and National Guard, and a bomb squad vehicle and a fire truck were parked nearby. In front of the cordon there were a group of some 50 people (mostly elderly men and women) waiting to lay flowers, and another group of some 40 men (aged between 18 and 45), most of them wearing military-style clothes. The SMM saw two police officers taking an elderly woman, who was shouting at National Guard officers, to a police car, and driving away. A police officer told the SMM that it was a "measure to prevent violence". At 11:45, police informed the SMM that the area was clear of any explosive devices and started to let small groups (10-20) of people approach the monument and lay flowers. Other than exchange of verbal arguments between the two groups the SMM did not observe any incidents.

The SMM continued monitoring in Kherson, Lviv, Ivano-Frankivsk, Kharkiv, Dnipro, Chernivtsi, and Kyiv.

****Restrictions of SMM's freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate***

The SMM's monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, unexploded ordnance (UXO), and other impediments – which vary from day to day. The SMM's mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM's freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations. They have also agreed that the JCCC should contribute to such response and co-ordinate mine clearance.

Denial of access:

- In the Stanytsia Luhanska disengagement area a Ukrainian officer of the JCCC told the SMM that, with the exception of the main road, its safety could not be guaranteed in the surrounding areas due to the possible presence of mines and UXO. The SMM informed the JCCC.
- The possible presence of mines and UXO prevented the SMM from travelling further south-east into the Zolote disengagement area from government-controlled Katerynivka (64km west of Luhansk). The Mission informed the JCCC.
- At an "LPR" checkpoint at the edge of the Zolote disengagement area the SMM was told that its safety could not be guaranteed in fields and side roads due to the possible presence of mines and UXO. The Mission observed mine hazard signs in the area. The SMM informed the JCCC.

30.07.2021

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 24 February 2017 ...

- Ukrainian Armed Force personnel stopped the SMM from traveling from Katerynivka and government-controlled Popasna (69km west of Luhansk), citing a lack of permission from their commander due to the area not having been demined. The Mission informed the JCCC.
- The SMM could not travel across the bridge in government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk) as Ukrainian Armed Forces personnel said there were mines on the road south of the bridge. The SMM informed the JCCC.
- At a checkpoint in "DPR"-controlled Novolaspa (50km south of Donetsk) an armed man prevented the SMM from proceeding further east, citing fighting in the area. The SMM informed the JCCC.
- The SMM, accompanied by a Russian Federation Armed Forces officer of the JCCC, attempted to visit a known shooting range in "DPR"-controlled Sofiivka, but two armed men denied access.
- In "LPR"-controlled Verhulivka four armed men stopped the SMM and prevented from proceeding further into the village. The SMM informed the JCCC.

Conditional access

- On the road leading eastward to "LPR"-controlled Pryvitne, armed men stopped the SMM and told not to stop or take pictures on the road. About 15 minutes later, on the same road 1km east of the abovementioned location, the SMM observed two stationary IFV (BMP-2).

Delay:

- Ukrainian Armed Forces personnel delayed the SMM for half an hour before allowing it to enter a heavy weapon holding area. The Mission informed the JCCC.

[1] Please see the [annexed table](#) for a complete breakdown of the ceasefire violations as well as map of the Donetsk and Luhansk regions marked with locations featured in this report.

* Please see the section at the end of this report entitled "Restrictions of SMM's freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate".

[2] This hardware is not proscribed by the provisions of the Minsk agreements on the withdrawal of weapons.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
 OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
 26 Turhenievska Street
 01054 Kyiv
 Ukraine
 Office: +380 44 392 0965
 Mobile: +38 067 828 06 79
 Mobile: +38 050 387 93 98

30.07.2021 Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 24 February 2017 ...

liudmyla.palamar@osce.org
smm-media@osce.org

Annex 24

OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 28 February 2017”, 1 March 2017

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 28 February 2017

KYIV 1 March 2017

This report is for the media and the general public.

The SMM recorded more ceasefire violations, including twice as many explosions, compared with the previous reporting period. It observed damage from gun fire and shelling on both sides of the contact line, in Yasynuvata, Talakivka, Novolaspa and Verhulivka. The SMM noted resumption of electricity in parts of Avdiivka. The Mission continued monitoring the disengagement areas in Stanytsia Luhanska, Petrivske and Zolote, but its access remained restricted. The SMM camera in Stanytsia Luhanska revealed one ceasefire violation inside the disengagement area on 27 February. The SMM noted weapons in violation on both sides of the contact line. It noted the presence of unexploded ordnance in Novooleksandrivka and of mines south of Shchastia. The SMM monitored the blockade of routes crossing the contact line. It visited a border area not under government control. In Kharkiv the SMM monitored a public gathering.*

In Donetsk region, the SMM recorded more **ceasefire violations [1]**, including about 900 explosions compared with about 450 in the previous reporting period.

On the night of 27 February, while in "DPR"-controlled Donetsk city centre, the SMM heard 85 undetermined explosions, of which 70 were at locations 6-10km north-west and 15 were at locations 6-10km north-east. While at the central railway station (6km north-west of the city centre) on 28 February, the SMM heard 18 undetermined explosions, mostly at locations 7-10km at points ranging from west to north.

On the evening of 27 February, the SMM camera in government-controlled Avdiivka (17km north of Donetsk) recorded ten undetermined explosions 4-7km east-south-east. The following day, the camera recorded 49 projectiles in flight from west to east and ten undetermined explosions, all 4-6km east-south-east. Positioned in Avdiivka on 28 February, the SMM heard 15 undetermined explosions, of which 11 were 1-3km east-south-east and four were 3-5km south-west. Positioned in "DPR"-controlled Yasynuvata (16km north-east of Donetsk) on the same day, the SMM heard 118 undetermined explosions 1-3km at points ranging from south-west to north.

On the evening of 27 February, while in "DPR"-controlled Debaltseve (58km north-east of Donetsk), the SMM heard 32 undetermined explosions 8-10km north-north-west. On the same evening while in government-controlled Svitlodarsk (57km north-east of Donetsk) the SMM heard about 100 undetermined explosions 3-5km south-east and south-south-east. The following day in Svitlodarsk the SMM heard 19 undetermined explosions 3-5km in southerly directions. On 28 February, while in "DPR"-controlled Horlivka (39km north-east of Donetsk), the SMM heard about 200 undetermined explosions 8-10km south-west.

On the night of 27-28 February, the SMM camera in Shyrokyne (20km east of Mariupol) recorded, beginning with two tracer rounds and one illumination flare in flight from east to west, a total of nine undetermined explosions and ten tracer rounds (three from west to east and seven from east to west) at unknown distances north. The

following day, the camera recorded 59 airbursts 2-3km north-east, 25 bursts assessed as anti-aircraft (ZU-23, 23mm) cannon rounds, from west to east, one rocket-assisted projectile from south-south-west to north-north-east and two undetermined explosions 5km north of the camera.

Positioned in government-controlled Mariupol (102km south of Donetsk) on the evening of 27 February, the SMM heard 31 explosions assessed as outgoing rounds of undetermined weapons 5-7km north-east. The next morning the SMM heard 20 explosions assessed as artillery rounds at unknown distances east.

On 28 February, positioned in areas east and north-east of Mariupol the SMM heard about 170 explosions, mainly south-east.

Positioned 3km north of government-controlled Hnutove (20km north-east of Mariupol) the SMM heard 22 undetermined explosions at unknown distances south-south-east, six explosions assessed as outgoing rounds and three as impacts of rounds from undetermined weapons 6km south-east. Positioned 1.5km north-east of Hnutove the SMM heard 16 explosions assessed as mortar rounds 2-3km east and six undetermined explosions 2-3km south-east and south.

Positioned in "DPR"-controlled Bezimenne (26km east of Mariupol) the SMM heard 26 undetermined explosions, most of which were 3-4km west, one explosion as an impact and ten assessed as outgoing rounds from undetermined weapons 3-4km west. Positioned in "DPR"-controlled Naberezhne (33km north-east of Mariupol) the SMM heard 30 undetermined explosions at unknown distances south-east.

Whilst 3km north-west of government-controlled Lebedynske (16km north-east of Mariupol), the SMM heard two explosions assessed as outgoing mortar rounds, 12 as outgoing rounds of undetermined weapons and 16 undetermined explosions 3-4km east, 21 undetermined explosions 3-4km north-north-east, and two explosions assessed as outgoing rounds of undetermined weapons at unknown distances south-south-east.

In Luhansk region the SMM recorded more ceasefire violations, including about 135 explosions compared with 60 recorded in the previous reporting period.

On the evening of 27 February, while in "LPR"-controlled Kadiivka (formerly Stakhanov, 50km west of Luhansk) the SMM heard 65 explosions assessed as outgoing multiple-launch rocket systems (MLRS, type unknown) rounds 10km west. Positioned in government-controlled Lopaskyne (23km north-west of Luhansk) on 28 February, the SMM heard 12 undetermined explosions 7-10km north-west. Positioned in government-controlled Zolote (60km west of Luhansk) the SMM heard six undetermined explosions 5-7km south (assessed as outside the disengagement area). Positioned in "LPR"-controlled parts of Zolote the SMM heard four undetermined explosions 5km west.

Positioned in "LPR"-controlled Kalynove (60km west of Luhansk) on 28 February, the SMM heard two explosions assessed as impacts of 120mm mortar rounds over 10km east-north-east, one explosion assessed as the impact of an 82mm mortar round 150m south-west, as well as 21 bursts of infantry fighting vehicle (IFV) (BMP-2) cannon (30mm) fire 400m south-west and 30 rounds of heavy-machine-gun fire 400m east-north-east.

Positioned 1km east of government-controlled Popasna (69km west of Luhansk) the SMM heard five undetermined explosions 3-5km south. When 2km south-east of "LPR"-controlled Molodizhne (63km north-west of Luhansk), the SMM heard 12

undetermined explosions 4-5km south. Positioned 1km north of government-controlled Novozvanivka (70km west of Luhansk), the SMM heard 20 undetermined explosions about 20km south-south-west.

The SMM observed **damages caused by shelling**. On 27 February, in Yasynuvata the SMM, accompanied by a Russian officer of the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC) and "DPR" members, observed that a broken window on the south-south-west-facing wall of a private house at Dnipropetrovska Street 42 had been covered with black fabric. Part of the window frame had been damaged by shrapnel. Inside and outside the house, the SMM found several small light brass fragments – consistent with small-calibre ammunition that had damaged the window (frame and glass) and caused small dents on the opposite wall. At a building at Mikroraiion Street 3 the SMM saw a broken window with small damages to its frame. The SMM assessed the above damages to have been caused by 12.7mm ammunition.

At 40 Rokiv Zhovtnia Street in government-controlled Talakivka (17km north-east of Mariupol), the SMM observed 11 fresh impacts, of which three were inside an agricultural compound. The SMM saw a hole in the roof of one storage building for agricultural machines and shrapnel damage on the metal walls. A metal pole outside a covered parking lot had been hit, as had a parked truck which the SMM saw burning. Three other fresh impacts were in a field adjacent to the compound and another five at a nearby abandoned farm where the SMM saw that the outer fence had been hit and two of its metal plates destroyed. The roof, walls and interior of the premises had also been damaged. The SMM assessed all of the above impacts as caused by 122mm artillery rounds fired from an east-north-easterly direction.

In "DPR"-controlled Novolaspa (50km south of Donetsk), the SMM saw a crater on the right side of the road to "DPR"-controlled Bila Kamianka (51km south of Donetsk). The SMM assessed the crater to have been caused by 122mm artillery fire from the south-south-west.

The SMM observed two fresh impacts close to each-other, 250m from the main road 2km south-west of "LPR"-controlled Verhulivka (64km west of Luhansk), and six pieces of shrapnel 1-5m from the craters. The nearest house was 1km away. The SMM assessed the impacts to have been caused by 152mm artillery rounds fired from a northerly direction.

In Avdiivka, the SMM observed that shops (closed for the past four days due to lack of electric power) had reopened and noted in one of them a lack of running water. A Ukrainian officer of the JCCC told the SMM that both the old and new sections of Avdiivka were being supplied with potable water but only for reduced hours, adding that the repair work near the Donetsk water filtration station had not started.

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to pursue full access to the disengagement areas** of Stanytsia Luhanska, Zolote (60km west of Luhansk) and Petrivske (41km south of Donetsk), as foreseen in the [Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware](#) of 21 September. The SMM's access there remained restricted but the Mission was able to partially monitor them.*

About two hours after midnight on 27 February, the SMM camera in **Stanytsia Luhanska** recorded one projectile in flight from south-south-east to north-north-west 1.5km south-south-east of the camera (assessed as inside the disengagement area) and one shot of small-arms fire 40m south-east of the camera (assessed as outside the disengagement area).

The SMM observed a fresh crater with the remnants of a rocket-propelled grenade (RPG-7) 100m south of the government checkpoint north of the Stanytsia Luhanska bridge. The SMM assessed that the projectile had been fired from a southerly direction.

In government-controlled Katerynivka (64km west of Luhansk), inside the **Zolote** disengagement area, accompanied by Ukrainian officers of the JCCC, the SMM saw, in violation of the Framework Decision, an armed man in uniform exiting a house, and three military vehicles (HMWW and UAZ) parked next to it, where on 25 February the SMM had heard small-arms fire (see [SMM Daily Report 27 February 2017](#)). He said that he was the commander of a demining team that was clearing the backyards of houses inside the disengagement area. About 15m north of the house, the SMM was shown an impact assessed as caused by the explosion of a hand grenade.

The SMM noted a calm situation while near the **Petrivske** disengagement area.

Despite the joint statement of 1 February by the Trilateral Contact Group and [the consent reached on 15 February](#), the sides have not yet provided the baseline information requested by the SMM related to weapons to be withdrawn and locations of units and formations.

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Package of Measures and its Addendum, as well as the Memorandum.

In violation of the respective withdrawal lines, the SMM saw three towed howitzers (2A65 *Msta-B*, 152mm) towed by military trucks in government-controlled Novoaidar (49km north-west of Luhansk) and an SMM mini unmanned aerial vehicle (UAV) spotted three towed howitzers (D-30 *Lyagushka*, 122mm) about 3km north-east of "DPR"-controlled Sakhanka (24km east of Mariupol).

Beyond withdrawal lines but outside storage sites the SMM saw one tank (T-72) near government-controlled Kramatorsk (83km north of Donetsk).

The SMM observed weapons that could not be verified as withdrawn, as their storage does not comply with the criteria set out in the 16 October 2015 notification. In areas under government control beyond respective withdrawal lines, the SMM saw nine anti-tank guns (MT-12 *Rapira*, 100mm), including three for the first time. The SMM noted that 22 anti-tank guns (MT-12) and ten tanks (T-64) were missing, as previously noted.

The SMM observed **armoured combat vehicles and anti-aircraft weapons [2] in the security zone**. On 27 February in government-controlled areas the SMM saw 18 static IFVs (BMP-2), a military truck carrying ammunition boxes, as well as fresh vehicle tracks on the road near Popasna; one (covered) static anti-aircraft gun (ZU-23-2) near Hirske (63km west of Luhansk); and one static armoured personnel carrier (APC) (BRDM-2) near Vrubivka (72km west of Luhansk). On 28 February the SMM saw eight APCs (MTLB), one with a mounted anti-aircraft gun (ZU-23), in Talakivka.

In areas not under government control, the SMM saw three static IFVs (BMP-1), two near the north-eastern outskirts of Luhansk city, one 3km south-east of Stanytsia Luhanska (outside the disengagement area) and two IFVs (BMP-1) north of Lyman (12km north-west of Luhansk). In Khreshchatytske (formerly Krasnoarmiiske, 33km north-east of Mariupol) the SMM observed tracks consistent with those of an APC (MT-LB).

The SMM continued to note the presence of **mines and unexploded ordnance (UXO)**. On 27 February, the SMM observed at least one UXO (rocket-propelled grenade) and

30.07.2021

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 28 February 2017 ...

remnants of other exploded ordnance in Novooleksandrivka (65km west of Luhansk). The four anti-tank mines in "LPR"-controlled areas south of Shchastia (see [SMM Daily Report 27 February 2017](#)) continued to be present.

On the southern edge of government-controlled Raihorodka (34km north-west of Luhansk), the SMM observed that a checkpoint (last observed operational at the end of January) was abandoned and the mine hazard signs previously present had been removed.

The SMM continued to monitor the **blockade of routes crossing the contact line** (see [SMM Daily Report 27 February 2017](#)). The SMM noted that railway tracks remained blocked by wooden barriers and barbed wire in government-controlled Hirske, and a train was still on the rails. Four men in camouflage fatigues were under the bridge. One police car was 25m from the protesters. At the government checkpoint near the road junction in Karbonit (part of Zolote), the SMM saw three men in camouflage clothing and one woman in civilian clothing present. At the Kryvyi Torets train station in government-controlled Shcherbynivka (44km north of Donetsk) and in "DPR"-controlled Yenakiieve (41km north-east of Donetsk) several people separately told the SMM that protests had taken place against the blockade of the railway. While present in both areas the SMM noted a calm situation.

The SMM visited a **border area currently outside government control**. The SMM noted an increased presence of "LPR" members inside "police" cars on the crossroads and main junctions of the road to Izvaryne (52km south-east of Luhansk). At the border crossing point in Izvaryne around 170 people, 50 cars and ten trucks (most of the vehicles with Ukrainian licence plates, and two with "LPR" plates) were queuing to leave Ukraine. During its almost three-hour stay, the SMM observed two black jeeps escorted by two "police" cars, as well as five cars, two trucks and ten pedestrians enter Ukraine. Ten cars, two trucks and a convoy (marked "humanitarian aid") consisting of five trucks, two caravan trucks, a civilian black car (with a driver wearing a military-style uniform) and two "police" cars left Ukraine.

In Kharkiv, the SMM **monitored a gathering** of around 100 people (men and women, different ages) in front of the regional state administration building protesting against the refusal, on 23 February, of the National Council on TV and Radio Transmission to renew the licence of *Radio Vesti*. Some 20 police officers were present. The protest ended peacefully.

The SMM continued monitoring in Kherson, Odessa, Lviv, Ivano-Frankivsk, Dnipro, Chernivtsi and Kyiv.

****Restrictions of SMM's freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate***

The SMM's monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, UXO, and other impediments – which vary from day to day. The SMM's mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM's freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations. They have also agreed that the JCCC should contribute to such response and co-ordinate mine clearance.

Denial of access:

- In the Stanytsia Luhanska disengagement area Ukrainian Armed Forces soldiers told the SMM that its safety could not be guaranteed in the

surrounding areas due to the possible presence of mines and UXO. The SMM informed the JCCC.

- The possible presence of mines and UXO prevented the SMM from travelling further south-east into the Zolote disengagement area from government-controlled Katerynivka. The Mission informed the JCCC.
- At an “LPR” checkpoint at the edge of the Zolote disengagement area, armed men told the SMM that its safety could not be guaranteed in the fields and side roads due to the possible presence of mines and UXO. The SMM informed the JCCC.
- The SMM was not able to travel from government-controlled Popasna to Katerynivka as the road was blocked. In addition Ukrainian Armed Forces personnel present said that the road was mined and permission from senior authorities was required to pass. The Mission informed the JCCC.
- The SMM was unable to travel west from “DPR”-controlled Petrivske due to the lack of security guarantees, a road block and the potential mine threat, as indicated by mine hazard signs present. The SMM informed the JCCC.
- Ukrainian Armed Forces personnel at the bridge in Shchastia told the SMM that no demining activities had taken place and that the road south of the bridge was still mined. The SMM informed the JCCC.
- At a checkpoint in “LPR”-controlled Kalynove, armed men prevented the SMM from proceeding further, without any explanation. The SMM informed the JCCC.
- At the border crossing point in “LPR”-controlled Izvaryne, “LPR” members denied the SMM access to a certain part of the area. The Mission informed the JCCC.

Conditional access:

- The SMM was again allowed to pass through a checkpoint in “DPR”-controlled Olenivka (see [SMM Daily Report 28 February 2017](#)) only after an unarmed man had searched the SMM vehicles. The Mission informed the JCCC.

Delay:

-At a checkpoint in “DPR”-controlled Novolaspa (50km south of Donetsk), five armed men refused to allow the SMM to proceed further to “DPR”-controlled Bila Kamianka (51km south of Donetsk), stating that mines had been put on the road. The SMM informed the JCCC and about 30 minutes later was granted permission.

[1] Please see the [annexed table](#) for a complete breakdown of the ceasefire violations as well as map of the Donetsk and Luhansk regions marked with locations featured in this report.

[2] This hardware is not proscribed by the provisions of the Minsk agreements on the withdrawal of weapons.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer

OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine

26 Turhenievska Street

30.07.2021

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 28 February 2017 ...

01054 Kyiv

Ukraine

Office: +380 44 392 0965

Mobile: +38 067 828 06 79

Mobile: +38 050 387 93 98

liudmyla.palamar@osce.org

smm-media@osce.org

Annex 25

OHCHR, “Report on the human rights situation in Ukraine 16
November 2016 to 15 February 2017”, 15 March 2017
(excerpts)

**Office of the United Nations High Commissioner
for Human Rights**

**Report on the human rights situation in Ukraine
16 November 2016 to 15 February 2017**

Please recycle

OHCHR conducted trainings on the Istanbul Protocol at the National Academy of the Public Prosecutor's Office of Ukraine for around 400 newly recruited regional prosecutors. OHCHR has also conducted targeted advocacy at the policy level with Government ministries, the Parliament, through the Parliamentary Commissioner on Human Rights, and with partners in the international community and civil society. OHCHR has contributed to the protection of human rights in armed group-controlled territory through interventions and advocacy work on the need to observe international standards. OHCHR continues to support the Government in its efforts to ensure greater human rights protection across Ukraine, including through the development of a new UNDAF of Ukraine (2018-2022).

II. Rights to life, liberty, security, and physical integrity

A. International humanitarian law in the conduct of hostilities

"We sleep in our clothes and winter coats. On Wednesday or Thursday in the morning [1 or 2 February 2017] my dog came to the basement and started yelping. Five minutes later the shelling started. It was around 6:30 or 7am. There was smoke, ash, and the sky turned black."

- 60 year-old woman living in 'Old' Avdiivka

18. Despite diplomatic efforts to ensure compliance with the Minsk agreements, reports of daily ceasefire violations by Ukrainian Armed Forces and the armed groups of the 'Donetsk people's republic' and 'Luhansk people's republic' in numerous hotspots along the contact line in both Donetsk and Luhansk regions persisted, with spikes in mid-November, late December 2016, and a sharp escalation of hostilities between 29 January and 3 February 2017. Despite renewed calls for ceasefire, intense shelling is still a daily occurrence in many locations. The situation in Donetsk and Luhansk regions remained tense and dangerous for civilians as the parties to the conflict continued to maintain positions in close proximity to villages and towns near the contact line in violation of international humanitarian law.⁸ In particular, military and armed group personnel continued to embed their hardware in civilian neighbourhoods including homes, to carry out indiscriminate shelling and to use explosive weapons with wide-area effects in populated areas. The flare-up of hostilities in the Avdiivka-Yasynuvata-Donetsk airport triangle and in areas south of Donetsk between 29 January and 3 February caused 53 civilian casualties (See: B. Casualties). Indiscriminate shelling had a serious impact on civilian infrastructure, depriving tens of thousands of people of life-saving services, including heating, water and electricity, and triggering additional humanitarian needs. While the majority of civilians, in the areas of combat, hid in their basements, up to 500 people were evacuated from affected areas on both sides of the contact line, including 125 children, 48 of whom were unaccompanied.

19. OHCHR observed the continued use of civilian property by Ukrainian Armed Forces with military positions in many residential areas along the contact line, endangering civilians in these populated areas.⁹ In November 2016, OHCHR visited Lopaskyne, for the fourth time in 2016, in response to residents' concerns that exchanges of fire had increased dramatically. Despite interventions with the head of the Civil Military Administration in Trokhizbenka,

⁸ Article 13(1), Additional Protocol II to the Geneva Conventions stipulates that "the civilian population and individual civilians shall enjoy general protection against the dangers arising from military operations." This includes the obligation for each party to the conflict to avoid, to the extent feasible, locating military objectives within or near densely populated areas. The location of military objectives in civilian areas runs counter to this obligation. Henckaerts, Doswald-Beck, Customary international humanitarian law, Volume I, Rule 23.

⁹ Mariupol, Opytne, Zaitseve, Pivdenne, Kamianka, Novoselivka Druha, Verkhnotoretske, Avdiivka, Trokhizbenka, Kriakivka, Lopaskyne, Orikhove-Donetske, Zolote, Zhovanka, and Luhanske.

OHCHR observed that Ukrainian forces remained positioned in at least three homes and were using one house as an observation point.¹⁰

20. OHCHR collected consistent testimonies from residents that Ukrainian Armed Forces had fired from positions inside villages and towns, often attracting return fire.¹¹ Such conduct put civilians in the line of fire, and runs contrary to the obligation of the Ukrainian Armed Forces to take all feasible measures to spare civilians from harm.¹²

21. In a few cases, local administrations have responded to concerns that military presence exposes civilians to danger and harm. For instance, after a serious shelling incident on 29 August 2016 in Kamianka, Ukrainian Armed Forces moved their military positions from the town to nearby fields. Residents told OHCHR during the reporting period that since then, shells no longer hit the village. A couple who had remained in Avdiivka was relocated to a dormitory by local authorities “for the duration of the security operation.”¹³ On 27 December 2016, in Marinka, the military removed a checkpoint located 150 meters from School No. 2, following OHCHR and other actors’ interventions with the Civil Military Administration. Such actions illustrate the concrete steps which Ukrainian authorities can take toward compliance with their obligations under international humanitarian law.

22. In territory controlled by the armed groups, residents continued to express distress with shelling by armed groups from densely populated neighbourhoods of Donetsk city, inviting return fire which often harms civilian infrastructure. OHCHR expresses its deep concern that a number of positions of ‘Donetsk people’s republic’ armed groups are located within or near densely populated areas, endangering the lives of civilians.

23. OHCHR witnessed the devastating impact of explosive weapons with wide-area effects, such as mortars and artillery, including multiple-launch rocket systems, used by both the Ukrainian Armed Forces and armed groups in residential areas. The OSCE Special Monitoring Mission, being tasked to verify their withdrawal from the contact line, continued to report that the sides do not cooperate by not providing baseline information.¹⁴ Moreover, the OSCE Special Monitoring Mission documented the presence of the afore-mentioned weapons in areas from which they should have been withdrawn.¹⁵

24. During the escalation of hostilities between 29 January and 3 February, critical civilian infrastructure and facilities sustained heavy damage due to indiscriminate shelling of populated areas with explosive weapons with wide-area effects. OHCHR confirmed that two hospitals, a polyclinic, a dental clinic, and a kindergarten were damaged by shelling in Makiivka and Donetsk city. OHCHR staff in Donetsk heard explosions over five days, from 29 January through the night of 2 February, and on 2 February saw a clearly marked ambulance in Donetsk that had been damaged by shrapnel.¹⁶

25. Indiscriminate shelling against military targets in densely populated areas also damaged water and electrical facilities and their supply networks, with knock-on consequences to the centralized heating system. In Donetsk region, shelling in January and February 2017 cut off the power supply to four water filtration stations and damaged water pipes, depriving 1.1 million residents on both sides of the contact line of access to water for periods of between one and three days, and compromised the sustainable supply of clean water to Mariupol city. In Avdiivka, Donetsk city, Dokuchaievsk, parts of Makiivka, and

¹⁰ HRMMU interview, 26 November 2016.

¹¹ HRMMU interview, 12 December 2016.

¹² Article 13(1), Additional Protocol II to the Geneva Conventions; Henckaerts, Doswald-Beck, Customary international humanitarian law, Volume I, Rule 22.

¹³ HRMMU interview, 26 December 2016.

¹⁴ Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 14 February 2017 (accessible at <http://www.osce.org/ukraine-smm/300136>).

¹⁵ Package of Measures for the Implementation of the Minsk Agreements, 12 February 2015.

¹⁶ HRMMU interviews, 6 January 2017, 17 January 2017, 31 January 2017, 2 February 2017.

Yasynuvata, many households had no heating during a period of below freezing temperatures and hospitals had no access to water, resulting in wide ranging humanitarian consequences and impacting residents' rights to health and an adequate standard of living.

26. On 22 November 2016, damage to a water pipeline running through the 'no-man's land'¹⁷ left 40,000 residents of the Government-controlled town of Toretsk with no access to water for 10 days. Exchange of fire between Government forces in Avdiivka and the 'Donetsk people's republic' armed groups in Yasynuvata repeatedly disrupted the services of the Donetsk Filter Station which serves 345,000 people on both sides of the contact line.¹⁸ Also, continuous shelling has obstructed the restoration of gas supplies for about 15,000 people living in the Government-controlled Marinka and Krasnohorivka.¹⁹ The gas supply to the two towns stopped more than two years ago due to shelling damage.

27. OHCHR is concerned that the Government forces and armed groups position themselves near water facilities in Donetsk region. During the reporting period, OHCHR documented military or armed group presence about 200 meters from Donetsk Filter Station, in the immediate proximity of the water treatment facilities in Dokuchaievsk, at the pumping station in Maiorsk, and in close proximity to the backup reservoir in Avdiivka. This heightens the risk of damage of these objects, which are indispensable for the survival of the civilian population, as they provide water to 3.5 million people on both sides of the contact line. There has also been shelling in the vicinity of five water facilities close to the contact line that store, between them, almost 350 metric tons of chlorine, posing a major threat to public safety.

B. Casualties

28. During the reporting period, levels of conflict-related civilian casualties²⁰ in the conflict zone of eastern Ukraine were rather low except for the period from 29 January to 3 February 2017, when the escalation of hostilities in Avdiivka/Donetsk/Makiivka area was accompanied by massive shelling of populated areas. During those six days, OHCHR recorded 53 civilian casualties: seven deaths and 46 injuries, all but two caused by shelling. Of them: 13 (three killed and 10 injured) were recorded in the Government-controlled territory and 40 (four killed and 36 injured) – in the territories controlled by armed groups.

29. In total, between 16 November 2016 and 15 February 2017, OHCHR recorded 130 conflict-related civilian casualties: 23 deaths (seven women, 15 men and a boy) and 107 injuries (26 women and a girl, 69 men and a boy, and eight adults and two children whose sex is not known). This is a 20 per cent decrease compared to the previous reporting period of 16 August – 15 November 2016 when OHCHR recorded 164 civilian casualties (32 deaths and 132 injuries).

30. Shelling from various artillery systems, multiple-launch rocket systems (MLRS) and tanks caused 65 per cent of all civilian casualties during the reporting period: 12 killed (five

¹⁷ The area between the Government and armed group checkpoints adjacent to the contact line, often called the 'buffer zone' or 'grey zone'.

¹⁸ The area around Donetsk Water Filtration Station was shelled on 20 November, 1 December, 19 December, 23 December 2016, 11 January, 13 January, 29-30 January, and on 13- 15 February 2017.

¹⁹ HRMMU interview, 12 January 2017.

²⁰ OHCHR investigated reports of civilian casualties by consulting a broad range of sources and types of information which are evaluated for their credibility and reliability. In undertaking documentation and analysis of each incident, OHCHR exercises due diligence to corroborate information on casualties from as wide a range of sources as possible, including OSCE public reports, accounts of witnesses, victims and other directly affected persons, military actors, community leaders, medical professionals, and other interlocutors. In some instances, investigations may take weeks or months before conclusions can be drawn. This may mean that conclusions on civilian casualties may be revised as more information becomes available. OHCHR does not claim that the statistics presented here are complete. They may be under-reporting civilian casualties given limitations inherent in the operating environment, including gaps in coverage of certain geographic areas and time periods.

Annex 26

OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 1 March 2017”, 2 March 2017

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 1 March 2017

KYIV 2 March 2017

The SMM recorded more ceasefire violations in both Donetsk and Luhansk regions, including more than twice as many explosions compared with the previous reporting period. It observed damage from shelling on both sides of the contact line. The SMM monitored adherence to the ceasefire and facilitated dialogue in order to repair essential infrastructure in the area of Svitlodarsk. The Mission continued monitoring the disengagement areas in Stanytsia Luhanska, Petrivske and Zolote but its access remained restricted. The Mission heard artillery explosions and heavy-machine-gun fire inside and near the Zolote disengagement area. The SMM camera in Stanytsia Luhanska revealed five ceasefire violations inside the disengagement area on 27 February. The SMM noted unexploded ordnance in Lyman, Shchastia, Kalynove and near Donetsk airport. The Mission monitored the blockade of routes crossing the contact line in four locations. It visited a border area not under government control.*

In Donetsk region, the SMM recorded more **ceasefire violations**^[1] than in the previous reporting period, with over 2,000 explosions, including 220 assessed as caused by multiple-launch rocket systems (MLRS).

On the night of 28 February, while in "DPR"-controlled Donetsk city centre the SMM heard 35 undetermined explosions 3-6km north-west. On the morning of 1 March, positioned south-east of the "DPR"-controlled Donetsk airport (8km north-west of Donetsk city centre), the SMM heard 26 undetermined explosions 4-5km north.

On the night of 28 February, the SMM camera in government-controlled Avdiivka (17km north of Donetsk) recorded seven projectiles in flight from north to south, followed by a total of two undetermined explosions and 58 projectiles (29 in flight from north to south and 29 from west to east), all 4-6km east-south-east. On the morning of 1 March, the same camera recorded 36 undetermined explosions 3-6km east and east-south-east. In the late afternoon hours, the camera recorded 69 undetermined explosions 4-5km east-south-east, ten explosions assessed as outgoing rounds from unknown weapons 2-4km east-south-east and three projectiles in flight from north to south 4-6km east-south-east.

During the day of 1 March positioned in "DPR"-controlled Yasynuvata (16km north-east of Donetsk) for over five hours, the SMM heard 53 undetermined explosions, one instance of continuous and overlapping explosions lasting for 13 minutes and intense heavy-machine-gun fire mostly 1-5km west. Positioned in Avdiivka for over four hours, the SMM heard 66 undetermined explosions, all 2-5km at directions ranging from south-east to west.

On the evening of 28 February while in "DPR"-controlled Horlivka (39km north-east of Donetsk) the SMM heard one outgoing salvo (at least 20 rounds) of MLRS (BM-21 *Grad*, 122mm) and 615 explosions assessed as outgoing rounds from undetermined weapons, all 8-10km south-west. On the afternoon of 1 March, while in the same location, the SMM heard 168 undetermined explosions 8-10km south-west and 16

undetermined explosions 7-8km west-north-west. On the evening of 28 February while in government-controlled Svitlodarsk (57km north-east of Donetsk) the Mission heard 103 undetermined explosions all 3-5km at directions ranging from south to south-west. The SMM also heard two instances of continuous and overlapping explosions 3-5km south-south-east, one lasting 25 and the other 30 minutes. While at the same location, the SMM heard, on the following morning, 21 undetermined explosions 3-5km south-south-east, and in the afternoon 61 undetermined explosions 3-5km east, south-east and south.

On the evening of 28 February, while in "DPR"-controlled Debaltseve (58km north-east of Donetsk) the SMM heard 62 undetermined explosions 4-6km and 8-10km north-north-west. On 1 March, positioned in "DPR"-controlled Novohryhorivka (61km north-east of Donetsk), the SMM heard 12 undetermined explosions 6-8km south-east and 25 explosions assessed as artillery rounds (152mm) 12-15km west-south-west.

During the day of 1 March, positioned in government-controlled Netailove (22km north-west of Donetsk) the SMM heard, within 20 minutes, 40 series of explosions (five-eight explosions each), assessed as caused by MLRS (BM-21) rockets 10km west-south-west.

On the evening of 28 February the SMM camera in Shyrokyne (20km east of Mariupol) recorded one undetermined explosion and four tracer rounds in flight from west to east, all at undetermined distances north. On the morning of 1 March, the camera recorded one tracer round in flight from south-east to north-west and one undetermined explosion, followed by a total of 15 tracer rounds (13 from west to east, one from east to west, and one from south-east to north-west) at undetermined distances north-east.

During the day of 1 March, positioned at two locations in government-controlled Lebedynske (16km north-east of Mariupol) for about three hours, the SMM heard 100 explosions assessed as outgoing automatic-grenade-launcher rounds and 116 undetermined explosions at undetermined distances east, south-south-east and south-east, as well as 20 undetermined explosions 3-5km east-south-east. Positioned in "DPR"-controlled Zaichenko (26km north-east of Mariupol), the Mission heard 18 explosions assessed as outgoing rounds of undetermined weapons and two explosions assessed as outgoing mortar rounds (120mm) 5-8km south-west.

In Luhansk region the SMM recorded more ceasefire violations, including almost 500 explosions compared with 130 recorded in the previous reporting period.

On the night of 28 February, while in "LPR"-controlled Kadiivka (formerly Stakhanov, 50km west of Luhansk), the SMM heard 424 undetermined explosions and almost 90 bursts of small-arms fire, all 10-20km at directions ranging from south-west to north-west. On the afternoon of 1 March, while at the same location, the SMM heard one undetermined explosion 10km west-south-west. On 1 March, positioned in government-controlled Komyshuvakha (68km west of Luhansk), the SMM heard eight explosions assessed as artillery rounds (four outgoing and four impacts) 2-10km south-east and south. Positioned in government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk), the SMM heard two undetermined explosions 5-7km east followed by five explosions assessed as artillery rounds 7-10km south-west.

The SMM observed **damage caused by shelling**. In government-controlled Karbonit (part of Zolote, 60km west of Luhansk), the SMM saw a fresh crater in the area of a water substation. The crater was 10m from the western wall of the substation. The Mission observed shrapnel fragments on the wall and broken branches on nearby

trees. The SMM assessed the impact was caused by a 122mm artillery round fired from a southerly direction. The SMM flew a mini unmanned aerial vehicle (UAV) to analyse a second fresh crater located in an open field, around 200m north of the facility. The Mission assessed it as caused by a 122mm artillery round fired from an easterly or east-south-easterly direction.

In "DPR"-controlled Kyivskiy District of Donetsk City the SMM observed a crater with a 120mm mortar fin next to it, about 25m from a five-storey apartment building on Novorosiiska Street. The crater was filled up with water and the SMM was unable to assess the type of weapon used, the direction of fire, or the approximate date of the impact.

The SMM, in co-ordination with the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC), **monitored adherence to the ceasefire in order to repair critical infrastructure.** Positioned in Svitlodarsk and Debaltseve, the SMM monitored repair of electricity lines connecting Svitlodarsk and "LPR" controlled Veselohorivka (64km west of Luhansk).

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to pursue full access to the disengagement areas** of Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk), Zolote and Petrivske (41km south of Donetsk), as foreseen in the [Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware](#) of 21 September. The SMM's access there remained restricted but the Mission was able to partially monitor them.*

Positioned for over an hour on the northern edge of the Zolote disengagement area, the SMM heard 12 bursts and six shots of heavy-machine-gun fire and eight shots of small-arms fire, all 0.3-2km south and south-south-west (assessed as inside the disengagement area), as well as two undetermined explosions 2-3km south which the Mission could not assess as inside or outside the disengagement area. The SMM also heard 15 explosions (13 assessed as artillery rounds and two as rounds from undetermined weapons) 3-5km in directions ranging from south-south-east to west-south-west, all assessed as outside the disengagement area. About 150m from the "LPR" checkpoint at the southern edge of the disengagement area, the SMM observed remnants of two recoilless gun (SPG-9) rounds stuck in the ground.

Positioned in Petrivske for about one hour, the SMM heard three bursts of heavy-machine-gun and three shots of small-arms fire 2-4km south-south-east, assessed as outside the disengagement area.

Despite the joint statement of 1 February by the Trilateral Contact Group and [the consent reached on 15 February](#), the sides have not yet provided the baseline information requested by the SMM related to weapons to be withdrawn and locations of units and formations.

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Package of Measures and its Addendum, as well as the Memorandum.

In violation of the respective withdrawal lines, the SMM saw in government-controlled Oknyne (53km north-west of Luhansk) two stationary self-propelled howitzers (2S3 *Akatsiya*, 152mm).

Beyond withdrawal lines but outside storage sites, the SMM saw 12 tanks (type unknown) near government-controlled Paraskoviivka (75km north of Donetsk) on 28 February.

The SMM observed **armoured combat vehicles and anti-aircraft weapons**^[2] **in the security zone**. In government-controlled areas the SMM saw: at the western edge of Pervomaiske (17km north-west of Donetsk) seven infantry fighting vehicles (IFV) (five BRDM and two BTR) in a military compound; an IFV (BTR) and a military truck towing an anti-aircraft gun (ZU-23) heading east, 2km west from Karlivka (25km north-west of Donetsk); three armoured personnel carriers (APC; MTLB) 6km north of Stanytsia Luhanska, moving south.

In non-government-controlled areas, the SMM saw: an IFV (BMP-1) south of Novohryhorivka, moving north; one stationary APC (MTLB) mounted with an anti-aircraft gun (ZU-23-2) and at least one stationary APC (MTLB) in Molodizhne (63km north-west of Luhansk); two IFVs (BMP-1) in Lyman (12km north-west of Luhansk) stationary along a treeline.

The SMM continued to note **mines and unexploded ordnance** (UXO). On 28 February, in "LPR"-controlled Kalynove (60km west of Luhansk) the SMM saw a UXO in a wooded area around 80m from the main road and 85m from houses, which it assessed as a 122mm artillery shell.

On 1 March, on the road leading from "LPR"-controlled areas north to the bridge in government-controlled Shchastia, the SMM observed, for the first time, what it assessed to be an improvised explosive device (IED) consisting of two tubes, with a trigger device visible at the top, both wrapped in blue tape and secured to the base of a traffic sign with barbed wire, installed on a traffic sign, as well as four anti-tank mines laid across the road. (See [SMM Daily Report 1 March 2017](#)).

At the Donetsk airport, the SMM observed that almost all facilities were destroyed and contaminated with UXO and IEDs. On the road from the cargo entrance to one of the terminals the SMM observed a BM-21 rocket round stuck in the tarmac and a VOG-25 grenade lying on the ground near a building.

The sides expressed [a firm intention to publicly express their respect for SMM personnel and equipment](#). In response to **an incident in Yasynuvata on 24 February**, in which armed men had fired in the direction of SMM monitors and seized one of the Mission's UAVs, a senior member of the "DPR" informed the Mission that an "investigation" into the incident had been concluded. But he did not indicate what steps, if any, the "DPR" had taken in relation to any of those involved. (See [SMM Spot Report 25 February 2017](#).)

The SMM continued to monitor the **blockade of routes that lead across the contact line**. (See [SMM Daily Report 27 February 2017](#)). On 1 March, at railway crossings in government-controlled Hirske (63km west of Luhansk) and Shcherbynivka (44km north of Donetsk), at the road junction in Karbonit (part of Zolote) and on the side of a highway near government-controlled Buhas (44km south-west of Donetsk), the SMM observed a calm situation and no changes compared with the previous reporting period.

The SMM followed up on reports of the closure of humanitarian aid distribution centres. At a cultural centre in Horlivka where a Rinat Akhmetov Foundation centre was located, the director of the cultural centre told the SMM that the foundation had closed its office on 28 February. The SMM saw armed men at the spot. A representative of the foundation said that aid distribution centres in Donetsk region, both in government- and non-government-controlled areas, had been closed.

The SMM visited a **border area currently outside government control**. At the Dovzhanskyi (84km south-east of Luhansk) border crossing point, the SMM saw during an hour: one bus, 17 civilian cars (12 with Ukrainian and five with Russian Federation licence plates), one bus (with Ukrainian licence plates) with about 15 people on board, one minibus (with Ukrainian licence plates) with six people on board and three pedestrians (two men and a woman) exit Ukraine. The SMM saw eight covered trucks with trailers, 12 civilian cars (ten with Russian Federation and two with Ukrainian licence plates), three covered trucks (with Ukrainian licence plates) and four pedestrians (three men and a woman) enter Ukraine. Seven civilian cars (six with Ukrainian licence plates and one with Georgian licence plates) were in a queue to exit Ukraine. The SMM also saw 25 civilian cars (20 with Ukrainian, three with Russian Federation, one with Georgian and one with plates marked "South Ossetia") parked near the crossing point.

The SMM continued monitoring in Kherson, Odessa, Lviv, Ivano-Frankivsk, Dnipro, Chernivtsi, Kharkiv and Kyiv.

****Restrictions of SMM's freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate***

The SMM's monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, unexploded ordnance (UXO), and other impediments – which vary from day to day. The SMM's mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM's freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations. They have also agreed that the JCCC should contribute to such response and co-ordinate mine clearance.

Denial of access:

- In the Stanytsia Luhanska disengagement area Ukrainian Armed Forces soldiers told the SMM that its safety could not be guaranteed in the surrounding areas due to the possible presence of mines and UXO. The SMM informed the JCCC.
- A barrier with barbed wire prevented the SMM from moving forward in government-controlled Artema (26km north of Luhansk). The SMM informed the JCCC.
- At an "LPR" checkpoint at the edge of the Zolote disengagement area, armed men told the SMM that its safety could not be guaranteed in the fields and side roads due to the possible presence of mines and UXO. The SMM informed the JCCC.
- The SMM was unable to travel west from "DPR"-controlled Petrivske due to the lack of security guarantees, a road block and the potential mine threat, as indicated by mine hazard signs present. The SMM informed the JCCC.
- Ukrainian Armed Forces personnel at the bridge in Shchastia told the SMM that no demining activities had taken place and that the road south of the bridge was still mined. The SMM informed the JCCC.
- In "DPR"-controlled Molochnyi (on the northern outskirts of Vuhlehirsk, 49km north-east of Donetsk) armed men stopped the SMM and prevented it from proceeding further. The SMM noticed that one of the men loaded his weapon. The SMM informed the JCCC.
- At a Ukrainian Armed Forces checkpoint in government-controlled Nyzhnoteple (26km north of Luhansk), the officer in charge denied the SMM

passage, saying he would only do so when given explicit instructions by his superior. The JCCC was informed.

Conditional access:

-The SMM was again allowed to pass through a checkpoint in "DPR"-controlled Olenivka (see [SMM Daily Report 1 March 2017](#)) only after an unarmed man had searched the SMM vehicles. The Mission informed the JCCC.

Please see [the annexed table](#) for a complete breakdown of the ceasefire violations as well as map of the Donetsk and Luhansk regions marked with locations featured in this report.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
26 Turhenievskya Street
01054 Kyiv
Ukraine
Office: +380 44 392 0965
Mobile: +38 067 828 06 79
Mobile: +38 050 387 93 98
liudmyla.palamar@osce.org
smm-media@osce.org

Annex 27

OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 2 March 2017”

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 2 March 2017

KYIV 3 March 2017

This report is for the media and the general public.

The SMM recorded fewer ceasefire violations in Donetsk region. In Luhansk region, the Mission recorded more ceasefire violations, including more than twice as many explosions compared with the previous reporting period. It followed up on casualties in Kurakhove and Popasna and observed damage from shelling on both sides of the contact line in Zolote. The Mission continued monitoring the disengagement areas in Stanytsia Luhanska, Petrivske and Zolote but its access remained restricted. The Mission heard artillery explosions and heavy-machine-gun fire near the Zolote disengagement area. The Mission monitored the blockade of routes crossing the contact line in four locations. It visited two border areas not under government control. The SMM monitored a protest in Chernivtsi.*

In Donetsk region, the SMM recorded fewer **ceasefire violations**[1], including over 1,400 explosions compared with over 2,000 explosions in the previous reporting period.

On the night of 1 March, while in "DPR"-controlled Donetsk city centre the SMM heard 398 undetermined explosions 10-15km north-west.

On the afternoon of 2 March, the SMM camera in government-controlled Avdiivka (17km north of Donetsk) recorded in ten minutes 21 undetermined explosions, 3-5km east and 2-5km east-south-east.

During the day on 2 March positioned in "DPR"-controlled Yasynuvata (16km north-east of Donetsk) in about four hours, the SMM heard 110 undetermined explosions, mostly 2-4km west and 2-5km north-west. The SMM also recorded four instances of uncountable, overlapping bursts and shots of small-arms fire from the same position one lasting for ten minutes, two lasting for four minutes and one lasting two minutes. Positioned in Avdiivka for about four hours, the SMM heard 110 undetermined explosions, mostly 2-7km south and south-south-west.

On the evening of 1 March while in "DPR"-controlled Horlivka (39km north-east of Donetsk) the SMM heard 105 undetermined explosions, all 10-12km south-south-west. On the afternoon of 2 March, while in the same location, the SMM heard 50 explosions assessed as impacts of rounds from unknown weapons and two outgoing salvos (at least 12 rounds in total) from multiple-launch rocket systems (MLRS), all 7km west-south-west. On the evening of 1 March while in government-controlled Svitlodarsk (57km north-east of Donetsk) the Mission heard two instances of continuous, overlapping undetermined explosions and bursts 3-5km east, one lasting about an hour and the other about 80 minutes, as well as 34 undetermined explosions, mostly 3-5km east. While at the same location, the SMM heard, on the following afternoon, ten undetermined explosions 3-5km south and south-south-east.

While in government-controlled Bakhmut (67km north of Donetsk), in the evening in half an hour, the SMM heard 26 undetermined explosions assessed as caused by

120mm mortar rounds, 10-12 km south-east.

Positioned in "DPR"-controlled Dokuchaievsk (32km south-west of Donetsk), in the morning, in less than ten minutes, the SMM heard 21 undetermined explosions assessed as caused by automatic-grenade-launcher rounds 3-4km west. Positioned in "DPR"-controlled Oleksandrivka (20km south-west of Donetsk), in less than an hour, the SMM heard 15 undetermined explosions 7-10km north-west.

On the evening and night of 1 March the SMM camera in Shyrokyne (20km east of Mariupol) recorded three undetermined explosions and a total of 51 tracer rounds in flight from east to west, ten tracer rounds in flight from south-west to north-east, and 33 tracer rounds in flight from west to east, all beginning with one tracer round in flight from east to west at an unknown distance north-east and north.

Positioned 3km north-north-east of government-controlled Hnutove (20km north-east of Mariupol), in half an hour before noon the SMM heard 111 undetermined explosions and 12 outgoing explosions at an undetermined distance west, from the same position a short while later the SMM heard 32 undetermined explosions 5-10km south-east, heard and saw three undetermined airburst explosions, heard two explosions assessed as outgoing automatic-grenade-launcher rounds and six bursts of heavy-machine-gun fire 5km south-east. Later in the afternoon, the SMM heard 16 undetermined explosions 4-6km south-east and one undetermined explosion 4-8km south.

During the day, positioned in "DPR"-controlled Zaichenko (26km north-east of Mariupol), the Mission heard 39 explosions assessed as impacts of rounds from unknown weapons systems south-east and 25 undetermined explosions at an undetermined distance south-west. Positioned in "DPR"-controlled Khreshchatytske (formerly Krasnoarmiiske , 33km north-east of Mariupol), in less than an hour after noon, the SMM heard 22 explosions assessed as impacts 4-5km south-west, 12 outgoing explosions 4-5km south-east. Positioned 1.5km south-east of government-controlled Stepanivka (31km north-east of Mariupol), in less than 30 minutes after noon, the SMM heard 30 undetermined explosions assessed as caused by artillery rounds 7-10km south-south-east, ten outgoing explosions of unknown weapons systems at an undetermined distance south-west and 13 explosions assessed as impacts 7-10km south-south-east. Later, from the same position, the SMM heard five undetermined explosions at an undetermined distance west.

In Luhansk region the SMM recorded more ceasefire violations, including over 1,150 explosions compared with almost 500 explosions recorded in the previous reporting period.

On the afternoon and evening of 1 March, while in "LPR"-controlled Kadiivka (formerly Stakhanov, 50km west of Luhansk), the SMM heard 59 undetermined explosions, 10-15km west and west-south-west. During the following day, from the same location the SMM heard 116 undetermined explosions 10km west-north-west. Positioned 3.7km south-east of "LPR"-controlled Kalynove (60km west of Luhansk), in just over four hours, the SMM heard 530 undetermined explosions assessed as caused by artillery and mortar rounds of unknown calibre 1-10km south-east, and west-south-west. In 20 minutes, positioned 2km south of "LPR"-controlled Irmino (54km west of Luhansk), the SMM heard 42 explosions assessed as impacts of artillery rounds (122mm and 152mm) 5km south-west. Positioned in "LPR"-controlled Zolote-5 (61km north-west of Luhansk) the SMM heard 90 undetermined explosions assessed as caused by artillery rounds (122mm and 152mm) 5-10km south-south-west. Positioned in "LPR"-controlled

Kalynove-Borshchuvate (61km west of Luhansk), in less than an hour, the SMM heard two outgoing salvos of 30 rounds each MLRS (BM-21) 5-10km south-south-west.

The SMM followed up on reports of **casualties and damage caused by shelling**. At the hospital in government-controlled Krasnohorivka (21km west of Donetsk), medical staff told the SMM that an elderly woman had been admitted with shrapnel wounds to her right arm sustained on the evening of 1 March. According to them, she had been transferred to the Kurakhove hospital where she had received treatment and had already been discharged. At a hospital in government-controlled Popasna (69km west of Luhansk), the SMM saw a military ambulance delivering a patient. Ambulance staff told the SMM that they had transported one Ukrainian Armed Forces soldier with non-life threatening injuries, which he had sustained during recent shelling in government-controlled Troitske (69km west of Luhansk).

In Zolote-5 the SMM saw a total of 33 fresh impacts distributed in the gardens of two neighbouring houses, located on the west side of Poshtova Street, next to a now-abandoned checkpoint. The SMM analysed one impact in each garden and assessed they had been caused by recoilless-gun (SPG) rounds fired from a northerly direction. The impacts were a few metres from the front of the north-facing entrances of the houses. The SMM also observed broken windows at one of the houses. The owners of the houses told the SMM the shelling had occurred in the evening hours of 1 March and they had heard around 60 impacts at the time.

In government-controlled Zolote-4 (60km north-west of Luhansk) the SMM, accompanied by a Ukrainian Armed Forces officer of the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC) representative saw damage to four houses. At the first, on Nahimov Street, the SMM saw a fresh crater and visible shrapnel scarring on garden constructions, which the SMM assessed had been caused by an 82mm mortar round fired from an east-south-easterly direction. At a second house on the same street the SMM observed a fresh crater and shrapnel scarring on the west-facing walls and on a wooden construction inside the yard and broken windows; the SMM assessed the damage had been caused by an 82mm mortar round fired from an east-east-southerly direction. At a third house, the SMM saw a hole one square metre in size in the roof of the entrance to the house with the tail-fin of an 82mm mortar round protruding from it. Neighbours told the SMM the shelling had taken place on the evening of 1 March and that a young man living in the house had suffered non-lethal injuries to his head, arm, and hands. They added that he had subsequently been transported to the hospital in government-controlled Lysychansk (75km north-west of Luhansk). At a house on Morozov Street, the SMM saw a fresh crater and shrapnel scarring on the wall and on wooden constructions inside the yard and broken windows. The SMM assessed the damage had been caused by an 82mm mortar round fired from an east-east-southerly direction.

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to pursue full access to the disengagement areas** of Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk), Zolote and Petrivske (41km south of Donetsk), as foreseen in the [Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware](#) of 21 September. The SMM's access remained restricted but the Mission was able to partially monitor them.*

Positioned for over an hour on the southern edge of the Zolote disengagement area, the SMM heard 100 undetermined explosions assessed as caused by 122mm and 152mm artillery rounds 5-10km south-south-west, outside the disengagement area.

Positioned inside the Stanytsia Luhanska disengagement area, the SMM heard one small-arms shot 1km south-west, which it assessed had occurred inside the disengagement area.

Positioned in Petrivske for about one hour, the SMM heard 12 undetermined explosions and 56 bursts of heavy-machine-gun fire 2-8km south, all assessed as outside the disengagement area. Positioned in government-controlled Bohdanivka (41km south-west of Donetsk) for about three hours, the SMM heard five bursts of heavy-machine-gun fire, 4-5km south-east and two undetermined explosions and five bursts of small-arms fire at an undetermined distance south-east, assessed as occurring outside the disengagement area.

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Package of Measures and its Addendum, as well as the Memorandum[2].

In violation of the respective withdrawal lines, the SMM saw in "LPR"-controlled Luhansk city two low-loading military-type trucks, each transporting a tank (a T-64 and a T-72). In government-controlled Tarasivka (43km north-east of Donetsk), the SMM saw eight self-propelled howitzers (2S1 *Gvozdika*, 122mm) and three more artillery pieces of unknown type, all stationary.

The SMM observed weapons that could not be verified as withdrawn, as their storage did not comply with the criteria set out in the 16 October 2015 notification. In government-controlled areas beyond respective withdrawal lines, the SMM saw 26 tanks (T-64; including seven for the first time) and noted that 20 tanks (16 T-72 and four T-64) were missing, the latter four for the first time.

The SMM revisited Ukrainian Armed Forces permanent weapons storage sites and noted as missing: seven mortars (five 2B9M *Vasilek*, 82mm and two mortars PM-38, 120mm), 34 tanks (T64) and seven towed howitzers (2A65 *Msta-B*, 152mm) were missing as previously observed). The SMM noted, for the first time, that one such site had been abandoned and 20 towed howitzers (2A65) missing.

The SMM observed **armoured combat vehicles[3] in the security zone**. In non-government-controlled areas, the SMM saw: four armoured personnel carriers (BTR-80) moving north in Horlivka, and two infantry fighting vehicles (IFV; BMP-1) in Lyman (12km north-west of Luhansk), stationary along a treeline. In Dokuchaievsk, an SMM mini unmanned aerial vehicle revealed the presence of two IFVs (BMP), heavy ground scarring from tracked vehicles and a series of trenches.

The SMM continued to note **mines and unexploded ordnance (UXO)**. The SMM again observed the improvised explosive device on the road leading from "LPR"-controlled areas north to the bridge in government-controlled Shchastia (see [SMM Daily Report 2 March 2017](#)).

Ukrainian Armed Forces and Russian Federation Armed Forces officers of the JCCC assured the SMM that mines had been removed on both sides of the contact line in the area of the Donetsk Filtration Station and that the JCCC had facilitated open-ended, written security guarantees from both sides – for mine clearance, for repairs and for secure access for the Station's staff as outlined in the 2 March Statement of after the meeting of [the Trilateral Contact Group](#).

The sides had also expressed [a firm intention to publicly express their respect for SMM personnel and equipment](#). In response to **an incident in Yasynuvata on 24 February**, in which armed men had fired in the direction of SMM monitors and seized one of the Mission's UAVs, a Russian Federation Armed Forces officer of the JCCC informed the

SMM that perpetrators had been detained and would face disciplinary measures, but did not indicate what steps, if any, the “DPR” had taken in relation to any of those involved. (See [SMM Spot Report 25 February 2017](#).) The Ukrainian Armed Forces representative at the JCCC informed the SMM of steps taken to verify no Ukrainian Armed Forces service members or military hardware was present **within the disengagement area near Katerynivka** (see [SMM Daily Report 25 February 2017](#)), but did not identify the individuals involved or what steps, if any, had been taken to hold them to account.

At a checkpoint 2km south-east of “DPR”-controlled Debaltseve (58km north-east of Donetsk), the SMM saw for the first time a new improvised mine sign (small black board with white letters reading ‘Mines’ in Russian) that had been erected at the side of the road.

The SMM continued to monitor the **blockade of routes that lead across the contact line**. (See [SMM Daily Report 27 February 2017](#)). At the blockade site in government-controlled Bakhmut (67km north of Donetsk), the SMM saw a freight train pass. The Mission saw three men in camouflage clothes who identified themselves as blockade participants. At the camp near the train tracks, the SMM saw 30-40 individuals (mostly middle-aged men), most of them wearing camouflage clothes; two military tents, nine cars and several Ukrainian flags together with Right Sector and former volunteer battalion flags. The SMM noted that the situation in the camp was calm. At the blockade site in Shcherbynivka (44km north of Donetsk), the SMM noted a calm situation and saw one passenger train pass through the blockade point. At the railway crossing in government-controlled Hirske (63km west of Luhansk), the SMM noted there was no police presence. At the road junction in Karbonit (part of Zolote) the SMM noted there were no protesters or flags around the previously occupied building (see [SMM Daily Report 1 March 2017](#)).

In Horlivka, an “UkrteleKom” office staff member told the SMM that as of 1 March, the landline phone connection and internet to government-controlled areas had been switched off and as of 2 March, the landline phone and radio transmission were operational only inside “DPR”-controlled areas, while internet connectivity had not been restored. He added that until 1 March, the company, which was privately owned, had been registered according to Ukrainian legislation and paid taxes to Ukraine’s budget, but would be taken over.

A representative of the Rinat Akhmetov Foundation told the SMM (see [SMM Daily Report 2 March 2017](#)) that activities only in non-government-controlled areas had been suspended.

The SMM visited two **border areas currently outside government control**. At the Uspenka border crossing point (73km south-east of Donetsk), present for under 30 minutes, the SMM saw 25 civilian cars (18 with Ukrainian licence plates, five with Russian Federation ones, one with Georgian licence plates, one with “DPR” plates). The SMM also saw 28 civilian trucks (24 with Ukrainian licence plates, two with Russian Federation ones, one with Lithuanian licence plates and one with “DPR” plates) as well as ten blue *Kamaz* trucks with covered trailers, all with “DPR” plates. All vehicles were in a queue to exit Ukraine. The driver (a middle-aged man) of one of the blue trucks told the SMM that the ten trucks were transporting wheat and he had faced no problems exiting Ukraine with the plates he had and his “DPR” “passport”. At the Novoazovsk (101km south-east of Donetsk) border crossing point, in less than an hour, the SMM saw: four covered trucks (with Ukrainian licence plates) transporting wheat and ten civilian cars (nine with Ukrainian licence plates, one with “DPR” plates) exit Ukraine. The driver of one of the trucks told the SMM that they were transporting wheat. The SMM

also saw three civilian cars (two with Ukrainian licence plates, one with Russian Federation ones) enter Ukraine and three large covered trucks parked near the border crossing point.

In Chernivtsi city, the SMM monitored a **protest** in front of the office of Sberbank of Russia. The SMM saw about 20 protesters dressed in Azov National Corps jackets (mostly men, about 20 years old), all wearing half balaclavas on their faces. An equal number of passers-by stopped to watch the protest. The SMM saw the protesters put up posters on the façade of the bank. One of them told the SMM that the goal of the protest was to prevent the bank from doing business and to demand its closure. Stationed at the entrance to the bank were some 20 law enforcement officers. Twenty officers were in buses behind the bank. According to a police officer, the actions of the protestors had not been stopped because they were considered peaceful. The protest ended in about an hour without incidents.

The SMM continued monitoring in Kherson, Odessa, Lviv, Ivano-Frankivsk, Dnipro, Kharkiv and Kyiv.

****Restrictions of SMM's freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate***

The SMM's monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, UXO, and other impediments – which vary from day to day. The SMM's mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM's freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations. They have also agreed that the JCCC should contribute to such response and co-ordinate mine clearance.

Denial of access:

- In the Stanytsia Luhanska disengagement area Ukrainian Armed Forces soldiers told the SMM that its safety could not be guaranteed in the surrounding areas due to the possible presence of mines and UXO. The SMM informed the JCCC.
- At an "LPR" checkpoint at the edge of the Zolote disengagement area, armed men told the SMM that its safety could not be guaranteed in the fields and side roads due to the possible presence of mines and UXO. The SMM informed the JCCC.
- The SMM was unable to travel west from "DPR"-controlled Petrivske due to the lack of security guarantees, a road block and the potential mine threat, as indicated by mine hazard signs present. The SMM informed the JCCC.
- Ukrainian Armed Forces personnel at the bridge in Shchastia told the SMM that no demining activities had taken place and that the road south of the bridge was still mined. The SMM informed the JCCC.
- In "DPR"-controlled Molochnyi (on the northern edge of Vuhlehirsk, 49km north-east of Donetsk) armed men again stopped the SMM and prevented it from proceeding further (see [SMM Daily Report 2 March 2017](#)). The SMM informed the JCCC.
- Ukrainian Armed Forces personnel denied the SMM access through a checkpoint in Nyzhnotepole. The SMM informed the JCCC.
- The SMM was unable to proceed along a road near government-controlled Artema (26km north of Luhansk) to Nyzhnotepole as a barrier was blocking the way. The SMM was accompanied by Ukrainian Armed Forces

30.07.2021 Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 2 March 2017 | O...

officers of the JCCC who clarified with the local commander that the road had been blocked due to the presence of mines in the area.

[1] Please see the [annexed table](#) for a complete breakdown of the ceasefire violations as well as map of the Donetsk and Luhansk regions marked with locations featured in this report.

[2] Despite the joint statement of 1 February by the Trilateral Contact Group and [the consent reached on 15 February](#), the sides have not yet provided the baseline information requested by the SMM related to weapons to be withdrawn and locations of units and formations.

[3] This hardware is not proscribed by the provisions of the Minsk agreements on the withdrawal of weapons.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
26 Turhenievskya Street
01054 Kyiv
Ukraine
Office: +380 44 392 0965
Mobile: +38 067 828 06 79
Mobile: +38 050 387 93 98
liudmyla.palamar@osce.org
smm-media@osce.org

Annex 28

OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 7 May 2017”, 8 May 2017

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 7 May 2017

KYIV 8 May 2017

This report is for the media and the general public.

The SMM's operations in Donetsk and Luhansk regions remained restricted following [the fatal incident of 23 April near Pryshyb](#); these restrictions continued to limit the Mission's observations. In Donetsk region the Mission recorded a similar number of ceasefire violations on 6 and on 7 May compared with the previous reporting period. In Luhansk region it recorded more ceasefire violations on 6 May compared with the previous reporting period but fewer on 7 May. The SMM continued monitoring the disengagement areas near Stanytsia Luhanska, Zolote and Petrivske. Its access remained restricted there and elsewhere. The SMM assessed impact sites and damage to residential areas caused by shelling. It observed weapons in violation of withdrawal lines, as well as mines and unexploded ordnance, predominantly in non-government-controlled areas. The SMM facilitated and monitored adherence to the ceasefire to enable the transfer of bodies to government-controlled areas via the Shchastia bridge, as well as repairs to the Donetsk Water Filtration Station. The Mission monitored two border areas currently not under government control.

The SMM recorded a similar number of **ceasefire violations** in Donetsk region on both 6 May (151 explosions) and 7 May (152 explosions) compared to [the previous reporting period](#) (132).[1]

On the evening and night of 5-6 May the SMM camera in government-controlled Avdiivka (17km north-west of Donetsk) recorded three undetermined explosions followed by a total of 21 projectiles (12 in flight from west to east, six north to south and three south to north); 80 tracer rounds (50 in flight from south to north, 15 from north to south and 15 from west to east); and six undetermined explosions, all at locations ranging from 4km to 6km south-east. The following afternoon, evening and night, the camera recorded 23 undetermined explosions followed by a total of 38 projectiles (19 in flight from west to east, 19 from east to west); five undetermined explosions; and two airbursts, all at locations ranging from 3km to 5km east-south-east.

During the same period the SMM camera at Oktiabr mine (9km north-west of Donetsk city centre) recorded nine undetermined explosions, followed by a total of 18 projectiles (16 in flight from west to east, two from east to west); 62 tracer rounds in flight from west to east; and two undetermined explosions, all 4-6km north-north-east. On the evening and night of 6-7 May, the camera recorded one airburst, followed by a total of 139 projectiles (49 in flight from north to south, 90 from south to north); three airbursts; two undetermined explosions; and two tracer rounds (one in flight from north to south, the other from south to north), all 3-4km north-north-east. On the morning of 7 May the camera recorded ten explosions assessed as impacts of rounds of unknown weapons, 3-5km north-east. In ten minutes in the early afternoon, the camera recorded 11 undetermined explosions 8-10km north-east.

Positioned in “DPR”-controlled Yasynuvata (16km north-east of Donetsk) for about five hours on 6 May, the SMM heard 51 undetermined explosions at locations ranging between 1km and 5km west. The following day, from the same position and within the same observation time, the SMM heard 34 undetermined explosions and small-arms fire, mostly 3-6km west-south-west.

Positioned in Avdiivka for about five hours on 6 May, the SMM heard five undetermined explosions, mostly 2-4km north-east. The following day, from the same position and in a similar observation period, the SMM heard seven undetermined explosions 3-4km south-east.

While in “DPR”-controlled Donetsk city centre on the afternoon of 7 May the SMM heard five undetermined explosions 2-5km south.

While in “DPR”-controlled Horlivka (39km north-east of Donetsk) on the night of 5-6 May the SMM heard 21 undetermined explosions 11km north. The following evening the SMM heard one undetermined explosion 6-8km north and small-arms fire.

While in government-controlled Svitlodarsk (57km north-east of Donetsk) on the night of 6-7 May the SMM heard 12 explosions, assessed as impacts of 82mm mortar rounds, six explosions assessed as outgoing rounds of infantry fighting vehicle (IFV; BMP-1) cannon fire (73mm), and bursts of heavy-machine-gun fire 3-4km south-east; and two explosions, assessed as outgoing rounds of unknown weapons, 5-7km south-east.

On the evening and night of 5-6 May the SMM camera in Shyrokyne (20km east of Mariupol) recorded 66 tracer rounds in flight from south to north, followed by a total of 95 tracer rounds (44 from west to east, 25 from south-west to north-east, 25 from east to west, one from south to north) and one airburst, all at unknown distances north-north-east. The following evening and night, the camera recorded one tracer round in flight from west to east followed by a total of 20 undetermined explosions, two explosions assessed as impacts, 224 tracer rounds (138 in flight from east to west, 41 from north to south, 22 from south to north, 21 from west to east, two from south-west to north-east) and one airburst, most at locations ranging from 7km to 9km north-north-east.

Positioned in government-controlled Lebedynske (16km north-east of Mariupol), on 6 May the SMM heard five explosions, assessed as outgoing mortar rounds of unknown calibre, at an unknown distance east. On 7 May, positioned 1km north of government-controlled Pyschchevyk (25km north-east of Mariupol), the SMM heard eight undetermined explosions at an unknown distance south-east.

In Luhansk region the SMM recorded more ceasefire violations compared with [the previous reporting period](#) on 6 May, including 116 explosions (compared with 22) but fewer on 7 May compared with 6 May, including 37 explosions. On the evening and night of 4-5 May, the SMM camera in government-controlled Zolote (60km west of Luhansk) recorded, in sequence, two projectiles in flight from north to south 2.7km east-north-east; one impact 6-10km east-north-east and two illumination flares rising vertically 5.5km east-north-east. The following night the camera recorded, in sequence, one illumination flare in vertical flight, then falling about 6km east-south-east and eight projectiles being fired approximately 3km east, traveling from north to south. On 6 May, positioned 1.5km east of government-controlled Zolote-1 (60km north-west of Luhansk), within 40 minutes in the afternoon, the SMM heard 113 undetermined explosions 10-15km south-west of its position. Positioned in government-controlled Zolote-4 (60km north-west of Luhansk) in the afternoon of 7 May, the SMM heard 36

undetermined explosions. All these violations were assessed as taking place outside the nearby Zolote disengagement area.

The SMM **assessed impact sites and damage to residential areas caused by shelling**. At a bus stop in “DPR”-controlled Petrovskiy district of Donetsk city (15km south-west of Donetsk city centre), on 6 May the SMM saw a fresh crater located approximately 50-80m from the nearest civilian buildings and 25m east of a “DPR” checkpoint. The crater was located on a tarmac road. The SMM assessed that it had been caused by a grenade fired from a westerly or west-south-westerly direction.

The same day, in “DPR”-controlled Bezimenne (30km east of Mariupol), the SMM assessed fresh impact sites near the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC) premises at 5 Sadova Street, about 7km from the contact line. In a residential area next to the JCCC office, the SMM saw that one garage had been completely destroyed and four other garages, connected to the first one, had been burned down. Two other buildings (one located at 5 and the other at 7 Sadova Street) had light shrapnel damage to their facades, where windows were also broken. The concrete driveway into the main entrance of the houses was also directly hit and damaged, as was the nearby fence, adjacent to the JCCC office. The SMM assessed that the damage had been caused by tank rounds fired from a westerly direction.

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to pursue full access to the disengagement areas** near Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk), Zolote (60km west of Luhansk) and Petrivske (41km south of Donetsk), as foreseen in the [Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware](#) of 21 September 2016. The SMM's access remained restricted but the Mission was able to partially monitor them.*

On 6 May, positioned inside Stanytsia Luhanska disengagement area, about 100m south of the pedestrian bridge, the SMM heard two explosions assessed as caused by outgoing rounds of under-barrel grenade launchers about 200m north-east and their two subsequent impacts 500m north-east, all assessed as inside the disengagement area.

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Package of Measures and its Addendum, as well as the Memorandum.

In violation of the respective withdrawal lines the SMM continued to observe (on 6 and 7 May) seven multiple launch rocket systems (BM-21 *Grad*, 122mm), seven self-propelled howitzers (2S1 *Gvozdika*, 122mm), ten towed howitzers (five D-30 *Lyagushka*, 122mm; and five 2A65 *Msta-B*, 152mm), and seven tanks (T-72) at an aerodrome on the south-eastern outskirts of Luhansk city. On 6 May a Russian officer of the JCCC told the SMM that a letter had been sent to “LPR” and “DPR” members with regard to these and similar violations in Donetsk and Luhansk regions, but did not outline any concrete steps taken to remedy them. In Donetsk city a senior “DPR” member repeatedly refused to meet with the SMM and in Luhansk city a senior “LPR” member met the SMM, but did not provide steps to remedy the violations reported by the SMM.

In government-controlled areas, on 7 May, the SMM saw one surface-to-air missile system (9K33 *Osa*) near government-controlled Sukha Balka (36km north-east of Donetsk).

Beyond withdrawal lines, but outside storage sites, the SMM saw on 7 May 40 stationary tanks (unidentified type) near “DPR”-controlled Manuilivka (65km east of Donetsk).

The SMM observed **armoured combat vehicles and an anti-aircraft gun^[2] in the security zone**. In government-controlled areas, on 6 May, the SMM saw one IFV (BMP-1) on a flatbed truck travelling from north to south on the main road between Kodema (57km north-east of Donetsk) and Zaitseve (62km north-east of Donetsk). The same day, the SMM saw one IFV (BMP-2) on a flatbed truck moving south on a road 3km south-east of Nyzhnie (56km north-west of Luhansk).

In non-government-controlled areas, on 6 and 7 May, at the aerodrome on the south-eastern outskirts of Luhansk city, the SMM saw 17 armoured personnel carriers (APCs) (ten MTLB and seven BTR-80) and seven IFVs (BMP-2). The SMM also saw about 300 armed men marching. On 7 May, the SMM saw one APC (BTR, type unknown) and one military truck towing a covered anti-aircraft gun, moving south-west along Oboronna Street in Luhansk city centre.

The SMM observed **the presence of mines and unexploded ordnance (UXO) in the security zone**. On 6 May, between the Ukrainian Armed Forces checkpoint (3.5km north-north-west of the Donetsk Water Filtration Station) and the Station itself, the SMM saw for the first time four anti-tank mines (two on either side of the northbound carriageway).

On 6 May the SMM saw also for the first time, five anti-tank mines and one stake-mounted trip-flare (possibly used) about 2km east of government-controlled Zolote-1. They were located in grass south of the road, stretching from 1m to 5m away from the asphalt road. The same day the SMM saw the tail fin of one 120mm mortar sticking out from the asphalt on the southern side on the T0504 road on the western edge of "LPR"-controlled Pervomaisk (58km west of Luhansk). The SMM saw again the tail fin of one 120mm mortar protruding from the pavement at the eastern edge of the road (covered by a piece of metal) 100m south-west of the Prince Ihor Monument, outside the Stanytsia Luhanska disengagement areas. (See [SMM Daily Report 13 April 2017](#).) In early May, "LPR" members had told the SMM that the area had been cleared of UXO. Near a Ukrainian Armed Forces checkpoint, about 3.5km east of government-controlled Popasna (69km west of Luhansk) the SMM saw for the first time an anti-tank mine (TM-62M) fixed to a plank at the southern edge of the road. About 4km east of Popasna the SMM saw the tail fin of an 82mm mortar sticking out from the asphalt on the northern side of the T0504 road. The SMM noted that a previously observed tail fin from an 82mm mortar near an "LPR" checkpoint, at the T-junction about 2km south-west of "LPR"-controlled Molodizhne (63km north-west of Luhansk) had been removed. Armed "LPR" members at the checkpoint told the SMM that an "LPR" demining team had removed it during the past week.

On 7 May the SMM saw for the first time six **mine hazard signs** (red plates reading "Mines" in Russian affixed to sticks) at a checkpoint in "LPR"-controlled Zhovte (17km north-west of Luhansk), which had not been installed. Two armed "LPR" members told the SMM that they were preparing for the laying of a new mine field in this area.

The same day, the SMM saw for the first time a **demining** team from an international non-governmental organisation working in an area 3.5km north of government-controlled Krasna Talivka (51km north-east of Luhansk). The team told the SMM that they were clearing mines from a small forest road, which leads to the Derkul river. In a shop in Krasna Talivka the SMM saw a notice requesting residents to avoid until further notice an area near a cemetery due to demining activities.

The SMM **facilitated and monitored adherence to a localized ceasefire to enable the handover** via the Shchastia bridge **of bodies** of three Ukrainian Armed Forces soldiers, who, according to representatives of the Afghan War Veterans Association,

had been killed on 2 May in the area of Debaltseve. On 6 May, positioned in “LPR”-controlled areas south-east of the bridge in Shchastia (government-controlled, 20km north of Luhansk), the SMM observed members of the Association, based in Luhansk city, travel towards the bridge to transfer the remains across the bridge and then return to the SMM’s position.

The SMM **facilitated and monitored adherence to a localized ceasefire, co-ordinated by the JCCC**. On 6 and 7 May the SMM facilitated and monitored repairs to electricity pylons supplying the Donetsk Water Filtration Station located between Avdiivka and Yasynuvata.

The SMM visited **two border areas currently not under control of the government**. On 7 May, in about one hour at the Uspenka border crossing point (73km south-east of Donetsk), the SMM saw 40 civilian cars (20 with Ukrainian licence plates, 14 with Russian Federation licence plates, one with Lithuanian licence plates and five with “DPR” plates), two vans (one with Ukrainian licence plates, the other with “DPR” plates), as well as two covered cargo trucks (with Belarusian licence plates) in a queue to exit Ukraine. The same day, in about half an hour at the Ulianivske pedestrian border crossing point (61km south-east of Donetsk), the SMM saw one civilian car (with “DPR” plates) bring two men to the crossing point who then exited Ukraine. The SMM also saw two civilian cars in the adjacent parking lot (one with Lithuanian licence plates, the other with “DPR” plates).

The SMM continued monitoring in Kherson, Odessa, Lviv, Ivano-Frankivsk, Kharkiv, Dnipro, Chernivtsi, and Kyiv.

****Restrictions of SMM’s freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate***

The SMM’s monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, UXO and other impediments – which vary from day to day. The SMM’s mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM’s freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations. They have also agreed that the JCCC should contribute to such response and co-ordinate mine clearance.

Denial of access:

- On 6 and 7 May armed “LPR” members told the SMM that that they could not guarantee the safety of the Mission in fields and side roads in the Zolote disengagement area due to the possible presence of mines and UXO. The SMM did not consider it safe to proceed and informed the JCCC on both days.
- On 6 and 7 May, a Ukrainian officer of the JCCC told the SMM that no demining activities had taken place during the previous 24 hours in the Stanytsia Luhanska disengagement area and that, with the exception of the main road, the SMM’s safety could not be guaranteed in the surrounding areas due to the possible presence of mines and UXO. The SMM did not consider it safe to proceed and informed the JCCC on both days.
- On 6 and 7 May, armed “DPR” members prevented the SMM from moving west from “DPR”-controlled Petrivske. The SMM informed the JCCC on both days.
- On 6 May, the SMM was unable to proceed eastward from government-controlled Bohdanivka (41km south-west of Donetsk) as Ukrainian Armed

Forces officers said they could not ensure its safety. A Ukrainian JCCC officer was present and told the SMM that anti-tank mines were still present on the road to Petrivske.

- On 6 and 7 May the SMM could not travel across the bridge in government-controlled Shchastia as Ukrainian Armed Forces personnel said no demining had taken place and that the road south of the bridge remained mined. The SMM informed the JCCC on both occasions.
- On 6 May, on two occasions, an armed "DPR" member denied the SMM access at checkpoint near the settlement of Trudovskyi in "DPR"-controlled Donetsk city's Petrovskyi district. The "DPR" member cited orders from his commander not to allow the SMM through. The Mission informed the JCCC.
- On 7 May, armed "DPR" members denied the SMM access to the village of "DPR"-controlled Sosnivske (35km north-east of Mariupol) at a checkpoint on the eastern side of the village. As the SMM was waiting for the local commander to arrive, it saw the armed "DPR" member, who has initially denied it access, fire one shot of his assault rifle (AK-47) vertically in the air and motion with his hands towards the SMM to move further away from the checkpoint. The SMM moved and after about ten minutes the commander approached the SMM and said access will not be granted as there were ongoing demining activities on the western side of the checkpoint. The SMM informed the JCCC.
- On 7 May, the SMM was unable to access a "DPR" heavy weapons holding area as no "DPR" member was present to ensure access. The SMM informed the JCCC.

[1] Please see [the annexed table](#) for complete breakdown of the ceasefire violations as well as [map of the Donetsk and Luhansk regions](#) marked with locations featured in this report.

[2] This hardware is not proscribed by the provisions of the Minsk agreements on the withdrawal of weapons.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
26 Turhenievska Street
01054 Kyiv
Ukraine
Office: +380 44 392 0965
Mobile: +38 067 828 06 79
Mobile: +38 050 387 93 98
liudmyla.palamar@osce.org
smm-media@osce.org

Annex 29

OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 18 June 2017”, 19 June 2017

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 18 June 2017

KYIV 19 June 2017

This report is for the media and the general public.

Between the evenings of 16 and 17 June the SMM recorded more ceasefire violations in both Donetsk and Luhansk regions compared with the previous reporting period. Between the evenings of 17 and 18 June the Mission recorded more ceasefire violations in Donetsk region and fewer in Luhansk region compared with the previous 24 hours. It confirmed one elderly woman had died from a gunshot wound in Sakhanka. The SMM observed damage to multiple civilian properties due to shelling in Shchastia, Starolaspa, Yasynuvata and Obozne. The Mission continued monitoring the disengagement areas; it recorded ceasefire violations inside the Stanytsia Luhanska and Zolote disengagement areas, and aerial imagery available to the SMM revealed a new trench inside the Petrivske disengagement area, on the non-government-controlled side. The Mission's access remained restricted there and elsewhere. The Mission monitored weapons in violation of withdrawal lines. The SMM observed the presence of unexploded ordnance of a mortar fin near Stanytsia Luhanska and, for the first time, multiple mine hazard signs near Lyman. The Mission observed long queues of civilians travelling across the contact line at Stanytsia Luhanska bridge. It continued to follow up on the water supply situation and to facilitate and monitor repairs to power lines between Almazna and Zolote. In Kyiv the SMM monitored the "March of Equality".*

In Donetsk region the SMM recorded more **ceasefire violations**^[1] between the evenings of 16 and 17 June, including about 310 explosions, compared with the [previous reporting period](#) (about 60 explosions), and more between the evenings of 17 and 18 June, including about 500 explosions, compared with the previous 24 hours.

On the night of 16-17 June, while in "DPR"-controlled Donetsk city centre, the SMM heard 31 undetermined explosions 3-5km north-west and ten undetermined explosions 6-10km north-west. On the evening and night of 17-18 June the SMM heard 12 undetermined explosions 8-10km north-west.

On the evening and night of 16-17 June the SMM camera in government-controlled Avdiivka (17km north of Donetsk) recorded, in sequence, 46 explosions assessed as impacts of rounds of undetermined weapons, 11 tracer rounds in flight from west to east, two tracer rounds in flight from east to west, one airburst, followed by aggregated totals of 15 explosions (one undetermined and 14 assessed as impacts), four illumination flares, 85 projectiles in flight (25 south-west to north-east, 12 north-east to south-west, seven east to west, five west to east and two south to north) and 25 tracer rounds in flight (ten west to east, six east to west, four north to south, three south to north, one south-west to north-east and one north-east to south-west), all 3-6km south-east and east-south-east. The following day, the same camera recorded five undetermined explosions 4-6km east-south-east. Positioned in Avdiivka for about five hours, the SMM heard ten undetermined explosions 3-6km south-east.

On the evening and night of 17-18 June the same camera recorded a total of 108 explosions (67 undetermined, 41 assessed as impacts of rounds of undetermined weapons), ten airbursts and 24 tracer rounds in flight (22 from north to south and two from south to north), all 3-6km south-south-east. The following day, the camera recorded three undetermined explosions 3-5km east-south-east. Positioned in Avdiivka for about four hours, the SMM heard about 30 undetermined explosions and about 40 bursts and shots of heavy-machine-gun and small-arms fire, all 2-5km north-east and east.

On 17 June, positioned in "DPR"-controlled Yasynuvata (16km north-east of Donetsk) for about six hours, the SMM heard about 40 undetermined explosions, about 35 bursts of heavy-machine-gun and small-arms fire and about 15 shots of small-arms fire, all 2-5km at directions ranging from south-west to north. The following day, in about six hours the SMM heard 67 undetermined explosions, about 30 minutes of uncountable overlapping shots of small-arms fire and about 30 bursts of heavy-machine-gun and small-arms fire, all 1-8km at directions ranging from west to north-west.

On the evening and night of 16-17 June, while in "DPR"-controlled Horlivka (39km north-east of Donetsk), in about two hours the SMM heard 61 explosions (five undetermined, 56 assessed as outgoing rounds of undetermined weapons) and three bursts of heavy-machine-gun fire 5-7km north, and 51 explosions (five undetermined, 46 assessed as outgoing rounds of undetermined weapons) and eight bursts of heavy-machine-gun fire 6-7km west. On the evening and night of 17-18 June, in about three hours the SMM heard 63 explosions (15 undetermined, 15 assessed as outgoing rounds of mortar (type undetermined), 15 as outgoing rounds of undetermined weapons, 18 as impacts of mortar (type undetermined) rounds) and eight bursts of heavy-machine-gun fire 6-7km north, and 43 explosions (five undetermined, 21 impacts of rounds of mortar (type undetermined) and undetermined weapons, 17 as outgoing rounds of automatic-grenade-launcher and infantry fighting vehicle (IFV) (BMP-1) cannon (73mm)) and five bursts of heavy-machine-gun fire 4-5km west.

On 18 June, positioned at the "DPR"-controlled Donetsk central railway station (6km north-west of Donetsk city centre) for about two hours, the SMM heard 21 undetermined explosions and 20 bursts of heavy-machine-gun fire, all 6-10km north and north-north-east.

On the evening and night of 16-17 June, while in government-controlled Svitlodarsk (57km north-east of Donetsk), the SMM heard 11 explosions (five undetermined, six assessed as outgoing rounds of undetermined weapons) 2-8km south-east and south-west. On the evening and night of 17-18 June the SMM heard 125 undetermined explosions and 35 bursts of heavy-machine-gun and small-arms fire, all 3-7km south-east.

On the evening and night of 16-17 June the SMM camera in Shyrokyne (20km east of Mariupol) recorded five explosions assessed as impacts of rounds of undetermined weapons 5-6km north. Approximately two hours later, the camera recorded, in sequence, 30 tracer rounds in flight from west to east, one tracer round in flight from east to west, followed by aggregated totals of nine explosions (six undetermined, three assessed as impacts of rounds of either tank (type undetermined) or anti-tank gun (MT-12 *Rapira*, 100mm) fire), one illumination flare and 404 tracer rounds in flight (271 from west to east and 133 from east to west), all at unknown distances north. On the evening and night of 17-18 June the same camera recorded, in sequence, 141 tracer rounds in flight from west to east, two undetermined explosions, 14 tracer rounds in flight from west to east, one tracer round in flight from east to west, followed by

aggregated totals of five undetermined explosions and 380 tracer rounds in flight (237 from west to east and 143 from east to west), all at unknown distances north and north-east.

On 17 June, positioned in “DPR”-controlled Sakhanka (24km north-east of Mariupol), in about 35 minutes the SMM heard six explosions assessed as outgoing rounds of mortar (type undetermined) at unknown distances south-west and five explosions assessed as outgoing rounds of mortar (type undetermined) at unknown distances north-east.

In Luhansk region the SMM recorded more ceasefire violations between the evenings of 16 and 17 June, including 116 explosions, compared with [the previous reporting period](#) (26 explosions). Between the evenings of 17 and 18 June it recorded fewer ceasefire violations, including 20 explosions, compared with the previous 24 hours.

On the night of 17-18 June, while in “LPR”-controlled Luhansk city centre, the SMM heard 13 undetermined explosions 10-20km north-east.

On 17 June, positioned 2.5km north of government-controlled Popasna (69km west of Luhansk), the SMM heard four undetermined explosions about 5km north-east.

The SMM continued to follow up on **reports of civilian casualties and damage to civilian properties in residential areas caused by shelling**. On 17 June, the SMM visited Sakhanka following up on information provided by the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC) that a woman in her seventies had died from a gunshot wound on 14 June. Six residents in Sakhanka (two men in their forties and four women in their sixties) separately told the SMM that the woman had been struck by a bullet while in the garden of her house at 42 Havrylenko Street. They also said that the deceased woman had been buried in Sakhanka on 16 June.

On 16 June, the SMM observed four impact sites in government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk). The SMM saw a fresh crater on soft ground about 50m south-east of a parking lot of the Shchastia Power Plant. In the parking lot the SMM saw a fresh crater in the asphalt and shrapnel spray about 70m north of the SMM's forward patrol base on T-1309. The SMM also saw a fresh crater 70cm north of a shop on H-21 road. On a secondary street of Donetska Street the SMM saw a fresh crater 30cm south-east of a garage and noted that the garage's gate had multiple holes assessed as having been caused by shrapnel impacts. A Ukrainian officer of the JCCC told the SMM that shelling had occurred in the evening of 15 June. The SMM assessed that damage to all above properties had been caused by impacts of 82mm mortar rounds but could not determine the direction of fire.

On 17 June, led by “DPR” members, the SMM observed impact sites in “DPR”-controlled Starolaspa (51km south of Donetsk). At 8 Lenina Street, the SMM saw a fresh crater about 8m east of a house and 250m south-west of a “DPR” checkpoint, assessed as caused by a multiple launch rocket system (MLRS) (BM-21 *Grad*, 122mm) rocket fired from a south-westerly direction. A rocket casing was visible inside the crater. The SMM also saw several metal fragments, including a curved portion of a steel warhead, near the crater. The SMM observed extensive shrapnel damage to the north-west-facing wall of the house and its north-west-facing windows destroyed. Inside the house, the SMM saw shrapnel damage to an interior wall in the bedroom opposite the broken windows. Three residents of the house (one 34-year-old-man, two 26-and 28-year-old women) told the SMM that they had been asleep, together with three children under ten years old, in the bedroom the eastern part of the house at the time of shelling at

about 4:00 on 17 June, and that the 28-year-old woman had sustained minor shrapnel wounds to her right forearm. The SMM saw minor bruises and scrapes on her arm.

At the northern edge of Starolaspa, the SMM saw a similar size of fresh crater 8m east of a house, assessed as caused by an MLRS (BM-21) rocket fired from a south-westerly direction. The SMM saw north-west-facing windows of the house broken and shrapnel damage to its north-west-facing wall. In a garage attached to the north-western corner of the house (east-north-east of the impact site), the SMM observed that shrapnel had pierced the east-facing garage door and damaged a vehicle inside. The SMM also noted that shrapnel had pierced the walls of a shed about 10m north-west of the impact site and inside the shed saw small fragments as well as a dog that had been killed by the shrapnel. Residents of the house in their mid-sixties (man and woman) told the SMM that they had been asleep inside the house at the time of shelling at about 4:30 on 17 June and had been thrown out of bed by the shock wave of the impact.

In Yasynuvata the SMM saw a fresh crater on the concrete ground of a boarding school at 24 Tsentralnyi Mikroraion Street, assessed as caused by an 82mm mortar round fired from a south-south-westerly direction. The SMM observed the south-facing windows on the door of the school entrance damaged. A woman in her fifties at the school told the SMM that shelling had occurred at about 18:30 on 17 June and that no casualties had been reported.

In "LPR"-controlled Obozne (18km north of Luhansk) the SMM saw one fresh crater on a paved road 15m west of a checkpoint, assessed as caused by a 122mm round fired from a northerly direction. The SMM also observed five other fresh craters in a cultivated field around 500m east of the checkpoint. Due to security concerns, however, the SMM was unable to approach the impact sites. A female resident in her forties in Obozne and an armed "LPR" member at the checkpoint told the SMM that shelling had occurred between 23:00 and 1:00 on 17-18 June.

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to pursue full access to the disengagement areas** of Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk), Zolote (60km west of Luhansk) and Petrivske (41km south of Donetsk), as foreseen in the [Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware](#) of 21 September 2016. The SMM's access remained restricted but the Mission was able to partially monitor them.*

On the evening and night of 16-17 June the SMM camera in Stanytsia Luhanska recorded, in sequence, one projectile in flight from north to south, three explosions assessed as impacts of automatic-grenade-launcher and rocket-propelled-grenade-launcher fire, one projectile in flight from north to south and three explosions (one undetermined, two assessed as impacts of automatic-grenade-launcher fire), all 0.3-1km at directions ranging from south-south-east to south-south-west and assessed as inside the disengagement area.

On the night of 15-16 June the SMM camera in government-controlled Zolote recorded one undetermined explosion 4-6km east-south-east, assessed as outside the disengagement area. On the evening and night of 16-17 June, the same camera recorded, in sequence, one undetermined explosion, one projectile in flight from south-west to north-east, eight projectiles in flight from east to west and one projectile in flight from south-east to north-west, all 4-6km at directions ranging from east to south-south-west (one projectile assessed as inside the disengagement area, the remainder as outside the disengagement area). On 18 June, the camera recorded one undetermined explosion 6-8km east-south-east, assessed as outside the disengagement area.

On 17 June, the SMM observed, from both sides of the contact line, ceasefire violations near the Zolote disengagement area. Positioned just west of government-controlled Zolote-2 (60km west of Luhansk), in about 20 minutes the SMM heard 15 explosions (eight assessed as outgoing artillery or mortar rounds of unknown calibre and seven as impacts of artillery or mortar rounds of unknown calibre) and four bursts of heavy-machine-gun and automatic-grenade-launcher fire, all 6-9km south. Positioned in government-controlled Zolote-4 (60km north-west of Luhansk), within one hour the SMM heard 38 explosions (19 assessed as outgoing artillery or mortar rounds of unknown calibre and 19 as impacts of artillery or mortar rounds of unknown calibre) and about 120 bursts of heavy-machine-gun, recoilless gun (type undetermined) and automatic-grenade-launcher fire, all 4-8km south-west. Positioned in "LPR"-controlled Pervomaisk (58km west of Luhansk), in about one hour the SMM heard 52 explosions (34 assessed as impacts of mortar (82mm) and artillery (122mm) rounds and 18 as outgoing mortar (82mm) rounds) and about 980 shots of IFV (BMP-2) cannon (30mm), heavy-machine-gun and small-arms fire, all about 3km west. Positioned in "LPR"-controlled Molodizhne (63km north-west of Luhansk), the SMM heard one undetermined explosion about 2km north-north-east. The SMM assessed these ceasefire violations as having occurred outside the disengagement area and in the area between Molodizhne and government-controlled Katerynivka (64km west of Luhansk).

Aerial imagery available to the SMM revealed on 3 June a new trench (about 15m long) about 50m inside the disengagement area near "DPR"-controlled Petrivske.

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Memorandum, the Package of Measures and its Addendum.

In violation of the withdrawal lines in government-controlled areas, on 18 June the SMM saw three towed howitzers (D-30 *Lyagushka*, 122mm) near Kostiantynivka (60km north of Donetsk) and six self-propelled howitzers (2S1 *Gvozdika*, 122mm) near Volnovakha (53km south of Donetsk).

Beyond withdraw lines but outside designated storage sites, the SMM saw four towed mortars (PM-38, 120mm) near Kostiantynivka.

The SMM observed weapons that could not be verified as withdrawn, as their storage does not comply with the criteria set in the 16 October 2015 notification. In non-government-controlled areas beyond the withdrawal lines the SMM saw 29 tanks (18 T-64 and 11 T-72) and noted four tanks (three T-64, one of which for the first time, and one T-72) missing.

The SMM observed **armoured combat vehicles[2] in the security zone**. In government-controlled areas, on 17 June the SMM saw one stationary armoured personnel carrier (APC) (MT-LB) with a mounted heavy-machine-gun in the woods close to a checkpoint east of Novotoshkivske (53km west of Luhansk) and an APC (BTR-80) carrying about five unarmed Ukrainian Armed Forces personnel and travelling south near Zolote-4.

The SMM observed the presence of unexploded ordnance (UXO) and mine hazard signs. On 18 June the SMM saw one rusted mortar fin (82mm) at the edge of a paved road about 1km south-west of the Stanytsia Luhanska bridge and just outside the Stanytsia Luhanska disengagement area. The fin was marked with white paint. In "LPR"-controlled Lyman (12km north-west of Luhansk), the SMM saw ten new red and white rectangular mine signs (with the word "Stop Mines" written in Russian) attached to 1.5m-tall wooden sticks at 10-15m intervals in a field 50-100m west of a nearby house.

The SMM **facilitated and monitored repairs to essential infrastructure, co-ordinated by the JCCC**. Near "LPR"-controlled Pervomaisk on 17 and 18 June the SMM observed repairs to high voltage power lines between the Mykhailivka substation in an "LPR"-controlled part of Zolote and "LPR"-controlled Almazna (55km west of Luhansk).

The SMM continued to follow up on the water supply situation. At a square in government-controlled Semyhiria (58km north-east of Donetsk), the SMM saw about seven residents, including elderly women and a girl (5-6 years old), with buckets. They told the SMM that they were waiting for water to be distributed by an international organization.

The SMM continued to monitor the situation of **civilians travelling across the Stanytsia Luhanska bridge**. On 17 June at the government checkpoint north of the bridge, at 10:20 the SMM saw about 400 people queuing to enter government-controlled areas and about 1,000 queuing in the opposite direction. Three hours later, the SMM saw almost the same number of people queueing to travel in both directions.

On 18 June the SMM monitored **a march in Kyiv organized by activists of the lesbian, gay, bisexual, transgender and intersex (LGBTI) community**. The Mission observed about 2,500 people (men and women aged mainly between 20 and 50, some of them with children) marching from Volodymyrska Street to Lev Tolstoy Square. It noted about 5,500 police and National Guard officers, some of them wearing riot gear, and 2.5m-high steel fences across the streets exiting the square. The SMM also observed the police and National Guard officers encircle and isolate a group of about 120 people (mostly men, aged between 20 and 30) blocking part of the planned march route on Volodymyrska Street between the Taras Shevchenko National University and Taras Shevchenko Park. Some of these people were holding banners containing messages against the march. The SMM saw the police use tear gas against a few of them. The Kyiv police later stated on its website that two participants had been physically attacked after leaving the march. The SMM spoke with one of the alleged victims, as well as march organizers, who confirmed the incident and stated that he and his friend were assaulted by several young men who had followed them after the march.

The SMM continued monitoring in Kherson, Odessa, Ivano-Frankivsk, Lviv, Kharkiv, Dnipro and Chernivtsi.

***Restrictions of SMM's freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate**

The SMM's monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, UXO and other impediments – which vary from day to day. The SMM's mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM's freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations. They have also agreed that the JCCC should contribute to such response and co-ordinate mine clearance. The SMM's operations in Donetsk and Luhansk regions remained restricted following [the fatal incident of 23 April near Pryshyb](#); these restrictions continued to limit the Mission's observations; these restrictions continued to limit the Mission's observations, including at the disengagement area near Petrivske.

Denial of access:

30.07.2021

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 18 June 2017 | O...

- On 17 and 18 June, a Ukrainian officer of the JCCC told the SMM that no demining activities had taken place during the previous 24 hours in the Stanytsia Luhanska disengagement area and that, with the exception of the main road, the Mission's safety could not be guaranteed in the surrounding areas due to the possible presence of mines and UXO. The SMM did not consider it safe to proceed and informed the JCCC.
- On 17 and 18 June, the SMM could not proceed further east into the Zolote disengagement area from government-controlled Katerynivka due to the possible presence of mines and UXO. The SMM informed the JCCC.
- On 17 and 18 June, armed "LPR" members told the SMM that they could not guarantee the safety of the Mission in the Zolote disengagement area due to the possible presence of mines and UXO. The SMM did not consider it safe to proceed and informed the JCCC.
- On 17 and 18 June, the SMM could not travel across the bridge in Shchastia as Ukrainian Armed Forces personnel said the road south of the bridge was mined. The SMM informed the JCCC.
- On 18 June, armed "DPR" members at a checkpoint north-west of Sidove (106km south of Donetsk) prevented the SMM from entering the village, claiming that they were instructed not to let the SMM pass the checkpoint and that the area was closed to foreigners. The Mission observed civilian vehicles proceeding through the checkpoint. The SMM informed the JCCC.
- On 18 June, an armed "DPR" member at a checkpoint in Oleksandrivske (formerly Rozy Liuksemburh, 90km south-east of Donetsk) initially told the SMM that there were no live-fire exercises taking place nearby. When the SMM attempted to proceed east, however, he told the SMM that no vehicles were permitted to pass due to ongoing live-fire exercises.

[1] Please see [the annexed table](#) for complete breakdown of the ceasefire violations as well as [map of the Donetsk and Luhansk regions](#) marked with locations featured in this report.

[2] This hardware is not proscribed by the provisions of the Minsk agreements on the withdrawal of weapons.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
 OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
 26 Turhenievska Street
 01054 Kyiv
 Ukraine
 Office: +380 44 392 0965
 Mobile: +38 067 828 06 79
 Mobile: +38 050 387 93 98
liudmyla.palamar@osce.org
smm-media@osce.org

Annex 30

OSCE SMM, “Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 13 July 2017”, 14 July 2017

Latest from the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM), based on information received as of 19:30, 13 July 2017

KYIV 14 July 2017

This report is for the media and the general public.

The SMM recorded fewer ceasefire violations in Donetsk region and a similar number of ceasefire violations, although more explosions, in Luhansk region, compared with the previous reporting period. In Holmivskiyi the SMM heard small-arms fire near the area where it was flying an unmanned aerial vehicle (UAV). The Mission continued monitoring the disengagement areas where its access remained restricted. The SMM camera recorded explosions inside the Stanytsia Luhanska disengagement area. An SMM UAV spotted a mortar within the respective withdrawal lines inside a residential area in Pikuzy. The SMM facilitated the recovery of the body of a dead civilian in the Trudovskiyi area of Petrovskiyi district in Donetsk city. It monitored repairs of a bridge near Yenakiieve and followed up on reports of a lack of electricity in parts of Zolote. The Mission visited a border area not under government control in Luhansk region. The SMM monitored protests in Kyiv, Kherson and Kharkiv.*

In Donetsk region the SMM recorded fewer **ceasefire violations**,^[1] including about 60 explosions compared with 100 explosions in the [previous reporting period](#). Almost all ceasefire violations were concentrated in the Donetsk airport-Avdiivka-Yasynuvata area, areas south-east of Svitlodarsk and north-east of Mariupol, all known hotspots.

On the night of 12-13 July, while in "DPR"-controlled Donetsk city centre, the SMM heard seven undetermined explosions 8-10km north-west.

On the same night the SMM camera in government-controlled Avdiivka (17km north of Donetsk) recorded, in sequence, one projectile in flight from north-west to south-east, six tracer rounds and one projectile in flight from south-east to north-west, five projectiles north-west to south-east, 31 projectiles south-east to north-west, one projectile north-west to south-east, two explosions assessed as impacts, one projectile south-west to north-east and one illumination flare in flight from south-east to north-west, all 3-5km east-south-east. During the day on 13 July the camera recorded four undetermined explosions and three explosions assessed as impacts, all 4-5km east-south-east. Positioned in Avdiivka for over five hours, the SMM heard nine undetermined explosions 3-5km south-east.

On 13 July, positioned in "DPR"-controlled Yasynuvata (16km north-east of Donetsk) for over five hours, the SMM heard eight undetermined explosions 2-6km south-west and west.

On the evening of 12 July, while in government-controlled Svitlodarsk (57km north-east of Donetsk), the SMM heard 19 undetermined explosions, ten bursts of heavy-machine-gun fire, as well as 15 bursts and about 50 shots of small-arms fire, all 3-5km south-east. The following day the SMM heard and saw one explosion assessed as an impact 5km south-east.

On the night of 12-13 July the SMM camera in Shyrokyne (20km east of Mariupol) recorded, in sequence, one undetermined explosion, one tracer round in flight from east to west and one undetermined explosion, 15 tracer rounds east to west, one undetermined explosion, five tracer rounds west to east, followed by aggregated totals of six undetermined explosions, about 70 tracer rounds in flight from east to west and 73 from west to east, all at undetermined distances north.

In “DPR”-controlled Holmivskiyi (49km north-east of Donetsk), the SMM heard five shots of small-arms fire 100m north-east of its position – in the area where the SMM was flying a mini UAV. The SMM assessed the shots as aimed at the UAV, which the SMM managed to land safely. A Russian Federation officer of the Joint Centre for Control and Co-ordination (JCCC) and a “DPR” member were present and, about 25 minutes later, upon receiving additional security guarantees from them, the SMM continued the UAV flight.

In Luhansk region the SMM recorded a similar number of ceasefire violations, however, more explosions (64) than in the [previous reporting period](#) (about 20 explosions).

On the evening of 12 July, while in “LPR”-controlled Kadiivka (formerly Stakhanov, 50km west of Luhansk), the SMM heard 12 explosions: 11 assessed as impacts of artillery rounds and one as outgoing artillery fire, all 10km west.

On 13 July, positioned 5km east of “LPR”-controlled Alchevsk (40km west of Luhansk), the SMM heard, within one hour, 47 undetermined explosions, 31 bursts and six shots of heavy-machine-gun and small-arms fire, all 5-10km east-south-east, assessed as being part of a live fire exercise. Positioned in “LPR”-controlled Slovianoserbsk (40km west of Luhansk) the SMM heard about 50 shots of cannon (30mm) fire from an infantry fighting vehicle (IFV) (BMP-2) 5km north-west.

The SMM continued to **monitor the disengagement process and to pursue full access to the disengagement areas** of Stanytsia Luhanska (16km north-east of Luhansk), Zolote (60km west of Luhansk) and Petrivske (41km south of Donetsk), as foreseen in the [Framework Decision of the Trilateral Contact Group relating to disengagement of forces and hardware](#) of 21 September 2016. The SMM's access remained restricted but the Mission was able to partially monitor them.*

On the evening of 11 July, the SMM camera in government-controlled Zolote recorded six tracer rounds and four projectiles in flight from north-west to south-east, 3-6km east-north-east, assessed as having occurred outside the disengagement area.

On the evening of 12 July, the SMM camera in government-controlled Stanytsia Luhanska recorded four explosions assessed as impacts of 120mm mortar rounds 1.6km south, assessed as having occurred inside the disengagement area.

On 13 July, armed “LPR” members showed the SMM a fresh impact site and the tailfin of an exploded 120mm mortar round on a north-facing hillslope 150m south of the “LPR” checkpoint, south of the Stanytsia Luhanska bridge, and 10m from a parking lot, inside the disengagement area. The SMM also saw shrapnel on the ground about 7m from the mortar tailfin and sand and gravel about 10m from the mortar tailfin. The SMM assessed the direction of fire to be from the north.

While present in government-controlled Bohdanivka (41km south-west of Donetsk), west of the Petrivske disengagement area, the SMM observed a calm situation. The SMM remained unable to access its camera in “DPR”-controlled Petrivske due to security considerations.

The SMM continued to monitor the **withdrawal of weapons**, in implementation of the Memorandum, the Package of Measures and its Addendum.

In violation of withdrawal lines, an SMM mid-range UAV spotted a mortar (probably 120mm) under netting in the centre of a north-eastern residential neighbourhood of "DPR"-controlled Pikuzy (formerly Kominternove, 23km north-east of Mariupol) on 11 July.

The SMM observed **armoured combat vehicles and anti-aircraft guns^[2] in the security zone**. In government-controlled areas, on 11 July, an SMM mid-range UAV spotted two armoured personnel carriers (APC) (BRDM-2) and two IFVs (BMP-2) near Muratove (51km north-west of Luhansk). On 12 July, an SMM mid-range UAV spotted two probable APCs (BTR-60) under netting and one IFV (BMP-1Ksh) near Shchastia (20km north of Luhansk). On 13 July, the SMM saw a stationary anti-aircraft gun (ZU 23-2) mounted on the back of a truck south-east of Lomakyne (15km north-east of Mariupol), an APC (BRDM) heading north near Kapitanove (49km north-west of Luhansk) and one APC (BRDM) heading south-east near Shchastia.

In non-government-controlled areas, on 11 July, an SMM mid-range UAV spotted two IFVs (BMP-1) and one APC (MT-LB) stationary inside a residential neighbourhood north-east of Pikuzy (see above). On 13 July, the SMM saw five stationary APCs (MT-LB), one of which had a probable anti-tank gun (ZU-23) mounted on top, near Pervomaisk (58km west of Luhansk).

On 13 July, the SMM saw also two new "T"-shaped trenches, one on each side of road M-03 on the western edge of Debaltseve (58km north-east of Donetsk).

An SMM mid-range UAV spotted again, on 12 July, the presence of **two rows of six and eight anti-tank mines** each about 100m west of a "DPR" checkpoint at the south-western edge of Pikuzy, 80m from the closest house, as well as eight anti-tank mines on a road north-west of Pikuzy that leads to government-controlled Talakivka (17km north-east of Mariupol). (See [SMM Daily Report 21 June 2017](#).)

The SMM, in co-ordination with the JCCC, **facilitated the recovery of the body of dead civilian** in the Trudovskyi area of Petrovskyi district (15km south-west of Donetsk city centre). The SMM observed a group of "DPR" members recover the body of a 54-year old man who, according to his widow, had died on 8 June 2017 possibly due to coming into contact with a mine.

The SMM monitored the **ongoing repair of a broken bridge** north-east of "DPR"-controlled Yenakiieve (41km north-east of Donetsk). The SMM also observed recently installed electric wires on the railway which connects Yenakiieve with "DPR"-controlled Vuhlehirsk (49km north-east of Donetsk) and passes under the damaged bridge.

The SMM followed up on **reports of a lack of electricity due to shelling-related damage** in government-controlled parts of Zolote-4 (60km north-west of Luhansk). On 12 July, a local official in Zolote-4 told the SMM that the area has had no electricity since 9 July as repairs of power lines were still pending. A group of four residents of Zolote-4 (three women and a man) told the SMM that they had had no electricity for more than four days. According to a local official in Popasna, about 300 residents living on four streets in Zolote-4 were affected by the lack of power.

The SMM visited **a border area not under government control**. During one hour at the border crossing point in Dovzhanske (84km south-east of Luhansk) the SMM saw eight pedestrians (three women and five men), 13 cars (including two with "LPR"

plates), one truck with Ukrainian licence plates with a closed cargo area, and one cargo truck with Russian Federation licence plates, with a black sign on the windshield indicating "Ministry of Emergency Situations", enter Ukraine. Fifteen cars (ten with Ukrainian and five with Russian Federation licence plates) and two pedestrians were in a queue to leave Ukraine. The SMM also saw four cars (one with "DPR" plates), three trucks (one with closed and two with open empty cargo areas) and two buses with Ukrainian licence plates in a queue to leave Ukraine.

The SMM continued to monitor **protests in Kyiv** related to anti-corruption and immunity of members of Parliament (MPs) (see [SMM Daily Report 13 July 2017](#)). On the morning of 13 July the SMM saw about 800 people divided into two groups: one with about 500 people (men and women, aged between 20 and 50) in front of the Parliament and another, with about 300 people (mostly men, aged between 20 and 30), gathered on Hrushevskho Street. The SMM observed the latter group blocking the street and throw what it assessed as smoke canisters. About 400-500 police and National Guard officers, many of whom were wearing riot gear and standing in formation, were present. Media reported on clashes between the protesters and law enforcement officers, which the SMM did not observe when onsite.

The SMM observed a protest of the same scope in Kharkiv where about 30 people (men and women, different age groups) were gathered in front of the main office of the Opposition Block making statements in support of the lifting of immunity of a member of parliament from Kharkiv. Twelve police officers were present. The gathering concluded peacefully.

On 11 July **in Kherson, the SMM monitored a protest** in front of the office of the Presidential Representative of Ukraine for Crimea. The SMM noted 27 participants, both Crimean Tatars and Ukrainians, who had set up two tents and an improvised field kitchen outside the office building and were demanding the resignation of the Representative. Most of them wore camouflage attire and some wore black T-shirts of a Crimean Tatar battalion. On 13 July, the SMM observed 13 individuals in front of the building as well as some others inside the first floor of the building. Two police officers were present.

In Kharkiv, the SMM monitored a **protest in front of the Russian Consulate building**. The SMM saw 30 people (women and men, different age groups) gathered outside the Consulate holding banners and heard them calling for the liberation of a Ukrainian filmmaker and writer, who, they stated, was sentenced in the Russian Federation on charges of plotting terrorism acts. The SMM saw about 30 police officers present, joined later by about 35 National Guard officers. The protest ended peacefully.

The SMM continued monitoring in Odessa, Lviv, Ivano-Frankivsk, Dnipro, and Chernivtsi.

****Restrictions of SMM's freedom of movement or other impediments to fulfilment of its mandate***

The SMM's monitoring and freedom of movement are restricted by security hazards and threats, including risks posed by mines, unexploded ordnance (UXO) and other impediments – which vary from day to day. The SMM's mandate provides for safe and secure access throughout Ukraine. All signatories of the Package of Measures have agreed on the need for this safe and secure access, that restriction of the SMM's freedom of movement constitutes a violation, and on the need for rapid response to these violations. They have also agreed that the JCCC should contribute to such response and co-ordinate mine clearance. The SMM's operations in Donetsk and Luhansk regions remained restricted following [the fatal incident](#)

of 23 April near Pryshyb; these restrictions continued to limit the Mission's observations, including at the disengagement area near Petrivske.

Denial of access:

Related to disengagement areas and mines/UXO:

- A Ukrainian officer of the JCCC told the SMM that no demining activities had taken place during the previous 24 hours in the Stanytsia Luhanska disengagement area and that, with the exception of the main road, the SMM's safety could not be guaranteed in the surrounding areas due to the possible presence of mines and UXO. The SMM did not consider it safe to proceed and informed the JCCC.
- Armed "LPR" members positioned on the southern side of the Zolote disengagement area told the SMM that they could not guarantee the safety of the Mission on side roads due to the possible presence of mines and UXO. The SMM did not consider it safe to proceed and informed the JCCC.
- The SMM could not travel across the bridge in government-controlled Shchastia (20km north of Luhansk) as Ukrainian Armed Forces personnel said there were mines on the road south of the bridge. The SMM informed the JCCC.

[1] Please see the [annexed table](#) for complete breakdown of the ceasefire violations as well as map of the Donetsk and Luhansk regions marked with locations featured in this report.

[2] This hardware is not proscribed by the provisions of the Minsk agreements on the withdrawal of weapons.

Contacts

Liudmyla Palamar

National Outreach Officer
OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine
26 Turhenievska Street
01054 Kyiv
Ukraine
Office: +380 44 392 0965
Mobile: +38 067 828 06 79
Mobile: +38 050 387 93 98
liudmyla.palamar@osce.org
smm-media@osce.org

Annex 31

OHCHR, “Report on the human rights situation in Ukraine 16 May to
15 August 2019”, 17 September 2019
(excerpts)

**Office of the United Nations High Commissioner
for Human Rights**

**Report on the human rights situation in Ukraine
16 May to 15 August 2019**

34. In line with its responsibility to protect and fulfil housing rights, the Government, for the first time since the outbreak of the conflict, issued a legislative act establishing a mechanism to provide compensation for homes destroyed due to the conflict.²¹ However, contrary to international standards,²² the resolution adopted by the Cabinet of Ministers applies only to civilians who remain in the settlement where their property was destroyed. It does not apply to IDPs or others who have relocated to another settlement, nor would it apply to persons residing in armed group-controlled territory.

35. Compensation is capped at UAH 300,000 (approximately US\$ 12,000), the equivalent of approximately 24–26m² of property in the areas impacted by the conflict, insufficient for families of more than one person. Additionally, OHCHR is concerned that there is no budget allocation for this mechanism in the current budget, and the Government may be unable to include a funding request in next year’s budget, pushing compensation to after 2020. The text of the resolution is also vague about its retroactive applicability which may not be applicable to the entire duration of the armed conflict, referring instead to an “emergency situation[s] of military character”.

36. The resolution also includes provisions on the mandate of the commissions which are to be created to document the causes and impact of destruction. In this regard, OHCHR welcomes the work undertaken jointly by national and international organisations, and the Ukrainian Parliament Commissioner for Human Rights (hereinafter Ombudsperson) to develop the draft regulation on the procedure to document damages to civilian property and the mandate of the commissions designated to assess the damage. This draft could serve as a basis for further work on implementation of the resolution.

37. OHCHR again documented cases where the military used civilian housing, failed to pay utility bills they generated, caused property damage and pillaged. For example, in Government-controlled Verkhniotoretske (Donetsk region), an older couple received an electricity bill of almost UAH 30,000 (approximately US\$ 1,175) after an annex to their house had been used by the military for close to four years. During this time, the roof of their house was damaged by shelling and could not be repaired due to the military presence. In addition, the family’s machinery and electric equipment was stolen or damaged. Similar cases were documented in Government-controlled Avdiivka, Novhorodske and Starohnativka (Donetsk region).

“We had been waiting for this home for 35 years, lived there for three months, and now we are homeless.”

- A civilian who had to leave her home due to military use

²¹ See Cabinet of Ministers Resolution from 10 July 2019 No. 623 which amended previous Resolution No. 947 of 18 December 2013, available at <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/947-2013-п>.

²² UN Sub-Commission on the Promotion and Protection of Human Rights, *Principles on Housing and Property Restitution for Refugees and Displaced Persons* (‘Pinheiro Principles’), 28 June 2005, E/CN.4/Sub.2/2005/17.

Military use of homes in Avdiivka, Donetsk region

Since February 2015, residents at 15 Vorobiova Street in Avdiivka, in Government-controlled Donetsk region, were forced to leave their apartments due to safety and security concerns stemming from the presence of Ukrainian Armed Forces and other law-enforcement personnel. Tenants of the apartments reported that since 2014, the Ukrainian military and law-enforcement forces have taken over empty apartments and asked the remaining tenants to vacate their apartments. Those who remained suffered from serious shelling. Displaced tenants who returned to check on their property reported that furniture, electronic appliances, and personal belongings had been looted or damaged by military personnel.

Eighteen tenants have submitted complaints about the stealing and intentional destruction of property to the local police since 2014. None has been effectively investigated. Reportedly, one of the reasons for the ineffective investigations cited by police is their lack of access to the apartments due to the military presence in, and in close proximity to, the building.

Authorities did not provide adequate alternative housing options for residents forced to leave their apartments, nor did they provide any compensation for damage to property, or other losses caused by the military, including outstanding utility bills. As a result, 24 households, including families with children, persons with disabilities, and older persons, have been forced to find and pay for safe homes on their own.

38. OHCHR notes the information that the authorities in Donetsk and Luhansk regions have provided temporary housing solutions to 12 conflict-affected civilian families in Toretsk and Zolote-4.²³ However, while the housing provided to eight of the families in Toretsk was adequate, OHCHR is concerned by the inadequate conditions of the homes provided to the four families in Luhansk region, which lacked acceptable sanitation and heating.²⁴ Additionally, security of tenure is a concern, since the housing is provided as a temporary measure, in many cases, for one year only, without any guarantee of a longer-term solution in case the families are unable to return to their homes due to the conflict. The provision of temporary housing cannot substitute the right of the civilian population to restitution and compensation for the loss of their homes.

39. OHCHR is concerned that a civilian family (including a child) that has been forcibly evicted from their apartment in territory controlled by ‘Donetsk People’s Republic’ may face expropriation of their property by the ‘ministry of state security’. The family has not been provided any alternative housing solution.

3. Right to social security and social protection

40. OHCHR regrets the Government’s continued discriminatory policy and actions regarding payment of pensions, which requires pensioners living in territory controlled by ‘Donetsk people’s republic’ and ‘Luhansk people’s republic’ to register as IDPs to receive pension payments.²⁵ As a result, hundreds of thousands of pensioners have lost their pensions payments.²⁶ While OHCHR notes the suggestion of the President of Ukraine to extend the term during which pension arrears can be accumulated, it calls on the new Government to

²³ See OHCHR Report on the human rights situation in Ukraine, 16 August to 15 November 2018, case study on Zolote-4, available at

https://ohchr.org/Documents/Countries/UA/24thReportUkraineAugust_November2018_EN.pdf.

²⁴ See Committee on Economic, Social and Cultural Rights General Comment on Right to Adequate Housing, available at www.escr-net.org/resources/general-comment-7.

²⁵ The linking of payment of pensions with IDP registration creates an obstacle to access to social security. See United Nations Briefing Note on Pensions for IDPs and persons living in the areas not controlled by the Government in the east of Ukraine, available at www.humanitarianresponse.info/en/operations/ukraine/document/briefing-note-pensions-united-nations-ukraine-february-2019.

²⁶ Ibid at p. 2.

Annex 32

AIP (Aeronautical Information Publication), Russian Federation, GEN
3.1 “Aeronautical information services of the Russian Federation”

GEN 3. ОБСЛУЖИВАНИЕ.**GEN 3.1 АЭРОНАВИГАЦИОННОЕ
ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.****1. ОТВЕТСТВЕННАЯ СЛУЖБА.****1.1. Служба аэронавигационной информации.**

Федеральное агентство воздушного транспорта осуществляет организацию официального издания Сборника аэронавигационной информации Российской Федерации и издания иной аэронавигационной информации, а также организацию деятельности по обеспечению аэронавигационной информацией пользователей воздушного пространства Российской Федерации.

Обслуживание аэронавигационной информацией предоставляется в соответствии с положениями, содержащимися в Приложении 15 ICAO «Службы аэронавигационной информации», и действующими нормативными правовыми документами Российской Федерации. Перечень различий со Стандартами, Рекомендуемой практикой и Правилами ICAO приведен в разделе GEN 1.7 настоящего AIP.

Обеспечение документами аэронавигационной информации пользователей воздушного пространства Российской Федерации осуществляют:

- ФГУП «Центр аэронавигационной информации» со структурным подразделением - отделом международных NOTAM, являющимся органом международных NOTAM;

- подразделения обеспечения аэронавигационной информацией аэродромов.

1.2 ФГУП «Центр аэронавигационной информации» (ФГУП «ЦАИ»).

Россия, 125364, Москва, ул. Свободы, 67

Телефон: +7 (499) 492-31-31 (время работы

ФГУП «ЦАИ», см. Примечание 1)

Факс: +7 (495) 948-59-09 (время работы

ФГУП «ЦАИ», см. Примечание 1)

AFTN: УУУУЫОЫЬ

E-mail: office@caica.ru

Web: www.caica.ru

1.3 Отдел международных NOTAM.

Россия, 125364, Москва, ул. Свободы, 67

Телефон: +7 (499) 492-22-11 (к/с)

Факс: +7 (495) 948-59-09 (время работы

ФГУП «ЦАИ», см. Примечание 1)

AFTN: УУУУЫНЫЬ

E-mail: office@caica.ru

Примечание 1: Время работы ФГУП «ЦАИ»:

- ежедневно с 0500 до 1300 UTC, кроме суббот, воскресений, праздничных и нерабочих дней.

Примечание 2: 1. Отдел международных NOTAM обслуживание обеспечивает круглосуточно.

2. Информация об ограничениях по трассам и аэродромам передается NOTAM и по каналам органов ОВД.

2. РАЙОН ОТВЕТСТВЕННОСТИ.

Предоставление аэронавигационной информации осуществляется по всей территории Российской Федерации, а также за ее пределами, где ответственность за организацию воздушного движения возложена на Российскую Федерацию.

GEN 3. SERVICES.**GEN 3.1 AERONAUTICAL INFORMATION
SERVICES OF THE RUSSIAN
FEDERATION.****1. RESPONSIBLE SERVICE.****1.1 Aeronautical Information Service.**

The Federal Air Transport Agency shall organize official edition of Aeronautical Information Publication of the Russian Federation, edition of other aeronautical information and also provides organization of activity on provision of aeronautical information for the users of the Russian Federation airspace.

The aeronautical information service is provided as in accordance with the provisions of the ICAO Annex 15 "Aeronautical Information Services" and the current regulations and legal documents of the Russian Federation. The list of the differences from the ICAO Standards, Recommended Practices and Rules is published in GEN 1.7 section of the present AIP.

The provision of the aeronautical information documents of users of the airspace of the Russian Federation is carried out by:

- FSUE «Centre of Aeronautical Information» with its structural division - International NOTAM Office;

- aerodrome units providing with aeronautical information.

1.2 FSUE «Centre of Aeronautical Information» (FSUE «CAI»).

67, Svobody str., Moscow, 125364, Russia

Phone: +7 (499) 492-31-31 (see Note 1 for the operational hours of FSUE «CAI»)

Fax: +7 (495) 948-59-09 (see Note 1 for the operational hours of FSUE «CAI»)

AFTN: UUUUYOYX

E-mail: office@caica.ru

Web: www.caica.ru

1.3 International NOTAM Office (NOF).

67, Svobody str., Moscow 125364, Russia

Phone: +7 (499) 492-22-11 (H24)

Fax: +7 (495) 948-59-09 (see Note 1 for the operational hours of FSUE «CAI»)

AFTN: UUUUYNYX

E-mail: office@caica.ru

Note 1. The operational hours of FSUE «CAI»:

- daily 0500-1300 UTC, except Saturday, Sunday, public holidays and nonworking days.

Note 2. 1. The International NOTAM Office provides 24-hour service.

2. The information about the airway and aerodrome restrictions is transmitted by NOTAM and via the channels of ATS units.

2. AREA OF RESPONSIBILITY.

Aeronautical information is provided for the entire territory of the Russian Federation and also outside its borders where the responsibility for the air traffic management is imposed on the Russian Federation.

3. АЭРОНАВИГАЦИОННЫЕ ИЗДАНИЯ.**3.1. Объединенный пакет аэронавигационной информации.**

Объединенный пакет аэронавигационной информации состоит из следующих элементов:

- сборника аэронавигационной информации (АИП), включая поправки;

- дополнений к АИП;
- NOTAM и бюллетеней предполетной информации (PIB);

- циркуляров аэронавигационной информации;

- контрольных перечней и перечней действующих

NOTAM.

3.2. Сборник аэронавигационной информации (АИП).

Сборник аэронавигационной информации Российской Федерации (АИП России) содержит долгосрочную аэронавигационную информацию, необходимую для обеспечения аэронавигации.

Формат и структура АИП России соответствуют требованиям Приложения 15 к Конвенции о международной организации гражданской авиации и DOC 8126-AN/872 Международной организации гражданской авиации.

Информация в АИП России книга 1 публикуется на русском и английском языках.

3.3. Поправки к АИП России.

Постоянные изменения и дополнения к содержащейся в АИП России информации выпускаются в виде поправок к АИП России. Поправки к АИП России издаются в виде заменяемых листов.

Поправки к АИП России включают постоянную информацию, имеющую важное с эксплуатационной точки зрения значение и публикуются в соответствии с процедурами регламентирования и контроля аэронавигационной информации (AIRAC) и единой таблицей дат вступления их в силу.

Вне установленных регулярных интервалов может издаваться дополнительная поправка к АИП России, включающая постоянную информацию на указанную дату издания поправки.

Новая или измененная информация на листах АИП России обозначается жирной вертикальной линией черного цвета на полях.

На каждой странице поправки к АИП России в соответствии с AIRAC, включая титульный лист, указывается дата вступления в силу.

Каждая поправка включает контрольный перечень с указанием текущей даты каждой вкладной страницы в АИП России. В контрольном перечне проставляется номер страницы и дата.

3.4 Дополнение к АИП России.

Временные изменения долгосрочного характера (три месяца и более) и информация краткосрочного характера (менее трех месяцев), содержащая объемный по содержанию текст и (или) графический материал, публикуются в виде дополнения к АИП России.

На каждой странице дополнения к АИП России указывается дата вступления в силу.

Контрольный перечень действующих дополнений к АИП России выпускается один раз в месяц и распространяется посредством ежемесячно публикуемого перечня действующих NOTAM.

3. AERONAUTICAL PUBLICATIONS.**3.1. Intergrated Aeronautical Information Package.**

Integrated Aeronautical Information Package consists of the following elements:

- Aeronautical Information Publication (AIP), including amendment service;

- Supplements to the AIP;

- NOTAM and Pre-flight information bulletins (PIB);

- Aeronautical Information Circulars (AIC);

- Checklists and the lists of valid NOTAM.

3.2. Aeronautical Information Publication (AIP).

Aeronautical Information Publication of the Russian Federation (AIP of Russia) contains aeronautical information of a lasting character necessary for provision of air navigation.

Format and structure of the AIP of Russia conform to the requirements of Annex 15 to the Convention on International Civil Aviation Organization and DOC 8126-AN/872 of the International Civil Aviation Organization.

Information in the AIP of Russia Book 1 is published in Russian and English.

3.3. Amendment service to the AIP (AIP AMDT).

Permanent changes and additions to the information contained in the AIP of Russia are issued as the Amendments to the AIP of Russia. Amendments to the AIP of Russia are made by means of replacement sheets.

Amendments to the AIP of Russia contain permanent information essential to aircraft operations and are published in accordance with the procedures of Aeronautical Information Regulation and Control (AIRAC) and the common schedule of AIRAC effective dates.

Outside the established regular intervals an additional amendment to the AIP of Russia containing permanent information on the indicated publication date may be issued.

New or revised information on the sheets of the AIP of Russia is identified by thick black vertical line in the margin.

Effective date is indicated on each page of AIRAC amendment to the AIP of Russia including the cover sheet.

Each amendment includes the checklist of pages indicating the current date of each replacement page in the AIP of Russia. Page number and date are indicated in the checklist of pages.

3.4 Supplement to the AIP of Russia.

Temporary changes of long duration (three months or longer) and information of short duration (less than three months) containing extensive text and (or) graphics are published as Supplement to the AIP of Russia.

Effective date is indicated on each page of Supplement to the AIP of Russia.

The checklist of Supplements to the AIP of Russia currently in force is issued once a month and distributed by the mean of monthly printed plain-language list of valid NOTAM.

3.5 NOTAM и PIB.

3.5.1 NOTAM издаются в пяти сериях: А, О, П, Ж и С. Серия А.

NOTAM серии А содержат информацию по общим правилам навигации на маршруте и средствам связи, ограничениям в воздушном пространстве Российской Федерации постоянного характера и в отношении международных аэродромов Российской Федерации.

Серия О.

NOTAM серии О содержат информацию по общим правилам навигации на маршруте и средствам связи, ограничениям в воздушном пространстве Республики Таджикистан и Туркменистана и в отношении международных аэродромов этих государств.

Серия П.

NOTAM серии П содержат информацию о временных ограничениях (запретные, опасные зоны и зоны ограничения полётов, ограничения на маршрутах ОВД, навигационные предупреждения) в воздушном пространстве следующих РПИ Российской Федерации: УЕЕЕ, УЕЛЛ, УЕМО, УЕРП, УЕРР, УЕСТ, УИАА, УИИИ, УНКЛ, УННТ, УООО, УСДД, УСДК, УСДС, УСКК, УСПП, УССС, УСТР, УСЦМ, УСЦЦ, УХММ, УХПД, УХПК, УХПМ, УХПП, УХХХ.

Серия Ж.

NOTAM серии Ж содержат информацию о временных ограничениях (запретные, опасные зоны и зоны ограничения полётов, ограничения на маршрутах ОВД, навигационные предупреждения) в воздушном пространстве следующих РПИ Российской Федерации: УВВВ, УВКД, УЛАА, УЛАМ, УЛВВ, УЛКК, УЛЛЛ, УЛММ, УМКК, УРРЖ, УУВЖ, УУЫЫ.

Серия С (SNOWTAM).

NOTAM серии С (SNOWTAM) содержат информацию о снеге, слякоти, льде или стоячей воде на рабочих площадях аэродрома. SNOWTAM издаются в формате Приложения 15 ICAO с единой нумерацией по всем аэродромам, опубликованным в настоящем AIP, на сезон с 15 октября по 15 апреля в соответствии со Снежным планом, который ежегодно издается и рассылается в виде Циркуляра аэронавигационной информации.

Порядок ухода за рабочими площадями аэродрома изложен в разделе AD настоящего AIP.

3.5.2 Бюллетень предполетной информации (PIB) - подготовленная перед полетом текущая информация NOTAM, имеющая важное эксплуатационное значение, предоставляется в аэродромных подразделениях обеспечения аэронавигационной информацией.

3.6 Циркуляры аэронавигационной информации.

Циркуляр аэронавигационной информации - уведомление, содержащее информацию, которая не требует выпуска NOTAM или включения ее в AIP, но касается вопросов безопасности полетов или аэронавигационных, технических, административных и юридических вопросов.

Циркуляры издаются на русском и английском языках.

Контрольный перечень действующих Циркуляров издается в виде Циркуляра один раз в год.

3.5 NOTAM and PIB.

3.5.1 NOTAM are issued in five series: A, O, P, V and S. Series A.

Series A NOTAM contain information about general rules of en-route navigation and communication facilities, restrictions of a permanent nature in the Russian Federation airspace and information relating to the international aerodromes of the Russian Federation.

Series O.

Series O NOTAM contain information about general rules of en-route navigation and communication facilities, airspace restrictions in the Republic of Tajikistan and Turkmenistan and information relating to the international aerodromes of these states.

Series P.

Series P NOTAM contain information about temporary restrictions (prohibited, danger and restricted areas, restrictions on ATS routes, navigation warnings) in the airspace of the following FIR of the Russian Federation: UEEE, UELL, UEMO, UERP, UERR, UEST, UHHH, UHMM, UHPD, UHPK, UHPM, UHPP, UIAA, UIII, UNKL, UNNT, UOOO, USCC, USCM, USDD, USDK, USDS, USKK, USPP, USSS, USTR.

Series V.

Series V NOTAM contain information about temporary restrictions (prohibited, danger and restricted areas, restrictions on ATS routes, navigation warnings) in the airspace of the following FIR of the Russian Federation: ULAA, ULAM, ULKK, ULLL, ULMM, ULWW, UMKK, URRV, UUWV, UUYV, UWKD, UWWW.

Series S (SNOWTAM).

Series S NOTAM (SNOWTAM) contain information about snow, slush, ice or standing water in the aerodrome movement areas. SNOWTAM are issued in the format of the ICAO Annex 15 and with common serial numbers for all aerodromes published in the present AIP for the season from October 15 up to April 15 as in accordance with the Snow Plan annually published and distributed as the Aeronautical Information Circular.

The maintenance procedures for the aerodrome movement areas are given in AD part of the present AIP.

3.5.2 Pre-flight information bulletin (PIB) - a presentation of current NOTAM information of operational significance, prepared prior to flight, is available at the aerodrome units providing with aeronautical information.

3.6 Aeronautical Information Circulars.

Aeronautical Information Circular is a notice containing information that does not qualify for the origination of a NOTAM or for inclusion in the AIP, but which relates to flight safety, air navigation, technical, administrative or legislative matters.

AIC are published in Russian and English.

A checklist of current AIC is published as AIC once a year.

3.7 Контрольный перечень и перечень действующих NOTAM.

Контрольный перечень действующих NOTAM рассылается в виде NOTAM по каналам AFTN ежемесячно.

Перечень действующих NOTAM на русском и английском языках на дату AIRAC размещается на сайте ФГУП «ЦАИ» <http://www.caica.ru>.

В перечне действующих NOTAM представлены тексты всех действующих NOTAM на момент его издания и информация о номерах последних изданных поправок к АИП России, циркуляров аэронавигационной информации, контрольный перечень действующих дополнений к АИП России.

3.8 Продажа изданий.

Объединенный пакет аэронавигационной информации или отдельные элементы пакета могут быть заказаны в ФГУП «ЦАИ».

3.8.1 Заказы направлять по адресу, указанному в п. 1.2 настоящего раздела.

3.8.2 Подписка оформляется:

- для служб аэронавигационной информации иностранных государств в соответствии с п.п. 3.3.1 и 3.3.5 Приложения 15 ICAO бесплатно на взаимной основе. Дополнительные экземпляры объединенного пакета аэронавигационной информации приобретаются за оплату;
- для других заинтересованных органов, служб, авиакомпаний, авиапредприятий и организаций подписка оформляется за оплату.

Стоимость изданий и обслуживания на текущий календарный год публикуется в соответствующем циркуляре аэронавигационной информации.

4. СИСТЕМА AIRAC.

Система, предназначенная для заблаговременного уведомления об обстоятельствах, которые вызывают необходимость внесения значительных изменений в эксплуатационную практику на основании общих дат вступления в силу.

Даты представления информации в ФГУП «ЦАИ», даты публикации и ввода поправок к АИП России книга 1 в действие публикуются ежегодно в соответствующем циркуляре аэронавигационной информации.

5. ПРЕПОЛЕТНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НА АЭРОДРОМАХ.

Главный оператор аэропорта организует предоставление экипажам воздушных судов аэронавигационной и метеорологической информации при подготовке к полету (далее - брифинг).

Брифинг аэропорта производится по запросам эксплуатантов или КВС и включает в себя:

- ведение документов аэронавигационной информации;
- обеспечение хранения, приема и выдачи документов аэронавигационной информации экипажам воздушных судов;
- учет, контроль издания и достоверности информации, которая доводится посредством NOTAM;
- получение, обработку и хранение аэронавигационной информации по районам полетной информации (районам ОВД) и гражданским аэродромам на территории Российской Федерации;
- предоставление экипажу воздушного судна аэронавигационной информации по аэродромам вылета, назначения, запасным и районам полетной информации (районам ОВД), через которые пролегает маршрут полета;

3.7 Checklist and list of valid NOTAM.

A checklist of valid NOTAM is issued monthly as NOTAM via AFTN.

On AIRAC date a plain-language list of valid NOTAM in Russian and English is placed on the FSUE «CAI» web site <http://www.caica.ru>.

The list of valid NOTAM contains the texts of all valid NOTAM for the moment of its publication and information about the numbers of latest published AIP Amendments, AIC and checklist of valid AIP Supplements.

3.8 Sale of Publications.

The Integrated Aeronautical Information Package or its separate documents can be ordered in FSUE «CAI».

3.8.1 The orders should be directed to the address indicated in para 1.2 of the present section.

3.8.2 The said publications can be obtained:

- as free on reciprocal basis for Aeronautical Information Services of foreign states as in accordance with para 3.3.1 and 3.3.5 of the ICAO Annex 15. Additional copies of the Integrated Aeronautical Information Package must be paid;
- as paid subscription for other concerned units, services, airlines and organizations.

Purchase prices of publications and service for the current calendar year are published in the appropriate Aeronautical Information Circular.

4. AIRAC SYSTEM.

The system designated for timely notice about the circumstances which cause the necessity to enter the significant changes into the operational practice on the basis of the common entry dates.

The dates of submission the information to FSUE «CAI», dates of publication and effective dates of the amendments to the AIP of Russia Book 1 are published annually in the appropriate Aeronautical Information Circular.

5. PRE-FLIGHT INFORMATION SERVICE AT AERODROMES

The main airport operator shall organize provision of ACFT crews with the aeronautical and meteorological information during pre-flight preparation (hereafter - briefing).

Briefing at airport is available by the request of the operators or pilot-in-command and includes the following:

- filing the aeronautical information documents;
- provision of storage, accepting/giving out of aeronautical information documents from/to ACFT crews;
- monitoring, publication control and authenticity control of the information promulgated by NOTAM;
- obtaining, processing and storage of the aeronautical information on flight information regions (ATS areas) and civil aerodromes on the territory of the Russian Federation;
- provision of ACFT crews with the aeronautical information on departure, destination and alternate aerodromes and on flight information regions (ATS areas) through which the flight route to be passed;

- взаимодействие с метеорологической службой (метеорологическими подразделениями аэропорта);
- прием у экипажа воздушного судна или представителя эксплуатанта плана полета и передачу его по каналам связи органу ЕС ОрВД;
- рассылку специальных сообщений, связанных с выполнением полета;
- согласование переноса времени вылета, задержек рейсов и других оперативных вопросов и передачу соответствующей информации службам аэропорта.

6. ЭЛЕКТРОННЫЕ ДАННЫЕ О МЕСТНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯХ.

Аэронавигационные данные о препятствиях (высотных объектах строительства) Российской Федерации опубликованы в электронном виде в Сборнике аэронавигационных данных об искусственных препятствиях (высотных объектах строительства) Российской Федерации, который можно получить по адресу:

ФГУП «Центр аэронавигационной информации»
Россия, 125364, г. Москва, ул. Свободы, 67
Телефон: +7 (499) 492-31-31
Факс: +7 (495) 948-59-09
AFTN: УУУУЫОЫЬ
E-mail: office@caica.ru;

а также на официальном сайте ФГУП «Центр аэронавигационной информации» - www.caica.ru в разделе «Документы аэронавигационной информации».

- cooperation with the meteorological service (airport meteorological units);
- accepting the flight plan from the ACFT crew or the representative of the operator and transmitting it via the communication channels to ATM unit;
- sending the special messages connected with the conducting of flight;
- coordination concerning change of departure time, flight delays and other operative issues and transmitting the respective data to the airport services.

6. ELECTRONIC TERRAIN AND OBSTACLE DATA.

Air navigation obstacle data (high-altitude construction objects) of the Russian Federation are published in the electronic format in the Air Navigation Obstacle Data Manual of the Russian Federation which may be obtained from:

FSUE "Aeronautical Information Centre",
67, Svobody str, Moscow, 125364, Russia
Telephone: +7 (499) 492-31-31
Fax: +7 (495) 948-59-09
AFTN: UUUUYOYX
E-mail: office@caica.ru;

and also from the official website of FSUE "Centre of Aeronautical Information" www.caica.ru in the section "Aeronautical Information Documents".

Annex 33

AIP, ENR 3.1.1 “International airways of the Russian Federation”

**ENR 3 МАРШРУТЫ ОВД
ATS ROUTES****ENR 3.1 МАРШРУТЫ ОВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.
ATS ROUTES OF THE RUSSIAN FEDERATION.****ENR 3.1.1 ВОЗДУШНЫЕ ТРАССЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
ОТКРЫТЫЕ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЛЕТОВ.
INTERNATIONAL AIRWAYS OF THE RUSSIAN FEDERATION.**

Обозначение маршрута Название основных точек Координаты Route designator Name of significant points Coordinates	МПУ Расстояние MAG TRACK DIST (km)	Верхняя граница Нижняя граница Минимальная абсолютная высота Классификация ВП Upper limits Lower limits MNM flight altitude Airspace classification		Ши- рина Width (km)	Направление крейсерских эшелонов Direction of cruising levels		Примечания Диспетчерский орган Частота Remarks Controlling unit Frequency
		нечет. ODD	чет. EVEN				
1	2	3		4	5		6
A 28 ▲ TIRAS 522100N 0331836E △ REPNA 525841N 0335605E ▲ BANIP 531247N 0341035E							For continuation, see AIP Ukraine
	023° 82	<u>FL080</u> FL050	<u>FL100⁽¹⁾</u> FL090 <u>FL530</u> FL110 600 m	10	↓		Moscow ACC FREQ: 132.200 MHz
	024° 31	<u>FL530</u> FL090 800 m					

Note:

Эшелоны ⁽¹⁾ используются по согласованию с органом ОВД.
Flight levels ⁽¹⁾ are AVBL on co-ordination with ATC unit.

AIP
RUSSIA

BOOK 1

ENR 3.1.1-3
26 JUN 14

1	2	3	4	5	6
A 80					For continuation, see AIP Azerbaijan
▲ GIPAR 411306N 0473512E	024°/205° 114	<u>FL430</u> FL200 5700 m	10	↓	Rostov ACC FREQ: 127.900 MHz
△ NESAD 420559N 0481655E	043°/223° 28	<u>FL430</u> FL160 2100 m			
▲ AGATO 421559N 0483219E	042°/223° 105			↑	
▲ PIKAN 425300N 0493000E					For continuation, see AIP Kazakhstan
A 87					For continuation, see AIP Ukraine
▲ TAMAK 475124N 0391306E	108° 110	<u>FL530</u> FL190	10	↓	Rostov ACC FREQ: 133.600 MHz 135.400 MHz
▲ SARNA 472553N 0403200E	108° 55				Rostov ACC FREQ: 133.300 MHz
▲ BANPA 471257N 0411051E	109° 179	<u>FL170</u> ⁽¹⁾ FL110			
▲ TIKNA 462847N 0431548E	102° 145	<u>FL530</u> FL190			Rostov ACC FREQ: 118.700 MHz
▲ LUTIN 460147N 0450207E	103° 97				Rostov ACC FREQ: 134.100 MHz
△ TETMA 454300N 0461143E	104° 106				
△ LABUG 452130N 0472731E	105° 175				
▲ AZABI 444424N 0493000E					For continuation, see AIP Kazakhstan

Note:

Эшелоны ⁽¹⁾ используются по согласованию с органом ОВД.
Flight levels ⁽¹⁾ are AVBL on co-ordination with ATC unit.

AIP
RUSSIA

BOOK 1

ENR 3.1.1-7
26 JUN 14

1	2	3	4	5	6
A 97					For continuation, see AIP Ukraine
▲ NALEG 501848N 0362906E	004° 37	<u>FL530</u> FL070 800 m	10	↓	Moscow ACC FREQ: 124.500 MHz
▲ BELIB 503835N 0363524E	013° 84				Belgorod APP FREQ: 133.000 MHz
△ ORTUM 512111N 0370047E	009° 31	<u>FL530</u> FL050 1000 m			
▲ TUMIT 513659N 0370853E					
A 100					
△ MIMRA 485559N 0402454E	186°/006° 94	<u>FL430</u> FL280	10	↓	Rostov ACC FREQ: 133.600 MHz 135.400 MHz
△ RAMOG 480653N 0400706E	186°/006° 99				
Rostov-na-Donu ▲ VOR/DME (RND) 471508N 0394848E	222°/042° 109	<u>FL290⁽¹⁾</u> FL190			Rostov ACC FREQ: 122.500 MHz 130.500 MHz
▲ BEDUS 463623N 0384354E	222°/041° 45	<u>FL430</u> FL300			
△ PILUK 462023N 0381754E	222°/041° 28	<u>FL290⁽¹⁾</u> FL180			Rostov ACC FREQ: 122.900 MHz
▲ ENILO 461029N 0380154E	221°/041° 70	<u>FL170⁽¹⁾</u> FL140			
▲ RIDLA 454459N 0372154E	225° 72	<u>FL320</u> FL180		↑	
▲ ARNAD 452100N 0363848E	271° 125	<u>FL430⁽¹⁾</u> FL300		↓	
▲ Dmitrovka NDB (DM) 452842N 0350316E		900 m			Simferopol ACC FREQ: 134.300 MHz
		<u>FL290⁽¹⁾</u> FL180			
		<u>FL430⁽¹⁾</u> FL300			
		900 m			

Note:

- 1) Эшелоны ⁽¹⁾ используются по согласованию с органом ОВД.
Flight levels ⁽¹⁾ are AVBL on co-ordination with ATC unit.
- 2) ⁽⁸⁾ Высота по давлению QNH.
⁽⁸⁾ Altitude QNH.

AIP
RUSSIA

BOOK 1

ENR 3.1.1-9
26 JUN 14

1	2	3	4	5	6
A 102					For continuation see AIP Kazakhstan
▲ BABUR 452312N 0493000E	281°/099° 199	<u>FL430</u> <u>FL270</u>	10	↓	Rostov ACC FREQ: 134.100 MHz
▲ Zenzeli NDB (UP) 455538N 0470337E	287° 25	<u>FL430</u> <u>FL120</u>		↑	
▲ ABTON 460114N 0464617E	287° 108			↓	
▲ LUGEP 462506N 0452949E	285° 154				Rostov ACC FREQ: 118.700 MHz
▲ BAKAM 465636N 0433752E	284° 43				
▲ SOMRO 470508N 0430557E	284° 78	<u>FL140</u> ⁽¹⁾ <u>FL120</u> <u>FL430</u> <u>FL160</u>			Rostov ACC FREQ: 133.300 MHz
△ TUBNA 472005N 0420811E	283° 42	<u>FL430</u> <u>FL120</u>			
△ OBETI 472757N 0413649E	282° 40				
▲ Konstantinovsk NDB (KA) 473516N 0410654E	286° 20	<u>FL430</u> <u>FL190</u>			
▲ PENEG 473936N 0405222E	286° 41				Rostov ACC FREQ: 133.600 MHz 135.400 MHz
△ ABLOG 474820N 0402234E	286° 22				
▲ Krasny Sulin NDB (KL) 475307N 0400600E	280° 15				
△ DERIB 475535N 0395430E	282° 8				
▲ NALEM 475700N 0394830E					For continuation, see AIP Ukraine

Note:

- 1) Участок BABUR - NDB UP используется ежедневно 2000-0400.
Segment BABUR - NDB UP is AVBL daily 2000-0400.
- 2) Эшелоны ⁽¹⁾ используются по согласованию с органом ОВД.
Flight levels ⁽¹⁾ are AVBL on co-ordination with ATC unit.

ENR 3.1.1-16
26 JUN 14

BOOK 1

AIP
RUSSIA

1	2	3	4	5	6
A 222 (continued)					
△ ROGIS 640943N 0460621E	079°/260° 39	<u>FL100</u> ⁽²⁾ FL060	<u>FL470</u> FL120	10	↓
▲ TIROL 640713N 0465427E	080°/261° 84	1410 m			
▲ TONLO 640055N 0483657E	081°/264° 180	<u>FL510</u> FL060			Sivkar ACC FREQ: 133.300 MHz
△ GIMEN 634306N 0521336E	084°/265° 80	950 m			
▲ Ukhta VORDME (UHT) 633337N 0534737E					↑

Note:

- 1) Эшелоны ⁽¹⁾ используются по согласованию с органом ОВД.
Flight levels ⁽¹⁾ are AVBL on co-ordination with ATC unit.
- 2) Эшелоны ⁽²⁾ только для российских эксплуатантов.
Flight levels ⁽²⁾ are AVBL only for Russian operators.

A 225					For continuation, see AIP Ukraine
▲ GUKOL 481142N 0395636E	115°/295° 9	<u>FL430</u> FL190		10	↓
▲ LATRI 480859N 0400254E	119° 7	<u>FL400</u> FL270			↑
△ RAMOG 480653N 0400706E	119° 76				↓
▲ ODETA 474211N 0405606E	119° 223				Rostov ACC FREQ: 133.300 MHz
▲ TIKNA 462847N 0431548E					
←					

AIP
RUSSIA

BOOK 1

ENR 3.1.1-63
26 JUN 14

1	2	3	4	5	6
A 575 (continued) ▲ NOSPI 534838N 0865240E ▲ LOBIR 531450N 0885740E ▲ Kyzyl DME (KZL) 513526N 0941223E ▲ DARNO 502124N 0981742E					
	107°/290° 152	<u>FL530</u> FL200	20	↓	Novosibirsk ACC FREQ: 125.800 MHz
	110°/297° 402				Krasnoyarsk ACC FREQ: 133.100 MHz
	112°/297° 318	<u>FL530</u> FL160 3520 m			↑
					For continuation, see AIP Mongolia

Note:

Эшелоны (2) только для российских эксплуатантов.
Flight levels (2) are AVBL only for Russian operators.

A 712 ▲ TAMAK 475124N 0391306E ▲ Sambek NDB (SB) 474510N 0394755E					For continuation, see AIP Ukraine
	097° 45	<u>FL260</u> FL190	10	↓	Rostov ACC FREQ: 133.600 MHz 134.400 MHz
A 714 ▲ KOMEK 622518N 0310630E △ KULOR 624830N 0331345E △ SUDEP 625830N 0341309E △ OLBAN 631306N 0354609E ▲ KEGUL 632030N 0363651E △ MOSOR 633654N 0381345E ▲ KUMEN 641700N 0425751E					For continuation, see AIP Finland
	057°/238° 117	FL270 ⁽¹⁾ <u>FL360</u> FL280	10	↓	Peterburg ACC FREQ: 133.600 MHz
	058°/238° 54	<u>FL470</u> ⁽¹⁾ FL370			
	058°/239° 83				
	059°/239° 45				
	055°/236° 86	<u>FL470</u> FL270			
	056°/238° 244				↑
					Arkhangelsk ACC FREQ: 132.150 MHz

Note:

Эшелоны (1) используются по согласованию с органом ОВД.
Flight levels (1) are AVBL on co-ordination with ATC unit.

AIP
RUSSIA

BOOK 1

ENR 3.1.1-141
26 JUN 14

1	2	3	4	5	6
B 145					
▲ GITAL 523142N 0404105E	353° 74	<u>FL270⁽¹⁾</u> <u>FL380</u> <u>FL070</u> <u>FL280</u> <u>FL530⁽¹⁾</u> <u>FL390</u> 900 m	10		Moscow ACC FREQ: 125.200 MHz 119.800 MHz
△ BAGLA 515154N 0403906E	173°/353° 120	<u>FL270⁽¹⁾</u> <u>FL530</u> <u>FL070</u> <u>FL280</u> 900 m		↓	
▲ BUTRI 504700N 0403554E	175°/356° 140	<u>FL170⁽¹⁾</u> <u>FL530</u> <u>FL070</u> <u>FL180</u> 800 m			
▲ KANON 493159N 0402754E	175°/355° 67	FL400 <u>FL170</u> 970 m			Rostov ACC FREQ: 133.600 MHz 135.400 MHz
△ MIMRA 485559N 0402454E	190°/010° 91	<u>FL430</u> <u>FL170</u> 1575 m			
▲ LATRI 480859N 0400254E	195°/015° 27	<u>FL180⁽¹⁾</u> <u>FL430</u> <u>FL130</u> <u>FL190</u> 1575 m			
△ DERIB 475535N 0395430E	196°/016° 21				
▲ Sambek NDB (SB) 474510N 0394755E	146° 86	<u>FL180⁽¹⁾</u> <u>FL430</u> <u>FL130</u> <u>FL190</u> 859 m		↓	
▲ ASMIL 470355N 0401840E	146° 60				Rostov ACC FREQ: 122.500 MHz 130.500 MHz
▲ Yegorlykская NDB (ER) 463507N 0403934E	203°/023° 30	<u>FL330</u> <u>FL150</u> 793 m		↓	
▲ SUDIR 462059N 0402754E	201°/021° 62				
▲ Tikhoretsk NDB (UH) 455107N 0400524E	198°/018° 45	<u>FL330</u> <u>FL210</u> 1020 m			
▲ NOBLO 452855N 0395042E	198°/018° 32				Rostov ACC FREQ: 135.600 MHz
▲ Ust-Labinsk NDB (NZ) 451307N 0394023E					

Note:

Эшелоны (1) используются по согласованию с органом ОВД.
Flight levels (1) are AVBL on co-ordination with ATC unit.

ENR 3.1.1-234
26 JUN 14

BOOK 1

AIP
RUSSIA

1	2	3	4	5	6
B 491 (continued) ▲ URULA 444835N 0383754E ▲ GINEP 445559N 0374848E ▲ ANAKA 450008N 0372050E △ LIMAN 450408N 0365952E ▲ PALER 450912N 0363242E					
	276°/095° 66	<u>FL270⁽¹⁾</u> <u>FL330</u> FL170 FL280 <u>FL430⁽¹⁾</u> FL340 1500 m	10	↓	Rostov ACC FREQ: 122.900 MHz
	276°/095° 38	<u>FL270⁽¹⁾</u> <u>FL330</u> FL170 FL280 <u>FL430⁽¹⁾</u> FL340 1150 m			
	279°/099° 29	<u>FL330</u> <u>FL430⁽¹⁾</u> FL170 FL340 1100 m			
	279°/098° 37	<u>FL330</u> <u>FL430⁽¹⁾</u> FL170 FL340 800 m		↑	

Note:

Эшелоны ⁽¹⁾ используются по согласованию с органом ОВД.
 Flight levels ⁽¹⁾ are AVBL on co-ordination with ATC unit.

B 493 ▲ FASAD 473318N 0381848E Rostov-na-Donu ▲ VORDME (RND) 471508N 0394848E ▲ OGURA 470729N 0402654E ▲ GINSA 465905N 0410530E △ ARLEB 464647N 0420000E △ USEMA 464159N 0422030E ▲ TIKNA 462847N 0431548E					For continuation, see AIP Ukraine
	099°/280° 118	<u>FL260⁽¹⁾</u> FL530 FL150 FL270	10	↓	Rostov ACC FREQ: 133.600 MHz 135.400 MHz
	099° 50			↑	
	100° 51			↓	
	101° 73	<u>FL260⁽¹⁾</u> <u>FL530</u> FL110 FL270			Rostov ACC FREQ: 133.300 MHz
	101° 28	<u>FL180⁽¹⁾</u> <u>FL530</u> FL110 FL190			
	101° 74				

Note:

Эшелоны ⁽¹⁾ используются по согласованию с органом ОВД.
 Flight levels ⁽¹⁾ are AVBL on co-ordination with ATC unit.

ENR 3.1.1-286
26 JUN 14

BOOK 1

AIP
RUSSIA

1	2	3	4	5	6
B 947					For continuation, see AIP Ukraine
▲ TAMAK 475124N 0391306E	139°/319° 81	<u>FL320⁽¹⁾</u> FL130	FL530 FL330	10	↓
Rostov-na-Donu		1950 m			Rostov ACC FREQ: 135.400 MHz
▲ VORDME (RND) 471508N 0394848E	131°/312° 98				Rostov ACC FREQ: 122.500 MHz 130.500 MHz
▲ Yegorlykская NDB (ER) 463507N 0403934E	138°/318° 104	<u>FL150⁽¹⁾</u> FL060	<u>FL330</u> FL160 <u>FL530⁽¹⁾</u> FL340		
▲ KULOM 454859N 0412554E	138°/318° 38	<u>FL330</u> FL060	<u>FL530⁽¹⁾</u> FL340		
▲ PARAT 453159N 0414254E	139°/320° 56				↑ Rostov ACC FREQ: 126.100 MHz
▲ TESMI 450633N 0420645E	152° 32		<u>FL530</u> FL070 1450 m		↓
▲ BUKOD 445032N 0421520E	152° 31		<u>FL530</u> FL070 1500 m		
▲ OTMOK 443440N 0422347E	153° 46				
▲ ABELA 441129N 0423601E	150° 37		<u>FL530</u> FL100 2050 m		
△ OGMAL 435313N 0424659E	150° 51		<u>FL530</u> FL170 4350 m		
▲ UGADA 432759N 0430155E	155° 55		<u>FL400</u> FL210 5850 m		
△ LODNA 425942N 0431449E	154° 9				
▲ GUSLI 425506N 0431706E					

Note:

Эшелоны ⁽¹⁾ используются по согласованию с органом ОВД.
Flight levels ⁽¹⁾ are AVBL on co-ordination with ATC unit.

ENR 3.1.1-330
26 JUN 14

BOOK 1

AIP
RUSSIA

1	2	3	4	5	6
G 118					
▲ Yegorlykская NDB (ER) 463507N 0403934E	338°/158° 62	FL430 FL190	10	↓	Rostov ACC FREQ: 122.500 MHz 130.500 MHz
▲ OGURA 470729N 0402654E	336°/155° 23				
▲ Bagayevskiy NDB (BA) 471916N 0402134E	335°/155° 66				Rostov ACC FREQ: 133.600 MHz 135.400 MHz
▲ Krasny Sulin NDB (KL) 475307N 0400600E	345°/165° 30			↑	
▲ LATRI 480859N 0400254E					
G 119					
▲ BANOT 594037N 1490849E	142°/323° 77	FL530 FL070 1700 m	20	↓	Magadan ACC FREQ: 135.600 MHz
△ ABRIN 591313N 1501025E	143°/323° 73				
△ RUDNA 584707N 1510643E	143°/323° 82				
△ DIPMA 581701N 1520849E	143°/323° 24				
△ BAMUN 580808N 1522641E	143°/323° 22				
△ TISUR 580001N 1524249E	144°/324° 49				
▲ AMASA 574143N 1531813E	144°/324° 79	FL530 FL070 600 m			Petropavlovsk ACC FREQ: 134.300 MHz 11327, 8822, 6631, 3413 kHz
△ OTLIM 571155N 1541419E				↑	

AIP
RUSSIA

BOOK 1

ENR 3.1.1-345
26 JUN 14

1	2	3	4	5	6
G 247					
△ MIMRA 485559N 0402454E	173°/354° 125	FL430 FL270	10	↓	Rostov ACC FREQ: 133.600 MHz 135.400 MHz
△ ABLOG 474820N 0402234E	174°/354° 54			↑	
▲ Bagayevskiy NDB (BA) 471916N 0402134E	196° 30	<u>FL430</u> <u>FL280</u>		↓	
▲ OLBUR 470419N 0401155E	196° 172				Rostov ACC FREQ: 122.500 MHz 130.500 MHz
▲ BALEG 453911N 0391906E	196° 106				Rostov ACC FREQ: 135.600 MHz
▲ Smolenskaya NDB (SM) 444628N 0384804E					
←					
G 350					
▲ Karmanovo NDB (BG) 555000N 0345135E	274° 92	<u>FL530</u> <u>FL050</u> 1000 m	10	↓	Moscow ACC FREQ: 125.500 MHz
▲ MITMU 560117N 0332552E	274° 84				
△ OLMET 561041N 0320704E	273° 71				
▲ AMDOR 561759N 0305952E					

ENR 3.1.1-486
26 JUN 14

BOOK 1

AIP
RUSSIA

1	2	3	4	5	6
R 114					For continuation see AIP Ukraine
▲ NALEM 475700N 0394830E	322° 81	FL430 FL280	10	↑	Rostov ACC FREQ: 133.600 MHz 135.400 MHz
▲ Bagayevskiy NDB (BA) 471916N 0402134E	186°/006° 29	<u>FL260⁽¹⁾</u> FL190		↓	
▲ GODLI 470403N 0401622E	186°/006° 141	<u>FL400</u> FL270			Rostov ACC FREQ: 122.500 MHz 130.500 MHz
△ RINEK 454941N 0395148E	186°/006° 36	<u>FL260⁽¹⁾</u> FL060			
▲ UNEPA 453029N 0394530E	185°/005° 33	<u>FL400</u> FL270		↑	Rostov ACC FREQ: 135.600 MHz
▲ Ust-Labinsk NDB (NZ) 451307N 0394023E	188°/008° 29	<u>FL400</u> FL270		↓	
		<u>FL260</u> FL170		↑	
▲ Ryazanskaya NDB (XT) 445744N 0393435E	181°/003° 49	<u>FL400</u> FL270		↓	
		<u>FL260</u> FL170		↑	
△ LEKPI 443129N 0392842E	181°/001° 18	<u>FL400</u> FL270		↓	
		<u>FL260</u> FL170		↑	
▲ MOLIK 442159N 0392654E	184°/004° 51	<u>FL410</u> FL270		↓	
		<u>FL260</u> FL090 2240 m		↑	
▲ Lazarevskoye NDB (LA) 435437N 0392016E	192°/012° 65	<u>FL410</u> FL210 600 m		↓	Rostov ACC FREQ: 127.500 MHz
▲ LAMET 432059N 0390519E	163°/343° 76			↑	
				↓	
				↑	

ENR 3.1.1-406
26 JUN 14

BOOK 1

AIP
RUSSIA

1	2	3	4	5	6
G 534					
△ MIMRA 485559N 0402454E	220°/040° 25	FL300 FL170	10	↓	Rostov ACC FREQ: 133.600 MHz 135.400 MHz
△ TURIM 484659N 0400954E	214°/034° 27	<u>FL300</u> FL140			
△ NATUM 483559N 0395454E	196°/015° 10	<u>FL300</u> FL120		↑	
▲ TOROS 483106N 0395148E					For continuation, see AIP Ukraine
G 540					
▲ Ufa VORDME (RG) 543222N 0555313E	059° 41	<u>FL510</u> <u>FL090</u> 1755 m	10	↓	Samara ACC FREQ: 132.500 MHz
△ AGLOT 543913N 0562924E	058° 43				
△ ASPUM 544642N 0570706E	059° 78				
▲ URANA 545919N 0581642E	061° 94	<u>FL530</u> FL110 1800 m			Chelyabinsk ACC FREQ: 125.400 MHz
△ LANTO 551301N 0594155E	103° 108	<u>FL530</u> FL270			
▲ DIMOR 544701N 0611249E	104° 80				Chelyabinsk ACC FREQ: 133.200 MHz
△ GUPRI 542701N 0621855E					

AIP
RUSSIA

BOOK 1

ENR 3.1.1-447
26 JUN 14

1	2	3	4	5	6
G 902 (continued)					
▲ ABAGO 561731N 1441418E	261° 86	<u>FL510</u> FL280 600 m	20	↓	Khabarovsk ACC FREQ: 119.500 MHz 133.600 MHz
△ LADES 555958N 1425700E	260° 98				
△ RALOD 553906N 1413040E	259° 99				
△ GITAK 551707N 1400520E					
G 903					
▲ Uelkal NDB (NB) 653140N 1791737W	268°/086° 250	<u>FL530</u> FL280	20	↓	Magadan ACC FREQ: 133.000 MHz
△ LASBA 653143N 1751829E	267°/086° 154				
▲ LORKI 652706N 1715953E	273°/092° 155	<u>FL530</u> FL270			Magadan ACC FREQ: 133.700 MHz
△ RUDID 652810N 1683905E	272°/091° 168				
▲ LUROG 652452N 1650141E	271°/090° 210				Magadan ACC FREQ: 133.200 MHz
▲ OSKON 651419N 1603240E				↑	
G 904					
▲ FASAD 473318N 0381848E	071°/252° 114	<u>FL260</u> ⁽¹⁾ FL150	10	↓	Rostov ACC FREQ: 133.600 MHz 135.400 MHz
▲ Sambek NDB (SB) 474510N 0394755E	049°/229° 27	<u>FL530</u> FL270			
▲ Krasny Sulin NDB (KL) 475307N 0400600E	060°/240° 36				
▲ SUTAG 480035N 0403300E	060°/241° 100	<u>FL280</u> ⁽¹⁾ FL270			Rostov ACC FREQ: 125.500 MHz
▲ Morozovsk VORDME (MOR) 482030N 0414801E		<u>FL530</u> FL290		↑	

Note:

Эшелоны (1) используются по согласованию с органом ОВД.
Flight levels (1) are AVBL on co-ordination with ATC unit.

ENR 3.1.1-486
26 JUN 14

BOOK 1

AIP
RUSSIA

1	2	3	4	5	6
R 114					For continuation see AIP Ukraine
▲ NALEM 475700N 0394830E	322° 81	FL430 FL280	10	↑	Rostov ACC FREQ: 133.600 MHz 135.400 MHz
▲ Bagayevskiy NDB (BA) 471916N 0402134E	186°/006° 29	<u>FL260⁽¹⁾</u> FL190		↓	
▲ GODLI 470403N 0401622E	186°/006° 141	<u>FL400</u> FL270			Rostov ACC FREQ: 122.500 MHz 130.500 MHz
△ RINEK 454941N 0395148E	186°/006° 36	<u>FL260⁽¹⁾</u> FL060			
▲ UNEPA 453029N 0394530E	185°/005° 33	<u>FL400</u> FL270		↑	Rostov ACC FREQ: 135.600 MHz
▲ Ust-Labinsk NDB (NZ) 451307N 0394023E	188°/008° 29	<u>FL400</u> FL270		↓	
		<u>FL260</u> FL170		↑	
▲ Ryazanskaya NDB (XT) 445744N 0393435E	181°/003° 49	<u>FL400</u> FL270		↓	
		<u>FL260</u> FL170		↑	
△ LEKPI 443129N 0392842E	181°/001° 18	<u>FL400</u> FL270		↓	
		<u>FL260</u> FL170		↑	
▲ MOLIK 442159N 0392654E	184°/004° 51	<u>FL410</u> FL270		↓	
		<u>FL260</u> FL090 2240 m		↑	
▲ Lazarevskoye NDB (LA) 435437N 0392016E	192°/012° 65	<u>FL410</u> FL210 600 m		↓	Rostov ACC FREQ: 127.500 MHz
▲ LAMET 432059N 0390519E	163°/343° 76			↑	
				↓	
				↑	

Annex 34

Telegram from the Southern Interregional Territorial Department of
FATA, 12 July 2014

Translation**Telegram from the Southern Interregional Territorial Department of Rosaviatsiya**

GG URRZhZDZ'

121250 URRUZ'UZh

DUE TO A TENSE SITUATION NEAR THE BORDER WITH UKRAINE AND TO THE FACT THAT THE UKRAINIAN ARMED FORCES USE VARIOUS WEAPONS, I HEREBY SUGGEST:

1. THAT THE AIR TRAFFIC MANAGEMENT AUTHORITIES INFORM FLIGHT CREWS ABOUT A POSSIBLE RISK TO FLIGHT OPERATIONS ON RTE SEGMENTS B145, B947, G118, G534, R114, A87, A100, A102, A235.

2. TO ENSURE FLIGHT SAFETY, NOT TO USE THE FLIGHT LEVEL FROM 0 TO 200 (UP TO 6,100 METRES) ON RTE SEGMENTS: A87 TAMAK – SARNA, A100 MIMRA – ROSTOV-NA-DONU (RND), A102 ABLOG – NALEM, A225 GUKOL – ODETA, A712 TAMAK – SAMBEK, B145 MIMRA – GEKRA, B493 FASAD – RND, B947 TAMAK – RND, G118 RAMOG – BAGAYEVSKIY (BA), G534 MIMRA – TOROS, G904 SABMEK – FASAD, R114 BAGAYEVSKIY (BA) – DERIB.

3. THAT THE AIR TRAFFIC MANAGEMENT AUTHORITIES OF THE ROSTOV ZONE OF THE UNIFORM AIR TRAFFIC MANAGEMENT SYSTEM IMMEDIATELY REPORT ALL BREACHES AND FAILURES IN FLIGHT OPERATIONS AND AIR NAVIGATION SERVICE TO THE SOUTHERN INTERREGIONAL TERRITORIAL DEPARTMENT OF ROSAVIATSIYA: TEL. 8-861-269-65-85, TEL/FAX 8-861-272-66-92, 8-928-602-49-45, DSUUGMTU.FAVT.RU, AFTN-URRUZ'U', HEAD OF THE SOUTHERN INTERREGIONAL TERRITORIAL DEPARTMENT OF ROSAVIATSIYA V.S. ISAEV

Annex 35

Submission of a NOTAM to the Federal State Unitary Enterprise “State Air Traffic Management Corporation of the Russian Federation” for Issuance, 16 July 2014

Translation**Submission of a NOTAM to the Federal State Unitary Enterprise “State Air Traffic Management Corporation of the Russian Federation” for Issuance**

FF UUUUYNV’

161357 UUBTsPTsO

PLEASE ISSUE NOTAM SERIES A, F, M, C WITH EFFECT FROM 17 JULY 2014 AND THE FOLLOWING INFORMATION:

DUE TO COMBAT ACTIONS ON THE TERRITORY OF THE UKRAINE NEAR THE STATE BORDER WITH THE RUSSIAN FEDERATION (MOSCOW AND ROSTOV FIRs) AND THE FACTS OF FIRING FROM THE TERRITORY OF THE UKRAINE TOWARDS THE TERRITORY OF RUSSIAN FEDERATION, TO ENSURE INTL FLT SAFETY STARTING FROM 00:00 UTC ON 17 JUL 2014:

1. ATS RTE SEGMENTS CLSD AS FLW FROM GROUND LEVEL TO FL320 (9,750 M) INCLUSIVELY IN THE ROSTOV FIR:

A100 MIMRA – ROSTOV-NA-DONU VOR/DME (RND),

B145 KANON – ASMIL,

G247 MIMRA – BAGAYEVSKIY NDB,

A87 TAMAK – SARNA,

A102 PENEG – NALEM,

A225 GUKOL – ODETA,

A712 TAMAK – SAMBEK

B493 FASAD – ROSTOV-NA-DONU VOR/DME (RND),

B947 TAMAK – ROSTOV-NA-DONU VOR/DME (RND),

G118 LATRI – BAGAYEVSKIY NDB,

G534 MIMRA – TOROS,

G904 FASAD – SUTAG,

R114 BAGAYEVSKIY NDB – NALEM.

DEP FM/ARR TO ROSTOV-NA-DONU AD TO/FM MOSCOW FIR CARRIED OUT ALONG ATS RTE G128 (KONSTANTINOVSK NDB (KA) - MOROZOVSK VOR/DME (MOR) AND R11 MOROZOVSK VOR/DME (MOR) - BUTRI ON ASSIGNED FL.

DEP FM ROSTOV-NA-DONU AD TO DNEPROPETROVSK FIR CARRIED OUT ALONG
ATS RTE A102 (KONSTANTINOVSK NDB (KA) - NALEM ON FL340 AND ABOVE.

//END OF PART 01//

FF UUUUYNV'

161357 UUBTsPTsO

ARR TO ROSTOV-NA-DONU AD FM DNEPROPETROVSK FIR CARRIED OUT ALONG
ATS RTE A712 (TAMAK - SAMBEK NDB (SB) THEN DCT KONSTANTINOVSK (KA))
ON FL330 AND ABOVE.

2. ATS RTE CLOSED FROM GROUND LEVEL TO FL200 (6,100 M) INCLUSIVELY IN
THE MOSCOW FIR:

A493 LIRSI – LEMBO

G915 AGNIN – FORMA

A131 BODRO – FORMA

A236 LULED – LUMAT

R371 LUMAT – LEMBO

R371 BELIB – KUBOK

G372 BODRO – BELIB

A97 TUMIT – NALEG

R363 ANIGI – KUBOK

R368 SOMUM – KUBOK

A279 RASAP – KUBOK

B921 ROGLA – GOBUN

B110 RASAP – GOBUN

G476 RASAP – MASOL

R374 TUMIT – KANON

B231 TERBUNY – KANON

R808 KOROT – KANON

B145 BUTRI – KANON

//END OF PART 02/02//

Annex 36

NOTAM V6158/14, 16 July 2014

NOTAM V6158/14 (English)

(V6158/14 NOTAMN

Q)URRV/QARLC/IV/NBO/E/000/530/4818N04023E095

A)URRV B)1407170000 C)1408312359 EST

E)DUE TO COMBAT ACTIONS ON THE TERRITORY OF THE UKRAINE NEAR THE STATE BORDER WITH THE RUSSIAN FEDERATION AND THE FACTS OF FIRING FROM THE TERRITORY OF THE UKRAINE TOWARDS THE TERRITORY OF RUSSIAN FEDERATION, TO ENSURE INTL FLT SAFETY, ATS RTE SEGMENTS CLSD AS FLW:

A100 MIMRA - ROSTOV-NA-DONU VOR/DME (RND),

B145 KANON -ASMIL,

G247 MIMRA - BAGAYEVSKIY NDB (BA),

A87 TAMAK - SARNA,

A102 PENEG- NALEM,

A225 GUKOL - ODETA,

A712 TAMAK- SAMBEK NDB (SB),

B493 FASAD- ROSTOV-NA-DONU VOR/DME (RND),

B947 TAMAK - ROSTOV-NA-DONU VOR/DME (RND),

G118 LATRI - BAGAYEVSKIY NDB (BA),

G534 MIMRA - TOROS,

G904 FASAD- SUTAG,

R114 BAGAYEVSKIY NDB (BA)-NALEM.

SFC - FL320.

DEP FM/ARR TO ROSTOV-NA-DONU AD TO/FM MOSCOW FIR CARRIED OUT ALONG ATS RTE G128 KONSTANTINOVSK NDB (KA) - MOROZOVSK VOR/DME (MOR) AND R11 MOROZOVSK VOR/DME (MOR) - BUTRI ON ASSIGNED FL.

DEP FM ROSTOV-NA-DONU AD TO DNEPROPETROVSK FIR CARRIED OUT ALONG ATS RTE A102 KONSTANTINOVSK NDB (KA)-NALEM ON FL340 AND ABOVE.

ARR TO ROSTOV-NA-DONU AD FM DNEPROPETROVSK FIR CARRIED OUT ALONG ATS RTE A712 TAMAK - SAMBEK NDB (SB) THEN DCT KONSTANTINOVSK NDB (KA) ON FL330 AND ABOVE.

F)SFC G)FL530)

NOTAM V6158/14 (Russian)

(Ж6158/14 НОТАМН

Щ)УРРЖ/ЩАРЛЦ/ИЖ/НБО/Е/000/530/4818С04023В095 А)УРРЖ Б)1407170000

Ц)1408312359 РАС4

E)В СВЯЗИ С ПРОВЕДЕНИЕМ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ ВБЛИЗИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ, А ТАКЖЕ НАЛИЧИЕМ ФАКТОВ ОБСТРЕЛА РОССИЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ С ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ, В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЕТОВ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ АЭРОНАВИГАЦИИ ЗАКРЫТЫ ВОЗДУШНЫЕ ТРАССЫ НА УЧАСТКАХ:

A100 MIMRA - ROSTOV-NA-DONU VOR/DME (RND),

B145 KANON - ASMIL,

G247 MIMRA - BAGAYEVSKIY NDB (BA),

A87 TAMAK - SARNA,

A102 PENEG - NALEM,

A225 GUKOL - ODETA,

A712 ТАМАК- SAMBEK NDB (SB),
B493 FASAD - ROSTOV-NA-DONU VOR/DME (RND),
B947 ТАМАК - ROSTOV-NA-DONU VOR/DME (RND),
G118 LATRI - BAGAYEVSKIY NDB (BA),
G534 MIMRA - TOROS,
G904 FASAD - SUTAG,
R114 BAGAYEVSKIY NDB (BA) - NALEM.

SFC - FL320.

ВЫХОД/ПОДХОД С/НА АД РОСТОВ-НА-ДОНУ В/ИЗ РПИ МОСКВА ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ПО МАРШРУТАМ ОБД G128 KONSTANTINOVSK NDB (KA)- MOROZOVSK VOR/DME (MOR) И R11 MOROZOVSK VOR/DME (MOR) - BUTRI НА УСТАНОВЛЕННЫХ ЭШЕЛОНАХ ПОЛЕТА.

ВЫХОД С АД РОСТОВ-НА-ДОНУ В РПИ ДНЕПРОПЕТРОВСК ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ПО МАРШРУТУ ОБД A102 KONSTANTINOVSK NDB (KA) - NALEM НА ЭШЕЛОНАХ ПОЛЕТА FL340 И ВЫШЕ.

ПОДХОД НА АД РОСТОВ-НА-ДОНУ ИЗ РПИ ДНЕПРОПЕТРОВСК ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ПО МАРШРУТУ ОБД A712 ТАМАК - SAMBEK NDB (SB) ДАЛЕЕ ПРЯМО НА KONSTANTINOVSK NDB (KA) НА ЭШЕЛОНАХ ПОЛЕТА FL330 И ВЫШЕ.
Ф)ПОВЕРХНОСТЬ Г)ЭШ530)

Annex 37

Main ATM Centre: Information on Flights JAI119, SIA323, KZR904,
SIA25, AUA659, UAE242, UDN703, flying on 17 July 2014

INFORMATION ON FLIGHT JAI119

RECEIVED FPL 170543 17/07/2014 5:50:02 MЦB938 VABBJETX KATYA
17/07/2014 5:50:57 96806549

ZCZC MCW938 0550
FF UUUWZDZX
170543 VABBJETX
(FPL-JAI119-IS
-B77W/H-SDFGHIJ1J5RWXYZ/LB1D1
-EGLL0830
-N0490F310 DCT BPK Q295 DAGGA UQ295 CLN UL620 ARNEM UP147
RKN UL980 SUI L980 LDZ M70 TOLPA/N0487F330 M70 BEMBI L980
TAMAK/K0908F330 A87 TIKNA/K0911F310 A87 BALIG/K0921F330 A87
ASB G775 ORPAB/N0498F330 G775 MSD A416 SOKAM/N0498F350 UL333
SERKA N636 NH N893 VASLA G210 BOFIN/N0496F340 DCT
-VABB0819 VAAH
-PBN/A1B1D1O1S1 COM/TCAS DAT/SVH DOF/140717 REG/VTJEQ
EET/EHAA0019 EDVV0039 EDUU0057 EPWW0113 UKLV0156 UKBV0216
UKDV0246 URRV0316 URWW0335 URWA0346 UATE0409 UTAK0432 UTAA0453
OIIX0511 OAKX0543 OPKR0623 VABF0706
SEL/ERAG OPR/JET AIRWAYS
RIF/NH DCT GD DCT OOMS)
-E/1011 P/O R/VE A/WHITE/BLUE/YELLOW C/K. DRIVER P
NNNN

SENT PLN 170550 17/07/2014 5:50:55 MЦB508 УУУВЗДЗЪ KATYA
17/07/2014 5:50:55 96806595

FF URRVZDZX
170550 UUUWZDZX
(PLN-JAI119-IS
-B77W/H-SDFGHIJ1J5RWXYZ/LB1D1
-EGLL0830
-N0490F310 DCT BPK Q295 DAGGA UQ295 CLN UL620 ARNEM UP147 RKN UL980
SUI L980 LDZ M70 TOLPA/N0487F330 M70 BEMBI L980 TAMAK/K0908F330 A87
TIKNA/K0911F310 A87 BALIG/K0921F330 A87 ASB G775 ORPAB/N0498F330
G775
MSD A416 SOKAM/N0498F350 UL333 SERKA N636 NH N893 VASLA G210
BOFIN/N0496F340 DCT
-VABB0819 VAAH
-STS/08 PBN/A1B1D1O1S1 COM/TCAS DAT/SVH DOF/140717 REG/VTJEQ
EET/TAMAK0316 URRV0316 AZABI0413 SEL/ERAG RIF/NH DCT GD DCT OOMS)

RECEIVED FLI 171142 17/07/2014 11:42:37 MЦB785 URRVZQZX
VIRTUAL_FS 17/07/2014 11:43:19 96820003

ZCZC MCW785 1142
FF UUUWZDZX
171142 URRVZQZX
(FLI-JAI119-ATO/TAMAK1157 F330)
NNNN

Annex 37

RECEIVED FLI 171252 17/07/2014 12:52:25 MCB084 URRVZQZX
VIRTUAL_FS 17/07/2014 12:52:38 96822949

ZCZC MCW084 1252
FF UUUWZDZX
171252 URRVZQZX
(FLI-JAI119-ATO/AZABI1249 F330)
NNNN

INFORMATION ON FLIGHT SIA323

RECEIVED FPL 170625 17/07/2014 6:25:46 MЦB536 URRVZDZX
 VIRTUAL_FS 17/07/2014 6:26:17 96807987

ZCZC MCW536 0625
 FF UUUWZDZX
 170625 URRVZDZX
 FF URRVZDZX
 170624 EUCHZMFP
 (FPL-SIA323-IS
 -B772/H-SDE1E2E3FGHIJ3J5J6M1M2RWXY/LB1D1
 -EHAM0915
 -N0481F330 ARNEM UL620 SUVOX UZ713 OSN UL980 MOBSA DCT POVEL DCT
 SUI L980 LDZ M70 TOLPA/K0897F330 M70 BEMBI L980 PEKIT/K0892F350 L980
 TAMAK/K0897F350 A87 TIROM A645 ATASH A646 ABDAN N644
 LEMOD/N0496F350 N644 PAVLO/N0496F350 N644 DI/N0491F370 A466
 SAMAR/M083F370 A466 DPN/N0492F370 L759 TAVUN/N0479F390 L759 PUT/M083F390
 B579 VPL/N0478F390 W531 VIH A464 ARAMA
 -WSSS1154 WSAP
 -PBN/A1B1C1D1L1O1S2 DOF/140717 REG/9VSVB EET/EDGG0014 EDVV0016
 EDUU0034 EPWW0050 UKLV0134 UKBV0151 UKDV0224 URRV0253 UATT0344
 UTAK0408 UTAA0431 UTAV0501 OAKX0516 OPLR0552 VIDF0625 VABF0724
 VECF0744 VYYF0924 VOMF0928 VYYF0950 VTBB1011 WMFC1047 WSJC1152
 SEL/LSFR CODE/76CEC2 OPR/SIA ORGN/WSSSSIAX RALT/LTAC RMK/ACASII
 EQUIPPED)
 NNNN

SENT PLN 170626 17/07/2014 6:26:17 MЦB763 УУУВЗДЗЪ
 VIRTUAL_FS 17/07/2014 6:26:17 96808005

FF URRVZDZX
 170626 UUUWZDZX
 (PLN-SIA323-IS
 -B772/H-WSDE1E2E3FGHIJ3J5J6M1M2RXY/LB1D1
 -EHAM0915
 -N0481F330 ARNEM UL620 SUVOX UZ713 OSN UL980 MOBSA DCT POVEL DCT
 SUI
 L980 LDZ M70 TOLPA/K0897F330 M70 BEMBI L980 PEKIT/K0892F350 L980
 TAMAK/K0897F350 A87 TIROM A645 ATASH A646 ABDAN N644
 LEMOD/N0496F350
 N644 PAVLO/N0496F350 N644 DI/N0491F370 A466 SAMAR/M083F370 A466
 DPN/N0492F370 L759 TAVUN/N0479F390 L759 PUT/M083F390 B579
 VPL/N0478F390 W531 VIH A464 ARAMA
 -WSSS1154 WSAP
 -STS/08 PBN/A1B1C1D1L1O1S2 DOF/140717 REG/9VSVB EET/TAMAK0253
 URRV0253 AZABI0344 SEL/LSFR CODE/76CEC2 ORGN/WSSSSIAX RALT/LTAC
 RMK/ACASII EQUIPPED)

RECEIVED FLI 171208 17/07/2014 12:08:37 MЦB234 URRVZQZX
 VIRTUAL_FS 17/07/2014 12:09:33 96820945

ZCZC MCW234 1208
 FF UUUWZDZX
 171208 URRVZQZX
 (FLI-SIA323-ATO/TAMAK1223 F330)
 NNNN

Annex 37

RECEIVED FLI 171316 17/07/2014 13:17:04 MCB516 URRVZQZX
VIRTUAL_FS 17/07/2014 13:18:10 96824003

ZCZC MCW516 1317
FF UUUWZDZX
171316 URRVZQZX
(FLI-SIA323-ATO/AZABI1313 F350)
NNNN

INFORMATION ON FLIGHT KZR904

RECEIVED FPL 161755 16/07/2014 17:55:29 MЦB465 UAAAKZRY
 VIRTUAL_FS 16/07/2014 17:55:38 96789177

ZCZC MCW465 1755
 FF UUUWZDZX
 161755 UAAAKZRY
 (FPL-KZR904-IS
 -A321/M-SDFGHILORVWY/H
 -EHAM0935
 -N0451F350 ARNEM1V ARNEM UL620 EXOBA UZ717 DLE UL980 SUI L980
 BAREP/N0454F370 L980 TAMAK/K0847F370 A87 LUTIN R122 UP R710 ZG
 G487 TUGLA
 -UATG0425 UATT UATE
 -PBN/A1B2B3B4B5D1O1S1 NAV/GPSRNAV DOF/140717 REG/P4OAS
 EET/EDVV0016 EDUU0038 EPWW0054 UKLV0144 UKBV0200 UKDV0235
 URRV0306 UATT0357
 SEL/EHMP TALT/EHBK RMK/CALLSIGN ASTANA LINE
 E/0601 P/TBN R/V A/WHITE WITH BLUE TAIL C/BEKTURGANOV DAUREN)
 NNNN

SENT PLN 161755 16/07/2014 17:55:38 MЦB294 УУУВЗДЗЪ
 VIRTUAL_FS 16/07/2014 17:55:38 96789189

FF URRVZDZX
 161755 UUUWZDZX
 (PLN-KZR904-IS
 -A321/M-SDFGHILORVWY/H
 -EHAM0935
 -N0451F350 ARNEM1V ARNEM UL620 EXOBA UZ717 DLE UL980 SUI L980
 BAREP/N0454F370 L980 TAMAK/K0847F370 A87 LUTIN R122 UP R710 ZG G487
 TUGLA
 -UATG0425 UATT UATE
 -STS/08 PBN/A1B2B3B4B5D1O1S1 NAV/GPSRNAV DOF/140717 REG/P4OAS
 EET/TAMAK0306 URRV0306 OBATA0357 SEL/EHMP TALT/EHBK RMK/CALLSIGN
 ASTANA LINE)

RECEIVED FLI 171238 17/07/2014 12:38:20 MЦB840 URRVZQZX
 VIRTUAL_FS 17/07/2014 12:39:08 96822371

ZCZC MCW840 1238
 FF UUUWZDZX
 171238 URRVZQZX
 (FLI-KZR904-ATO/TAMAK1252 F370)
 NNNN

RECEIVED FLI 171347 17/07/2014 13:47:31 MЦB040 URRVZQZX
 VIRTUAL_FS 17/07/2014 13:47:49 96825125

ZCZC MCW040 1347
 FF UUUWZDZX
 171347 URRVZQZX
 (FLI-KZR904-ATO/OBATA1344 F370)
 NNNN

INFORMATION ON FLIGHT SIA25

RECEIVED FPL 170749 17/07/2014 7:49:47 MЦB015 URRVZDZX
 VIRTUAL_FS 17/07/2014 7:50:01 96811287

ZCZC MCW015 0749
 FF UUUWZDZX
 170749 URRVZDZX
 FF URRVZDZX
 170748 EUCHZMFP
 (FPL-SIA25-IS
 -A388/J-SDE1E2E3GHIJ2J3J5J6M1M2RWXY/LB1D1
 -EDDF1035
 -N0476F290 SULUS7L SULUS UL984 ABERU/N0486F350 UL984 PADKA L984
 DIBED/K0898F350 L984 NM/K0901F370 L984 OSLAN L69 GONED M70
 TAMAK/K0913F370 A87 TIROM A645 ATASH A646 ABDAN N644
 LEMOD/N0495F370
 N644 PAVLO/N0494F370 N644 PARAK/N0494F390 N644 DI M875 KAKID M770
 BUBKO/M084F390 M770 OBMOG/N0482F390 L515 PUT/M083F390 B579
 VPL/N0480F390 W531 VIH A464 ARAMA
 -WSSS1129 WSAP
 -PBN/A1B1C1D1L1O1S2 DOF/140717 REG/9VSKN EET/EDUU0013 LKAA0025
 EPWW0054 UKLV0117 UKBV0141 UKDV0206 URRV0238 UATT0328 UTAK0352
 UTAA0415 UTAV0445 OAKX0500 OPLR0536 VIDF0608 VABF0711 VECF0714
 VYYF0852 VTBB0953 WMFC1025 WSJC1128 SEL/JPEL CODE/76CD6E OPR/SIA
 ORGN/WSSSSIAX RMK/ACASII EQUIPPED)
 NNNN

SENT PLN 170750 17/07/2014 7:50:01 MЦB467 УУУВЗДЗБ
 VIRTUAL_FS 17/07/2014 7:50:01 96811294

FF URRVZDZX
 170750 UUUWZDZX
 (PLN-SIA25-IS
 -A388/J-WSDE1E2E3GHIJ2J3J5J6M1M2RXY/LB1D1
 -EDDF1035
 -N0476F290 SULUS7L SULUS UL984 ABERU/N0486F350 UL984 PADKA L984
 DIBED/K0898F350 L984 NM/K0901F370 L984 OSLAN L69 GONED M70
 TAMAK/K0913F370 A87 TIROM A645 ATASH A646 ABDAN N644
 LEMOD/N0495F370
 N644 PAVLO/N0494F370 N644 PARAK/N0494F390 N644 DI M875 KAKID M770
 BUBKO/M084F390 M770 OBMOG/N0482F390 L515 PUT/M083F390 B579
 VPL/N0480F390 W531 VIH A464 ARAMA
 -WSSS1129 WSAP
 -STS/08 PBN/A1B1C1D1L1O1S2 DOF/140717 REG/9VSKN EET/TAMAK0238
 URRV0238 AZABI0328 SEL/JPEL CODE/76CD6E ORGN/WSSSSIAX RMK/ACASII
 EQUIPPED)

RECEIVED FLI 171346 17/07/2014 13:46:21 MЦB015 URRVZQZX
 VIRTUAL_FS 17/07/2014 13:46:31 96825077

ZCZC MCW015 1346
 FF UUUWZDZX
 171346 URRVZQZX
 (FLI-SIA25-ATO/TAMAK1401 F370)
 NNNN

RECEIVED FLI 171454 17/07/2014 14:54:50 MCB166 URRVZQZX
VIRTUAL_FS 17/07/2014 14:54:59 96827616

ZCZC MCW166 1454
FF UUUWZDZX
171454 URRVZQZX
(FLI-SIA25-ATO/AZABI1451 F370)
NNNN

INFORMATION ON FLIGHT AUA659

RECEIVED FPL 170620 17/07/2014 6:20:53 MЦB442 URRVZDZX
 VIRTUAL_FS 17/07/2014 6:21:00 96807770

ZCZC MCW442 0620
 FF UUUWZDZX
 170620 URRVZDZX
 FF URRRZDZX URRVZDZX
 170620 EUCHZMFP
 (FPL-AUA659-IS
 -F70/M-SDFHIRWY/H
 -LOWW0750
 -N0430F350 KOXER Z649 XENAK UM985 NIT UM991 MALBE M991 NM L984 PW
 M70 TAMAK/N0430F350 B947 RND G244 OKMAN/N0440F300 G244 KENEN
 -URRR0248 URKK
 -PBN/A1B3B4B5C4D4O4 DOF/140717 REG/OELFI EET/LZBB0011 UKLV0040
 UKBV0112 UKDV0140 URRV0218 SEL/LSDP RVR/200 OPR/TYR ORGN/LOWWZPZX
 RMK/PIC , , , ,)
 NNNN

SENT PLN 170621 17/07/2014 6:21:00 MЦB727 УУУВЗДЗЪ
 VIRTUAL_FS 17/07/2014 6:21:00 96807775

FF URRVZDZX
 170621 UUUWZDZX
 (PLN-AUA659-IS
 -F70/M-SDFHIRWY/H
 -LOWW0750
 -N0430F350 KOXER Z649 XENAK UM985 NIT UM991 MALBE M991 NM L984 PW
 M70 TAMAK/N0430F350 B947 RND G244 OKMAN/N0440F300 G244 KENEN
 -URRR0248 URKK
 -STS/08 PBN/A1B3B4B5C4D4O4 DOF/140717 REG/OELFI EET/TAMAK0218
 URRV0218 SEL/LSDP ORGN/LOWWZPZX RMK/RVR/200 PIC , , , ,)

170635 UUUWZDZX
 (PLN-AUA659-IS
 -F70/M-SDFHIRWY/H
 -LOWW0750
 -N0430F350 KOXER Z649 XENAK UM985 NIT UM991 MALBE M991 NM L984 PW
 M70 TAMAK/N0430F350 A712 SB KA
 -URRR0248 URKK
 -STS/08 PBN/A1B3B4B5C4D4O4 DOF/140717 REG/OELFI EET/TAMAK0218
 URRV0218 SEL/LSDP ORGN/LOWWZPZX RMK/RVR/200 PIC , , , ,)

RECEIVED FLI 171014 17/07/2014 10:14:47 MЦB370 URRVZQZX
 VIRTUAL_FS 17/07/2014 10:15:07 96816543

ZCZC MCW370 1014
 FF UUUWZDZX
 171014 URRVZQZX
 (FLI-AUA659-ATO/TAMAK1029 F350)
 NNNN

RECEIVED ARR 171102 17/07/2014 11:03:09 MCB159 URRRZTZX
VIRTUAL_FS 17/07/2014 11:03:51 96818504

ZCZC MCW159 1103
GG UUUWZDZX
171102 URRRZTZX
(ARR-AUA659-LOWW-URRR1102) OELFI
NNNN

INFORMATION ON FLIGHT UAE242

RECEIVED FPL 162046 16/07/2014 20:47:17 MЦB388 OMDBUAEK
 VIRTUAL_FS 16/07/2014 20:48:30 96792995

ZCZC MCW388 2047
 FF UUUWZDZX
 162046 OMDBUAEK
 (FPL-UAE242-IS
 -A388/J-SADE3GHIJ2J3J4J5M1RWXY/LB1D1
 -CYYZ0140
 -N0495F350 SEDOG2 YXI DCT 51N070W DCT YDP/M078F270 DCT
 PRAWN/M084F350 DCT ALTOD DCT 59N050W 61N040W 62N030W 63N020W
 63N010W DCT IPTON/N0491F370 P996 FLO P607 EVTOG Z183 LEGPO L199
 MILTA N623 PODIL/K0888F370 N623 TIVAN/K0892F390 N623 LOVIK M996
 MOGRI W538 GANRA L980 TAMAK/K0909F390 B947 OTMOK/K0912F410 B947
 OGMAL/K0909F370 B947 GUSLI/N0490F370 M54 TAVRO/K0907F370 M54 ADILA
 N82 ADANO N77 MAGRI/N0490F370 UR654 ZAJ R654 PEKAM UP574 SYZ G666
 ORSAR B416 DESDI
 -OMDB1203 OOMS
 -PBN/A1B1C1D1L1O1S2T2 DOF/140717 REG/A6EEP EET/CZUL0027 CZQX0142
 ALTOD0211 BGGL0233 59N050W0234 CZQX0306 61N040W0310 BIRD0336
 62N030W0344 63N020W0416 63N010W0448 ENOR0522 ESAA0608 EVRR0642
 EYVL0705 UMMV0714 UKBV0745 UKDV0802 URRV0836 UGGG0918 UDDD0931
 OIIX0950 OMAE1135 SEL/CRLQ CODE/89618F RMK/NRP HAR TCAS ADSB)
 NNNN

SENT PLN 162048 16/07/2014 20:48:30 MЦB412 УУУВЗДЗЪ
 VIRTUAL_FS 16/07/2014 20:48:30 96793031

FF URRVZDZX
 162048 UUUWZDZX
 (PLN-UAE242-IS
 -A388/J-WSADE3GHIJ2J3J4J5M1RXY/LB1D1
 -CYYZ0140
 -N0495F350 SEDOG2 YXI DCT 51N070W DCT YDP/M078F270 DCT
 PRAWN/M084F350 DCT ALTOD DCT 59N050W 61N040W 62N030W 63N020W 63N010W DCT
 IPTON/N0491F370 P996 FLO P607 EVTOG Z183 LEGPO L199 MILTA N623
 PODIL/K0888F370 N623 TIVAN/K0892F390 N623 LOVIK M996 MOGRI W538
 GANRA L980 TAMAK/K0909F390 B947 OTMOK/K0912F410 B947 OGMAL/K0909F370 B947
 GUSLI/N0490F370 M54 TAVRO/K0907F370 M54 ADILA N82 ADANO N77
 MAGRI/N0490F370 UR654 ZAJ R654 PEKAM UP574 SYZ G666 ORSAR B416
 DESDI
 -OMDB1203 OOMS
 -STS/08 PBN/A1B1C1D1L1O1S2T2 DOF/140717 REG/A6EEP EET/TAMAK0836
 URRV0836 GUSLI0918 SEL/CRLQ CODE/89618F RMK/NRP HAR TCAS ADSB)

RECEIVED FLI 171019 17/07/2014 10:19:23 MЦB469 URRVZQZX
 VIRTUAL_FS 17/07/2014 10:19:33 96816818

ZCZC MCW469 1019
 FF UUUWZDZX
 171019 URRVZQZX
 (FLI-UAE242-ATO/TAMAK1034 F390)
 NNNN

RECEIVED FLI 171119 17/07/2014 11:19:10 MCB415 URRVZQZX
VIRTUAL_FS 17/07/2014 11:19:44 96819144

ZCZC MCW415 1119
FF UUUWZDZX
171119 URRVZQZX
(FLI-UAE242-ATO/GUSLI1116 F390)
NNNN

INFORMATION ON FLIGHT UDN703

RECEIVED FPL 162221 16/07/2014 22:21:13 MЦB409 URRVZDZX
VIRTUAL_FS 16/07/2014 22:22:18 96794963

ZCZC MCW409 2221
FF UUUWZDZX
162221 URRVZDZX
FF URRVZDZX
162220 EUCHZMFP
(FPL-UDN703-IS
-E145/M-SDFHRWY/S
-UKHH1105
-N0402F350 KW W538 DON L69 GONED M70 TAMAK B947 GUSLI L125 OGEVI
T918 TIBLO
-UDYZ0202 UDSG
-PBN/B3B4D3 DOF/140717 REG/URDNT EET/URRV0040 UGGG0131 UDDD0148
OPR/UDN ORGN/UKDDUDNX PER/C)
NNNN

SENT PLN 162222 16/07/2014 22:22:18 MЦB010 УУУВЗДЗЪ
VIRTUAL_FS 16/07/2014 22:22:18 96794981

FF URRVZDZX
162222 UUUWZDZX
(PLN-UDN703-IS
-E145/M-SDFHRWY/S
-UKHH1105
-N0402F350 KW W538 DON L69 GONED M70 TAMAK B947 GUSLI L125 OGEVI
T918 TIBLO
-UDYZ0202 UDSG
-STS/08 PBN/B3B4D3 DOF/140717 REG/URDNT EET/TAMAK0040 URRV0040
GUSLI0131 ORGN/UKDDUDNX PER/C)

RECEIVED FLI 171134 17/07/2014 11:34:27 MЦB667 URRVZQZX
VIRTUAL_FS 17/07/2014 11:34:33 96819746

ZCZC MCW667 1134
FF UUUWZDZX
171134 URRVZQZX
(FLI-UDN703-ATO/TAMAK1149 F330)
NNNN

RECEIVED FLI 171249 17/07/2014 12:49:13 MЦB024 URRVZQZX
VIRTUAL_FS 17/07/2014 12:49:25 96822788

ZCZC MCW024 1249
FF UUUWZDZX
171249 URRVZQZX
(FLI-UDN703-ATO/GUSLI1246 F350)
NNNN

Annex 38

Ruling on the provision of the results of operative search activities to
the body of inquiry, investigator, or court, Criminal Case No. 201/837072-14,
26 March 2020
(excerpts)

Translation
Excerpts

[...]
Page 2

Copy No. 1
Annex No. 2

to the Instruction on the Procedure for the
provision of the results of operative search
activities to the body of inquiry, investigator, or
court

RULING

on the provision of the results of operative search activities to the body of inquiry, investigator, or court

Moscow

26 March 2020

I.V. Morozov, Major General of Police, First Deputy Head of the Main Directorate for Countering
Extremism of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

ESTABLISHED:

under criminal case No. 201/837072-14 initiated into an act constituting a crime under Part 1 of Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation concerning the use of prohibited means and methods of warfare in Southeast Ukraine by servicemen of the Armed Forces of Ukraine, officers of the 2nd Department of the Main Directorate for Countering Extremism of the Ministry of Internal Affairs of Russia received findings of operative search activity “making of inquiries” were performed for [...] E. Dobrodeev.

It is now necessary to deliver this information to an investigator to be used as evidence under criminal case No. 201/837072-14 pending with the Central Investigation Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation.

In view of the above and relying on Article 11 of Federal Law of 12 August 1995 No. 144-FZ “On Investigative Activities”, para. 9 of the Instruction on the Procedure for Submitting Investigative Findings with Authorised Officials (Bodies),

RULED:

to deliver to the head of the Central Investigation Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation investigative and official documents with findings of operative search activity “making of inquiries” to be used as evidence under criminal case No. 201/837072-14:

1. This ruling on 1 page.
2. A certificate on 11 pages.

First Deputy Head
Major General of Police

(Signed)

I.V. Morozov

[...]
Pages 9-11

Three Russian citizens named “Dobrodeev Eduard” were identified:

1. **Eduard Viktorovich Dobrodeev**, born on 16 June 1987 in Volgograd. On 13 July 2007, the Department of the Directorate of the Federal Migration Service of Russia for the Volgograd Region in the Dzerzhinskiy District of Volgograd issued an internal passport to him (series 18 06 No. 982071) after he reached 20 years of age. There is no information about him receiving a foreign passport in his name.

Registered at the address: 26 Zemlyachki Street, Volgograd,.

According to Form No. 1 of 2007, E.V. Dobrodeev is single. Parents: Viktor Yuryevich Dobrodeev and Vigilia Yulieno Dobrodeeva.

In 2004, the Criminal Investigations Directorate of the Directorate of Internal Affairs for the Volgograd Region requested a copy of his Form No. 2 (no information about the basis for the above request).

On 22 April 2013, he received permit No. 11887990 for keeping and carrying a hunting air fire weapon (valid until 22 April 2018). Based on that permit, he registered gas pistol MP-81 No. 0835105441.

In 2013–2014, he was held administratively liable for breaching the traffic regulations in the territory of the Volgograd Region.

According to the “Rozysk-Magistral” software and hardware, from 1 April 2014 to date, no travel documents have been procured using that passport in the name of E.V. Dobrodeev.

According to information for 2002, on 22 May 2002, an act of vandalism was committed against burial sites at a cemetery in the area of an engine plant in the Dzerzhinskiy District of Volgograd. Grave slabs were knocked down and shattered.

In the course of activities, officers of the Directorate of Internal Affairs for the Dzerzhinskiy District, in cooperation with the Organised Crime Division of the Directorate of Internal Affairs of Volgograd, arrested for this crime Maxim Sergeevich Stokov, born on 30 January 1988, Pavel Olegovich Moiseev, born on 7 July 1986, and Eduard Viktorovich Dobrodeev, born on 16 June 1987. In the course of the investigative activities, the arrestees confessed to the crime and explained that they had committed it out of hooligan motives. Criminal case No. 024615 was opened in respect of the persons under Part 2 of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation.

There is no information that the persons were convicted for the above crime.

2. **Eduard Ivanovich Dobrodeev**, born on 30 May 1967 in Monogorovo of the Livenskiy District of the Orlov Region. On 6 July 2012, the Inter-District Department of the Directorate of the Federal Migration Service of Russia for the Orlov Region in Livny issued an internal passport to him (series 54 11 No. 247651) after he reached 45 years of age. There is no information about him receiving a foreign passport in his name.

Registered at the address: Apt. 1, 3 Tsvetochny Lane, Livny, Orlov Region,

According to Form No. 1 of 2012, E.I. Dobrodeev has been married to Larisa Anatolyevna Lapistova since 18 September 1998. The marriage was registered by the Krutovskaya Rural Administration.

Parents: Ivan Illarionovich Dobrodeev and Tamara Efimovna Dobrodeeva.

On 16 March 1989, the people’s court of the Livenskiy District of the Orlov Region convicted E.I. Dobrodeev under Article 15, Part 3 of Article 117 of the Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic to eight years of imprisonment. According to the decision of the Presidium of the Orlovskiy District Court of 22 November 1990, the term of imprisonment was reduced to six years. On 25 August 1992, he was released on parole under the ruling of the people’s court of the Uritskiy District of

the Orlov Region of 7 August 1992. According to the Decree of the President of the Russian Federation of 27 October 1992 “On Pardon”, he was released from serving his suspended sentence.

On 18 January 1996, the Livenskiy District of the Orlov Region convicted him under Part 1 of Article 211 of the Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic to one year and six months of corrective labour, with 20% withheld.

On 24 July 2019, he was held administratively liable in the territory of the Orlov Region under Article 12.18 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation.

On 21 February 1995, it was supposedly he (date of birth: 4 April 1964) that was held criminally liable by officers of the Department of Internal Affairs for Chertanovo Yuzhnoe of the South Administrative District of Moscow under Part 2 of Article 206 of the Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. It is unknown what decision was adopted.

According to the “Rozysk-Magistral” software and hardware, from 1 April 2014 to date, no travel documents have been procured using that passport in the name of E.I. Dobrodeev.

3. Eduard Leonidovich Dobrodeev, born on 16 December 1940 in Kazan of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, passed away on 7 March 2010.

According to the “Granitsa” [“Border”] subsystem of the federal integrated collective-use databank, there is no information that the person named “Dobrodeev Eduard” crossed the state border of the Russian Federation.

[...]

Senior major crime investigator
2nd Department of “E” Directorate of the Main
Directorate for Countering Extremism of the
Ministry of Internal Affairs of Russia
Lieutenant Colonel of Police
26 March 2020

(Signed)

N.N. Smorygo